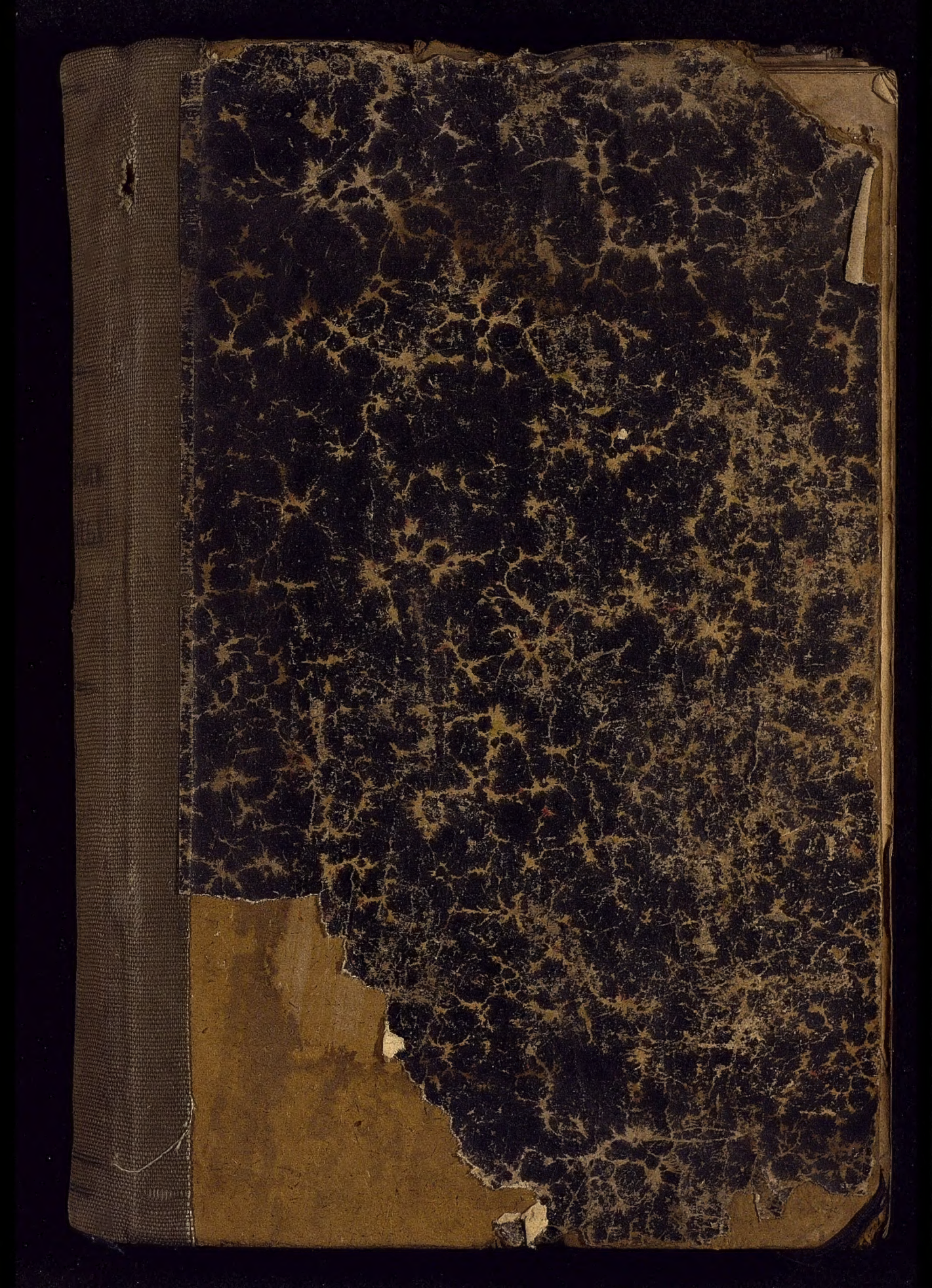

Стр 175.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

МАРТЪ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1911

Библіотека Русскаго Попечительства о народной трезвости

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

4170

НАЧАЛО ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Изъ воспоминаній послѣдняго оставшагося въ живыхъ участника законодательныхъ работъ этой эпохи *).

Глава III.

Возвратился я въ Петербургъ уже послѣ обнародованія Высочайшаго рескрипта отъ 16-го января 1858-го года московскому генералъ-губернатору.

Всѣ четыре Высочайшихъ рескрипта, безповоротно разрѣшившіе вопросъ объ освобожденіи крестьянъ во всей имперіи, по предложенію великаго князя Константина Николаевича, назначеннаго членомъ Секретнаго Комитета по крестьянскому дѣлу (переименованнаго, съ 8-го января 1858 г., въ Главный Комитетъ), были напечатаны и разосланы министерствомъ Ланского съ необыкновенной быстротой во всѣ губерніи Россіи. Послѣдствіемъ этой разсылки были, конечно, новыя ходатайства дворянствъ нѣкоторыхъ губерній объ учрежденіи и у нихъ губернскихъ комитетовъ для составленія законопроектовъ объ освобожденіи крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ министерство Ланского, уже подъ вліяніемъ Н. А. Милютина, ходатайствовало передъ Государемъ о томъ, чтобы учрежденіе губернскихъ комитетовъ было

*) См. февраль, стр. 3.

обращено въ общую мѣру особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, форма и мотивировка котораго была бы возложена на министра внутреннихъ дѣлъ. Но это предложеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе въ Главномъ Комитетѣ со стороны Я. И. Ростовцова, очевидно вошедшаго въ роль ближайшаго и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Государя совѣтчика его по крестьянскому дѣлу. Ростовцовъ, какъ я узналъ отъ него впослѣдствіи, отговорилъ императора Александра II-го отъ такой рѣшительной и, по мнѣнію Ростовцова, несвоевременной мѣры, смѣло ручаясь передъ Государемъ за то, что до конца текущаго (1858-го) года дворянства всѣхъ губерній заявятъ одно за другимъ объ ихъ желаніи освободить крестьянъ „по манію царя“. По его мнѣнію, несправедливо и оскорбительно было бы лишить этого ореола дворянства губерній, по случайнымъ обстоятельствамъ замедлившія присоединиться ко всеобщему движенію, и тѣмъ заклеймить ихъ въ глазахъ всего русскаго народа. Государь не согласился на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Всегда страстный въ проведеніи своихъ взглядовъ, истинный авторъ этого предложенія Н. А. Милютинъ предпринялъ съ этихъ поръ рѣшительную борьбу противъ очевидно усилившагося вліянія Ростовцова на крестьянское дѣло; борьба эта еще болѣе обострилась съ тѣхъ поръ, какъ Ростовцовъ сдѣлался безсознательнымъ проводникомъ записки М. П. Позена, въ которой, подъ видомъ сочувствія дѣлу освобожденія крестьянъ, предлагались такія мѣры, которыя могли привести къ полному ихъ обезземеленью.

Вотъ почему въ февралѣ 1858 г. я нашелъ сильное раздраженіе противъ ожидаемаго усиленія вліянія Я. И. Ростовцова во всей сочувствовавшей дѣлу освобожденія крестьянъ группѣ столичной интеллигенціи, лидеромъ которой былъ, несомнѣнно, Н. А. Милютинъ и которая находила себѣ опору въ двухъ великокняжескихъ дворцахъ. Такимъ образомъ возникла между этой группой и стоявшимъ совершенно одиноко, но сильнымъ безграничнымъ къ нему довѣріемъ Государя, Я. И. Ростовцовымъ, ожесточенная со стороны Н. А. Милютина и его друзей борьба, направленная къ тому, чтобы дискредитировать Ростовцова не только въ глазахъ всей русской интеллигенціи, но и въ глазахъ самого Государя. „Колоколъ“ Герцена сдѣлался главнымъ органомъ этой борьбы. Поводомъ къ самымъ безпощаднымъ нападеніямъ на личность Ростовцова было избрано давно прошедшее, а именно та роль, которую онъ игралъ за 33 года до того, въ исторіи декабрьскаго бунта 1825 г., такъ какъ въ послѣдующей дѣятельности Ростовцова нельзя было найти никакихъ поводовъ къ обвиненіямъ.

Но для немногихъ, близко знакомыхъ съ нравственнымъ обликомъ Я. И. Ростовцова, было ясно, что вся предпринятая противъ него борьба не достигнетъ своей цѣли и не подорветъ довѣрія къ нему Государя, знавшаго его гораздо ближе, чѣмъ лица, обратившіяся въ его враговъ по недоразумѣнію.

Я. И. Ростовцовъ родился въ 1803 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и, окончивъ тамъ полный курсъ наукъ, поступилъ въ лейбъ-егерскій полкъ. Съ 1823-го года онъ былъ уже членомъ „Союза благоденствія“ и другихъ тайныхъ обществъ, въ которыя охотно вступали офицеры лучшихъ гвардейскихъ полковъ. Съ юношескимъ увлеченіемъ принималъ онъ на себя, при вступленіи въ эти общества, обязанность „подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства, препятствовать всякому злу и обличать злоупотребленія и безчестные поступки, а самому быть безъ страха и упрека“. Но когда онъ узналъ, въ 1825 г., что общества, въ которыхъ онъ принималъ участіе, задумали государственный переворотъ по поводу вступленія на престолъ, за отказомъ цесаревича Константина Павловича, императора Николая I-го, и что насильственный этотъ переворотъ можетъ грозить истребленіемъ всей, въ то время малочисленной, императорской фамиліи, то онъ быстро рѣшился предупредить государя, черезъ доступнаго ему великаго князя Михаила Павловича, объ угрожающей имъ обоимъ опасности.

Этотъ эпизодъ легъ тяжкимъ бременемъ на всю дальнѣйшую жизнь Ростовцова. Хотя императоръ Николай I-й, узнавъ вовремя о томъ, съ какой стороны (отъ какихъ полковъ) грозила ему опасность, и справившись съ нею, не спрашивалъ Ростовцова о какихъ бы то ни было подробностяхъ заговора и тѣмъ менѣе о личностяхъ, въ нихъ участвовавшихъ, а великій князь Михаилъ Павловичъ не придавалъ поступку Ростовцова другого значенія, кромѣ простого исполненія долга службы и присяги, Ростовцовъ чувствовалъ, что онъ уже не можетъ остаться въ своемъ полку, и принялъ предложеніе великаго князя о причисленіи его къ штабу военно-учебныхъ заведеній, котораго главнымъ начальникомъ былъ великій князь, назначившій Ростовцова только впослѣдствіи своимъ адъютантомъ. По кончинѣ великаго князя Михаила Павловича, въ 1849 г., Ростовцовъ, бывшій уже въ то время начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, сохранилъ эту должность и при назначеніи главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній наслѣдника престола, великаго князя Александра Николаевича. Сначала цесаревичъ отнесся къ Ростовцову не только съ недовѣріемъ, но и съ предубѣжденіемъ. При

своей неопытности въ управленіи первымъ серьезнымъ государственнымъ дѣломъ (обширное вѣдомство военно-учебныхъ заведеній), ему всецѣло порученнымъ державнымъ родителемъ, цесаревичъ опасался встрѣтить въ Ростовцовѣ приставленнаго къ нему, какъ бы въ качествѣ инструктора, суроваго и бездушнаго формалиста, неспособнаго понять живое и гуманное чувство, теплившееся въ душѣ будущаго Царя-Освободителя, зажженное тою стороною воспитанія его, которая внесена была вліяніемъ незабвеннаго В. А. Жуковскаго.

Шестилѣтнія, можно сказать ежедневныя сношенія цесаревича съ начальникомъ его штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ (1849—1855 гг.) убѣдили его въ томъ, что онъ имѣетъ въ Ростовцовѣ ту же чуткую ко всякому добру, пламенную душу, которую онъ такъ высоко цѣнилъ въ своемъ воспитателѣ В. А. Жуковскомъ, и превратили предубѣжденіе его къ Ростовцову въ полное довѣріе и теплую дружбу. Вслѣдствіе этого, по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Александръ II-й уже не только назначилъ его на свое мѣсто главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, а послѣ заключенія Парижскаго мира ему первому довѣрилъ задуманное имъ, по собственной иниціативѣ и безъ всякихъ посторонннихъ внушеній, великое дѣло освобожденія крестьянъ. Въ немъ одномъ изъ своихъ приближенныхъ Государь нашелъ горячее и нелицемѣрное сочувствіе своему великодушному намѣренію и готовность отдать всѣ силы на служеніе „въ крѣпкой правдѣ, безъ корысти и безо лжи“ Государю и отечеству въ великомъ дѣлѣ.

Конечно, Ростовцовъ совершенно не былъ подготовленъ къ законодательнымъ работамъ по освобожденію крестьянъ, до такой степени, что онъ первоначально не представлялъ себѣ даже, что центръ тяжести крестьянскаго вопроса лежалъ не въ личномъ освобожденіи крестьянъ, а въ установленіи опредѣленныхъ закономъ аграрныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками въ каждомъ изъ дворянскихъ помѣстій, — отношеній, связывавшихъ крѣпостными узами оба земледѣльческія сословія государства. Но впослѣдствіи Ростовцовъ такъ усердно стремился къ ознакомленію съ существомъ крестьянскаго дѣла, что со свойственною ему проницательностью быстро усваивалъ себѣ всѣ доходившія до него свѣдѣнія по этому дѣлу. Къ сожалѣнію, онъ не могъ искать себѣ инструкторовъ ни въ кружкахъ петербургской интеллигенціи, сильно противъ него возбужденной выходками Герценовскаго „Колокола“, ни въ встрѣчаемыхъ имъ въ

Петербургѣ помѣстныхъ дворянахъ, въ которыхъ онъ находилъ только сильное недоброжелательство къ задуманному Государемъ дѣлу освобожденія крестьянъ.

Только одинъ изъ пріѣзжихъ въ Петербургъ провинціальныхъ дворянъ-помѣщиковъ, будучи старымъ пріятелемъ Ростовцова совершенно на другой почвѣ, явился къ нему въ мартѣ 1858 г. со своею запискою „Объ освобожденіи крестьянъ“ и представился ему не только какъ большой знатокъ сельскаго хозяйства и быта малороссійскихъ крестьянъ и убѣжденный сторонникъ освобожденія ихъ, но и какъ опытный финансистъ, способный организовать, какъ онъ на то указывалъ, выкупъ необходимаго количества крестьянскихъ земель, для удержанія ихъ на мѣстѣ.

Это былъ Михаилъ Павловичъ Позенъ, уже очень богатый въ то время помѣщикъ Полтавской губ., который, по своему уму и административной опытности, былъ дѣйствительно выдающеюся личностью.

М. П. Позенъ родился въ Кіевской губерніи въ 1798 г. Его еврейская по происхожденію національность, со всѣми ея крупными достоинствами и недостатками, несомнѣнно выказывалась и въ его типѣ, и во всемъ складѣ его ума, и во многихъ чертахъ его характера, но онъ уже былъ христіаниномъ (лютеранскаго вѣроисповѣданія) во второмъ поколѣніи, такъ какъ отецъ его состоялъ на государственной службѣ, на которой и получилъ дворянское званіе. Отецъ М. П. Позена очень заботился о воспитаніи двухъ своихъ сыновей, далъ имъ хорошее среднее образованіе и при первой возможности опредѣлилъ ихъ на государственную службу.

М. П. Позенъ началъ эту службу „копіистомъ“ въ канцеляріи военнаго министерства. Здѣсь онъ скоро обнаружилъ свою замѣчательную трудоспособность, необыкновенную сообразительность и природныя дарованія по счетной части, весьма важной для канцеляріи военнаго министерства, потому что въ ней сосредоточивались денежные отчеты всѣхъ отдѣльныхъ управленій министерства, необходимые для сведенія ихъ въ общій отчетъ военнаго министра государю императору, а также для составленія общаго бюджета военнаго министерства. Позенъ сдѣлался постепенно самымъ необходимымъ для подобныхъ работъ и самымъ опытнымъ чиновникомъ канцеляріи. Это ввело его въ личныя сношенія съ тогдашнимъ военнымъ министромъ гр. А. И. Чернышевымъ, возымѣвшимъ къ нему полное довѣріе и превратившимъ его въ близкаго и необходимаго сотрудника, что и создало для Позена небывалую карьеру. Не служивъ никогда въ военной

службѣ и не имѣя военнаго чина, онъ менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ службы сдѣлался изъ копіиста директоромъ канцеляріи военнаго министерства и, по представленію А. И. Чернышева, былъ возведенъ императоромъ Николаемъ I въ высокое званіе статсъ-секретаря Е. И. В.

Такой неимовѣрный успѣхъ заставилъ Позена увѣровать въ свою геніальность, и эту увѣренность ему удалось сообщить многимъ изъ своихъ близкихъ знакомыхъ и очень малочисленнымъ своимъ друзьямъ.

Къ этому времени (1844 — 1848 гг.) относится сближеніе М. П. Позена съ Я. И. Ростовцовымъ. Оно было основано на томъ, что Ростовцову часто приходилось, въ качествѣ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, имѣть сношенія съ военнымъ министромъ, которыя шли преимущественно черезъ его канцелярію и, во всякомъ случаѣ, при ея посредствѣ.

Въ этихъ случаяхъ дальновидный директоръ канцеляріи М. П. Позенъ являлся не только необыкновенно доброжелательнымъ и предупредительнымъ исполнителемъ желаній главнаго начальника в.-у. заведеній вел. кн. Михаила Павловича и самого Ростовцова, но и дѣловитымъ его совѣтчикомъ при опредѣленіи направленія, которое слѣдовало дать тѣмъ или другимъ представленіямъ по вѣдомству в.-у. заведеній. При этомъ, зная близость отношеній Ростовцова къ великому князю, Позенъ старался войти съ первымъ въ пріятельскія отношенія, что и увѣнчалось успѣхомъ, такъ что, когда надъ Позеномъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, стряслась „бѣда“, то ему удалось убѣдить всегда безукоризненнаго и безкорыстнаго, а потому довѣрчиваго Ростовцова въ своей полной невиновности въ дѣлѣ, за которое онъ такъ сильно пострадалъ.

Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Въ эпоху венгерской кампаніи (1849 г.) императоръ Николай I, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву, самъ обнаружилъ сильныя злоупотребленія по коммиссаріатскому вѣдомству. Сильно взволнованный этимъ, онъ разжаловалъ одного, состоявшаго въ чинѣ генералъ-лейтенанта, кригскоммисара въ солдаты и потребовалъ строгаго разслѣдованія по дѣлу снабженія арміи предметами ея обмундированія. Оказалось, что и канцелярія военнаго министерства не была чужда обнаруженнымъ злоупотребленіямъ. Это очень огорчило государя. Онъ уволилъ директора канцеляріи Позена въ отставку, лишивъ его званія статсъ-секретаря Е. И. В. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ свое неудовольствіе и военному министру, но, зная, что гр. А. И. Чернышевъ, герой отечественной войны

1813 г., стоялъ выше всякихъ злоупотребленій и конечно не могъ быть имъ причастенъ, устранилъ его очень деликатно отъ непосредственнаго управленія министерствомъ, возложивъ отвѣтственное хозяйственное управленіе на товарища министра; но онъ оставилъ Чернышева въ званіи министра (до 1852 г.), и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его предсѣдателемъ государственнаго совѣта и возвелъ, за его долговременныя заслуги, изъ графскаго достоинства въ княжеское, съ титуломъ свѣтлѣйшаго [1]). М. П. Позенъ, получивъ полную отставку, удалился въ свое значительное имѣніе Полтавской губерніи, въ которомъ и проживалъ, занимаясь успѣшно сельскимъ хозяйствомъ, почти безвыѣздно до 1857 г., разыгрывая тамъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ роль опальнаго боярина.

Какъ только онъ прочелъ въ ноябрѣ 1857 г. Высочайшій рескриптъ Царя-Освободителя виленскому дворянству, онъ поспѣшилъ войти въ сношенія со своими сосѣдями, дворянами-помѣщиками Полтавской губерніи, и, убѣдившись въ ихъ расположеніи пойти на встрѣчу желаніямъ Государя относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, принялся за составленіе своей хитроумной записки по этому дѣлу и явился съ нею къ своему старому пріятелю Я. И. Ростовцову, въ увѣренности, что тотъ, получивъ вліяніе на крестьянское дѣло, пожелаетъ использовать административную опытность и финансовую геніальность своего стараго пріятеля, признаетъ его своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, реабилитируетъ его въ глазахъ Государя и будетъ способствовать его назначенію на тотъ постъ, къ которому Позенъ стремился въ продолженіе всей своей жизни, а именно на должность министра финансовъ.

Записка Позена обворожила Ростовцова, еще совершенно неопытнаго въ крестьянскомъ вопросѣ. Съ одной стороны она шла на встрѣчу пламеннымъ желаніямъ Государя освободить крестьянъ, а съ другой—совершенно соотвѣтствовала осторожнымъ стремленіямъ Ростовцова къ *постепенности* въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ, предлагая очень продолжительный срочно-обязанный періодъ (12 лѣтъ), въ теченіе котораго сохранился бы трудъ срочно-обязанныхъ крестьянъ и полная зависимость ихъ отъ помѣщиковъ. На этотъ срокъ за крестьянами оставлялись ихъ надѣльныя земли, и въ то же время, чтобы привязать ихъ къ помѣстьямъ и предупредить ихъ блужданіе по окончаніи 12-лѣтняго періода, Позенъ предлагалъ установить *обязательный*

[1]) Свѣтлѣйшій князь А. И. Чернышевъ скончался въ 1857 г.

для крестьянъ отдѣльный *выкупъ ихъ усадебной осѣдлости*. Выкупъ этотъ, въ угоду матеріальнымъ интересамъ помѣщика, долженъ былъ быть произведенъ по такой оцѣнкѣ усадебъ, которая заключала бы въ себѣ вознагражденіе помѣщиковъ за потерю ими обязательнаго труда. Организацію этого выкупа, обезпеченнаго выкупными платежами крестьянъ, Позенъ считалъ весьма возможною для талантливаго министра финансовою операціею.

Такимъ образомъ, сущность проекта заключалась въ возможно продолжительномъ удержаніи за помѣщиками слегка облегченнаго крѣпостного права, а по окончаніи обязательнаго періода—въ прикрѣпленіи крестьянъ къ помѣстью путемъ выкупа усадебъ вмѣстѣ съ личностью крестьянъ. Это должно было, наконецъ, привести къ полному обезземеленію крестьянъ возвращеніемъ ихъ земельныхъ надѣловъ въ полную собственность помѣщика; но все это было, конечно, такъ искусно маскировано въ запискѣ Позена, что Ростовцовъ не могъ усмотрѣть этого результата и рѣшился представить, по настоянію Позена, его записку непосредственно самому Государю, съ оговоркою, что она составлена однимъ изъ опытнѣйшихъ сельскихъ хозяевъ Полтавской губерніи, бывшимъ статсъ-секретаремъ Позеномъ, хорошо знакомымъ съ бытомъ малороссійскихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень талантливымъ финансистомъ; онъ, Ростовцовъ, по своему незнакомству съ бытомъ крестьянъ даже великороссійскихъ губерній, не рѣшается высказать какого бы то ни было опредѣленнаго взгляда на способъ осуществленія освобожденія крестьянъ во всей Россіи, мнѣніе же Позена нравится ему, потому что оно принимаетъ за исходную точку распоряженія правительства 1803 и 1842 гг. и, расширяя ихъ, старается все-таки установить полную постепенность въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Государь передалъ записку Позена на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, гдѣ она, можетъ быть, осталась бы безъ особыхъ послѣдствій, если бы тамъ въ это время (въ мартѣ 1858 г.) министерство внутреннихъ дѣлъ не возбудило вопроса о томъ, что, по случаю открытія новыхъ комитетовъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, было бы необходимо и своевременно для объединенія ихъ дѣйствій дать всѣмъ имъ одну общую программу для ихъ работъ. Главный Комитетъ единогласно согласился съ этимъ предложеніемъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ возложилъ составленіе этой программы на Я. А. Соловьева, а Ростовцовъ, также сознавая пользу этой программы, но по совершенной изолированности своего положенія не имѣя никакого свѣдущаго совѣтчика по

крестьянскому дѣлу кромѣ Позена, рѣшился поручить ему, по его вызову, составленіе проекта такой программы. Позенъ быстро исполнилъ порученіе Ростовцова и составилъ программу совершенно въ духѣ своей записки.

Когда же, вслѣдъ затѣмъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Главный Комитетъ, вмѣстѣ съ запиской Соловьева, составленную имъ программу, исправленную Милютинымъ, то Ростовцовъ возсталъ противъ этой программы, находя ее слишкомъ императивною и слишкомъ стѣсняющею свободу выраженія мнѣній въ средѣ лицъ, хорошо знающихъ мѣстныя условія, а потому могущею раздражить дворянское сословіе, призванное довѣріемъ Государя только къ предварительному обсужденію важнѣйшаго изъ современныхъ государственныхъ вопросовъ. Затѣмъ Ростовцовъ предложилъ на обсужденіе Главнаго Комитета программу Позена, поставленную, какъ казалось Ростовцову, болѣе широко и дающую болѣе простора мнѣніямъ мѣстныхъ дворянъ.

При обсужденіи обѣихъ программъ, почтенный С. С. Ланской конечно не сумѣлъ отстоять внесенной имъ программы, дѣйствительно имѣвшей недостатки въ бюрократическомъ стремленіи къ слишкомъ мелочной опекѣ надъ предварительнымъ выраженіемъ мнѣній и пожеланій мѣстныхъ дворянствъ. Главный Комитетъ отвергъ составленную Соловьевымъ программу и принялъ рекомендованную Ростовцовымъ программу Позена, тѣмъ болѣе, что въ Главномъ Комитетѣ, повидимому, никто не предвидѣлъ вреда, который она вносила въ крестьянское дѣло и который обнаружился только впослѣдствіи.

М. П. Позенъ, ободренный успѣхомъ, поспѣшилъ вернуться въ свое помѣстье Хорольскаго уѣзда, гдѣ онъ былъ немедленно избранъ въ члены губернскаго комитета, котораго предсѣдателемъ ему и удалось сдѣлаться. Затѣмъ онъ вернулся въ Петербургъ и попалъ, какъ онъ желалъ, въ члены того центральнаго учрежденія, которое было образовано для составленія окончательнаго законопроекта объ освобожденіи крестьянъ (Редакціонныхъ Коммиссій), въ качествѣ депутата отъ полтавскаго дворянскаго губернскаго комитета. Такимъ образомъ ему удалось осуществить болѣе половины своихъ честолюбивыхъ замысловъ, а для осуществленія остальныхъ ему оставалось, оказавъ крупныя услуги интересамъ высокопоставленныхъ столичныхъ сановниковъ, достигнуть, при ихъ помощи, главной цѣли, къ которой онъ стремился всю свою жизнь — сдѣлаться министромъ финансовъ.

Однакоже, по осуществленіи значительной части этого хитро-

умнаго плана, оказалось, что одновременное поклоненіе Господу Богу и золотому тельцу—несовмѣстимо. Дѣйствія Позена въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, а еще болѣе внѣ ихъ, вызвали только негодованіе противъ него Царя-Освободителя, который поспѣшилъ уволить его (одного изъ всѣхъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій) изъ ихъ состава. Позенъ долженъ былъ вернуться въ свое хорольское имѣніе, къ прежней своей роли „опальнаго боярина". Онъ скончался въ 1871 г. въ Висбаденѣ. Замѣчательно, что хотя онъ былъ похороненъ съ честью въ своемъ имѣніи, которое поставлено было имъ въ положеніе богатаго родового помѣстья, но „струны громкія баяновъ не стали говорить о немъ". И до сихъ поръ его, во всякомъ случаѣ, крупная и не лишенная достоинствъ личность еще не нашла себѣ біографа.

Утвержденіе Позеновской программы, проведенное Ростовцовымъ въ Главномъ Комитетѣ, было съ его стороны крупною политическою ошибкою, такъ какъ оно доводило конфликтъ между нимъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до своего апогея. Государственный умъ Н. А. Милютина не могъ помириться съ тѣмъ направленіемъ, которое эта программа давала всему крестьянскому дѣлу. Для Милютина было ясно, что срочно-обязанный періодъ сохранитъ крѣпостное право и обязательный трудъ, съ небольшимъ облегченіемъ, еще на 12 лѣтъ, что въ это время начнется отдѣльный и притомъ обязательный для крестьянъ выкупъ крестьянской усадебной осѣдлости, дающій помѣщикамъ возможность включить въ него и выкупъ ихъ личности, что этотъ дорогой выкупъ поглотитъ всѣ средства крестьянъ на продолжительное время, и по прошествіи 12-лѣтняго періода, когда крестьяне уже дѣйствительно выйдутъ изъ крѣпостной зависимости, они останутся прикрѣпленными къ землѣ помѣстья своею усадебною собственностью, всѣ же полевыя ихъ земли и остальныя угодья возвратятся въ полную собственность помѣщика; дальнѣйшее же пользованіе крестьянъ ихъ бывшими надѣльными землями *по вольному найму* поставитъ освобожденныхъ крестьянъ въ экономическую зависимость отъ помѣщиковъ, которая будетъ для нихъ тяжелѣе крѣпостного права, введеннаго въ юго-западныхъ губерніяхъ (Днѣпровской Руси) только во время польскаго владычества, а въ удержавшей свою національную свободу Малороссіи—въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Такое направленіе, данное крестьянскому дѣлу Позеновской программой, окончательно возстановило противъ Ростовцова не только Милютина и всю его партію, но и все министерство

внутреннихъ дѣлъ, словомъ—всѣхъ окончательно усвоившихъ себѣ необходимость земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Эта высоко-справедливая идея нашла себѣ выраженіе въ печати впервые въ апрѣлѣ 1858 г., въ статьѣ друга Милютина, К. Д. Кавелина, который отважно выступилъ, сначала въ ходившей по рукамъ запискѣ своей, а потомъ и въ печати, съ предложеніемъ объ обращеніи крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ ихъ собственность путемъ выкупа. Статья Кавелина возбудила неудовольствіе Государя, только-что утвердившаго программу для комитетовъ, и имѣла послѣдствіемъ предписаніе цензурѣ пропускать только статьи, не противорѣчившія духу и направленію программы, утвержденной Главнымъ Комитетомъ; самъ же Кавелинъ былъ удаленъ отъ занимаемой имъ должности преподавателя наслѣдника цесаревича Николая Александровича. Эта послѣдняя мѣра была приписана Милютинымъ и Кавелинымъ вліянію Ростовцова и усилила вражду ихъ противъ него.

Впрочемъ, обвинять Ростовцова въ участіи его въ увольненіи Кавелина было, какъ я впослѣдствіи убѣдился, совершенно несправедливо. Ростовцовъ, оцѣнивая искреннюю честность убѣжденій Кавелина въ крестьянскомъ дѣлѣ, не находилъ ничего предосудительнаго въ его статьѣ и явился горячимъ его заступникомъ передъ Государемъ. Но на ходатайство Ростовцова объ оставленіи Кавелина въ должности преподавателя цесаревича Государь отвѣтилъ, что имѣетъ на увольненіе его другія, болѣе важныя причины. Въ рукахъ Государя находились достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что матеріалы для статей Герцена, сильно осуждавшихъ дѣйствія правительства по крестьянскому дѣлу и оскорбляющихъ личности сотрудниковъ Государя и въ особенности самого Ростовцова, доставлялись въ редакцію „Колокола“ Кавелинымъ, при участіи Милютина. По мнѣнію Государя, невозможно было допустить, чтобы лицо, находившееся въ такихъ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ, занимавшимся анти-правительственной пропагандой, могло быть преподавателемъ наслѣдника престола. Доказательства же непосредственнаго участія Кавелина и даже Милютина въ статьяхъ Герценовскаго „Колокола“ были секретно препровождены Ростовцову въ подлинникѣ, по Высочайшему повелѣнію, шефомъ жандармовъ княземъ В. А. Долгоруковымъ.

Во всякомъ случаѣ походъ, предпринятый въ такой формѣ (при посредствѣ Герценовскаго „Колокола“) Милютинымъ и Кавелинымъ противъ Ростовцова, былъ съ ихъ стороны не менѣе крупной политической ошибкой, чѣмъ безсознательное проведеніе

Ростовцовымъ Позеновской программы, такъ какъ нападенія на личность Ростовцова не достигали своей цѣли, а только увеличивали недовѣріе Царя-Освободителя къ лицамъ, наиболѣе способнымъ осуществить его великія намѣренія.

Вся эта распря, происходившая, весною 1858 г., между людьми, которые были предназначены самимъ Провидѣніемъ къ тому, чтобы оказать наибольшія услуги великому дѣлу освобожденія крестьянъ, безповоротно предпринятому Царемъ-Освободителемъ, производила на меня удручающее впечатлѣніе, такъ что въ апрѣлѣ 1858 г. я рѣшился принять уже активное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ, чувствуя въ себѣ и необходимую для него подготовку, и нравственную силу для роли посредника и миротворца между людьми, которыхъ обстоятельства и ихъ таланты вывели въ первыя роли по дѣлу, къ осуществленію котораго и я такъ страстно стремился въ теченіе многихъ лѣтъ.

Принялся я за активное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ тою любовью къ нему, которая теплилась въ моей душѣ съ отроческихъ лѣтъ.

Первымъ моимъ дебютомъ было письмо Я. И. Ростовцову, посланное въ концѣ апрѣля. Въ немъ я сообщилъ ему, что я изучалъ бытъ крестьянъ (съ точки зрѣнія своевременности ихъ освобожденія) въ Россіи, Сибири и за границей, какъ во время 12-лѣтняго управленія своимъ помѣстьемъ, такъ и во время путешествій; что, по возвращеніи своемъ изъ послѣдняго, въ концѣ 1857 г., я съѣздилъ на свою родину, въ Рязанскую и Тамбовскую губерніи, откуда нынѣ вернулся, ознакомившись въ подробности съ настроеніемъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій въ провинціи, послѣ императорскихъ рескриптовъ литовскому, с.-петербургскому, нижегородскому и московскому дворянствамъ, и думаю, что сообщенія мои заинтересуютъ Якова Ивановича. Въ отвѣтѣ Я. И. Ростовцова я не могъ сомнѣваться. Онъ зналъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ по нѣкоторымъ родственнымъ связямъ и съ интересомъ слѣдилъ за моимъ развитіемъ въ то время, когда трехлѣтнее воспитаніе въ военно-учебномъ заведеніи дисциплинировало это развитіе, происходившее бо́льшею частью въ условіяхъ полной свободы на вольномъ воздухѣ, сначала въ деревнѣ, посреди народа, потомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи и за границей, а затѣмъ въ путешествіяхъ среди русскихъ крестьянъ и инородческихъ кочевниковъ. Ростовцову хорошо было извѣстно, что я былъ горячимъ патріотомъ и сторонникомъ освобожденія крестьянъ, въ необходимости и своевременности котораго я былъ глубоко убѣжденъ.

При изолированности положенія Я. И. Ростовцова, который не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, стоялъ совершенно одиноко у престола своего Государя, а отъ столичной интеллигенціи былъ совершенно отчужденъ тѣми тяжкими обвиненіями, которыя возводимы были на него русскою заграничною печатью, ему было интересно выслушать мнѣнія и впечатлѣнія по крестьянскому вопросу совершенно независимаго по своему общественному положенію человѣка, въ чистосердечіи котораго онъ не сомнѣвался, такъ же, какъ и въ его знакомствѣ съ разнообразными мѣстными условіями русскаго народнаго быта.

Приглашеніе къ Я. И. Ростовцову я получилъ на другой же день послѣ отправленія моего письма. Онъ видѣлся со мною въ первый разъ послѣ моего азіатскаго путешествія и встрѣтилъ меня со свойственною ему привѣтливостью и душевною теплотою, прося сообщить ему откровенно всѣ мои впечатлѣнія по столь хорошо извѣстному мнѣ крестьянскому вопросу и въ особенности познакомить его съ существующимъ нынѣ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ настроеніемъ какъ дворянъ-помѣщиковъ, такъ и крестьянъ.

Вотъ въ какомъ духѣ я отвѣтилъ ему на его вопросы.

Большинство дворянъ-помѣщиковъ опасаются предстоящей реформы, не сочувствуютъ ей и, конечно, неохотно разстаются съ крѣпостнымъ правомъ, а кромѣ того ожидаютъ полнаго разоренія отъ потери крѣпостного труда. Зато передовое и просвѣщенное меньшинство дворянъ-помѣщиковъ уже со времени крымской войны пришло къ полному убѣжденію въ необходимости и своевременности освобожденія крестьянъ. Притомъ же Высочайшіе рескрипты, и въ особенности нижегородскій и московскій, придали всему дѣлу новый характеръ. По прочтеніи четырехъ рескриптовъ, всѣ безъ исключенія дворяне нашихъ губерній убѣдились, что дѣло освобожденія крестьянъ въ глазахъ всего русскаго народа уже рѣшено окончательно, и что удержать крестьянъ въ крѣпостной зависимости совершенно невозможно. Однакоже дворяне въ значительной мѣрѣ успокоились тѣмъ, что обсужденіе условій, на которыхъ должно произойти освобожденіе крестьянъ, предоставляется въ каждой губерніи исключительно самимъ дворянамъ, а не ненавистнымъ имъ чиновникамъ, которыхъ они клеймятъ названіемъ „красныхъ“ и возводятъ на нихъ чудовищныя обвиненія въ томъ, что они будто бы стремятся къ насильственному государственному перевороту, путемъ кровавой революціи.

Что же касается до самыхъ условій освобожденія крестьянъ,

то здѣсь уже мнѣнія дворянъ-помѣщиковъ являются крайне разнообразными.

Вотъ что думаютъ самые просвѣщенные и благомыслящіе изъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами непосредственно управляютъ своими имѣніями и хорошо знакомы съ бытомъ крестьянъ и аграрными ихъ къ себѣ отношеніями. Хотя по закону крестьяне, живущіе въ помѣстьяхъ, были до сихъ поръ, по выраженію императора Николая I-го, „вещью, принадлежащею другому“, и письменный законъ ничѣмъ не ограничивалъ произвола помѣщика, кромѣ закона императора Павла I-го о трехдневной барщинѣ, все-таки аграрныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ регулировались *обычнымъ правомъ*, то-есть цѣлымъ рядомъ традицій, передаваемыхъ намъ отъ тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которымъ наши помѣстья были дарованы московскими царями за ихъ службу государству.

Дворянскія помѣстья переходили изъ рукъ въ руки въ теченіе многихъ поколѣній, отчасти путемъ наслѣдства, отчасти путемъ купли-продажи, но въ послѣднемъ случаѣ, по закону, не иначе, какъ въ руки такихъ дворянъ, которые перенимали на себя при покупкѣ всѣ права и обязанности бывшихъ владѣльцевъ помѣстья, регулируемыя рѣдко нарушаемымъ обычнымъ правомъ. По этому *обычному праву* земли помѣстья, которыя съ незапамятныхъ временъ состояли въ пользованіи крестьянъ и обезпечивали ихъ бытъ, никогда отъ нихъ не отбирались, а, наоборотъ, каждое возникающее вновь крестьянское *тягло*, т.-е. брачная пара „съ будущими“, получало изъ земель помѣстья столько пахатной земли, сколько ему, по мѣстному обычаю, необходимо было для посѣва, съ цѣлью обезпеченія существованія нарождающейся семьи; за пользованіе же ею тягло обязано было обработать въ занадѣльныхъ помѣщичьихъ поляхъ столько же земли, сколько само получало. Это истекало также и изъ письменнаго закона о трехдневной барщинѣ (три дня въ недѣлю на обязательныя работы помѣщику, три дня на себя, а „седьмой день—Господу Богу“). Затѣмъ отводились еще крестьянскимъ сельскимъ обществамъ земли подъ покосы, выгоны, огороды и усадьбы, и крестьяне снабжались строевыми матеріалами при возникновеніи новыхъ дворовъ и возобновленіи старыхъ. Затѣмъ, исключительно на помѣщикахъ, а не на государствѣ лежало прокормленіе ихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ голодные годы. Что же касается до обезпеченія земельными надѣлами прироста населенія и вновь наростающихъ тяглъ, то этотъ сервитутъ, лежащій на помѣстьяхъ, былъ легокъ и выгоденъ для многозе-

мельныхъ помѣстій, умножая ихъ доходы, въ малоземельныхъ же помѣстяхъ онъ былъ самымъ тягостнымъ изъ лежащихъ на помѣщикахъ сервитутовъ.

При такихъ аграрныхъ условіяхъ освобожденіе крестьянъ должно произвести полный переворотъ, затрагивающій интересы обоихъ главныхъ сословій государства, и на правительствѣ лежитъ трудная обязанность, при дарованіи полной свободы крестьянамъ, установить между ними и помѣщиками такія закономѣрныя отношенія, которыя охраняли бы одинаково интересы обоихъ сословій. Для этого, конечно, необходимо прежде всего въ каждомъ помѣстьѣ раздѣлить земли между помѣщиками и крестьянами такъ, чтобы, признавъ за послѣдними право на неотъемлемое въ будущемъ пользованіе землею въ количествѣ, необходимомъ для обезпеченія ихъ быта и исполненія государственныхъ повинностей, остальную землю признать уже *полною собственностью* помѣщика, снявъ съ этой собственности всѣ лежащіе на ней сервитуты, а кромѣ того вознаградить помѣщиковъ въ той или другой формѣ за потерю ихъ права на обязательный трудъ крестьянъ. Такъ представляется лучшимъ изъ помѣщиковъ задача правительства при освобожденіи крестьянъ; но такъ какъ невозможно призвать безправныхъ по закону и безграмотныхъ крестьянъ къ обсужденію устройства ихъ аграрныхъ отношеній къ помѣщикамъ, то, разумѣется, между тѣми изъ сихъ послѣднихъ, которые признаютъ необходимость раздѣла земель помѣстья между помѣщиками и крестьянами (т.-е. земельное, а не безземельное освобожденіе крестьянъ), все-таки можетъ возникнуть стремленіе получить при предстоящемъ раздѣлѣ львиную долю; а такъ какъ представителемъ интересовъ освобождаемыхъ крестьянъ является исключительно одно правительство, то конфликтъ на этой почвѣ между дворянствомъ и правительствомъ неизбѣженъ и можетъ быть разрѣшенъ безпристрастно только верховною властью.

Я. И. Ростовцовъ высказалъ мнѣ откровенно, что онъ до сихъ поръ ни отъ кого не слышалъ такого простого и яснаго изложенія всего существа крестьянскаго вопроса. Но въ заключеніе нашей бесѣды онъ просилъ меня объяснить ему еще все, что̀ я знаю о взглядахъ на предстоящее дѣло самихъ крестьянъ.

На это я отвѣтилъ ему, что прежде всего меня поразило необыкновенное спокойствіе крестьянъ. Въ прежнее время не проходило ни одного года безъ того, чтобы до насъ не доходили слухи объ убійствѣ въ нашей мѣстности крестьянами того или другого помѣщика, а съ тѣхъ поръ, какъ крестьянамъ стало

22542
Журнальный фонд ... обл. библиотеки

извѣстно, что царь желаетъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, слухи эти совершенно прекратились, такъ же, какъ и всякія серьезныя столкновенія между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне ожидаютъ будущаго съ полнымъ довѣріемъ къ своему Государю. Взгляды же свои и пожеланія относительно предстоящаго будущаго они выражаютъ совершенно откровенно передъ тѣми помѣщиками, къ которымъ имѣютъ довѣріе послѣ ихъ многолѣтняго управленія, въ слѣдующей чрезвычайно опредѣленной формѣ: „мы *ваши*, а земля, которая насъ всегда кормила, даже и тогда, когда мы были царскими,—*наша*. Теперь, по волѣ царя, мы можемъ или остаться *барскими*, или опять сдѣлаться *царскими*, но земля, насъ всегда кормившая, и которой мы всегда останемся крѣпки, отъ насъ отойти не можетъ".

Отсюда я вывелъ заключеніе, что безземельное освобожденіе крестьянъ *невозможно*. Что же касается условій освобожденія, то крестьяне спокойно и безпрекословно подчинятся волѣ царя, и только въ случаѣ отнятія у нихъ земли никакія административныя мѣры, подобно учрежденію уѣздныхъ начальниковъ, или временныхъ генералъ-губернаторовъ съ самыми обширными полномочіями, не удержатъ ихъ отъ повсемѣстныхъ волненій, вызванныхъ отчаяніемъ, и, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ удержать крѣпостную зависимость въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она доселѣ существовала, ограничивъ только возможность рѣзкихъ злоупотребленій помѣщичьею властью.

Затѣмъ, уже при второмъ моемъ свиданіи съ Ростовцовымъ, я рѣшился высказать ему, что составленная Позеномъ и уже разосланная въ губернскіе комитеты программа можетъ принести большой вредъ крестьянскому дѣлу, такъ какъ она, при продолжительности временно-обязаннаго періода, даетъ возможность удержать на слишкомъ продолжительное время крѣпостное право въ формѣ ненавистной народу барщины и предоставляетъ помѣщику вотчинную полицію; въ особенности же потому, что она очень хитроумно направлена къ обезземеленію крестьянъ, такъ какъ, съ одной стороны, даетъ крестьянамъ право пользованія земельными надѣлами только на срочно-обязанный періодъ, а съ другой—устанавливаетъ отдѣльный обязательный выкупъ усадебной осѣдлости по непосильной для крестьянъ цѣнѣ, заключающей въ себѣ выкупъ личности; этотъ же послѣдній, поглотивъ всѣ средства крестьянъ, сдѣлаетъ выкупъ ихъ полевыхъ земель уже совершенно невозможнымъ.

Все, что было высказано мною Ростовцову, произвело на него повидимому сильное впечатлѣніе, благодаря его ясному и

здравому уму и присущему ему свойству вдумчивости въ живо интересующій его вопросъ. Но свойственная ему осторожность препятствовала ему придти къ какому бы то ни было поспѣшному непосредственному заключенію. Разставаясь со мной, онъ благодарилъ меня за сообщеніе свѣдѣній по крестьянскому дѣлу, которыя явились для него совершенно новыми, и сообщилъ мнѣ, что, уѣзжая въ началѣ лѣта за границу на лѣченіе, онъ будетъ имѣть тамъ достаточно досуга, чтобы передумать вновь все дѣло, которое теперь представляется ему уже въ совершенно новомъ видѣ.

Узнавъ отъ меня, что я собираюсь провести лѣто въ предѣлахъ трехъ центральныхъ черноземныхъ губерній (Рязанской, Тульской и Тамбовской), онъ поручилъ мнѣ собрать подробныя свѣдѣнія о томъ, что будетъ происходить въ трехъ мѣстныхъ комитетахъ этихъ губерній, и насколько измѣнится настроеніе обоихъ сословій за это время, а также просилъ представить ему осенью могущія возникнуть у меня новыя соображенія по крестьянскому дѣлу.

Я уѣхалъ изъ Петербурга на родину уже въ концѣ мая, а Ростовцовъ оставался тамъ еще до іюля.

Въ это время въ правительственныхъ сферахъ только что началъ возникать вопросъ о томъ, какъ будутъ разсматриваемы и утверждаемы законопроекты, постепенно представляемые отдѣльными губернскими комитетами. Согласно съ господствовавшими въ этихъ комитетахъ и въ правительственныхъ сферахъ предположеніями, каждое изъ составленныхъ комитетами положеній должно было разсматриваться и утверждаться особо, при помощи вызванныхъ изъ губернскихъ комитетовъ „депутатовъ“, и только немногія изъ статей этихъ законопроектовъ, имѣющія общій характеръ, могли быть обращены въ общее для всей имперіи положеніе.

Въ виду же затруднительности разсмотрѣнія каждаго законопроекта въ полномъ составѣ Главнаго Комитета, была выдѣлена изъ его состава, 15-го іюля 1858 г., особая коммиссія изъ четырехъ членовъ Комитета — Ланского, графа Панина, Муравьева и Ростовцова, для предварительнаго разсмотрѣнія „положеній губернскихъ комитетовъ“, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому губернскому комитету было предоставлено прислать по два депутата, которые по вызову учрежденной коммиссіи должны были являться въ Петербургъ для представленія ей необходимыхъ свѣдѣній и разъясненій. Такъ какъ „положенія губернскихъ комитетовъ“ еще не получались, то Ростовцовъ имѣлъ возможность выѣхать

въ концѣ іюля изъ Петербурга на лѣченіе за границу. Оттуда онъ, на досугѣ передумывая весь крестьянскій вопросъ, написалъ Государю четыре письма съ изложеніемъ новыхъ соображеній, возникшихъ въ его умѣ за это время.

Четыре письма, отправленныя Ростовцовымъ Государю изъ-за границы, вполнѣ выясняютъ ту эволюцію, которая произошла въ умѣ Ростовцова въ теченіе его трехмѣсячнаго, совершенно одинокаго пребыванія за границей.

Глава IV.

Уже съ самаго начала моей активной дѣятельности по освобожденію крестьянъ мнѣ хотѣлось выяснить для своихъ соображеній весь характеръ эволюціи, происходившей въ высшихъ сферахъ до начала 1858 г. и приведшей императора Александра II къ рѣшимости осуществить великую реформу государственнаго и общественнаго строя, необходимость которой быстро входила въ сознаніе всей Россіи.

Хотя весь ходъ крестьянскаго дѣла до начала 1858 г. выяснился для меня только впослѣдствіи, послѣ окончательнаго моего сближенія съ Я. И. Ростовцовымъ и великой княгиней Еленой Павловной, удостоившей меня своего полнаго довѣрія только послѣ кончины Ростовцова, однакоже я нахожу умѣстнымъ изложить здѣсь все, что мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ только впослѣдствіи, такъ какъ это даетъ ключъ къ уразумѣнію всего происходившаго по крестьянскому дѣлу въ теченіе 1858 г.

Въ началѣ царствованія императора Александра II-го была очень распространена легенда о томъ, что императоръ Николай I-й на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну и наслѣднику осуществленіе неудавшагося ему намѣренія освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Я могу смѣло утверждать, что легенда эта лишена основанія. По свидѣтельству Я. И. Ростовцова, стоявшаго во время кончины императора Николая I-го ближе всѣхъ къ наслѣднику цесаревичу, императоръ Александръ II-ой въ самыхъ интимныхъ съ нимъ бесѣдахъ о крестьянскомъ дѣлѣ отрицалъ эту легенду, да и не въ характерѣ императора Николая I-го было бы возложить, умирая, на своего сына, въ которомъ онъ не усматривалъ особой твердости воли, такія обязательства, какія онъ самъ, несмотря на всю силу своего характера, не рѣшился принять на себя.

Но съ другой стороны несомнѣнно то, что до императора Александра II-го дошли, но только уже впослѣдствіи, слова его родителя, высказанныя имъ въ горестную минуту, еще до предсмертной его болѣзни, но въ предвидѣніи кончины, которая должна была оставить Россію въ самомъ критическомъ положеніи; въ словахъ этихъ императоръ Николай I-й высказалъ, что, можетъ быть, его преемнику удастся совершить то, чего ему не удалось сдѣлать, а именно освободить русскій народъ отъ крѣпостной зависимости. Императоръ Александръ II-ой, однакоже, не смотря на свое расположеніе къ Я. И. Ростовцову, не сообщилъ ему, черезъ кого и когда дошли до него эти слова.

Этотъ интересный вопросъ выяснился для меня уже послѣ кончины Я. И. Ростовцова. Неожиданный оборотъ крымской войны, кончившейся паденіемъ Севастополя, произвелъ на императора Николая I-го самое удручающее впечатлѣніе. Онъ призналъ полную несостоятельность того государственнаго и общественнаго строя, которому приписывалъ силу и мощь Россіи. Онъ убѣдился въ необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ строѣ и вспомнилъ, что первой изъ нихъ должна быть та, къ которой онъ уже стремился въ теченіе многихъ лѣтъ, до 1848 г.; но онъ ясно сознавалъ также, что такая реформа была ему уже не по силамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему оставалось только умереть, передавъ заботы о благѣ отечества своему преемнику, такъ какъ чувствовалъ, что не въ силахъ будетъ пережить неблагопріятный исходъ войны.

Всѣ пережитыя имъ въ этотъ послѣдній періодъ его жизни страданія и сомнѣнія онъ чувствовалъ потребность передать кому-нибудь изъ близкихъ людей; но такую, хотя бы минутную, слабость онъ не хотѣлъ обнаруживать ни передъ искренно любящей его и любимой императрицей, ни передъ наслѣдникомъ, ни тѣмъ менѣе передъ кѣмъ-либо изъ своихъ подданныхъ. Только передъ одною особой своего царственнаго дома онъ не побоялся высказать все, что тяготило его душу, и даже обнаружить хотя бы минутное безсиліе и сомнѣнія свои относительно будущности Россіи, которой, по собственному выраженію, онъ признавалъ себя только первымъ слугою.

Такою особой была великая княгиня Елена Павловна. Съ нею онъ былъ связанъ самой искренней и многолѣтней дружбой съ тѣхъ поръ, какъ своимъ великодушнымъ участіемъ въ ея семейныхъ огорченіяхъ онъ помогъ ей примириться съ ея, казавшимся ей безвыходнымъ, положеніемъ. Онъ создалъ для нея высокіе духовные интересы, сообщивъ ей о своихъ намѣреніяхъ

освободить крестьянъ и приблизивъ къ ней своего ближайшаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ, графа П. Д. Киселева, выдававшагося по своему тонкому уму и высокой культурности. Единственную отраду въ своемъ безвыходномъ горѣ императоръ Николай I-й находилъ въ ежедневномъ почти посѣщеніи великой княгини, и только передъ нею, передъ нею одной рѣшался высказать все, что онъ чувствовалъ,—предчувствіе, что онъ не переживетъ неблагополучнаго исхода войны и что, оставляя своему сыну тяжелое наслѣдіе въ критическую минуту, онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ надеждѣ, что, можетъ быть, его наслѣднику удастся совершить то, что ему самому не удалось. Желаніе его освободить крестьянъ отъ крѣпостного ига, обращавшаго, по выраженію самого Государя, большинство русскаго народа въ „вещь, принадлежащую другому", было хорошо извѣстно великой княгинѣ и встрѣчало ея теплое сочувствіе. Быть можетъ, самая конфиденція императора Николая I-го великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была вызвана тѣмъ, что онъ предвидѣлъ въ ней надежную точку опоры для не обладающаго, по его мнѣнію, большою силою воли цесаревича, въ то время, когда въ немъ пробудится предвидимое его родителемъ стремленіе къ освободительной реформѣ.

Во всякомъ случаѣ императоръ Николай I-й нашелъ въ чуткой и отзывчивой ко всему высокому душѣ великой княгини самое горячее сочувствіе своему безпредѣльному и безвыходному горю. Со свойственнымъ ей тактомъ, она сумѣла найти слова любви и утѣшенія, оживившія въ немъ лучъ надежды на лучшее будущее Россіи, которое составляло единственный предметъ его предсмертныхъ заботъ.

Да и сама великая княгиня съ этихъ поръ почувствовала себя самой вѣрной хранительницей великой идеи освобожденія крестьянъ и укрѣпилась въ намѣреніи перейти, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ болѣе активной роли въ неминуемомъ обновленіи Россіи путемъ цѣлаго ряда реформъ. Слова же императора Николая I-го, относившіяся къ освобожденію крестьянъ, могли быть переданы великою княгиней императору Александру II-му не ранѣе лѣта 1857 г., т.-е. уже тогда, когда онъ, принявъ по собственной иниціативѣ намѣреніе освободить крестьянъ, искалъ сближенія съ той особой императорскаго дома, которая, какъ ему было извѣстно, была ближе всѣхъ знакома съ великодушными намѣреніями его родителя.

При самомъ вступленіи своемъ на родительскій престолъ (19-го февраля 1855 г.) императоръ Александръ II-ой еще не

думалъ объ осуществленіи идеи освобожденія крестьянъ. На немъ прежде всего лежала тяжелая отвѣтственность въ рѣшеніи важнѣйшаго государственнаго вопроса: продолжать ли войну или заключить миръ. Такое рѣшеніе было для него тѣмъ болѣе тягостно, что сторонниками продолженія войны были самые горячіе патріоты, въ душѣ которыхъ запечатлѣлся стихъ Аксакова:

Пока одинъ изъ насъ родное слово слышитъ,
До тѣхъ поръ длиться будетъ бой,
До тѣхъ поръ договоръ постыдный не подпишетъ
Европа русскою рукой.

Иначе думали опытные и компетентные по своему положенію совѣтники молодого Государя: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, министръ военный—старый генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, министръ финансовъ Брокъ, выражавшій мнѣніе всего русскаго финансоваго міра, съ барономъ Штиглицемъ во главѣ, и, наконецъ, самый выдающійся по дружбѣ къ нему покойнаго государя изъ преданныхъ ему сановниковъ, князь А. Ѳ. Орловъ. Всѣ они считали дальнѣйшее продолженіе войны невозможнымъ, какъ по несостоятельности нашей военной организаціи, отсутствію удовлетворительнаго вооруженія и боевыхъ припасовъ, такъ и вслѣдствіе полнаго разстройства нашихъ финансовъ, не выходившихъ во все время предшествовавшаго царствованія изъ дефицитовъ, которые достигли ужасающихъ размѣровъ. Мнѣніе это, конечно, одержало верхъ, и Государь рѣшился на вступленіе въ переговоры о мирѣ, уполномочивъ на нихъ князя Орлова.

Между тѣмъ, сознаніе несостоятельности всего русскаго государственнаго и общественнаго строя и необходимости его обновленія распространилось во всемъ образованномъ русскомъ обществѣ. Общественное мнѣніе большинства столичной и меньшинства провинціальной интеллигенціи указывало на то, что предстоящія реформы могутъ начаться только съ освобожденія крестьянъ. Въ то же время, при вступленіи на престолъ императора Александра II-го, рѣшительными противниками великой реформы были не только большинство помѣстнаго провинціальнаго дворянства, но и бо́льшая часть стоявшихъ у престола старѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, съ княземъ Орловымъ, княземъ Меньшиковымъ, графомъ Адлербергомъ, княземъ Гагаринымъ и графомъ Панинымъ во главѣ.

Энергическими сторонниками освобожденія крестьянъ были, однакоже, при вступленіи на престолъ императора Алексан-

дра II-го, оставленные ему родителемъ, въ качествѣ двухъ важнѣйшихъ для крестьянскаго дѣла министровъ: государственныхъ имуществъ—графъ П. Д. Киселевъ и внутреннихъ дѣлъ—Д. Г. Бибиковъ, бывшіе дѣятельными сподвижниками императора Николая I-го въ его борьбѣ противъ крѣпостного права.

Хотя императоръ Николай I-й, пораженный общимъ революціоннымъ движеніемъ въ Европѣ въ 1848 г., совершенно отказался отъ своего намѣренія провозгласить освободительный актъ, онъ все же не отказался отъ партизанской войны противъ крѣпостного права, путемъ ограниченія власти и произвола помѣщиковъ надъ крестьянами. Въ особенности не могъ онъ помириться съ помѣщичьею властью и ея произволомъ въ губерніяхъ кіевскаго генералъ-губернаторства, гдѣ „вещью, принадлежащею другому“, были милліоны русскихъ людей, а ихъ господами — мятежное польское дворянство, побѣжденное имъ въ 1830 г., но продолжавшее пользоваться неограниченною властью надъ русскимъ народомъ. Вотъ почему императоръ Николай I-й началъ ограниченіе правъ дворянъ-помѣщиковъ съ трехъ юго-западныхъ губерній и поставилъ тамъ генералъ-губернаторомъ сильнаго волею, энергичнаго генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова. По мысли графа Киселева, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ оградить безправный русскій народъ отъ ига польскихъ помѣщиковъ и разоренія было составленіе „инвентарей“, опредѣляющихъ всѣ повинности, которыми русскіе крестьяне были обязаны своимъ польскимъ помѣщикамъ, съ укрѣпленіемъ за крестьянами всѣхъ тѣхъ земель, которыми они владѣли еще до польскаго владычества. Въ 1844 г. были, по Высочайшему повелѣнію, учреждены губернскіе комитеты для введенія инвентарей, а изъ-за крайней неудовлетворительности и неплановѣрности ихъ составленія были выработаны энергичнымъ генераломъ Бибиковымъ, при содѣйствіи незабвеннаго Ю. Ѳ. Самарина, общія инвентарныя правила; эти послѣднія были Высочайше утверждены императоромъ Николаемъ I-мъ 26 мая 1847 г. и торжественно обнародованы. Затѣмъ, инвентари каждаго имѣнія, на основаніи сихъ правилъ, были просмотрѣны въ губернскихъ комитетахъ и утверждены окончательно въ сентябрѣ 1852 г., а самъ Бибиковъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія—въ надеждѣ, что при его энергическомъ содѣйствіи возможно будетъ и въ литовскихъ, и даже въ великороссійскихъ губерніяхъ ограничить произволъ помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, установляя надъ ними сильную и болѣе непосредственную власть правительства.

Что же касается министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго состояла другая половина сельскаго податного населенія (государственные крестьяне), то императоръ Николай I-й предоставилъ полный просторъ графу Киселеву, стремившемуся, съ его вѣдома, къ такому улучшенію быта, благосостоянія и благоустройства крестьянъ, которое могло бы служить примѣромъ для достиженія такого же благосостоянія и у помѣщичьихъ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока еще не могло осуществиться полное освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Къ сожалѣнію, всѣ заботы императора Николая I-го о благѣ русскаго народа, будучи парализованы опасеніемъ революціи, съ 1848 г. были окончательно прерваны политическими событіями, приведшими къ турецкой войнѣ, а для императора Александра II-го, по вступленіи его на престолъ—другими заботами, стоявшими для него на первомъ планѣ, а именно потребностью скорѣйшаго заключенія мира. Этими обстоятельствами воспользовались противники освобожденія крестьянъ, а „имя имъ было легіонъ“. Опасаясь, что молодой императоръ все-таки рано или поздно придетъ къ мысли о своевременности предстоящей реформы, они старались удалить отъ него всѣхъ тѣхъ совѣтчиковъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы приняться за это великое дѣло.

Съ однимъ изъ этихъ совѣтчиковъ, Д. Г. Бибиковымъ, справиться имъ было не особенно трудно. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не пользовался расположеніемъ молодого Государя, и что Александръ II-й имѣлъ противъ него какія-то предубѣжденія и даже личное неудовольствіе, еще будучи цесаревичемъ.

Польскіе дворяне помѣщики юго-западнаго края не могли помириться съ утратою власти надъ милліонами русскихъ людей въ трехъ исконныхъ русскихъ губерніяхъ Днѣпровской Руси (Кіевской, Подольской и Волынской), которыхъ при крѣпостномъ правѣ они считали уже совершенно полонизированными. Они представили молодому Государю свой протестъ противъ введенія инвентарныхъ правилъ, сильно ограничивавшихъ ихъ власть. Протестъ этотъ, поддержанный кровными русскими сановниками, близкими престолу, имѣлъ послѣдствіемъ, на третій мѣсяцъ царствованія императора Александра II (14 мая 1855 г.), отмѣну Бибиковскихъ инвентарей и предоставленіе составленія новыхъ не правительственнымъ комитетамъ, а выбраннымъ исключительно польскими дворянами. Такимъ образомъ, въ самую тяжелую для Россіи минуту, еще до окончанія крымской войны, русскій народъ юго-западнаго края былъ „выданъ головою“ своимъ польскимъ властелинамъ, въ самый годъ 25-лѣтія побѣды, одержанной

надъ ними императоромъ Николаемъ I-мъ. Вслѣдъ за тѣмъ и вѣрный сподвижникъ императора Николая I-го въ борьбѣ его съ революціоннымъ по отношенію къ Россіи польскимъ дворянствомъ, Д. Г. Бибиковъ, былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ въ чистую отставку (1855 г.).

Справиться съ графомъ Киселевымъ противникамъ освобожденія крестьянъ было гораздо труднѣе. Но и здѣсь былъ скоро придуманъ способъ болѣе деликатный и безобидный для самаго тонкаго по своему уму государственнаго дѣятеля прошедшаго царствованія.

Когда князь Орловъ возвратился изъ Парижа съ заслуженнымъ имъ ореоломъ заключенія хотя и тяжелаго, но „не постыднаго“ для Россіи Парижскаго мира, то онъ, какъ первый изъ сановниковъ русскаго государства, доложилъ Государю, жаждавшему заключенія мира для предстоявшаго ему обновленія Россіи, что для обезпеченія продолжительности этого мира необходимо назначить посломъ въ Парижъ такого человѣка, который соединялъ бы въ себѣ выдающіяся дипломатическія способности съ тонкостью истинно-государственнаго ума, обширнымъ образованіемъ и дальновидностью. Такимъ человѣкомъ, въ глазахъ князя Орлова, былъ только одинъ графъ П. Д. Киселевъ, и Государь, не колеблясь, назначилъ его посломъ въ Парижъ. Такимъ образомъ, самый опасный изъ вліятельныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ былъ надолго и даже, какъ оказалось впослѣдствіи, навсегда удаленъ изъ Петербурга. Оставалось только подыскать ему подходящаго для противниковъ освобожденія крестьянъ преемника, который обладалъ бы достаточною силою воли и энергіею для того, чтобы уничтожить гнѣздо освободительнаго движенія, созданное императоромъ Николаемъ I-мъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

На такую роль пошелъ, не колеблясь, крайне честолюбивый и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся по своему уму и энергіи М. Н. Муравьевъ, бывшій до тѣхъ поръ сенаторомъ, начальникомъ межевого управленія, вице-предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и, наконецъ, членомъ государственнаго совѣта. Назначенный по настоянію предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Орлова, министромъ государственныхъ имуществъ, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что въ угоду лицамъ, которыя провели его въ министры, представилъ Государю частную записку о томъ, что въ освобожденіи крестьянъ нѣтъ никакой настоятельной необходимости. Затѣмъ, со свойственною ему непреклонною энергіею и характеризующей его разрушительной

силой, онъ принялся уничтожать во ввѣренномъ ему министерствѣ все то, что было создано многолѣтними трудами графа П. Д. Киселева и его достойныхъ сподвижниковъ, въ смыслѣ улучшенія быта и благосостоянія государственныхъ крестьянъ, распространеніемъ между ними грамотности и сельскохозяйственныхъ и другихъ практическихъ знаній.

Хотя М. Н. Муравьеву не удалось принять впослѣдствіи непосредственное участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, онъ, однакоже, игралъ очень видную роль въ исторіи великаго дѣла. Эта роль, въ періодъ законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ (1857—1861 гг.), была совершенно *отрицательною*, такъ какъ онъ всѣми силами старался противодѣйствовать осуществленію великой реформы. Наоборотъ, въ 1863—65 гг., въ бытность его виленскимъ генералъ-губернаторомъ, роль эта сдѣлалась совершенно *положительною*, такъ какъ онъ съ необычайною энергіею и силою воли осуществилъ въ сѣверо-западномъ краѣ Положеніе 19 февраля 1861 г. и провелъ въ шести западныхъ губерніяхъ полное земельное освобожденіе крестьянъ, въ наиболѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ въ цѣлой имперіи.

М. Н. Муравьевъ родился въ 1796 г., окончилъ высшее образованіе въ Военной Академіи и уже въ молодые годы обратилъ на себя вниманіе своими геодезическими работами на восточномъ прибрежьѣ Каспійскаго моря. Въ концѣ царствованія императора Александра I-го онъ былъ штабъ-офицеромъ главнаго штаба въ южной арміи и принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ политическихъ организацій, которыя, будучи распространены на югѣ Россіи, задумывали насильственный государственный переворотъ. Къ этимъ организаціямъ принадлежали многіе изъ членовъ талантливой и прекрасно образованной семьи Муравьевыхъ, и потому послѣ 25 декабря 1825 г. М. Н. Муравьевъ, заподозрѣнный въ участіи въ заговорѣ, обнаруженномъ въ южной арміи, былъ арестованъ и по Высочайшему повелѣнію привезенъ въ Петербургъ. Заключенный въ Петропавловскую крѣпость, онъ былъ подвергнутъ допросу; но такъ какъ ни крупныхъ обвиненій, ни серьезныхъ уликъ противъ него не оказалось, то онъ былъ освобожденъ, и арестъ его не имѣлъ никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для его дальнѣйшей служебной дѣятельности. Уже въ 30-хъ годахъ онъ, въ чинѣ генералъ-маіора главнаго штаба, былъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ проявилъ неустанную дѣятельность, замѣчательную энергію и неимовѣрную требовательность по отношенію къ

своимъ подчиненнымъ, во всѣхъ пятнадцати уѣздахъ ввѣренной ему губерніи [1]).

Въ 1845 г. М. Н. Муравьевъ былъ призванъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ и, какъ опытный геодезистъ, назначенъ управляющимъ межевымъ корпусомъ. Въ своемъ управленіи межевою частью онъ проявилъ обычную энергію и не только предпринялъ, но и добился исполненія нѣсколькихъ выдающихся работъ, какъ напримѣръ составленія и изданія межевыхъ атласовъ Тверской и Рязанской губерній. Избранный въ члены совѣта Русскаго Географическаго Общества, онъ явился въ немъ сторонникомъ русской или, лучше сказать, антинѣмецкой партіи, которая, со своимъ лидеромъ Н. А. Милютинымъ во главѣ, провела Муравьева въ вице-предсѣдатели Общества. Въ роли этого послѣдняго Муравьевъ обнаружилъ также свою обычную энергію и неустанную дѣятельность и оказалъ крупныя услуги Обществу, въ особенности своимъ умѣньемъ пріискивать средства для осуществленія полезныхъ предпріятій Общества, а именно ученыхъ экспедицій и изданій, такъ что семилѣтнее его предсѣдательство было далеко не безъ результатовъ для географической науки. Конечно, положеніе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сослужило службу его честолюбію. По примѣру графа Литке, онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и, сблизившись тамъ съ предсѣдателемъ совѣта княземъ Орловымъ и другими вліятельными противниками освобожденія крестьянъ, онъ, примкнувъ къ нимъ, достигъ назначенія въ министры государственныхъ имуществъ.

Очень скоро по вступленіи въ должность М. Н. Муравьевъ

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ характеризуетъ крайнюю строгость взглядовъ М. Н. Муравьева на исполненіе служебныхъ обязанностей. Когда, по случаю назначенія его курскимъ губернаторомъ, ему представлялись всѣ чины губерніи, онъ узналъ въ одномъ изъ нихъ того самаго жандармскаго офицера, который имѣлъ порученіе арестовать его и привезти въ Петербургъ для сдачи въ Петропавловскую крѣпость. Переѣздъ изъ южной арміи до Петербурга продолжался нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ жандармскій оберъ-офицеръ обращался съ арестованнымъ имъ штабъ-офицеромъ очень гуманно, предоставляя ему при остановкахъ на станціяхъ достаточную свободу, которою Муравьевъ пользовался весьма охотно. Узнавъ этого жандармскаго офицера на своемъ губернаторскомъ пріемѣ, Муравьевъ подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ конечно не забылъ тѣхъ личныхъ услугъ, которыми онъ отъ него пользовался въ то время, когда онъ состоялъ у него подъ арестомъ въ качествѣ заподозрѣннаго въ государственномъ преступленіи, но, встрѣчаясь съ нимъ уже въ качествѣ губернатора, онъ считаетъ долгомъ заявить ему, что онъ служить съ нимъ въ качествѣ его начальника не желаетъ, такъ какъ опасается съ его стороны такихъ же послабленій служебныхъ обязанностей, какія онъ обнаружилъ во время перваго ихъ знакомства.

обнаружилъ, какъ уже сказано, не только несогласіе съ высокими государственными взглядами гр. Киселева, но и стремленіе сокрушить все то, что было предпринято послѣднимъ въ интересахъ улучшенія быта крестьянъ и освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Вотъ въ чемъ заключалось полное непримиримое различіе во взглядахъ обоихъ министровъ государственныхъ имуществъ.

Графъ П. Д. Киселевъ, за невозможностью во время своего управленія министерствомъ сокрушить крѣпостное право и вывести одновременно весь русскій народъ изъ крѣпостной зависимости, стремился, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію быта ввѣренныхъ его управленію государственныхъ крестьянъ и къ предоставленію имъ возможной свободы, какъ личной, такъ и въ распоряженіи предоставленными имъ въ неотъемлемое пользованіе, за опредѣленныя повинности, надѣльными землями. По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ гр. Киселевъ уже не допускалъ мысли, чтобы они были *вещью, принадлежащею другому* [1]). Во все время своего управленія онъ признавалъ человѣческія права государственныхъ крестьянъ и постоянно заботился объ улучшеніи ихъ быта и распространеніи между ними элементарнаго образованія и полезныхъ практическихъ знаній, желая тѣмъ самымъ подготовить ихъ постепенно къ разумному пользованію тою свободою, которая должна была быть дана впослѣдствіи всѣмъ податнымъ сословіямъ русскаго государства.

Совершенно иначе смотрѣлъ на задачи министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ. Въ его глазахъ всякій крестьянинъ, какъ безправный по закону, былъ не болѣе, какъ „вещью, принадлежащею другому“, и въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ никакого различія между „барскими“ и „царскими“ крестьянами, т.-е. помѣщичьими и государственными, которыхъ помѣщикомъ былъ первый дворянинъ Россійской имперіи—государь императоръ. Министръ же государственныхъ имуществъ, по мнѣнію Муравьева, долженъ былъ быть умнымъ приказчикомъ перваго дворянина-помѣщика Русскаго государства, заботиться только объ увеличеніи его доходовъ, а слѣдовательно и доходовъ

[1]) Это мѣткое выраженіе было употреблено императоромъ Николаемъ I-мъ въ разговорѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ по слѣдующему случаю. Когда графъ Киселевъ, во время партизанской войны, которую Государь велъ противъ крѣпостного права, предложилъ ему предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ право покупать земли и недвижимыя имущества, которыя они въ то время по закону покупали на имя своихъ помѣщиковъ, *на свое имя*, Государь возразилъ: „могу ли я давать право собственности людямъ до тѣхъ поръ, пока они по закону представляютъ собою не болѣе какъ *вещь, принадлежащую другому*“?

всего государства, и содержать въ порядкѣ и удовлетворительномъ состояніи помѣстья, ему принадлежащія и составляющія источникъ доходовъ государя и государства. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ было и его убѣжденіе о несвоевременности освобожденія крестьянъ.

Пока управленіе государственными имуществами руководствовалось его принципами, дворяне-помѣщики всей Россіи могли быть спокойны: объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости не могло быть и рѣчи. М. Н. Муравьеву оставалось только привести государственныхъ крестьянъ къ одному знаменателю съ помѣщичьими, и тогда гармонія, нарушенная освободительными стремленіями императора Николая I-го и его сподвижника, гр. П. Д. Киселева, была бы возстановлена. Но, конечно, въ этомъ стремленіи Муравьевъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны „главнаго штаба“ императора Николая I-го, въ его борьбѣ противъ крѣпостного права, а именно со стороны сподвижниковъ графа Киселева, самыми видными изъ которыхъ были товарищъ министра, одно время управлявшій министерствомъ, Д. П. Хрущовъ, и директоръ департамента сельскаго хозяйства А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Назначенные на свои должности по Высочайшимъ повелѣніямъ, тепло рекомендованные графомъ Киселевымъ самому Государю и имѣвшіе сильную точку опоры въ близко знакомой со всею дѣятельностью министерства Киселева великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, они представлялись несокрушимыми для новаго министра государственныхъ имуществъ.

Но М. Н. Муравьевъ не стѣснялся въ средствахъ для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей. Идти на открытую борьбу со своимъ товарищемъ Хрущовымъ ему не предстояло надобности: онъ легко обошелъ его, занимаясь самъ, со свойственною ему трудоспособностью, всѣми важными дѣлами министерства, направляя къ своему товарищу только тѣ ничтожные доклады, которые требовали не разрѣшенія, а лишь министерской подписи. Что же касается до директора департамента сельскаго хозяйства, Заблоцкаго-Десятовскаго, оставшагося непоколебимо вѣрнымъ направленію графа Киселева и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ министерствѣ, то онъ рѣшился избавиться отъ него во что бы то ни стало и прибѣгъ для достиженія своей цѣли къ слѣдующему средству. Онъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ Государю о совершенной безполезности для министерства государственныхъ имуществъ департамента земледѣлія, такъ какъ заботы объ успѣхахъ земледѣлія связаны съ заботами о благосостояніи главныхъ хлѣбныхъ производителей государ-

ства—помѣщиковъ, подчиненныхъ не ввѣренному ему министерству, а министру внутреннихъ дѣлъ, и добился упраздненія департамента земледѣлія и учрежденія взамѣнъ его новаго департамента министерства государственныхъ имуществъ, необходимаго для исполненія одной изъ болѣе важныхъ, по его мнѣнію, министерскихъ задачъ по непосредственному управленію самими государственными имуществами и извлеченію изъ нихъ наивозможно бо̀льшихъ доходовъ. Такимъ образомъ, несокрушимый для Муравьева Заблоцкій-Десятовскій остался за штатомъ и былъ приглашенъ дальновиднымъ государственнымъ секретаремъ В. П. Бутковымъ, предвидѣвшимъ „неизбѣжность освобожденія крестьянъ“, въ статсъ-секретари государственнаго совѣта, въ виду необходимости имѣть въ составѣ государственной канцеляріи такихъ знатоковъ крестьянскаго дѣла, какимъ былъ Заблоцкій.

Съ уходомъ этого послѣдняго изъ министерства, Муравьевъ могъ безпрепятственно стремиться къ сокрушенію всего того, что было создано Киселевымъ, и къ превращенію министерства государственныхъ имуществъ изъ „штаба императора Николая I-го“, предназначеннаго имъ для борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, въ вѣрнаго союзника сильныхъ по своему положенію противниковъ освобожденія крестьянъ [1]).

Возвращаюсь къ своему повѣствованію о томъ, какъ развилось въ душѣ Царя-Освободителя рѣшительное намѣреніе освободить крестьянъ.

Къ концу 1856 г. побѣда противниковъ освобожденія крестьянъ въ высшихъ сферахъ казалась полною, и они были убѣждены, что вокругъ Государя уже не было ни одного человѣка,

---

[1]) Когда М. Н. Муравьевъ убѣдился, что задушить идею освобожденія крестьянъ, вошедшую въ общее сознаніе русской интеллигенціи, какъ первая изъ реформъ, необходимыхъ для обновленія Россіи, невозможно, и что молодой Государь рано или поздно придетъ къ убѣжденію въ необходимости уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, онъ уже не выступалъ рѣшительнымъ противникомъ реформы, а ограничился только заявленіемъ о несвоевременности этой мѣры. Когда же составленіе законопроекта по этому предмету было ввѣрено Я. И. Ростовцову, Муравьевъ старался войти въ его довѣріе и забрать все дѣло въ свои руки. Хотя это совершенно ему не удалось, не смотря на частыя посѣщенія имъ Ростовцова, онъ особенно участилъ эти посѣщенія и превратилъ ихъ даже въ ежедневныя во время предсмертной болѣзни Ростовцова, въ надеждѣ добиться того, что Ростовцовъ укажетъ государю на него, какъ на своего преемника. Когда же и это не удалось, и преемникомъ Ростовцова назначенъ былъ графъ В. Н. Панинъ, Муравьевъ явился яростнымъ противникомъ законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій; онъ старался всѣми силами сначала затормозить его, а наконецъ и окончательно сокрушить, силясь доказать въ Главномъ Комитетѣ непримѣнимость и ненадобность законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій.

могущаго помочь ему въ осуществленіи идеи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ счастію, противники освобожденія крестьянъ не сумѣли разгадать, гдѣ таится та несокрушимая для нихъ сила, которая неминуемо склонитъ побѣду на сторону великаго дѣла. Имъ были слишкомъ мало извѣстны тѣ высокія качества, которыя съ юношескихъ лѣтъ жили въ душѣ новаго русскаго самодержца.

Съ рѣдкою природною добротою Александръ II-й соединялъ глубокое человѣколюбіе, развитое въ немъ гуманнымъ вліяніемъ такого чистаго душою и идеальнаго наставника, какимъ былъ незабвенный русскій поэтъ и патріотъ В. А. Жуковскій. При такихъ свойствахъ, Александръ II-й едва ли могъ сочувствовать государственному строю, въ которомъ большинство Богомъ ввѣреннаго ему народа признавалось вещью, себѣ не принадлежащею. Что и императоръ Николай I-й не былъ сторонникомъ этого принципа, допускаемаго русскимъ законодательствомъ, было хорошо извѣстно Александру II-му, такъ какъ, будучи еще наслѣдникомъ цесаревичемъ, онъ былъ призванъ въ 1846 г. державнымъ своимъ родителемъ къ предсѣдательству въ секретной коммиссіи, которой было поручено разсмотрѣніе записки тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго, объ уничтоженіи крѣпостного права. Цесаревичу было конечно памятно, что порученное ему дѣло не увѣнчалось успѣхомъ, потому что встрѣтило самый энергическій отпоръ не только со стороны помѣстнаго дворянства, но и со стороны вліятельнѣйшихъ сановниковъ государства, которые, впрочемъ, по обычаю всегда держались далеко отъ цесаревича и его воззрѣній.

Весь ходъ и результатъ неуспѣшной крымской войны обнаружили передъ мыслящею Россіею, такъ же, какъ и передъ ея царственнымъ вождемъ, полную несостоятельность тогдашняго государственнаго строя и не могли не привести молодого императора къ *самостоятельному* убѣжденію въ необходимости обновленія Россіи.

Когда же Парижскій миръ положилъ конецъ самымъ тяжкимъ тревогамъ и заботамъ Александра II-го, то первый вопросъ, который представился его уму *безо всякихъ посторонних совѣтовъ*, состоялъ въ томъ, не слѣдуетъ ли начать обновленіе Россіи съ освобожденія крестьянъ, и онъ, мало-по-малу, совершенно самостоятельно разрѣшилъ въ своемъ умѣ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Уже въ своемъ манифестѣ 19-го марта 1856 г., по случаю заключенія Парижскаго мира, Александръ II-й высказалъ свое

сочувствіе законамъ, „равно для всѣхъ справедливымъ и равно всѣмъ покровительствующимъ“, что вызвало немалую тревогу въ средѣ высшаго и наиболѣе привилегированнаго дворянства. Въ томъ же мѣсяцѣ (мартѣ 1856 г.) Государь, при проѣздѣ своемъ черезъ Москву, заявилъ встрѣтившимъ его въ первопрестольной столицѣ депутатамъ отъ дворянства, что онъ еще не собирается, какъ ему приписываютъ, въ настоящее время приступить къ освобожденію крестьянъ, но что онъ вообще не противъ этого освобожденія, что время къ нему постепенно приводитъ и что когда это со временемъ случится, лучше, чтобы это произошло не снизу, а сверху. Такимъ образомъ Александръ II-й, уже въ мартѣ 1856 г., по собственной душевной потребности, достаточно опредѣленно высказалъ свой взглядъ на освобожденіе крестьянъ, но по деликатности своей души желалъ, чтобы дѣло совершилось хотя и „по манію царя“, но не иначе, какъ по иниціативѣ самихъ дворянъ-помѣщиковъ.

Послѣ прямодушнаго выраженія своихъ мыслей по дѣлу освобожденія крестьянъ передъ цѣлою Россіей, весьма естественно было Александру II-му искать кругомъ себя, въ комъ бы то ни было изъ близкихъ ему сановниковъ, пользовавшихся его довѣріемъ и расположеніемъ, точку опоры въ своихъ уже опредѣлившихся стремленіяхъ, и въ то же время лицо, которому можно было бы сообщить все, что было у него на душѣ.

Но такого лица Александръ II-й не нашелъ въ средѣ окружавшихъ его государственныхъ людей. Два передовые министра, ратовавшіе противъ крѣпостного права при императорѣ Николаѣ I-мъ, были уже устранены отъ всякаго общенія съ Государемъ, а остальные государственные люди предшествовавшаго царствованія, оставленные императоромъ Николаемъ I-мъ въ наслѣдіе своему преемнику, были ему очень далеки до вступленія его на престолъ, да и большинство ихъ относилось враждебно къ только-что высказаннымъ имъ стремленіямъ и было совершенно чуждо его идеаламъ.

Въ теченіе послѣдняго шестилѣтія до вступленія на престолъ Александра II-го только два лица, уже пожилого возраста, имѣвшія близкія къ нему отношенія по своему служебному положенію, заслужили, по своимъ качествамъ, полное его довѣріе, и имъ-то Государь нашелъ возможнымъ повѣрить все то, что волновало его душу и въ чемъ онъ не находилъ себѣ отзыва въ близкихъ державному его родителю сановникахъ. Лица эти были—генералъ-адъютантъ Назимовъ, бывшій военнымъ инструкторомъ цесаревича до своего назначенія виленскимъ генералъ-

губернаторомъ, и еще болѣе генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, бывшій начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній во все время управленія ими цесаревича. Генералъ-адъютанту Назимову Государь сообщилъ свои стремленія къ освобожденію крестьянъ по тому поводу, что на немъ, какъ на виленскомъ генералъ-губернаторѣ, лежала обязанность введенія въ сѣверо-западномъ краѣ инвентарей и инвентарныхъ правилъ, ограничивающихъ власть польскихъ помѣщиковъ надъ литовскимъ и бѣлорусскимъ народомъ. Назимовъ, проникнувшись взглядами Государя на крѣпостное право, первый сообщилъ ему, что дворянство литовскихъ губерній, хорошо знакомое съ положеніемъ крестьянъ въ сосѣднихъ остзейскихъ и польскихъ губерніяхъ, уже не относится враждебно къ мысли объ освобожденіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ особенности если ему самому будетъ предоставлено установить условія этого освобожденія; оно даже охотно приметъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, если будетъ знать, что послѣднее соотвѣтствуетъ желаніямъ Государя. Сообщеніе это было принято Государемъ съ особымъ удовольствіемъ и, по отъѣздѣ Назимова, служило предметомъ неоднократныхъ его разговоровъ съ другимъ его конфидентомъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ, въ которомъ онъ нашелъ уже вполнѣ все то, чего искалъ—умную и энергическую поддержку въ своихъ стремленіяхъ и полную готовность отдать всѣ свои силы на служеніе Государю въ этомъ дѣлѣ.

Ростовцовъ отдался беззавѣтно и со свойственнымъ ему энтузіазмомъ высказанной ему Государемъ идеѣ освобожденія крестьянъ, которая была уже идеаломъ его юношескихъ лѣтъ, когда, вступая въ союзъ благоденствія, онъ далъ обѣтъ поддерживать всѣ благія намѣренія правительства, имѣвшія цѣлью благо народа. Какъ же онъ могъ иначе отвѣтить на призывъ своего Государя, какъ отдавъ всѣ свои силы и даже свою жизнь на служеніе „безъ корысти, безо лжи и въ крѣпкой правдѣ“ великому дѣлу, задуманному Царемъ-Освободителемъ? Такое служеніе оправдывало въ его собственныхъ глазахъ ту тяжкую роль, которую онъ принялъ на себя тридцать лѣтъ тому назадъ, руководимый несомнѣнно не какими бы то ни было личными интересами, а глубокимъ своимъ убѣжденіемъ въ томъ, что, въ случаѣ успѣха задуманнаго насильственнаго переворота, отечество подвергается крайней опасности. Единственное личное соображеніе, бывшее однимъ изъ стимуловъ дѣятельности Ростовцова въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, заключалось въ томъ,

что если онъ сослужитъ отечеству послѣднюю, самую крупную службу, принеся сознательно ей въ жертву свою жизнь, то онъ передъ Россіей и потомствомъ найдетъ себѣ оправданіе въ лежавшемъ на немъ тяжкимъ бременемъ суровомъ общественномъ приговорѣ современниковъ надъ его прошедшимъ.

Императоръ Александръ II-й своею чуткою душою угадалъ все то, что происходило въ душѣ Ростовцова. Онъ понялъ, что нашелъ, наконецъ, человѣка, который способенъ служить предпринятому имъ великому дѣлу „безъ корысти и безо лжи“: Вотъ почему Александръ II-й окончательно избралъ Ростовцова своимъ главнымъ сподвижникомъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, даровавъ ему свое безпредѣльное довѣріе и дружбу; дружба эта служила со стороны Государя живымъ протестомъ противъ нападеній, которымъ Ростовцовъ подвергался со стороны многихъ лучшихъ людей отечественной интеллигенціи.

Только въ апрѣлѣ 1856 г. Я. И. Ростовцовъ явился впервые совѣтникомъ Государя по крестьянскому дѣлу, въ трудную для монарха минуту, когда ему пришлось разрѣшить первый конкретный вопросъ по этому дѣлу, представленный на его благоусмотрѣніе исполнительнымъ по крестьянскому дѣлу органомъ его власти, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вопросъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: министръ Ланской, по настоянію своего товарища А. И. Левшина, представилъ на разрѣшеніе Государя, слѣдуетъ ли ограничиться по вопросу объ освобожденіи крестьянъ принятіемъ нѣкоторыхъ постепенныхъ и частныхъ мѣръ, или заняться составленіемъ одного общаго систематическаго плана по этому дѣлу.

Резолюція Государя на докладъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 9-го апрѣля 1856 г. была, впрочемъ, совершенно въ характерѣ самого Государя и окончательно не разрѣшала возбужденнаго вопроса. Въ ней было сказано: „постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы; но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и общимъ планомъ, дабы дѣйствовать систематически и съ большой осторожностью“.

Очевидно Государь выжидалъ, что дворяне-помѣщики сами примутъ на себя иниціативу освободительной реформы. Еще яснѣе выразились его ожиданія въ его отвѣтѣ на дошедшее до него 26-го октября 1856 г. предложеніе великой княгини Елены Павловны освободить своихъ крестьянъ полтавскаго имѣнія (Карловки) отъ крѣпостной зависимости. Условія этого освобожденія были очень великодушно выработаны великой княгиней, при помощи Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина и по совѣщаніи съ

нѣкоторыми благомыслящими помѣщиками, ея сосѣдями по Полтавской губерніи, какъ напримѣръ съ Кочубеемъ. Въ отвѣтѣ своемъ Государь объяснилъ, что онъ желаетъ, чтобы эти благомыслящіе помѣщики сами высказали, въ какой степени они полагаютъ возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ, для обѣихъ сторонъ неотяготительныхъ и человѣколюбивыхъ, а до тѣхъ поръ онъ не можетъ дать общихъ указаній для руководства по этому дѣлу.

Озабочиваясь, однако, своевременною выработкою общаго плана по улучшенію быта крестьянъ, императоръ Александръ II-й учредилъ, 7-го января 1857 г., особый Секретный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта, князя Орлова [1]).

Лѣтомъ 1857 г. императоръ Александръ II-й, при проѣздѣ своемъ на воды за границу (въ Киссингенъ, черезъ Вильну, гдѣ онъ видѣлся съ генералъ-адъютантомъ Назимовымъ), былъ обрадованъ извѣстіемъ, что дворянство сѣверо-западныхъ губерній, призванное генералъ-губернаторомъ къ обсужденію вопроса о введеніи инвентарныхъ правилъ, склоняется къ тому, чтобы пойти навстрѣчу желаніямъ Государя предложеніемъ объ освобожденіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По прибытіи своемъ въ Киссингенъ, императоръ Александръ II-й въ первый разъ послѣ воцаренія встрѣтился и сошелся съ пламенной сторонницей освобожденія крестьянъ и носительницей идей по этому предмету императора Николая I-го, великой княгиней Еленой Павловной, которая пробыла за границею всю зиму 1856 г. и почти весь 1857-й годъ.

Въ это-то время великая княгиня, со свойственной ей живостью и деликатностью, передала Александру II-му все, что происходило въ душѣ ея покойнаго друга, императора Николая I-го, посѣщавшаго ее въ тяжелое для него время крымской войны, исхода которой онъ не въ силахъ былъ пережить; также передала она Александру II-му, какъ его незабвенный родитель горевалъ о томъ, что онъ оставляетъ своему сыну почти непосильныя для него заботы о благосостояніи Россіи, но все же надѣялся, что, можетъ быть, послѣднему удастся совершить то, чего не удалось совершить ему, императору Николаю I-му, не смотря на всѣ его стремленія.

Великая княгиня пригласила въ Киссингенъ графа П. Д. Ки-

---

[1]) Дѣятельности этого комитета посвящена, въ предъидущей и настоящей книжкахъ нашего журнала особая статья.—*Ред.*

селева, которому Государь охотно сообщилъ представленныя Секретному Комитету записки по крестьянскому вопросу.

Во все время своего пребыванія за границей великая княгиня находилась въ оживленномъ общеніи (черезъ баронессу Э. Ѳ. Раденъ и А. В. Головнина) съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, на участіе котораго въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ она возлагала большія надежды. Но великій князь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1857 г., положительно высказывалъ свое намѣреніе устранить себя отъ всякаго непосредственнаго участія въ крестьянскомъ дѣлѣ и только въ началѣ августа, по настоянію самого Государя, принялъ назначеніе въ члены Секретнаго Комитета.

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ съ собой ожидаемое Государемъ ходатайство дворянъ сѣверо-западныхъ губерній о дозволеніи имъ освободить крестьянъ въ принадлежащихъ имъ помѣстьяхъ отъ крѣпостной зависимости.

Дальнѣйшій ходъ дѣла, происходившаго уже на моихъ глазахъ, по возвращеніи моемъ изъ путешествія въ ноябрѣ 1857 г., былъ мною описанъ выше.

Высочайшіе рескрипты нижегородскому губернатору отъ 24-го декабря 1857 г. и московскому генералъ-губернатору, отъ 16-го января 1858 г., окончательно убѣдили всю Россію въ томъ, что дѣло освобожденія крестьянъ было рѣшено волею Царя-Освободителя безповоротно. Соотвѣтственно этому, Секретный Комитетъ былъ превращенъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Составъ Комитета остался тотъ же, но новыми его членами явились М. Н. Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, и В. Н. Панинъ, какъ министръ юстиціи, не смотря на то, что оба они были завѣдомыми противниками освобожденія крестьянъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ исполнительный органъ правительства по крестьянскому дѣлу, принялось за него съ тѣмъ бо́льшей энергіей, что вліяніе А. И. Левшина совершенно пало послѣ того, какъ ему удалось ввести къ Высочайшіе рескрипты идею объ отдѣльномъ выкупѣ усадебъ съ цѣлью вознагражденія помѣщиковъ за потерю обязательнаго труда, что̀ составляло маскированный выкупъ личности освобождаемыхъ крестьянъ; въ особенности же пало это вліяніе послѣ того, какъ при объѣздѣ, уже въ началѣ лѣта 1858 г., вновь учрежденныхъ комитетовъ, онъ высказалъ передъ представителями орловскаго

дворянства, что они могутъ быть спокойны, такъ какъ крестьянскій вопросъ еще очень далекъ отъ разрѣшенія, и что самое обсужденіе этого вопроса въ губернскихъ комитетахъ не вызоветъ со стороны правительства никакихъ окончательныхъ мѣръ по его разрѣшенію. Это заявленіе дошло до императрицы Маріи Александровны, и хотя она вообще неохотно принимала участіе въ сужденіяхъ по дѣлу освобожденія крестьянъ, тутъ однакоже она выразила свое негодованіе на заявленіе Левшина. Послѣднее въ такой степени дискредитировало его въ глазахъ Государя, что уже осенью 1858 г. онъ ходатайствовалъ о своемъ увольненіи, въ особенности убѣдившись, что все вліяніе на Ланского по крестьянскому дѣлу перешло, съ начала 1858 г., въ руки Н. А. Милютина.

Обновленное такимъ образомъ министерство внутреннихъ дѣлъ стало дѣйствовать рѣшительнѣе и вступило въ открытую борьбу со всѣми лицами, вліяніе которыхъ оно считало вреднымъ и опаснымъ для крестьянскаго дѣла, и въ особенности съ усиливавшимся вліяніемъ Я. И. Ростовцова. Къ сожалѣнію, самымъ дѣятельнымъ органомъ этой борьбы явилось заграничное русское періодическое изданіе—„Колоколъ“ Герцена, избравшее себѣ орудіемъ самыя страстныя нападенія на личность Ростовцова. Но этотъ способъ борьбы, усиливавшійся по мѣрѣ новыхъ конфликтовъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ Ростовцовымъ, не могъ достигнуть своей главной цѣли и былъ крупною ошибкой со стороны талантливаго лидера освободительной партіи, такъ какъ онъ не только не дискредитировалъ Ростовцова въ глазахъ Государя, но и возбудилъ его неудовольствіе противъ министерства внутреннихъ дѣлъ и противъ руководимой Милютинымъ освободительной партіи, которую противники освобожденія крестьянъ заклеймили прозваніемъ „красныхъ“ и на которую возвели нелѣпое обвиненіе въ намѣреніи достигнуть цѣли насильственнымъ и кровавымъ переворотомъ. Къ сожалѣнію, столь пагубная для великой реформы распря между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Ростовцовымъ продолжалась до самаго его отъѣзда за границу въ іюлѣ 1858 г.

Только тамъ, при успокоительномъ отдыхѣ отъ волненій, вызванныхъ упорными на него нападками, Ростовцовъ имѣлъ возможность разобраться въ основныхъ вопросахъ реформы и пришелъ къ убѣжденію, что освобождаемые крестьяне могутъ быть „царскими“ или „барскими“, но что земля, которая ихъ кормила, отойти отъ нихъ не можетъ.

Такъ, по мѣрѣ того, какъ Ростовцовъ въ полномъ одино-

чествѣ передумывалъ вопросъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, настоятельная необходимость окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ все глубже и глубже западала въ его душу, и онъ сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ желаемаго большинствомъ его коллегъ въ Главномъ Комитетѣ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которому онъ самъ придумалъ характерное названіе „птичьей свободы“.

Однакожъ, въ первомъ своемъ письмѣ Государю отъ 17-го августа 1858 г., Ростовцовъ еще не имѣлъ смѣлости вполнѣ отрѣшиться отъ мнѣнія Позена, котораго считалъ великимъ финансистомъ, указывая на него даже какъ на самаго способнаго кандидата въ будущіе министры финансовъ обновленной Россіи; онъ полагалъ еще вмѣстѣ съ Позеномъ, что выкупъ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ (кромѣ усадебъ) представляется совершенно невозможнымъ въ финансовомъ отношеніи. Въ послѣднемъ же письмѣ, отъ 3-го сентября, Ростовцовъ уже явился самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ совершенной необходимости земельнаго освобожденія крестьянъ и высказался, хотя и очень осторожно, за выкупъ крестьянскихъ надѣловъ при дѣятельномъ содѣйствіи правительства.

Письма Ростовцова Государю (17 августа—3 сентября) сослужили крестьянскому дѣлу великую историческую службу. Царь-Освободитель передумалъ также на досугѣ все великое дѣло освобожденія крестьянъ и, послѣ впечатлѣній, полученныхъ имъ лѣтомъ во время поѣздки по Россіи, и личныхъ сношеній съ Ростовцовымъ, въ концѣ сентября 1858 г., окончательно убѣдившись, что „птичья свобода“ для крестьянъ немыслима, сдѣлался навсегда рѣшительнымъ и совершенно непоколебимымъ сторонникомъ *земельнаго* освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

П. Семеновъ Тянъ-Шанскій.

ОСЕНЬЮ

РАЗСКАЗЪ

Мѣсто это я получилъ случайно: я пробирался въ городъ, поискать какихъ-нибудь занятій „по письменной части“, послѣ того какъ служба моя въ качествѣ конторщика у купца-лѣсопромышленника кончилась вмѣстѣ съ послѣднимъ вырубленнымъ деревомъ купленной купцомъ на срубъ дачи,—и въ дорогѣ встрѣтился съ Медунцевымъ.

Про него я слышалъ раньше, слышалъ, что онъ, какъ непремѣнный членъ крестьянскаго банка, ликвидируетъ большое имѣніе; пока оба мы—онъ въ запряженной парой большихъ лошадей линейкѣ, я съ узломъ подъ мышкой — ждали застрявшаго по другой сторонѣ рѣки парома, я спросилъ его, нѣтъ ли у него въ имѣньѣ какой-нибудь работы.

— А вы служили гдѣ-нибудь?

Я сказалъ.

— Ага, знаю, знаю, у Гринберга... Такъ тамъ все, значитъ, кончилось?

— Все...

— Такъ, такъ... Что-жъ, работы у меня всегда много. Если вы знакомы съ письменной частью—отчего же! Теперь я въ городъ ѣду, да вы безъ меня можете пока... Идите назадъ, тутъ на восьмой верстѣ аллея березовая, это и будетъ Покровское. Обратитесь къ завѣдующему имѣніемъ Ламину и скажите, что я послалъ васъ. Такъ и скажете—Виталій Константиновичъ Медунцевъ прислалъ — онъ устроитъ васъ пока... А завтра и я вернусь...

Я поблагодарилъ его.

— Помилуйте, за что же... Работы у меня всегда много, людей не хватаетъ...

Въ это время паромъ уже причаливалъ и толкавшійся по берегу кучеръ взялъ подъ уздцы лошадей.

— Такъ до свиданья, завтра увидимся — закончилъ Медунцевъ, протягивая мнѣ руку;—такъ по большой дорогѣ и идите вплоть до аллеи... А тамъ на черномъ дворѣ найдете Ламина...

Я поблагодарилъ еще разъ и отправился.

Къ рѣкѣ я подошелъ, когда уже сильно темнѣло, эти восемь верстъ шелъ часа полтора, и когда подходилъ къ березовой аллеѣ—настала ночь, осенняя, черная, немного свѣжая и тихая до того, что стукъ ѣдущей телѣги можно было слышать чуть не за полторы версты...

Я прошелъ аллею, о которой говорилъ Медунцевъ—деревья были старыя, вѣтвистыя и темнота подъ ними была еще сильнѣй. Похоже было, что я иду ощупью по черному корридору и нѣтъ никакого признака, что я иду именно туда, куда нужно.

Гдѣ-то журчала вода; какое-то темное строеніе, едва намѣчавшееся во мракѣ, выросло съ лѣвой стороны. Потомъ шумъ воды сталъ слышнѣе, гдѣ-то тутъ же внизу, такъ что я пошелъ даже осторожнѣе, боясь провалиться подъ невидимую гору. Аллея вдругъ кончилась, и я споткнулся о какія-то доски. Мостъ, но очень странный, какой-то особенно горбатый, лѣзущій куда-то въ гору и, должно быть, очень высокій: внизу, въ черномъ мракѣ, буйно бьется о камни вода, журчитъ и плещетъ какъ на мельницѣ и рвется безсильно о бревна — не то устои моста, не то плотины.

Ея совсѣмъ не видно, и только дрожащіе извивы отраженныхъ звѣздъ, особо яркихъ, августовскихъ звѣздъ, трепетно шевелящихся въ бархатномъ небѣ, показали мнѣ высоту моста.

Я постоялъ надъ водой, посмотрѣлъ на звѣзды и двинулся дальше.

Налѣво виднѣлись деревья, высокія и густыя—должно-быть паркъ или лѣсъ, направо—темное длинное зданіе, похожее на сѣнной сарай, какіе бываютъ въ большихъ экономіяхъ.

Куда идти? Я двинулся дальше, но прямо шла та же дорога, по которой я пришелъ сюда. Кажется, она потомъ загибалась влѣво и обходила обсаженный елями прудъ, — судя по бѣлому туману, неподвижно висѣвшему между деревьями.

Можно было подумать, что мнѣ еще идти далеко—такъ тихо

было кругомъ: не слышно было ни собаки, ни пѣтуха, ни трещотки ночного сторожа, обычно нарушающей тишину осеннихъ ночей въ деревнѣ, никакого признака человѣческой жизни. Но мостъ и сѣнной сарай говорили, что гдѣ-то тутъ же имѣнье, домъ, надворныя постройки, служащіе, люди...

Я повернулъ налѣво—и не ошибся: черезъ нѣсколько шаговъ уперся въ желѣзныя рѣшетчатыя ворота. Два каменныхъ штукатуренныхъ столба смутно бѣлѣли на черномъ фонѣ кустовъ и деревьевъ.

Я долго и тщательно искалъ калитки и уже собирался перелѣзть черезъ ворота, какъ одна половина ихъ съ тихимъ скрипомъ подалась подъ моей рукой—они просто не были заперты.

Свѣтлыми призраками стояли какіе-то кусты по сторонамъ, подъ ногами хрустѣлъ твердый песокъ—несомнѣнно тутъ должны были быть люди. Черезъ минуту я вышелъ на широкую площадку — и слѣва тяжелымъ, молчаливымъ силуэтомъ выступилъ двухъ-этажный домъ.

Осенью ночь наступаетъ рано, темнѣетъ часовъ въ восемь, шелъ я отъ парома часа полтора—теперь не могло быть позднѣе десяти часовъ, но все въ домѣ было темно и по всѣмъ видимостямъ все спало, какъ будто сейчасъ было по меньшей мѣрѣ три часа ночи.

Я постоялъ, посмотрѣлъ на темныя, слѣпыя окна и вспомнилъ слова Медунцева о черномъ дворѣ, на которомъ я долженъ былъ найти управляющаго.

Очевидно я попалъ не сюда—домъ стоялъ совершенно одиноко, окруженный деревьями парка, и не было ни надворныхъ построекъ, ни службъ.

Надо было идти искать этотъ самый черный дворъ, но я такъ усталъ, что лѣнь было двинуться. Тутъ же возлѣ цвѣтника, разбитаго передъ домомъ, я нашелъ скамеечку и присѣлъ на нее. Въ узелкѣ у меня былъ хлѣбъ и немного соли; я вытащилъ его и сталъ закусывать.

Я очень люблю слѣдить, тихо присѣвъ гдѣ-нибудь въ сумракѣ, за таинственной ночной жизнью, немного жуткой, немного непонятной и—когда вспоминаешь ее днемъ — смѣшной. Быть можетъ, я—наивный мечтатель, надъ которымъ можно смѣяться; но мнѣ кажется, что ночь имѣетъ свою богатую и сложную жизнь, во много разъ болѣе интересную, чѣмъ день.

Ночью живетъ все—темная купа деревьевъ, съ недвижнымъ вниманіемъ глядящая въ черныя окна спящаго дома; старый паркъ, въ которомъ, также какъ подъ мостомъ, журчитъ и бьется

гдѣ-то запруженная вода, самый домъ — молчаливый, насупившійся, какъ будто припоминающій что-то, что было очень давно и уже невозвратно...

Ночью живутъ предметы — и высокія головки георгинъ, осеннихъ цвѣтовъ, тихо шатающихся на плотныхъ упругихъ стебляхъ предо мной въ цвѣтникѣ, ведутъ нѣмой разговоръ, недоступный грубой душѣ человѣка. А астрамъ — чуть свѣтлѣющимъ въ сумракѣ позднимъ цвѣтамъ — снятся волшебные и грустные сны, которые никогда не приснятся людямъ...

Если прислушаться, то уловишь тысячу звуковъ. Вотъ что-то стукнуло, мягко и сильно: должно-быть гдѣ-нибудь недалеко фруктовый садъ и упало тяжелое, зрѣлое яблоко. Оно долго копило силу и наливалось, грѣлось въ солнечныхъ лучахъ и впитывало свѣтлыя слезы ночной росы, и долго пряталось подъ твердымъ, опушеннымъ сѣдымъ нѣжнымъ пухомъ, листкомъ — и наконецъ не выдержало радости выполненнаго назначенія: упало темной ночью, вспугнувъ осторожно пробиравшуюся въ травѣ полевую мышь...

Гдѣ-то журчитъ вода. Неутомимо льется днемъ и ночью, днемъ и ночью уходитъ старая, является новая и все бѣжитъ, бѣжитъ...

Гдѣ-нибудь въ тихой заводи плеснула рыба. Медленно, почти не двигаясь, поднялась съ стеклянной глади поверхности и стояла такъ секундъ пять, всматриваясь въ черную глубину недвижными круглыми глазами, и вдругъ ударила хвостомъ и скрылась, исчезла — и только широкіе плавные круги пошли къ берегу. Что ей показалось, что ее испугало?

А небо! Оно — изъ темно-темно синяго бархата, почти чернаго, и живыми алмазами дрожатъ и трепещутъ и струятся жидкимъ золотомъ живыя звѣзды. Въ августѣ онѣ особенно хороши, и часто можно видѣть, какъ какая-нибудь звѣзда вдругъ сорвется и полетитъ, описывая огненную параболу, и исчезнетъ, упавъ зрѣлымъ плодомъ необъятной тверди...

Да, августовскія ночи чудесны, и даже самый холодокъ ихъ туманитъ слегка голову, какъ крѣпкое острое вино...

Кто живетъ въ этомъ домѣ? Семья ликвидатора — жена, дѣти, можетъ-быть какая-нибудь дѣвушка. Возможно, что сейчасъ она не спитъ и встала съ постели и, пожимаясь отъ холода, сѣла у окна и смотритъ въ звѣздное небо широко раскрытыми, ожидающими глазами. Да, да, она ждетъ, молодыя дѣвушки всегда ждутъ, это уже ихъ особенность, ждутъ наивно, трогательно и тревожно. Слѣдятъ за падающими звѣздами и, по дѣтской, смѣшной привычкѣ, спрашиваютъ себя:

— Ахъ, о чемъ я сейчасъ думала?!..

А при видѣ новаго мѣсяца — узкаго бѣлаго рога, блѣдно мерцающаго въ еще непотухшемъ небѣ,—хватаются за кольцо— тоненькое золотое кольцо съ камушкомъ бирюзы, наивной какъ ихъ голубые глаза, и думаютъ о суженомъ...

Да, много хорошаго есть на свѣтѣ, много наивнаго и трогательнаго, когда раздумаешься осенней ночью, сидя передъ дремлющими цвѣтами и чувствуя сладкую истому отъ долгой ходьбы...

Но надо было идти; надо было искать этого Лапина или Ламина, видящаго теперь третій сонъ, погребеннаго гдѣ-то на широкой постели душной, низкой комнаты помѣщичьихъ службъ...

Я поднялся — и мнѣ показалось, что я пошелъ назадъ, по той же дорогѣ, какъ пришелъ сюда; но я ошибся. Темною ночью нетрудно заблудиться въ незнакомомъ мѣстѣ; очевидно я попалъ не на ту дорожку, потому что вышелъ на совсѣмъ неизвѣстное мѣсто. Я шелъ не дорогой, по которой пришелъ, а узенькой тропинкой, и первое, что̀ заставило меня оглянуться, была вѣтвь яблони, отягощенная крупными плодами, о которую я стукнулся головой. Яблоки посыпались, глухо и громко стуча по землѣ. Я наклонился, въ потемкахъ сталъ шарить рукой по травѣ и подобралъ три штуки—что-жъ имъ пропадать зря?

Но въ то время, когда искалъ, гдѣ-то налѣво, довольно далеко отъ меня, вдругъ блеснулъ желтый мгновенный свѣтъ и раздался оглушительный грохотъ. Дробь просвистѣла гдѣ-то близко, щелкая по листьямъ и ломая вѣтки.

„Начало недурно!“ подумалъ я, остановившись въ нерѣшительности и боясь шагнуть впередъ, чтобы не вызвать новаго выстрѣла.

У меня еще звенѣло въ ушахъ отъ грохота, когда гдѣ-то, между деревьями, раздались шаги — трещали опавшіе сучья и попавшееся подъ сапогъ яблоко хрустнуло сочно и громко.

Шаги приближались, но было такъ темно, что я не могъ разобрать фигуры.

— Кто здѣсь?—окрикнулъ голосъ и такъ близко, что я даже посторонился немного.

— А ты кто?

— Сторожъ, садъ караулю. Ты зачѣмъ яблоню трясешь? Мы садъ въ ренду у банка взяли, деньги заплатили, а ты ходить трясти будешь?...

— Я не трясу твоей яблони, успокойся. Мнѣ нужно найти управляющаго, меня Медунцевъ прислалъ.

— Ты гдѣ-жъ коней оставилъ-то?

— Я пѣшкомъ...

Наступило молчаніе. Я явно чувствовалъ недовѣріе, вызванное моимъ заявленіемъ.

— Что-то, братъ, не того, чудно̀ больно,—проговорилъ сторожъ,—нескладно что-то... Сюда-то зачѣмъ попалъ?

— А куда же мнѣ дѣться? Я ходилъ-ходилъ, нигдѣ никого нѣтъ, всѣ спятъ. Да ты можешь меня провести къ управляющему?

— Къ управляющему-то можно, только, братъ, что-то нескладно...

— Ну, ладно, веди, потомъ поговоримъ!..

Мы пошли.

Управляющаго мы долго не могли достучаться. Онъ жилъ на дворѣ, за садомъ, и этотъ дворъ — широкій, квадратный — произвелъ на меня тяжелое, давящее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, видно, его не достучишься! —безнадежно проговорилъ сторожъ.—Стучи, стучи...

Онъ помолчалъ немного и нерѣшительно добавилъ:

— Развѣ вотъ что... Пока у меня, что-ль, переночуешь; есть у меня хабунька въ саду, въ солому закопаешься—тепло...

Очевидно, общность нашихъ усилій разбудить управляющаго заслонила въ немъ первоначальное недовѣріе ко мнѣ.

Я готовъ былъ согласиться, какъ внезапно гдѣ-то сбоку откинулась форточка и сиплый отъ сна голосъ спросилъ:

— Кого надо?

Долго мы объясняли, перебивая и добавляя одинъ другого, при чемъ недовѣрчивый сторожъ съ необыкновеннымъ жаромъ убѣждалъ управляющаго въ томъ, что меня „прислалъ самъ Виталій Константинычъ“, что меня надо впустить и, хлопая невидимыми руками по невидимымъ поламъ, удивлялся непонятливости и недовѣрію управляющаго.

— Ну, Господи, чудакъ какой!—волновался онъ.—Ну, сказано, въ писаря служить пришелъ! Господи, какой безпонятный! Да чего кобенишься—ночевать ему надо, темный ты человѣкъ!...

Наконецъ, управляющій вышелъ. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ и долго почесывался и сопѣлъ носомъ, раздумывая, куда меня помѣстить.

— Развѣ въ сельскую контору тебя положить—тоже нельзя,— соображалъ онъ.—Или, если, такъ сказать, къ кучеру Госперу—тѣсно очень да и не добудишься...

Выходило такъ, что въ большомъ, полномъ огромныхъ, какъ

сараи, построекъ, имѣньѣ нѣтъ мѣста переночевать одному человѣку.

— Вотъ развѣ что̀ я сдѣлаю—продолжалъ соображать управляющій:—помѣщу я тебя въ старой конторѣ; тамъ диванъ есть и пусто...

Мы пошли въ старую контору. Она помѣщалась тутъ же, во дворѣ, только входъ былъ со стороны сада.

Управляющій долго возился съ замкомъ, перебирая ключи, которыхъ у него были, кажется, полныя руки, наконецъ отворилъ маленькую дверь и мы вошли.

Сыростью давно непровѣтриваемыхъ комнатъ, спертой духотой нежилого дома пахнуло въ лицо, едва только я успѣлъ переступить порогъ.

Даже садовый сторожъ и тотъ неодобрительно крякнулъ и проговорилъ съ сомнѣніемъ:

— Гнильемъ гораздо пахнетъ!...

— Вотъ тутъ, сюда направо, тутъ комната и диванъ... — велъ насъ управляющій—вона онъ...

Я зажегъ спичку и, дѣйствительно, увидѣлъ диванъ—нѣчто среднее между кушеткой м турецкой тахтой.

— Тутъ переночуешь пока—заявилъ управляющій,—а тамъ видно будетъ... Пока прощай!

— До свиданья.

— Пойдемъ лучше со мной въ шалашъ, складнѣй будетъ—предложилъ сторожъ.

Я подумалъ-было, что это, дѣйствительно, будетъ, пожалуй, складнѣй, но такъ хотѣлось спать и усталость такъ давила тѣло, что отказался.

— Какъ хошь, прощевай покуда!

— Прощай.

Они ушли, я остался одинъ. Я думалъ, что засну тотчасъ же, но, должно быть, я слишкомъ переутомился, и едва только я забывался, какъ сильный толчокъ встряхивалъ все тѣло и я открывалъ глаза. Свѣтлый квадратъ крохотнаго окна съ разноцвѣтными стеклами, тусклый отблескъ зеркала на стѣнѣ, запахъ сырости, нежилой комнаты и еще чего-то, какъ будто какого-то лекарства.

Тишина какъ въ могилѣ—и сходство еще добавляетъ пахнущій гнилымъ деревомъ мракъ.

Наконецъ я заснулъ.

Въ Покровскомъ было очень много работы, и мнѣ сразу пришлось, что называется, лечь въ хомутъ. Самъ Медунцевъ работалъ такъ, что на него жалко было смотрѣть. Я приходилъ въ контору въ девять часовъ—онъ уже сидѣлъ тамъ за какимъ-нибудь докладомъ или планомъ, писалъ проекты, распредѣлялъ угодья, намѣчалъ новыя дороги. Часто онъ уѣзжалъ куда-нибудь, какъ мы называли, „на мѣсто дѣйствія", трясся верхомъ или въ линейкѣ десять, пятнадцать верстъ, лазалъ по болотамъ, размѣрялъ лѣсъ, толковалъ съ хуторянами или канавщиками. Пріѣзжалъ вечеромъ, измученный, а дома его ждали толпы крестьянъ и съ каждымъ изъ нихъ нужно было обстоятельно поговорить, иногда торговаться, иногда два часа доказывать то, что, казалось, было яснымъ съ двухъ словъ.

Огромное имѣнье въ шесть тысячъ десятинъ онъ вынесъ на своихъ плечахъ—обошелъ, разбилъ на дачи, на участки, на хутора, заключилъ запродажныя болѣе чѣмъ на двѣсти хуторовъ, большинство переселилъ и устроилъ и все это совершенно одинъ, воюя на два фланга — съ банкомъ, заваливавшимъ грудой всякаго рода бумагъ, циркуляровъ и отношеній, и съ крестьянами, упорно недовѣрявшими всему, что шло отъ банка.

Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого человѣка, у котораго не было буквально пяти минутъ, посвященныхъ себѣ, на неутомимую энергію его и удивительную трудоспособность.

Можно было соглашаться или не соглашаться съ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, можно было спорить о преимуществѣ хуторского единоличнаго или общиннаго хозяйства, о насильственной прививкѣ народу чуждыхъ формъ быта и уклада, но нельзя было не уважать этого человѣка.

Онъ горѣлъ яркимъ, ровнымъ, неослабѣвающимъ огнемъ и—какъ мнѣ казалось—медленно, но неуклонно сгоралъ на немъ.

Отписываясь на всякія отношенія и циркуляры, скрипя перомъ съ девяти до двухъ и съ трехъ до семи, я время отъ времени поднималъ голову и смотрѣлъ на него.

Молодое, но уже какъ-то потемнѣвшее лицо, рѣзкія морщины у носа и на лбу, сѣдые совершенно виски. Нервныя, быстрыя и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанныя движенія и зеленоватые острые глаза. Часто, что-нибудь соображая, онъ поднималъ голову и смотрѣлъ неподвижно въ одну точку, и тогда мнѣ хотѣлось окликнуть его и сказать:

— Послушайте, бросьте! Бросьте все, что вы здѣсь дѣлаете, и уѣзжайте, уѣзжайте скорѣй отъ этихъ двухсотъ хуторовъ, новыхъ дорогъ, мужиковъ, плановъ! Возьмите простую ариѳметику

и разсчитайте: такіе люди вездѣ и всегда будутъ цѣнностью и вездѣ и всегда полезны. Если вы просидите здѣсь еще полгода— вы потухнете и отъ васъ ничего не останется. Въ результатѣ будетъ то, что мужики все-таки не будутъ разселены, а изъ жизни уйдетъ большая и нужная сила!...

Но, разумѣется, сказать я ничего не могъ—и такъ мы сидѣли часъ, два, три...

Въ два часа прибѣгала горничная, въ бѣломъ фартучкѣ, съ модной городской прической и бойкими черными глазами, говорила, что подано обѣдать. Онъ отзывался короткими „сейчасъ, сейчасъ“ и дописывалъ нѣсколько строкъ.

И когда, наконецъ оторвавшись, шелъ черезъ садъ къ дому—по полуопущеннымъ вѣкамъ, по горькой складкѣ у рта я видѣлъ, какъ усталъ онъ.

У него была жена, которую я увидѣлъ первый разъ такъ: я сидѣлъ со сторожемъ, карауливщимъ яблоки, возлѣ его шалаша, и разбиралъ по сортамъ яблоки, упавшія за день и снесенныя въ одну груду. Старикъ оказался премилымъ человѣкомъ и мы съ нимъ очень скоро и плотно подружились; онъ разсказывалъ мнѣ забавныя исторіи, которыхъ зналъ безконечное количество, и по отношенію ко мнѣ держался того немного покровительственнаго, немного ворчливаго тона, какой любятъ нѣкоторые старики, вынужденные судьбою жить подолгу въ молчаніи и одиночествѣ.

— И вотъ, братецъ ты мой, — разсказывалъ онъ, раскладывая спѣлыя янтарныя яблоки на разныя кучки, — только что мы съ Митрюхомъ сунулись въ избу—глядь, сидитъ старуха, старая-старая, космы то ажъ желтыя, грибы отвисши и пѣтухъ при ей—что смоль вотъ черный...

— Это ранетка?—перебилъ я, показывая яблоко.

— Ранетка, въ тую кучу, — отвѣчалъ старикъ, — хорошая здѣсь ранетка, по гривеннику за гарнецъ въ городѣ какъ есть дадутъ, а только что далеко до Чистовской ранетки — Чистое, село такое господское есть верстъ тридцать, ай двадцать пять— вотъ тамъ ранетка, ну сахаръ, истинный сахаръ! Да, такъ сидитъ эта самая вѣдьма, — продолжалъ старикъ, —и пѣтухъ при ей, и они промежъ собою разговоръ имѣютъ...

Вдругъ онъ поспѣшно всталъ и сдернулъ картузъ. Я оглянулся. По березовой аллеѣ, окружавшей фруктовый садъ, шла женщина въ голубомъ платьѣ... Красивая женщина, съ темными волосами и нѣсколько смуглымъ, южнымъ какъ будто лицомъ. Я не разсмотрѣлъ ее подробно — уже вечерѣло и легкій, про-

зрачный сумракъ стоялъ въ аллеѣ неуловимой дымкой, но когда она взглянула на насъ — меня какъ будто кто-то толкнулъ въ грудь: такъ настойчивъ, прямъ и спокоенъ былъ этотъ взглядъ черныхъ, казавшихся въ сумракѣ неестественно большими, нѣсколько какъ будто даже угрюмыхъ глазъ.

Старикъ спѣшно отобралъ нѣсколько сортовъ лучшихъ яблокъ и, держа ихъ въ заскорузлой, мозолистой ладони, направился къ ней. Она пріостановилась, подождала, пока онъ подойдетъ, и спросила что-то. Онъ отвѣтилъ и съ поклономъ протянулъ яблоки. Она разсѣянно отобрала два яблока и опять взглянула на меня.

Да, это были глаза! Отъ нихъ оставалось такое впечатлѣніе, будто они заполняли все лицо, огромные, темные, два черныхъ озера, на днѣ которыхъ неподвижно лежитъ таинственная тьма...

Она пошла дальше, а старикъ вернулся къ шалашу.

— Спрашивала—кто такой,—проговорилъ онъ,—я говорю—писарь тутошній... Ничего не сказала. Чудная барыня — будто не изъ нашихъ—цыганка, либо черкешенка что-ли...

— А ты видалъ черкешенокъ?

— А нѣшто нѣтъ? Я, братъ, много чего видалъ, я такого видалъ, чего тебѣ и во вѣкъ не увидѣть, вотъ братъ что я тебѣ скажу... Я скажу тебѣ такое дѣло: стояли мы подъ Ахалъ-Теке, вотъ въ той самой сторонѣ, гдѣ эти самыя черкешенки и живутъ...

— Подъ Ахалъ-Теке нѣтъ черкешенокъ, черкешенки — на Кавказѣ, а это за Каспійскимъ моремъ...

— Знаешь ты много, не живутъ! Ты все умственно знаешь, изъ книжки, а я самъ тамъ бывалъ — чего-жъ говорить-то? Ты, поди, носа обтереть толкомъ не могъ, когда я тамъ съ винтовкой орудовалъ!..

Спускался вечеръ. Старикъ разсказывалъ что-то про черкешенокъ, которыя живутъ въ Ахалъ-Теке, а я легъ на спину и смотрѣлъ въ золотое небо.

Я не знаю, какъ на кого, но думается, что такіе тихіе вечера, когда небо подернуто блѣднымъ золотомъ осени, а по землѣ стелются сѣрыя, призрачныя тѣни и бѣлыя березы стоятъ въ нихъ какъ женщины на молитвѣ,—такіе вечера неотразимо дѣйствуютъ на всѣхъ одинокихъ, безпріютныхъ людей, у которыхъ ничего не осталось позади и нечего ждать впереди...

Въ такіе вечера какъ-то особенно чувствуется тихая печаль природы—странный аккордъ блѣдныхъ красокъ, неясныхъ звуковъ, медленныхъ движеній. Лежишь и слушаешь, какъ гдѣ-то

далеко, въ глуши стараго парка, громко стучитъ носомъ дятелъ, какъ запоздавшій работникъ, желающій кончить работу до темноты. Журчитъ несмолкаемо рѣчка, и тотъ отдаленный, затушеванный шумъ только оттѣняетъ тишину вокругъ. Какъ отлитыя изъ бронзы стоятъ кривыя, съ изогнувшимися дугообразно вѣтвями, яблони, и каждый листокъ чеканится отчетливо, рѣзко и выпукло.

И вдругъ глухой стукъ—упало гдѣ-нибудь яблоко. И опять все тихо, призрачно и отчетливо, и молчитъ грустнымъ и усталымъ молчаніемъ осени...

И запахъ: пахнетъ повявшей травою, немного сыростью и крѣпкимъ, сладкимъ какъ вино ароматомъ разложенныхъ неровными горками яблокъ.

Потомъ старикъ варилъ себѣ картошку и я ужиналъ съ нимъ, когда все уже стемнѣло и звѣзды чертили золотыя дуги въ глубокихъ просвѣтахъ черной листвы...

Такъ я увидѣлъ эту женщину въ первый разъ; а дня черезъ два Медунцевъ какъ-то за работой поднялъ голову и спросилъ:

— Да, послушайте, какъ вы обѣдаете?

Я отвѣтилъ, что какъ придется. Хотѣлъ столоваться у завѣдующаго имѣніемъ, но у него больна жена и онъ не взялся меня кормить.

Медунцевъ выслушалъ меня, склонивъ голову набокъ и какъ будто что-то соображая. У него вообще была привычка слушать наклонивъ слегка голову къ плечу и имѣя сосредоточенный видъ. Должно-быть его къ этому пріучили крестьяне, требовавшіе особаго вниманія, необходимаго для того, чтобы среди ненужныхъ словъ, отступленій и странныхъ выраженій нащупать мысль.

— Вотъ что — проговорилъ онъ, постукивая карандашомъ по плану, на которомъ провѣрялъ экспликацію земли:—вы, быть можетъ, согласились бы обѣдать у насъ? Насъ съ женой только двое и третій человѣкъ не былъ бы обременительнымъ, а вы по крайней мѣрѣ питались бы болѣе или менѣе удовлетворительно...

— Я согласенъ, только съ условіемъ, что вы за это возьмете съ меня опредѣленную плату...

Онъ посмотрѣлъ на меня и не сталъ возражать.

— Если вамъ кажется это необходимымъ — проговорилъ онъ, вновь опуская голову къ плану.

Въ тотъ день, когда съ большого дома прибѣжала горничная, мы пошли вмѣстѣ.

Очевидно жена его не была предупреждена о моемъ при-

ходѣ, потому что удивленно взглянула на меня и протянула руку съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Матреша, дайте еще приборъ,—проговорилъ Медунцевъ, развертывая салфетку, и добавилъ, обращаясь къ женѣ:—господинъ N — онъ назвалъ мою фамилію — обѣдаетъ Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ какъ, а работать намъ приходится много— я предложилъ ему обѣдать у насъ: надѣюсь, ты ничего не имѣешь противъ?

Она пожала слегка плечами и отвѣтила: — Что же я могу имѣть?—и чуть-чуть повела своими чудесными глазами въ мою сторону.

У нихъ не было дѣтей, и это чувствовалось въ домѣ. Отъ этого было не то что скучно, а какъ-то молчаливо, тихо, можетъ-быть немного чопорно. Горничная, съ бойкими черными глазами, безмолвно подавала и принимала со стола; Медунцевъ говорилъ объ изслѣдованіи почвы въ Щербовской дачѣ, которую хотѣлъ разбивать на хутора; его жена молча слушала, а можетъ-быть и не слушала, едва притрогиваясь къ тарелкѣ.

И чувствовалось, что во всѣхъ девяти комнатахъ верхняго этажа неподвижно стоитъ дорогая мебель; молча двигается каждое утро прислуга, стирая пыль съ фарфора и бронзы; тихо скучаютъ на стѣнахъ темныя старыя картины, на которыя некому глядѣть.

Со своего мѣста изъ столовой я видѣлъ въ растворенную половинку двери уголъ стариннаго рояля краснаго дерева—значитъ, здѣсь играютъ, можетъ-быть поютъ. И я вообразилъ, какъ подъ вечеръ, когда смеркается и молчитъ старый паркъ съ разваливающимися бесѣдками, молчатъ цѣпные мостики, по которымъ некому ходить, молчитъ домъ, уставленный старинной, никому ненужной мебелью, одинокая женщина съ необыкновенными глазами подходитъ къ роялю и открываетъ крышку. Инструментъ отвѣчаетъ глухимъ, протяжнымъ стономъ, гулко разносящимся въ темнѣющей комнатѣ, и она беретъ одинъ-два аккорда. И можетъ-быть поетъ—страстно, вдохновенно, долго, такъ, какъ поютъ только въ одиночествѣ, когда душа скорбитъ и рвется, и дрожитъ тайнымъ напряженіемъ невыплаканныхъ слезъ.

Я сказалъ:

— За дверью я слышу громъ рояля—вы поете?

Не поднимая глазъ, она отвѣтила:

— Да, немного... Теперь рѣдко.

— Ты совсѣмъ забрасываешь пѣніе, а это жаль,—вмѣшался Медунцевъ;—послѣднее время я почти не слышу тебя...

— Послѣднее время ты почти не бываешь дома,—возразила она,—хотя я дѣйствительно забросила почти пѣніе...

— Напрасно...

— А къ чему мнѣ пѣть? На сцену я все равно не пойду...

— Пѣть можно и для себя.

— Неправда. Еслибы художникъ зналъ, что его картины никто не увидитъ—онъ забросилъ бы свои кисти и краски. Писатель не станетъ писать, если не будетъ увѣренъ, что его прочтутъ. Работать надъ собой, надъ голосомъ, надъ своимъ дарованіемъ что называется въ пустую—безсмысленно...

Я посмотрѣлъ на Медунцева и поймалъ его робкій, какъ будто въ чемъ-то извиняющійся, какъ будто о чемъ-то просящій взглядъ. И мнѣ стало неловко, какъ бываетъ всегда, когда, совершенно этого не желая, внезапно заглянешь въ чужія интимныя отношенія.

Послѣ обѣда перешли въ гостиную и туда подавали чай, и я и Медунцевъ просили его жену спѣть что-нибудь, но она упорно отказывалась и такъ и не спѣла. Мы посидѣли немного, выпили по двѣ чашки чаю и опять отправились въ контору.

Съ тѣхъ поръ я каждый день обѣдалъ у Медунцевыхъ.

Иногда онъ уѣзжалъ куда-нибудь по дѣламъ, и первое время мнѣ было неловко сидѣть съ его женой вдвоемъ въ большой темноватой столовой въ полномъ молчаніи, когда стукъ ножа или звонъ ложки, столкнувшейся съ фарфоромъ, могъ испугать неожиданно громкимъ звукомъ.

Она почти не говорила со мной, и я зналъ почему: я былъ маленькій человѣкъ—ничтожный писецъ, подобранный на дорогѣ, получающій двадцать рублей жалованья; а она, какъ я слышалъ отъ моего пріятеля, садоваго сторожа, была дочь генерала, выросшая въ богатствѣ, окруженная обществомъ, жившая прежде весело и беззаботно.

Кажется, ея отецъ умеръ, и ея мужу, прежде офицеру, пришлось поступить въ банкъ непремѣннымъ членомъ. Должно быть дѣла у нихъ были неблестящи, потому что онъ, взявшись за ликвидированіе десяти тысячъ десятинъ, снялъ у банка барскій домъ, привезъ изъ Петербурга всю мебель и жилъ въ деревнѣ третій годъ.

Какъ скучно, должно быть, было этой женщинѣ, съ смуглымъ южнымъ лицомъ и огненными глазами, сидѣть осенью въ пустомъ огромномъ домѣ, когда воетъ вѣтеръ и деревья парка стонутъ подъ его порывами, а дождь порывами налетаетъ на окна и барабанитъ въ стекла безконечно, безжалостно! И тучи,

низкія, тяжелыя, сѣрыя тучи, бѣгутъ торопливо по небу, закрываютъ солнце, и такъ проходитъ одинъ, два, три дня, можетъ быть недѣлю и больше!..

Я сидѣлъ по вечерамъ одинъ у себя въ старой конторѣ и думалъ о томъ, что сейчасъ въ этотъ моментъ, когда я смотрю на колышащійся огонь свѣчи и кругомъ все такъ тихо, какъ въ могилѣ, тамъ, въ большомъ домѣ, страстно тоскуетъ молодая женщина; она одна, никого нѣтъ и пустыя комнаты гулко разносятъ одинокіе шаги маленькихъ ножекъ. Скучно, должно быть, ей!..

Разъ, когда мы обѣдали вдвоемъ, она спросила:

— Гдѣ вы жили до того, какъ поступили сюда?

Я сказалъ.

— А еще раньше?

— Служилъ писцомъ у земскаго начальника.

— А еще раньше?

— Велъ книги въ крестьянскомъ потребительскомъ обществѣ въ деревнѣ.

— А до этого?

— Былъ на оцѣночныхъ земельныхъ работахъ въ N—ской управѣ.

— Ну, а еще, еще раньше, до всего этого, до всякихъ службъ, работъ и т. п.?

— Я работалъ или служилъ, какъ хотите, съ двадцати лѣтъ; такимъ образомъ если брать внѣшнюю сторону жизни, то она прошла только въ этомъ...

— Это должно быть очень скучно?

— Нѣтъ, ничего... Вѣдь это только внѣшность жизни—то, что я служу писцомъ или конторщикомъ; главное не въ этомъ...

— Въ чемъ же?

— Это трудно сказать. Мнѣ интересно жить, хотя иногда бываетъ немного печально. Я не смогъ бы вамъ точно опредѣлить, въ чемъ главный интересъ моей жизни, но она мнѣ нравится. Я ни отъ кого не завишу, всегда свободенъ, ничѣмъ не дорожу и нѣтъ у меня ничего, что̀ я жалѣлъ бы оставить или бросить... Я всегда вижу новыя мѣста, новыхъ людей, сталкиваюсь съ новыми интересами, и цѣлый калейдоскопъ лицъ въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ проходитъ предъ моими глазами.

— Но вы должны уставать отъ всего этого?

— Я не замѣчаю, чтобъ уставалъ... Отъ мѣста до мѣста иногда бываютъ большіе перерывы, я иду—или, если есть воз-

можность,—ѣду въ другой городъ, иногда совсѣмъ въ другой конецъ страны, и это мой отдыхъ... Иногда мнѣ приходится ночевать въ полѣ, гдѣ густо и пряно пахнетъ нагрѣтыми за день травами, ужинать съ какими-нибудь рыбаками или гоньщиками плотовъ на большой рѣкѣ, иногда въ деревнѣ у крестьянъ, и все это имѣетъ свое обаяніе, свою радость... Впрочемъ, я не умѣю вамъ сказать, въ чемъ именно эта радость, но она, для меня по крайней мѣрѣ—болѣе несомнѣнная, чѣмъ многія другія.

Она посмотрѣла на меня задумчивыми, неподвижными глазами и медленно проговорила:

— Это должно быть интересно.

— Какъ для кого.

Послѣ обѣда она пѣла. У нея былъ голосъ несомнѣнно, сначала мнѣ показалось—такъ, салонный контральто, но когда она спѣла другую, потомъ третью вещь, когда, что называется, распѣлась, я долженъ былъ невольно признать типичный драматическій сопрано, притомъ очень хорошей школы.

— Послушайте, вы на сценѣ, должно быть, пѣли?—спросилъ я въ одинъ изъ перерывовъ.

— Да, въ Москвѣ, но недолго.

— А учились?

— У ....—она назвала фамилію очень извѣстнаго профессора.

— Такъ, такъ!..

Теперь мнѣ были понятны и этотъ подъемъ, съ которымъ она пѣла, и умный, осмысленный пріемъ. Вѣроятно, она пѣла рѣдко и мало, голосъ чуть-чуть вибрировалъ, но—можетъ быть, оттого, что я давно не слышалъ пѣнія,—на меня оно произвело подавляющее впечатлѣніе.

Дѣло, кажется, было не въ развитіи музыкальной темы, не въ наростаніи драматическаго настроенія Лизы изъ „Пиковой Дамы“, а въ томъ, что я былъ очень одинокъ, не было у меня ни одного человѣка на свѣтѣ, который могъ бы подойти ко мнѣ, участливо положить руку на плечо и съ тихой лаской заглянуть въ глаза. Проходятъ годы, и я одинъ несу тяжкое бремя одинокой, протестующей мысли, а годы идутъ, и вотъ у меня на вискахъ уже сѣдина, хотя мнѣ не такъ много еще лѣтъ, и лицо мое уже прорѣзано морщинами, а глаза усталые и равнодушные, и сердце тихо стонетъ давней, привычной печалью. Стало быть, молодости уже нѣтъ, а это плохо, очень плохо!..

Да, это пѣніе сильно подѣйствовало на меня. Мнѣ показалось, что и она пѣла особенно, не такъ, какъ поетъ она въ

одиночествѣ, когда ее слушаютъ пустыя комнаты пустого дома. Можетъ-быть это потому только, что я былъ хоть какимъ-нибудь да слушателемъ, а то, дѣйствительно, скучно пѣть „въ пустую“.

Съ того дня я сталъ чаще бывать въ большомъ домѣ и дольше засиживаться тамъ. Медунцева зачастую не было дома; онъ ѣздилъ то по хуторамъ, то въ другое смежное имѣніе, которое онъ ликвидировалъ, то въ городъ, въ отдѣленіе банка, со всякими докладами.

Мы жили тихо и мирно, сидѣли подолгу по вечерамъ, иногда молча читая что-либо, иногда разговаривая, иногда за роялью. Я припомнилъ былыя времена и аккомпанировалъ въ лѣвой рукѣ ей, а она поправляла меня, смѣялась, когда я ошибался, и мы не скучали. Иногда ночью, когда было темно такъ, что нельзя было разобрать собственной руки, выставленной передъ носомъ, мы ходили воровать яблоки у моего пріятеля-сторожа.

Онъ зналъ это и нарочно ревѣлъ дикимъ голосомъ и дѣлалъ видъ, что бѣжалъ за нами и стрѣлялъ въ воздухъ.

Мгновеннымъ краснымъ свѣтомъ вспыхивалъ огонь выстрѣла и грохотъ потрясалъ неподвижный воздухъ, перекатывался за паркъ, скользилъ по пруду у плотины и отдавался далекими гулами по опушкѣ лѣса.

Мы бѣжали прочь, задыхаясь отъ смѣха и почти непритворнаго страха, теряя по дорогѣ подобранныя яблоки и спотыкаясь на дужки крокета на площадкѣ передъ домомъ.

Этотъ крокетъ изводилъ насъ—мы всегда старались обѣжать воткнутыя въ землю проволочныя ворота и всегда попадали въ нихъ, и разъ это повело къ маленькому событію: мы стремительно удирали отъ старика, который, потрясая ружьемъ и крича звѣринымъ голосомъ, гнался за нами, какъ вдругъ Лида—я говорилъ, что ее звали Лидіей? ее звали Лидіей Николаевной—какъ вдругъ Лида съ разбѣгу попала ногой въ проволочную дугу крокета и упала на руки.

Я думалъ, что она смѣется и подбираетъ разсыпанныя яблоки, но она не поднималась. Я подбѣжалъ и понялъ, что она плачетъ—такъ больно она ударилась подъемомъ ноги о твердую проволоку.

Я помогъ ей встать, и кое-какъ, тяжело опираясь на меня, она добрела до березы, окруженной скамейкой.

— Что такое, въ чемъ дѣло, вы ушиблись?—спрашивалъ я,

ощупывая руку, которую она тянула внизъ. Я думалъ, что она сломала или вывихнула ее.

— Нѣтъ, не тамъ, не здѣсь—охъ! — нога, нога — бормотала она, сжимая зубы отъ боли.

Я наклонился къ ногѣ—она сѣла на скамью, прислонясь къ толстому стволу березы,—и нащупалъ крохотную ножку, чуть свѣтлѣвшую во мракѣ свѣтлой туфлей. Я долго возился съ пуговицами этой туфли—ихъ было три и застегивались онѣ на подъемѣ, и должно-быть я былъ очень взволнованъ, къ тому же темнота, молодая плачущая женщина, крохотная теплая ножка въ моей рукѣ,—но я долго не могъ разстегнуть этихъ проклятыхъ пуговицъ!..

Когда мы вернулись въ домъ, я еще разъ осмотрѣлъ ногу. Стащилъ черный ажурный чулокъ и, присѣвъ на колѣни, изслѣдовалъ большой синій шрамъ, похожій на ударъ плетью, на бѣлой матовой кожѣ.

— Надо холодный компрессъ—нерѣшительно выговорилъ я, взглядывая на нее.

У нея еще были въ глазахъ слезы—и глаза отъ этого стали еще больше и глубже, и сверкали таинственно и странно. Она хотѣла подавить эти слезы и улыбнулась—и улыбка вышла безпомощной, дѣтской, и опять меня какъ будто кто-то толкнулъ въ грудь такъ, что я подался назадъ.

— Велите намочить кусокъ полотна въ холодной водѣ и прикладывайте,—сказалъ я, поднимаясь съ колѣнъ и стараясь не глядѣть на обнаженную ногу,—я сейчасъ позвоню...

— Подождите, я перейду въ спальную,—отвѣтила она, тотчасъ же пряча ногу подъ платье;—я позвоню сама...

Она ушла. А я долго еще стоялъ одинъ въ комнатѣ, возлѣ дивана, на которомъ она только что сидѣла, и смотрѣлъ въ то мѣсто на коврѣ, гдѣ только что была ея бѣлая, матовая, согрѣтая живой теплотой молодого тѣла, нога...

Потомъ я пошелъ къ себѣ, но спать не легъ. Долго ходилъ по комнатѣ, и пламя свѣчи колебалось неровно отъ моего движенія, и тѣни бѣгали по стѣнамъ, по полу, мелькали въ старомъ, потускнѣвшемъ зеркалѣ, какъ смутные, неуловимые образы...

Потомъ я вышелъ вонъ и долго стоялъ на мосту, слушая немолчный говоръ рѣчки. Высокія звѣзды трепетали вверху; вдругъ одна дрогнула и покатилась сіяющей дугой по черному небу...

О, это была особенная ночь—таинственная, волшебная, чудесная...

Потомъ я ходилъ къ старику-сторожу. Онъ не спалъ—сидѣлъ у своего шалаша и, разслышавъ мои шаги, окликнулъ:

— Кто идетъ?

Потомъ узналъ меня и сказалъ коротко:

— Садись...

И сталъ разсказывать про турецкій походъ, про то, какъ шелъ за туркой черезъ Балканы, какъ Гурко, на вопросъ штабнаго генерала объ обозѣ, отвѣтилъ:—Никакого обоза!

— А продовольствіе?—спросилъ генералъ.

— Сухари у солдатъ должны быть всегда, а снѣгу здѣсь много.

— А отсталые, больные?..

— Никакихъ отсталыхъ, никакихъ больныхъ...

— А я какъ-разъ и занедужилъ,—разсказывалъ старикъ,—разломило ноги, хоть ты что дѣлай!.. Не могу идти да и кончено, сѣлъ къ сторонкѣ—фельдфебель подбѣжалъ, старый такой, еще Севастополь помнилъ, кэ-э-экъ дастъ прикладомъ по загорбку, ажъ въ глазахъ искры пошли... Поднялся... прошелъ еще сколько тамъ, только-что немного; бряхъ со всѣхъ ногъ и лежу... Лежу и только смотрю жалостно, а солдаты идутъ-идутъ-идутъ... Обходятъ ровно камень и не глядятъ.!. Морды строгія такія, зубы стиснуты, глаза впередъ и хоть бы тебѣ одинъ взглянулъ.... Горько было, ахъ, горько!.. Такъ вся колонна прошла. Оглянулся я—никѣмъ никого... Только приглядѣлся—гляжу, тамъ лежитъ такой же, т.-е. какъ я, собственно, тамъ—брякнувши, тамъ присѣлъ съ краю—много насъ такихъ... И темнѣетъ—ночь подходитъ—вѣтеръ, морозъ... Легъ поплотнѣе, думаю—одинъ конецъ, все одно, замерзну!..

Онъ замолчалъ. Молчалъ долго, упорно, глядѣлъ въ небо, гдѣ золотыми очами дрожали звѣзды.

— Послѣ братушки подобрали... Съ правой ноги три пальца отрѣзали, съ лѣвой—два съ большимъ, да на рукѣ правой два... Ладно отдѣлался, ништо; другимъ и совсѣмъ конецъ былъ—изъ упавшихъ-то только пятеро живыхъ, а сколько падало-то!..

Опять помолчалъ старикъ.

— А теперь ноги гудутъ... Что ближе къ осени, то лишѣе! А зимой такъ жизти нѣтъ... Видно, помирать скоро!—закончилъ онъ.

Опять я бродилъ по парку, смотрѣлъ на падающія звѣзды, полный таинственнаго волненія и неудовлетворенности, похожей на восторгъ...

И долго не могъ заснуть отъ назойливаго видѣнія, мучитель-

наго какъ кошмаръ: все видѣлись черные, полные мерцающихъ слезъ глаза и нѣжная, дѣвственная улыбка—немного смущенная, немного стыдливая, и бѣлая нога, и какія-то кружева, таинственно прячущіяся подъ свѣтлой оборкой...

Чаще другихъ въ Покровскомъ бывалъ членъ землеустроительной коммиссіи, Заборовскій. Это былъ мужчина огромнаго роста, съ очень красивымъ лицомъ, на которомъ даже крупный, породистый носъ не казался слишкомъ большимъ. Онъ былъ по своему уменъ, всегда безукоризненно вѣжливъ и какъ-то лѣниво добродушенъ.

Мнѣ съ нимъ почти не случалось говорить, въ его присутствіи я старался больше молчать; онъ служилъ въ землеустроительной коммиссіи временно, стремясь перейти въ особое по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и оттуда шагнуть въ вицы, вслѣдствіе чего мы его и звали заочно будущимъ губернаторомъ.

Онъ твердо вѣрилъ въ дѣленіе всего человѣчества на бѣлую и черную кость и въ свое право устраивать жизнь другихъ людей сообразно циркулярамъ и инструкціямъ, внушаемымъ ему главнымъ управленіемъ.

Намъ не о чемъ было говорить другъ съ другомъ... Я молчалъ, но Лида спорила, рѣзко, непримиримо, и—по обычаю всѣхъ спорящихъ женщинъ—переходя на личности и высмѣивая оппонента. Иногда у нихъ выходили цѣлые дебаты, въ которыхъ я былъ слушателемъ, а Медунцевъ—примиряющей стороной.

Въ открытый споръ онъ не вступалъ, также какъ никогда откровенно не говорилъ о дѣятельности банка.

Порою я испытывалъ истинное удовольствіе, слушая, какъ этотъ внимательный, учтивый и неглупый человѣкъ, посвятившій, кажется, всю жизнь свою работѣ, старался сгладить острые углы, выставляемые въ спорѣ то женой его, то Заборовскимъ. И—грѣшный человѣкъ—я часто въ его отсутствіе нарочно высказывался по поводу хуторского разселенія или дѣятельности землеустроительныхъ коммиссій, всякихъ выкупныхъ платежей и т. п., стараясь, чтобы Лида хорошо запомнила нѣкоторыя положенія и потомъ громко высказала ихъ.

И это было очень забавно, когда она вдругъ поражала и мужа, и гостя знаніемъ обстоятельствъ дѣла, иногда мелкихъ деталей, и заставляла ихъ казуистически оправдывать то, что трудно было оправдать.

Я любовался ею изъ своего угла и испытывалъ смѣшанное чувство гордости и радости, подобное тому вѣроятно, какое испытываетъ большая птица при видѣ пробныхъ удачныхъ полетовъ своего дѣтища.

Иногда она и меня втягивала въ споръ, и тогда было неловко. Я не хотѣлъ скрываться или увертываться, а сказать все, что я думалъ, было нельзя, потому что тогда мнѣ пришлось бы разстаться съ Покровскимъ, а мнѣ этого не хотѣлось. Я отдѣлывался односложными фразами, короткими отвѣтами—и видѣлъ, какъ Медунцевъ улыбается подъ усами, а Заборовскій дѣлаетъ видъ, что не слышитъ моихъ словъ.

Ко мнѣ онъ относился съ той немного лѣнивой, немного добродушной вѣжливостью, которая особенно давала чувствовать разницу бѣлой и черной кости, и при такихъ моихъ выступленіяхъ походилъ на человѣка, не показывающаго, что онъ замѣтилъ, какъ гость опрокинулъ рюмку, залилъ скатерть виномъ или разбилъ тарелку.

Онъ пріѣзжалъ все чаще и чаще и въ концѣ августа почти поселился въ нижнихъ комнатахъ дома, гдѣ было отведено помѣщеніе для наѣзжей администраціи и банковыхъ служащихъ. И чѣмъ чаще онъ появлялся, тѣмъ смѣшнѣе было мнѣ: я видѣлъ, что дѣло тутъ совсѣмъ не въ Ситковскомъ товариществѣ, которое онъ разселялъ на отруба. Когда онъ уводилъ Лиду въ аллею парка или просилъ ее пойти въ гостиную спѣть *ему* (не намъ, а *ему*) что-нибудь, я скромно стушевывался, прятался въ какой-нибудь темный уголокъ и тамъ улыбался про себя: — Что-жъ, мы люди маленькіе, мы ничего, мы сами по себѣ!...

А послѣ, когда онъ уѣзжалъ, мы смѣялись съ Лидой вмѣстѣ, и это было необыкновенно заманчиво: мы, какъ дѣти, хохотали, стоя другъ передъ другомъ, болтали всякій вздоръ, который якобы говорилъ будущій губернаторъ, и осторожно играли какой-то внутренней увѣренностью, чѣмъ-то такимъ, что не позволяло намъ даже предположить возможности увлеченія или хотя бы интереса со стороны Лиды—играли и забавлялись и ни однимъ словомъ не упоминали о ней, какъ будто это была какая-то жуткая, заманчивая грань, которой переходить нельзя...

Часто, сидя въ конторѣ за работой, я вспоминалъ эти минуты, почему-то особенно сближавшія насъ съ Лидіей, и улыбался мечтательной долгой улыбкой.

Медунцевъ смотрѣлъ на меня, тоже сочувственно усмѣхаясь, и спрашивалъ:

— Чему это вы?

А мнѣ было стыдно, какъ будто я обманывалъ въ чемъ-то этого человѣка, котораго не могъ не уважать; я не могъ объяснить причины тихой радости, наполнявшей мое существо веселымъ, задорнымъ напряженіемъ, и я говорилъ:

— Такъ, пустяки...

Я ничего не сдѣлалъ, что̀ могло бы обидѣть этого человѣка, и я вѣрилъ, что не сдѣлаю, еслибы даже могъ сдѣлать—не потому, что боялся его, или дорожилъ имъ, не хотѣлъ быть воромъ, а потому что всякая близость накладываетъ цѣпи, и рвать ихъ больно и трудно, и рана потомъ долго сочится... Не рвать же я не могъ, потому что я чувствовалъ себя прохожимъ среди людей и шелъ одиноко, печально и свободно дальше и дальше...

Должно-быть чувство виновности было оттого, что я былъ ближе къ Лидіи, чѣмъ онъ... Но я не зналъ—и не спрашивалъ, почему это такъ вышло, и вечеромъ опять слушалъ ея пѣніе, училъ ее, что̀ нужно было возразить Заборовскому, и бѣгалъ воровать яблоки—въ темнотѣ, въ волнующей близости и мальчишескомъ восторгѣ...

Разъ у Медунцева вышли какія-то непріятности съ работавшими въ отдаленной дачѣ гидротехниками. Что-то вышло по поводу медлительности работъ, кто-то сказалъ о некорректности, кто-то кого-то обозвалъ нахаломъ, Медунцевъ послалъ телеграмму въ отдѣленіе банка о томъ, чтобы гидротехниковъ „убрали“, одинъ изъ гидротехниковъ самъ поѣхалъ въ банкъ—и каша заварилась.

Вѣроятно все это кончилось бы пустяками, если бы люди не горячились, но дѣло было уже сдѣлано и кашу приходилось расхлебывать. Дня два Медунцевъ ходилъ озабоченный, немного угрюмый — я предполагаю, что онъ раскаивался въ своей горячности—наконецъ не выдержалъ и поѣхалъ въ городъ.

Вечеромъ мы сидѣли на балконѣ гостиной и молчали. Мнѣ показалось, что она недавно плакала, и я не хотѣлъ говорить, боясь, что это вызоветъ ненужную мнѣ откровенность, о которой она сама потомъ будетъ жалѣть.

Было сумрачно; сѣрая плотная дымка закрыла небо и въ воздухѣ пахло дождемъ. Его еще не было здѣсь, но гдѣ-нибудь недалеко, за паркомъ, за прудомъ уже висѣла частая сѣтка, мелкая, упорная, говорившая о долгой печальной осени.

Мы молчали довольно долго. Слушали, какъ гдѣ-то на хуторѣ одиноко лаяла собака, сначала медленно, порывисто, потомъ завыла тоскливымъ, вздрагивающимъ воемъ.

Внизу кто-то ходилъ и хлопалъ дверями—должно-быть ста-

рикъ Иванъ Карлычъ, жившій въ имѣніи въ качествѣ пенсіонера. На обязанности его лежала уборка нижнихъ комнатъ, гдѣ останавливались пріѣзжающіе.

Заборовскаго не было. Онъ поѣхалъ въ свое Ситковское товарищество, гдѣ долженъ былъ остаться ночевать.

Было немного скучно, пожалуй...

Когда стало совсѣмъ темнѣть, я сказалъ:

— Отчего вы не споете что-нибудь, Лидія Николаевна?

Она посмотрѣла на меня и не сразу отвѣтила.

— Не хочется что-то,—проговорила она,—не въ настроеніи... Да и что въ самомъ дѣлѣ пѣть, когда все равно изъ этого ничего не выйдетъ?

— Изъ этого выходятъ звуки, а эти звуки слушаетъ такой тонкій цѣнитель, какъ вашъ вѣрный пажъ,—пошутилъ я, и самъ почувствовалъ, что шутка вышла тяжелой и неумѣстной.

— Мой вѣрный пажъ, крадущій со мной яблоки, вы ничего не знаете,—вздохнула она. Я постарался ее перебить:

— Я и не хочу ничего знать и извиняюсь за то, что нарушилъ наше молчаніе. И прошу васъ—пожалуйста мнѣ ничего не разсказывайте!..

— Вотъ видите, какой вы вѣрный пажъ!—усмѣхнулась она:—хотите быть вѣрнымъ только въ кражѣ яблокъ, даже безъ риска получить зарядъ дроби...

— Я считаю себя очень вѣрнымъ пажемъ,—возразилъ я,—но я боюсь, что вы будете жалѣть потомъ, что ввели въ ваши интимныя переживанія чужого человѣка...

— А вы чужой?

— Я всегда и всему чужой. Сегодня я здѣсь, завтра меня нѣтъ, а черезъ полгода вы меня забудете... И вамъ будетъ непріятно, если вы случайно вспомните обо мнѣ,—я не хочу оставлять по себѣ непріятнаго впечатлѣнія...

— Не врите, вы знаете, что вы не чужой мнѣ... И видите, что я совсѣмъ одна и мнѣ не съ кѣмъ даже слова сказать, когда мнѣ тяжело... когда мнѣ больно... вѣдь не съ этимъ же будущимъ... гу-бер...на...то-ромъ!..

Она вдругъ заплакала.

Надо сказать, что я совершенно не могу видѣть женскихъ слезъ. Когда при мнѣ женщина плачетъ—я готовъ встать передъ ней на колѣни и просить прощенія неизвѣстно въ чемъ. Что-то необыкновенно жалкое и безпомощное есть въ женскихъ слезахъ, и похожи женщины тогда бываютъ на маленькихъ, без-

помощныхъ дѣтей, которыхъ зло и несправедливо обидѣли и которымъ нечѣмъ защититься!

— Инфанта, гордая инфанта! — заговорилъ я изъ своего угла, боясь подняться, чтобы не увидѣть этихъ волшебныхъ плачущихъ глазъ: — если вамъ нуженъ мѣшокъ, въ который вы могли бы вытряхнуть лишнее, угнетающее васъ—я готовъ служить имъ, но только вѣдь перемѣнить это ничего не можетъ и все останется такимъ же, какимъ оно представляется въ данный моментъ...

— Вотъ вы шутите, а мнѣ ужасно больно, ужасно обидно!— заговорила она, не вполнѣ еще справившись со слезами. — Вы ничего не знаете и оттого шутите, и оттого вамъ ничуть не жаль меня... А мнѣ очень больно!

Я двинулся на креслѣ и хотѣлъ сказать, что мнѣ очень жаль и тоже очень больно, и что этого-то именно я и боюсь, но промолчалъ.

— Вѣдь вы поймите же, что это тоска, это ужасъ—сидѣть здѣсь въ этомъ Покровскомъ все время... Вѣдь это случайность, что вы здѣсь, а то вѣдь все Заборовскій, Штилингъ, предводитель дворянства... Его никогда нѣтъ, онъ вѣчно занятъ, а я одна, одна, одна... Вѣдь я была на сценѣ, пѣла въ Москвѣ въ Солодовниковскомъ театрѣ, имѣла успѣхъ, у меня была полная жизнь—и чѣмъ же, чѣмъ я виновата, что умеръ мой отецъ и мы задолжали десять тысячъ, что мы жили постоянно занимая, постоянно безъ денегъ, вѣчно выпрашивая у моихъ братьевъ сто или двѣсти рублей. У насъ не было ничего, потому что—что̀ такое жалованье офицера при той жизни, которую мы вели? И потомъ эта компанія военныхъ—обѣды, рестораны, карты... Вѣдь вы знаете — я теперь не могу показаться въ Петербургъ, или Москву, или Кіевъ, потому что деньги-то я занимала иногда у людей, у которыхъ ничего больше не было, и мало того, что они постоянно напоминаютъ объ этомъ—мнѣ прямо стыдно на глаза показаться!... И вотъ я сижу здѣсь въ Покровскомъ, мы не имѣемъ даже городской квартиры, мы сжались до послѣдней степени—изъ четырехъ съ половиной тысячъ проживаемъ едва полторы, я бросила сцену, жизнь, свои интересы, все—и сижу одна, а теперь того и гляди выйдетъ еще непріятность... Я знаю его, вѣдь изъ-за этихъ — какъ ихъ, гидропультовъ, гидротехниковъ, какъ ихъ тамъ — можетъ выйти то, что ихъ не уберутъ, а онъ сочтетъ это оскорбленіемъ и подастъ въ отставку... — Я его люблю — но онъ не мужъ мнѣ, онъ давно уже не мужъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшилъ „замаливать грѣхи“,

какъ онъ говоритъ — онъ ушелъ весь въ этотъ „подвигъ“ и все для него умерло — семья, я, все рѣшительно! Я его люблю — но мы такъ далеки, такъ чужды другъ другу — это похоже на то, что онъ братъ мнѣ, далекій братъ, живущій гдѣ-то очень далеко, съ которымъ мы изрѣдка обмѣниваемся незначительными записками-фразами... Я одна, понимаете, одна — сижу здѣсь, и мнѣ ужасно... больно... Я не смѣю даже сознаться... никому... своимъ братьямъ... въ томъ, какъ у насъ все обстоитъ... и тоска... поймите, поймите, поймите, поймите...

Она опять заплакала, и это уже было похоже на истерику.

Я бросился за водой и въ потемкахъ чуть не повалилъ какой-то вазы, стоявшей въ гостиной предъ дверью въ жардиньеркѣ съ плющемъ, и когда принесъ воду, расплескавъ половину стакана, она сидѣла, уронивъ голову на вытянутыя вдоль балюстрады балкона руки, и вся колыхалась отъ настойчивыхъ, судорожныхъ рыданій.

— Инфанта, милая инфанта, — бормоталъ я, ползая на колѣняхъ около нея и стараясь найти стаканомъ ея губы, — выпейте воды, успокойтесь, ну, что это въ самомъ дѣлѣ...

Она все рыдала и не поднимала головы, и мнѣ пришлось обнять ее, откинуть голову назадъ и насильно влить воду въ полураскрытыя, пламенныя губы. И опять я увидѣлъ огромные плачущіе глаза — эти страшныя озера, полныя черной глубиной — и ощутилъ порывистый трепетъ теплаго тѣла. Когда я близко наклонился, я ощутилъ ароматъ — особый ароматъ, отъ котораго могла закружиться голова — какихъ-то духовъ, разбившихся волосъ и упругаго, крѣпкаго женскаго тѣла.

Она все плакала, крѣпко сжимая мою руку выше локтя, а я не зналъ, что сказать и какъ освободиться, и это казалось почему-то мучительно глупымъ и больнымъ.

— Поймите, пойми, пойми... — твердила она, вся сотрясаясь глухими, уже не сдерживаемыми рыданіями. А я понималъ только одно — что мнѣ надо скорѣй уходить, а то чортъ знаетъ что можетъ выйти!..

Кое-какъ мнѣ удалось ее немного успокоить и увести въ комнаты. Хорошо еще, что насъ никто не видѣлъ на балконѣ и прислуга была далеко, въ нижнемъ этажѣ дома, а то могли бы сочинить цѣлую исторію.

Я видѣлъ, что мнѣ нельзя, никакъ нельзя оставаться долѣе съ нею и надо уходить — отсюда изъ комнаты, изъ дома, можетъ-быть, изъ Покровскаго даже. Но уйти было тоже нельзя — нельзя же было оставить ее одну въ такомъ положеніи — и я

сидѣлъ, стараясь не глядѣть на нее и говоря искусственно спокойнымъ, немного лѣнивымъ тономъ.

— Вамъ, разумѣется, трудно, я охотно этому вѣрю, — говорилъ я, — но что дѣлать — и всѣмъ не легко. Разница только въ томъ, что у одного трагедія въ малоземельѣ, у другого — въ томъ, что онъ долженъ нести на своихъ плечахъ „подвигъ", какъ вы говорите, у третьяго — узость собственной жизни, у четвертаго — протестъ, который онъ самъ не могъ бы оформить... Если начать говорить о причинахъ, то неизмѣнно придешь, пожалуй, къ отрицанію всей почти дѣйствительности и придешь въ Римъ, по какой дорогѣ ни шелъ бы... Если присмотрѣться ко всему, что вокругъ тебя происходитъ, станетъ тошно и поймешь только одно: такъ жить нельзя... Разумѣется, я говорю слишкомъ обще и, пожалуй, туманно, но я не нахожу возможнымъ болѣе подробно развивать свою мысль въ данный моментъ... Мы живемъ — и всѣ несчастны, всѣ недовольны, всѣ скорбимъ... Это, разумѣется, ненормально, потому что я не знаю величайшаго блага, чѣмъ человѣческая жизнь... Она — вдохновеніе, экстазъ, радость, она — искусство, и я вѣрю, что вскорѣ исчезнутъ музыка, пѣніе, живопись, литература, а останется одно искусство — искусство человѣческой жизни, которое объединитъ въ себѣ все... Тогда люди будутъ жить полной *своей* жизнью, а не переживать вычитываемое изъ книжки, сидя за столомъ передъ огаркомъ свѣчи, наслаждаться не только созерцаніемъ, слухомъ, а ощущеніемъ, своимъ переживаніемъ... Вѣдь когда вы слушаете оперу — развѣ вамъ самимъ не хочется пѣть? Или идти въ лунномъ саду и шептать таинственныя и глубокія слова любви? Или любить, или страдать, да, да, даже страдать, какъ Фаустъ, или король Лиръ, или Гамлетъ, или Чайльдъ-Гарольдъ?.. А мы живемъ чортъ знаетъ какъ — и потому я просто не хочу этой жизни, не хочу ея связей, я ушелъ отъ нея и иду мимо, я просто прохожій... Я не хочу этой вашей жизни съ литературой, выродившейся въ нелѣпость... Вы знаете, что такое ваша литература? Къ вамъ приходитъ человѣкъ, входитъ въ вашу комнату и говоритъ: хотите, я на вашихъ глазахъ сдѣлаю что-нибудь страшное, гадкое, ужасное... Ну, хоть зарѣжу ребенка, мальчика? Это будетъ не на самомъ дѣлѣ, нарочно, какъ говорятъ дѣти, но будетъ сдѣлано такъ, что какъ будто на самомъ дѣлѣ — тонко, умно, *талантливо*, такъ что потрясетъ васъ и вы потеряете сонъ и аппетитъ!.. Не хочу вашего театра, гдѣ толстая дама толкаетъ меня толстымъ колѣномъ въ то время, когда моя душа стонетъ отъ того, что происходящее на сценѣ про-

исходитъ не со мной, и не я, не я сгораю, пронзенный любовью, уязвленный страстью, подавленный восторгомъ! Это такъ, видимость, а моя жизнь бѣдна, тосклива, проста и суха, и всѣ мои порывы, все мое возбужденіе, всѣ стремленія, пробужденныя книгой, музыкой, геніальнымъ творчествомъ—все это *въ пустую!..* Я могу страдать и горѣть—но сидя въ креслѣ и не пробуждая детонаціи ни въ одномъ сердцѣ, могу говорить прекрасные монологи—но некому меня слышать и мое творчество—„въ пустую"!..

Какъ всегда это случается съ людьми, много и долго таившими невысказанными мысли, копившіяся многіе дни, долгіе годы,—заговоривъ о жизни всѣхъ людей, я невольно перешелъ на себя и черезъ десять минутъ стоялъ передъ Лидіей и, махая передъ ея лицомъ кулаками, кричалъ неистовымъ голосомъ:

— Невозможно, понимаете ли вы, невозможно жить среди людей, которымъ нужно еще доказывать вредъ пьянства, преступленіе проституціи, нелѣпость юридическихъ нормъ, говорить о томъ, что бѣлое бѣло, а черное черно, что женщина должна быть уравнена въ правахъ, а народу надо предоставить возможность распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрѣнію!.. Поймите же вы, что безсмыслица жить общей жизнью съ людьми, которые еще сомнѣваются въ томъ, что смертная казнь—идіотская нелѣпость, подавляющая своей жестокостью! Нѣтъ, не хочу, понимаете, не хочу я всего этого, и я иду, иду мимо—я прохожу и не хочу, не хочу жалѣть, не хочу страдать, не хочу опутывать себя тысячью цѣпей, сковывающихъ мой свободный духъ, обрывающихъ мои золотыя крылья!.. Пусть я буду одинокъ, пусть нищъ, пусть вѣчное одиночество и близкая старость идутъ неслышными шагами по моимъ пятамъ—я умру гдѣ-нибудь подъ заборомъ, обезсиленный безконечной дорогой, но я одинъ, понимаете, я одинъ, я свободенъ и я не хочу жалѣть!..

Я хотѣлъ сказать много—было такое ощущеніе, что мозгъ не выдержитъ напора бѣшенаго вихря мыслей, но я посмотрѣлъ на Лиду.

Она сидѣла вся подавшись впередъ, порывистымъ движеніемъ схватившись за поручни кресла, и смотрѣла на меня огромными, жадными глазами, въ которыхъ еще мерцали далекимъ блескомъ недавнія слезы.

— Вы... вы... вы...—задыхаясь, говорила она, едва я остановился,—вы...

Но я уже не могъ слушать, не могъ смотрѣть въ эти глаза, не могъ быть здѣсь, около нея, и, махнувъ рукой, что-то бор-

моча и захлебываясь сухими, похожими на нервную икоту, рыданіями, убѣжалъ изъ дома...

Какъ-то Медунцевъ, въ одинъ изъ своихъ кратковременныхъ пріѣздовъ домой, сказалъ за обѣдомъ:

— Наступила осень, тьма по ночамъ стоитъ убійственная. Лидія Николаевна боится спать одна въ домѣ; Заборовскій хоть и пріѣзжаетъ, но не всегда ночуетъ, а прислуга далеко и притомъ все женщины. Я хотѣлъ поселить здѣсь Ивана Карловича, но онъ глухъ, спитъ такъ, что его пушками не разбудишь, и притомъ, какъ гоголевскій Петрушка, всюду вноситъ свой собственный запахъ: махорка, которую онъ куритъ, способна выселить даже обитателей казармы...

Я согласился, что Иванъ Карловичъ куритъ махорку, дѣйствительно, серьезную. Запахъ Ивана Карловича слышишь, приблизительно, шаговъ за пятьдесятъ...

Лидія разсмѣялась и сказала:

— Вы знаете, когда вы пришли первый разъ обѣдать, внизу убиралъ комнаты Иванъ Карловичъ, и не знаю, говорили вы съ нимъ или стояли около, но первое время я рѣшила, что вы курите эту ужасную махорку!...

— Да, такъ вотъ видите ли,—продолжалъ Медунцевъ,—пригласить Ивана Карловича—вещь рискованная... Я хотѣлъ просить васъ—быть можетъ вы согласились бы занять одну изъ нижнихъ комнатъ; ей бы—онъ указалъ на жену—не было такъ страшно, все же въ домѣ мужчина, хоть и внизу...

Я подумалъ было сперва отказаться, но вспомнилъ свое рѣшеніе не оставаться долго въ Покровскомъ—и согласился.

Въ нижнемъ этажѣ было восемь комнатъ, комнаты для прислуги, кухня. Направо отъ передней помѣщались пріѣзжіе „чины“—всякія коммиссіи, банковскіе чиновники, агрономы, раіонные завѣдующіе. Налѣво была прежняя лакейская, заставленная по стѣнамъ огромными ларями, шкафами, длиннымъ столомъ и двумя не похожими одно на другое креслами—и библіотека прежняго владѣльца. До сихъ поръ еще по стѣнамъ стояли огромные книжные шкафы съ разбитыми стеклами и оборванными занавѣсками, на пыльныхъ полкахъ еще валялись разрозненные томы французскихъ и англійскихъ изданій.

Между шкафами, какъ гробъ черный и громоздкій, тяжело вдавливался въ нишу стѣны огромный кожаный диванъ. Маленькій краснаго дерева столикъ, инкрустированный потемнѣвшей

бронзой, похожій на какое-то насѣкомое своими хрупкими рѣзными ножками, приткнулся къ этому дивану.

Я устроился въ библіотекѣ. Насъ съ Заборовскимъ раздѣляли двѣ комнаты и почти пустая зала. Когда онъ пріѣзжалъ въ Покровское, я слышалъ, какъ поздно ночью онъ ходилъ изъ угла въ уголъ—ходилъ часъ, два, три... Я засыпалъ, вновь просыпался и, поднявъ голову съ подушки, прислушивался: ходитъ! Мѣрно, неторопливо, тяжелой лѣнивой походкой ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ мучимый зубной болью. О чемъ думаетъ этотъ человѣкъ? Что его гнететъ безсонными ночами? Я опускалъ голову и опять засыпалъ. А утромъ, въ двѣнадцать часовъ, ему подавали кофе въ кровати и выходилъ онъ только къ обѣду — въ свѣжемъ костюмѣ, чисто вымытый, съ лощеными огромными ногтями, заставлявшими его носить почти не снимая перчатки.

Несомнѣнно онъ былъ увлеченъ Лидой и, можетъ быть, очень серьезно. Часто, когда она пѣла или мы сидѣли молча гдѣ-нибудь въ гостиной или на балконѣ, я ловилъ его покорный, преданный взглядъ на ней, и мнѣ было смѣшно. Я былъ увѣренъ, что всѣ страданія будущаго губернатора были напрасны.

Разъ у нихъ чуть-чуть не вышло какого-то объясненія. Онъ увелъ ее въ дальнюю аллею, въ такъ называемый березовый грибокъ—маленькую бесѣдку, крытую соломой, построенную изъ березовыхъ бревенъ, съ которыхъ не была снята бѣлая блестящая кора. Я, по обычаю, постарался стушеваться, пошелъ въ фруктовый садъ, къ своему старику за яблоками. Они сидѣли недолго, и не знаю, что тамъ между ними вышло, но только не успѣлъ я отобрать полдесятка яблокъ, какъ услышалъ, что Лида меня зоветъ.

— Сейчасъ!—отозвался я, выбирая яблоки.

— Идите сюда, что вы тамъ пропали!—кричала она, очевидно приближаясь, и когда я пошелъ назадъ, они уже были въ березовой аллеѣ, около фруктоваго сада, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я ее увидѣлъ въ первый разъ.

— Я выбиралъ для васъ яблоки, что вы сердитесь?—оправдывался я, когда она стала бранить меня за отсутствіе.

— Еще пажъ называется! — говорила она, выставивъ впередъ губы и напоминая разсерженнаго ребенка.—Ну, на что мнѣ ваши скверныя яблоки?

Я сказалъ, что исчезновеніе пажа не должно было поставить ее въ затрудненіе, такъ какъ при ней оставался рыцарь, и, улыбаясь, лукаво поглядѣлъ на нее.

Она топнула ножкой и сердито проговорила:

— Не смѣйте уходить безъ позволенія, противный, давайте вашу руку!

Это уже была демонстрація, ставившая меня въ нелѣпое положеніе; но что дальше дѣлать? Я подставилъ ей руку крендельмъ и повелъ ее къ дому, имѣя, вѣроятно, необыкновенно глупый видъ.

Заборовскій шелъ сзади и напѣвалъ что-то, обрывая березовые листья и прокусывая ихъ.

Съ тѣхъ поръ я старался быть дальше отъ Лидіи, особенно когда въ домѣ былъ Заборовскій. Отговариваясь работой, я уходилъ въ контору или къ себѣ внизъ и сидѣлъ въ пустой, мрачной библіотекѣ, разсматривая наивные старинные рисунки забытаго англійскаго увража. Наверху ходили, двигали мебелью, и я по звуку шаговъ узнавалъ, кто идетъ.

...Вотъ пробѣжала Матреша, торопливо и часто отбивая по корридору высокими каблуками; вотъ черезъ гостиную отъ балкона къ столовой прошелъ Заборовскій—тяжело, увѣренно, такъ что пыльная люстра на потолкѣ библіотеки вздрагиваетъ чуть-чуть и хрустальныя подвѣски слегка качаются. А вотъ ея шаги: легкіе, быстрые, рѣшительные, какъ будто она стремится сейчасъ что-то сказать, что-то сдѣлать... Некрупные шаги маленькихъ ножекъ—милыхъ ножекъ въ черныхъ ажурныхъ чулкахъ, сквозь которые просвѣчиваетъ матовая теплота кожи, и въ свѣтлыхъ туфляхъ съ тремя пуговицами на подъемѣ, которыя бываетъ иногда такъ трудно застегнуть!...

Немножко грустно было сидѣть одному въ пустой темноватой комнатѣ на огромномъ, какъ саркофагъ, диванѣ, за качающимся живымъ паучкомъ-столикомъ—но никогда не скучно, нѣтъ, этого я не могу сказать, скучно никогда не было!...

Иногда наверху пѣли. И Лида, и Заборовскій, поочередно и никогда вмѣстѣ, дуэтомъ. Заглушенными, вздрагивающими аккордами гремѣлъ рояль; я вслушивался въ вступленіе и старался угадать, кто будетъ пѣть. И если пѣла Лида, открывалъ дверь изъ библіотеки въ лакейскую, изъ лакейской—въ переднюю, оттуда—дверь на лѣстницу наверхъ, пробирался неслышными шагами по лѣстницѣ, открывалъ дверь въ первую гостиную, которую звали въ домѣ пріемной; двери въ столовую и дальше, въ большую гостиную, гдѣ стоялъ рояль, были всегда открыты. И убѣжавъ опять къ себѣ внизъ, садился за открытый уражъ и слушалъ.

Она пѣла сильно, громко, такъ что голосъ разносился по всему дому и рокоталъ въ пустыхъ комнатахъ требовательно и

страстно, а рояль поддерживалъ его властной волной аккомпанимента и несъ эту блестящую цѣпь звуковъ на себѣ бережно и тоже страстно. Она звала своимъ пѣніемъ и—боюсь сказать—не Заборовскаго, торчавшаго около съ угнетеннымъ видомъ здороваго тельца предъ закланіемъ. А я сидѣлъ, разсматривая примитивно нарисованные толстыми черными штрихами кораблики съ раздутыми какъ подушки парусами, и путался во всякихъ of и the незнакомаго языка, стараясь разобрать подпись подъ рисункомъ.

А онъ пѣлъ глуховатымъ, необработаннымъ, немного дубоватымъ, но сильнымъ баритономъ и жаловался покорной, длинной жалобой цыганскаго романса:

— ... Я не сплю-ю-ю-ю...
Если хочешь понять...!

Да, надо, надо мнѣ было уходить, а то могло дѣло кончиться плохо! Пора было уже задать бенефисъ этому будущему губернатору, поговорить по душамъ съ Медунцевымъ, пріѣзда котораго я только и ждалъ, чтобы отказаться, пора уходить отъ этой женщины, у которой глаза какъ черныя озера осенней ночью—глубоки и страшны и мерцаютъ обманчивымъ свѣтомъ отраженныхъ звѣздъ!..

Незадолго до моего отъѣзда я какъ-то не уберегся и мы остались съ Лидіей вдвоемъ. Заборовскій велѣлъ себѣ осѣдлать лошадь и поѣхалъ сговариваться съ надѣльными крестьянами о канавѣ, которую нужно было провести по ихъ землѣ въ интересахъ хуторянъ. Я хотѣлъ-было удрать въ контору, но Лидія меня остановила:

— Посидите со мной, что вы все бѣгаете куда-то!

— Работы много, скоро пріѣдетъ Виталій Константиновичъ, нужно подготовить ему матеріалъ для доклада...

— Не убѣжитъ вашъ матеріалъ, посидите... Хотите, я вамъ спою?

— Спойте!..

Она подошла къ роялю и спѣла двѣ вещи: романсъ Чайковскаго и арію изъ „Африканки“: „Спи-усни“.

Сначала она пѣла вяло и неохотно, но „Африканка“ задѣла ее, и заключила она могучимъ, трагическимъ финаломъ.

— Вамъ нравится это? — спросила она, поворачиваясь ко мнѣ на вертящемся табуретѣ и безсильно опуская руки.

— Да, это хорошо... Я сейчасъ думалъ о томъ, что пѣніе, музыка, вообще музыкальная композиція, можетъ перерождать

человѣка: это—власть искусства, которое мы не носимъ въ себѣ, которое приходитъ извнѣ въ нашу душу и перерождаетъ ее. Мы можемъ быть спокойны, а споютъ намъ такую вотъ вещь, и душа мятется и страдаетъ, хотя лично со мной ничего не случилось и все какъ было прежде... Спойте еще.

— Не хочу больше. И не надо пѣть, совсѣмъ не надо и ни къ чему это...

День былъ дождливый, сѣрый, туманный, и это очевидно вліяло на нее. Она сидѣла въ безсильной позѣ, уронивъ руки на колѣни и склонивъ голову набокъ.

— Вотъ вы говорили—невозможно жить среди людей, и о смертной казни, и еще...—заговорила она:—это вѣрно, дѣйствительно невозможно... Вотъ встрѣчаемся мы съ Заборовскимъ, говоримъ, споримъ, а въ сущности что онъ такое? Изъ-за денегъ, изъ-за жалованья упорно поддерживаетъ то, что даетъ ему деньги... Вѣдь гадко это!..

— Напрасно вы такъ думаете. Заборовскій дѣйствуетъ такъ, какъ долженъ дѣйствовать. Онъ былъ бы бѣлой вороной, еслибы дѣйствовалъ иначе. Мы не можемъ понять другъ друга: онъ—сынъ своихъ отцовъ. Это гораздо глубже, чѣмъ какой-либо разсчетъ—и поэтому-то и хуже въ тысячу разъ...

— А мужъ?

— Гм, мужъ... Я бы не хотѣлъ говорить про патрона, да и ни къ чему это...

Я помолчалъ.

Она встала и, сцѣпивъ пальцами руки, подняла ихъ надъ головой, какъ это дѣлаютъ, когда хотятъ потянуться.

— Охъ, какой вы скрытный! — проговорила она: — темный вы человѣкъ!

Я усмѣхнулся.

— Каждый человѣкъ для другого темный!

— Такъ Заборовскій, говорите вы, человѣкъ порядочный? И искренній?

— Несомнѣнно...

— Ну, идите въ свою контору, я спать лягу!

Я всталъ и направился къ двери.

— Да вечеромъ приходите, слышите, непремѣнно приходите!

— Приду...

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ Медунцевъ. Должно-быть недоразумѣніе съ гидротехниками принимало непріятный оборотъ, потому что онъ былъ какъ-то особенно нервенъ, оживленъ и даже не видно было въ немъ обычной усталости.

На него сразу навалилась толпа крестьянъ, какъ будто носомъ учуявшихъ его пріѣздъ, и мнѣ не удалось предупредить его о своемъ уходѣ. Да и какъ-то неловко было дѣлать это, разочаровывать человѣка, убѣжденнаго въ томъ, что у него есть помощникъ, говорящаго про бумаги, которыя надо написать, дѣла, требовавшія окончанія, провѣрку канавы, проведенной землекопами въ части хуторовъ.

Когда вечеромъ мы шли ужинать, онъ говорилъ, потирая лобъ:

— Ужасно трудно съ этими крестьянами... Какъ мы все-таки далеки отъ народа: мы совершенно не знаемъ другъ друга. Работаешь, работаешь, кажется—изъ кожи лѣзешь, а все...

На крыльцѣ его ждала телеграмма. Онъ прочелъ ее, поморщился и взглянулъ на меня.

— Опять ѣхать?—догадался я.

— И не говорите! Членъ банка, завѣдующій гидротехническимъ отдѣломъ въ банкѣ, вызываетъ „на совѣщаніе“... А телеграмма подписана Эльбовымъ, управляющимъ... Надо ѣхать!..

„Хорошее будетъ совѣщаніе!“—подумалъ я.

Медунцевъ послалъ кучеру приказаніе запрягать, и мы пошли ужинать.

— Къ ночному двухчасовому поспѣю—говорилъ онъ, садясь за столъ.

— Опять ѣдешь?—спросила жена.

— Надо, сейчасъ получилъ телеграмму...

Она низко склонила голову къ тарелкѣ и промолвила тихо, такъ что я едва разобралъ:

— Не поѣзжай!

— Не могу, дѣточка. Телеграмма отъ Эльбова: вызываетъ на совѣщаніе по поводу гидротехниковъ.

— Все-таки не поѣзжай,—повторила она, не поднимая головы,—ну, одинъ день только, сегодня...

— Право же не могу, дѣтка... Я самъ бы радъ не ѣхать, никакъ невозможно... Если я сейчасъ послѣ ужина выѣду, я поспѣю къ двухчасовому поѣзду, а завтра въ десять—совѣщаніе...

— Ну, одинъ день только, только одинъ, завтра поѣзжай,—бормотала она, боясь поднять голову. Мнѣ кажется, что слезы висѣли уже у нея на рѣсницахъ.

— Лида, что за дѣтство? Ты сама знаешь, какъ мнѣ непріятно ѣхать, знаешь, какъ будетъ непріятно тамъ, на этомъ самомъ совѣщаніи, а тутъ еще...

Мы съ Заборовскимъ молча ѣли котлеты.

Она подняла голову, очевидно справившись съ собой, и постаралась улыбнуться.

— Ну, поѣзжай, поѣзжай, это глупости конечно... Устраивай своихъ гидротехниковъ, какъ Николай Павловичъ хуторянъ.. Вы убѣдили выстрѣловцевъ въ необходимости для нихъ канавы? — обратилась она къ Заборовскому.

— То-есть не выстрѣловцевъ, а слѣпушинцевъ,—поправилъ тотъ.—Нѣтъ, представьте себѣ, всѣ мои доводы разбились объ ихъ упрямство... Изумительно упрямый народъ!

— Они боятся подвоха со стороны банка—замѣтилъ Медунцевъ,—канаву, молъ-де, проведутъ, а потомъ чисти ее, слѣди за ней, а запустишь—къ земскому потянутъ...

— Я думаю, тутъ даже не это, тутъ просто оппозиція со стороны надѣльниковъ...

— Возможно и такъ!

— А отчего они не разошлись на хутора?—спросила Лидія.

— Сначала они не хотѣли, уперлись вотъ какъ теперь, и какъ ни убѣждалъ ихъ Виталій Константиновичъ, какъ ни говорилъ съ ними, какіе резоны ни приводилъ—они уперлись и ни съ мѣста... А потомъ, когда часть деревни выселилась и всѣ смежные хутора разобрали — они озлились, что имъ ничего не досталось,—объяснялъ Заборовскій.

— А имъ нужно было?

— Конечно... Они хотѣли купить, но всей деревней, обществомъ и съ тѣмъ, чтобы пользоваться пополосно...

— Отчего же имъ не продали такъ, какъ они хотѣли?

— Потому что банкъ помогаетъ только единоличному владѣнію, именно противъ общиннаго, гдѣ никто не можетъ чувствовать себя хозяиномъ своей земли...

— Но вѣдь они знаютъ, что̀ имъ удобнѣе, что̀ лучше; можетъ-быть отдѣльно они не могутъ купить, а вмѣстѣ, сообща, съ поддержкой одинъ другого, это и было возможно...

Завязался обычный споръ. Противъ обыкновенія Заборовскій необыкновенно горячо защищалъ свои положенія и раза два допустилъ рискованные парадоксы, похожіе на дерзости. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, пока не догадался, что въ сущности онъ возражаетъ молчаливому собесѣднику, хотя и не глядитъ на него—мнѣ. Очевидно онъ догадался, откуда шло знаніе Лидіей обстоятельствъ дѣла, знаніе, которымъ она пользовалась довольно умѣло: сначала дѣлала видъ, что ничего не понимаетъ, и наивно спрашивала о самыхъ простыхъ вещахъ—вродѣ, напримѣръ,

того, почему банкъ не помогаетъ общинѣ,—а потомъ вдругъ показывала когти.

Забавнѣе всего былъ въ этомъ спорѣ Медунцевъ. Онъ все хотѣлъ смягчить рѣзкость Лиды, хотѣлъ сдѣлать устойчивѣе положеніе Заборовскаго и сгладить выступающіе у него углы—и похожъ былъ на курицу, старающуюся разнять дерущихся цыплятъ. Мнѣ доставляло истинное удовольствіе наблюдать, какъ изворачивался этотъ человѣкъ, по которому не могли скользнуть безслѣдно, какъ по Заборовскому, всѣ неурядицы крестьянской жизни, проходившей передъ его глазами въ такомъ количествѣ. Для того, чтобы лавировать между ними, мало было желанія смягчить принимавшій острыя формы споръ—надо было самому увѣрять себя, доказывать не противнику, а себѣ, бояться самому увидѣть дѣло такимъ, какимъ оно было, черпать новую силу въ этихъ доказательствахъ, можетъ быть и поистраченную уже порядкомъ...

— Для того чтобы пріобрѣсти хуторъ—гудѣлъ низкій, немного взволнованный голосъ Заборовскаго, — крестьянинъ долженъ представить посемейный списокъ, безъ этого ему не продадутъ; банкъ не хочетъ давать землю въ руки слабосильнаго элемента, чтобы, продержавъ три-четыре года, мужикъ бросилъ землю и ушелъ куда глаза глядятъ!..

— Та-а-къ!—иронически протянула Лида:—стало быть это помощь только сильнымъ, которые прожили бы и въ общинѣ, мнѣ кажется, не худо... А потомъ такая вещь — вы говорите: уйдетъ, а платежи?

— Платежи, разумѣется, пропадаютъ!

— Это не можетъ быть названо несправедливымъ — мягко вступался Медунцевъ, — потому что банкъ затрачиваетъ массу средствъ на каждый хуторъ, если посчитать всѣ субсидіи, всѣ эти агрономическія и сельскохозяйственныя помощи, весь кредитъ, который хуторянинъ используетъ въ два-три первыхъ года и который потомъ придется же оправдывать, всѣ расходы на администрацію хотя бы вотъ такого, какъ Покровское, пункта...

— Но позвольте, позвольте,—горячилась Лида,—это банкъ, а ваше Ситковское товарищество, ваши отруба... Да и банкъ что-то не совсѣмъ мнѣ понятенъ, какъ вы думаете?—обратилась она ко мнѣ.

Я почувствовалъ, что ей нужна моя помощь, и на этотъ разъ не уклонялся.

Я посмотрѣлъ на Медунцева и Заборовскаго и сказалъ:

— Вы меня простите, но мнѣ представляется дѣятельность

и банка, и землеустроительныхъ коммиссій совершенно неправильной...

Медунцевъ испуганно взглянулъ на меня, а Заборовскій сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, какъ я капнулъ варенъемъ на скатерть.

— Лидія Николаевна права, и мнѣ, право, нравится, что она, человѣкъ посторонній и чуждый всему этому, такъ искренно возмущается... Она только напрасно не сказала о главномъ, о необыкновенномъ насиліи надъ народомъ, надъ народной жизнью, врывающемся при помощи всякихъ банковъ, коммиссій и т. д. Что дѣлаетъ банкъ? Онъ говоритъ: я дамъ земли,—о, сколько угодно дамъ, хоть пять хуторовъ!—но мнѣ нужно разбить вашу сплоченность, нужно насадить фундаментъ—мелкую буржуазію, нужно образовать необходимый мнѣ городской пролетаріатъ, который я всегда держу въ рукахъ всякими синдикатами и соглашеніями, нужно разбить во что бы то ни стало общину! А вы знаете, что̀ такое община, такая вотъ земельная община? Я—маленькій человѣкъ, я прохожу по деревнямъ и селамъ простымъ прохожимъ, и я имѣю дерзость думать, что русскій мужикъ, тотъ самый, который пьянъ, теменъ, дикъ, живетъ въ ужаснѣйшей избѣ, гдѣ воздуху не хватаетъ въ длинную зимнюю ночь всѣмъ спящимъ, который обманываетъ, крадетъ и не считаетъ за грѣхъ вытянуть жульничествомъ у барина полтинникъ, этотъ самый мужикъ держится на необыкновенно здоровомъ корнѣ... Я осмѣливаюсь думать—я, маленькій, незамѣтный прохожій,—что онъ, этотъ самый мужикъ, не распьянствовался окончательно, не разворовался, не обхулиганился, не выродился отъ голода, сифилиса, малоземелья, водки, именно вслѣдствіе этого корня, на которомъ держится вся его жизнь, именно потому что въ главной своей жизни, въ основѣ ея, въ землѣ у него примѣнялся всегда принципъ величайшей справедливости, величайшаго терпѣнія и величайшаго беззлобія даже къ пьяницамъ, испустовывающимъ землю, даже къ слабымъ, не могущимъ хорошо удобрить и раздѣлать ее!.. Самый существенный, самый необходимый элементъ, которымъ держалась деревня — средній крестьянинъ, среднее хозяйство—выброшенъ вмѣстѣ съ бѣднотою!.. О, да, теперь, на хуторахъ, смутно, но твердо и постоянно ощущаемый принципъ: „жить по божьи“, „по справедливости“, заглохнетъ, но вы знаете — это не надолго! Всѣ усилія сдернуть съ корня мужика тщетны, ибо его не могли сдернуть и болѣе существенныя усилія — отъ татарщины до голодовокъ включительно! Хотите, я вамъ скажу, что̀ будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ,

когда всѣ банковскіе платежи будутъ внесены? Образуются тѣ же деревни-общины, которыя вы такъ усиленно вытравляете теперь. Онѣ будутъ состоять изъ одной семьи, родовыя общины, такъ сказать... Вѣдь поймите же, господа, что если теперь вы даете хуторъ только тому, у кого въ наличности трое работниковъ мужского пола, то всѣ эти работники поженятся, народятъ дѣтей, а уходить-то не всѣ захотятъ—вѣдь если не всѣ крестьяне призванные землепашцы, какъ говорите вы, то не всѣ и штукатуры, плотники, чернорабочіе, и больше основаній думать, что земельный инстинктъ въ нихъ глубже заложенъ, чѣмъ инстинктъ городского пролетарія!.. Они выростутъ, эти дѣти, и приведутъ васъ къ тому же, откуда вы сейчасъ выходите—къ общинѣ, только деревня будетъ состоять изъ одной семьи, и сплоченности, будьте увѣрены, будетъ много больше!.. Такимъ образомъ, бѣгая вокругъ стола, вы поймаете сами себя за фалды и будете удивляться, что это за господинъ въ защитнаго цвѣта кителѣ съ мѣдными пуговками у заднихъ кармановъ!..

— Но позвольте, позвольте!..—хотѣлъ-было перебить меня Медунцевъ, но я не далъ ему:

— Въ частности о васъ, Виталій Константиновичъ,—во-первыхъ, я считаю долгомъ предупредить васъ, что завтра я ухожу... Я не могу больше служить, я получилъ телеграмму отъ очень близкаго человѣка, требующаго въ моихъ интересахъ немедленнаго удаленія моего отсюда... Да, да, это очень жаль, и, повѣрьте, это не является результатомъ принципіальной розни: мнѣ просто надо уѣхать... Въ частности—о васъ... Вы меня простите, это не мое дѣло, но я не могу понять, какъ вы, человѣкъ несомнѣнно умный, добрый, внимательный, какъ вы можете проходить мимо всего этого, безпощадно ломать все, что̀ есть цѣннаго и большого въ деревнѣ, утѣшать себя казуистическими доводами банковскихъ операцій, закрывать глаза на сущность явленія и производить эксперименты, какую-то вивисекцію надъ живыми людьми?!.. Вы меня простите, вы можете сказать, что это не мое дѣло, что я не имѣю права вламываться въ чужую жизнь, но это служеніе ваше—служеніе не крестьянамъ, не ихъ интересамъ; я боюсь, что они для васъ просто-напросто какія-то движущіяся цифры, которыя надо перенести съ возможной точностью изъ одной графы, графы общины, въ другую—графу количества хуторовъ... Вы не видите ихъ—вы видите свой подвигъ; вы не кающійся дворянинъ, подавленный соціальной ошибкой, мечтающій объ очищеніи отъ нея, идущій къ народу, чтобы—можетъ-быть глупо, бездарно,

безполезно,—но положить за него душу, погибнуть во имя его; вы просто кающійся грѣшникъ, подавленный своими индивидуальными ошибками, совершенно не желающій класть душу за народъ и ничего не имѣющій противъ того, чтобы положить ее за *свои* грѣхи, во искупленіе ихъ!.. Изъ вашей дѣятельности ничего не выйдетъ не потому, что она плоха,—она не плоха,—а потому что она *для себя*, во имя себя, а не для народа, о которомъ вы все время думаете и котораго не видите, какъ не видите ничего, кромѣ своего грѣха, не видите жены, семьи, дома...

Вѣроятно я еще много сказалъ бы рѣзкаго и лишняго, еслибы въ это время не вошла горничная и не сказала, что лошади поданы.

— Ахъ, да, ѣхать, ѣхать! — спохватился Медунцевъ, привычными быстрыми движеніями собирая портсигаръ, спички, мундштукъ.—Но позвольте, мы съ вами еще поговоримъ...

— Извините, но это невозможно—завтра я хочу уже уйти...

Онъ посмотрѣлъ на меня внимательнымъ, соображающимъ взглядомъ и какъ будто понялъ что-то.

— Но тогда вамъ лошадь...—началъ онъ, но я отказался: я какъ пришелъ, такъ и уйду пѣшкомъ.

Я сдѣлалъ общій поклонъ и сошелъ внизъ.

У меня было такое впечатлѣніе, что я чего-то не додѣлалъ, чего-то еще не высказалъ, хотя наговорилъ много лишняго,—и это было досадно. Заборовскаго я нарочно не трогалъ — Богъ съ нимъ—и былъ доволенъ, что выдержалъ и не тронулъ: всѣмъ отъ этого лучше! Но съ Медунцевымъ—Медунцеву я много еще кое-чего могъ бы сказать!..

Это ужасно жаль, что я еще не умѣю владѣть собой, экономить слова и время и бить прямо по темени...

Я ходилъ по библіотекѣ, грызъ ногти отъ досады и слушалъ, какъ наверху гудѣлъ низкій негодующій голосъ Заборовскаго, что-то суетливо отвѣчалъ Медунцевъ, а Лида молчала.

Она молчала! Разъ я даже вышелъ въ переднюю и послушалъ—нѣтъ, она молчала...

Потомъ я слышалъ, какъ уѣзжалъ Медунцевъ. Его провожали Лида и Заборовскій, и мужчины чему-то смѣялись на крыльцѣ. Потомъ брякнулъ звонокъ подъ дышломъ, застучали колеса—онъ уѣхалъ. Провожавшіе постояли нѣсколько времени на крыльцѣ, тихо переговариваясь, и пошли на верхъ.

Пора была складывать свой узелокъ—со свѣтомъ я хотѣлъ выйти.

Я зажегъ свѣчу въ старинномъ подсвѣчникѣ — бронзовый ландскнехтъ держалъ на копьѣ свѣчу—и сталъ собираться.

Никакъ нельзя было ожидать, что такъ трудно будетъ уходить отсюда. Я началъ-было складывать кое-какія записки, нѣкоторыя изъ нихъ перечитывалъ, и задумался. Очень было тихо кругомъ, и какъ-то жутко было нарушать эту тишину. Я просидѣлъ такъ съ часъ, потомъ всталъ и ходилъ изъ угла въ уголъ.

Ужасно непріятная комната была эта библіотека! Что-то необыкновенно старое, угрюмое, молчаливое плотно осѣло здѣсь, какъ давняя сѣрая пыль. Ободранныя занавѣски на окнахъ, большія окна — какъ всегда въ старыхъ домахъ — съ тонкимъ, частымъ переплетомъ рамъ, и черная тьма, вплотную приникшая къ стекламъ, въ которыхъ мрачнымъ погребальнымъ огнемъ отражается пламя свѣчи.

Разъ я подошелъ къ окну, но увидѣлъ только черный, словно вымазанный смолой, силуэтъ своей фигуры, изломанный старыми, выцвѣтшими стеклами.

Опять я ходилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь, какъ наверху переговаривались глухими, неясными голосами. Ходилъ долго, до усталости, и наконецъ присѣлъ, въ этомъ равнодушіи физической усталости, къ своему паучку передъ диваномъ.

И вдругъ поднялъ голову: мнѣ послышались быстрые осторожные шаги на лѣстницѣ. Я сразу узналъ ихъ — о, я очень хорошо зналъ звукъ шаговъ этихъ маленькихъ ножекъ—на одной изъ нихъ вѣроятно и до сихъ поръ видна темная ссадина,—я очень хорошо зналъ ихъ,—недаромъ, часто сидя гдѣ-нибудь въ темномъ углу, я съ забытой на губахъ улыбкой прислушивался къ легкому звуку ихъ!..

У меня мелькнула мысль, что она вѣроятно идетъ ко мнѣ, и я вскочилъ, схватилъ свой узелокъ и сталъ медленно и тщательно собирать одну за другой мои немногосложныя вещи.

Она прошла лѣстницу, скрипнула дверью и притворила ее, простучала каблуками по сборному, уже разсѣвшемуся паркету лакейской и безъ предупрежденія отворила дверь.

Я поднялся съ колѣнъ и остановился, съ зубными щетками въ одной рукѣ и записной книжкой въ другой.

— Я пришла къ вамъ — медленно проговорила она, переступая порогъ и озираясь широко раскрытыми, охватывающими все глазами,—вы завтра уѣзжаете...

— Да, приходится уѣзжать...

Я чувствовалъ, что улыбнулся безсильной, слабой улыбкой.

— Какъ у васъ здѣсь нехорошо! — говорила она, слегка морща въ брезгливую складку губы и останавливаясь передо мной,—и сыростью пахнетъ... тутъ не топятъ?

Она посмотрѣла на огромную треснувшую печку съ закопченными черной копотью кафелями.

— Печка треснула, топить нельзя...

Она слегка отодвинула мой узелокъ въ сторону и сѣла на диванъ, подобравъ подъ себя ноги. Одѣта она была въ свѣтлое платье и куталась съ головою въ пестрый шелковый шарфъ, какіе продаютъ турки-разносчики въ Крыму. Изъ-подъ этого шарфа, легкаго и прозрачнаго какъ кисея, глядѣли на меня жуткіе черные глаза.

Я также присѣлъ на краешекъ въ противоположномъ концѣ дивана и молчалъ. Что я могъ говорить?

На верху, должно-быть въ гостиной, глухо и непрерывно отдавались шаги. Это ходилъ Заборовскій — медленно, тяжело, изъ угла въ уголъ, изъ угла въ уголъ...

Вѣроятно и ему было невесело сейчасъ.

— Вы навѣрно завтра ѣдете?

— То-есть, вы хотите сказать—иду? Навѣрно...

Опять мы долго молчали. Мнѣ показалось, что она хочетъ что-то сказать или спросить, но самъ не спрашивалъ.

— Отчего вы не хотите остаться?

Я пожалъ плечами.

— Я не не хочу, а не могу. Я уже говорилъ, что получилъ телеграмму.

Она подумала и вздохнула. Посидѣла склонивъ голову и прошептала что-то.

— Что такое?—не разобралъ я.

— Никакой вы телеграммы не получали...

Я опять пожалъ плечами.

Это было очень тяжело—сидѣть молча въ угрюмой комнатѣ, уставленной по стѣнамъ старыми шкапами съ разбитыми стеклами и оторванными дверями. Свѣча оплыла и у ландскнехта были закапаны стеариномъ носъ и борода. Отъ этого онъ принялъ какой-то лукавый, подмигивающій и вмѣстѣ съ тѣмъ хмурый видъ.

А наверху все ходилъ человѣкъ — изъ угла въ уголъ, изъ угла въ уголъ—медленно, терпѣливо.

— Надо идти...—проговорила Лида—и не двинулась.

Теперь уже мнѣ казалось, что она ждетъ чего-то. Неясно, сама себѣ не отдавая отчета, не желая даже думать объ этомъ,

ждетъ, что я скажу или сдѣлаю что-либо. Можетъ-быть, объясненія моего внезапнаго рѣшенія уѣхать, можетъ-быть просто того, чтобы я подошелъ, взялъ бы ея руку и поцѣловалъ.

Она шла сюда и сама не знала, зачѣмъ идетъ. Она не хотѣла ничего, ни о чемъ не думала, просто взяла и пришла. Ее тянуло смутное желаніе придти ко мнѣ въ комнату, посмотрѣть, сказать нѣсколько словъ.

Но я не двигался. Къ чему?

Снова она слегка двинулась, и въ тишинѣ дрогнули слова:

— Пора идти... Тамъ ждетъ Заборовскій. Надо идти...— и не шла.

Я подтянулъ къ себѣ свой узелокъ и сталъ связывать вещи. Оказывается, я обжился въ Покровскомъ—появились вещи, которыхъ прежде у меня не было, тючокъ сталъ значительно больше. Я купилъ здѣсь новые сапоги, а старые были не такъ еще плохи, приходилось ихъ брать съ собою; жена кучера сшила мнѣ три новыхъ рубашки. Между другими вещами я случайно наткнулся на мелочь — крошечную записную книжечку съ розовымъ, привязаннымъ шелковинкой, карандашикомъ. Какъ-то, дурачась, я взялъ ее отъ Лидіи, увѣряя, что съ этого момента это будетъ моими скрижалями сердца. Въ книжечкѣ на первой страницѣ было написано:

„— Покровское, май 19... — Семь скатертей, двѣ дюжины салфетокъ столовыхъ, двѣ дюжины чайныхъ. Поѣздка въ Гапсаль—дорога, извозчики, помѣщеніе, прислуга, столъ—470 руб.; то да сё—400, итого 870...“

Это „то да сё“ долго служило предметомъ шутливыхъ пререканій, разоблаченій, споровъ. Разъ она чуть не заплакала отъ моихъ предположеній, что можно подозрѣвать подъ этимъ „то да сё“. И мнѣ было ужасно больно тогда за свою грубую шутливость.

Я положилъ книжечку на столикъ передъ нею и сказалъ съ слабой улыбкой:

— По минованіи надобности возвращаются скрижали сердца вмѣстѣ съ таинственнымъ и неразгаданнымъ „то да сё“...

Она не улыбнулась и лишь слегка пожалась плечами.

— Надо идти... тамъ ждутъ,—пробормотала она — и опять не шла.

Былъ уже поздній часъ. Свѣча догорала и ландскнехтъ сердито подмигивалъ каждый разъ, когда огонь вздрагивалъ.

Давно спали слуги; глухое молчаніе было въ паркѣ, надъ рѣчкой, на дорогѣ. Не пролаетъ собака, не пропоетъ пѣтухъ, какъ будто все умерло и погребено тяжелой тьмою.

Въ такую ночь особенно чувствуется, что осень зашла уже далеко и двигается она неслышными мертвыми шагами, и путь ея еще далекъ...

Я завязалъ свой узелокъ и сталъ, прислонясь къ выступающему углу пыльнаго шкафа.

Наверху все ходилъ Заборовскій. Можно было удивляться, какъ онъ не устанетъ и какъ ему не надоѣстъ ходить изъ угла въ уголъ до головокруженія.

Спать было пора, хотя я зналъ, что не засну ни на одну минуту...

— Ну, я пойду... прощайте!

Она поднялась съ дивана и сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ, разминая ноги.

— Прощайте...—повторила она, останавливаясь передо мной.

Я пожалъ длинные теплые пальцы и поскорѣе отнялъ руку.

Въ дверяхъ она еще разъ остановилась и оглянулась.

— Какъ здѣсь мрачно, пыльно...—проговорила она, ёжась какъ отъ холода,—и сырость...

Что-то упало наверху и разбилось стекляннымъ чистымъ звукомъ. Должно-быть Заборовскій уронилъ какую-нибудь бездѣлушку съ этажерки.

— Пойду туда, наверхъ... къ будущему губернатору...

Она повернулась и быстро пошла черезъ лакейскую. Я едва успѣлъ подхватить тяжелаго ландскнехта, чтобы проводить ее до лѣстницы.

Въ передней стоялъ остывшій запахъ махорки, похожій на угаръ...

— ...„Старца великаго тѣнь чую смущенной душою“...—шутливо продекламировалъ я срывающимся голосомъ: — навѣрно Иванъ Карловичъ гдѣ-нибудь недалеко...

Онъ дѣйствительно былъ недалеко... Въ комнату, гдѣ останавливался Заборовскій, была отворена дверь и тамъ виднѣлся свѣтъ. Должно-быть старикъ приготовлялъ постель будущему губернатору.

— Прощайте! — шепнула еще разъ Лида и пошла вверхъ по лѣстницѣ.

А я вернулся къ себѣ.

Утромъ мы со старикомъ садовникомъ шагали по березовой аллеѣ, ведущей изъ Покровскаго до шоссе. Старику надо было сходить въ свою деревню за двѣнадцать верстъ, и до парома

намъ было по дорогѣ. Потомъ онъ сворачивалъ налѣво, а я дальше — въ городъ, можетъ-быть еще дальше, можетъ-быть въ другой конецъ страны...

День былъ сѣрый, туманный, хотя безъ дождя, но большія лужи стояли по дорогѣ и березы свѣшивали длинныя, похожія на грозди, вѣтви печально, по осеннему. Уже сильно зажелтѣли онѣ и мертвая листва лежала на тропинкѣ, по которой мы шли.

Старикъ разсказывалъ что-то про своего сына, за которымъ онъ шелъ въ деревню, про цѣны на яблоки, и разсчитывалъ, сколько онъ возьметъ пользы на Покровскомъ саду. А я молчалъ и шелъ какъ во снѣ: послѣ безсонной ночи голова была нѣсколько тяжела и въ вѣкахъ было острое, колющее ощущеніе, какъ будто глаза засыпаны пескомъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончалась аллея, впадая въ голое, пустынное шоссе, съ сѣрой цѣпью равномѣрно уходящихъ вдаль кучъ заготовленнаго на починку щебня, мы присѣли. Новый сапогъ жалъ немного ногу и надо было переобуться.

Когда я снова надѣлъ сапогъ, я посмотрѣлъ въ аллею. Она была печальна и какъ будто заброшена, и свѣтлыя лужи блистали тусклымъ, мертвымъ блескомъ,—такъ печальна, какъ можетъ быть печальна только пустынная аллея заброшеннаго имѣнья осенью.

Сейчасъ я уйду и больше никогда въ жизни не увижу ее, не встрѣчусь съ этими людьми, отъ которыхъ въ пасмурное осеннее утро ухожу...

Никогда?

И вдругъ я вспомнилъ огромные, затмевающіе все лицо глаза — черныя озера, въ которыхъ глубина стоитъ въ неподвижномъ ожиданіи—и страшная тоска сжала мнѣ сердце настоящей, физической болью.

Никогда?

Я готовъ былъ встать, со всего размаха удариться грудью въ землю, царапать ее ногтями и рыдать сухими, горькими, похожими на лай, рыданіями, и бить себя ненужными никому сильными руками по ненужной, одинокой головѣ, на которой уже сѣдѣютъ виски и глаза потеряли блескъ первой молодости, и выть, какъ раздавленная колесомъ собака:

— Никогда, никогда, никогда, никогда!..

А я сидѣлъ на кучѣ грязнаго щебня и машинально заправлялъ красное ушко сапога за голенище и смотрѣлъ неподвижно сухими, воспаленными послѣ безсонной ночи, глазами.

Старикъ постучалъ палочкой по землѣ и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— А правда, на дворѣ болтали, будто ты жилъ съ этой, Медунчихой-то, ай врутъ?

Я опустилъ голову и тихо отвѣтилъ:

— Врутъ, старикъ... Пойдемъ, пора уже...

Мы пошли по широкому, покрытому липкой жидкой грязью шоссе, мимо однообразныхъ сѣрыхъ кучъ щебня.

Здѣсь, когда не было кругомъ деревьевъ, небо какъ будто опустилось ниже—сѣрое, скучное небо осени. Все стало плоскимъ, безцвѣтнымъ, скучнымъ.

Я шелъ и думалъ — больно, горько думалъ, что я, я самъ во всемъ виноватъ... Я могъ быть счастливъ, такъ счастливъ, какъ не бывалъ и, можетъ быть, не буду никогда,—я могъ взять эти глаза, огромные, черные, волшебные, за которые можно, кажется, отдать всю жизнь — и я прошелъ мимо, и вотъ теперь бреду рядомъ съ болтливымъ старикомъ, бормочущимъ что-то про Адріанополь, про братушекъ, про черкешенокъ...

Одна мысль давила мозгъ: не грѣхъ ли дѣлаю я, уходя отсюда, оставляя, можетъ быть, свое счастье?

Я понесу свою правду долго, понесу въ гордомъ одиночествѣ,—какъ колоколъ къ молитвѣ, я буду звать къ протесту и пройду мимо Медунцевыхъ, мимо Заборовскихъ, мимо стариковъ-сторожей, но всегда, всегда останется у меня живой, сочащейся раной горечь и боль теперешняя...

Я прошелъ мимо своего счастья — быть-можетъ вѣчнаго, быть-можетъ мгновеннаго, но если даже и мгновеннаго, то способнаго освѣтить всю темную боль моей одинокой жизни прохожаго...

Часъ, два шли мы со старикомъ, дошли до парома.

— Куда-жъ теперь? — спросилъ онъ, когда мы остановились.

— Покуда въ городъ,—отвѣтилъ я.

— А потомъ?

— А потомъ мѣста искать.

— А еще потомъ?

— А тамъ дальше, если не найду...

— А коли дальше не найдешь?

— Пойду еще дальше...

— Такъ и путаешься?

— Такъ и путаюсь...

— Такъ...

Онъ помолчалъ и подумалъ.

— Оно конешно... Всѣ мы у Бога присельники... Прощай, что-ль!

— Прощай!

Онъ повернулъ влѣво и тропкой, краемъ берега, пошелъ широкимъ, размашистымъ шагомъ.

Я присѣлъ на бугоркѣ посуше, ожидая парома, и мысленно повторилъ:

— Всѣ мы у Бога присельники!..

В. Муйжель.

СМЕРТЬ

Цвѣты смѣются въ лучахъ разсвѣта.
Смѣются птицы въ тѣни вѣтвей.
Смѣется солнце. Смѣется лѣто...
Но пѣсня спѣта мечты моей...

Я жилъ былинкой и умираю.
Былинкой бѣдной исчезну вдругъ.
Въ странѣ блаженной, подобной раю,
Я завершаю священный кругъ.

И какъ не зналъ я, сгорѣвъ отъ боли,
Что счастье только въ земномъ пути,
Что нѣтъ волшебнѣй и слаще доли—
Былинкой въ полѣ хоть мигъ цвѣсти?

Мнѣ было бъ страшно уйти къ покою,
Покинуть землю, какъ яркій пиръ.
Но это солнце умретъ со мною,
Съ моей мечтою исчезнетъ міръ.

И то, что несъ я тоску поэта,
И то, что рвалъ я цвѣты полей,—
Какъ сладко это, какъ больно это,
Какъ чудно это душѣ моей!

Дмитрій Цензоръ.

ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

„Geburt und Grab,
„Ein ewiges Meer,
„Ein wechselnd Weben,
„Ein glühend Leben..."
Göthe („Faust").

„O, genus attonitum gelidae formidine mortis!"
. . . . . .
„Omnia mutantur, nihil interit".
Овидій („Метаморфозы", XV, 153, 165).

XXIX *).

Третій день Надежда Павловна цѣлыми часами бродитъ въ паркѣ, въ лѣсу, по дорогамъ, чтобы ей только, къ вечеру, ногъ подъ собой не чувствовать, повалиться на постель и сейчасъ заснуть.

Дома у нея не было никакого особеннаго объясненія съ мужемъ.

Но она сразу зачуяла, что онъ о чемъ-то догадывается, а можетъ-быть и знаетъ уже *все*.

Какъ? Кто донесъ? Получилъ анонимное письмо?

Это всего вѣрнѣе. Женщины мстятъ всего чаще такимъ подлымъ способомъ.

*) См. февраль, стр. 126.

Какая-нибудь психопатка изъ его восторженныхъ читательницъ и слушательницъ, даже тѣхъ, у кого съ нимъ ничего „такого“ не было...

Не видалъ ли *самъ*?

Когда она вошла въ ту аллею, гдѣ онъ сидѣлъ, ее сейчасъ же кольнуло въ самое сердце... И онъ былъ разстроенъ.

Могъ видѣть, какъ она охватила Авенирова за шею и такъ порывисто поцѣловала его.

Откуда эта молчаливость, которая вдругъ напала на Глѣба Петровича?

Только вчера, когда она вернулась усталая и собиралась ложиться, онъ вошелъ къ ней въ спальню, сѣлъ и ни съ того, ни съ сего проговорилъ нѣсколько своихъ изреченій.

Она ихъ знаетъ всѣ. И съ конца, и съ середины, и съ самаго начала.

Съ ними онъ выступаетъ передъ чужими: а ее давно уже оставляетъ въ покоѣ.

А тутъ глядитъ на нее въ оба глаза и глухо, точно замогильнымъ голосомъ, цѣдитъ:

— Для души нѣтъ оковъ и темницы, кромѣ собственнаго безволія. А первый врагъ души—ложь и ложный страхъ.

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Ей стало жутко. Окликни онъ ее:

— Надя! Зачѣмъ ты меня обманываешь?

Она бы повинилась сейчасъ же.

Но дальше пошло все то же.

— Счастье слѣдуетъ за богочеловѣкомъ. Духъ его ясенъ и воля тверда.

И она его остановила.

— Спать мнѣ хочется, я сильно устала, Глѣбъ Петровичъ. Извини меня!

Онъ молча вышелъ.

И такъ ничего до сихъ поръ и не вышло. Съ Авенировымъ она еще не видѣлась, ничего и не писала ему, да и теперь боится говорить ему о своихъ страхахъ и сомнѣніяхъ.

Еще тогда они условились, что онъ предупредитъ о ея визитѣ ту сѣдую даму, фамилію которой она хорошо не знала. Оказалось, что фамилія эта—самая немудреная: Прокофьева, а имя-отчество—Анна Васильевна.

Она идетъ къ ней въ той надеждѣ, что, можетъ-быть, и онъ туда заглянетъ.

Зачѣмъ собственно ей эта дама? Юрій и самъ могъ бы по-

святить ее въ эту „премудрость“; но онъ говоритъ, что для нея будетъ хорошо — видѣть на примѣрѣ женщины, много страдавшей, какъ это ученіе дало ей душевную ясность.

Она вспомнила, что эта дама, прощаясь, говоритъ неизмѣнно:

— Желаю вамъ всего свѣтлаго!

А вотъ свѣта-то и нѣтъ теперь въ ея собственной душѣ. Все какъ-то „переболталось“.

Она сама себя не узнаетъ. Что же можетъ быть проще: ну, полюбила въ первый разъ, настоящей страстью. Ну, и разорви свою цѣпь. Да и цѣпи-то никакой нѣтъ. Такой человѣкъ, какъ Глѣбъ Петровичъ, удерживать ее не будетъ. И уйди къ любимому человѣку...

Она и ушла бы; но онъ-то *какъ* ее приметъ?

Можно и не къ нему уйти, а просто жить одной, взять разводъ; а коли мужъ, какъ вѣрующій, упрется давать разводъ — возьми видъ на жительство. Мало ли теперь гуляетъ по свѣту разводокъ?

И вотъ что-то ее пугаетъ: эта самая свобода и одиночество.

Собьешься окончательно съ пути и не взвидишься, какъ очутишься въ нынѣшнихъ „гуляющихъ дамочкахъ“.

Въ такихъ жуткихъ думахъ шла Надежда Павловна къ дачѣ этой дамы. Но не поученій жаждала она, а простой, задушевной бесѣды... Отвести душу съ умной женщиной, которая сама пережила много тяжелаго.

Она, какъ слышно, потеряла страстно любимаго человѣка, красавца студента. И полюбила его уже женщиной въ лѣтахъ.

Все разомъ погибло: и любовь, и вся жизнь женщины. Какъ тутъ не удариться въ такую вѣру, по которой выходитъ, что ты можешь побывать въ нѣсколькихъ существахъ и все освобождаться отъ своихъ земныхъ тревогъ, и слабостей, и грѣховъ — чтобы достичь безконечнаго блаженства!

Вотъ то, что она до сихъ поръ схватила изъ разговоровъ объ этой вѣрѣ.

Дачка, гдѣ жила Прокофьева, стояла на опушкѣ лѣса, позади палисадника. Надежда Павловна нашла хозяйку на низенькой террассѣ.

— Милости прошу, Надежда Павловна! Привѣтъ вамъ!

И усадила ее въ соломенное кресло.

Ей было совѣстно сейчасъ же спросить ее — обѣщалъ ли быть у нея Юрій Александровичъ.

Прокофьева протянула ей обѣ руки съ теплымъ пожатіемъ.

— Я знаю—начала она своимъ обычнымъ, немного сладкимъ тономъ—вы ищете... вы уже находитесь на пути...

— На „пути“? — немного удивленно повторила Степанова.

— Да, на одномъ изъ тѣхъ путей, которые приводятъ къ высшему познанію великихъ тайнъ жизни. Всякому уготованъ свой путь. Пути разные; но ведутъ къ одной цѣли.

„Ахъ, не то, не то!“—воскликнула про себя Надежда Павловна.

Какъ бы она упала ей на грудь и излила бы ей свое „бабье горе“, свой страхъ за то, что, послѣ обмана и грѣха, ей предстоитъ, быть-можетъ, любовная „сухота“ съ такимъ „чадушкой“, какъ ея Юрій.

— Дорогая моя,—журчалъ, какъ ручей, голосъ Прокофьевой, — передъ вами выполненіе двояко-высокой задачи... Послѣ того, какъ вы погрузитесь душой въ познаніе потусторонней, сверхчувственной истины, вы и того, кто вамъ теперь дорогъ, поставите на болѣе твердую почву.

Надежда Павловна вопросительно взглянула на нее, но не спросила, о комъ она говоритъ.

Ясно, что объ ея Юріи.

— Гдѣ ужъ мнѣ!—вырвалось у нея со вздохомъ.

Она не выдержала и опустила голову на плечо Прокофьевой. Слезы брызнули изъ глазъ.

— Надо все побороть, отъ всего очистить себя.

— Развѣ это возможно?

— Возможно — съ тихой настойчивостью выговорила Прокофьева. — Спросите меня. Еслибъ я вамъ разсказала, какой ужасъ царилъ въ моей душѣ, пока я не познала путь достиженія высшаго познанія!

— Такъ вѣдь это и всякій старецъ вамъ скажетъ!

— Нѣтъ! Мы не требуемъ никакого мертвящаго изувѣрства, дорогая моя! Живите, отдавайтесь всѣмъ призывамъ бытія; но работайте надъ своимъ самосовершенствованіемъ, работайте неустанно!

— И мужъ мой то же проповѣдуетъ, съ утра до вечера.

— Не разрывайте и вы съ вѣрой отцовъ. Для насъ нѣтъ ни еретика, ни иновѣрца. Мы всѣхъ принимаемъ въ лоно свое... Пускай придетъ и атеистъ! Только бы онъ сталъ на одинъ изъ путей.

XXX.

Рѣчь хозяйки была прервана приходомъ молодой брюнетки, въ соломенной шляпѣ и темномъ платьѣ.

— Марья Христофоровна Дишъ!—назвала Прокофьева.

— Мы, кажется, встрѣчались?—спросила брюнетка.

— Да, кажется, — повторила за ней Степанова и стала вспоминать.

— Вотъ, Надежда Павловна обратилась ко мнѣ сама... за указаніемъ ей пути. Марья Христофоровна обладаетъ бо́льшими познаніями, чѣмъ я, она дальше ушла во всѣхъ смыслахъ.

— Полноте!—остановила та.

— Нѣтъ, милая, я человѣкъ интуитивный, а вы обладаете даромъ убѣжденія, вы сумѣете сразу поставить Надежду Павловну на правый путь.

„Не надо мнѣ, не надо мнѣ!“ — чуть-было не крикнула Степанова.

Съ той сѣдѣющей дамой ей было тепло на душѣ; а эта дѣвица, съ умнымъ, сухимъ лицомъ и какой-то застывшей на губахъ усмѣшкой, сейчасъ же пахнула на нее чѣмъ-то не отъ жизни, а отъ какой-то книжки „за семью печатями“.

— Надежда Павловна,—начала дѣвица Дишъ,—надо прежде всего знать, что наше ученіе не есть что-нибудь такое... сразу всѣмъ доступное... Еслибъ это было такъ, то мы бы стали проповѣдывать вездѣ, на улицахъ и площадяхъ, деревенскимъ мужикамъ и фабричнымъ, какъ нѣчто, что можно сразу вмѣстить въ себѣ. Сказалъ: „вѣрую, Господи“—и довольно... И входи въ царствіе небесное.

Она перевела духъ и усмѣшка ея получила какой-то другой оттѣнокъ.

— Но позвольте!..

Надежда Павловна остановила ее жестомъ руки.

— А какъ же апостоловъ-то набиралъ Спаситель? Кто они были? Ученые? Простые рыбаки, поди и грамотѣ, по тогдашнему, не знали. И всѣ, кто дѣлались христіанами въ первые-то года... Кто они были? Простой, темный народъ... И вотъ вѣра ихъ одолѣла, и до сихъ поръ еще сотни милліоновъ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Все это прекрасно—не волнуясь, тѣмъ же тономъ отвѣтила дѣвица Дишъ. — На христіанство надо смотрѣть не такъ, какъ смотритъ народъ, толпа.

— А какъ же?

Щеки Надежды Павловны разгорались.

— Символически. Ученіе приняли народы въ самомъ его упрощенномъ видѣ; но сокровенная сущность доступна только тѣмъ, кто посвященъ въ міръ сверхчувственной истины.

— Темна вода во облацѣхъ!

Обѣ теософки переглянулись между собою.

— Дорогая моя!—заговорила Прокофьева, кладя ей руку на плечо. — Мы не желаемъ ничѣмъ запугивать васъ. Но Марья Христофоровна хочетъ дать вамъ сразу уразумѣть, что истина дается только тѣмъ, кто рѣшается пройти долгій искусъ, переходя изъ одного состоянія своего „я“ въ другое.

— Стало, это какія-то мистеріи, вродѣ какъ въ древности, въ языческихъ храмахъ... доступныя только жрецамъ?

— Всѣ мистеріи, всѣ оккультныя дѣйствія представляютъ собою цѣпь въ раскрытіи истины, какая дана теперь тѣмъ, кто способенъ пройти всѣ степени своего просвѣтленія.

Эту тираду дѣвица Дишъ проговорила замедленно, почти безстрастнымъ тономъ и все съ тою же миной своего довольно широкаго рта.

— Да, вотъ оно что! Значитъ, ваша вѣра только для избранныхъ, а не для всѣхъ, кого Христосъ звалъ, когда сказалъ: „Пріидите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ“?

— О!—воскликнула Прокофьева—высшаго успокоенія не можетъ быть, какъ то, котораго достигаетъ всякій, избравшій одинъ изъ путей къ познанію сверхчувственнаго міра.

— Значитъ... Юдольфскія Таинства? — наивно, почти подѣтски выговорила Надежда Павловна.

— Какія таинства?—строговато переспросила дѣвица Дишъ.

— Это мнѣ на память пришло. Я была дѣвочкой—по шестому году. Наша бабушка читала все старинные романы... Такъ вотъ одинъ такъ назывался, кажется: „Юдольфскія тайны“... госпожи Ратклифъ. Простите—такъ оно къ слову пришлось!

— Дорогая!—обратилась къ ней хозяйка и опять положила ей руку на колѣни. — Не пугайтесь. Надо войти и умомъ, и сердцемъ въ то, что ведетъ къ познанію нетлѣнной истины.

Въ дверяхъ терассы показалась мужская фигура.

— Юрій Александровичъ!—радостно вскрикнула Степанова и подбѣжала къ нему.

— Я прервалъ бесѣду?—спросилъ онъ.

Что̀ отвѣтила ему одна изъ нихъ, Надежда Павловна уже не слыхала.

. . . . . .

Они быстро дошли до парка...

— Пойдемъ туда, въ березовую бесѣдку!.. Я не могу такъ, Юрій! Мнѣ такъ надо быть съ тобою.

Въ бесѣдкѣ никого не было.

И какъ только они сѣли, Надежда Павловна упала головой ему на колѣни и тихо зарыдала.

— Надя! Что ты?

— Истерзалась я тамъ, у этихъ теософокъ! Зачѣмъ ты меня туда послалъ? Не надо мнѣ ихъ премудрости. Я думала—такая вотъ женщина, какъ эта Прокофьева, которая прошла черезъ женское горе, скажетъ мнѣ доброе слово, которое идетъ прямо къ сердцу; а она только елейно вѣщаетъ! А ужъ эта высушенная дѣвуля просто заморозила меня... И требуетъ какого-то все искуса!.. Юрій, развѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, состоишь въ ихъ толкѣ? Скажи ты мнѣ на милость!

Она сложила свои красивыя руки просительнымъ жестомъ.

— Я ихъ понимаю... Я сочувствую ихъ полетамъ въ надчувственную область, но и только...

— Да вѣдь я, до сихъ поръ, не знаю — въ чемъ же твоя вѣра и за кого мнѣ тебя считать?

Она почти прокричала эти слова и слезы потекли по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ.

— Я ищу, Надя.

— Ищешь? Богоискатель! А какъ же намъ теперь быть съ нашимъ земнымъ дѣломъ? Я тебѣ говорю, что Глѣбъ Петровичъ все знаетъ. И меня душитъ то, что я ношу личину.

— Скажи ему все.

— А потомъ что будетъ?—вдругъ строго и страстно выговорила она.

— Не грязни своего чувства.

— Это все я... должна, я—а *ты*?

Это было сказано глуше звукомъ, но такъ же сильно.

— Наше сближеніе, Надя, было слишкомъ земное и мгновенное. Безъ единенія душъ, полнаго, безусловнаго—не можетъ быть слiянія не въ плоть едину, а въ единъ духъ. Надо до этого подняться, Надя.

— Другими словами, ты меня не отталкиваешь, но я должна пройти такой же искусъ, какъ у тѣхъ твоихъ пріятельницъ.

Какъ это все Прокофьева повторяла: путь! Да, путь! И ихъ не одинъ, а цѣлая полдюжина! Такъ ли? Ха, ха!

Ея смѣхъ перешелъ въ истерическій хохотъ. Она упала головой на перекладины пролета и судорожно билась.

Онъ сидѣлъ и растерянно смотрѣлъ на нее, и не двигался.

XXXI.

Сумбуловъ чувствовалъ въ себѣ особенный подъемъ.

Раннимъ утромъ онъ уже ходилъ въ „питомникъ“ и въ лѣсъ; недалеко отъ опушки онъ выбралъ маленькую полянку, гдѣ съ двухъ сторонъ лежали бревна.

Тутъ будетъ сегодняшняя „лѣсная проповѣдь“—затѣя Клавдіи Андреевны.

Но почему же ему и не выступить не на публичной лекціи, не съ сухимъ рефератомъ, въ какомъ-нибудь кружкѣ или обществѣ, а тутъ, подъ чистымъ голубымъ небомъ и въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ?

Онъ же такъ любитъ лѣсъ, русскій лѣсъ, такъ долго изучаетъ жизнь растительныхъ организмовъ, собирается всю свою жизнь отдать проникновенію въ тайны того органическаго міра, который остановился на рубежѣ сознанія и будетъ вѣчно служить питательной основой всего сущаго, вплоть до самыхъ высшихъ полетовъ человѣческаго духа.

И вотъ этотъ-то „духъ“ и сталъ въ культурномъ человѣчествѣ заѣдать вещественную природу человѣка.

Объ этомъ онъ нынче и будетъ говорить на лѣсной площадкѣ.

Можетъ-быть, дѣвушка, къ которой онъ привязывается такимъ здоровымъ, простымъ и сильнымъ влеченіемъ, смутится его выводами. Можетъ-быть, она станетъ на сторону его оппонентовъ?..

А противъ него не только выступитъ Кашинцевъ — тотъ правовѣрный „апологетъ“, несомнѣнно ею заинтересованный, но и другой „искатель“ — символистъ Авенировъ, и другой „богочеловѣкъ“—чудакъ Степановъ.

Ихъ точно не даромъ свела судьба вотъ здѣсь, чтобы попасть на его „проповѣдь“.

И тотъ его слушатель, который для него всего цѣннѣе—и тотъ, пожалуй, будетъ выступать противъ него.

Это—профессоръ Сурковъ.

Онъ здѣсь уже второй день, пріѣхалъ на съѣздъ; но гоститъ не въ городѣ, а у одного изъ своихъ здѣшнихъ коллегъ.

Сумбуловъ былъ когда-то его слушателемъ, до перехода Суркова въ другой университетъ.

Они столкнулись на съѣздѣ и условились повидаться въ паркѣ, когда тотъ будетъ дѣлать свою утреннюю прогулку, послѣ кофе.

Сегодня онъ свободенъ и можетъ удѣлить ему часокъ, въ тѣ послѣобѣденные часы, когда состоится лѣсная бесѣда.

Это будетъ ново, курьезно. И только одинъ Кашинцевъ догадается, что тутъ произойдетъ родъ турнира передъ „дамой сердца“.

Но еслибъ Клавдія Андреевна и не прониклась безпощадной правдой его вывода, обнимающаго собою всю исторію культурнаго человѣчества—что за бѣда! Не вмѣститъ теперь—пойметъ позднѣе, когда сдѣлается его „подругою“ и увидитъ, что онъ проповѣдуетъ не смерть, а жизнь, но только гармоническую, не однобокую.

На дняхъ у нихъ дѣло дошло до рѣшительнаго момента. Онъ могъ бы сдѣлать рѣшающій „жестъ“; но ему показалось банальнымъ обнять ее или же дѣлать „форменное“ предложеніе.

Онъ сохранилъ, до сихъ поръ, чисто отроческую стыдливость.

„Это — вопросъ момента“, повторяетъ онъ; но все ему говоритъ, что здѣсь вотъ, въ паркѣ, или въ его домикѣ, когда Клавдія Андреевна наконецъ заглянетъ къ нему — все будетъ рѣшено.

Сразу нашелъ онъ профессора, увидалъ его еще издали, на берегу озера. Его фигура, вся въ бѣломъ, видна была издалека.

Отъ него Сурковъ и узналъ, что здѣсь проживаетъ на дачѣ его коллега и когда-то пріятель — Кашинцевъ.

Это извѣстіе, кажется, не особенно его обрадовало.

Когда они присѣли на скамью, Сурковъ сейчасъ же спросилъ его:

— А вы не знаете—во что теперь онъ превратился?

— Знаю. И вотъ затѣмъ-то и пригласилъ его.

— Можно впередъ сказать — что онъ будетъ размазывать!

Сумбуловъ немного прищурился, взглянувъ вбокъ на Суркова.

— Леонидъ Сергѣичъ! Я вѣдь не увѣренъ въ томъ, что и вы согласитесь съ моимъ основнымъ выводомъ.

— Послушаемъ... Но въ одномъ я увѣренъ—въ вашей научности, въ вѣрности духу положительнаго знанія.

Сурковъ снялъ шляпу и сдѣлалъ широкій жестъ.

— Ваша идея мнѣ очень симпатична. Теперь болѣе, чѣмъ

когда-либо, на каждомъ исповѣдникѣ научнаго credo лежитъ святая обязанность—выступать противъ этой заразы юродства и изувѣрства, которыя прикрываются всякими модными кличками. Пускай меня ославляютъ апостоломъ нетерпимости... Всякую поблажку этой заразѣ я считаю преступленіемъ! Вотъ когда надо заново повторять возгласъ великаго фернейскаго мудреца: „Ecrasez l'infâme". И „infâme"—уже не католическій клерикализмъ, а нѣчто гораздо худшее.

Онъ весь разгорѣлся.

Слушая его, Сумбуловъ чувствовалъ, что пылкостью своей профессоръ моложе его; а между ними лежало разстояніе на цѣлую генерацію.

— Вамъ, Леонидъ Сергѣичъ, можетъ-быть несовсѣмъ пріятна будетъ встрѣча съ Кашинцевымъ?

— Мнѣ безразлично. Мы съ нимъ поспорили, зимой, когда я увидалъ, что онъ собою изображаетъ. Пускай юродствуетъ! Но его теперешняя роль—симптомъ, и самый нелѣпый! Лучше уже впасть въ фетишизмъ дикаря, чѣмъ заниматься научной апологіей того, чему можно вѣрить только quia absurdum est! Что-жъ! Это будетъ забавно!

И, перебивъ себя, Сурковъ сталъ тутъ же разспрашивать Сумбулова о его работахъ.

Они снялись съ мѣста и пошли по одной изъ боковыхъ аллей.

Возвращаясь домой, Сумбуловъ столкнулся, на выходѣ изъ парка, съ какимъ-то не то дворникомъ, не то мастеровымъ, въ разстегнутой подержанной поддевкѣ изъ бумажной матеріи и въ старомъ картузѣ.

Что-то ему вспомнилось.

Они остановились разомъ.

— Господину Сумбулову почтеніе!—поздоровалась съ нимъ чуйка.

— Вы... меня знаете?

— А какъ-же-съ... Помните, въ „Ямѣ"... имѣли собесѣдованіе?

— Да? Вы тотъ... какъ бишь—безсмертникъ?

— Онъ самый, Елизаръ—Безсмертный.

— Здѣсь проживаете?

— Нѣтъ-съ, въ городѣ. Но отъ одного знакомца прослышанъ былъ, что вы здѣсь имѣете пребываніе.

— Стало, меня искали?

— Какъ разъ, отправлялся туда, въ заведеніе—поспрошать о вашемъ адресѣ у швейцара.

— Очень радъ!

Сумбуловъ тутъ же пригласилъ его на сегодняшнюю бесѣду, въ лѣсу, и объяснилъ, какъ туда пройти.

Тотъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился и все повторялъ:

— Сильно мнѣ сдается, что вы меня сразу поймете... и дадите мнѣ возможность все то сказать, что человѣкъ долженъ сдѣлать, чтобы остаться на землѣ—вѣчнымъ жителемъ.

На этомъ они пожали другъ другу руку и разошлись въ разныя стороны.

XXXII.

Изъ-за могучихъ деревьевъ глядѣлъ край неба. Стволы сосенъ розовѣли въ мягкомъ свѣтѣ, точно купаясь въ немъ.

Листва чернаго лѣса уходила въ глубь, съ двухъ сторонъ небольшой „плѣши“, гдѣ трава была посреди притоптана, а вдоль деревьевъ раскинулся папоротникъ.

Собралось цѣлое общество. Тутъ были все больше знакомые. Только одинъ Кисельный не былъ никому извѣстенъ, кромѣ Сумбулова. Онъ его представилъ всѣмъ, какъ „свободнаго христіанина-безсмертника“.

Имъ сейчасъ же заинтересовался Глѣбъ Петровичъ. Отдѣльной группой сѣли Надежда Павловна, Авенировъ и двѣ теософки—Прокофьева и Дишъ.

Сурковъ встрѣтился съ Кашинцевымъ холодно, и сѣлъ ближе къ тому дереву, подъ которымъ стоялъ Сумбуловъ.

Были еще нѣсколько студентовъ. Они разлеглись около деревьевъ, въ сторонѣ.

Бутова сѣла около Кашинцева. Она волновалась, кажется, больше, чѣмъ самъ ораторъ.

Это была ея „затѣя“, какъ называлъ Сумбуловъ—такая вотъ „лѣсная проповѣдь“.

Она не боялась за то, какъ Сумбуловъ справится съ своей рѣчью. Онъ прекрасно владѣетъ собой—всегда и во всемъ. Говоритъ онъ хорошо и могъ бы выступать лекторомъ и передъ огромной аудиторіей.

Ее смущало другое: а вдругъ его *credo* окажется, для нея, чѣмъ-нибудь слишкомъ... суровымъ или безпощаднымъ.

Насколько онъ до сихъ поръ высказывался съ нею, онъ слишкомъ уже все сводитъ къ законамъ природы, къ жизни по ея велѣніямъ и указаніямъ.

Вѣдь и у Руссо все это есть, да и не у него одного.

Смущало ее и то, что Кашинцевъ можетъ посмотрѣть на эту „лѣсную проповѣдь“ какъ на вызовъ, брошенный ему, особенно если Сумбуловъ начнетъ „прохаживаться“ насчетъ нынѣшнихъ святошъ, богоискателей и „людей звѣринаго числа“.

Безъ преній это не обойдется. А кто знаетъ! Быть-можетъ, Кашинцевъ, въ спорѣ, окажется куда искуснѣе Сумбулова.

И ей будетъ больно, если онъ выйдетъ хоть и не побитымъ, но не на высотѣ своей задачи.

Ее все-таки очень возбуждало это сборище. Точно будто сама судьба позаботилась о томъ, чтобы всѣ эти слушатели оказались изъ здѣшнихъ дачниковъ, кромѣ вонъ той чуйки, которая можетъ оказаться очень „курьезной“.

Клавдія Андреевна сидѣла около Кашинцева, но не плотно къ нему; между ними было разстояніе болѣе чѣмъ въ аршинъ.

И отъ нея не укрылся немного насмѣшливый взглядъ, брошенный въ ихъ сторону Сумбуловымъ. Онъ казался очень веселымъ и спокойнымъ; его выдавала только нѣкоторая блѣдность.

Въ разныхъ группахъ шелъ негромкій разговоръ.

Сумбуловъ, стоя подъ деревомъ, взялся правой рукой за его мягкій, розоватый стволъ и откашлялся.

Шляпы онъ не снималъ, а только немного ссадилъ ее кзади, отчего на лбу его обозначилась черта сильнаго загара подъ бѣлой полосой кожи.

— Позволите начать?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Пожалуйста!—отозвался первый Авенировъ.

Кисельный, на-цыпочкахъ, пододвинулся ближе къ дереву Сумбулова, опустился на траву и охватилъ свои колѣни въ холщевыхъ штанахъ, заправленныхъ въ смазные, очень запыленные сапоги.

И приготовился слушать, полузакрывъ глаза.

— Господа!—началъ Сумбуловъ довольно высокой нотой и подался немножко впередъ.—Наша бесѣда выходитъ изъ обычной обстановки. Подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу, среди матери-природы—вы хотите меня послушать. И большинство изъ васъ знаетъ или предполагаетъ, что я не вашего стана. Здѣсь преобладаютъ исповѣдники религіозныхъ доктринъ и такихъ ученій, въ которыхъ основой всего является духъ, душа, *карма*—назовите, какъ хотите. Это движеніе, эти „прорывы въ вѣчность“, какъ нѣкоторые называютъ, эта тяга въ потусторонній міръ—теперь захватываетъ интересъ нашей интеллигенціи, и молодой,

и очень взрослой. Тѣмъ законнѣе каждому стоящему внѣ этой тяги сказать и свое слово.

— Въ добрый часъ! — раздался пріятный баритонъ Суркова.

— Вотъ я и хочу—не впадая ни въ какую излишнюю элоквенцію—стать на точку зрѣнія, по которой такъ называемый *духъ* является совсѣмъ не тѣмъ факторомъ безконечнаго прогресса, какъ это принято считать.

Кисельный усиленно слушалъ. Авениpовъ переглянулся съ теософками. Кашинцевъ многозначительно повелъ головой. Степановъ сидѣлъ на бревнѣ, опустивъ голову въ обѣ руки, безъ шляпы.

Бутова не поднимала глазъ на Сумбулова; но это вступленіе ей очень понравилось.

— Недавно—продолжалъ Сумбуловъ—кто-то спрашивалъ въ газетной статьѣ: „куда мы идемъ?“—всѣ мы, русскіе. И этотъ вопросъ можно распространить и на всю культурную Европу, и на Новый Свѣтъ, гдѣ прогрессъ продѣлываютъ тѣ же европейцы. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо подняться на извѣстную высоту, взять въ руки научный анализъ и синтезъ и всмотрѣться въ то, какъ потокъ жизни пробивалъ себѣ путь.

Онъ немного откинулъ голову назадъ и отошелъ отъ дерева на аршинъ.

Обѣими руками сдѣлалъ онъ круглый жестъ.

— Вотъ этотъ потокъ прыгаетъ по неровному руслу, сначала прозрачной ключевой водой, а потомъ русло все мелѣетъ или застилается осокой и затягивается иломъ. А можетъ быть и такъ, что потокъ упрется въ преграду и образуется цѣлое озеро, и изъ него, въ свою очередь, вытекутъ веселые ручьи, и снова явится озеро и вступитъ въ борьбу съ новыми преградами.

Сдѣлавъ передышку, онъ наклонился впередъ.

— Простите—быть можетъ, это сравненіе и неудачно?

— Напротивъ!—вырвалось у Бутовой.

Кашинцевъ вбокъ взглянулъ на нее.

— Но спрашивается—не то ли самое представляетъ собою вся жизнь на землѣ? Для этого надо вернуться назадъ, къ эпохѣ ледниковъ, ни больше, ни меньше. Эта эпоха не является ли для человѣческихъ расъ такой колоссальной преградой, которая обострила умственную силу человѣка въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій? Эта преграда и даетъ ему побѣду и одолѣніе надъ природой. И человѣкъ побѣждаетъ природу такъ блистательно, что

теперь, на нашихъ глазахъ, онъ уже совершаетъ, въ видѣ научнаго спорта, экспедиціи въ царство ледниковъ! И эта гигантская борьба заставила человѣка-звѣря жить повышенной духовной жизнью. И съ помощью полового подбора человѣкъ, запасаясь родовой собирательной мудростью, въ видѣ религіозныхъ и всякихъ другихъ учрежденій, дошелъ до того, что̀ принято называть цивилизаціей. Простите за эти общеизвѣстные факты и выводы!

XXXIII.

Бутова легко овладѣвала развитіемъ главной идеи Сумбулова.

Она уже знала ее въ общихъ чертахъ изъ ихъ разговоровъ. Сумбуловъ не переставалъ повторять, что ей надо схватить сначала хорошую умственную „диспепсію“, чтобы увидать, что уходить въ одну духовную жадность—значитъ обрекать себя на полный крахъ.

А тутъ онъ развиваетъ это послѣдовательно, стройно, и она видитъ, что всѣ — отъ той чуйки до двухъ теософокъ — сильно возбуждены.

И каждый его выводъ находитъ въ ней откликъ. Она — такой „головастикъ“, какъ себя называетъ, — даже удивлена тѣмъ, что ей ни на что не хочется возражать ему.

— Духъ — доносится до нея его сочный, вибрирующій голосъ—для человѣка научнаго мышленія есть только *орудіе* и *продуктъ* жизни, а жизнь совпадаетъ съ матеріей или — какъ нынѣ признаютъ нѣкоторые—съ *массой* и *энергіей!*...

При этихъ словахъ Сурковъ сдѣлалъ жестъ правой рукой, а Кашинцевъ многозначительно усмѣхнулся.

И дальше Бутова схватывала быстро его выводы. Онъ правъ, доказывая, что организмъ можетъ существовать только при гармоніи, при равновѣсіи отправленій. А мы, арійцы, ушли въ сушь, вдались въ исключительный культъ *духа*, что̀ прежде было необходимо для борьбы съ природой, а теперь грозитъ полнымъ банкротствомъ.

„Да, мы слишкомъ головастики“—думала и она, и чуть не захлопала вопросу, поставленному Сумбуловымъ такъ просто и смѣло:

— Не придаемъ ли мы, господа, *духу*, который есть *только* органъ всей жизни, смысла и значенія всей жизни, а вѣдь жизнь и есть самоцѣль?

— Вѣрно! — раздалось слѣва отъ нея, и она, съ удивленіемъ, поглядѣла на чуйку въ картузѣ: это онъ издалъ такой возгласъ.

— И вотъ мы доведены до абсурда именно вліяніемъ такой ошибки—принятія одного органа жизни за все цѣлое.

Она воздержалась отъ „браво“; но онъ на нее смотрѣлъ и она, какъ разъ, кивнула ему головой. Онъ, въ отвѣтъ, улыбнулся ей глазами.

— А что такое жизнь?—врѣзался въ ея слухъ вопросъ, поставленный также просто и смѣло.—Жить—значитъ отбрасывать все обреченное на вымираніе.

Послѣ этого онъ сталъ разбирать строй жизни современнаго культурнаго человѣка; его идеалы, его исканія: красота, Богъ, стремленіе въ потустороннюю область, прорывы въ вѣчность! И результатомъ всего этого является—логически и безповоротно—отрицаніе самой жизни. Поставить духъ выше всего и независимо отъ всего! А жизнь, напротивъ, есть полнѣйшая зависимость нашего внутренняго „я“ отъ силъ природы. Идеалъ христіанства—взглядъ на земное какъ на скверну, аскетизмъ, прямое единеніе съ Богомъ, разговоръ съ нимъ. Идеалъ такой религіи, какъ буддизмъ—отрѣшенность отъ всего плотскаго, созерцаніе и нирвана.

Бутова и тутъ кивнула головой, въ знакъ своего полнаго согласія.

— А кто же мы сами-то?—спросилъ Сумбуловъ, взявшись опять за стволъ дерева лѣвой рукой.—Мы сами только продуктъ жизни, и если мы будемъ все глубже и глубже опускаться въ это отрицаніе жизни—мы обречены на гибель, ибо освободиться отъ ея сути мы не въ силахъ. Но можемъ ли мы, съ такимъ порываніемъ къ чистому духу, мириться съ нашимъ матеріальнымъ субстратомъ? А мы хотимъ и maximum духовности, и высшую тѣлесность! Пропасть все углубляется. Будущее требуетъ отъ насъ высшаго альтруизма, высшаго самоотреченія, а матерія держитъ насъ въ своихъ тискахъ и мы, по доброй волѣ, остаемся въ этомъ жалкомъ противорѣчіи.

И, точно отвѣчая на ея личное раздумье о томъ—чего держаться, какими знаніями удовлетворяться, Сумбуловъ спросилъ:

— Да и что̀ можетъ намъ дать нынѣшній подъемъ духа къ всезнанію, къ игрѣ въ богочеловѣковъ? Развѣ теперь, и въ стихахъ, и въ прозѣ, не повторяютъ: „будемъ, какъ боги!“? Для Бога все едино и лишено нашего людского интереса, ибо онъ все долженъ знать напередъ.

— Правильно!—крикнулъ опять Кисельный.

— Какое же счастье сулитъ намъ будущее и къ чему мы обрекаемъ грядущее потомство, если въ немъ пропасть между духомъ и жизнью будетъ еще глубже?

Одна изъ теософокъ поглядѣла на Авенирова. Тотъ что-то шепнулъ Надеждѣ Павловнѣ. Она лѣниво повела глазами на мужа.

Глѣбъ Петровичъ сидѣлъ все въ той же позѣ.

— Но если пойдемъ по тому же пути, пропасть между духомъ и жизнью сдѣлаетъ наше потомство еще болѣе несчастнымъ. Что же оправдываетъ въ моихъ глазахъ желаніе имѣть ребенка? Развѣ желаніе свести его жизнь къ возможно кратчайшему сроку?

Тутъ Глѣбъ Петровичъ поднялъ голову и окликнулъ оратора.

— Какой же выводъ изъ всего этого, позвольте спросить?

— А тотъ, что аріецъ, какъ культурный типъ, дошелъ до предѣла того противорѣчія, въ какое онъ впалъ, сдѣлавъ духъ—орудіе жизни и ея органъ—всепоглощающей сутью существованія.

— Какъ же ему быть?—спросилъ Сурковъ.

— Да, да!—подхватилъ Авенировъ.—Вы привели насъ въ тупикъ и кажете неминуемую гибель цѣлой расы.

— Оттого только,—дополнилъ Кашинцевъ, глядя больше въ сторону Бутовой,—что человѣчество стремится къ познанію вѣчной истины, а не хочетъ и не можетъ вернуться къ торжеству матеріи?

— Да, да!—проговорили разомъ обѣ теософки.

У Бутовой сердце ёкнуло и она даже приподнялась. Моментъ былъ рѣшительный. Она сама могла бы задать Сумбулову такой же вопросъ.

— Передъ арійцемъ,—отвѣтилъ онъ, не волнуясь, а твердо, какъ нѣчто совсѣмъ уложившееся въ его головѣ,—передъ арійцемъ двѣ альтернативы. Или мы, дойдя до крайняго предѣла своей духовности, сами себя обречемъ на гибель, на вымираніе, и на смѣну намъ придетъ другая раса, въ которой не будетъ этой пропасти между духомъ и матеріей...

— Кто же?—спросилъ Кашинцевъ, съ ироніей въ глазахъ.—Японцы? Желтое племя?

— Можетъ быть, даже почти навѣрно. Или же—и голосъ Сумбулова поднялся—или же мы возьмемся за умъ и познаемъ наше коренное и фатальное заблужденіе, не будемъ часть превращать въ цѣлое, уходить въ безплодныя и безцѣльныя порыванія и дѣлать изъ духа — органа все той же жизни — единственнаго палладіума нашего бытія на этой планетѣ, которую

мы сами превращаемъ въ юдоль скорби и ненужныхъ страданій, вздыхая по фантомамъ, созданнымъ нашимъ раздвоеннымъ сознаніемъ!

Сдѣлавъ быструю передышку, Сумбуловъ снялъ шляпу, отеръ потъ платкомъ и весело проговорилъ:

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Dixi et animam meam levavi!

Онъ снялся съ мѣста и подошелъ къ Бутовой.

Она первая захлопала; захлопали и студенты; изъ остальныхъ слушателей — Сурковъ и, къ новому удивленію Бутовой, Кисельный.

XXXIV.

И вышла пауза. Никто не поднялся съ мѣста и чего-то какъ бы ждали.

— Дорогой Левъ Сергѣичъ!—началъ Сурковъ тономъ добродушнаго наставника. — Вдаваться въ подробный разборъ вашей рѣчи было бы не у мѣста. Особенно здѣсь, на лонѣ природы. Вы призываете къ сліянію съ ея великимъ глаголомъ, и я вамъ безусловно сочувствую. Нахожу вѣрнымъ и вашъ трезвый взглядъ на пропасть, какую теперь и въ нашей интеллигенціи вырыли между духомъ и жизнью. Но вашъ выводъ о будущемъ арійской расы былъ бы слишкомъ мраченъ, еслибъ вы сами не поставили передъ нашей расой выбора—или погибнуть, или уцѣлѣть. Надолго ли? Вѣдь вы сами же сказали, что арійцы должны были кинуться въ сторону духа, чтобы уцѣлѣть матеріально—и въ ледниковый періодъ, и позднѣе.

— Стало, выводъ одинаково безпощаденъ и мертвящъ!—отозвался Кашинцевъ, повернувъ голову въ сторону своего недавняго пріятеля.—Да оно иначе и не можетъ быть. Только духъ живитъ, а матеріализмъ, хотя бы и архи-научный, мертвитъ.

— Еще бы!—вполголоса вырвалось у одной изъ теософокъ.

— Это—совсѣмъ изъ другой оперы, любезнѣйшій Егоръ Иванычъ!—кинулъ ему Сурковъ, съ боковымъ взглядомъ.

— Почему же?—спросилъ Авенировъ.—Міропониманіе оратора—ясно. Оно ни къ чему другому и не могло привести его. Развѣ не такъ, Глѣбъ Петровичъ?

Степановъ оглянулся, какъ бы удивленный, что къ нему обратился Авенировъ, и, тономъ своихъ обычныхъ рѣчей, выговорилъ:

— Зрячіе, вразумляйте слѣпыхъ. Тащите ихъ силою на свѣтъ!

„Господи! Затянетъ онъ свои рацеи!“—испугалась, про себя, Надежда Павловна.

Но больше ея мужъ ничего не изрекъ.

Сумбуловъ сидѣлъ около Бутовой, по другую сторону, прислонившись спиной къ грудѣ бревенъ, и кивнулъ головой Кисельному.

— Елизаръ Лазаревичъ! А вы что̀ скажете, въ отвѣтъ на мою грѣшную пре́дику?

Кисельный быстро поднялся и подошелъ къ тому самому дереву, подъ которымъ говорилъ Сумбуловъ.

— А я, хоть и малограмотный, и не ученый, но уразумѣлъ, что вы—по своему—въ настоящую точку ударили.

— Да?—удивленно переспросилъ Сумбуловъ.

— Совершенно. И мнѣ, какъ исповѣдующему земное безсмертіе, слѣдуетъ съ вами согласиться, ежели вы, быть-можетъ, и не моей вѣры. Да и понять васъ можно только такимъ, какъ я.

Онъ оглянулъ всѣхъ возбужденнымъ взглядомъ, развязно, почти торжествующе, и крикнулъ:

— Вотъ передъ вами простой человѣкъ, по прозвищу Елизаръ Безсмертный. Я знаю, вы, господа, будете смѣяться надо мною; но я ужъ къ этому привыкъ. И обязанность такого христіанина, какъ я—свободнаго, значитъ новаго, а не ветхозавѣтнаго—уходить изъ стараго міра, потому что онъ смертоносенъ, у него нѣтъ радости жизни, онъ не вѣритъ, что человѣкъ можетъ жить вѣчно.

— Гдѣ?—спросилъ Кашинцевъ.

— Не на небѣ, а на землѣ, здѣсь вотъ, гдѣ и вы всѣ пребываете. Міръ страшится жизни.

— Браво, Елизаръ Лазаревичъ!—крикнулъ Сумбуловъ.

— Оно такъ выходитъ по всему. Міръ заключилъ союзъ со смертью, и не знаетъ своего коренного назначенія, и не хочетъ обратиться къ матери-природѣ, чтобы она ему указала правильный путь. Онъ не позналъ ея премудрости и не разобрался въ ея таинствахъ! И не хочетъ возлюбить жизнь.

— Браво!—крикнула и Бутова, и невольнымъ движеніемъ протянула руку Сумбулову.

— А она, природа-то, любитъ людей и не желаетъ ихъ гибели. И вотъ я—Елизаръ Безсмертный—имѣю жизнь вѣчную и буду всегда жить на землѣ. Это моя обязанность—оставаться на землѣ вѣчно. И все мнѣ будетъ возможно. А почему она, природа, до сихъ поръ не открыла міру своихъ тайнъ? А вотъ почему: онъ страшится и не вѣритъ въ земное безсмертіе; она,

природа, и не желала такому больному дитяти писать свое духовное завѣщаніе.

— Что онъ, полоумный что-ли? — шепнула Надежда Павловна Авенирову.

— Нѣтъ, я его слыхалъ. Это такъ называемый безсмертникъ.

Глѣбъ Петровичъ уперъ взглядъ въ говорившаго, мечтательно, но безъ всякаго насмѣшливаго выраженія. Серьезно слушали и теософки.

— Смертоносный человѣкъ — продолжалъ все горячѣе Кисельный — вѣритъ въ то, что онъ — прохожій на этой землѣ, все спѣшитъ, ругаетъ жизнь, ненавидитъ ее, а самъ трепещетъ смерти, какъ подлый трусъ! Природа-то все это видитъ и слышитъ. Она и не хочетъ этимъ своимъ гостямъ открывать своихъ тайнъ. А смертоносный міръ, ужаснувшись своей земной гибели, сталъ мечтать о будущей жизни, и природа совсѣмъ отъ него устранила себя.

Прижавъ къ груди правую руку сильнымъ жестомъ, Кисельный продолжалъ:

— Я безсмертенъ, а потому и безстрашенъ. Я всегда буду жить, не отходя отъ тебя, мать-природа! Всегда съ радостью буду принимать и воплощать твои таинства! И не буду ихъ хоронить въ моей мозговой коробкѣ, а стану переливать въ такіе же сосуды, какъ и я!

Обращаясь къ Сумбулову, онъ крикнулъ:

— Вы стоите, по своему, за полность жизни... И отъ васъ зависитъ — пріять безсмертіе. Смотрите, я вотъ, ничтожный червь, а далъ генеральное сраженіе смерти. Она меня не мало усовѣщевала: „что, молъ, ты дѣлаешь, Елизаръ? Ты беззаконничаешь, всѣ умираютъ, всѣхъ зарываютъ въ землю, а ты объявилъ себя безсмертнымъ“. Вѣрь въ смерть — и получишь смерть; а я всегда буду жить. И тогда смерть озлилась на меня и стала меня еще пуще стращать. А я ей сказалъ: уйди ты отъ меня, нѣтъ во мнѣ страха! Только вѣчная жизнь на землѣ можетъ дать и общественную радость. А развѣ смерть можетъ издавать законы жизни? Вотъ вѣдь и вы, Левъ Сергѣичъ, это самое сказали. И пусть въ нашей русской землѣ будетъ Богъ не смерти, а воскресенія, Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. И тогда мы спросимъ, вмѣстѣ съ апостоломъ: „Смерть — гдѣ твое жало, адъ — гдѣ твоя побѣда“?

Онъ смолкъ, отошелъ на прежнее мѣсто, опустился на землю, вынулъ изъ кармана бумажный платокъ и сталъ отирать потное лицо.

— Позвольте — обратился къ нему первый Глѣбъ Петровичъ—вы, значитъ, утверждаете, что земное безсмертіе—удѣлъ каждаго изъ насъ?

— Онъ это утверждаетъ—замѣтилъ Авенировъ,—и не онъ одинъ.

— А какъ же, баринъ, по вашему?—спросилъ Кисельный и усмѣхнулся глазами.—Васъ мы тоже немножко знаемъ. Вы вѣдь—и вотъ тоже они — вы желаете быть богочеловѣками еще на землѣ. Такъ или нѣтъ?

— Несовсѣмъ такъ, но допустимъ...

— А если такъ, то какіе же вы будете богочеловѣки, ежели смерть васъ подъ ножку—и въ яму? Вы ея боитесь немножко, всѣ вотъ такіе господа интеллегенты — я къ нимъ достаточно приглядѣлся. Изъ-за смерти всѣ вы и въ божественное ударились.

— Молодецъ Елизаръ Лазаревичъ!—вырвалось у Сумбулова.

Бутова разсмѣялась вмѣстѣ съ нимъ.

— А какіе же вы христіане, позвольте васъ спросить, коли вы не признаете того, что тотъ же апостолъ, который спросилъ: „смерть—гдѣ твое жало?“ повторяетъ—не въ этомъ только мѣстѣ—что безъ воскресенія тѣла на землѣ для него нѣтъ вѣры въ Спасителя?

— Одно дѣло воскресеніе—возразилъ Авенировъ,—а другое—безсмертіе безъ конца, при жизни!

— Не вѣрьте! Вамъ же хуже! Вотъ и вся недолга! А я сказалъ все, что долженъ былъ заявить. Прощенья просимъ и спасибо Льву Сергѣичу за его рѣчь!

Кисельный всталъ и двинулся къ выходу. Всѣ молчали, и только Сумбуловъ крикнулъ ему:

— Спасибо и вамъ, Елизаръ Лазаревичъ, за жизнь!

XXXV.

„Такъ нельзя! Такъ нельзя!“—повторялъ, про себя, Кашинцевъ, нервно шагая по дорожкѣ, которая вела вбокъ, отъ озера.

Онъ ждалъ, и ждалъ мучительно.

Сюда должна придти Клавдія Андреевна, по его усиленной просьбѣ. Больше гдѣ же ему съ нею имѣть свиданіе? Придти прямо къ ней—она живетъ не одна. Просить къ себѣ, въ его дачную меблировку—съ какой же стати?

Это вонъ тотъ „лихачъ“ Сумбуловъ можетъ претендовать на всякіе знаки вниманія съ ея стороны.

Третьяго дня, послѣ „лѣсной проповѣди“, онъ не могъ заснуть, вскочилъ во второмъ часу ночи и убѣжалъ въ паркъ, чтобы усиленной ходьбой добиться усталости. Но все-таки не добился сна.

Все у него въ душѣ и горѣло, и замирало. Онъ и страшился того, что̀ открылъ въ самомъ себѣ, и чувствовалъ новую радость и новую силу на то, чтобы спасти душу и молить о взаимности.

Да, имъ владѣетъ страсть, запоздалая, но такой онъ не зналъ еще. На личное счастье онъ давно поставилъ крестъ, и это облегчало ему исканіе живого Бога.

Но дальше нельзя обманывать самого себя.

Онъ полюбилъ эту дѣвушку, мучительно и знойно, и все это онъ пережилъ тогда, въ лѣсу, глядя на игру ихъ взглядовъ съ Сумбуловымъ и видя, какъ она увлечена его словоизверженіемъ, гдѣ все—на его оцѣнку—такъ плоско, старо, такъ немощно и бездушно.

Но если оно такъ, то развѣ не постыдно было на что-то надѣяться, идти на позоръ, обнажить свою душу затѣмъ, чтобы выслушать, какъ отъ Наины Пушкина:

„Пастухъ, я не люблю тебя!“

Но его чувство лишено грѣховности. Это чистый пламень, и оно-то приказываетъ ему:

„Ты долженъ молить ее уйти отъ гибели своей души и сдѣлаться твоей подругой на вѣкъ“.

Кто знаетъ! Быть-можетъ, между ею и Сумбуловымъ нѣтъ еще ничего серьезнаго. Всякая хорошая дѣвушка стремится къ честному браку, инстинктивно умѣетъ распознать—что говоритъ въ мужчинѣ: исканіе любовныхъ утѣхъ или безраздѣльная готовность отдать всего себя не на одно только обладаніе женщиной, а на цѣлую жизнь, полную нетлѣнныхъ радостей и духовнаго подвига.

Онъ уже два раза смотрѣлъ на часы. Если она не обманетъ—черезъ пять минутъ она должна сидѣть на той самой скамьѣ, гдѣ еще недавно Сумбуловъ нашелъ ихъ.

Сердце стало учащенно стучать, въ вискахъ біеніе, въ колѣнахъ дрожь. Онъ два раза присаживался, прежде чѣмъ дойти до поворота къ озеру, откуда ему видна будетъ та скамья.

Что-то бѣлѣетъ. Это она.

Онъ снялъ шляпу и отеръ платкомъ лобъ. Въ головѣ у него все какъ-то сразу перепуталось и, точно на школьномъ экзаменѣ, онъ вдругъ все забылъ—съ чего ему начать.

Но назадъ ходу ему уже нѣтъ.

Онъ приблизился медленно и лицо его, въ эти двѣ минуты, приняло свое обычное, вдумчивое выраженіе.

Бутова сидѣла на скамьѣ и держала въ рукахъ листъ газеты.

Она не сразу обернулась, когда онъ сбоку подошелъ къ скамьѣ.

— Ахъ, это вы, Егоръ Иванычъ! Простите.

— Такъ углубились въ новости дня?—спросилъ онъ полушутливо.

— Я только телеграммы и хронику.

Она отложила листокъ и, обернувшись къ нему, совсѣмъ просто и добродушно спросила:

— Вотъ и я. Чѣмъ могу вамъ служить, Егоръ Иванычъ?

— Клавдія Андреевна! Выслушайте меня. Еще не поздно! Не губите себя...

— Чѣмъ?—такъ же просто и даже весело откликнулась она.

— Не давайте овладѣть собою—вы знаете, кому и чему! Вы на краю обрыва и туда вы хотите добровольно ринуться.

— Егоръ Иванычъ! Зачѣмъ такъ страшно? Говорите проще. Это вы о Сумбуловѣ и его лѣсной проповѣди?

— Я все видѣлъ и понялъ. Вы уже въ когтяхъ мертвящаго безвѣрія. И этотъ глашатай самаго избитаго матеріализма кажется вамъ чуть не создателемъ геніальной философской системы.

— Это невѣрно, Егоръ Иванычъ. Онъ и самъ не смотритъ на свою главную идею, какъ на что-нибудь неслыханное. Но я ей глубоко сочувствую. Пропасть между духомъ и природой нашего существа дѣлается все глубже. Я не хотѣла бы ринуться въ нее. А того обрыва, о которомъ вы сейчасъ сказали, я не боюсь. Вся эта игра въ мистику и богоискательство чужда мнѣ, и я не желаю тратить на нее то, что во мнѣ есть цѣннаго, въ умѣ, въ стремленіяхъ, въ желаніи прожить разумно и толково. Ни къ чему другому Левъ Сергѣичъ меня не призываетъ.

— Не призываетъ!—повторилъ Кашинцевъ съ горечью.—И вы не задумаетесь пойти съ нимъ рука въ руку?

— Что вы хотите этимъ сказать, Егоръ Иванычъ?—остановила она его.—Мы еще не женихъ съ невѣстой! Развѣ мы на это похожи?

Это было сказано такъ весело, что онъ захолодѣлъ. Продолжать въ томъ же тонѣ было бы смѣшно.

А признаніе жгло ему языкъ.

Опуститься на землю, схватить ея колѣна, прильнуть къ нимъ головой—что же мѣшаетъ? Лучше услышать смертный приговоръ, чѣмъ такъ изнывать, такъ мучиться на медленномъ огнѣ.

— Мы съ Сумбуловымъ—продолжала она—большіе пріятели. Но и только, увѣряю васъ.

— А еслибъ онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе?—вдругъ выговорилъ Кашинцевъ, какъ-то неожиданно сухо и дѣловито.

— Ха, ха! Развѣ васъ это такъ интересуетъ, Егоръ Иванычъ?

— Не играйте со мною... Умоляю васъ. Это слишкомъ жестоко!

Онъ отвернулъ голову, боясь, что слезы потекутъ по щекамъ.

Кажется, она только тутъ поняла—въ чемъ дѣло.

— Вы напрасно думаете, что я способна играть съ вами. Но хотите правду, самую настоящую? Такой человѣкъ, какъ вы, кромѣ уваженія, ничего не можетъ вызывать къ себѣ. Только мы съ вами, Егоръ Иванычъ, не могли бы идти рука въ руку. Нѣтъ! Вы ушли въ небо, и я вѣрю въ вашу искренность, а я—на землѣ. Но не думайте, что мы съ Сумбуловымъ барахтаемся въ житейскомъ болотѣ. У каждаго изъ насъ есть тоже идеалы, и они—одного *порядка*, какъ говорится по ученому.

Протягивая ему руку, она добавила:

— А о моей гибели не думайте, прошу васъ. Вѣдь и вы, въ мои лѣта, не были такой духовный человѣкъ, какъ теперь? Навѣрно, нѣтъ? Вы были, вѣроятно, защитникомъ научной правды? Пришелъ моментъ—и вы обратились. Можетъ, и со мною будетъ что-нибудь... позднѣе. Но врядъ-ли! Я ужъ лучше тогда ударюсь въ теософію. Сколько я читала и слышала объ этой вѣрѣ—она занятнѣе, право! И впереди такъ много—цѣлый рядъ превращеній души. И ясновидѣніе, и прорицаніе будущаго, и разная другая тайная премудрость! Ха, ха! Простите! Я съ вами разболталась и наговорила, быть-можетъ, немало глупостей!

Она встала и, во второй разъ протягивая ему руку, сказала на прощанье:

— Вы умный! Вы все поймете! И не попеняете на меня!

И убѣжала, забывъ свою газету на скамьѣ.

Кашинцевъ такъ и остался, точно пригвожденный къ своему сидѣнью, закрылъ лицо руками и беззвучно зарыдалъ.

Умная барышня не довела его до постыднаго признанія. Пожалѣла его... но какъ жестоко! Какъ жестоко!

XXXVI.

Сумбуловъ занималъ домикъ съ маленькимъ садомъ, выходившимъ въ проулокъ. Онъ въ немъ сажалъ нѣкоторыя породы кустовъ, и въ прошломъ году посадилъ даже чайное деревцо, которое перезимовало благополучно.

Сегодня, въ послѣобѣденные часы, онъ самъ поставилъ въ садикѣ, подъ развѣсистой рябиной, столъ передъ скамейкой, покрылъ его цвѣтной скатертью и, приготовивъ все къ чаю, самъ развелъ самоваръ и принесъ его.

Онъ былъ въ нѣкоторомъ волненіи.

Наконецъ-то Клавдія Андреевна соблаговолила обѣщать придти къ нему „попить чайку“.

Она не то что жеманилась, но все-таки что-то „соблюдала“, что̀ ему и не нравилось, и нравилось.

Послѣ „лѣсной проповѣди“ они видѣлись всего одинъ разъ, и она сама ему сказала:

— Сумбуловъ, угостите меня послѣ-завтра чаемъ.

— Наконецъ-то соблаговолили разрѣшить на такое некорректное посѣщеніе холостой квартиры!

На это она повела губами и сказала:

— Очень все ужъ нынче сдѣлалось банально.

— И потомъ—qu'en dira-t-on?

— Вовсе нѣтъ!

Она даже выпятила губы.

— Ну, простите!

Онъ наклонился и совсѣмъ неожиданно для нея поцѣловалъ ея руку.

Этимъ онъ совсѣмъ не баловалъ ее.

Сумбуловъ, во время своей рѣчи подъ деревомъ, сразу почувствовалъ, что Бутова переживала ее всѣмъ своимъ существомъ, сначала чего-то опасалась, а потомъ все искреннѣе и сильнѣе входила въ суть его доводовъ и кончила полнымъ сочувствіемъ.

Онъ, провожая ее тогда, сказалъ ей съ особеннымъ выраженіемъ:

— У насъ съ вами пойдутъ теперь настоящіе лады.

— А развѣ мы не ладили до сихъ поръ?

— Сегодняшній день—начало новой полосы.

И вотъ теперь, поджидая ее, онъ чувствуетъ въ себѣ что-то совсѣмъ новое, предвкусіе какого-то болѣе полнаго и радостнаго существованія.

Такая дѣвушка, какъ Бутова, не уйдетъ отъ него ни въ какіе заоблачные миражи, не изведетъ себя на исканіяхъ потусторонних откровеній, не ударится ни въ какую блажь.

Не даромъ и не зря свела ихъ жизнь и призываетъ теперь къ той гармоніи, о которой онъ говорилъ подъ деревомъ.

И, какъ разъ въ это самое время, Клавдія Андреевна шла къ выходу изъ парка, откуда она попадетъ на шоссе, по направленію къ Выселкамъ.

Онъ ждетъ ее и готовитъ чай. Ей пріятно, что она кое-что въ себѣ поборола и безъ всякой мелкой тревоги свѣтской барышни отправляется въ гости къ холостяку, рискуя, что это будетъ извѣстно разнымъ дачникамъ.

Объясненіе съ Кашинцевымъ не могло остаться безъ всякаго слѣда въ ея душѣ.

Это было страстное признаніе. И еслибъ она умышленно не измѣнила тонъ разговора—онъ былъ готовъ просить ея руки.

Этого она не ожидала, и теперь ей его жаль, но никакого серьезнаго упрека себѣ она сдѣлать не можетъ.

Она съ нимъ не кокетничала. Такъ вышло. И пожилой холостякъ, быть можетъ, впервые захваченъ такой страстью.

Житейски, онъ—недурная партія: еще не старикъ, даже съ интереснымъ лицомъ, кажется—съ хорошими средствами, всѣми уважаемъ, ученый, ровнаго характера, добродѣтельный, ищущій „живаго“ Бога.

Но она поступила честно, когда прямо сказала ему, что ихъ путь—не одинъ и тотъ же. И поддайся она житейскимъ соображеніямъ, и сдѣлайся его женой—она обрекла бы его на мучительную борьбу съ тѣмъ, что для него—гибель души.

— Ахъ, вотъ и Клавдія Андреевна! Сюда, сюда!

Сумбуловъ стоялъ въ калиткѣ садика и махалъ ей платкомъ.

— Пожалуйте! Все готово. Слышите, какъ бурлитъ самоваръ... Самъ ставилъ.

Когда она вошла совсѣмъ въ садикъ, онъ взялъ ее за обѣ руки и поднесъ къ губамъ одну за другой.

— Спасибо, спасибо за посѣщеніе... Садитесь, гостьей будете.

Въ обоихъ проглядывало какое-то стѣсненіе. И это они сами сейчасъ же почувствовали.

Неужели оттого только, что они встрѣтились не въ паркѣ, а въ садикѣ его дачки?

— У васъ здѣсь очень симпатично—начала она, оглядываясь.—Кто же ведетъ ваше хозяйство?

— Самъ. Приходитъ старушенція, мать нашего сторожа... два раза въ день. А столуюсь я у товарища.

Она все это знала, но вопросъ о хозяйствѣ сорвался у нея съ языка мимовольно.

— Дайте, я заварю чай.

— Извольте! Вамъ и книги въ руки.

Сумбуловъ усадилъ ее за самоваръ, а самъ присѣлъ сбоку, на низенькій стулъ, въ родѣ скамеечки.

Ему стало вдругъ такъ дѣтски весело и тепло на сердцѣ. И мгновенно пронеслась въ воображеніи вотъ точно такая картина; но онъ уже не холостякъ, и эта гостья—его милая, умная, понимающая его „жонка“.

Рука его потянулась къ ея рукѣ.

— Левъ Сергѣичъ! Дайте же заварить чай!

Здѣсь, у него, она его еще ни разу не назвала по-товарищески „Сумбуловъ“—и это почему-то понравилось ему.

— Ну хорошо, буду мальчикъ пай, буду сидѣть на стульчикѣ и ждать—что вы мнѣ скажете.

— А развѣ я должна что-нибудь разсказать вамъ?

— Представьте, у васъ, когда вы подходили, было что-то такое въ лицѣ.

— Что-жъ, это правда. Было... Дайте, я сначала налью и себѣ, и вамъ.

Все это она дѣлала очень ловко, и онъ любовался всѣми ея движеніями, поворотомъ головы, тѣмъ, какъ мелькали ея маленькія руки.

— Ну, теперь я слушаю—пригласилъ онъ—и сталъ прихлебывать чай изъ своего стакана.

— Ну, такъ вотъ что...

И она ему разсказала—объясненіе съ Кашинцевымъ.

— Выходитъ, стало-быть, онъ въ видѣ спасенія отъ погибели души вашей предложилъ вамъ вступить съ собою въ законный бракъ?

— Онъ... былъ очень убитъ.

— Такъ скоропостижно воспылалъ?

Но онъ не продолжалъ въ такомъ тонѣ, видя, что ей это непріятно.

— Онъ хорошій человѣкъ... но ему не такую нужно жену.

Сумбуловъ помолчалъ и вбокъ взглянулъ на нее снизу вверхъ.

— Клавдія Андреевна!—голосъ его дрогнулъ.—Ну, а еслибъ на мѣстѣ этого богоискателя очутился другой... болѣе грѣшный, не желающій васъ спасать отъ гибели, быть-можетъ недостойный васъ...

— И что же?—тихо, полушутливо остановила она.

— Вотъ я и завязъ! Эхъ!

Онъ тряхнулъ головой, схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней губами.

— Зачѣмъ тутъ долгія объясненія... Дорогая моя! Умница моя! Я по мужицки спрошу: любъ вамъ вашъ вѣрный товарищъ Сумбуловъ... или нѣтъ?

Вмѣсто отвѣта она нагнулась и поцѣловала его въ голову.

XXXVII.

Надъ озеромъ высится дискъ луны. Сонная вода чуть-чуть вздрагиваетъ подъ дуновеніемъ вѣтерка. Тѣни стоятъ густыя, падая на дорожку, вдоль воды.

Кто-то сидѣлъ въ густой тѣни, вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ и опять садился.

Часъ былъ уже поздній. Мѣсяцъ начиналъ уже плыть незамѣтно къ уклону; но все еще его трепетный свѣтъ голубоватой дымкой покрывалъ поверхность воды.

— Господи!—вырвалось изъ груди Егора Ивановича Кашинцева, когда онъ опять опустился на скамью.

Это была все та же скамья, гдѣ онъ услыхалъ свой приговоръ отъ дѣвушки, которую такъ безумно полюбилъ—и въ какихъ-нибудь двѣ недѣли.

Сегодня онъ увидалъ ихъ вдвоемъ. Они шли съ Выселокъ, можетъ-быть отъ него—подъ-руку и такъ близко глядѣли другъ другу въ глаза и смѣялись. Ихъ голоса и смѣхъ долетѣли и до него.

Это его такъ пронзило, точно кто кольнулъ въ сердце остріемъ стилета.

И зимой съ нимъ стали случаться припадки сердцебіенія и одышки. А здѣсь мучительныя безсонницы повторялись изо дня въ день, и всегда съ удушьемъ, съ рѣжущими и колющими болями въ полости сердца.

А теперь оно—это сердце—ноетъ невыносимо. И не физическая это боль.

Тоска схватила его сегодня, съ вечера. Онъ не могъ оставаться дома, его душило; онъ убѣжалъ изъ дому, ушелъ въ лѣсъ, ходилъ цѣлыхъ три часа, еле передвигалъ ноги, вернувшись сюда... въ тотъ часъ, когда мѣсяцъ стоялъ уже въ зенитѣ.

„Неужели это конецъ?“—съ ужасомъ спрашивалъ онъ себя въ десятый разъ.

Конецъ *чего?* Его личной жизни?

Если оно такъ, то, значитъ, онъ—какъ и тысячи другихъ жалкихъ безумцевъ—таилъ внутри ту же жажду счастья, любовныхъ утѣхъ? И теперь, уже въ преддверіи старости, пятидесятилѣтнимъ мужчиной, онъ потерялъ самого себя потому только, что какая-то барышня-курсистка, съ пышной фигурой и красивыми глазами, стала дѣйствовать на его мужское естество.

Какое паденіе! Какая ложь и фальшь! Вѣдь что же это доказываетъ? Не то ли, что его обращеніе къ *живому* Богу явилось просто отъ хандры старѣющаго холостяка, не имѣвшаго въ жизни своей ни одной „побѣды“, не съумѣвшаго во-время взять себѣ въ подруги хорошую дѣвушку, создать семью, имѣть дѣтей.

У него могъ бы уже быть сынъ такихъ лѣтъ, какъ его торжествующій соперникъ.

Неужели только оттого онъ сдѣлался научнымъ защитникомъ положительной религіи, толкователемъ чудесъ, суровымъ критикомъ всѣхъ научныхъ гипотезъ, обличителемъ суши и безплодія строго научнаго міропониманія?

Чего же было бы легче крикнуть вотъ въ эту тяжкую для него минуту:

— Не оттого!

Но почему же этотъ крикъ не вылетаетъ изъ его груди? Вѣдь если оно и такъ, то что же для него, этого, теперешняго Кашинцева, осѣчка у первой попавшейся барышни-курсистки?

Тому, кто „взыскуетъ не здѣ пребывающаго, а грядущаго града“, такая осѣчка—только урокъ. Онъ долженъ быть глубоко благодаренъ той отеческой рукѣ, которая отвела отъ него такой соблазнъ любовнаго, а значитъ и плотскаго прельщенія.

Ложь и фальшь было и то, что онъ какъ бы стремился только къ тому, чтобы спасти молодую душу отъ гибели мертвящаго матеріализма.

„Не лги и теперь!—шепталъ онъ самому себѣ.—Вѣдь еслибъ она дала согласіе стать твоей женой—тебѣ, почти что старику—развѣ бы ты не пошелъ на возможность оказаться безпомощнымъ, безсильнымъ озарить ее свѣтомъ общенія съ живымъ Богомъ?“

„И все-таки не ушелъ бы отъ нея, а сдѣлался бы рабомъ старческаго плотскаго вожделѣнія".

„Да хотя бы и не прямо плотскаго, а душевнаго? Такая любовь все равно привела бы къ рабству и кончилась бы чѣмъ"?

„А тѣмъ, что барышня, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ супружеской, безвкусной для нея жизни, стала бы искать утѣшителя".

„Этимъ утѣшителемъ явился бы ея теперешній развиватель".

„А потомъ—грязь, разводъ, осквернѣніе всѣхъ обѣтовъ вѣрующаго христіанина".

„И тогда уже — полная смерть его духовнаго „я", потеря всего, чѣмъ онъ сталъ жить съ тѣхъ поръ, какъ на него излился свѣтъ живой вѣры".

„Гдѣ этотъ свѣтъ? Онъ точно померкъ. Нѣтъ въ немъ сокрушеннаго къ нему стремленія, не могъ онъ сегодня молиться, и вчера не могъ, и теперь не можетъ. Окаменѣло его сердце. И все его дальнѣйшее существованіе кажется ему даже не „юдолью скорби", даже не пріятіемъ „фіала" божественнаго гнѣва, а ужасающей пустотой, полнымъ оскудѣніемъ всего его внутренняго существа".

Онъ опять всталъ со скамьи и поплелся къ берегу.

Лунный свѣтъ выдѣлялъ отчетливо кусты, а потомъ мостки, и у нихъ лодку.

Что-то точно потянуло его къ этимъ мосткамъ. Онъ взошелъ на нихъ, нагнулся и взялся за желѣзную цѣпь. Въ замкѣ торчалъ ключъ и два весла лежали въ лодкѣ.

Отомкнувъ цѣпь, Егоръ Ивановичъ взялся за весла и нѣсколькими сильными взмахами отплылъ на средину озера.

Теперь онъ весь, вмѣстѣ съ лодкой, былъ въ волнахъ полуночнаго свѣта. Погребъ еще немного и остановился по самой серединѣ озера.

Глубокая тишина сковала все вокругъ. Только и были сейчасъ слышны всплески веселъ.

Вода манила къ себѣ. Онъ наклонился къ ней, рука его оставила весло, опустилась въ воду и свѣжесть ея стала ласкать его нервы.

Чего же проще и чище?... Вотъ сейчасъ подняться во весь ростъ, вскочить на площадку, около руля — и туда, на дно! Здѣсь до дна много саженъ; онъ даже вспомнилъ—сколько.

Точно кто-то схватилъ его за плечи и потянулъ кверху; онъ повиновался, выпрямилъ ноги, сталъ подниматься медленно, но безъ колебанія, всталъ на дно; лодка покачнулась туда и сюда;

онъ удержался на ногахъ, сдѣлалъ крутой поворотъ всѣмъ туловищемъ и перепрыгнулъ къ сидѣнью руля.

Еще одно усиліе, одинъ скачокъ...

Другое чувство охватило его мгновенно: не страхъ смерти, а ужасъ передъ такимъ языческимъ малодушіемъ. Продерзостно разыграть роль вершителя своей судьбы, впасть въ такое грѣховное малодушіе, это—та же „хула на духа святаго“!

— Господи, Господи, помилуй меня! — вырвалось у него звонкимъ шопотомъ.

Онъ перекрестился почти судорожнымъ движеніемъ, сейчасъ же опустился на сидѣнье, схватилъ весла и началъ усиленно грести къ берегу.

А три минуты спустя онъ удалялся по главной аллеѣ и растерянно оглядывался по сторонамъ, точно убѣгалъ отъ собственной тѣни.

Ночь слала ему въ лицо благоуханіе листвы вѣковыхъ деревьевъ.

XXXVIII.

Они шли къ кладбищу. Сумбуловъ былъ въ черномъ сюртукѣ, Бутова—въ черномъ платьѣ и такой же шляпѣ.

На отпѣваніе они не пошли; а поспѣли къ литіи надъ могилой.

Вѣсть о внезапной смерти Кашинцева разнеслась третьяго дня—очень быстро.

О ней Бутова узнала отъ одного студента, и первая ея мысль была:

„Что это... естественная смерть или самоубійство?“

Разсказывали, что прислуга нашла его утромъ, на кровати, подъ одѣяломъ. Онъ лежалъ поперекъ постели. Докторъ нашелъ, что это—„разрывъ сердца“.

Но она и теперь, по дорогѣ на кладбище, не совсѣмъ увѣрена въ этомъ.

— Сумбуловъ!—окликнула она.—Вы вѣрите, что онъ дѣйствительно умеръ отъ разрыва сердца?

— Я вскрытія не дѣлалъ. Но почему же надо допускать тутъ что-либо другое? Вѣдь не задушили же его!

— Какъ будто онъ самъ...

И она не договорила.

Сумбуловъ видѣлъ, что она блѣднѣе обыкновеннаго и что ее что-то какъ будто „можжитъ“.

— Милая моя подружка! — заговорилъ онъ въ полушутливомъ тонѣ.—Вы, кажется, изволите впадать въ кладбищенскій романтизмъ?

— Почему такъ?

— Насъ, должно-быть, начинаетъ бередить предположеніе, что вотъ этотъ благочестивый исповѣдникъ, на старости лѣтъ уязвленный стрѣлою...

— Зачѣмъ этотъ тонъ?

— Ну, извольте... буду кратокъ и точенъ. Вы подозрѣваете тутъ самоубійство изъ-за отвергнутой любви... Да или нѣтъ?

— Я не говорю этого.

— Но допускаете. И Кашинцевъ превращается для васъ въ гётевскаго Вертера. Полноте! Это на васъ не похоже. Да вы и его память обижаете.

— Почему?

— Такой апологетъ божественныхъ откровеній ужаснулся бы мысли о самосудѣ, о самовольномъ прекращеніи жизни. Помилуйте! Вѣдь церковь смотритъ на самоубійство какъ на тяжкій грѣхъ.

Она поглядѣла на него и ласково, и смущенно.

— Вы правы! И это — съ моей стороны—даже фатовство какое-то.

— Умница вы моя!—Онъ взялъ на ходу ея руку и звонко поцѣловалъ ее.

Они входили на кладбище, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда раздавался могучій басъ ихъ пріятеля Виѳлеемскаго.

Литія кончилась. Вокругъ могилы стояла небольшая кучка народу. Тутъ были всѣ тѣ, кто слушалъ Сумбулова въ лѣсу, кажется—та же группа студентовъ, Степановъ съ женой, и профессоръ Сурковъ, и еще какой-то господинъ съ бѣлокурой бородой, а рядомъ съ нимъ плотная дама. Это была чета Бойцовыхъ. И обѣ теософки—держались вмѣстѣ, немного въ сторонѣ.

— Смотрите—указалъ Сумбуловъ—вѣдь и безсмертный Елизаръ тутъ.

Чуйка виднѣлась около дерева, за которое она придерживалась.

Бархатной, вибрирующей нотой пронесся возгласъ дьякона:

— „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи!..“

Всѣ мужчины стояли съ открытыми головами.

Сумбуловъ быстро оглянулся на свою невѣсту: будетъ она креститься или нѣтъ.

Она стояла съ опущенными руками. Одна изъ теософокъ опустилась на колѣна.

Когда литія кончилась, къ могилѣ подошелъ Сурковъ, очень взволнованный, и сказалъ нѣсколько словъ, сдерживая себя, чтобы не заплакать.

— Какъ бы, товарищъ,—воскликнулъ онъ—мы ни разошлись съ тобой въ нашихъ взглядахъ и вѣрованіяхъ — но ты остался честнымъ и искреннимъ, даже и въ томъ, что̀ прежній человѣкъ науки не могъ не признать заблужденіемъ. Миръ праху твоему!

Бойцовъ, бросая горсть земли, смогъ только сказать:

— Незабвенный Егоръ Изанычъ, до свиданья! Тамъ, гдѣ ни печали, ни воздыханія...

И тихо заплакалъ, торопливо отходя отъ могилы.

Степановъ стоялъ неподвижно, какъ человѣкъ, не собирающійся говорить. Жена его отирала глаза платкомъ и ждала, что ея Глѣбъ Петровичъ все-таки выступитъ.

Она шептала Авенирову:

— Вы ничего не скажете?

— Да, нѣсколько словъ.

Авенировъ продвинулся къ могилѣ.

— Завѣса вѣчности поднялась передъ усопшимъ. Его душа созерцаетъ теперь источникъ вѣчнаго свѣта и вѣчной истины. То, что каждаго смертнаго дѣлаетъ наслѣдникомъ божественнаго начала, есть предвкушеніе безсмертія. Оно намъ не дано, оно и не обѣщано, ни въ христіанствѣ, ни въ буддизмѣ, ни въ ученіи, гдѣ сочетались таинства разныхъ религій, отъ брамanизма до разныхъ исповѣданій, ставящихъ себя подъ знаменіе креста. Но если намъ не дано вѣчнаго существованія на землѣ, то и при жизни, въ нашей бренной оболочкѣ, мы уже въ состояніи сливаться со всѣмъ сущимъ, проникать нашимъ внутреннимъ видѣніемъ въ тайну безтѣлесныхъ состояній нашего духа. Къ такой благодати стремился и покойный братъ нашъ. И для него вѣра въ живаго Бога была высшимъ откровеніемъ, побѣдившимъ сухое, разсудочное царство матеріи, закона природы, жестокой необходимости. Теперь, въ свѣтлой обители истинной правды, онъ уже свободенъ отъ всѣхъ нашихъ блужданій и тревогъ! Порадуемтесь за него и скажемъ ему братское не прости, а до свиданья.

Никто больше не говорилъ и всѣ стали, молча, расходиться.

Сумбуловъ и Бутова стояли поодаль.

— Для такого модника — сказалъ Сумбуловъ вполголоса—

это слово было произнесено искреннимъ тономъ и безъ рисовки.

— А вы замѣтили какъ, тотъ... какъ его фамилія... безсмертный...

— Елизаръ Кисельный.

— Какъ онъ все качалъ головой и что-то точно шепталъ про себя?

— Онъ съ этимъ не согласенъ. Для него небеснаго безсмертія мало. Вы вѣдь помните его рѣчь.

Мимо нихъ проходилъ Сурковъ.

Онъ остановился и поздоровался съ ними.

— Спасибо, профессоръ,—сказалъ ему Сумбуловъ, съ крѣпкимъ пожатіемъ.

— За что?

— За ваши слова. И безъ того ужъ мы всѣ—вѣрные слуги знанія—въ авантажѣ не сорѣтаемся.

— Да, и эта полоса мракобѣсія еще долго протянется.

Онъ куда-то спѣшилъ; а они пошли замедленнымъ шагомъ по направленію все къ тому же парку, гдѣ, въ какихъ-нибудь три недѣли, было столько пережито и ими, и бѣднымъ „апологетомъ“, и той парой, которая шла передъ ними, шагахъ въ двадцати; Авенировъ съ своей дамой, а сзади шагалъ ея мужъ.

Кто-то сзади спѣшилъ. Сумбуловъ обернулся.

Кисельный, потный и запылившійся, догналъ ихъ.

— Елизаръ Лазаревичъ, куда такъ спѣшите?

— А вотъ васъ хотѣлъ захватить.

Онъ поклонился и Бутовой.

— Чесался у меня сильно языкъ сказать и свое слово. Вотъ они все про живаго Бога толкуютъ. А сами смертоносные и жили въ страхѣ смерти. Вотъ она—курносая—пришла, да и хватила косой.

— А васъ не скоситъ?

— Нѣтъ! Я ея не боюсь! Съ вами еще повидаюсь! А теперь всего лучшаго!

XXXIX.

Глѣбъ Петровичъ все отставалъ отъ пары, шедшей впереди.

Надежда Павловна—подъ-руку съ Авенировымъ—все ускоряла шагъ, точно ей хотѣлось поскорѣе уйти отъ впечатлѣній похоронъ или потерять изъ виду мужа. Она раза два оглядывалась на него.

Но вотъ и паркъ.

— Повернемъ туда!—И она указала на дорожку, ведущую къ озеру.

Они шли до того молча. Ей не хотѣлось и сказать ему что-нибудь по поводу его надгробнаго слова.

Она очень мало знала покойника. Съ ея мужемъ онъ сталъ сходиться здѣсь; но она ни разу не присутствовала при ихъ бесѣдахъ.

Скоропостижная смерть Кашинцева обострила то, что въ ней сидитъ уже нѣсколько дней.

Эта могила заставила вдругъ—когда она слушала литію—почувствовать возможность вотъ такъ же уйти изъ жизни „безъ покаянія", во лжи, въ душевномъ разладѣ. Тотъ, кого она безъ-завѣтно полюбила — такъ красно говоритъ о душѣ, о Богѣ, о безсмертіи, о своемъ человѣкобожествѣ, а въ жизни онъ такой же грѣшникъ, какъ и всѣ мужчины—и старые, и молодые... Еслибъ, послѣ него, сталъ говорить ея Глѣбъ Петровичъ и въ его увѣщаніяхъ она заслышала бы призывъ прямо къ ней — она бы повинилась тутъ же... вотъ такъ, какъ Катерина въ „Грозѣ", когда разразился ударъ грома и картина страшнаго суда выглянула на нее со стѣнъ старой церкви.

Куда Юрій ведетъ ее, въ какую надземную обитель? Все это слова... и самообманъ. А подъ этимъ—ложь и грязь.

— Присядемъ—выговорила она разбитымъ голосомъ.

Онъ молча сѣлъ.

— Юрій—начала она, не поворачивая къ нему головы,—эта смерть... эта могила—совсѣмъ меня подавили... и стало еще болѣе тяжко.

— Отъ чего?

— Ты спрашиваешь—отъ чего? Все отъ того же. Какой бы ни былъ мой мужъ... Можетъ, его считаютъ и блаженненькимъ... Но то, что стоитъ въ его изреченіяхъ—и ты долженъ признавать. Вѣдь да?

— Положимъ.

— Но онъ чистый. У него нѣтъ ничего на совѣсти... А мы съ тобой...

Она не докончила, увидѣвъ вдругъ, при входѣ въ аллею, фигуру Глѣба Петровича.

— Успокойся!

— Нѣтъ, не могу, Юрій, не могу!

Ее потянуло дальше, чтобы мужъ не нашелъ ихъ; но что-то ее точно приковало къ скамьѣ.

Глѣбъ Петровичъ подошелъ къ нимъ, все тѣмъ же неспѣшнымъ шагомъ.

— Позвольте мѣстечко—кротко попросилъ онъ, сѣлъ между нихъ, снялъ шляпу и опахнулся ею.

— Дѣти мои—вдругъ заговорилъ онъ тихо звукомъ и голосъ его дрогнулъ.—Смерть человѣка, и такого христіанина, какимъ былъ покойный — это всегда великій призывъ къ самоуглубленію... въ себя, въ свою совѣсть, въ неумирающую связь нашего „я“ съ свѣтомъ божеской истины.

„Что тамъ на могилѣ не сказалъ, то договоритъ здѣсь“,— подумала тотчасъ же Надежда Павловна и приготовилась выслушать нѣсколько изреченій, болѣе или менѣе памятныхъ ей.

Онъ уже поднялся и сталъ на дорожкѣ, лицомъ къ нимъ.

— Счастье слѣдуетъ за богочеловѣкомъ. Для души нѣтъ ни оковъ, ни темницъ, кромѣ собственнаго безволія... Тотъ, кто желаетъ быть богочеловѣкомъ, долженъ звать всѣхъ къ истинѣ и совершенству, во имя безсмертія.

„Неужели онъ ни о чемъ не догадывается? — спрашивала себя Надежда Павловна.—И началъ поученіе это не съ особенной цѣлью?“

Это — изъ тетрадки, только она не помнитъ, изъ средины или изъ конца.

— Зрячіе, вразумляйте слѣпыхъ. Проводите установленіе божественныхъ законовъ: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй.

„Вотъ оно! Это о насъ!“—пронеслось у нея въ головѣ, и она быстро поблѣднѣла.

— Цѣль жизни богочеловѣка—благо всѣхъ. Онъ не пресловутый сверхъ-человѣкъ, который говоритъ: мое благо выше блага всѣхъ.

„Сверхъ-человѣкъ—это Юрій“—подумала Надежда Павловна.

— А средства богочеловѣка—безграничная любовь и высшее напряженіе разума.

Авенировъ сидѣлъ съ опущенной головой и лицо его ничего не выражало, кромѣ рѣшимости дослушать до конца.

— О лжепророки! О сверхъ-человѣки! Вы—болотные огоньки! И глупцы бѣгутъ къ этимъ огонькамъ.

„Хоть бы сразу расказнилъ насъ!“—внутренно воскликнула она.

— А ты, увидавшій истинный свѣтъ, поднимай въ глазахъ человѣчества понятіе о высокой цѣнности всего невидимаго, о доступныхъ каждому милліардахъ благополучія! И кто осмѣлится

сказать, что жизнь для жизни—и только? Вы это слышали здѣсь, на дняхъ, чуть не наканунѣ смерти Егора Иваныча! Сказалъ это боснкъ мысли.

„Это должно-быть Сумбуловъ“ — пояснила себѣ Надежда Павловна.

— Нѣтъ, стало-быть, и нужды работать надъ своимъ просвѣтленіемъ! Вѣдь все равно, механическія волны жизни выкатятъ тебя или потопятъ. Ложь, ложь и ложь! Человѣкъ—самъ творецъ своей судьбы. Жизнь ради жизни—безуміе. Жизнь—только преддверіе вѣчности. Великая цѣль бытія найдена. Передъ богочеловѣкомъ начертана его связь съ Богомъ, съ ближнимъ, съ самимъ собою. Онъ знаетъ, какъ ему смотрѣть и на отношенія половъ.

„Это мы!“—пронзило какъ иглой Надежду Павловну.

— Любовь мужчины и женщины, если она не ведетъ къ творчеству новыхъ душъ, работниковъ на нивѣ безконечнаго совершенства, такая любовь—рабское униженіе передъ тиранствомъ плоти.

Щеки Надежды Павловны пошли пятнами. На лицѣ Авенирова явилось безпокойное выраженіе.

Глѣбъ Петровичъ подошелъ плотно къ скамьѣ и протянулъ имъ обоимъ руки.

— Вы любите другъ друга?—глухо, но явственно выговорилъ онъ.—Скажите мнѣ это, какъ на духу. Передъ вами не разлучникъ, не хищный обладатель женщины, не насмѣшникъ, а братъ вашъ, поборовшій въ себѣ всякое похотствованіе.

Глаза его смотрѣли ясно и кротко и весь онъ проникнутъ былъ, въ этотъ моментъ, полнымъ отрѣшеніемъ отъ своего „я“.

Надежда Павловна тихо заплакала. Авенировъ, не отнимая руки своей, поникъ головой и нервно вздохнулъ.

— Ну хорошо, я вижу, я чую правду. Вамъ тягостны ложь и притворство. Я не стану ни о чемъ допрашивать васъ.

И обратившись къ женѣ, онъ сказалъ болѣе торжественно:

— Надежда! Я возвращаю тебѣ то слово, которое ты дала мнѣ передъ алтаремъ. Нашъ бракъ не былъ благословенъ потомствомъ. Зачѣмъ же тебѣ оставаться бездѣтной!

Въ сторону Авенирова онъ прибавилъ:

— Если вы хотите, братъ мой, попасть на трапезу въ чертогахъ Зиждителя міра, ведите любимую вами женщину по неуклонному пути и будьте оба творцами своей судьбы. И тогда не будетъ для васъ никакихъ тайнъ, ничего сокровеннаго. Выборъ свободенъ!

И, сдѣлавъ громкую передышку, онъ еще разъ пожалъ имъ руки и, удаляясь, крикнулъ:

— Умудряйтесь мудростью Утѣшителя—духа!

Они сидѣли, точно застывъ въ своихъ позахъ, и обернулись лицомъ другъ къ другу только тогда, когда шаги его замерли, при поворотѣ въ аллею.

— Что же это? Скажи, Юрій!

— Свобода!—выговорилъ онъ, какъ-то странно улыбнувшись.

— Значитъ, онъ тебѣ передалъ меня?..

Ея бѣлыя руки закрыли лицо, и грудь ея всколыхнулась.

— Чего же страшиться?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Не знаю, Юрій, не знаю!..—И, заплакавъ, она прошептала:—Что со мною будетъ, когда ты... бросишь меня?!

XL.

На прежнемъ мѣстѣ, у озера, подъ веселыми лучами утренняго солнца, сидѣли Сумбуловъ и Бутова, съ удочками, уйдя жаднымъ взглядомъ въ водяную зыбь, и ждали—вотъ-вотъ что-то вздрогнетъ, рука нервно дернетъ лёсу и выхватитъ хорошую рыбицу—окуня или линя.

Они перекидывались между собою короткими фразами.

Клавдія Андреевна была сегодня какъ-то особенно свѣжа. Ея пышный бюстъ прикрывала батистовая кофточка и на розовыя, немножко загорѣлыя щеки падала легкая тѣнь отъ широкихъ полей шляпы.

Женихъ ея нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на нее вбокъ, и спокойная улыбка не сходитъ съ его крупныхъ губъ.

Они уже рѣшили подождать до осени, обвѣнчаться „безъ всякой помпы“ и, если научная командировка его состоится, сейчасъ же уѣхать за границу.

Сумбулову пріятно было то, что его „подружка“ уже успокоилась насчетъ смерти Кашинцева.

Вчера она весело и съ юморомъ сказала ему:

— Ты былъ правъ: съ какой это стати я приписала смерть его тому, что я отклонила отъ себя честь—быть госпожей Кашинцевой! А покончить съ собою онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ, какъ человѣкъ вѣрующій!

— А что это нашъ отецъ Сидоръ нейдетъ?—спросила она, оглянувшись на дорогу.

Они съ нимъ условились наканунѣ, и имъ всегда было какъ-то особенно „вкусно“—удить рядомъ съ нимъ.

— Придетъ. Можетъ, треба какая случилась.

— А не правда ли, Левъ, что это за яркій контрастъ—такой вотъ Виѳлеемскій и всѣ эти нынѣшніе богоискатели?

— Еще бы!

— Какъ, я думаю, онъ ухмылялся про себя, слушая надгробное слово Авенирова! Онъ и заупокойныя-то свои молитвы произноситъ такъ жизненно и бодро—хотя и на минорныхъ нотахъ!

— Да, онъ ни о какой потусторонности не помышляетъ. Да вотъ и онъ! Легокъ на поминѣ... Какъ шагаетъ!

Дьяконъ спѣшилъ къ нимъ и свѣтлая ряса его, на ходу, развѣвалась. Онъ несъ уды и ведерко.

— Грядите, отче! — окликнулъ его Сумбуловъ. — Садитесь между нами.

Онъ слегка запыхался и, снявъ шляпу, сталъ заправлять за уши свои длинныя кудри.

— Какъ нынче, барышня, клюетъ?

— Да пока только одну рыбишку выхватила.

— Нѣтъ улова—передъ уловомъ, все равно, что передъ деньгами. А меня задержали на дорогѣ.

— Кто?—спросилъ Сумбуловъ.

— Да вотъ все тотъ же... вашъ благопріятель—Кисельный.

— Елизаръ Безсмертный?!

— Онъ, онъ! И когда я ему сказалъ, куда иду, онъ увязался со мною... только кто-то его по дорогѣ перехватилъ. Сейчасъ явится. Хочу, говоритъ, попрощаться съ многоуважаемымъ Львомъ Сергѣичемъ. Мы, говоритъ, съ нимъ одного взгляда на жизнь! Это съ вами-то! Потѣха!

— Пожалуй, онъ и правъ!—отозвался Сумбуловъ:—только онъ какъ мистикъ, а я—какъ естественникъ.

— И началъ мнѣ передавать своими словами вашу лекцію, тамъ, въ лѣсу. О ней много идетъ разговоровъ и между студентами.

Оглянувшись на Сумбулова, дьяконъ сказалъ другимъ тономъ:

— А вы, Левъ Сергѣичъ, почему же тогда меня не оповѣстили объ этой самой лекціи? Я бы съ особеннымъ интересомъ послушалъ. И тѣмъ прискорбнѣе, что я въ тѣ часы бываю всегда абсолютно свободенъ.

— Почему не позвалъ? А потому что не хочу съ вами ни о чемъ препираться.

— Считаете недостаточно интеллигентнымъ?

— Нѣтъ, не потому... Вы и безъ того жизненны, и въ васъ духъ не вырылъ ту пропасть, которая загубитъ все наше арійское племя... У васъ вѣра — сама по себѣ; а жизнь — сама по себѣ. Развѣ это не такъ?

— Спорить не буду.

— И оставайтесь такимъ, какимъ вы есть.

— А вы какъ скажете, Клавдія Андреевна?

— Совершенно такого же мнѣнія!

— Вы у насъ умница!

Онъ ласковымъ взглядомъ обвелъ ихъ обоихъ. Они ему еще не объявляли о своей недалекой свадьбѣ; но онъ давно уже вѣнчалъ ихъ, находилъ, что лучшаго „подбора“ и придумать мудрено.

— Встрѣтилъ я вчера, подъ вечеръ, — помолчавъ, началъ дьяконъ, налаживая прикормку, — чету.

Онъ сказалъ это вполголоса Сумбулову, толкнувъ его локтемъ.

— Какую?

— А тотъ символистъ изъ мистическихъ анархистовъ или какъ его еще тамъ величать?..

— Господинъ Авенировъ?

— Его самаго — и ту госпожу, которая съ нимъ была на похоронахъ Кашинцева.

— Ну и что же?

— Вы какъ полагаете, тутъ что происходитъ?

— Вонъ вы какими наблюденіями занимаетесь!

— Знаете, какъ у насъ въ семинаріи говорилось: „сначала романъ, потомъ скандалъ, а потомъ и анекдотъ“... Ха, ха!

Смѣхъ его такъ и полился густой волной.

— О чемъ это вы, отецъ Исидоръ? — спросила Бутова.

Она была поглощена уженьемъ и не прислушалась къ ихъ разговору.

— По малости... о грѣховномъ... — отвѣтилъ Виѳлеемскій и, взглянувъ влѣво черезъ ея голову, воскликнулъ: — А вонъ и Безсмертный грядетъ!

Къ нимъ приближался Кисельный, въ разстегнутой чуйкѣ, изъ-подъ которой виднѣлась розовая ситцевая рубашка.

— Только мѣшать намъ будетъ — сказала вполголоса Бутова.

— Ничего, мы его и спустить можемъ — добродушно откликнулся Сумбуловъ.

Кисельный, подходя, снялъ картузъ и старательно обтеръ голову и лицо бумажнымъ платкомъ.

— Миръ вамъ! — привѣтствовалъ онъ всѣхъ и, наклонившись сзади къ дьякону, сказалъ ему: — какъ же это вы, отецъ дьяконъ, занимаетесь ловлей божьяго созданія — рыбы?

— А нѣшто грѣхъ? — весело спросилъ Виѳлеемскій.

— Смерть давать твари!

— Ну, полноте, Елизаръ Лазаревичъ! — вмѣшался Сумбуловъ. Это уже слишкомъ по-буддійски!

— И блоху пристукнуть нельзя, послѣ этого? — также весело сказалъ дьяконъ.

— Кто отрицаетъ смерть, тотъ не можетъ ее давать ни самомалѣйшей твари.

— А вонъ крысы чуму разводятъ? — возразилъ Виѳлеемскій.

— Вамъ, отецъ дьяконъ, этого, по вашему служенію, признавать нельзя. Кто же будетъ отпѣвать покойниковъ?

— А-га! — пустилъ Виѳлеемскій басовую ноту. — Небось, третьяго дня, нельзя было не признать факта, когда тутъ покойникъ лежитъ въ могилѣ? Или васъ ничѣмъ не проймешь?

Онъ свободной рукой взялъ его за бортъ его чуйки.

— Смерть вами всѣми владѣетъ. А почему? Потому что вы ей кланяетесь, ровно какому золотому идолу. Такъ-то!

Онъ подсѣлъ къ Сумбулову и, обращаясь и къ нему, и къ Бутовой, сказалъ, ласково глядя на нихъ:

— Вотъ вы оба — такая цвѣтущая пара... могли бы такъ легко разорвать всякое общеніе со смертоноснымъ человѣчествомъ.

— Легко сказать, Елизаръ Лазаревичъ! — шутливо замѣтила Бутова.

— Смотрите на меня! Такой же сосудъ скудельный, какъ и всѣ прочіе человѣки, а смерти не желаю и она ко мнѣ пальцемъ не дотронется! И вы, Левъ Сергѣичъ, на томъ же пути, какъ и я, Елизаръ Безсмертный. Только восчувствуйте силу, идущую отъ источника свѣта. Онъ всѣхъ освѣщаетъ!

— Всѣхъ насъ снесутъ на погостъ — откликнулся дьяконъ, — а Елизаръ Лазаревичъ все будетъ пребывать въ безсмертіи.

— И будетъ! — съ глубокой увѣренностью выговорилъ Кисельный, поднялся на ноги и сдѣлалъ общій поклонъ.

— Слушайте, братцы! Пусть въ нашей русской землѣ будетъ Богъ воскресенія!

Когда онъ отошелъ шаговъ на двадцать, Виѳлеемскій пробасилъ:

— Блаженъ, кто вѣруетъ!

И всѣ трое примолкли.

П. Боборыкинъ.

Сентябрь 1910. Меранъ.

ВСТРѢЧА

I.

Сумерки весеннія, нѣжность навѣвая,
Улицу окутали сѣткой золотой.
Улицей шла дѣвушка, тихо напѣвая,
Шла, сіяя свѣтлой, дѣтской чистотой.
Тонкая, какъ вѣточка, въ платьицѣ короткомъ,
Шла, слегка колебляся, тихой пѣснѣ въ ладъ.
Встрѣтилась, смутилася, и въ смущеньѣ кроткомъ
Оборвала пѣсенку, потупляя взглядъ.
Можетъ быть, раскрылося въ той весенней встрѣчѣ
Богомъ оброненное вѣчное зерно:
Есть у счастья знаменья, у любви—предтечи.
Намъ, слѣпцамъ, растерянным, знать ихъ не дано.
Но—судьбы ль велѣніе, или такъ, случайно,
Вновь мы съ нею встрѣтились черезъ много лѣтъ.
Насъ связала крѣпкая, пламенная тайна,
Озарилъ насъ трепетный предвечерній свѣтъ.
И въ моихъ безхитростныхъ пѣсняхъ безотчетно
Сумерки весеннія рѣяли не разъ,
Отзывался ласковый голосъ беззаботно,
Вспыхивали искорки полудѣтскихъ глазъ.

II.

Есть въ нашей встрѣчѣ странная тайна,
Темная воля судьбы.
То, что намъ кажется необычайно,—
Знаменье вѣчной борьбы.
Гдѣ-то бунтуютъ скрытыя силы.
Жизнь невидимкою ткетъ.
Если любовь суждена у могилы,
Часъ ея властно пробьетъ.
Пусть раздѣляютъ горы и годы
Страсть одинокихъ сердецъ,
Есть у любви потаенные ходы.
Рокъ охраняетъ вѣнецъ.
Мы два ручья изъ далекаго края:
Долго и рознó мы шли.
Пробилъ нашъ часъ, и слились мы, сверкая,
Тамъ, гдѣ другъ друга нашли.

А. Ѳедоровъ.

СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТЪ

ВЪ ДѢЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

(Окончаніе.)

II *).

Обсужденіе Секретнымъ Комитетомъ вопросовъ, изложенныхъ въ предъидущей главѣ, заняло два засѣданія, 14 и 17 августа, и достигнутое между членами его (кромѣ кн. Гагарина) соглашеніе выражено въ журналѣ, Высочайше утвержденномъ 18-го августа. Комитетъ—сказано въ этомъ журналѣ—„пришелъ къ убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ у насъ крестьянъ, что они вовсе неприготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы; что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ, и что потому въ семъ важномъ государственномъ дѣлѣ надо дѣйствовать не вдругъ, но, какъ уже неоднократно указано Государемъ, осторожно и благоразумно".

Обращаясь къ порядку освобожденія крѣпостного сословія, Комитетъ призналъ необходимымъ опредѣлить планъ или порядокъ дѣйствій правительства для достиженія предположенной имъ цѣли—общаго освобожденія крестьянъ. Въ этомъ отношеніи Комитетъ,

*) См. февраль, стр. 48.

принимая во вниманіе, что для общаго освобожденія крѣпостного сословія не только помѣщики и крестьяне, но даже само правительство въ настоящее время еще не приготовлены, считалъ необходимымъ прежде всего „приготовить все, что̀ для этого будетъ нужно, и потомъ уже приступить къ освобожденію крестьянъ, но приступить не вдругъ, а постепенно“. Весь порядокъ дѣйствій для освобожденія крѣпостного сословія въ Россіи Комитетъ полагалъ раздѣлить на *три* періода.

Первый періодъ, по мнѣнію Комитета, долженъ быть *приготовительный*. Въ продолженіе его правительство должно всячески смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы увольнять крестьянъ по взаимнымъ съ ними соглашеніямъ и собрать всѣ вообще матеріалы, свѣдѣнія и данныя, необходимые для постановленія тѣхъ мѣръ, которыя впослѣдствіи должны быть приняты къ освобожденію крѣпостного сословія.

Второй періодъ долженъ быть *переходный*. „Въ продолженіе его правительство должно принять мѣры къ освобожденію крѣпостного сословія, но освобожденію не по взаимному уже соглашенію помѣщиковъ и крестьянъ, а обязательному, только не вдругъ, а постепенно, шагъ за шагомъ“. Въ этомъ періодѣ крестьяне должны постепенно пріобрѣтать личныя права людей свободнаго сословія, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ.

Наконецъ *третій* или послѣдній *періодъ* долженъ быть окончательный, когда крестьяне, получивъ права личныя, будутъ поставлены въ отношеніяхъ къ помѣщикамъ какъ люди совершенно свободные.

Установивъ общій планъ дѣйствій правительства въ дѣлѣ общаго освобожденія крѣпостного сословія, комитетъ счелъ необходимымъ указать тѣ частныя мѣры, которыя въ каждомъ періодѣ должны быть приняты.

По мнѣнію Комитета, въ *приготовительномъ* періодѣ правительство должно: I) *принять прежде всего мѣры для смягченія или облегченія крѣпостного сословія*. Комитетъ, принимая во вниманіе, что общее освобожденіе крестьянъ тѣми способами, которые будутъ для этого избраны и указаны, не можетъ послѣдовать въ скоромъ времени, призналъ, что теперь же необходимо принять всѣ возможныя мѣры для смягченія или облегченія того положенія, въ которомъ находятся крѣпостные люди, „но смягченія такого, которое не прекращало бы теперешнихъ отношеній къ помѣщикамъ и не ослабляло бы власти сихъ послѣднихъ“. Не исчисляя всѣхъ подобныхъ мѣръ, Комитетъ полагалъ, по утвержденіи государемъ этого заключенія Комитета, присту-

пить къ обсужденію всѣхъ частныхъ мѣръ, ведущихъ къ облегченію крѣпостного сословія и изложенныхъ какъ въ разныхъ проектахъ, находящихся на разсмотрѣніи Комитета, такъ и въ мнѣніяхъ членовъ существующей при Комитетѣ коммиссіи и въ замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ членовъ Комитета, и затѣмъ уже мѣры эти представить на воззрѣніе государя.

II) *Открыть помѣщикамъ всѣ средства для увольненія крестьянъ по взаимному съ ними соглашенію.* По дѣйствовавшему закону, крестьяне могли быть отпускаемы на волю цѣлыми селеніями не иначе, какъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ или обязанныхъ поселянъ. Всякій другой способъ увольненія крестьянъ цѣлыми селеніями помѣщику запрещенъ. Хотя означенные два закона имѣли весьма незначительное практическое примѣненіе, но Комитетъ находилъ неудобнымъ отмѣнить ихъ и считалъ существенно необходимымъ не затруднять помѣщиковъ въ составленіи условій и соглашеній на увольненіе крестьянъ, лишь бы условія эти не содержали въ себѣ ничего противнаго общимъ законамъ. Посему Комитетъ положилъ: а) не отмѣняя законовъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ, предоставить каждому помѣщику, желающему отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями, или частями селеній, заключать условія съ крестьянами по обоюдному соглашенію, не стѣсняясь правилами, въ упомянутыхъ двухъ законахъ предписанными, и условія эти представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ. б) При составленіи сихъ условій принять за правило, чтобы крестьянамъ была оставляема осѣдлость и чтобы въ условіяхъ были обезпечены способы какъ существованія увольняемыхъ крестьянъ, такъ и выполненія тѣхъ обязанностей, кои будутъ ими приняты предъ помѣщиками. в) Вмѣнить въ обязанность министру внутреннихъ дѣлъ не затруднять, но всемѣрно поощрять взаимныя соглашенія между помѣщиками и крестьянами, и затѣмъ заключенныя ими условія представлять на высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ. г) Крестьянъ, такимъ образомъ уволенныхъ, не подчинять попечительству м-ства госуд. имуществъ, но оставлять въ вѣдѣніи общаго губернскаго управленія. На этихъ основаніяхъ, по одобреніи ихъ государемъ, Комитетъ полагалъ составить проектъ указа правительствующему сенату, который и представить къ утвержденію и подписанію одновременно съ заключеніемъ Комитета о мѣрахъ, предположенныхъ для смягченія и облегченія крѣпостного права, такъ чтобы оба постановленія могли быть изданы въ одно и то же время.

Князь Гагаринъ, съ своей стороны, считалъ необходимымъ даровать помѣщикамъ право увольнять крестьянъ цѣлыми селеніями или частями селеній, по собственному своему усмотрѣнію, безъ заключенія съ ними условій, но съ соблюденіемъ непремѣннаго правила, чтобы крестьянамъ при этомъ увольненіи оставляема была въ полную собственность ихъ осѣдлость, т.-е. крестьянскія строенія и земли усадебныя, огородныя, а также право на выгонъ. Защищая свое предложеніе, какъ важное условіе для успѣха въ дѣлѣ общаго освобожденія крестьянъ, кн. Гагаринъ утверждалъ, что „при введеніи въ дѣйствіе этой мѣры помѣщикъ безъ всякаго побужденія, безъ всякаго даже вознагражденія, по собственному усмотрѣнію отрекается отъ всѣхъ правъ на крѣпостныхъ людей, отъ ихъ труда и работы, отъ ихъ усадебной, огородной и выгонной земли, а крестьяне симъ путемъ получаютъ полную свободу и личныя права, сохраняя кровъ и полную осѣдлость въ домашнемъ быту. Имъ открывается возможность употребить свой вольный и свободный трудъ для прокормленія себя или земледѣліемъ, или промыслами, по своимъ способностямъ и охотѣ. Помѣщику всегда будетъ выгоднѣе отдавать свои пахатныя земли въ аренду или въ наемъ уволеннымъ крестьянамъ, какъ ближайшимъ и, слѣдовательно, выгоднѣйшимъ работникамъ. Отъ воли сихъ крестьянъ будетъ зависѣть нанять землю или наняться у своего прежняго помѣщика или у другого. Зависимости отъ прежняго помѣщика нѣтъ и быть не можетъ: крестьяне вольны взять у него землю, или не брать ее вовсе“. Мѣра эта, представляя удобства для обѣихъ сторонъ, выгодна для правительства въ томъ еще отношеніи, что укажетъ примѣненіе на дѣлѣ тѣхъ основаній, которыя могутъ быть приняты для будущаго общаго освобожденія крѣпостного сословія.

Прочіе члены Комитета, принимая во вниманіе, что въ пріуготовительномъ періодѣ по освобожденію крестьянъ предполагается допускать увольненіе крестьянъ на волю цѣлыми селеніями или частями селеній не иначе, какъ по взаимному соглашенію, и признавая, что предложеніе кн. Гагарина о дозволеніи помѣщикамъ увольнять крестьянъ безъ взаимнаго съ ними соглашенія дѣлаетъ это увольненіе для крестьянъ обязательнымъ, полагали ограничиться разрѣшеніемъ заключать взаимныя условія между помѣщиками и крестьянами на условіяхъ выше изложенныхъ.

III) *Собрать свѣдѣнія и приготовить матеріалы, необходимые для указанія тѣхъ мѣръ, которыя должны быть приняты во второмъ, т.-е. переходномъ періодѣ.*

Комитетъ, принимая во вниманіе, что по чрезвычайной важ-

ности сихъ мѣръ онѣ должны быть основаны на данныхъ положительно вѣрныхъ, и особенно на фактахъ, указанныхъ опытомъ, признанъ существенно необходимымъ озаботиться собираніемъ ихъ въ теченіе перваго періода. По мнѣнію Комитета, обязанность собрать всѣ свѣдѣнія и по нимъ обработать матеріалы, опредѣлить основанія и даже указать подробности должна лежать на министрѣ внутреннихъ дѣлъ. „Надо только при собраніи ихъ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью и благоразуміемъ, дабы не растревожить помѣщиковъ и не дать излишнихъ надеждъ крестьянамъ". Въ Комитетѣ возбуждена была мысль, не опредѣлить ли министерству внутреннихъ дѣлъ какой-либо срокъ для собранія всѣхъ означенныхъ выше матеріаловъ и свѣдѣній; но Комитетъ нашелъ, что важнѣйшія и, можетъ-быть, самыя практическія данныя могутъ быть извлечены изъ взаимныхъ условій, которыя будутъ заключаемы между помѣщиками и крестьянами, и что назначеніе какого-либо срока можетъ воспрепятствовать успѣху заключенія сихъ условій, такъ какъ помѣщики и крестьяне, узнавъ объ этомъ, будутъ ждать измѣненія ихъ отношеній по указанію правительства, а потому откажутся отъ добровольныхъ сдѣлокъ и не рѣшатся заключать ихъ.

Вслѣдствіе этихъ разсужденій Комитетъ положилъ: 1) вмѣнить въ обязанность министерству внутреннихъ дѣлъ собрать всѣ свѣдѣнія и данныя, необходимыя для опредѣленія будущихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами во второмъ или переходномъ періодѣ по освобожденію крестьянъ, и 2) разрѣшить этому министерству требовать не только свѣдѣнія, но даже мнѣнія, мысли и предположенія отъ губернскихъ начальствъ, отъ опытныхъ помѣщиковъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ, практическія свѣдѣнія коихъ могутъ быть полезны не только для опредѣленія главныхъ началъ, но и для указанія подробностей переходныхъ мѣръ, но съ тѣмъ, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствовало при этомъ со всевозможною осторожностью и благоразуміемъ. „Когда означенные выше свѣдѣнія и факты будутъ собраны, тогда, и только тогда, по мнѣнію Комитета, правительство можетъ приступить къ опредѣленію и указанію всѣхъ мѣръ переходныхъ".

Такимъ образомъ при намѣченномъ Комитетомъ порядкѣ дѣйствій правительства въ дѣлѣ общаго освобожденія крестьянъ, въ *первомъ* или *приготовительномъ* періодѣ крѣпостное сословіе, все вообще, должно получить такія облегченія, которыя выведутъ крестьянъ изъ состоянія рабства; помѣщикамъ откроются

пути или развяжутся руки отпускать своихъ крестьянъ на волю по своему усмотрѣнію, а правительство, наблюдая за такими добровольными соглашеніями между помѣщиками и крестьянами, поощряя ихъ и содѣйствуя ихъ заключенію, получитъ возможность извлечь изъ этого всѣ нужныя ему свѣдѣнія и данныя, готовясь къ общему освобожденію крестьянъ и идя къ своей цѣли постепенно и осторожно, какъ указано государемъ. Порядокъ же дѣйствій правительства во *второмъ* или *переходномъ* періодѣ общаго дѣла по освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ долженъ быть указанъ и опредѣленъ только по собраніи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ необходимыхъ для этого свѣдѣній, данныхъ и фактовъ. Наконецъ, въ *третьемъ* или *исполнительномъ* и *окончательномъ періодѣ* порядокъ дѣйствій правительства „будетъ истекать изъ тѣхъ основаній, кои будутъ приняты для дѣйствій во второмъ, т. е. переходномъ періодѣ".

Изложенныя заключенія Секретнаго Комитета о порядкѣ дѣйствій правительства въ дѣлѣ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ были представлены государю и вызвали слѣдующую его отмѣтку: „Исполнить, относительно же разногласія раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желаемому результату. Искренно благодарю гг. членовъ за первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что̀ касается до сего жизненнаго вопроса".

О порядкѣ, въ которомъ Секретный Комитетъ намѣревался приступить къ исполненію задачъ, намѣченныхъ для перваго или пріуготовительнаго періода, кн. Орловъ докладывалъ государю 21 августа 1857 г.: „по составленіи государственной канцеляріей вопросовъ относительно облегчительныхъ мѣръ и порядка взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, ихъ предложить членамъ Комитета для замѣчаній съ ихъ стороны, затѣмъ составить сводъ изъ этихъ замѣчаній, чтобы приступить къ постановленію окончательныхъ заключеній по каждому вопросу особо, и потомъ уже составить проекты указовъ правительствующему сенату о мѣрахъ, даруемыхъ для смягченія и облегченія крѣпостного состоянія". „Не скрою,—докладывалъ кн. Орловъ,—что по важности всего дѣла вообще и въ особенности по чрезвычайной осторожности, съ которою должны быть опредѣлены мѣры облегчительныя, дабы съ одной стороны не ослаблять ими власти помѣщиковъ, а съ другой — извлечь крестьянъ изъ состоянія рабства,—труды Комитета будутъ обширны и засѣданія онаго, по всей вѣроятности, будутъ продолжительны. Комитетъ

долженъ будетъ не только указать права, кои могутъ быть предоставлены крѣпостнымъ людямъ для пріобрѣтенія имущества, для вступленія въ бракъ и т. п., но еще пояснить законы о крестьянскихъ повинностяхъ, опредѣлить нѣкоторыя мѣры для уменьшенія на будущее время дворовыхъ людей и т. п.“ Государь, одобривъ эту программу работъ Комитета, изъявилъ желаніе, чтобы ему была прислана сущность предлагаемыхъ членамъ Комитета вопросовъ. Во исполненіе этого кн. Орловъ представилъ государю четырнадцать вопросовъ, вмѣстѣ съ слѣдующими къ каждому изъ нихъ записками, составленными въ государственной канцеляріи. Въ запискахъ были помѣщены всѣ постановленія, какія въ дѣйствующемъ законѣ до каждаго вопроса относились, а также и всѣ предположенія, какія въ огромномъ числѣ заключались въ переданныхъ въ Комитетъ проектахъ по крестьянскому дѣлу. Государь, находившійся въ то время въ Потсдамѣ, разсмотрѣвъ записку кн. Орлова, написалъ на ней резолюцію: „Спасибо канцеляріи за огромный трудъ. Дай Богъ, чтобы изъ всего этого вышелъ прокъ“. Указывая, что засѣданія Комитета по обсужденію замѣчаній членовъ его на четырнадцать вопросовъ начнутся въ первыхъ числахъ октября, кн. Орловъ снова повторялъ, что „по важности, обширности и сложности вопросовъ, разсмотрѣніе ихъ потребуетъ много времени, и при окончательномъ обсужденіи ихъ будетъ признано, можетъ-быть, полезнымъ не всѣ облегчительныя мѣры принять вдругъ, но и въ опредѣленіи ихъ слѣдовать тому же порядку, который неоднократно уже указанъ государемъ, т.-е. вводить ихъ постепенно, раздѣливъ введеніе ихъ на нѣкоторые періоды, какъ это окажется удобнымъ и возможнымъ“. Государя, очевидно, хотѣли подготовить къ тому, что и самыя облегчительныя мѣры для крѣпостныхъ можно затянуть на десятки лѣтъ.

Пока систематизировались отвѣты на вопросы, поставленные членамъ Секретнаго Комитета о дозволеніи крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки и пріобрѣтать собственность безъ согласія помѣщика, о лишеніи помѣщиковъ права переселять крестьянъ въ Сибирь, о допущеніи жалобъ крѣпостныхъ крестьянъ на ихъ помѣщиковъ, о правѣ выкупа крестьянъ на волю за особую плату и т. п. [1])—Секретный Комитетъ бездѣйствовалъ. Когда кн. Орловъ доложилъ государю, 28 октября 1857 г., о положеніи дѣла съ отвѣтами на разосланные членамъ вопросы, государь

[1]) Своды замѣчаній членовъ Секретнаго Комитета на четырнадцать вопросовъ составили два объемистыхъ тома.

сдѣлалъ такую отмѣтку на его докладѣ: „*буду ожидать съ нетерпѣніемъ, что Комитетъ по всему этому рѣшитъ. Повторяю еще разъ, что положеніе наше таково, что медлить нельзя*“. Повидимому, вторая половина резолюціи государя была вызвана содержаніемъ доложенной тогда же государю кн. Орловымъ записки м-ра госуд. им. Муравьева о порядкѣ освобожденія крестьянъ, относительно которой кн. Орловъ замѣчалъ, что она представляетъ собою взглядъ государственнаго человѣка, только-что возвратившагося изъ внутреннихъ губерній и на мѣстѣ убѣдившагося въ точности, справедливости и основательности приводимыхъ имъ фактовъ. Все написанное ген. Муравьевымъ кн. Орловъ признавалъ согласнымъ съ его, Орлова, понятіями и мыслями о крестьянскомъ дѣлѣ, находя, что они подтверждаются свѣдѣніями, почерпнутыми Муравьевымъ изъ обозрѣнія внутреннихъ губерній Россіи.

Суть записки Муравьева заключалась въ слѣдующемъ. „Въ понятіяхъ большей части народа въ губерніяхъ средней полосы имперіи крѣпостное право помѣщиковъ должно быть скоро прекращено мѣрами правительства; теперь это для крестьянъ только вопросъ времени — они ожидаютъ въ каждый болѣе значительный праздникъ, что имъ будетъ объявлена правительствомъ свобода, и всякій проѣздъ чрезъ губернію нѣсколько значительнаго чиновника возбуждаетъ между ними толки, что онъ, будто бы, присланъ государемъ для объявленія свободы. Помѣщики только опасаются скорыхъ и крутыхъ мѣръ, нисколько не измѣняя, впрочемъ, своего съ крестьянами обращенія, которое во многихъ мѣстностяхъ неодобрительно. Крестьяне по большей части нерасположены къ помѣщикамъ, но исполняютъ безпрекословно всѣ работы и повинности и ожидаютъ съ обычнымъ для русскаго народа терпѣніемъ такъ называемой свободы, которую, однакожъ, понимаютъ превратно и преимущественно полагаютъ оную: а) въ своеволіи и полной необузданности, съ прекращеніемъ всякихъ работъ и платежа за землю; б) въ безограниченномъ пользованіи всѣми землями помѣщиковъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны будутъ выѣхать изъ имѣній въ города, ибо земля, по понятіямъ крестьянъ, принадлежитъ имъ, а не теперешнимъ владѣльцамъ; в) нѣкоторые даже считаютъ, что они не станутъ платить государственныхъ податей, что будетъ полная свобода и что они будутъ имѣть свои собственныя мірскія судилища, которыя замѣнятъ нынѣ существующія отъ правительства“. Засвидѣтельствовавъ, что „превратныя эти понятія поддерживаются подобными же убѣжденіями государственныхъ крестьянъ“, которые

„считаютъ землю своею неотъемлемою собственностью", Муравьевъ указывалъ, что въ уѣздахъ вообще не существуетъ необходимаго сосредоточеннаго управленія и власти; „сохранилась только одна власть помѣщиковъ, и если ее уничтожить, то будетъ полное безначаліе; посему-то и не должно вдругъ колебать ее, не замѣнивъ другою, равносильною, а слѣдуетъ, сокративъ весь неумѣстный произволъ ея, поставить оную въ благоразумные предѣлы. Власть помѣщика тамъ, гдѣ она не злоупотребительна, есть единственный еще существующій оплотъ для удержанія въ уѣздахъ порядка, и случись какіе-либо важные безпорядки — не на кого положиться на мѣстахъ". Очевидно, заключалъ Муравьевъ, что при такомъ положеніи дѣла надобно быть весьма осмотрительнымъ и не предпринимать предполагаемаго важнаго государственнаго преобразованія, не учредивъ съ тѣмъ вмѣстѣ приличнаго управленія на мѣстахъ, которое могло бы, при малѣйшемъ волненіи, удержать порядокъ. Но, съ другой стороны, правительство не должно отлагать разрѣшенія этого вопроса, а дѣйствовать съ положительностью, подвигаясь постепенно мѣрными шагами къ достиженію предположенной цѣли, и притомъ безъ колебанія. Признавая необходимымъ безотлагательно отмѣнить нѣкоторыя неумѣстныя права владѣльцевъ на личность и собственность крестьянъ и предоставить помѣщикамъ заключать условія съ крестьянами на освобожденіе ихъ, Муравьевъ полагалъ, что приведеніе въ дѣйствіе предположенныхъ Секретнымъ Комитетомъ мѣръ по смягченію крѣпостного состоянія не должно быть объявляемо особымъ указомъ и манифестомъ, потому что при тревожномъ положеніи умовъ это могло бы произвести въ иныхъ мѣстахъ безпокойство, но включить нѣкоторыя изъ предположеній правительства въ новое изданіе Свода Законовъ, и то не вдругъ, а частями. Этою мѣрою, по его мнѣнію, постепенно все устроится безъ особаго потрясенія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ

[1]) По мнѣнію членовъ Секретнаго Комитета кн. Гагарина и бар. Корфа, которое раздѣлялъ и Муравьевъ, окончательно избранныя Комитетомъ „*облегчительныя мѣры*", утвержденныя государемъ, слѣдовало ввести административнымъ порядкомъ, включивъ ихъ въ новое изданіе Свода Законовъ. Противъ этого возсталъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, полагавшій всѣ такія мѣры включить въ одинъ указъ, напечатавъ его въ столь значительномъ числѣ экземпляровъ, чтобы по нѣскольку ихъ находилось въ каждомъ селеніи, и притомъ сказать въ указѣ „весьма ясно, что крестьяне остаются крѣпостными и обязаны повиноваться своимъ владѣльцамъ". По его мнѣнію, отъ введенія новыхъ постановленій въ продолженіе къ Своду, какъ бы украдкой, безъ обнародованія ихъ предъ тѣмъ установленнымъ въ законѣ порядкомъ, слѣдуетъ навсегда отказаться, какъ отъ способа противозаконнаго и недостойнаго правительства, которое должно дѣйствовать прямо и чисто.

считалъ нужнымъ немедленно подтвердить о неотъемлемой принадлежности земли помѣщикамъ, „дабы тѣмъ по возможности ослабить противное тому, столь вредное для общаго спокойствія убѣжденіе крестьянъ, которые почти повсемѣстно не желаютъ свободы безъ отдачи имъ всей земли, которую они считаютъ своею принадлежностью". Свою записку Муравьевъ заканчивалъ выраженіемъ убѣжденія, что „важный государственный вопросъ о прекращеніи крѣпостного права, какъ положительно сознанный въ общемъ мнѣніи и проникнувшій уже въ понятія народа, не можетъ и не долженъ быть оставленъ правительствомъ безъ яснаго окончательнаго разрѣшенія, съ указаніемъ и самыхъ средствъ къ приведенію въ исполненіе. Онъ убѣжденъ, что, слѣдуя неуклонно указаніямъ государя идти въ семъ дѣлѣ постепенно и осторожно, не нарушая вдругъ существующаго порядка, можно достигнуть благопріятныхъ результатовъ, въ особенности если на мѣстахъ будетъ устроено соотвѣтственное важности обстоятельствъ управленіе, которое могло бы благоразумными мѣрами предупреждать и прекращать безпорядки".

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ заканчивалась, между тѣмъ, переписка съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ о пересмотрѣ инвентарныхъ правилъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ. Уже при совѣщаніяхъ по этому предмету съ прибывшими въ Москву, по случаю коронаціи, губернскими предводителями дворянства губерній Минской, Гродненской, Виленской, Ковенской, Витебской и Могилевской замѣчена была въ нѣкоторыхъ изъ нихъ готовность идти далѣе указанныхъ имъ прежде границъ и заняться разсмотрѣніемъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ съ цѣлью освобожденія послѣднихъ. Если имъ предоставить, не стѣсняясь прежними указаніями и нынѣ существующими условіями, обсудить вопросъ о крѣпостныхъ людяхъ со всѣхъ сторонъ, то, по мнѣнію м-ра вн. дѣлъ, можно было надѣяться, что они „придумаютъ предположенія, которыя могли бы послужить къ новому и прочному устройству крестьянъ, безъ чувствительныхъ потерь и для помѣщиковъ". Изъ словъ предводителей дворянства западныхъ губерній, такъ и изъ другихъ собранныхъ свѣдѣній министръ внутреннихъ дѣлъ заключалъ, что въ западныхъ губерніяхъ Россіи, особенно въ тѣхъ, которыя ближе лежатъ къ границамъ Австріи и Пруссіи и въ сосѣдствѣ съ остзейскими губерніями, идея о свободѣ крестьянъ гораздо болѣе развита въ умахъ помѣщиковъ и гораздо доступнѣе крестьянамъ, нежели во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Пользуясь этими обстоятельствами, С. С. Ланской испрашивалъ соизволенія госу-

даря возвратить инвентарныя правила, остававшіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ неутвержденными, на мѣста, чрезъ генералъ-губернатора, и поручить губернскимъ предводителямъ, при содѣйствіи уѣздныхъ предводителей и опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ, вновь заняться обсужденіемъ ихъ, не стѣсняясь прежними постановленіями, и откровенно представить министру внутреннихъ дѣлъ свои соображенія, клонящіяся къ прочному устройству крестьянъ.

Сообщая высочайше утвержденный докладъ о возвращеніи инвентарныхъ правилъ предводителямъ дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, для новаго пересмотра ихъ, Ланской писалъ генералу Назимову, что изъ предварительныхъ личныхъ сношеній ему уже извѣстно, въ какихъ особенно видахъ предположено дать дѣлу такое направленіе, и выражалъ увѣренность, что „подъ благоразумнымъ и осторожнымъ руководствомъ его и по тѣмъ указаніямъ и изустнымъ наставленіямъ, какія, по ближайшей и давней извѣстности ему мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ признаетъ нужнымъ дать предводителямъ дворянства, возлагаемое на нихъ по особому къ нимъ довѣрію правительства важное порученіе исполнено будетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ, соотвѣтственно благимъ намѣреніямъ Государя“.

Но дворянство западныхъ губерній не особенно спѣшило съ пересмотромъ инвентарныхъ правилъ, сообразно съ видами правительства. Изъ записки управлявшаго III-мъ отдѣленіемъ канцеляріи его величества, отъ 24 августа 1857 г., „*о сужденіяхъ дворянъ Виленской губерніи на счетъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ*“ видно, что къ 15 іюля 1857 г. были собраны въ Вильно всѣ уѣздные предводители и нѣсколько опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ, которые, составивъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, комитетъ изъ 28-ми членовъ, занимались въ продолженіе двухъ недѣль разсужденіями объ улучшеніи быта крестьянъ, съ увольненіемъ ихъ изъ крѣпостного состоянія, но проекта объ этомъ не было составлено по различію во взглядахъ и понятіяхъ членовъ комитета: изъ нихъ только 12 изъявили безусловное согласіе на освобожденіе крестьянъ, а 16, въ томъ числѣ и губернскій предводитель дворянства, полагали отложить составленіе проекта до общихъ дворянскихъ выборовъ. По докладѣ о томъ государю, онъ, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что если 28 дворянъ не могли согласиться между собою, то еще болѣе произойдетъ разнорѣчій при совѣщаніяхъ во время дворянскихъ выборовъ, а съ другой—что дворяне могутъ составить такія пра-

вила, которыя несогласны съ видами правительства, повелѣлъ сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы вышеозначенный предметъ не былъ предоставляемъ сужденію при общихъ дворянскихъ выборахъ.

Только въ концѣ сентября 1857 г. генералъ Назимовъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ отзывъ инвентарныхъ комитетовъ западныхъ губерній и свое по нимъ заключеніе. Въ докладѣ государю, отъ 18 октября 1857 г., Ланской давалъ такую оцѣнку всему этому дѣлу: „отзывы комитетовъ неопредѣлительны, но они выражаютъ большинствомъ своимъ одинъ весьма важный фактъ, а именно—сознаніе дворянствомъ сѣверо-западныхъ губерній, что пришло время положить конецъ крѣпостному состоянію, что надо замѣнить его добровольными соглашеніями помѣщиковъ съ крестьянами и что до сей радикальной перемѣны лучше не трогать существовавшихъ инвентарей. Средствъ къ достиженію такой важной перемѣны они не излагали, да и не могли этого сдѣлать, не зная, до какой степени позволитъ имъ правительство идти новымъ путемъ; они только указывали на сосѣдственныя съ ними прибалтійскія губерніи. Съ своей стороны министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ, что онъ попрежнему считаетъ невозможнымъ введеніе новаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, какъ бы оно ни было осторожно подвигаемо впередъ, одновременно во всѣхъ концахъ имперіи; а если это справедливо, то „всего удобнѣе начать дѣло съ того предѣла имперіи, на которомъ все къ тому подготовлено и гдѣ нужда въ новомъ порядкѣ настоятельнѣе, нежели гдѣ-либо, по многимъ обстоятельствамъ. Начавъ съ запада, можно было бы очень удобно подвигаться мѣрными и обдуманными шагами на востокъ“.

Одобренныя государемъ предположенія министра внутреннихъ дѣлъ о приступѣ къ освобожденію крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской были внесены въ Секретный Комитетъ, который, въ засѣданіи 2-го ноября 1857 г., положилъ: 1) разрѣшить дворянству Ковенской, Виленской и Гродненской губерній учрежденіе изъ среды своей губернскихъ комитетовъ для составленія предположеній объ измѣненіи въ этихъ губерніяхъ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами, и 2) указать симъ комитетамъ главныя начала, кои должны быть ими приняты въ основаніе своихъ предположеній, составленіе же сихъ главныхъ началъ предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы они, по взаимному соглашенію, проектъ представили сколь возможно скорѣе на разсмотрѣніе Секретнаго Комитета. Докладывая объ этомъ государю,

кн. Орловъ указалъ, что дѣло это—первостепенной важности, и его необходимо поскорѣе разрѣшить, какъ для того, чтобы не останавливать дворянъ сѣверо-западныхъ губерній въ ихъ благихъ преднамѣреніяхъ, такъ и для примѣра по внутреннимъ губерніямъ. На докладѣ кн. Орлова государь положилъ резолюцію: „Надѣюсь, что послѣ этого дѣло будетъ подвигаться, и прошу, чтобы возложенная работа на мин. вн. дѣлъ и государ. имуществъ была ими представлена безъ лишняго замедленія".

Составленныя упомянутыми министрами, по соглашенію съ генераломъ Назимовымъ, общія начала для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, и предположенія о порядкѣ работъ въ этихъ губерніяхъ на основаніи выработанныхъ началъ, подверглись обсужденію Секретнаго Комитета въ засѣданіяхъ 9, 13 и 18 ноября. Комитетъ нашелъ, что существо главныхъ началъ, представленныхъ двумя министрами, состоитъ въ томъ, чтобы: а) земля оставалась собственностью помѣщика, б) крестьяне получили свободу не вдругъ, а постепенно, въ особо опредѣленный срокъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ, в) имъ была сохранена осѣдлость, которую они должны пріобрѣсть въ свою собственность за деньги или особую работу, въ теченіе опредѣленнаго выше срока, г) въ ихъ постоянное пользованіе была отведена часть господской земли, за что они должны отбывать помѣщику работы въ натурѣ или оброкъ, и д) помѣщикамъ сохранялась полицейская власть, но крестьяне, образуя сельскія общества, имѣли бы и свое управленіе. По мнѣнію Комитета, такія главныя начала выгодны и для помѣщиковъ, и для крестьянъ. Сохраняя помѣщикамъ собственность на землю, они не лишаютъ крестьянъ ни осѣдлости, ни способовъ существованія, слѣдовательно отвращаютъ бродяжничество, которое могло бы возникнуть, если бы крестьяне, съ освобожденіемъ ихъ, были лишены возможности пользоваться землею; открываютъ крестьянамъ полную возможность пріобрѣсть права личной свободы въ теченіе опредѣленнаго срока, но пріобрѣсть не даромъ, а за выкупъ, посредствомъ котораго они получаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право на всегдашнюю осѣдлость; даютъ крестьянину право пользоваться господскою землею, которую помѣщикъ можетъ употребить не иначе, какъ въ пользу крестьянина, требуя въ замѣнъ сего отъ крестьянина въ свою пользу работу и трудъ. Находя, поэтому, что предложенныя двумя министрами начала безобидны и выгодны для обѣихъ сторонъ, и что эти главныя начала въ существѣ своемъ не противорѣчатъ тѣмъ главнымъ основаніямъ, которыя утверждены государемъ по

журналу Секретнаго Комитета 18 августа 1857 г., Комитетъ призналъ возможнымъ принять предложенныя министрами начала, какъ руководство для работъ при составленіи въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской проектовъ положеній объ измѣненіи и улучшеніи быта тамошнихъ крестьянъ.

Обратясь затѣмъ къ предположеніямъ двухъ министровъ о порядкѣ работъ по предложеннымъ началамъ въ означенныхъ трехъ губерніяхъ, при участіи комитетовъ, составленныхъ изъ членовъ отъ дворянъ по выборамъ и отъ правительства по назначенію, съ тѣмъ, чтобы выработанные на указанныхъ началахъ проекты были разсмотрѣны въ общей для трехъ губерній коммиссіи и чрезъ генералъ-губернатора доставлены министру внутреннихъ дѣлъ для высочайшаго ихъ утвержденія,—Комитетъ, принявъ во вниманіе, что при такомъ порядкѣ развитіе указанныхъ правительствомъ главныхъ началъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ особенностямъ каждой губерніи возлагается на помѣщиковъ и дворянъ, экспертовъ въ этомъ дѣлѣ, а повѣрка частныхъ проектовъ на мѣстѣ будетъ произведена довольно компетентными въ дѣлѣ лицами, при участіи и руководствѣ главнаго начальника края,—съ своей стороны нашелъ, что этотъ порядокъ составляетъ достаточное ручательство въ успѣшномъ совершеніи поручаемыхъ Комитетомъ работъ, а потому положилъ принять всѣ по этому предмету предположенія двухъ министровъ.

Перейдя, затѣмъ, къ обсужденію вопроса о томъ, въ какой формѣ было бы всего удобнѣе сообщить мѣстнымъ начальствамъ и дворянству означенныхъ трехъ губерній принятыя Комитетомъ начала и правила для работъ по улучшенію и измѣненію быта крѣпостныхъ крестьянъ, Комитетъ разсуждалъ, что нѣкоторыя изъ сихъ началъ суть начала непреложныя, одобренныя и утвержденныя государемъ по журналу 18 августа 1857 г., и потому не подлежащія ни измѣненію, ни даже разсмотрѣнію въ губернскихъ комитетахъ и общей коммиссіи. Другія же начала, изложенныя въ предложеніяхъ двухъ министровъ, составляютъ только болѣе или менѣе развитіе и поясненіе главныхъ и неизмѣнныхъ началъ. Начала второго рода могутъ подлежать, относительно примѣненія ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ каждой губерніи, обсужденію и разсмотрѣнію дворянскихъ комитетовъ и коммиссіи. Сообразно сему, Комитетъ счелъ необходимымъ непреложныя и неизмѣнныя начала изложить въ особомъ высочайшемъ рескриптѣ, указавъ въ этомъ рескриптѣ и главныя основанія работъ по сему дѣлу вообще, при чемъ, для успокоенія дворянства, призналъ полезнымъ въ этомъ же рескриптѣ поло-

жительно выразить, что помѣщикамъ сохраняется право собственности на землю, но крестьянамъ оставляется ихъ осѣдлость, пріобрѣтаемая въ собственность посредствомъ выкупа, и, сверхъ того, предоставляются способы какъ для существованія ихъ, такъ и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ. Начала же второго рода, подлежавшія обсужденію и комитетовъ, и коммиссіи, Секретный Комитетъ счелъ удобнѣйшимъ изложить въ особой бумагѣ министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору, въ видѣ предположеній, сообщаемыхъ министромъ для руководства, разсмотрѣнія, примѣненія и соображенія на мѣстѣ.

Составленные Секретнымъ Комитетомъ проекты высочайшаго рескрипта и отношенія министра внутреннихъ дѣлъ по этому дѣлу были одобрены и утверждены императоромъ Александромъ II-мъ 20 ноября 1857 г. На журналѣ Комитета государь написалъ: „Благодарю гг. членовъ за первый рѣшительный приступъ къ сему важному дѣлу. Да поможетъ намъ Богъ утвердить его повсемѣстно ко благу Россіи“.

По утвержденіи и подписаніи рескрипта ген. Назимову, согласно постановленію Комитета, рѣшено было напечатать его въ оффиціальной части Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ [1]), такъ какъ это, по убѣжденію Комитета, „необходимо особенно для того, чтобы успокоить дворянство внутреннихъ губерній, встревоженное разными неосновательными слухами, и показать ему, что правительство не имѣетъ въ виду разрѣшать окончательно подробности общаго дѣла по освобожденію крестьянъ безъ обсужденія ихъ на мѣстѣ людьми опытными и знающими и не желаетъ лишать помѣщиковъ правъ собственности на землю“.

Развитіе началъ, изложенныхъ въ рескриптѣ 20-го ноября, и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ трехъ губерній предоставлялось губернскимъ комитетамъ, а на министерство внутреннихъ дѣлъ возлагалась обязанность сообщить генералъ-губернатору соображенія, которыя могли бы служить пособіемъ для комитетовъ при ихъ занятіяхъ. Исполняя это порученіе, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ дополнительномъ секретномъ отношеніи, напоминаетъ, что дворянство вознамѣрилось, „въ видахъ улучшенія быта своихъ крестьянъ, *освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости*“ (выраженіе, впервые

[1]) Нужно замѣтить, что, по существовавшимъ тогда распоряженіямъ, газетамъ и журналамъ запрещались перепечатки изъ оффиціальной части названнаго журнала. Неопубликованіе рескрипта даже въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ имѣло цѣлью „предупрежденіе превратныхъ толковъ въ народѣ“.

употребленное въ правительственномъ актѣ), и называетъ будущіе проекты положеній *проектами объ освобожденіи крѣпостнаго сословія*. Далѣе говорилось, что крестьяне „въ теченіи переходнаго времени“ выкупаютъ свою усадебную осѣдлость за сумму, которая не должна „превышать цѣнности пріобрѣтаемой въ собственность осѣдлости; вся остальная земля раздѣляется на господскую и оставленную въ пользованіе крестьянамъ, при чемъ крестьянская земля не могла быть присоединяема къ господскимъ полямъ. Количество земли, отводимой крестьянамъ, и способы пользованія ею—общинный или подворный—должны были опредѣляться по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ. Помѣщичьимъ повинностямъ могли подлежать только тѣ крестьяне, которые надѣлены землею, а размѣръ повинностей долженъ былъ положительно опредѣляться соотвѣтственно пространству и качеству отведенной крестьянамъ земли. Съ введеніемъ новаго Положенія о крестьянахъ должны быть прекращены продажи, дареніе и переселеніе крестьянъ на другія мѣста, а также должно быть прекращено обращеніе крестьянъ въ дворовые и приняты мѣры сначала къ постепенному уменьшенію, а потомъ и къ уничтоженію этого класса людей посредствомъ обращенія ихъ въ крестьянъ, съ надѣломъ землею или перечисленіемъ въ свободное состояніе [1]).

Вслѣдъ за отсылкой рескрипта 20-го ноября и дополнительнаго къ нему отношенія, министръ внутреннихъ дѣлъ 22-го ноября докладывалъ государю о сообщеніи конфиденціально начальникамъ губерніи и предводителямъ дворянства содержанія этихъ бумагъ, находя полезнымъ это сдѣлать „какъ для соображеній и въ нѣкоторыхъ случаяхъ для руководства мѣстнымъ начальникамъ, такъ и для вящшаго успокоенія дворянства въ недоразумѣніяхъ, которыя возникаютъ отъ неяснаго пониманія благихъ намѣреній Государя“. На это послѣдовало согласіе государя. Съ своей стороны и кн. Орловъ, по порученію Секретнаго Комитета, докладывалъ государю, 23-го ноября, о необходимости сообщенія копій съ рескрипта и отношенія всѣмъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и даже губернскимъ предводителямъ дворянства, „для предупрежденія разныхъ неосновательныхъ толковъ“. Послѣ отмѣтки государя на этомъ докладѣ:

---

[1]) Хотя соображенія, выраженныя въ этомъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ, служили только развитіемъ началъ рескрипта 20-го ноября, Секретный Комитетъ призналъ оглашеніе этого отношенія даже въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ нежелательнымъ, „ибо оно заключаетъ такія выраженія, кои могутъ дать поводъ людямъ неблагонамѣреннымъ къ разнымъ превратнымъ толкамъ“.

„очень хорошо“, въ Секретномъ Комитетѣ спѣшно былъ составленъ циркуляръ, разсмотрѣнный государемъ и 24-го ноября 1857 г. конфиденціально разосланный губернскимъ начальствамъ; при немъ сообщены были и бумаги, посланныя Назимову, „для свѣдѣнія и соображенія“, какъ сказано въ циркулярѣ, „на случай если бы мѣстное дворянство изъявило подобное желаніе“.

Вслѣдъ за появленіемъ рескрипта генералъ-губернатору Назимову Секретный Комитетъ далъ движеніе ходатайству 44 дворянъ Ямбургскаго уѣзда и всѣхъ уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства Петербургской губерніи *о положеніи для вотчиннаго управленія помѣщичьихъ крестьянъ*, о чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ государю еще въ апрѣлѣ 1857 г., объясняя, что „предложенія эти избавляютъ правительство отъ необходимости дѣлать первый шагъ къ неизбѣжной цѣли, давая ему возможность вмѣсто того только помогать и направлять владѣльцевъ населенныхъ имѣній по пути ими добровольно предпринятому въ видахъ угожденія благимъ намѣреніямъ Государя“. Представляя, въ маѣ 1857 г., объ упомянутомъ ходатайствѣ Секретному Комитету, министръ внутреннихъ дѣлъ высказывалъ, что онъ полагаетъ не задерживать добрыхъ намѣреній дворянства, „дабы не охладить и не лишить правительство представляющагося ему удобнаго средства пустить въ ходъ многотрудное дѣло по вызову самихъ помѣщиковъ“. Однакожъ Секретный Комитетъ, только 23-го ноября принявшійся за это дѣло, не особенно спѣшилъ съ разрѣшеніемъ его. На докладѣ кн. Орлова о томъ, что въ засѣданіи 30-го ноября Секретный Комитетъ не могъ окончить разсмотрѣнія проектовъ рескрипта и отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, государь написалъ: „Надѣюсь, что въ среду (4 декабря 1857) будетъ окончено и не понимаю, въ чемъ опять могли встрѣтиться затрудненія“. Настоянія государя повліяли на ускореніе работы Секретнаго Комитета. Разсмотрѣвъ проекты, какъ общій для всей Петербургской губерніи, такъ и отдѣльные Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ, Комитетъ нашелъ, что эти проекты, развивая съ большею подробностью и опредѣлительностью существующія постановленія о крѣпостныхъ людяхъ, не вполнѣ соотвѣтствовали общимъ видамъ правительства. „Оно желаетъ не сохраненія въ прежней силѣ крѣпостного состоянія, а прекращенія онаго, съ тѣмъ только, чтобы прекращеніе это было достигнуто, какъ неоднократно указано государемъ, безъ переворотовъ рѣзкихъ и безъ мѣръ крутыхъ и насильственныхъ, но постепенно, осторожно и

благоразумно". Признавъ, поэтому, неудобнымъ допустить составленные петербургскимъ дворянствомъ проекты, Секретный Комитетъ принялъ во вниманіе, что дворянству не были извѣстны окончательные виды правительства, и что поэтому оно не могло составить свои проекты во всемъ согласно съ сими видами. Усматривая въ дѣйствіяхъ дворянства желаніе улучшить и упрочить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, Комитетъ счелъ удобнымъ воспользоваться такимъ желаніемъ дворянства Петербургской губерніи и поручить ему составить проектъ положенія объ устройствѣ его крестьянъ на основаніяхъ, утвержденныхъ правительствомъ.

Обсуждая начала, которыми учреждаемый въ Петербургской губерніи Комитетъ долженъ руководствоваться при исполненіи возлагавшихся на него работъ, Секретный Комитетъ указалъ, что начала, изложенныя въ рескриптѣ, данномъ генералъ-губернатору Назимову, какъ главныя и неизмѣнныя, распространяющіяся одинаково на всѣ губерніи Россіи, должны быть положены и въ основаніе работъ петербургскаго комитета. Подробное же развитіе сихъ началъ, данное въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору Назимову, не вполнѣ можетъ быть примѣнено къ Петербургской губерніи и вообще къ великороссійскимъ губерніямъ, такъ какъ въ сихъ губерніяхъ хозяйственный бытъ помѣщичьихъ имѣній во многомъ отличается отъ губерній западныхъ. Поэтому Комитетъ призналъ необходимымъ предварительно поручить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ петербургскимъ военнымъ ген.-губернаторомъ, опредѣлить тѣ подробности, которыя должны быть предписаны петербургскому комитету для развитія и примѣненія началъ, указанныхъ въ рескриптѣ генералу Назимову.

За симъ Комитетъ, слѣдуя порядку, принятому по подобному дѣлу въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, составилъ проектъ рескрипта на имя петербургскаго военнаго губернатора и дополнительнаго отношенія къ нему министра внутреннихъ дѣлъ, въ развитіе началъ, въ рескриптѣ предписанныхъ. Кромѣ того, Комитетъ обсуждалъ порядокъ напечатанія и разсылки этихъ бумагъ, рѣшивъ дозволить напечатаніе въ оффиціальной части „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ" рескрипта с.-петербургскому генералъ-губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ напечатанъ въ одной и той же книжкѣ журнала съ рескриптомъ генералъ-губернатору Назимову. Что касается до сообщенія этихъ бумагъ губернскимъ начальствамъ, то Комитетъ

находилъ, что онѣ болѣе, чѣмъ бумаги, относящіяся къ западнымъ губерніямъ, могутъ принести пользы при обсужденіи крестьянскаго дѣла во внутреннихъ губерніяхъ, а потому разрѣшилъ министру внутреннихъ дѣлъ сообщить ихъ во всѣ губерніи. Запретивъ печатать отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору Назимову, какъ „содержащее такія выраженія, которыя могли дать людямъ неблагонамѣреннымъ поводъ къ разнымъ превратнымъ толкамъ", Комитетъ призналъ, что отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, „составленное съ особою осторожностью", можетъ быть въ такомъ видѣ напечатано въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ".

Чтобы стало понятнымъ различное отношеніе Секретнаго Комитета къ печатанію двухъ циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, данныхъ въ развитіе однихъ и тѣхъ же началъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что дополнительное отношеніе къ рескрипту петербургскому генералъ-губернатору получило не только редакціонное измѣненіе, съ замѣною, напримѣръ, выраженій, употребленныхъ въ виленскомъ отношеніи: „желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, *освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости*", „проекты положеній *объ освобожденіи крестьянъ*", выраженіями: „стремленіе дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ",—но и самая сущность соображеній министра здѣсь нѣсколько иная. Такъ, по виленскому отношенію крестьяне пріобрѣтали права свободнаго состоянія по взносѣ ими въ продолженіе переходнаго срока выкупа за усадебную осѣдлость, сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой въ собственность усадебной осѣдлости, а по петербургскому — „*права состоянія крестьянъ* по окончательномъ устройствѣ... и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются не иначе, какъ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока". По редакціи петербургскаго отношенія выходило, что для пріобрѣтенія права свободнаго состоянія крестьяне, кромѣ взноса выкупа по дѣйствительной цѣнности усадьбы, еще обязывались выкупной платой для пріобрѣтенія правъ состоянія. Впослѣдствіи, по сообщеніи петербургскаго отношенія губернскимъ комитетамъ по устройству быта крестьянъ, этотъ пунктъ его подавалъ нѣкоторымъ изъ нихъ поводъ домогаться выкупа личности крѣпостныхъ крестьянъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, разсылая копіи петербургскихъ рескрипта и отношенія въ губерніи, сообщалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, что „правительство не

скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта крестьянъ". Между тѣмъ нѣкоторыя мѣстныя начальства сообщали о разныхъ неблагопріятныхъ толкованіяхъ, разсѣваемыхъ въ народѣ относительно измѣненія существующаго порядка владѣнія помѣщичьими имѣніями, „Вы,—писалъ министръ,—имѣете теперь средство отражать толки, несогласные съ видами правительства, и вразумлять недоумѣвающихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагается на васъ обязанность бдительно слѣдить за распространителями ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушить общественное спокойствіе и, въ нужныхъ случаяхъ, принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ".

Шаги, сдѣланные правительствомъ для привлеченія дворянства къ дѣлу освобожденія крестьянъ, и страхъ за ихъ послѣдствія побудили министра внутреннихъ дѣлъ уже 10-го декабря 1857 г. обратиться конфиденціальными письмами къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, съ просьбою „самымъ откровеннымъ образомъ, частными письмами въ собственныя руки" сообщать ему о томъ, какое впечатлѣніе произвели сообщенные документы по крестьянскому дѣлу въ разныхъ губерніяхъ. При этомъ сообщалось, что имъ слѣдуетъ быть безпристрастными наблюдателями за ходомъ дѣла и „не употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, какія положительно указаны имъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ". Это не помѣшало, однако, нижегородскому губернатору Муравьеву (бывшему декабристу), когда вышеупомянутыя бумаги по крестьянскому дѣлу достигли Нижняго-Новгорода въ серединѣ декабря 1858 г., уговорить собравшееся на выборы дворянство немедленно составить адресъ государю, которымъ просить дозволенія заняться освобожденіемъ крестьянъ въ Нижегородской губерніи. Въ адресѣ, подписанномъ 138 дворянами, изъявлялось „единодушное желаніе дворянства принести Его Величеству полную готовность исполнить его священную волю на основаніяхъ, какія ему благоугодно будетъ указать". На докладѣ съ представленіемъ этого адреса государь написалъ: „полагаю приличнымъ изъявить дворянству Нижегородской губерніи рескриптомъ мое удовольствіе за первый данный примѣръ готовности по сему важному дѣлу". Секретный Комитетъ составилъ проектъ рескрипта, сущность котораго была одинакова съ предыдущими рескриптами, но начинался онъ, согласно отмѣткѣ государя, такъ: „поручаю вамъ объявить сему благородному сословію мое совершенное

удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринятаго важнаго и равно полезнаго дѣла для всѣхъ въ государствѣ состояній". Дополнительное къ этому рескрипту отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ было одинаковаго съ петербургскимъ содержанія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ немъ предоставлялось дворянамъ каждаго уѣзда при выборѣ членовъ въ губернскій комитетъ имѣть предварительныя совѣщанія о мѣстныхъ обстоятельствахъ и потребностяхъ. Согласно опредѣленію Секретнаго Комитета, разрѣшено было напечатать рескриптъ и отношеніе нижегородскому военному губернатору сперва въ оффиціальной части „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", а потомъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ, вмѣстѣ съ постановленіемъ нижегородскаго дворянства и всѣми подъ нимъ подписями, чтобы „такому похвальному дѣйствію дворянства дать надлежащую гласность".

По свидѣтельству современниковъ, послѣ вызова нижегородскаго дворянства государь съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ адреса московскаго дворянства о разрѣшеніи ему учредить комитетъ по устройству быта крестьянъ. Но оно съ этимъ не спѣшило, да и ген.-губ. гр. Закревскій не склонялъ его къ этому. Получивъ черезъ шефа жандармовъ требованіе государя донести о вліяніи, произведенномъ въ Москвѣ, Московской губерніи и, по свѣдѣніямъ, имъ получаемымъ, въ другихъ частяхъ Россіи, содержаніемъ рескриптовъ, данныхъ виленскому и петербургскому ген.-губернаторамъ, и отношеніемъ къ нимъ мин. внутр. дѣлъ, Закревскій, представилъ 24 декабря 1857 г. записку *„о слухахъ и толкахъ касательно видовъ и намѣреній правительства, по предмету улучшенія быта крестьянъ"*. По резолюціи государя, она была предъявлена Секретному Комитету. Вотъ ея содержаніе: „высочайшіе рескрипты генералъ-адъютантамъ Назимову и Игнатьеву и отношенія къ нимъ мин. внутр. дѣлъ произвели на большую часть дворянъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Хотя большинство убѣждено въ нравственной пользѣ упраздненія крѣпостной зависимости, но неопредѣленность переходнаго состоянія крестьянъ, болѣе или менѣе крѣпкихъ землѣ, совершенный недостатокъ положительныхъ свѣдѣній о различныхъ способахъ и условіяхъ помѣщичьихъ

имѣній, состояніе большей части этихъ имѣній въ залогѣ кредитныхъ учрежденій и молчаніе о семъ правительства, наконецъ, краткость шестимѣсячнаго срока, назначеннаго для коренного преобразованія дворянскихъ имѣній, — все это встревожило неприготовленные къ перемѣнѣ умы помѣщиковъ: они не знаютъ, чего ожидать въ будущемъ, и опасаются не только за собственность, но и за личность свою. Не смотря на это, находящіеся въ Москвѣ дворяне-помѣщики Московской губерніи изъявляютъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства согласіе на открытіе комитета по примѣру литовскихъ и Петербургской губерній, ибо видятъ себя между двухъ крайностей, имѣя съ одной стороны высочайшій вызовъ — содѣйствовать правительству въ улучшеніи быта крестьянъ, а съ другой — опасаясь бездѣйствіемъ возбудить противъ себя ненависть низшаго сословія. Толки и сужденія какъ московскихъ дворянъ, такъ равно и прибывшихъ изъ другихъ губерній различны. Одни говорятъ, что основанія, принятыя Петербургской губерніей, а затѣмъ и литовскими губерніями, при различныхъ въ разныхъ частяхъ государства условіяхъ положенія и быта крестьянъ, не могутъ быть примѣнены къ другимъ губерніямъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне занимаются исключительно или преимущественно промыслами, обращеніе въ собственность крестьянъ ихъ усадебной осѣдлости равняется уже совершенному ихъ освобожденію. Значительная часть хлѣбныхъ запасовъ государства принадлежитъ помѣщичьимъ имѣніямъ, но какъ народъ нашъ не имѣетъ яснаго понятія о гражданской свободѣ и смѣшиваетъ ее съ необузданнымъ своеволіемъ, то прямымъ послѣдствіемъ упадка нравственнаго значенія и матеріальнаго вліянія помѣщиковъ будетъ оскудѣніе помѣщичьихъ имѣній и упадокъ земледѣлія. Другіе, считая коренное право поземельной собственности своей нарушеннымъ, находятъ, что послѣ произведеннаго недавними военными событіями разстройства въ имѣніяхъ настоящая мѣра и несвоевременна, и поспѣшна, что правительству надлежало, ограничивая постепенно крѣпостное право послѣдовательнымъ обнародованіемъ предварительныхъ узаконеній, нечувствительно привести общество къ идеѣ уничтоженія крѣпостного права, и этимъ путемъ приготовить какъ помѣщиковъ, такъ и народъ къ настоящему мѣропріятію, которое еще не вытекаетъ изъ потребности народной. Нѣкоторые думаютъ даже, что освобожденіе крестьянъ рѣшено было на Парижскомъ конгрессѣ вліяніемъ тайныхъ враговъ Россіи. Въ подмосковныхъ губерніяхъ носились слухи, что къ 1-му января 1858 г. помѣ-

щичьи крестьяне будутъ свободны и получатъ въ полную собственность находящіяся въ ихъ пользованіи земли. Слухъ этотъ, послѣ распубликованія высочайшихъ рескриптовъ и отношенія мин. внутр. дѣлъ къ ген.-адъют. Игнатьеву, начинаетъ утихать; крестьяне замѣтно разочаровались и не скрываютъ, что ожидали болѣе. Всѣ эти слухи и толки приводятъ благомыслящихъ людей къ общему заключенію, что полезно было бы, не спѣша, выждать—какимъ порядкомъ предпринятое правительствомъ трудное дѣло объ уничтоженіи крѣпостной зависимости будетъ рѣшено въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ уже открыты для сего комитеты, дабы имѣть болѣе данныхъ и возможности рѣшить, безъ потрясенія и съ бо̀льшимъ основаніемъ и удовлетворительностью какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, государственный вопросъ такой важности. По мнѣнію ген.-ад. Закревскаго, всѣ вышеизложенныя сужденія и толки о видахъ и намѣреніяхъ правительства составляютъ послѣдствіе свободы мыслей, возбужденной въ послѣднее время какъ нашими періодическими изданіями и книгами, такъ равно и заграничными сочиненіями, которыя проникаютъ въ Россію и съ любопытствомъ читаются многими. „Предупредить эти толки нѣтъ возможности, но я,—говорилъ Закревскій,—стараюсь, сколько отъ меня зависитъ, вразумлять вредныхъ болтуновъ и принялъ мѣры къ обузданію безпорядковъ, еслибы таковые гдѣ возникли“ [1]).

По тѣмъ ли побужденіямъ, о которыхъ упоминалъ гр. Закревскій въ своей запискѣ, или по другимъ, собраніе московскихъ предводителей и депутатовъ дворянства 7-го января 1858 г. постановило просить разрѣшенія на открытіе комитета для „составленія проектовъ правилъ, которыя имъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстности Московской губерніи, а также о дозволеніи *обсудить самыя основанія*, кои должны служить къ составленію проекта улучшенія быта крестьянъ“. На этомъ ходатайствѣ государь написалъ: „основанія, мною утвержденныя, не подлежатъ сужденію“. Соотвѣтственно этой резолюціи Секретный Комитетъ изготовилъ проектъ рескрипта московскому ген.-губернатору, въ которомъ выражено, что проектъ положенія объ устройствѣ быта крестьянъ для Московской губерніи долженъ быть „составленъ на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои

[1]) Послѣднее заявленіе Закревскаго сдѣлано въ отвѣтъ на выраженную государемъ увѣренность, переданную Закревскому шефомъ жандармовъ, что Закревскій „приметъ мѣры, дабы предупредить всякаго рода вредные толки, которые могли бы произойти отъ ложнаго пониманія видовъ правительства, и употребитъ средства къ успокоенію тѣхъ сословій, которыя предадутся напраснымъ тревогамъ“.

указаны уже дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ".

Послѣ обнародованія рескриптовъ и дополнительныхъ къ нимъ отношеній министра внутр. дѣлъ допущеніе хотя нѣкоторой гласности въ крестьянскомъ вопросѣ, казалось бы, не могло встрѣчать препятствій со стороны Секретнаго Комитета. Министръ внутр. дѣлъ внесъ въ Комитетъ, въ январѣ 1858 г., записку о дозволеніи печатать въ журналѣ министерства статьи, относящіяся до мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ по освобожденію крестьянъ, „для отвращенія толковъ и неосновательныхъ опасеній, происходившихъ наиболѣе отъ того, что предметъ слишкомъ новъ". Съ этою цѣлью, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, было бы полезно помѣщать въ названномъ журналѣ не отъ имени правительства, но подъ его непосредственнымъ руководствомъ, статьи, могущія постепенно знакомить публику съ будущимъ новымъ порядкомъ вещей и отвѣчать на тѣ жалобы помѣщиковъ и на тѣ вопросы, которые будутъ заслуживать особеннаго вниманія. На статьи эти, всегда писанныя отъ имени частныхъ лицъ, можно допустить возраженія, а на возраженія — критику и антикритику, но все въ размѣрѣ и направленіи, соотвѣтственныхъ видамъ правительства. Съ такою цѣлью составлена и съ разрѣшенія государя представлена была Комитету статья, написанная А. И. Левшинымъ въ видѣ образца: „*О новыхъ постановленіяхъ правительства для постепеннаго освобожденія крестьянъ. Мысли безпристрастнаго помѣщика*".

Комитетъ, признавая статью заслуживающею похвалы за ея благонамѣренность, духъ и направленіе, тѣмъ не менѣе нашелъ неудобнымъ напечатаніе ея, особенно въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ. Но Комитетъ нашелъ полезнымъ „для уразумѣнія и поясненія дѣйствительныхъ намѣреній правительства въ предпринятомъ имъ преобразованіи", чтобы министръ внутр. дѣлъ въ особомъ циркулярѣ къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства разъяснилъ цѣль и основанія предначертаній правительства.

Перейдя засимъ къ вопросу о порядкѣ печатанія вообще въ періодическихъ изданіяхъ статей, касающихся крѣпостного состоянія и отношеній его къ помѣщикамъ, Комитетъ высказалъ, что въ цензурномъ уставѣ не заключается правилъ, прямо относящихся къ крѣпостному состоянію, но въ силу собственноручныхъ резолюцій государя, послѣдовавшихъ въ мартѣ и ноябрѣ 1857 г., не должны быть допускаемы къ печатанію сужденія о крѣпостныхъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе критика распоряженій

правительства по крестьянскому дѣлу. На этомъ основаніи Комитетъ находилъ рѣшительно неудобнымъ дозволить печатать сужденія и въ особенности критику правительственныхъ распоряженій правительства по предпринятому имъ многотрудному государственному дѣлу, и тѣмъ болѣе сужденія о главныхъ, неизмѣнныхъ началахъ, указанныхъ государемъ для работъ по дѣлу освобожденія крестьянъ. Равнымъ образомъ Комитетъ находилъ неудобнымъ печатать такія, преимущественно литературныя статьи, которыя по содержанію своему могутъ вооружить одинъ классъ народа противъ другого. Что же касается, затѣмъ, статей чисто ученыхъ, теоретическаго или историческаго содержанія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные, касающіеся какъ настоящаго, такъ и будущаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, то подобныя статьи могутъ быть разрѣшены къ печатанію во всѣхъ періодическихъ журналахъ и газетахъ, съ соблюденіемъ постановленныхъ цензурнымъ уставомъ общихъ правилъ и съ обращеніемъ должнаго вниманія на духъ и благонамѣренность сочиненія.

Вслѣдствіе сихъ разсужденій Комитетъ положилъ:

1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составить и представить Комитету проектъ циркулярнаго отношенія его къ начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства, гдѣ были бы ясно высказаны цѣль и желаніе правительства по предпринятому имъ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ и по возможности разъяснены возникшія недоумѣнія, составляющія предметъ разныхъ ошибочныхъ толковъ и сужденій. Циркуляръ сей, по одобреніи Комитетомъ, можно напечатать въ „Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ“ и въ другихъ газетахъ и журналахъ.

2) Для руководства внутренней цензуры при разсмотрѣніи и пропускѣ статей, относящихся до освобожденія крестьянъ, предоставить министру народнаго просвѣщенія предписать слѣдующія правила: а) статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія по дѣлу освобожденія крестьянъ, къ печатанію не допускать; б) не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ, въ формѣ разсказа или какой-либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, и в) затѣмъ всѣ сочиненія и статьи чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, въ которыхъ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о настоящемъ и будущемъ устройствѣ крестьянъ, дозволить печатать какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только,

чтобы при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, рескриптами предписанныхъ въ руководство учреждаемымъ по губерніямъ комитетамъ объ устройствѣ быта крестьянъ. При пропускѣ всѣхъ подобныхъ статей и сочиненій должны быть въ точности соблюдаемы общія правила, предписанныя цензурнымъ уставомъ, и обращено особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Утверждая этотъ журналъ Секретнаго Комитета къ исполненію, государь написалъ: „но въ правилахъ для руководства цензоровъ, для большей ясности, слѣдуетъ дополнить: статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ".

По опубликованіи рескриптовъ крестьянскій вопросъ изъ скрытаго сталъ гласнымъ. Для побужденія дворянъ другихъ губерній къ скорѣйшему представленію ходатайствъ объ открытіи комитетовъ по устройству быта крестьянъ сдѣлано было, по высочайшему повелѣнію, распоряженіе о перепечаткѣ во всѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ рескриптовъ и отношеній министра внутр. дѣлъ по дѣлу реформы, а также и постановленій о томъ дворянства. Секретный Комитетъ принялъ участіе въ редактированіи рескриптовъ, такъ какъ эти акты, по его взгляду, „должны служить нѣкотораго рода памятникомъ участія дворянства въ предпринятомъ важномъ государственномъ дѣлѣ". Силою обстоятельствъ онъ вынужденъ былъ отклониться отъ принятаго имъ первоначальнаго плана работъ по смягченію крѣпостного состоянія, такъ какъ при новомъ направленіи крестьянскаго вопроса, принятомъ съ изданіемъ 20-го ноября 1857 г. рескрипта ген. Назимову, оказалось, что многіе изъ 14 вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію по первоначальному плану, должны были войти въ составъ работы, поручавшейся губернскимъ комитетамъ по устройству и улучшенію быта крестьянъ.

Достигнутая въ крестьянскомъ вопросѣ гласность дѣлала излишней ту „строгую тайну", которою окружена была дѣятельность Секретнаго Комитета. Резолюціею государя отъ 16-го февраля 1858 г. повелѣно: „Секретный Комитетъ называть впредь Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу", о чемъ и объявлено во всеобщее свѣдѣніе 18-го февраля того же года.

Съ переименованіемъ Комитета изъ Секретнаго въ Главный не измѣнилось его отношеніе къ дѣлу освобожденія крестьянъ, которое въ его глазахъ остается только „улучшеніемъ быта крѣпостныхъ крестьянъ". Неустойчивость и непослѣдовательность Комитета коренилась въ „положительномъ убѣжденіи" его членовъ, что „невозможно приступить къ общему освобожденію крѣ-

постныхъ крестьянъ, что они вовсе не приготовлены къ полученію внезапно и вдругъ свободы и что общее объявленіе ихъ свободными разстроитъ вѣковыя отношенія ихъ къ помѣщикамъ и можетъ поколебать спокойствіе и порядокъ въ государствѣ".

Алексѣй Попельницкій.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ
УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ВЪ РОССІИ *)

I.

Среди тѣхъ требованій, которыя жизнь и наука имѣютъ право предъявлять уголовному законодательству, однимъ изъ основныхъ и наиболѣе существенныхъ является требованіе, чтобы уголовные законы отличались простотой, ясностью и послѣдовательностью, а также—чтобы всѣ граждане даннаго государства были равны передъ закономъ и подчинялись однѣмъ и тѣмъ же уголовно-правовымъ нормамъ. Первая часть указаннаго требованія была вполнѣ отчетливо формулирована уже Франциском Бэкономъ, въ 1605-мъ году. Указавъ на устарѣлость многихъ уголовныхъ законовъ своего времени, онъ настаивалъ на отмѣнѣ этихъ законовъ; онъ желалъ, чтобы, по мѣрѣ движенія жизни и роста культуры, смягчались наказанія и проявлялась бо́льшая заботливость объ укрѣпленіи въ гражданахъ идеи законности, ибо для самой власти лучше, чтобы законы исполнялись по внутреннему убѣжденію, а не изъ страха передъ грубой силой. Развивая эти мысли подробнѣе, Бэконъ съ особой силой нападалъ на пробѣлы, неопредѣленность, темноту, разрозненность и возникающую, благодаря обильнымъ комментарскимъ наслоеніямъ, за-

*) Въ основу этой статьи положенъ докладъ, прочтенный въ апрѣлѣ истекшаго года на очередномъ съѣздѣ русской группы международнаго союза криминалистовъ.

путанность уголовныхъ законовъ. Эти недостатки онъ считалъ тѣмъ болѣе чувствительными, чѣмъ болѣе по существу своему данное законодательство является отсталымъ. Въ концѣ концовъ Бэконъ стремился къ періодическому пересмотру уголовныхъ законовъ и къ кодификаціи, дѣлающей ихъ точными и опредѣленными, уничтожающей то зло, которымъ является судейскій произволъ, проводящей ясную границу между дозволеннымъ и недозволеннымъ и устанавливающей стройную систематизацію, единство и согласованность упомянутыхъ законовъ.

Такимъ образомъ, уже три вѣка тому назадъ была сознана необходимость простоты, ясности и точности уголовнаго законодательства.

Значительно позже было выставлено второе, указанное нами, требованіе. Лишь спустя полтора вѣка послѣ Бэкона, Беккарія, пламенно и съ богатствомъ аргументаціи, выставилъ то положеніе, что уголовный законъ одинаково долженъ распространять свою силу на всѣхъ гражданъ и что ни сословныя, ни иныя изъятія здѣсь недопустимы.

Таковы старыя, основныя и притомъ элементарныя требованія, предъявляемыя уголовному законодателю. Съ тѣхъ поръ, какъ они впервые были выдвинуты, прошло много лѣтъ. Пронеслась революціонная буря среди народовъ; пало то, что французская мысль удачно сконцентрировала въ выраженіи „ancien régime“; измѣнился строй государственной жизни, реформировано кореннымъ образомъ уголовное законодательство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ требованія, о которыхъ мы говорили, стали играть при реформѣ серьезную роль. Чѣмъ новѣе и лучше въ Европѣ тотъ или иной уголовный кодексъ или проектъ кодекса, тѣмъ большій откликъ даетъ онъ на упомянутыя элементарныя требованія. Не такъ, къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ и раньше уголовное законодательство отличалось весьма серьезными недостатками, а теперь мы переживаемъ моментъ чрезвычайной законодательной путаницы.

Начнемъ съ того, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого обилія отдѣльныхъ и несогласованныхъ между собою продуктовъ законодательнаго творчества, затрагивающаго сферу уголовнаго права.

Такъ, прежде всего, особыя уголовно-правовыя нормы примѣняетъ волостной судъ, руководствуясь частью закономъ, частью обычаемъ. Если въ его практикѣ мы находимъ такія свѣтлыя черты, какъ то, что онъ за небольшія кражи, въ отступленіе отъ общаго порядка, не назначаетъ заключенія въ тюрьму, не входящую вообще въ его карательный арсеналъ, если онъ отра-

жаетъ нѣкоторыя удачныя правовоззрѣнія народа, то, съ другой стороны, онъ широкой рукой вноситъ въ правовую жизнь хаосъ и произволъ: здѣсь допускается для крестьянъ, и только для нихъ, уголовная наказуемость пьянства, мотовского отношенія къ собственному имуществу, непочтенія къ старшимъ и другихъ подобныхъ деликтовъ, признаніе которыхъ явно нарушаетъ правило объ одинаковомъ подчиненіи одинаковымъ нормамъ всѣхъ гражданъ даннаго государства.

Далѣе, огромную сферу дѣлъ захватываетъ и по своимъ особымъ нормамъ рѣшаетъ у насъ духовный судъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, въ полемикѣ между „Церковно-общественнымъ Вѣстникомъ“ въ Петербургѣ и „Современными Извѣстіями“ въ Москвѣ, первый изъ названныхъ органовъ утверждалъ, что нынѣшній закрытый консисторско-архіерейскій судъ не только во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ, но и не согласенъ съ древнею церковною практикой. Такъ это или не такъ—на этомъ вопросѣ мы можемъ сейчасъ не останавливаться, но чрезвычайно интереснымъ являлось бы установленіе того, какіе взгляды на разныя преступленія проводятся въ порядкѣ даннаго суда, какія имъ налагаются кары и насколько велики здѣсь уклоненія отъ общихъ уголовныхъ нормъ. Къ сожалѣнію, духовный судъ творится тайно, и потому правильныхъ и постоянныхъ источниковъ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ не имѣется; лишь случай иногда пріоткрываетъ край завѣсы и даетъ хотя и важныя, но отрывочныя свѣдѣнія. Напримѣръ, цѣнныя данныя печатались въ „Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1877-78 гг. и были систематизированы покойнымъ писателемъ, знатокомъ духовнаго быта Н. Лѣсковымъ; кое-что раскрыто энергичными изслѣдованіями А. С. Пругавина, кое-что проскальзываетъ время отъ времени въ повременной печати, и т. п.

И вотъ, разсматривая этотъ матеріалъ, мы видимъ, что уголовно-правовыя нормы, примѣняемыя духовнымъ судомъ, отличаются какой-то совершенно исключительной эластичностью, а самая практика полна своеобразія. Съ одной стороны мы находимъ здѣсь такіе невѣдомые общему праву деликты, какъ „проматываніе собственныхъ вещей“ и „неблагочиніе“, составъ котораго остается совершенно неуясненнымъ, а съ другой — встрѣчаемся съ такими фактами, какъ наложеніе каръ „по подозрѣнію“ и одинаковыхъ каръ за весьма неодинаковыя вины. Обычно монастырь играетъ здѣсь роль и арестнаго дома, и тюрьмы, и исправительнаго отдѣленія; туда одинаково попадаютъ и за нетрезвость, и за нетрезвость, соединенную съ „неисправностью

и неблагочиніемъ", и за деликты неизмѣримо болѣе серьезные. Особенно характерно, что если до недавняго времени самыя тяжкія кары, въ видѣ долгаго и строжайшаго одиночнаго заключенія въ монастырской кельѣ, несли обычно распространители сектъ, политическіе преступники изъ среды духовенства и упорствующіе въ отпаденіи отъ православія, то наряду съ этимъ цѣлый рядъ тяжкихъ деликтовъ, совершаемыхъ представителями клира, можетъ влечь за собою послѣдствія, совершенно несоотвѣтствующія общимъ уголовно-правовымъ нормамъ. За растрату иногда назначается кратковременное заключеніе въ монастырѣ, а виновному въ этомъ преступленіи благочинному однажды было назначено лишь удаленіе отъ благочинія, съ оставленіемъ на приходѣ и въ санѣ протоіерея. Кратковременное же заключеніе въ монастырь, даже безъ потери занимаемой должности, назначается за нетрезвость, соединенную съ „учиненіемъ безчинства въ церкви во время богослуженія" и даже съ неприличнымъ поведеніемъ въ храмѣ, „сопровождавшимся прекращеніемъ богослуженія". Далѣе, устраненіе отъ должности или пониженіе въ должности слѣдуетъ за такими деликтами, какъ „тяжкое оскорбленіе въ храмѣ священника въ облаченіи", или „жестокое обращеніе съ женой и разбитіе иконъ". Кратковременное заключеніе въ монастырь примѣняется и къ такимъ деликтамъ, какъ подлогъ въ исповѣдныхъ росписяхъ, потеря священнаго сосуда, неправильное совершеніе таинства, допущеніе въ служеніи неприличій и т. п. Словомъ, получается привилегированное положеніе для клира при совершеніи преступленій, за которыя міряне понесли бы тяжкую отвѣтственность по общимъ уголовнымъ законамъ.

Обстоитъ ли лучше дѣло въ этой области теперь — за неимѣніемъ новѣйшихъ данныхъ сказать нельзя; но все же извѣстно, что съ одной стороны не вымираютъ случаи слабой отвѣтственности и даже безнаказанности серьезныхъ преступленій, а съ другой появляются на духовной нивѣ новые, неизвѣстные общему уголовному закону деликты, въ число которыхъ, напримѣръ, входитъ нежеланіе принадлежать къ „союзу русскаго народа" или содѣйствовать ему.

Затѣмъ, въ силу особыхъ узаконеній, разсчитанныхъ на опасные и чрезвычайные моменты въ жизни государства (но на практикѣ примѣняемыхъ столь щедро и обильно, что многія мѣстности въ имперіи уже болѣе четверти вѣка поставлены внѣ условій нормальнаго управленія), не только къ военнымъ, но и къ штатскимъ допускается въ цѣломъ рядѣ случаевъ примѣненіе

нормъ военно-матеріальнаго права, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитая 279-ая статья, грозящая смертной казнью. Въ результатѣ, въ то время какъ криминалисты отмѣчаютъ, иногда не безъ несовсѣмъ понятной гордости, что въ Россіи смертная казнь налагается лишь за тягчайшія политическія преступленія, въ дѣйствительности за послѣдніе годы мы имѣемъ огромныя цифры казненныхъ, не говоря уже объ еще большихъ цифрахъ приговоренныхъ—а между тѣмъ почти ни въ одномъ случаѣ нельзя было бы назначить такую кару, если бы примѣнялись общія нормы, а не нормы, разсчитанныя на театръ военныхъ дѣйствій.

Вообще, сфера нормъ, относящихся къ преступленію и наказанію, значительно расширяется, благодаря наличности у насъ весьма своеобразнаго „устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“. Этотъ уставъ даетъ сбивчивое и расплывчатое опредѣленіе понятія „преступленіе“, не соотвѣтствующее опредѣленію уголовныхъ законовъ и проникнутое духомъ полицейскаго государства. Въ число преступленій попадаютъ, такимъ образомъ, не только „всякія сходбища и собранія“, разъ на нихъ не было получено спеціальнаго разрѣшенія, но и пьянство, „воспрещаемое всѣмъ и каждому“, „разсѣиваніе лжи“ и т. п. дѣянія. Сверхъ того, уставъ заключаетъ въ себѣ извѣстное „Положеніе объ охранахъ“, въ силу котораго разрослось и укрѣпилось примѣненіе безчисленныхъ наказаній, налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ. Не останавливаясь на этомъ подробно, все же необходимо отмѣтить, что такимъ путемъ создалась цѣлая, если можно такъ выразиться, система обычно-карательно-административной практики, въ которой и установленный уголовными законами составъ преступленій, и указанная въ этихъ законахъ таблица каръ подвергаются удивительнымъ измѣненіямъ и превращеніямъ.

Но не только указанная наличность обычныхъ, духовныхъ, военныхъ и административныхъ нормъ ведетъ къ устраненію общихъ уголовныхъ законовъ. Если мы вспомнимъ многочисленную категорію преступленій, совершаемыхъ должностными лицами, и существующее у насъ правило, въ силу котораго эти лица за преступленія по должности не могутъ быть преданы суду безъ разрѣшенія начальства, то яснымъ станетъ, что именно воля и рѣшеніе начальства, т.-е. власти административной, опредѣляютъ судьбу виновнаго и de facto проводятъ границу между преступнымъ и непреступнымъ, наказуемымъ и ненаказуемымъ. При томъ широкомъ толкованіи, какое дается на практикѣ понятію „преступленіе по должности“, границы устраненія общаго

уголовнаго закона могутъ растягиваться до чрезвычайности. Извѣстны случаи, когда насильственное отрѣзаніе косы у воспитанницы учебнаго заведенія признавалось „осуществленіемъ дисциплинарной власти“, а также случаи, когда виновники пьяныхъ безобразій и насилія въ общественномъ мѣстѣ получали отъ своего начальства удостовѣренія въ томъ, что они находились при исполненіи „служебныхъ обязанностей“ или „спеціальнаго по службѣ порученія“, и, слѣдовательно, безъ воли этого начальства не могли быть подвергнуты законной отвѣтственности.

II.

Отрѣшимся теперь отъ картины изъятій и спеціальныхъ нормъ и перейдемъ къ нормамъ общимъ. Здѣсь передъ нами также предстаетъ порядокъ, весьма далекій отъ требованія, чтобы уголовные законы соотвѣтствовали духу времени и отличались опредѣленностью и послѣдовательностью.

Мы имѣемъ входящій какъ часть въ судебные уставы императора Александра II уставъ о наказаніяхъ, который, въ общемъ, отличается ясностью и простотой и на содержаніи своемъ носитъ во многихъ отношеніяхъ отпечатокъ времени его составленія, т.-е. такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“. Но, во-первыхъ, этотъ уставъ имѣетъ уже почти полувѣковой возрастъ, а во-вторыхъ, онъ дѣйствуетъ лишь въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ уцѣлѣлъ мировой институтъ, на громадномъ же пространствѣ остальной Россіи дѣйствуютъ судебно-административныя учрежденія, примѣняющія уголовные законы, списанные съ устава, но не безъ передѣлокъ и ухудшеній.

Наряду съ указанными продуктами уголовно-законодательнаго творчества примѣняется и играетъ главную роль наше уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Являясь передѣлкой первой части XV т. св. зак. и продуктомъ до-реформенной крѣпостной Россіи, оно не внесло никакихъ глубокихъ и принципіальныхъ измѣненій въ содержаніе статей свода и даже не стремилось къ такимъ измѣненіямъ; недаромъ же самъ предсѣдатель составлявшей это уложеніе коммиссіи, графъ Блудовъ, не считалъ свое дѣтище новымъ кодексомъ, а скромно именовалъ его „усовершенствованнымъ сводомъ“. Хотя при изданіи судебныхъ уставовъ уложеніе подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, имѣвшимъ цѣлью согласовать его съ мировымъ уставомъ, но это согласованіе далеко не пошло, измѣненія имѣли ча-

стичный характеръ и во многомъ оставили неприкосновеннымъ до-реформенный духъ уложенія. Мало помогли дѣлу и дальнѣйшія поправки при переизданіи уложенія; въ него вводился рядъ новеллъ, но всѣ его основы оставались неприкосновенными. По существу своему оно, какъ и прежде, отличается полной ненаучностью, запутанностью и глубокой архаичностью, вслѣдствіе чего находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ новыми потребностями жизни и развившимся правосознаніемъ.

Характерно, при этомъ, что глубоко пессимистическая оцѣнка уложенія сдѣлана не только представителями науки, которыхъ у насъ часто склонны обвинять въ излишнемъ „теоретизмѣ“ и „оторванности отъ жизни“. Оцѣнка глубоко-оффиціальныхъ и высшихъ сферъ оказывается не болѣе благопріятной, и признаніе этими сферами полной непригодности уложенія имѣетъ за собой свыше чѣмъ четверть-вѣковую давность. Мы встрѣчаемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи кн. Урусова и министра юстиціи Набокова отъ 22-го апрѣля 1881-го года категорическое заявленіе авторовъ доклада, гласящее, что уложеніе „не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ судебныхъ уставовъ, но и *является препятствіемъ... правильному отправленію правосудія*, въ особенности на судѣ съ присяжными“.

Какъ видимъ, до недавняго прошлаго дѣло нашего законодательства обстояло неблагополучно.

Не улучшилось оно, а еще болѣе запуталось и въ новѣйшее время, не смотря на появленіе въ свѣтъ новаго уголовнаго уложенія, судьба котораго оказалась весьма характерной.

Прежде всего напомнимъ, что работа надъ уложеніемъ продолжалась свыше двадцати лѣтъ. Первоначальный текстъ проекта, выработаннаго коммиссіей, въ составъ которой, наряду съ заслуженными практиками, вошли извѣстнѣйшіе представители науки уголовнаго права, подвергся ряду измѣненій и передѣлокъ. Во-первыхъ, сама коммиссія внесла нѣкоторыя исправленія, принявъ во вниманіе возраженія, присланныя по вызову коммиссіи многими учеными и судебными дѣятелями, которые ознакомились съ предварительнымъ проектомъ общей части новаго уложенія; во-вторыхъ, коммиссіи, особенно въ редакціи статей, относящихся къ религіознымъ и политическимъ преступленіямъ, пришлось отступить передъ протестомъ вліятельныхъ вѣдомствъ; въ-третьихъ, разгаръ политической реакціи, совпавшій съ разгаромъ работъ коммиссіи, печально отразился на ея трудахъ и въ томъ отношеніи, что многія принципіальныя положенія, принятыя въ общей

части, не получили послѣдовательнаго примѣненія въ особенной части.

При такихъ условіяхъ проектъ вылился къ 1895-му году въ законченную форму и былъ снабженъ подробной объяснительной запиской.

Затѣмъ начались мытарства проекта. Его послѣдовательно разсматривали и перерабатывали министерство юстиціи, особое совѣщаніе при государственномъ совѣтѣ, особое присутствіе государственнаго совѣта и, наконецъ, общее собраніе того же совѣта. Каждая изъ этихъ инстанцій прикладывала къ проекту свою руку, при чемъ господствовала тенденція охранять „историческіе устои", а потому приспособлять проектъ къ дѣйствующему уложенію о наказаніяхъ.

Высочайшее утвержденіе проектъ получилъ 22-го марта 1903-го года; онъ сталъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, призваннымъ замѣнить и старое уложеніе, и мировой уставъ. Но дальнѣйшая судьба новаго уложенія оказалась совершенно необычной: его вступленіе въ силу было отсрочено на неопредѣленное время, и лишь позднѣйшими сепаратными законами были введены въ дѣйствіе нѣкоторыя его части, главнымъ образомъ относящіяся къ государственнымъ и религіознымъ преступленіямъ.

Изъ приведенной краткой исторіи уложенія видно, что если мы найдемъ въ немъ много серьезныхъ недостатковъ, то не всѣ они должны лечь на отвѣтственность редакціонной коммиссіи: очень многое должно быть отнесено на долю другихъ инстанцій, а равно и такъ называемыхъ „независящихъ обстоятельствъ".

Оцѣнивая, послѣ этой оговорки, окончательный текстъ уложенія, нельзя не признать, что оно имѣетъ и большія положительныя, и большія отрицательныя стороны. Прежде всего, громадный шагъ по сравненію съ дѣйствующимъ правомъ оно дѣлаетъ въ техническомъ отношеніи, сокращая изъятія, а слѣдовательно и пестроту нашего уголовнаго законодательства, и способствуя нѣкоторому его объединенію. По существу оно приближается къ типу лучшихъ европейскихъ кодексовъ времени его первоначальной выработки, т.-е. восьмидесятыхъ годовъ; оно отличается научностью и выдержанностью опредѣленій, относительной ясностью и полнотой и болѣе краткимъ, чѣмъ въ старомъ уложеніи, изложеніемъ; оно уничтожаетъ многіе архаизмы нашего права, смягчаетъ его суровость, открываетъ возможность большей индивидуализаціи наказанія и вводитъ какъ болѣе стройную клас-

сификацію преступленій, такъ и болѣе соотвѣтствующую требованіямъ науки и жизни лѣстницу наказаній.

Но не менѣе важны и стороны отрицательныя. Рядъ статей, формулированныхъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, открылъ просторъ безбрежно расширительнымъ толкованіямъ, возможность которыхъ даже и не снилась редакторамъ проекта. Сохраненіе въ лѣстницѣ каръ смертной казни зловѣщей тѣнью отразилось на всей этой лѣстницѣ; намѣреніе установить „custodia honesta“ для *всѣхъ* деликтовъ, не свидѣтельствующихъ о нравственной испорченности, оказалось неосуществленнымъ во многихъ случаяхъ, гдѣ наказаніемъ является каторга, исправительный домъ или тюрьма. Вообще уложеніе вырабатывалось такъ долго, что жизнь успѣла далеко опередить его. Оно не удовлетворяетъ многимъ вполнѣ назрѣвшимъ культурнымъ потребностямъ; оно не знаетъ многихъ изъ лучшихъ институтовъ, выдвинутыхъ новѣйшей научной мыслью. Условное осужденіе, организація такъ называемыхъ реформаторій, земледѣльческія штрафныя колоніи для взрослыхъ, которыя могли бы играть столь громадную роль въ нашей странѣ, имѣющей преобладающее количество земледѣльческаго населенія, защита болѣе слабыхъ экономически, серьезный учетъ мотивовъ преступной дѣятельности и многое другое—все это отсутствуетъ въ нашемъ новомъ уложеніи. Оно носитъ отпечатокъ нашего стараго государственнаго строя, переживавшаго, какъ мы уже указали, кульминаціонный пунктъ своихъ реакціонныхъ проявленій какъ разъ въ періодъ составленія новаго уложенія. Отсюда—отсутствіе всѣхъ тѣхъ необходимыхъ измѣненій уголовнаго закона, которыя соотвѣтствуютъ основнымъ началамъ европейскаго уклада, сохраненіе нормъ, проникнутыхъ духомъ полицейскаго государства и находящихся въ прямомъ противорѣчіи съ провозглашеннымъ у насъ 17-го октября обновленнымъ строемъ, отголоски сословнаго и классоваго неравенства и т. п.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того, что продолжительное невведеніе въ жизнь новаго уложенія привело къ тому, что оно старится, не переживъ даже поры розовой юности.

III.

Итакъ, новое уголовное уложеніе вошло въ жизнь лишь частично и со всѣми своими достоинствами и недостатками стоитъ теперь бокъ о бокъ съ другими, совершенно устарѣвшими продуктами уголовно-законодательнаго творчества, не отмѣнивъ ихъ

и только увеличивъ, поэтому, пестроту и хаосъ нашего права. Это же обстоятельство оказывается чреватымъ самыми печальными послѣдствіями.

Во-первыхъ, оказывается въ очень тяжеломъ положеніи каждый судебный дѣятель, достойный этого имени; если онъ работаетъ не за страхъ, а за совѣсть, если онъ чтитъ законъ, которому служитъ, то онъ не можетъ спокойно и съ сознаніемъ исполненнаго долга участвовать сегодня въ примѣненіи одного закона, завтра—другого, послѣ-завтра—обоихъ вмѣстѣ. А между тѣмъ, мы видимъ, что при современныхъ порядкахъ правосудія судья находится именно въ такомъ положеніи: если онъ судитъ совершителя политическаго или религіознаго преступленія, онъ примѣняетъ нормы новаго уложенія, вращается въ сферѣ сравнительно болѣе высокихъ принциповъ и имѣетъ возможность сравнительно широкой индивидуализаціи наказанія; но если на слѣдующій или даже въ тотъ самый день судится кто-нибудь за общее преступленіе, то вся картина мѣняется, права судьи сокращаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходится, постановляя приговоръ, опираться на тотъ законъ, рядомъ съ которымъ существуетъ новый, болѣе совершенный, но еще въ данной области недѣйствующій, т.-е. приходится примѣнять такія нормы, которыя признаны устарѣлыми и негодными и, какъ мы видѣли, даже оффиціальными сферами охарактеризованы какъ „препятствіе правильному отправленію правосудія“. И этому „препятствію“ должны служить судьи, въ этой работѣ должны участвовать представители прокуратуры и адвокатуры, т.-е. всѣ тѣ, кто по духу и смыслу закона должны бы, наоборотъ, бороться со всякими препятствіями на пути къ правильному отправленію правосудія.

Еще хуже возможная картина совокупности общаго преступленія съ политическимъ или религіознымъ: здѣсь придется примирять конфликтъ общихъ частей двухъ несходныхъ кодексовъ и устраивать смѣсь изъ подведенія одного дѣянія подъ особенную часть новаго кодекса, а другого—подъ пропитанныя совершенно инымъ духомъ опредѣленія кодекса стараго.

Пусть право неизмѣримо далеко отстоитъ отъ справедливости; пусть законъ, согласно ученію Еллинека, является этическимъ минимумомъ, пусть даже иногда этотъ минимумъ нельзя не признать необычайно низкимъ. Все же въ каждомъ кодексѣ онъ существуетъ и, отражаясь на его опредѣленіяхъ, создаетъ представленіе о *юридической правдѣ* данной эпохи, той правдѣ, которой, при всемъ ея дѣйствительномъ несовершенствѣ, служитъ

и долженъ служить каждый судья, всегда обязанный являться хранителемъ и примѣнителемъ закона. Въ немъ судья, вѣрный долгу, находитъ точку опоры; оставаясь въ его рамкахъ, онъ примиряетъ формальныя требованія съ требованіями жизни; выраженной въ законѣ юридической правдѣ онъ служитъ, какъ своему богу; онъ можетъ знать и цѣнить ее, какъ нѣчто суровое, но цѣльное, единое, послѣдовательное. И вотъ, при двойственности кодексовъ все это рушится: передъ судьей два бога, *двѣ правды* и—горькая необходимость служить то одной, то другой, то обѣимъ вмѣстѣ. Идейное представленіе о правѣ и законѣ, такимъ образомъ, запутывается и отодвигается; служеніе правосудію превращается въ обычную службу, съ примѣненіемъ тѣхъ нормъ, старыхъ или новыхъ, которыя указаны соотвѣтствующимъ росписаніемъ.

Весьма неблагопріятно такое положеніе дѣлъ и для представителей науки уголовнаго права. Ея преподаваніе чрезвычайно осложняется необходимостью параллельнаго изученія двухъ несходныхъ кодексовъ, которые оба частично имѣютъ силу и являются *дѣйствующимъ* правомъ, а въ результатѣ получается у учащихся неясность и путаница правовыхъ понятій. Затѣмъ, двойственность кодексовъ затрудняетъ и догматическую, и политическую работу. Для успѣшной догматической работы необходима наличность *опредѣленнаго* единаго дѣйствующаго права—а такъ какъ у насъ этой опредѣленности нѣтъ, то и получилась пріостановка догматической работы: разработкой дѣйствующаго права мало занимаются потому, что оно безповоротно обречено на сломку и замѣну нормами уже утвержденнаго новаго уложенія; разработка же новаго уголовнаго уложенія задерживается тѣмъ, что въ огромной своей части оно еще не подлежитъ примѣненію, не является *дѣйствующимъ* правомъ и можетъ, если существующее положеніе дѣлъ затянется, настолько устарѣть, что раньше введенія его въ дѣйствіе его опредѣленія подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ уголовно-политической работой. Криминалистъ, занятый этой работой, стремясь выработать возможно полныя указанія для лучшей постановки дѣла уголовнаго правосудія въ странѣ, обязанъ останавливаться съ особымъ вниманіемъ на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя необходимо возможно скорѣе ввести въ существующее право, подвергаемое имъ критикѣ и часто являющееся отправнымъ пунктомъ въ его работѣ. Тамъ, гдѣ существуетъ единство уголовнаго кодекса—дѣло совершенно ясно: существующее право есть право дѣйствую-

щее; у насъ же и это ясное становится неяснымъ, ибо имѣется два права—старое дѣйствующее и новое почти недѣйствующее. Если мы будемъ исходить изъ нормъ стараго права, обреченнаго на сломку, то вся наша критическая работа окажется устарѣвшей и лишней, какъ только эта сломка воспослѣдуетъ; если мы будемъ отправляться отъ нормъ новаго права, то eo ipso мы удалимся отъ того связаннаго съ дѣйствующими законами юридическаго порядка, который не только существуетъ, но и можетъ просуществовать еще долго. Работать, считаясь и со старымъ, и съ новымъ закономъ, конечно можно, но такимъ путемъ неизбѣжно создается громадное усложненіе всякаго труда.

Наконецъ, весьма вредныя послѣдствія существующая правовая двойственность имѣетъ и для народнаго правосознанія. Если мы стремимся, чтобы наше государство возможно скорѣе превратилось въ государство правовое, если мы дѣйствительно считаемъ важной задачей проясненіе народнаго правосознанія и признаемъ необходимымъ то полезное воздѣйствіе, которое, путемъ примѣняемаго къ жизни закона, законодатель можетъ оказывать на дѣятельность гражданъ, то первымъ условіемъ для всего этого, поскольку дѣло касается уголовнаго права, являются единство, ясность и принципіальная согласованность опредѣленій уголовнаго кодекса, т.-е. какъ разъ именно то, чего у насъ въ настоящее время не имѣется.

Если же мы къ сказанному прибавимъ, что предѣлы примѣненія новаго уложенія установлены безъ достаточной послѣдовательности и принципіальности (напримѣръ, преступленія печати, а въ томъ числѣ и большая часть преступленій этого рода, имѣющихъ политическую окраску, регулируются новеллами, внесенными въ старое уложеніе и потому подпадающими подъ господство общей части послѣдняго), и что новѣйшая кассаціонная практика отнюдь не способствуетъ исправленію создавшагося положенія, ибо рѣдко останавливается на принципіальныхъ вопросахъ, связанныхъ съ передачей дѣла изъ отдѣленія въ департаментъ, не идетъ на встрѣчу выводамъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ происшедшаго обновленія нашего государственнаго строя, и нерѣдко проявляетъ тенденціозность, то нарисованная нами печальная картина станетъ еще болѣе печальною.

IV.

Гдѣ же выходъ изъ создавшагося ненормальнаго положенія? Такихъ выходовъ можетъ быть два. Во-первыхъ, можно, при-

знавъ новое уголовное уложеніе совершенно неудовлетворительнымъ, игнорировать его, приступить къ выработкѣ совершенно новаго кодекса и затѣмъ провести его въ законодательномъ порядкѣ; во-вторыхъ, можно немедленно ввести въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе и уже при наличности его, какъ дѣйствующаго кодекса, взявъ его отправнымъ пунктомъ, приступить къ работѣ de lege ferenda.

Мы всецѣло становимся на сторону второго рѣшенія.

Мы не закрываемъ глазъ на недостатки новаго уголовнаго уложенія, которые и нами были указаны; мы отнюдь не думаемъ, что рекомендуемымъ путемъ мы приблизимся къ правовому идеалу и достигнемъ чего-либо хоть нѣсколько похожаго на правовую идиллію. Напротивъ, наша кодификація такъ запоздала, новое уложеніе столь далеко отъ совершенства, а Россія 17-го октября 1905-го года пережила столь важную основную реформу, что немедленная и энергичная работа надъ коренным пересозданіемъ нашего уголовнаго права является безусловно необходимою.

Но, внимательно оцѣнивая нашу дѣйствительность, а особенно духъ и характеръ работы нашихъ законодательныхъ палатъ, мы не можемъ не признать, что сейчасъ не имѣется и для болѣе близкаго будущаго не возникаетъ серьезныхъ надеждъ на созданіе и проведеніе въ жизнь такого дѣйствительно обновленнаго кодекса, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ культурнымъ и духовнымъ потребностямъ свободной страны. Предстоитъ долгій и тернистый путь; протянется значительный переходный періодъ.

Что лучше для страны: оставаться при хаосѣ уголовныхъ законовъ и при широкомъ дѣйствіи архаическаго уложенія о наказаніяхъ въ теченіе всего этого періода, или получить уже готовое новое уложеніе—въ этомъ, намъ кажется, разумныхъ сомнѣній быть не можетъ. Какъ бы пессимистически ни оцѣнивали мы новое уложеніе, оно все же неизмѣримо лучше уложенія о наказаніяхъ, а потому введеніе его полностью не только уничтожитъ уже указанныя нами вредныя послѣдствія, проистекающія изъ двойственности кодексовъ, но и будетъ шагомъ впередъ по существу и дастъ твердый и опредѣленный отправный пунктъ для дальнѣйшей работы de lege ferenda.

Таково наше убѣжденіе. Но такъ какъ многіе его не раздѣляли и не раздѣляютъ, такъ какъ противъ нашего предложенія было сдѣлано немало возраженій (особенно въ горячихъ преніяхъ, имѣвшихъ мѣсто при обсужденіи даннаго вопроса на послѣднемъ московскомъ съѣздѣ русской группы международнаго союза кри-

миналистовъ), то мы считаемъ необходимымъ остановиться на разборѣ этихъ возраженій.

Начнемъ съ мотивировки, вышедшей въ свое время изъ оффиціальныхъ сферъ. Ими было объявлено, что главной причиной задержки введенія въ дѣйствіе новаго уложенія явилась неприспособленность нашихъ мѣстъ заключенія къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются новымъ уложеніемъ.

Это препятствіе мы не считаемъ столь существеннымъ, какъ кажется на первый взглядъ. Во-первыхъ, радикальное улучшеніе мѣстъ заключенія и ихъ полное приспособленіе къ требованіямъ новаго уложенія хотя и является необходимымъ, но, какъ показываетъ горькій опытъ нашего прошлаго, можетъ затянуться на долгое и совершенно неопредѣленное время изъ-за „финансовыхъ затрудненій", которыя являются хроническимъ зломъ нашей обѣднѣвшей страны въ силу цѣлаго ряда сложныхъ причинъ и влекутъ за собою неудовлетвореніе или плохое удовлетвореніе многихъ важныхъ и вполнѣ назрѣвшихъ культурныхъ потребностей. Если изъ-за этихъ затрудненій замедлится не только реформа тюремъ, но и замѣна стараго кодекса новымъ, то мы, ничего не выигрывая, вмѣсто одного зла получимъ два.

Во-вторыхъ, уже совершается примѣненіе новаго уголовнаго уложенія къ преступленіямъ политическимъ и религіознымъ, кара которыхъ является наиболѣе сложной, ибо объемлетъ собою *всю лѣстницу наказаній* и сопряжена съ частымъ примѣненіемъ такъ называемой custodia honesta, т.-е. тѣхъ родовъ наказанія, которые наиболѣе чужды старому уложенію, а потому и наименѣе организованы. Карательная система въ области остальныхъ преступленій, и нынѣ нормируемыхъ уложеніемъ о наказаніяхъ, является менѣе сложной, а потому процессъ приспособленія существующихъ карательныхъ учрежденій къ новымъ требованіямъ здѣсь можетъ совершиться гораздо легче, чѣмъ въ области, уже теперь нормируемой уголовнымъ уложеніемъ.

Далѣе, уже давно дѣлались указанія, что до реформы мѣстнаго суда введеніе новаго уложенія невозможно; нельзя же, говорили, ввѣрить новый и сложный аппаратъ земскимъ начальникамъ, которые часто не только не имѣютъ юридическаго образованія, но и вообще обладаютъ очень невысокимъ общимъ образовательнымъ цензомъ.

Намъ и это возраженіе представляется недостаточно обоснованнымъ. Всѣ вдумчивые изслѣдователи дѣятельности судебно-административныхъ учрежденій весьма пессимистически отзываются о творимомъ ими правосудіи, но этотъ печальный порядокъ за-

виситъ не отъ характера примѣняемыхъ данными учрежденіями нормъ, а отъ капитальныхъ дефектовъ ихъ организаціи; поэтому печальная картина останется печальной и безъ введенія новаго уложенія, и при такомъ введеніи. Но мы не должны забывать, что въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ уже идетъ къ концу разсмотрѣніе проекта новой организаціи мѣстнаго суда; здѣсь во многомъ обнаруживаются разногласія, но, по видимому, судебныя функціи земскихъ начальниковъ обречены на уничтоженіе, а слѣдовательно въ ближайшемъ будущемъ разбираемое возраженіе должно отпасть, даже еслибы оно было вѣрно по существу, съ чѣмъ мы не соглашаемся.

Затѣмъ, мы встрѣчаемся съ рядомъ возраженій, основанныхъ на рѣзкой критикѣ новаго уложенія, признаваемаго „мертворожденнымъ плодомъ“. Указываютъ, что оно совсѣмъ не отражаетъ или слабо отражаетъ ушедшее впередъ народное правосознаніе, что оно сохраняетъ смертную казнь, не даетъ обществу серьезнаго плюса сравнительно съ существующимъ положеніемъ, игнорируетъ, являясь созданіемъ бюрократіи, интересы народныхъ массъ, закрѣпляетъ цѣлый рядъ классовыхъ и сословныхъ неравенствъ передъ уголовнымъ закономъ и т. д. Всѣ эти возраженія мы признали бы въ той или иной мѣрѣ цѣнными и важными, еслибы вопросъ шелъ о томъ, можно ли считать новое уложеніе вполнѣ удачнымъ и можно ли съ его введеніемъ прекратить хотя бы на время критическую и творческую работу. Но вѣдь сейчасъ поставленъ другой вопросъ: онъ заключается въ томъ, должны ли мы для ближайшаго періода, который, какъ мы знаемъ, можетъ затянуться, стремиться къ введенію новаго уложенія полностью, или должны предпочесть сохраненіе существующаго порядка. Чтобы избрать второе рѣшеніе, очевидно, нужно доказать, что старое уложеніе *лучше* или по крайней мѣрѣ *не хуже* новаго. Но доказать это до сихъ поръ никому не удалось, за полной, какъ видно изъ сдѣланныхъ нами выше сопоставленій, безнадежностью такого предпріятія, а потому даже тяжкіе удары падаютъ мимо и не могутъ убѣдить насъ въ необходимости оставаться при теперешнемъ правовомъ хаосѣ. Каковы бы ни были отдѣльныя несовершенства опредѣленій новаго уголовнаго уложенія, сколько ни отразилось бы въ нихъ классовыхъ привилегій и пережитковъ стараго, можно все же категорически утверждать, что нѣтъ ни одной статьи этого рода въ новомъ уложеніи, которой не соотвѣтствовала бы такая же или еще худшая статья уложенія о наказаніяхъ, а потому отъ

введенія уголовнаго уложенія никоимъ образомъ не получается ухудшенія существующаго порядка.

Указываютъ, далѣе, на наличность въ новомъ уложеніи смертной казни. Но, не говоря уже о сокращеніи примѣненія этой кары сравнительно съ уложеніемъ о наказаніяхъ, не слѣдуетъ забывать, что та часть новаго уложенія, гдѣ содержатся статьи, угрожающія смертной казнью, *уже введена въ дѣйствіе*, во всемъ же остальномъ еще не примѣняемомъ уложеніи *смертной казни нѣтъ*, а потому за введеніе въ дѣйствіе этой остальной части могутъ съ чистой совѣстью голосовать убѣжденные и непримиримые противники смертной казни.

Указываютъ также, будто положеніе нашей многострадальной печати еще болѣе ухудшится отъ введенія въ дѣйствіе новаго уложенія; но мы и съ этимъ совершенно не согласны. Всѣ новеллы о печати, открывающія, въ силу неопредѣленной и слишкомъ общей формулировки, возможность злоупотребленій и излишней суровости каръ, уже введены въ текстъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ; поскольку въ нихъ есть хоть что-либо лучшее, чѣмъ нормы уложенія, это лучшее, являющееся закономъ, по времени болѣе новымъ, чѣмъ соотвѣтствующія нормы новаго уголовнаго уложенія, должно быть введено въ текстъ послѣдняго такъ же, какъ сейчасъ оно введено въ текстъ стараго уложенія; въ результатѣ—можетъ получиться плюсъ, но ужъ никакъ не минусъ.

Если же мы къ сказанному прибавимъ, что новое уложеніе расширяетъ права судьи въ дѣлѣ смягченія наказанія, что оно не знаетъ абсолютно опредѣленныхъ каръ и часто допускаетъ не только измѣненіе *мѣры* наказанія, но и пониженіе его *рода*, открывая такимъ образомъ и недопускаемую нынѣ возможность перехода отъ тюрьмы къ аресту; если мы укажемъ на институтъ реабилитаціи, имѣющійся въ новомъ уложеніи и чуждый уложенію о наказаніяхъ, которое стояло на почвѣ безсрочности пораженія правъ и такимъ образомъ, препятствуя реклассаціи личности, питало постоянный источникъ рецидива; если, наконецъ, мы отмѣтимъ, что формальныя ученія о совокупности и рецидивѣ въ новомъ уложеніи оттѣсняются попыткой придать значеніе болѣе жизненнымъ ученіямъ о значеніи преступной привычки и преступнаго ремесла, то уже этихъ бѣглыхъ указаній будетъ достаточно для уясненія того шага впередъ, который получится отъ введенія полностью новаго уложенія и, притомъ, получится не только для спеціалистовъ, но и для всего общества.

Теперь намъ остается разобрать два возраженія, но уже

иного порядка. Вводить новое уложеніе, признавая его несовершенства и необходимость немедленнаго приступа къ новой творческой работѣ, по мнѣнію однихъ—непослѣдовательно, по мнѣнію другихъ—вредно и опасно.

Что касается непослѣдовательности, то она—мнимая. Мы выше выяснили условія, заставляющія стремиться къ практически возможнымъ въ данное время реформамъ; наличность этихъ условій и необходимость хотя бы частичнаго облегченія существующаго карательнаго пресса отнюдь не отражаются на признаніи нами вполнѣ опредѣленныхъ правовыхъ идеаловъ и необходимости энергично работать для ихъ достиженія. Только при отказѣ отъ этихъ идеаловъ, только при готовности капитулировать передъ дѣйствительностью и сложить руки, можно было бы говорить о непослѣдовательности, да и то это была бы скорѣе безпринципность, чѣмъ непослѣдовательность.

Ничего подобнаго мы не усматриваемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится остановиться въ виду *невозможности* немедленнаго осуществленія извѣстныхъ правовыхъ идеаловъ; тогда важенъ каждый шагъ по пути къ ихъ достиженію, каждое частичное ихъ осуществленіе, ибо лучше хоть понемногу двигаться впередъ, чѣмъ стоять на мѣстѣ, хотя бы въ гордой и красивой позѣ и со взоромъ, устремленнымъ въ прекрасную даль.

Но, говорятъ другіе, все же нельзя вводить новаго уложенія, если признается необходимость немедленнаго приступа къ работѣ de lege ferenda. Новый кодексъ будетъ не отправнымъ пунктомъ для такой работы, а ея могилой: при такой комбинаціи обычно законодатель успокаивается и складываетъ руки; общество, получивъ частичныя уступки, перестаетъ добиваться необходимыхъ коренныхъ реформъ; юристы съ головой погружаются въ догматическую работу, а необходимая критическая и творческая работа замираетъ и пріостанавливается. Такъ было во Франціи и Германіи; такъ было вездѣ и всегда; такъ будетъ и у насъ, если ввести въ жизнь новое уложеніе.

Разберемъ по порядку эти указанія, убѣдительность которыхъ мы отрицаемъ.

Прежде всего, охотно допуская, что при введеніи новаго кодекса ослабѣетъ иниціатива правительства, мы не понимаемъ, почему должна или можетъ ослабѣть иниціатива общества. Разъ частичныя уступки и улучшенія не врачуютъ многихъ давнихъ язвъ, разъ продолжается, хотя и въ нѣсколько смягченномъ видѣ, несоотвѣтствіе между уголовнымъ закономъ и назрѣвшими потребностями жизни, разъ существуетъ народное представительство,

обладающее правомъ законодательной иниціативы, разъ все болѣе и болѣе будетъ расти организація общественнаго мнѣнія и оно настойчиво будетъ требовать коренныхъ реформъ,—все это даетъ полную возможность не отказываться отъ иниціативы, не переходить къ оппортунистическому квіэтизму, а немедленно по введеніи новаго кодекса начать энергичную работу для его полнаго пересозданія.

Что касается юристовъ, то мы также не имѣемъ основанія думать, что они всѣ и цѣликомъ уйдутъ въ догматическую работу. Понемногу въ даль прошлаго уходятъ тѣ времена, когда юристы были только догматиками, отличались слѣпой приверженностью къ дѣйствующему праву и нерѣдко не только не стремились къ улучшенію существующаго, но даже яростно боролись за его сохраненіе противъ всякихъ новаторскихъ попытокъ. Наука нашего времени требуетъ отъ ученаго юриста одинаково и догматической, и политической работы, и это требованіе уже начинаетъ завоевывать себѣ право гражданства. Поэтому введеніе новаго уложенія не помѣшаетъ уголовно-политической работѣ всѣхъ тѣхъ, кто правильно понимаетъ и сознаетъ свой научный долгъ, а у кого этого нѣтъ, кто удовлетворяется ролью жреца и хранителя дѣйствующаго права, тотъ и безъ введенія новаго уложенія не будетъ работать de lege ferenda: у него и теперь есть дѣйствующее право и догматическая надъ нимъ работа.

Что же касается примѣра Франціи и Германіи, то и онъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія; наличность разныхъ условій и разныхъ историческихъ моментовъ сводитъ къ нулю значеніе попытки сравненія. Во Франціи уголовный кодексъ явился громаднымъ шагомъ впередъ, былъ связанъ съ обаяніемъ побѣдъ и личности Наполеона; въ Германіи уголовный кодексъ являлся закрѣпленіемъ созданнаго побѣдоносной войной объединенія, соотвѣтствовалъ мощно развившейся національной идеѣ, да и по существу стоялъ на высотѣ современныхъ ему научныхъ требованій. А у насъ? Развѣ кто-нибудь говоритъ о новомъ уложеніи, какъ эссенціи доступной нашему времени мудрости и научности? Развѣ связано оно съ совершившейся огромной государственной реформой и изъ нея вылилось? Нѣтъ, его введеніе предлагается какъ наименьшее зло, съ полнымъ сознаніемъ его глубокихъ недочетовъ. Очевидно, на такой почвѣ не можетъ вырости удовлетворенность и связанное съ ней отсутствіе желанія идти впередъ.

Скажемъ больше. Въ исторіи новѣйшаго законодательнаго

творчества мы видимъ примѣры того, что даже удачные новые кодексы отнюдь не останавливаютъ работы de lege ferenda. Введеніе новаго уголовнаго кодекса въ Италіи нимало не остановило въ этой странѣ роста уголовно-политической мысли и реформаторскихъ предложеній; то же самое наблюдается и въ Норвегіи, гдѣ вошло въ жизнь уголовное уложеніе, стоящее на высотѣ современной научной мысли, и въ Швейцаріи, гдѣ еще не произошелъ референдумъ вполнѣ законченнаго, стройнаго и въ общемъ очень интереснаго проекта общешвейцарскаго уголовнаго кодекса.

У насъ, гдѣ новое уголовное уложеніе не стоитъ на высотѣ, несравненно меньше существуетъ основаній для опасеній, будто введеніе его въ дѣйствіе угаситъ творческую работу; по изложеннымъ нами основаніямъ мы даже думаемъ, что творческая работа не только не угаснетъ, но даже не потеряетъ ничего въ интенсивности.

V.

Подведемъ нѣкоторые итоги. Для немедленнаго выхода изъ существующаго правового хаоса необходимо сдѣлать то, что въ данный моментъ является единственно возможнымъ, т.-е. немедленно полностью ввести въ дѣйствіе новое уголовное уложеніе. Конечно, это введеніе въ дѣйствіе должно быть осуществлено путемъ проведенія черезъ законодательныя учрежденія особаго закона, который превратилъ бы въ дѣйствующее право нынѣ безмолвствующіе раздѣлы новаго уложенія, т.-е. громадное большинство особенной его части, при чемъ сюда же должны быть включены всѣ законодательныя новеллы, вышедшія въ свѣтъ послѣ изданія новаго уложенія, конечно—при условіи разсмотрѣнія по существу тѣхъ статей, гдѣ тексты новеллъ и текстъ уложенія не совпадаютъ.

Получивъ, такимъ путемъ, нѣкоторое улучшеніе нашего уголовнаго законодательства, мы должны помнить, что добытый результатъ очень малъ по сравненію съ громадностью тѣхъ назрѣвшихъ реформаторскихъ задачъ, которыя въ уголовно-правовой области стоятъ передъ нашимъ отечествомъ. Поэтому мы должны разсматривать вступившее въ силу новое уложеніе лишь какъ твердый и опредѣленный отправный пунктъ, котораго раньше не было при пестротѣ законодательства и двойственности кодексовъ. Отправляясь отъ этого пункта, необходимо немедленно взяться за работу надъ дальнѣйшимъ и полнымъ пересозда-

ніемъ нашего уголовнаго права. Если на лицо не окажется ни иниціативы правительства, ни иниціативы законодательныхъ учрежденій, то должна явиться иниціатива ученыхъ спеціалистовъ, въ сотрудничествѣ съ представителями судебной практики и всѣми тѣми, кому дорого дѣло правильной постановки русскаго уголовнаго правосудія.

Правда, трудно сказать, когда явятся благопріятныя условія для проведенія въ жизнь такой работы, если она будетъ выполнена. По прежнему густыя тучи обволакиваютъ нашъ горизонтъ и почти не видно просвѣтовъ. Но не нужно поддаваться унынію и уподобиться дѣвамъ, у которыхъ оказались въ рукахъ, въ важный моментъ, лишь пустые свѣтильники. Нужно работать для лучшаго будущаго, чтобы не встрѣтить его съ пустыми руками. Отъ новаго уложенія необходимо пойти впередъ и выработать проектъ такого кодекса, который и по существу съ полнымъ правомъ мы могли бы назвать *новымъ*. Чѣмъ скорѣе начнется эта работа, тѣмъ лучше и въ интересахъ науки, и въ интересахъ настоящаго, достойнаго правосудія.

М. Чубинскій.

ЮНОСТЬ

РОМАНЪ

. . . Одна была бѣлая, другая — черная. День и ночь. Радость и страданіе... Впрочемъ, гдѣ кончается радость и начинается страданіе? Ахъ, любовь на зарѣ жизни, твоя радость полна страданій и твои страданія полны радости! Грустная радость и сладкія страданія...

I.

Однажды, весеннимъ утромъ, я сидѣлъ въ укромномъ уголкѣ городского сада и готовился на аттестатъ зрѣлости. Весна была въ полномъ разгарѣ: цвѣла черемуха и распускалась сирень; листья на деревьяхъ еще не успѣли пропитаться пылью и казались только что выкрашенными и покрытыми лакомъ; по изумрудным лужайкамъ, надъ желтыми цвѣтами, трепыхались первыя бабочки, а въ чащѣ кустовъ воробьи озабоченно переговаривались о грядущихъ хлопотахъ по устройству своихъ семейныхъ очаговъ. Ликующее солнце не успѣло еще выпить росу на травѣ и листьяхъ, и долговязыя тѣни еще перерѣзали дорожки сада и давали свѣжую, ароматную прохладу...

Здѣсь, въ глухомъ углу сада, было тихо и безлюдно; шумъ просыпающагося города долеталъ сюда смягченнымъ и не мѣшалъ думать и прислушиваться къ ласковому шелесту листочковъ и къ пугливымъ тайнамъ своей души, гдѣ звенѣла радость жизни и первыхъ предчувствій юной любви. Мелодичный благовѣстъ далекой церкви и кудахтанье снесшейся гдѣ-то курицы,

ласковый шопотъ листвы и солнечныя пятна по дорожкамъ уносили душу въ царство неясныхъ и лѣнивыхъ мечтаній и сливались въ одинъ общій радостный гимнъ жизни, который пѣла ей вся обновленная природа...

Какая это радость чувствовать жизнь и не знать, не думать, зачѣмъ живешь на свѣтѣ! Зачѣмъ растутъ черемуха и сирень, зачѣмъ онѣ цвѣтутъ и кружатъ голову своимъ сладкимъ ароматомъ? Зачѣмъ восторженно кричитъ снесшаяся курица, оповѣщая міръ о радостномъ событіи? Зачѣмъ трепещетъ крылышками бабочка надъ молодой шолковой травкой?... Почему такъ радостно замираетъ сердце, когда я слышу чьи-то приближающіеся шаги на дорожкѣ?... Не знаю и не хочу знать. Душу ласкаетъ тихая, нѣжная радость какого-то неяснаго ожиданія, и только одинъ вопросъ омрачаетъ эту радость: зачѣмъ устроенъ аттестатъ зрѣлости?...

Черезъ три дня—экзамены по исторіи и географіи. Непролазная лѣнь въ тѣлѣ и скорбь въ мозгахъ. Такъ прекрасна въ весеннемъ нарядѣ земля и такъ невыразимо скучна географія!..

— Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ, Гага, Лейденъ, Роттердамъ... — шепчутъ губы, и въ сонливой фантазіи рождаются и громоздко шевелятся съ этими названіями не то какія-то допотопныя чудовища, не то какія-то зловѣщія враждебныя слова. Никогда не былъ въ этихъ городахъ; можетъ быть, это — красивые города, ласкающіе взоръ своимъ видомъ, а теперь я ненавижу ихъ, и они представляются мнѣ чудовищами. Широко раскрывается ротъ для позѣвоты; лѣнивая истома заставляетъ разслабленно такъ потягиваться и, закрывъ глаза, прислушиваться къ восторженному кудахтанію курицы...

— Амстердамъ... дамъ, дамъ, дамъ... Чьи это шаги заставили вздрогнуть мое сердце и тревожно раскрыть глаза? Да, ты, сердце, не обмануло: опять—та же гимназистка, опять съ книгой... Тоже готовится къ экзаменамъ...

— Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ...

Высокая, стройная... Двѣ тяжелыхъ косы... Гордая походка. Похожа на Маргариту. Поскрипываетъ башмачокъ, на пескѣ остается отпечатокъ ножки. Лѣниво везетъ за собой зонтикъ, протягивая тонкую нить по дорожкѣ. Даже не взглянула, словно меня и не было на лавочкѣ. Откуда взялась? Вчера увидалъ въ первый разъ. Гордая. А косы-то!...

— Да... Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ, Гага, Лейденъ, Роттердамъ!...

Чувствовало сердце, что увижу... Красивая! Словно вѣтка

распустившейся сирени. Прошла, а все еще остается на душѣ какая-то паутина блеснувшей красоты и радости... Тянетъ смотрѣть вслѣдъ... Оглянется или нѣтъ?... Оглянулась! Посижу: можетъ быть, сдѣлаетъ кругъ и пройдетъ еще разъ...

— Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ, Гага, Гага, Гага... Охъ, Господи!

...И опять—въ свѣтломъ платьѣ. Золотистые волосы... Желтыя туфли... Соломенная шляпа... Какъ пастушка!... Вся она какая-то бѣлая. А глаза—какъ небо. Глаза—васильки...

Закрываю глаза и предо мною рисуется поле, рожь, васильки... Ласковый вѣтерокъ обвѣваетъ щеки, осторожно гладитъ подъ шляпой волосы, нашептываетъ о чемъ-то отрадномъ, кроткомъ и близкомъ... О чемъ? Объ этой дѣвушкѣ... Какая она красивая, тихая, какъ это весеннее утро, кроткая и лучезарная! Ахъ, еслибы услыхать ея голосъ! Не идетъ. Неужели ушла?...

— Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ...

Всталъ и пошелъ дѣловымъ шагомъ въ ту сторону, куда ушла дѣвушка... Дорожка круто сворачивала влѣво, и когда я, покорный ея волѣ, свернулъ за густые кусты сирени,—въ глазахъ мелькнуло яркое бѣлое пятно: на низенькой лавочкѣ, съ раскрытой, позабытой книгой на колѣняхъ, сидѣла дѣвушка, та самая, которая...

Задумалась. Откинула голову и смотритъ въ синее небо. О чемъ она думаетъ? Развѣ узнаешь! Никогда. Вздрогнула и уставилась въ книгу. Розовыя губы шепчутъ что-то... Не обращаетъ вниманія. А зонтикъ валяется подъ ногами...

— Вы уронили зонтикъ...

— Ахъ, благодарю васъ...

Покраснѣла. Забезпокоилась.

— Я помѣшалъ вамъ? Готовитесь къ экзамену?

— Да.

— Я тоже. Скорѣе бы кончить. Надоѣли Амстердамы... А вы...

— Я тоже кончаю...

Спрятала глаза въ книгу. Не хочетъ говорить. Поклонился и пошелъ дальше, а въ ушахъ все еще звучитъ новый голосъ, котораго никогда не слыхалъ еще въ жизни... Немного холодный голосъ, но какой пріятный! Гордая... Длинныя рѣсницы. Едва вздрагиваютъ губы — не хочетъ улыбнуться и морщитъ лобъ... Надо было представиться. Дуракъ!... Почему не сѣсть на эту лавочку? Подумаетъ, что нарочно сѣлъ такъ близко... Развѣ я виноватъ, что въ этомъ саду такъ мало лавочекъ. Здѣсь—тѣнь,

а тамъ скоро пропадетъ она... Сижу, исподволь бросаю взоръ на дѣвушку въ бѣломъ. Чувствуетъ: поправила косу, перекинула ее за спину, подобрала ноги и еще больше нагнулась надъ книгой; чертитъ на пескѣ зонтикомъ. А волосы на вискѣ вздрагиваютъ отъ вѣтерка и золотятся подъ опущеннымъ полемъ шляпки. Золотая паутина...

Амстердамъ, Гарлемъ, Саардамъ... Милая! Словно цвѣточекъ съ родныхъ полей, куда я уѣду сейчасъ же послѣ зрѣлости. Ромашки, Васильки, Лютики... Я сплелъ бы тебѣ вѣночекъ изъ цвѣтовъ родныхъ полей и надѣлъ бы на твою золотистую головку. И ты перестала бы хмурить лобъ и улыбнулась бы мнѣ... А теперь не хочешь даже вскинуть глаза... Куда ты?!..

Встала и пошла... Хочется тоже вскочить и пойти въ ту сторону, куда пошла она... Кто она? Какъ ея имя? Гдѣ она живетъ?..

Я всталъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Ушла, промелькнула въ зелени деревьевъ и скрылась, а я подошелъ къ лавочкѣ, на которой она сидѣла. Что она тутъ чертила зонтикомъ?..

— Зоя. Зоя. Зоя...

Ее зовутъ Зоей... Золотая Зоя! Какое нѣжное, бархатное имя! Я повторялъ это имя, и оно, какъ вѣтерокъ щеку, ласкало мою душу...

II.

Зоя. Только три буквы, а когда ихъ поставишь вмѣстѣ, онѣ дѣлаютъ чудеса... „Какъ прекрасенъ и богатъ русскій языкъ!“ — думалъ я, красиво выписывая это имя на листѣ бумаги, приготовленной для составленія хронологіи по исторіи всѣхъ временъ и народовъ... Рано утромъ, едва раскрывъ глаза, я распахивалъ окно въ садъ и шепталъ: „Здравствуй, Зоя!“ Поздно ночью, когда затихалъ городъ и въ мягкой тишинѣ весенней на крыльяхъ теплаго вѣтерка надъ нимъ носились обрывки садовой музыки, я вглядывался въ звѣздное небо и шепталъ: „Спокойной ночи, Зоя!“

Каждое утро, отправляясь на экзаменъ, я заходилъ въ садъ и проходилъ мимо той скамьи, на которой сидѣла Зоя. И возвращаясь съ экзамена, я не могъ не зайти туда и не посидѣть на этой милой скамеечкѣ. И все я ждалъ, не промелькнетъ ли въ зелени стройная фигура дѣвушки... Рѣдкія проходящія женщины заставляли меня вздрагивать и пугаться... Опять не она! Пропала... Ахъ, бѣлый голубь, куда ты улетѣлъ?..

Однажды, когда я, почти уже отчаявшись увидать бѣлаго голубя, уныло бродилъ по саду съ „Исторіей среднихъ вѣковъ“ Иловайскаго, навстрѣчу мнѣ показалась шумливая стайка гимназистокъ, съ аккуратно завязанными въ ремни книгами. Какъ стая птицъ: безъ умолку щебечутъ, смѣются и звенятъ радостными голосами... Зоя! Она!.. Она!.. Будь, что будетъ...

— Здравствуйте!

Поднялъ шляпу и протянулъ руку. Покраснѣла, немного растерялась, но руки не отвергла, спросила:

— Кончили?

— Почти... Одна исторія и—созрѣю...

Гимназистки пропустили насъ впередъ и, идя позади, тихо посмѣивались и переговаривались между собою. Зоя шла, опустивъ голову, и односложно отвѣчала на мои вопросы о томъ, гдѣ она будетъ жить лѣтомъ, что̀ ей больше нравится: сирень или черемуха, какъ ее величаютъ...

— Зоя Сергѣевна, я такъ долго ждалъ.

— Чего?

— Встрѣчи...

— Съ кѣмъ?

— И вы спрашиваете!..

Догадалась, вспыхнула и, обернувшись, заговорила съ подругой... Теперь я шелъ, понуря голову, и тщетно искалъ выхода изъ безвыходнаго положенія. Всего лучше было бы откланяться и отойти. Но какая-то сила, властная и непоборимая, мѣшала мнѣ сдѣлать это. И я шелъ, какъ привязанный на веревочку, рядомъ и напрягалъ всѣ умственныя способности, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе отъ своей неудачи. Понемногу и какъ-то незамѣтно отстали всѣ другія, и мы съ Зоей очутились вдвоемъ. Долго мы шли молча, словно̀ просто попутчики, но вотъ въ моихъ ушахъ зазвенѣлъ смѣхъ:

— Я дома... До свиданія!

Она протянула мнѣ руку и скрылась въ калиткѣ. Я тяжко вздохнулъ, снялъ шляпу и отеръ со лба холодный потъ безвыходности. Оглядѣлъ съ головы до ногъ домъ, гдѣ жила Зоя, прочиталъ №, фамилію домохозяина, заглянулъ во дворъ... Тамъ, за палисадникомъ — одноэтажный приземистый флигель въ три окна... Такъ вотъ гдѣ скрывается мой бѣлый голубь съ толстой золотой косой!..

Дома училъ хронологію и зудилъ „средніе вѣка“, а мысль упиралась и настойчиво возвращалась въ тотъ вѣкъ, въ который я встрѣтилъ Зою.

„И такъ — говорилъ я — скажите мнѣ, чѣмъ замѣчателенъ Пипинъ Короткій?“ Но вмѣсто Пипина Короткаго выплывалъ образъ стройной бѣлой дѣвушки, и я растерянно мычалъ:

— Пипинъ... Пипинъ... Короткій... Почему короткій?.. Скажите, Зоя Сергѣевна, чѣмъ замѣчателенъ Пипинъ Короткій? Ахъ, чортъ бы тебя, Пипинъ, взялъ!.. Барбаросса... Карлъ Смѣлый... Карлъ Лысый... Карлъ Святой... Нѣтъ Карла Святого,—Святой Людовикъ!.. А Людовикъ Лысый былъ? Кажется—былъ, а впрочемъ... Голова болитъ. Пойду въ садъ, а потомъ ужъ—Пипинъ... Я бросалъ исторію и шелъ въ садъ мимо дома № 15. Это было не совсѣмъ по пути, но зато сильно увеличивало шансы на встрѣчу съ Зоей. А я изнылъ, ожидая этой встрѣчи. Проходя мимо дома, я замедлялъ шагъ и мимоходомъ бросалъ взглядъ въ калитку. Въ саду сидѣлъ все на той же лавочкѣ и ждалъ, словно мнѣ было обѣщано свиданіе. Но вотъ однажды, когда истощилось мое терпѣніе, я снова рискнулъ на отчаянный шагъ: съ восьми часовъ утра я всталъ на дежурство къ воротамъ дома № 15. Теперь свиданіе обезпечено: она пойдетъ въ гимназію черезъ эту калитку...

Стою на другой сторонѣ и томлюсь. Поглядываю на часы... „Однако, не торопится“.

— Ахъ, ты... сонливая!..

Вышла. Такъ неожиданно, словно выпустили птицу изъ клѣтки... Крупнымъ шагомъ замѣняю быстроту его, перебираюсь на другую сторону и иду по слѣду. Покашливаю.

— Зоя Сергѣевна!

— А... вы!..

— Я! Могу я пройтись съ вами?

— Конечно.

— Дайте мнѣ понести ваши книги.

— Мнѣ не тяжело.

— Дайте пожалуйста!

— Если вамъ такъ хочется...

— Очень хочется!..

Получилъ книги и понесъ ихъ, какъ святыню... Золотая коса. Синіе глаза. Почему, когда смотришь на васъ, то забываешь о всѣхъ Карлахъ, Пипинахъ и о всѣхъ Людовикахъ, сколько бы ихъ ни было на свѣтѣ?..

— У васъ золотые волосы...

Зоя гордо встряхнула головой и чуть-чуть улыбнулась.

— Я теперь часто вижу васъ во снѣ.

— Одинъ разъ и я васъ видѣла...

— Неужели? Какъ я счастливъ!..

— Я о васъ не думала... Не знаю, почему... приснились...

— А я постоянно думаю о васъ...

— Слышите, какъ пахнетъ апельсинами?

— Кто-то играетъ увертюру изъ „Карменъ“...

Утро было прекрасно; изъ раскрытыхъ оконъ неслись то гаммы, то обрывки знакомыхъ пьесъ; пахло апельсиномъ, сиренью, травой, медомъ... Люди шли какіе-то свѣжіе и радостные, бодрые, и всѣ улыбались. И я, люди, счастливъ: мнѣ улыбается Зоя! Теперь она въ коричневомъ платьѣ, а все-таки кажется мнѣ свѣтлой, бѣлой, какъ бѣлый голубь съ коричневыми подпалинами... Отчего?.. На ней—бѣлый фартучекъ.

Какъ скоро: уже дошли до гимназіи.

— Ну, давайте книги!

Не хочется отдавать книги. Милыя книги: ихъ перелистываютъ Зоины руки.

— Ну, скорѣй! Опоздаю на молитву...

— Какъ я хотѣлъ бы помолиться вмѣстѣ съ вами...

— Какой вы богомольный!..

О, какъ она мнѣ улыбнулась! Еслибы вы знали, какъ она мнѣ улыбнулась! Закружилась голова отъ этой улыбки: поцѣловалъ книги и отдалъ.

— Возьмите!—сказалъ я и вздохнулъ.

Пошла, обернулась, на мгновеніе задержалась въ дверяхъ.

— Зоя Сергѣевна! Когда увидимся?

Не слыхала...

III.

...Ужъ если повалитъ счастье, такъ со всѣхъ сторонъ: свалились съ плечъ всѣ Пипины, Карлы и Людовики... А вечеромъ занимаюсь съ Зоей по алгебрѣ... Не понимаетъ рѣшенія уравненій со многими неизвѣстными. А это такъ просто... Есть два способа... Звали сегодня на пирушку товарищи (вѣдь всѣ мы сегодня созрѣли!), да ужъ, вѣрно, послѣ алгебры... Взялъ алгебру и такъ любовно развернулъ ее, словно сто лѣтъ ждалъ этого случая. Трепетно ищу уравненія... Вотъ они, голубчики! Такъ... Иксъ, игрекъ, дзетъ... Пишу иксъ, а съ бумаги смотритъ на меня другъ и братъ...

— Обѣдать!

— Некогда.

— Развѣ ты не совсѣмъ созрѣлъ?

— Окончательно созрѣлъ. Безповоротно.

— Такъ на кой чортъ тебѣ эти иксы съ игреками?

— Простая любознательность.

— Простынетъ супъ.

— Ну и чортъ съ нимъ! Иксъ равенъ игрекъ плюсъ дзетъ минусъ абе, дѣленному на... на... на...

...Простылъ супъ. Чортъ съ нимъ, съ супомъ: черезъ два часа—урокъ по алгебрѣ... Что же, я не лишенъ педагогическихъ способностей. Но какая ученица! Всю жизнь можно просидѣть за алгеброй и не почувствовать къ ней ненависти. Въ ожиданіи урока я дѣловымъ шагомъ мѣряю комнату и гордо говорю:

— Квадратныя уравненія со многими неизвѣстными рѣшаются двумя способами. А именно...

И представляя себѣ слушающую ученицу, объясняю, какъ именно они рѣшаются...

— Не такъ, Зоя! Не такъ, голубчикъ.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Такъ... самъ съ собой...

— Не спятилъ ли отъ зрѣлости-то?

Солнышко спряталось за крышами. Протянулись долговязыя тѣни по лужку двора. Уплылъ куда-то рѣзкій шумъ улицъ... Только со двора несется задорный крикъ ребятишекъ, азартно сражающихся въ бабки: звонко стучатъ кости и плитки, а потомъ — взрывъ криковъ, смѣха и брани... Нѣтъ силъ ждать. Лучше пойти потихоньку, прогуляться... Не бѣда, если придешь немного раньше... Зоя живетъ самостоятельно: на квартирѣ. Кому какое дѣло! Для собственнаго ободренія громко кашлянулъ и, набросивъ на голову, по возможности небрежнѣе, шляпу, съ папиросой въ зубахъ для нагляднаго показанія своихъ правъ „созрѣвшаго“, отправляюсь на урокъ, съ алгеброй въ одной рукѣ и съ корявой палкой—въ другой. Прохожу мимо дома № 15—разъ, другой, третій, заглядываю въ калитку и рѣшаюсь переступить ее и войти во дворъ. Немилосердно бьется сердце. Почему? Вѣдь я не воръ, не преступникъ... Я иду съ добрымъ намѣреніемъ—помочь въ алгебрѣ... Почему влаженъ лобъ и руки? Неряха: не догадался вымыть рукъ. Чу!—это ея голосокъ. Сдѣлалъ серьезнѣйшее лицо и двинулся впередъ...

— Ну, вотъ и я. Здравствуйте, Зоя Сергѣевна!..

Смутилась, вспыхнула румянцемъ и сказала:

— Страшно что-то. Вы—строгій?

— Я? Строгъ, но справедливъ.

— Я—безтолковая... Предупреждаю...

— А вотъ увидимъ...

— Хотите, будемъ заниматься въ палисадникѣ? Тамъ есть столикъ...

— Прекрасно! Это очень хорошо...

— Ну, тогда идемъ...

Палисадникъ маленькій, но густой, съ старыми березами и акаціями. Уголочекъ большого сада. Столъ—подъ навѣсомъ переплетшихся вѣтвей. Немного сумрачно. Видно окошко Зоиной комнаты, съ бѣлой занавѣской, съ букетомъ лиловой сирени на подоконникѣ... Усѣлись другъ противъ друга, раскрыли алгебру.

— Итакъ, уравненія со многими неизвѣстными...

Говорю какъ профессоръ: гладко, безъ запинокъ, съ увѣренностью. Не смотрю на ученицу, а такъ, больше чувствую, что она, облокотясь на локти, смотритъ на меня и внимательно слушаетъ... Переходимъ къ рѣшенію задачъ:

— Беремъ сперва съ тремя неизвѣстными: иксъ, игрекъ и дзетъ.

Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь: надо сѣсть рядомъ. Зоя подсѣла ко мнѣ и опустила головку надъ иксами и игреками... Что со мной? Почему прыгаютъ неизвѣстныя величины? Я весь во власти обволакивающей меня паутины, невидимо исходящей отъ бѣлой дѣвушки... Это не чувственность. Нѣтъ, это что-то чистое-чистое, какъ лучи солнца, долго прятавшагося въ тучахъ ненастья и вдругъ выглянувшаго и облившаго и тѣло, и душу сверкающей лаской и предчувствіями какой-то новой радости... Мое солнце! Оно такъ близко. Иногда его горячее дыханіе струится на щеку, и тогда совсѣмъ исчезаютъ на бумагѣ иксы и игреки... Вотъ рука, съ тонкими, длинными пальчиками, ложится на бумагу:

— Почему иксъ равенъ игреку плюсъ 562 минусъ игрекъ квадратъ, дѣленному на...

Боже мой! Почему? Ничего не понимаю...

— Какъ почему? Очень просто...

Начинаю писать что-то многоэтажное и путаюсь въ кружевахъ иксовъ, игрековъ, дзетовъ, въ плюсахъ, минусахъ, квадратахъ... А упавшая съ плеча коса золотится на столѣ, подъ самыми иксами... Пытаюсь выпутаться изъ получившейся вермишели изъ неизвѣстныхъ и чувствую, что гибну...

— Я—безтолковая...—шепчетъ Зоя, съ обидой, почти со слезами въ голосѣ...

— Попробуемъ обратиться къ другому способу...

— Маленькій перерывъ!..

— Устали?

— Немного.

— Бѣдненькая!

Рука безсильно лежитъ на бумагѣ. Голова откинулась къ стволу старой березы. Синіе глаза смежились. А на лицѣ—виноватая улыбка страдающаго самолюбія. Безконечно жаль! Проклятые иксы и игреки! Я коснулся безсильной руки, она вздрогнула пальчиками. Раскрылись синіе глаза, ласково сверкнули мнѣ и прикрылись тонкой рукой...

— Слышите: въ саду уже играетъ музыка!—печально сказалъ дѣвичій голосокъ.

Алгебра раскрыта, съ укоризною смотрятъ съ бумаги иксы и игреки, а изъ сада доносится музыка.

— Изъ „Карменъ“... Тореадоръ...

Зоя грустно подпѣваетъ:

— „Тореадоръ, смѣлѣ-э-йе... Тореадоръ...“

— Ну, давайте по другому способу...—неожиданно оборвала она пѣніе и вздохнула:—Вы умный, а я...

— Иксы еще ничего не доказываютъ... Въ вашихъ глазахъ...

Что-то хотѣлъ сказать глубокое и поощрительное, но не вышло: запутался въ краснорѣчіи. Сѣли опять рядомъ и приступили къ другому способу. Легкій способъ! Быстро поняли и оба засмѣялись отъ удовольствія...

— Вотъ видите: а говорили, что безтолковая!..

— Вы прекрасно объясняете. Спасибо!

Въ саду играли еще „Тореадора“, и когда милая ученица протянула мнѣ руку въ знакъ благодарности, я приложилъ ее къ губамъ и обжегся...

Зоя закрылась рукою и, погрозивъ пальчикомъ, ласково прошептала:

— Не надо!

— Хотите, Зоя, вернемся къ первому способу?

— Завтра. А сегодня... Что-то мнѣ хочется послушать музыку.

— Прекрасно!

Она вскинула на меня синіе глаза и вдругъ потупилась... Словно сказала: „Побѣдилъ ты, Галилеянинъ!“

— Въ садъ?

— Да. Я—сейчасъ... Переодѣнусь...

Убѣжала. Хожу по дорожкѣ вокругъ двухъ старыхъ березъ и ликуетъ моя душа, и хочется на весь міръ засмѣяться отъ счастья...

— Тореадоръ, смѣлѣй-е, Тореадоръ, Тореадоръ! Помни, что...

— Я готова.

Милая! Какъ къ ней идетъ голубенькая вуалетка! Цвѣтокъ съ родныхъ полей. Взялъ бы тебя на родину, привезъ къ матери и сказалъ:

— Мама, вотъ моя невѣста!..

И всѣ, въ восхищенномъ восторгѣ, воскликнули бы:

— Боже мой, какъ она красива!..

Я шелъ и потихоньку любовался ею. А она это чувствовала: улыбка не сходила съ ея лица, и свѣтлая гордость сіяла на немъ въ розовыхъ сумеркахъ тихаго вечера...

Гуляли по безлюднымъ аллеямъ, избѣгая встрѣчъ и докучливыхъ вопросовъ. Никого намъ не было нужно и насъ—никому. Одни и вмѣстѣ... О чемъ говорили? О голубой вуалеткѣ, о томъ, какъ странно, что мы встрѣтились вотъ на этой самой аллеѣ, чужіе, далекіе, а теперь...

— А теперь?..

— Теперь мнѣ кажется, что мы съ вами, Зоя, знакомы сто лѣтъ...

— Черезъ сто лѣтъ насъ не будетъ...

— А мнѣ кажется, что мы никогда не умремъ, а будемъ жить вѣчно... На этой лавочкѣ, гдѣ вы, Зоя, тогда сидѣли, я часто потомъ сидѣлъ и думалъ: есть судьба, которая управляетъ человѣкомъ... Ей, судьбѣ, зачѣмъ-то понадобилось столкнуть насъ.

— А вы недовольны?

— Благословляю!

— Да?

— А вы, Зоя, сомнѣваетесь? Благословляю и этотъ садъ, и эту аллею, и тотъ день... И алгебру!

— Алгебру?

— Да, и алгебру...

— Дайте руку: кто-то идетъ, я боюсь пьяныхъ...

Я подалъ ей руку и почувствовалъ, какъ Зоя прильнула ко мнѣ плечомъ—благодарно и довѣрчиво...

— Зоя! Зоя! Еслибы вы знали!..

— Не надо говорить... Я знаю.

— Да?

— Да.

IV.

Алгебра прошла благополучно, дипломъ о зрѣлости былъ въ карманѣ, а я не уѣзжалъ на родину... Мы рѣшили ѣхать по Волгѣ вмѣстѣ, а у Зои оставалась еще геометрія...

— Можно вамъ помочь по геометріи, а то скучно болтаться...

— Я геометріи не боюсь...

— Нельзя? Окончательно?

Я смотрѣлъ такъ умоляюще, что Зоя покачала головой и сказала:

— Развѣ... Я несовсѣмъ понимаю объемъ усѣченной пирамиды...

— Ну вотъ. Отлично! Пройдемъ и разберемся.

— А тамъ... и конецъ... Еще три дня.

— Такъ завтра придти?

— Хорошо.

Два дня я мѣшалъ Зоѣ заниматься геометріей. На третій она отказалась отъ моей помощи.

— Съ вами хуже...

— Я не буду мѣшать. Я сяду въ уголкѣ и буду слушать и смотрѣть, какъ вы занимаетесь.

— Нѣтъ.

— Окончательно?

— Да.

— Ну, а какъ же завтра?

— Пойду сдавать, а послѣ-завтра поѣдемъ...

— Перепуталъ... Я думалъ, мы ѣдемъ завтра... На „Самолетскомъ“?

— Да. Уходитъ въ семь утра...

— Значитъ, до парохода не увидимся?

Зоя отрицательно качнула головой и сказала, понизивъ голосъ:

— До Симбирска вмѣстѣ, а тамъ... я слѣзу, а вы—дальше...

И радость, и горе... вмѣстѣ... Я крѣпко пожалъ руку дѣвушки и почувствовалъ ея отвѣтное пожатіе...

— До свиданія!

...Томительно тянется день, какой-то ненужный, лишній день въ жизни, день, который не знаешь, куда дѣвать. О, съ какой радостью я подарилъ бы его тому, кто дорожитъ каждымъ днемъ жизни! Возьмите его!.. Вотъ идетъ старенькій чиновникъ и ве-

детъ за руку весело лепечущаго ребенка. Очевидно, дѣдушка и внучекъ... Возьми, дѣдушка, мой лишній день!—вѣдь тебѣ дорогъ уже каждый часъ, отдаляющій тебя отъ смерти, а мнѣ... я вычеркиваю его изъ своей жизни: сегодня я не увижу Зои... И завтра тоже не увижу: возьми и „завтра“! Нѣтъ, „завтра“ не отдамъ: утро мудренѣе вечера...

А вечеръ дивный. Горятъ въ окнахъ призрачные огни заката, и кажется, что это не дома, а замки, въ которыхъ пируютъ рыцари, съ красными огнями пылающихъ факеловъ... Горитъ на горѣ золотой куполъ собора, словно обломокъ солнца упалъ съ розоваго неба... Музыка гремитъ въ далекомъ саду и тихо струится изъ раскрытыхъ оконъ: та—зоветъ на пиръ, а эта—къ тихой, нѣжной грусти... Снова и грусть, и радость: скоро я буду ѣхать по родной Волгѣ съ любимой, съ моимъ бѣлымъ голубемъ, но скоро же и улетитъ онъ, бѣлый голубь, отъ меня... Былъ въ саду и облегчилъ свою душу воспоминаніями: походилъ по той дорожкѣ и посидѣлъ на той лавочкѣ, гдѣ встрѣтился и сидѣлъ съ Зоей. Послушалъ грустный вальсъ, который игралъ про мою тоску и про мое одиночество, и медленно побрелъ по улицамъ, по направленію къ дому № 15... Только загляну въ калитку и пройду, посмотрю на старыя березы, подъ которыми занимался алгеброй, и скроюсь. Никто не увидитъ и никто не узнаетъ...

Иду и живу однимъ ожиданіемъ скорой близости къ завѣтному дому... Вотъ и улица, лучшая теперь для меня улица во всемъ городѣ. А вонъ и домъ, ворота и калитка!.. Замедляю шаги, а то пройдешь—и все кончено: неловко нѣсколько разъ заглядывать въ калитку... А вдругъ... Хотѣлось вѣрить въ чудо, въ Божью помощь. Вдругъ изъ калитки выйдетъ Зоя? Нѣтъ! Пусто... Заглянулъ: сквозь листву березъ и акацій свѣтится въ невидимомъ окнѣ огонекъ: не спитъ. На бѣломъ фонѣ занавѣски шевелится темный профиль... Она: милый профиль любимаго лица!.. Проклятая собака: залаяла,—думаетъ, воръ.

— У, дура!..

Быстро вышелъ изъ калитки и пошелъ прочь. А собака провожаетъ лаемъ.

— Да будетъ тебѣ, проклятая!

Прибавилъ шагу и завернулъ за уголъ.

— Ухъ!..

Остановился, снялъ шляпу и посмотрѣлъ въ небо. Уже заискрились звѣзды. Ахъ, какъ сильно откуда-то наноситъ си-

ренью!.. А музыка въ саду поетъ кларнетами: „Эхъ, ты ноченька“, жалобно, словно плачетъ... Жалѣетъ меня, одинокаго...

— „Только былъ одинъ да милъ серде-ечный другъ...“ подтягиваю кларнетамъ, а они отвѣчаютъ мнѣ:

— „Да и тотъ забылъ меня, горькую...“

„Подлецъ“—браню „милъ-сердечнаго друга“ и горжусь силой своей любви: я никогда не разлюблю бѣлаго голубя... это—немыслимо!..

Смолкъ городъ; задумчиво смотритъ на него луна и все думаетъ о людяхъ, которые спрятались въ большихъ каменныхъ домахъ, и которые одиноко бродятъ ночью по пустыннымъ улицамъ... Медленно потухаютъ звѣзды, а на кладбищѣ поетъ соловей... О чемъ онъ поетъ мертвымъ?.. Быть можетъ, соловей разсказываетъ имъ о томъ, что ничто не измѣнилось на землѣ съ тѣхъ поръ, какъ они зарыты: все такъ же любятъ и ненавидятъ, все такъ же смотритъ на городъ луна съ неба и серебритъ куполъ стараго собора... „Не завидуйте, мертвые!—говоритъ имъ соловей.—Всѣ эти люди, которые сладко спятъ теперь въ домахъ, и которые одиноко бродятъ по улицамъ, всѣ обречены той же участи... И когда-нибудь вотъ этотъ юноша, который такъ счастливъ теперь, что не можетъ спать, будетъ гнить въ землѣ, а другой такой же юноша будетъ ходить ночью по тихимъ улицамъ и не спать отъ счастья“. И луна думаетъ о томъ же!.. И звѣзды!.. И тихая, кроткая весенняя ночь!..

— Куку-рекууу...

Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то далеко. Который часъ? Считаю медленно плывущіе съ кладбищенской церкви удары колокола. Два. Крѣпко спитъ теперь моя Зоя и не знаетъ, что я тоскую... Пойду домой.

Блѣдно-зеленое небо уже вздрагивало предчувствіями близкаго солнца, когда я вернулся въ свою комнату. Распахнулъ створки окна, постоялъ и послушалъ предразсвѣтный шопотъ въ саду, за заборомъ, сонное попискиваніе какихъ-то птичекъ, похожее на эолову арфу гудѣніе телеграфныхъ проволокъ на столбѣ подъ окномъ, глубоко медленно вздохнулъ и, прошептавъ: „хорошо на свѣтѣ!“, сталъ раздѣваться... Легъ, вытянулъ усталыя ноги и, умиротворенный сознаніемъ, что я любимъ, перекрестился:

— Благодарю Тебя, Господи!

Закрылъ глаза, улыбаюсь своему счастью и отдаюсь неяснымъ, легкимъ трепетамъ души, словно слушаю далекую, нѣжную музыку...

Не спалъ, а плавалъ на золототканныхъ грезахъ дремот-

ной фантазіи полюбившаго, любимаго и юнаго... Сны голубые, бѣлые, прозрачные и пугливые... Синіе глаза, золотистые волосы, опущенныя рѣсницы, улыбка на розовыхъ, какъ утренняя заря, губахъ... Все плыветъ въ дремотномъ туманѣ и сливается съ шопотомъ деревьевъ въ саду, за заборомъ, съ щебетаніемъ просыпающихся птицъ и съ запахомъ умывающейся росою сирени...

— Благодарю Тебя, Господи!

Заснулъ сладко и крѣпко и спалъ, какъ хорошо накормленный матерью грудной младенецъ. Заползла муха въ раскрытый ротъ—разбудила...

Городъ шумитъ, поетъ, торопится, бранится. Трещатъ на мостовой кованныя желѣзомъ колёса, кричатъ продавцы зелени, молока, мороженаго, гнусаво поютъ стекольщики и угольщики, ругаются на дворѣ сосѣднія по квартирамъ кухарки, кудахчетъ курица, дерутся воробьи, гдѣ-то звонко колотятъ молотками каменщики. Солнце смѣется въ окно...

— Эхъ, проспалъ: Зоя теперь уже на экзаменѣ, не поймаешь ея у калитки!...

Умылся прямо изъ водопроводнаго крана: вода—какъ ледъ. Окатилъ ею голову—пріятно. Словно новая голова выросла, умная и бодрая...

Выпилъ у раскрытаго окна стаканъ чаю съ душистымъ лимономъ и мягкой, вкусной булкой и началъ укладываться. Разбиралъ учебники, одни откладывалъ — можно продать букинистамъ,—а другіе бросалъ на полъ, и они валялись тамъ, какъ трупы въ мертвецкой... Ахъ, алгебра!.. Раскрылъ алгебру на квадратныхъ уравненіяхъ и, поцѣловавъ иксы съ игреками и дзетами, любовно уложилъ въ чемоданъ... Напѣвалъ: „Прощай, милая, надолго, навсегда; уѣзжаю я въ низовы города“, рвалъ конспекты, хронологіи, сочиненія по русскому языку, тетрадки съ экстемпораліями...

— Ахъ, Пипинъ Короткій! Мое почтенье! Какъ поживаете, чортъ бы васъ подралъ!

Въ клочки рвалъ „Исторію среднихъ вѣковъ“ Иловайскаго и приговаривалъ:

— Вотъ такъ! Вотъ этакъ! Карлы, Людовики, Хлодвиги! Святые, Лысые, Толстые, Благочестивые!...

— Войдите!

— Вамъ письмо.

— Ага!

Отъ мамы... „Милый Геня! Почему ты молчишь? Мы без-

покоимся: не провалился ли ты изъ проклятаго латинскаго или греческаго"...

— Списалъ, мама, на четверку!...

„Ради Бога телеграфируй, здоровъ ли".

— Здоровъ, милая мамочка, и счастливъ... Очень!...

„Сегодня видѣла сонъ: будто ты пришелъ домой худой, истерзанный, и говоришь: „прощай, мама, я умеръ"...

— Живъ, мама, живъ! и даже очень!...

„У насъ гоститъ твоя троюродная сестра Калерія, которую ты никогда еще не видалъ".

— Да нѣтъ и особеннаго желанія, мамочка!

„Красива, но взбалмошна: бросила мужа и съ ребенкомъ прикатила къ намъ. Ни капельки не тоскуетъ: поетъ и хохочетъ, какъ дѣвчонка, а ей уже двадцать-четыре года. Ждетъ тебя— хочетъ, зачѣмъ-то, учить латинскій языкъ... Вообще — пустая особа, и я очень нерада этой гостьѣ: безцеремонна и безпардонна".

— Ну и чортъ съ ней!...

V.

— Прощайте!

Все ли? Чемоданъ тутъ... Подушка съ одѣяломъ... Палка... Пледъ... Гитара...

— Трогай!

Мягко покатилась пролетка по лужку двора и потомъ громко застучала по мостовой. Ну, слава Богу! Все идетъ прекрасно... Какъ пріятно уѣзжать... Съ любовью смотрю на знакомыя улицы, на прохожихъ и проѣзжихъ: такъ бы и раскланялся! Вонъ знакомый крендель надъ булочной. Вонъ „Парикмахерская", гдѣ меня стригли... Театръ, почта, золотоглавый соборъ, садъ...

— Прощай, садъ! Спасибо!

Выѣхали изъ города; потянулась слобода съ шумливыми мелочными лавочками, трактирами, пивными, ломовыми извозчиками, безграмотными вывѣсками... Вонъ: „Карасинъ, Папиросы, а также Чай и Кофей"...

— Прибавь, прибавь! Опоздаемъ. Пароходъ уходитъ въ восемь.

— На этотъ опоздаешь, на другой попадемъ! Ихъ много отходитъ...

— Мнѣ нельзя на другомъ, а надо на „Самолетъ".

Уже близко пристани: клубится дымъ пароходныхъ трубъ,

гудятъ свистки, то басомъ, то дискантомъ, обгоняютъ спѣшащіе на пароходы пассажиры... Скорѣй! Подскакиваю на пролеткѣ, помогаю лошади и тычу въ спину извозчика...

— Тпру!

— Вишь и не опоздали. Зря горячился, гналъ... За это надо прибавить.

— Матросъ! На пароходъ!...

Матросъ забралъ въ руки все мое имущество, и мы торопливо зашагали по скрипучимъ мосткамъ.

— Какой пароходъ?

— „Гоголь".

— Свистокъ былъ?

— Два. Сейчасъ отваливаетъ...

Торговцы, разсѣвшіеся вдоль мостковъ, хватаютъ за полы и за руки, предлагая колбасу, семгу, булки, чулки, гребешки...

— Куда мнѣ къ чорту! Гудитъ послѣдній свистокъ, а они... Вотъ дурачье. Дорогу!

...Уфъ! Наконецъ-то! Теперь ужъ спокойно. Она гдѣ-нибудь здѣсь... Да вонъ она, у перилъ балкона!... Внимательно ищетъ кого-то глазами, ждетъ и страшно волнуется... Конечно, меня. Милая, какъ она волнуется! Не спѣшу успокоить: очень ужъ радостно видѣть, какъ она ждетъ меня. Снимаютъ трапъ. Зоя перегнулась черезъ перила. Оглушительно зашумѣлъ подъ колесомъ паръ, пароходъ вздрогнулъ и сталъ медленно отдѣляться отъ пристани... Что съ ней? Отираетъ платочкомъ слезы...

— Зоя!

Обернулась и радостно схватила за руку, а въ глазахъ — слезы...

— Вы здѣсь? Когда? Какъ же это такъ... Я проворонила васъ...

Звонко смѣется, лицо рдѣетъ румянцемъ, и не знаетъ, что еще сказать.

— Вы... плакали, что-ли?

— Нѣтъ... О чемъ мнѣ плакать?.. Что-то попало въ глазъ...

— Не надо тереть...

— Вы во второмъ классѣ?

— Да. А вы?

— Я—тоже.

Улыбнулись другъ другу и стали быстро ходить по балкону вокругъ парохода...

— Ахъ, какъ я люблю Волгу и пароходъ!.. А день-то какой! Какъ стекло, вода... Чайки. Давайте кормить чаекъ!

Мы бросали чайкамъ кусочки бѣлаго хлѣба, и чайки на лету ловили ихъ, ныряли въ воздухѣ надъ кормой парохода и дико вскрикивали, встряхивая крыльями... Кругомъ налаживалась своеобразная рѣчная жизнь: подъ шумъ хлопающихъ по водѣ колесъ пассажиры читали, дремали, слонялись по палубѣ, распивали чаи, позванивали посудой и ложечками, а нѣкоторые уже аппетитно поѣдали рыбныя солянки и сочные бифштексы съ кровью... Бѣгали въ запуски звонкоголосые ребятки, гдѣ-то внизу поваръ рубилъ „подъ польку“ котлеты и, какъ улей, гудѣлъ чернорабочій людъ... Надоѣло Зоѣ кормить чаекъ.

— А, знаете, я сама непрочь бы покушать.

Усѣлись въ рубкѣ и стали совѣщаться, что бы заказать на завтракъ... И во всемъ мы находили поводъ смѣяться и радоваться, и, должно-быть, наши глаза не могли скрыть того, что было въ сердцѣ: когда я, въ ожиданіи завтрака, пошелъ къ себѣ въ каюту, чтобы придать своей шевелюрѣ наивозможнѣйшій поэтическій видъ, лакей постучалъ въ дверь, пріоткрылъ ее и сказалъ:

— Супруга васъ ждутъ кушать!

Это была столь пріятная неожиданность, что я не сталъ опровергать ошибки:

— Скажите, что я сейчасъ приду...

— Слушаюсь.

Кушаемъ. Изрѣдка взглядываемъ другъ на друга и смущенно улыбаемся. Зоя хозяйничаетъ, угощаетъ... Наклоняясь другъ къ другу, тихо подтруниваемъ надъ пассажирами, вскакиваемъ смотрѣть на встрѣчные пароходы, машемъ платками и снова бѣжимъ къ столу... На насъ смотрятъ съ завистью одинокіе мужчины и заглядываются на мою золотоволосую спутницу... Нахалы! Злобно бросаю на нихъ уничтожающіе взгляды, прошу Зою сѣсть къ нимъ спиной. Слава Богу, поняли, болваны, что рискуютъ нарваться на человѣка, который не привыкъ шутить. Я называю мою милую—Зоей, она меня—Геннадіемъ... И въ этомъ—неизъяснимая прелесть. На „вы“, но безъ величанія—въ этомъ есть красивая простота, и чистая близость, и бережное отношеніе къ своему счастью... Мягко вздрагиваетъ пароходъ всѣмъ корпусомъ, и весело позваниваютъ на столѣ бокалы и рюмки. Я прикрылъ лицо рукой и смотрю чрезъ промежутки пальцевъ на Зою... Боже мой, какая это красота! Не оторвешься. И опять всего меня обволакиваетъ излученіе этой красоты, какъ во время занятія алгеброй, въ палисадникѣ. Я опьяняюсь этой красотой и тону въ ней, растворяюсь...

— Геннадій! Вы о чемъ задумались?..

Даетъ же Богъ человѣку такой голосъ! Сердце сжимается отъ этого голоса.

— Благодарю Тебя, Господи! — шепчу я и, отнявъ отъ лица руку, не могу оторвать глазъ отъ дѣвушки.

— Вы молитесь Богу?!.. А стерлядь въ томатѣ? Не хотите?

Даже о стерляди у нея выходитъ поэтично и удивительно мило.

— Стерлядь... Буду, буду!.. Развѣ можно отказываться, когда вы говорите о стерляди?..

Протяжно загудѣлъ свистокъ парохода: пристань... Оба вскочили изъ-за стола... Зоя подхватила меня подъ руку, а рука ея прикрыта концомъ накинутой на плечи шолковой тафты... Въ дверяхъ наскоро отодвинулъ шолкъ и на одно мгновеніе коснулся тонкой руки губами. Не замѣтила, а можетъ-быть, не хотѣла замѣтить: иногда въ ея глазахъ сверкаетъ хитрый огонекъ... Стоимъ у перилъ и смотримъ на суетню по берегу. Рядомъ стоитъ пожилая женщина въ платочкѣ, съ сочувственной улыбкой смотритъ на насъ и ласково спрашиваетъ:

— Молодожены вы, что-ли?

Зоя покраснѣла и, отвернувшись, сморщила лобъ и пристально уставилась на береговыя горы, а я покачалъ отрицательно головой...

— Сестра! Больно ужъ дружны. На рѣдкость... Теперь братья-то съ сестрами, какъ собаки съ кошками, а вы... Даже пріятно смотрѣть. У насъ чтобы братъ сестрѣ когда-нибудь руку поцѣловалъ, этого никогда не увидишь!..

Зоя убѣжала въ рубку и, когда я вернулся туда, надула губки и не смотрѣла на меня... Подошелъ лакей, съ салфеткой подъ мышкой, и спросилъ:

— Кофе или чай прикажете?..

— Кофе.

— А вашей супругѣ?

Зоя вскочила и убѣжала въ свою каюту...

— Съ чего вы взяли, что это—моя супруга?

— Виноватъ-съ!.. Я такъ полагалъ... Ошибся...

— Идите! Ничего не надо. Не пожимайте пожалуйста плечами!..

— Я не пожималъ-съ...

— Нѣтъ, пожимали! И опять пожимаете...

— Это по привычкѣ-съ.

— Очень скверная привычка.

Я сердито бросилъ ножъ и вышелъ изъ-за стола... Испортили отношенія. Мерзавцы! Какое имъ дѣло: мужъ я, или братъ, или сватъ...

Я ходилъ кругомъ парохода и искалъ Зою... Скрылась... Стоитъ обращать вниманіе на такую глупость!.. Эхъ! Спряталась. Разсердилась. На что? Развѣ я виноватъ?.. Ну, извини, прости, пожалѣй...

А время бѣжитъ. И такъ недолго быть вмѣстѣ, а тутъ еще эта исторія... Гдѣ ея каюта? Иду и прикидываю умомъ, которое окно ея каюты... Вотъ это!.. Слегка, осторожно, бокомъ взглянулъ на окно, и вдругъ оно опустилось и стукнуло: закрылось рѣшоткой... Какъ это понять? За что? У меня навернулись слезы и весь я какъ-то разомъ ослабѣлъ и упалъ духомъ... Неужели все кончено? Я присѣлъ на лавочку, подъ Зоинымъ окномъ, опустилъ голову и закрылъ глаза. Мѣрно вздрагивалъ я вмѣстѣ съ пароходомъ, и въ головѣ моей носились мысли о томъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прочнаго и вѣчнаго, и что не стоитъ жить... Эхъ, ты!.. А я думалъ, что ты дѣйствительно любишь сильно и красиво... Не любишь!

Опять ходилъ кругомъ и снова присаживался подъ загадкой захлопнутаго окна. Не открывается. Постучать? Неудобно и обидно: я не нищій, просящій подаянія, а... Я не находилъ для себя подходящаго опредѣленія... Всѣ слова казались маленькими или пошлыми...

Опять гудитъ пароходъ, опять пристань, суетня, ругань грузчиковъ, торопливая команда капитана, свистки, грохотъ сходней, и пароходъ снова бѣжитъ въ голубую даль водяной равнины, туда, гдѣ на высокихъ горахъ стоитъ бѣлый въ зелени городъ Симбирскъ... Тамъ съ парохода сойдетъ мой чистый бѣлый голубь и оставитъ меня съ моей тоской и разбитыми грезами... Не бѣги такъ быстро, пароходъ! не гонись за быстротечнымъ временемъ! Ты снова вернешься къ этимъ берегамъ, а мое счастье унесешь, и оно не возвратится. Быстро несутся полыя воды разлившейся Волги, крутятся водоворотами, пѣнятся мохнатой пѣной подъ кормою и помогаютъ пароходу догонять время... Нельзя остановить... Что же дѣлать? Что дѣлать?.. Господи, помоги мнѣ!

Я ушелъ въ свою каюту и написалъ на клочкѣ бумаги: „Кто любитъ сильно, тотъ ничего не боится. Я не виноватъ, что не смогъ скрыть отъ шпіоновъ своей любви. Да и зачѣмъ, любя, притворяться, что не любишь? Я долженъ знать: любимъ мы другъ друга или притворяемся?“ Побродивъ по корридорчику, я

выбралъ моментъ и втолкнулъ записку подъ дверь Зоиной каюты... Хожу вокругъ парохода и, какъ преступникъ—приговора, жду отвѣта. Сѣлъ подъ окошечкомъ, за которымъ будетъ произнесенъ приговоръ надъ моимъ счастьемъ, и спиной, черезъ стѣнку каюты, ловлю каждый шорохъ, каждый звукъ *тамъ*, за стѣнкой... Что это? Смѣхъ? Издѣвательство? Не можетъ быть!.. Кровь бросилась въ лицо, а потомъ захотѣлось упасть на лавку и разрыдаться. Но за спиной раздался осторожный стукъ и шорохъ отодвигаемой рѣшотки, и я вздрогнулъ словно отъ электрическаго удара, но боялся обернуться.

— Милый, мнѣ стыдно...—прошепталъ кто-то позади, и снова стукнула оконная рѣшотка... Я быстро обернулся къ окну, но было поздно. Неудержная радость хлынула въ мою душу и затопила ее до краевъ. Я вдругъ расхохотался, сорвался съ мѣста и сталъ, какъ сумасшедшій, кружиться по палубѣ.

— Какой я идіотъ! какой идіотъ! какая дубина! — вслухъ бранилъ я себя и, выбравъ моментъ, когда вблизи никого не было, проворно перекрестился и прошепталъ:

— Благодарю Тебя, Господи!

И опять засверкала Волга подъ солнцемъ, и засверкала моя душа, и запрыгало сердце...

— „О, Волга, колыбель моя! любилъ ли кто тебя, какъ я?“— декламировалъ я, стоя на носу парохода подъ теплымъ встрѣчнымъ вѣтеркомъ, трепавшимъ мои волосы подъ широкополой шляпой, и радостно и жадно смотрѣлъ впередъ, навстрѣчу своей судьбѣ...

Однако время уходитъ... Близится вечеръ: подъ горами уже легли на воду тѣни... Опять загудѣлъ пароходъ: пристань... Какъ часто!..

VI.

„Солнце сѣло, до Симбирска всего пять-шесть часовъ ѣзды, а ты... Вѣдь—„ты“? да?.. а ты прячешься. Времени осталось мало, а намъ такъ много надо сказать другъ другу... Я жду и тоскую“—моя записка.

„Пусть немного стемнѣетъ, я надѣну другое платье, покроюсь платочкомъ и сяду на кормѣ. Ты придешь. З.“—ея записка.

„Не могу ждать. Открой хотя на половину окно каюты, а я сяду подъ нимъ. Если не откроешь—значитъ мало любишь. Г.“—мое возраженіе.

Въ отвѣтъ стукнуло окошечко, и въ его рамкѣ нарисовалось пунцовое отъ стыда личико съ опущенными рѣсницами... Даже уши горѣли подъ золотомъ волосъ. И смущенная улыбка чуть-чуть шевелила губы.

— Нехорошо такъ думать, какъ... вы... обо мнѣ...

— „Вы“?

Колебаніе...

— Ну... ты...

И отвернулась...

— Можно къ... тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Ну, сядь хотя къ окну!..

— Мнѣ стыдно говорить „ты“... Я... люблю... но говорить такъ... не могу...

Милая!.. Почти плачетъ... Ну, Богъ съ тобой, будемъ опять на „вы“!..

— Сядьте къ окну. Я прошу васъ, Зоя Сергѣевна!

— Хорошо. Но вы... разсердились? да?

— Да нѣтъ же, нѣтъ!

Усѣлись: я подъ окномъ, она—у окна. Тихо, не глядя другъ на друга, переговариваемся:

— Еще нѣсколько часовъ и—прощайте! Надолго...

Вздохъ. Молчаніе.

— Забудете?

— Нѣтъ. Будемъ переписываться...

— Я буду тосковать и жить только вашими письмами.

— Зажигаютъ маяки...

— Какъ красивы эти красноватые и желтые огоньки надъ фіолетовой водою! А горы уже нахмурились.

— Вы, Зоя, долго пробудете въ Симбирскѣ?

— Нѣтъ, сейчасъ же уѣду: тамъ будутъ ждать лошади... Прямо съ пристани въ тарантасъ и...

Вздохъ. Молчаніе.

— Я тоже буду скучать по васъ, Геннадій.

— Милая! Протяни мнѣ руку.

— Боюсь—увидятъ...

— Ради Бога! Люди далеко...

Тихо дотронулась до моего плеча, и щека моя ощутила теплоту и слабое прикосновеніе. Я закрылъ глаза и, повернувъ голову, коснулся руки губами.

— Идутъ.

Синимъ и розовымъ туманомъ подернулись рѣчныя дали.

Ярко краснѣетъ маякъ въ луговой сторонѣ. На кожухѣ парохода зеленѣетъ отблескъ сигнальнаго фонаря; на мачтѣ, высоко подъ небомъ, какъ звѣзда, лучится синеватый электрическій огонекъ. Темной стѣною бѣгутъ въ темную даль прибрежныя горы... Уже доносятся съ нихъ обрывки соловьиныхъ пѣсенъ. Изъ горныхъ овраговъ порой, вмѣстѣ съ влажной прохладою, прилетаютъ пряные запахи цвѣтущей земли... На пароходѣ стихло: одни поддались нѣжной грусти и мечтательности; другіе, плотно пообѣдавши, спали по каютамъ. У всѣхъ уже пропала любознательность по отношенію другъ друга...

Я ходилъ, напѣвалъ: „Что же не приходишь, мой невѣрный другъ?“ и поглядывалъ на свѣтящееся занавѣшенное окошечко... Погасло: значитъ, переодѣлась и сейчасъ выйдетъ... Обогнулъ носъ парохода и потянулъ на корму. Она!.. Какъ молоденькая послушница изъ монастыря... Темненькая, скромненькая, кроткая... кутается въ шаль, прячетъ милое личико и подбородокъ, а глаза потемнѣли, какъ небо, и сверкаютъ, какъ звѣзды. Золотистая прядь волосъ бьется надъ головой и во всей фигурѣ—затаенное ожиданіе...

— Какъ ты измѣнилась! Ты похожа на монашенку...

— Теперь никто не узнаетъ...

Я сѣлъ рядомъ, совсѣмъ близко. Наши плечи касаются. Она еще больше спряталась подъ шалью. А шаль спрятала наши руки и онѣ жмутъ другъ друга и говорятъ о томъ, какъ мы счастливы. Проходятъ мимо люди и не видятъ, что наши руки сплелись и безъ словъ разсказываютъ о тайнахъ взаимности...

— Любишь?—спрашиваетъ моя рука.

— Крѣпко!—отвѣчаетъ рука дѣвушки.

— Не забудешь?

— Никогда!

— Счастье! Радость! Какъ передать тебѣ грусть и радость моей любви?

— Молчи,—я знаю...

— Зоя! посмотри, какъ смотрятъ на насъ звѣзды!

— Имъ завидно.

— Слышишь, какъ грститъ въ лѣсу на горахъ соловей?

— О чемъ?

— О томъ, что скоро скоро мы разстанемся...

— У-ууууууу! — кричитъ свистокъ парохода, и испуганно сжимаются наши сердца мыслью: „скоро—разлука“!.. А въ горахъ—эхо: „ууууу!“...

Ночь, темная, безлунная. Только огромныя звѣзды трепещутъ

въ темной синевѣ небесъ, мѣшаясь съ огнями далекихъ встрѣчныхъ пароходовъ. Плотнѣе прижимаемся другъ къ другу, словно боимся, что Кто-то всесильный встанетъ между нами...

— Поцѣлуй меня!

— Опомнись! Что ты говоришь?!..

А сама прижалась еще ближе и нервно вздрагиваетъ и оглядывается по сторонамъ. Зачѣмъ? Боится ли, что кто-нибудь услыхалъ неосторожное слово, или хочетъ и боится поцѣловать? Кто скажетъ? Объ этомъ знаютъ только звѣзды, но онѣ не скажутъ даже мнѣ... Прошелъ какой-то одинокій человѣкъ и оглянулся на насъ. Уходи!—не твое дѣло...

— Поцѣлуй!

— Потомъ... послѣ...

— Не обманешь?

Пожала руку и шепнула:

— На прощанье! Пойдемъ пройтись... Тутъ—любопытные...

На прощанье!.. Опять защемило сердце... Въ загадочной зловѣщей темнотѣ нагорнаго берега то мигали, то потухали искры огней, словно кто-то подавалъ условные знаки нашему врагу.

— Какая пристань?

— Симбирскъ! Далеко его видать: на горахъ онъ.

Мы прижались другъ къ другу и молчали, устремивъ взоры въ темноту, гдѣ все чаще вспыхивали зловѣщіе огни невидимаго города.

И любилъ я этотъ городъ, и ненавидѣлъ... Милый, родной городъ, береги мое счастье! Проклятый!—ты разлучаешь насъ...

— Надо собираться,—грустно сказала Зоя и глубоко такъ вздохнула.

— Рано еще... Погоди!.. Я помогу тебѣ.

— У меня все разбросано...

— Пойдемъ: не хочу смотрѣть на твой Симбирскъ!.. Взорвалъ бы твой Симбирскъ на воздухъ, а тебя увезъ бы съ собой. Я тебя не пущу...

— Ой! больно руку... Надо собираться. Пусти!

Она забезпокоилась о вещахъ, заговорила о расплатѣ съ прислугой, о какомъ-то письмѣ, о лошадяхъ, которыя должны ждать ее въ Симбирскѣ. Она уже наполовину была не со мной, и это больно обижало мое чувство. „Забудешь!“

— Что вы говорите?

— Опять—„вы“!

— Надо идти... Пока до свиданія...

— А ты не забудешь?

— Что?

— *Что* — обѣщала.

— *Что* обѣщала?

— Эхъ, ты!.. Поцѣловать...

— Да.

Вырвала руку и побѣжала въ свою каюту. А я подошелъ къ окну съ намѣреніемъ полюбоваться на моего голубя послѣднія минуты.

— Нельзя: у меня все разбросано...

Окно закрылось рѣшоткой. Я постоялъ предъ темнымъ окномъ и, отойдя къ периламъ, погрозилъ горящимъ въ темнотѣ свѣтлякамъ-огнямъ города:

— Проклятый!

А онъ не боялся и все ярче и гуще разбрасывалъ свои огни на высокихъ темныхъ горахъ.

— Вотъ и Симбирскъ!—произнесъ кто-то въ темнотѣ, съ радостью въ голосѣ.

— Ну, а что же дальше?—сердито бросилъ я въ темноту.

— Ничего! Симбирскъ, говорю.

— Вижу. Не слѣпой...

— То-то и есть! Слѣзать мнѣ.

— А мнѣ какое дѣло? Сдѣлайте одолженіе, я не задерживаю.

— Ужъ, конечно, васъ не спрошусь, а самъ слѣзу... Губернаторъ какой!

Невидимый пассажиръ пошелъ въ одну сторону, я — въ другую...

— Зоя! Можно?..

— Ннн... ну ужъ ладно, идите...

— Давайте, я затяну ремни!

Схватилъ чемоданъ, злобно уперся въ него колѣномъ и, натянувъ ремень изо всѣхъ силъ, оборвалъ пряжку.

— Эхъ, чортъ!.. пряжки! Ну, да обойдемся и безъ нея... Готово!

— Кажется, все...

Зоя печально оглядѣлась по сторонамъ, задумалась, потомъ посмотрѣла съ жалобной улыбкой на меня. Вздохнула и повторила:

— Теперь все...

И опустила голову... А я поднялъ голову, встряхнулъ волосами и взялъ ея руку.

— Ну, скажи мнѣ что-нибудь на прощанье!

— У-ууу! — загудѣлъ свистокъ... Зоя торопливо перекрестилась.

— Я жду...

Дѣвушка рванулась ко мнѣ и вдругъ, закрывъ лицо руками, остановилась. Я привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку.

— Не забудешь?

— Нѣтъ.

— Увѣрена въ этомъ?

Она не отвѣтила, только кивнула и сконфуженно взглянула мнѣ въ глаза...

На палубѣ бѣготня, за окномъ — шумъ и перекрестный говоръ. Пристали.

— Пора!

— Пора.

— Милая, голубокъ мой!.. Пора.

— Надо матроса.

— Свободенъ? Бери вещи!..

— Ну, будь здоровъ, не грусти...

— Нѣтъ, нѣтъ, я провожу тебя... Человѣкъ! Перенесите мои вещи въ эту каюту: я хочу—здѣсь, въ твоей...

Гуськомъ спустились внизъ по винтовой лѣстницѣ и съ волною народа проплыли на пристань.

— Барышня! Барышня! Я—здѣсь...

— А, Семенъ! Пріѣхалъ?

— Съ утра жду. Давай-ка вещи-то, самъ донесу...

Семенъ отобралъ у матроса вещи и поволокъ ихъ на берегъ. Мы шли позади молча и не знали, о чемъ говорить... Загудѣлъ свистокъ парохода, я схватилъ обѣ руки дѣвушки и сталъ ихъ покрывать жадными, торопливыми поцѣлуями. Она пріостановилась и, освободивъ руку, перекрестила меня:

— Иди, милый!.. Все равно ужъ...

А въ голосѣ—дрожь и близкія слезы...

— Ууу-у-у!..

— Прощай!

— Не забывай!

Разстались. Ушла и быстро исчезла въ темнотѣ... А я, вбѣжавъ на балконъ парохода, долго вперялся въ темноту ночи и жадно вслушивался: не звенятъ ли на горѣ колокольчики. Мѣшаютъ: шумятъ, стучатъ, бранятся на пароходѣ и на пристани, дрожитъ и ворчитъ пароходъ, кто-то гдѣ-то плачетъ и кто-то смѣется... И въ третій разъ загудѣлъ пароходъ, и гулкимъ эхомъ отозвалась ему темнота: „у-у-у!“

— Прощай! Можетъ быть, ты тоже смотришь съ горы на огни парохода и говоришь мнѣ „прощай!“—Да, ты смотришь, я это знаю, и думаешь обо мнѣ... И, можетъ быть, ты, какъ и я, отираешь платкомъ слезы...

Убѣгалъ пароходъ во мракъ ночи, все дальше, дальше... А я стоялъ и смотрѣлъ на мигающіе мнѣ огни города, отнявшаго у меня любимую дѣвушку. Но вотъ огни стали прятаться, рѣдѣть и потухать. Тьма и звѣзды, вверху и внизу — тьма и звѣзды!..

— Прощай!

Евгеній Чириковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАСУХА

Горитъ лучами ярыми
Безбрежно-ясный день,
Незримыми пожарами
Палитъ хлѣба сухмень.

Лазурь оцѣпенѣлая...
Дорога межъ ракитъ,
У перекрестка бѣлая
Часовенка стоитъ.

Въ кіотѣ—Матерь Божія;
У ногъ ея—цвѣты.
Идутъ, зайдутъ прохожіе,
Шепча, творятъ кресты.

Колосья истомленные
Притихли—не дрожатъ;
Немолчно изступленные
Кузнечики трещатъ.

Какъ будто зыбь расходится
И тонко заститъ даль,
И стало Богородицѣ
Полей унылыхъ жаль;

Крестьянокъ жаль съ ребятами:
Заботой ихъ она
И лентами, и платами,
Такъ ярко убрана.

Съ расшитаго подножія,
Молитвенно-свѣтла,
Въ раздумьи Матерь Божія,
Склонивъ чело, сошла.

Межой прямою, дремною
Пошла въ просторъ полей.
Гвоздики, кашки скромныя
Цѣлуютъ ризы ей.

Воздѣла руки бѣлыя,—
Въ дыханьи вѣтерка
Надъ рощею несмѣлыя
Замрѣли облака.

Исполнясь ожиданіемъ,
Все дрогнуло кругомъ,—
Вдали, съ глухимъ роптаніемъ,
Перекатился громъ.

Александръ Рославлевъ.

1910 г., іюль.
Печоры, Псков. губ.

ТѢСНЫЯ ВРАТА

André Gide, «La porte étroite». Roman.

(Окончаніе.)

„Подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата".
Еванг. отъ Луки, XIII, 24.

VII *).

Наша первая встрѣча состоялась у тети Плантье. Я вдругъ почувствовалъ себя отяжелѣвшимъ, отупѣвшимъ отъ военной службы... Я потомъ подумалъ, что, можетъ быть, она дѣйствительно замѣтила во мнѣ перемѣну. Но какое значеніе могло имѣть для насъ первое обманчивое впечатлѣніе? Что касается меня, то я боялся не вполнѣ ее узнать, и потому не рѣшался смотрѣть на нее... Но дѣло было не въ этомъ, а въ томъ, что намъ навязали глупую роль жениха и невѣсты и что всѣ старались какъ можно скорѣе оставить насъ наединѣ и уходили изъ комнаты.

— Да ты, тетя, совершенно намъ не мѣшаешь; никакихъ секретовъ у насъ нѣтъ!—воскликнула наконецъ Алиса, раздраженная неуклюжими претензіями тети на деликатность.

— Полноте, дѣти мои! Я васъ отлично понимаю. Вы такъ долго не видались, что навѣрное у васъ есть много о чемъ разсказать другъ другу...

— Прошу тебя, тетя, не уходи; это было бы намъ очень непріятно,—сказала Алиса съ такимъ раздраженіемъ, что я почти не узналъ ея голоса.

*) См. февраль, стр. 216.

— Увѣряю васъ, что мы ни слова не скажемъ другъ другу, если вы уйдете,—прибавилъ я, смѣясь, но самъ тоже охваченный боязнью остаться наединѣ съ Алисой.

Мы продолжали разговаривать втроемъ съ напускной развязностью, говоря самыя банальныя вещи и скрывая за наружнымъ оживленіемъ тайную тревогу. Намъ предстояла встрѣча на слѣдующій день, такъ какъ дядя пригласилъ меня къ завтраку. Мы разстались съ легкимъ сердцемъ, радуясь, что кончается глупая комедія.

Я пришелъ значительно раньше назначеннаго часа, но засталъ у Алисы одну изъ ея пріятельницъ; у нея не хватило рѣшимости деликатно выпроводить гостью, а та не имѣла достаточно такта, чтобы уйти. Когда, наконецъ, она насъ оставила вдвоемъ, я притворился удивленнымъ, что Алиса не задержала ее къ завтраку. Мы оба пришли въ нервное состояніе, такъ какъ оба не спали ночью. Пришелъ дядя. Алиса почувствовала, что онъ показался мнѣ постарѣвшимъ. Онъ сталъ плохо слышать, приходилось кричать для того, чтобы онъ понималъ; это лишало меня всякой возможности сказать что-нибудь интересное.

Послѣ завтрака за нами заѣхала тетя Плантье и повезла насъ въ Оршэ, съ тѣмъ, чтобы обратно мы съ Алисой пошли пѣшкомъ.

Было жарко, и намъ пришлось идти подъ жгучимъ солнцемъ. Торопясь нагнать коляску, въ которой насъ ждала тетя, мы шли очень скоро. У меня начиналась жестокая мигрень, и я не могъ выжать изъ головы ни одной мысли. Чтобы придать себѣ храбрость или чтобы замѣнить слова ласковымъ жестомъ, я взялъ Алису за руку. Она не противилась. Волненіе, быстрая ходьба и неловкость нашего молчанія были причиной того, что мы оба раскраснѣлись; я слышалъ, какъ у меня стучала кровь въ вискахъ; лицо Алисы сдѣлалось некрасивымъ и краснымъ. Вскорѣ намъ стало непріятно держаться за влажныя, вспотѣвшія руки; мы печально разняли ихъ.

Мы слишкомъ поторопились и пришли къ перекрестку гораздо раньше коляски, тѣмъ болѣе, что тетя, чтобы дать намъ возможность поговорить, ѣхала очень медленно по окольной дорогѣ. Мы сѣли на пригорокъ. Внезапно поднявшійся холодный вѣтеръ леденилъ наши вспотѣвшія лица. Мы оба поднялись и пошли навстрѣчу колескѣ. Но всего ужаснѣе было заботливое участіе тети; она была увѣрена, что мы обо всемъ поговорили, и видимо хотѣла спросить, что мы рѣшили относительно помолвки и свадьбы. Алиса не могла этого выдержать, и глаза

ея наполнились слезами; она сказала, что у нея болитъ голова. Обратный путь прошелъ въ глубокомъ молчаніи.

На слѣдующій день я проснулся простуженный, съ болью во всемъ тѣлѣ, и только послѣ завтрака отважился пойти къ Буколенамъ. Къ несчастью Алиса была не одна. Къ ней пришла Мадлена Плантье, одна изъ внучекъ тети Фелиціи, и я зналъ, что Алиса любитъ разговаривать съ ней. Она гостила у бабушки и воскликнула, когда я вошелъ въ комнату:

— Если ты отсюда къ намъ, мы можемъ пойти вмѣстѣ.

Я машинально согласился, и такимъ образомъ опять не смогъ повидать Алису наединѣ. Впрочемъ присутствіе милаго ребенка было скорѣе пріятно. Я не чувствовалъ такого невыносимаго стѣсненія, какъ наканунѣ; разговоръ легко завязался между нами тремя и былъ не такой пустой, какъ я сначала боялся. Алиса странно улыбнулась, когда я съ ней прощался; мнѣ показалось, что она тогда только поняла, что я уѣзжаю на слѣдующій день. Но въ нашемъ прощаніи не было ничего трагическаго; мы знали, что скоро опять увидимся. Все же послѣ обѣда, охваченный смутной тревогой, я пошелъ въ городъ и блуждалъ тамъ около часа, прежде чѣмъ рѣшился снова позвонить къ Буколенамъ. Меня встрѣтилъ дядя. Алиса была нездорова; она уже ушла къ себѣ въ комнату и вѣроятно легла спать. Я поговорилъ нѣсколько минутъ съ дядей и тоже ушелъ.

Какъ ни тягостны были всѣ эти препятствія, все же было бы нелѣпо все приписывать только имъ. Если бы все намъ благопріятствовало, мы бы все-таки чувствовали стѣсненіе при этомъ свиданіи. Но я очень огорчился, когда оказалось, что это поняла и Алиса. Вотъ письмо, которое я получилъ, вернувшись въ Парижъ.

„Другъ мой, какимъ печальнымъ вышло наше свиданіе! Ты, кажется, хотѣлъ бы думать, что виноваты были окружающіе, но самъ этому не вѣришь. И мнѣ кажется, что отнынѣ всегда такъ будетъ. Молю тебя, перестанемъ встрѣчаться!

„Откуда это чувство стѣсненія, неловкости, откуда это молчаніе, когда у насъ есть такъ много, что̀ сказать другъ другу? Въ первый день послѣ твоего возвращенія я даже радовалась этому молчанію; я думала, что оно разсѣется, что ты мнѣ скажешь изумительныя вещи. Мнѣ казалось, что ты не уйдешь раньше, чѣмъ ихъ не скажешь.

„Но когда закончилась въ молчаніи наша печальная прогулка въ Оршэ и, въ особенности, когда наши руки, переставъ сплетаться, безпомощно опустились, сердце мое ослабѣло отъ отчаянія.

И больше всего я страдала не отъ того, что ты отпустилъ мою руку, а отъ того, что не сдѣлай ты это первый, я бы высвободила свою руку: ей было непріятно оставаться въ твоей. На слѣдующій день — это было вчера — я безумно ждала тебя все утро. Я такъ волновалась, что не могла оставаться дома, и оставила тебѣ записку, прося придти на молъ, гдѣ я ждала тебя. Я долго глядѣла на бурное море, но мнѣ было слишкомъ тяжело созерцать его безъ тебя; я вернулась, вдругъ вообразивъ, что ты ждешь меня въ моей комнатѣ. Я знала, что днемъ не буду свободна; Мадлена наканунѣ предупредила меня, что придетъ, и такъ какъ я надѣялась, что увижу тебя утромъ, то ничего не имѣла противъ ея прихода. Но, можетъ быть, именно ея присутствіе дало намъ тѣ нѣсколько хорошихъ минутъ, которыя все-таки были за время нашего свиданія. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній мнѣ казалось, что нашъ непринужденный разговоръ будетъ длиться долго, долго... И когда ты подошелъ къ дивану, на которомъ я сидѣла вмѣстѣ съ нею и, наклонившись ко мнѣ, попрощался, я была не въ силахъ отвѣтить тебѣ; мнѣ казалось, что всему конецъ; я вдругъ поняла, что ты уѣзжаешь.

„Какъ только ты вышелъ съ Мадленой, мнѣ твой уходъ показался невозможнымъ, невыносимымъ. Знаешь ли ты, что я пошла за тобой! Я хотѣла съ тобой поговорить, сказать тебѣ все, чего не могла сказать раньше. Я побѣжала къ Плантье, но было уже поздно. Я не могла, не осмѣлилась... Я вернулась въ отчаяніи и хотѣла тебѣ написать... прощальное письмо... Я, наконецъ, слишкомъ живо почувствовала, что вся наша переписка— обманъ, что каждый изъ насъ, увы, пишетъ только себѣ самому и что... Жеромъ! Жеромъ!.. что мы далеки другъ отъ друга!

„Я разорвала то письмо, но теперь пишу его снова, почти въ тѣхъ же словахъ. Я не менѣе люблю тебя, чѣмъ прежде, другъ мой. Напротивъ того. Я почувствовала яснѣе, именно по моей тревогѣ, по моему смущенію, когда ты приблизился ко мнѣ, какъ глубоко я тебя люблю; но любовь моя полна отчаянія; я должна признаться, что издали люблю тебя больше. Я уже знала это, или, вѣрнѣе, предчувствовала; наше столь желанное свиданіе окончательно меня убѣдило въ томъ, что и ты, другъ мой, долженъ теперь понять. Прощай, любимый мой братъ! Да хранитъ и направляетъ тебя Господь; только къ Нему можно безнаказанно приближаться“.

И какъ будто это письмо не было достаточно для меня горестнымъ, она на слѣдующій день прислала слѣдующую приписку:

„Я хочу прибавить къ моему письму просьбу, чтобы ты былъ нѣсколько болѣе осмотрителенъ въ томъ, что касается насъ обоихъ. Меня оскорбляетъ, что ты говоришь Жюльетѣ и Авелю о томъ, что должно оставаться между мной и тобой. Это давно убѣдило меня, что твоя любовь скорѣе головная, какое-то упрямое рѣшеніе хранить вѣрность и нѣжность чувства".

Эти послѣднія строчки она несомнѣнно прибавила изъ опасенія, что я покажу ея письмо Авелю. Откуда это опасеніе? Неужели она замѣтила въ моихъ словахъ отраженіе совѣтовъ моего друга?..

Я чувствовалъ полное отчужденіе къ нему. Мы шли по разнымъ дорогамъ, и даже не нужно было просьбы Алисы,чтобы я научился нести одинъ тяжесть своего горя.

Три слѣдующихъ дня я былъ поглощенъ мыслями объ Алисѣ. Я успѣлъ отвѣтить ей, но боялся, слишкомъ остро возражая ей, какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ неизлечимо растравить нашу рану; я двадцать разъ наново начиналъ письмо, въ которомъ трепетала моя любовь; я и теперь не могу прочесть безъ слезъ этотъ листъ, омоченный слезами, списокъ съ котораго я наконецъ отважился отправить:

„Алиса, сжалься надо мной, надъ нами обоими!.. Твое письмо мнѣ причинило глубокія страданія. Какъ бы я хотѣлъ улыбнуться въ отвѣтъ на твои страхи! Да, я чувствовалъ все, о чемъ ты мнѣ пишешь, но боялся самому себѣ въ томъ признаться. Какую страшную осязательность ты придаешь всему, что на самомъ дѣлѣ—плодъ воображенія, и какъ ты сгущаешь все между нами!

„Если ты думаешь, что меньше меня любишь, чѣмъ прежде... не хочу допустить этого: все въ твоемъ письмѣ отрицаетъ такое страшное предположеніе. Но въ такомъ случаѣ чего стоютъ мимолетныя опасенія? Алиса! Какъ только я начинаю разсуждать, слова мои становятся ледяными; я слышу только стоны моего сердца. Я слишкомъ люблю тебя, чтобы дѣйствовать осторожно и умѣло, и чѣмъ болѣе я тебя люблю, тѣмъ менѣе умѣю сказать это тебѣ. „Головная любовь"... Что мнѣ тебѣ на это отвѣтить? Я люблю тебя всей душой, и какъ же можно тутъ различать между умомъ и сердцемъ? Но если наша переписка вызываетъ въ тебѣ оскорбительныя предположенія, если она насъ такъ высоко возноситъ, что тѣмъ труднѣе вернуться къ дѣйствительности, если тебѣ кажется, что ты пишешь себѣ самой, когда пишешь мнѣ, а также въ виду того, что у меня не будетъ силъ вынести еще одно такое письмо, какъ твое послѣднее,—въ виду этого прошу тебя: прекратимъ на время всякую переписку".

Затѣмъ, протестуя противъ ея предположеній, я молилъ ее повѣрить въ возможность еще одного свиданія. Первое имѣло все противъ себя: обстановку, окружающихъ, печальное время года и даже нашу восторженную переписку, которая не подготовила насъ къ встрѣчѣ, а затруднила ее. На этотъ разъ нашему свиданію будетъ предшествовать молчаніе. Я выражалъ желаніе свидѣться весной въ Фонгезмарѣ, гдѣ, казалось мнѣ, все прошлое будетъ говорить за меня и гдѣ дядя будетъ радъ мнѣ, если я пріѣду на Пасху.

Рѣшеніе мое было совершенно твердое; отправивъ письмо, я погрузился въ работу.

Мнѣ пришлось свидѣться съ Алисой еще до Новаго года. Миссъ Ашбуртонъ, здоровье которой пошатнулось за послѣдніе мѣсяцы, умерла за четыре дня до Рождества. Съ тѣхъ поръ какъ я вернулся съ военной службы, я снова поселился у нея, не покидалъ ее и присутствовалъ при ея послѣднихъ минутахъ. Коротенькое письмо Алисы показало мнѣ, что для нея гораздо важнѣе выполнить обѣтъ молчанія, чѣмъ утѣшить меня въ моей печали. Она сообщала, что пробудетъ отъ поѣзда до поѣзда, пріѣхавъ только на самое погребеніе, такъ какъ дядя, къ сожалѣнію, не можетъ пріѣхать.

Мы только почти вдвоемъ и были при отпѣваніи и затѣмъ проводили гробъ на кладбище. Мы шли рядомъ, едва обмѣниваясь нѣсколькими словами; но въ церкви Алиса сѣла около меня, и я чувствовалъ, какъ ея взглядъ нѣсколько разъ останавливался съ нѣжностью на мнѣ.

— Значитъ рѣшено,—сказала она мнѣ, прощаясь.—Ни слова до Пасхи?

— Да, но на Пасху...

Я предложилъ проводить ее на вокзалъ, но она подозвала коляску и уѣхала, не прибавивъ ни слова.

VIII.

— Алиса ждетъ тебя въ саду,—сказалъ мнѣ дядя, отечески обнявъ меня, когда я въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Фонгезмаръ. Сначала мнѣ было непріятно, что Алиса не поспѣшила мнѣ на встрѣчу, но потомъ я былъ благодаренъ ей за то, что она избавила себя и меня отъ банальныхъ изліяній при встрѣчѣ.

Я засталъ ее въ глубинѣ сада. Я направился къ лужайкѣ, обросшей кустарникомъ; всѣ деревья и кусты цвѣли весеннимъ цвѣтомъ. Чтобы не увидѣть Алису издалека и чтобы она меня не сразу замѣтила, я шелъ съ другой стороны сада, по темной аллеѣ, гдѣ было свѣжо подъ вѣтвями. Я шелъ медленно. Небо было подобно моей радости: теплое, сверкающее, нѣжное и чистое. Она навѣрное ждала меня съ другой стороны. Я очутился подлѣ нея, за нею, прежде чѣмъ она услышала мои шаги; я остановился... О, если бы время могло остановиться вмѣстѣ со мной: вотъ мгновеніе величайшаго блаженства!

Мнѣ хотѣлось пасть на колѣни передъ нею; я сдѣлалъ шагъ, который она услышала. Она вдругъ поднялась, уронила на землю вышиванье, которое держала въ рукахъ, потянулась ко мнѣ и положила руки мнѣ на плечи. Такъ мы простояли нѣсколько мгновеній, она съ протянутыми впередъ руками, улыбаясь и нѣжно глядя на меня, не говоря ни слова. Она была вся въ бѣломъ. На ея почти слишкомъ серьезномъ лицѣ я увидѣлъ однако дѣтскую улыбку.

— Послушай, Алиса!—воскликнулъ я вдругъ:—у меня впереди двѣнадцать свободныхъ дней. Я не останусь ни однимъ больше, чѣмъ ты пожелаешь. Условимся, что ты мнѣ сдѣлаешь знакъ, который будетъ означать: завтра ты долженъ покинуть Фонгезмаръ. На слѣдующій день, безъ малѣйшей жалобы, безъ малѣйшаго сопротивленія, я уѣду. Ты согласна?

Я не подготовилъ своихъ словъ и потому говорилъ болѣе свободно. Она подумала съ минуту, потомъ сказала:

— Въ тотъ вечеръ, когда, спускаясь къ обѣду, я не буду носить на шеѣ аметистовый крестикъ, который ты любишь, поймешь ли ты?..

— Я пойму, что это мой послѣдній день.

— Но съумѣешь ли ты уѣхать безъ слезъ, безъ вздоховъ?..

— Я уѣду даже не простясь. Я разстанусь съ тобой въ этотъ послѣдній день до того просто, что ты даже спросишь себя сначала: понялъ ли онъ? Но на слѣдующее утро меня уже здѣсь не будетъ.

Она протянула мнѣ руку, и я поднесъ ее къ губамъ.

— Но до этого рокового вечера—сказалъ я—пусть не будетъ никакихъ намековъ, предупреждающихъ о немъ.

— А ты не дѣлай никакихъ намековъ на разлуку послѣ того.

Нужно было послѣ ея словъ разсѣять стѣсненіе, которое могла вызвать торжественность первой минуты свиданія.

— Я бы хотѣлъ,— сказалъ я,—чтобы эти нѣсколько дней съ тобой казались намъ похожими на всѣ другіе дни. Нужно, чтобы мы не чувствовали ихъ исключительность. А затѣмъ... хорошо бы сначала совсѣмъ не разговаривать.

Она стала смѣяться. Я прибавилъ:

— Нельзя ли намъ чѣмъ-нибудь вмѣстѣ заняться?

Мы всегда любили работать въ саду. Какъ разъ теперь стараго садовника замѣнилъ молодой, неопытный, и въ саду, запущенномъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, было много работы; кусты розъ были плохо подстрижены; иные, слишкомъ разросшіеся, были спутаны отсохшими вѣтвями; вьющіяся розы падали, нехорошо подвязанныя; однѣ разрастались на счетъ другихъ. Большая часть прививокъ была сдѣлана нами, и мы узнавали нашихъ питомцевъ. Работы по саду занимали насъ въ теченіе долгаго времени и дали намъ возможность въ первые три дня много бесѣдовать, не говоря ничего серьезнаго, а также молчать безъ всякаго стѣсненія. Такъ мы снова привыкли другъ къ другу. Именно на это я возлагалъ больше надеждъ, чѣмъ на всякія объясненія. Я даже забылъ про то, что насъ раздѣляло, и въ ней тоже повидимому ослабѣвалъ прежній страхъ. Алиса казалась теперь моложе, чѣмъ осенью; никогда еще я не видѣлъ ее столь красивой. Я еще ни разу не поцѣловалъ ее. Каждый вечеръ я видѣлъ на ея корсажѣ, на тонкой золотой цѣпочкѣ, сверкающій аметистовый крестикъ. Надежда воскресала въ моемъ сердцѣ и превращалась даже въ увѣренность; такую же увѣренность я чувствовалъ и въ Алисѣ; не сомнѣваясь въ себѣ, какъ я могъ сомнѣваться въ ней! Мы постепенно стали говорить смѣлѣе.

— Алиса, — сказалъ я однажды утромъ, когда все вокругъ улыбалось и наши сердца расцвѣтали какъ цвѣты,—теперь, когда Жюльета счастлива, почему бы и намъ тоже...

Я говорилъ очень медленно, устремивъ на нее глаза. Она вдругъ такъ странно поблѣднѣла, что я не могъ окончить свою фразу.

— Другъ мой,—начала она, не глядя на меня,—я гораздо счастливѣе, когда ты со мною, чѣмъ я могла думать и вѣрить... Но, повѣрь мнѣ, мы не рождены для счастья.

— Что можетъ предпочесть душа любви и счастью?—бурно воскликнулъ я.

Она прошептала:

— Святость.

Слово это было сказано такъ тихо, что я скорѣе угадалъ его, чѣмъ услышалъ. Все мое счастье раскрыло крылья и улетѣло отъ меня ввысь.

— Святости я не могу достигнуть безъ тебя, — сказалъ я и, опустивъ голову на колѣни, заплакалъ, какъ дитя, но не отъ печали, а отъ любви.

— Только съ тобой! Только съ тобой! — сказалъ я.

Этотъ день прошелъ, какъ всѣ другіе, но къ обѣду Алиса пришла безъ аметистоваго крестика. Вѣрный своему обѣщанію, я уѣхалъ на слѣдующее утро на зарѣ.

Черезъ день я получилъ слѣдующее странное письмо.

„Я все утро искала тебя, братъ мой. Я не вѣрила, что ты уѣхалъ. Я сердилась на тебя за то, что ты сдержалъ слово. Я думала: это игра. Я думала, что вотъ-вотъ ты покажешься откуда нибудь изъ-за куста. Но нѣтъ! Ты дѣйствительно уѣхалъ. Благодарю тебя.

„Весь день меня осаждали мысли, которыя я хотѣла бы сообщить тебѣ; мною овладѣлъ странный страхъ, что если я ихъ не выскажу, то буду виновата передъ тобой и заслужу твои упреки.

„Въ началѣ твоего пребыванія въ Фонгезмарѣ я испытывала пугавшее меня довольство, такое, которое, по твоимъ словамъ, ничего больше не желаетъ. Увы, это меня и безпокоитъ...

„Я боюсь, другъ мой, что ты меня не вполнѣ поймешь. Я боюсь, что ты увидишь утонченный узоръ мысли въ томъ, что̀ на самомъ дѣлѣ — выраженіе самаго страстнаго чувства моей души.

„Нѣтъ, Жеромъ, насъ не можетъ удовлетворить любовь. Это сладостное довольство я не могу считать истиннымъ. Вѣдь мы сами поняли осенью, сколько въ немъ таится отчаянія... Это, по твоему, истинное счастье? Нѣтъ! Да хранитъ насъ Господь отъ этого! Мы созданы для другого счастья...

„Такъ же, какъ прежде наша переписка испортила наше осеннее свиданіе, такъ и воспоминаніе о томъ, что̀ было вчера, портитъ мое сегодняшнее письмо. Куда дѣвалось наслажденіе, съ которымъ я тебѣ прежде писала? Письмами и свиданіями мы исчерпали всю радость, которая могла быть въ нашей любви. Прощай, другъ мой. Hic incipit amor Dei. Поймешь ли ты когда-нибудь, какъ я тебя люблю?.. До конца твоя—Алиса“.

Противъ подвига я былъ безсиленъ. Всякое геройство ослѣпляло и привлекало меня, ибо я не отдѣлялъ его отъ любви... Письмо Алисы опьяняло меня желаніемъ высокихъ достиженій. Всякій подвигъ казался приближеніемъ не столько къ Богу,

сколько къ ней. Всякая тропинка, лишь бы она шла вверхъ, должна была привести меня къ ней. Я хотѣлъ, чтобы путь все болѣе и болѣе съуживался, оставляя мѣсто только для насъ двоихъ. Увы, я не подозрѣвалъ всю тонкость ея уловки и не представлялъ себѣ, что, возведя меня на вершину, она ускользнетъ отъ меня тамъ окончательно.

Я отвѣтилъ ей длиннымъ письмомъ. Помню только одно мѣсто, въ которомъ я выказалъ нѣкоторую проницательность.

„Мнѣ часто кажется, — писалъ я ей, — что моя любовь — самое во мнѣ лучшее, что всѣ мои качества связаны съ нею, что любовь эта возвышаетъ меня, и безъ нея я упалъ бы до посредственности. Только надежда возвыситься до тебя дѣлаетъ для меня наиболѣе желаннымъ наиболѣе трудный путь“. Не знаю, что я прибавилъ еще, но вотъ отвѣтъ, который я получилъ отъ нея:

„Нѣтъ, другъ мой, святость не создается нашей волей: она — нашъ долгъ. (Слово это было подчеркнуто ею три раза). Если ты такой, какимъ я тебя считаю, ты тоже не уйдешь отъ этого долга“.

Вотъ и все. Я понялъ или, вѣрнѣе, почувствовалъ, что на этомъ остановится наша переписка, и что мнѣ не помогутъ самые разсчитанные совѣты, не поможетъ самая твердая воля.

Я однако продолжалъ ей писать длинныя, нѣжныя письма. Послѣ третьяго письма я получилъ слѣдующую записку:

„Другъ мой, не думай, что я приняла рѣшеніе не писать тебѣ. У меня просто нѣтъ желанія; твои письма мнѣ еще пріятны, но я все болѣе упрекаю себя въ томъ, что до такой степени занимаю твои мысли.

„Лѣто уже не далеко. Откажемся на время отъ переписки и пріѣзжай ко мнѣ въ Фонгезмаръ на вторую половину сентября. Хочешь? Если да, то нѣтъ надобности отвѣчать мнѣ. Я приму твое молчаніе за согласіе, и поэтому желаю, чтобы ты мнѣ не отвѣтилъ“.

Я исполнилъ ея желаніе и ничего не отвѣтилъ. Я надѣялся, что это будетъ послѣднимъ испытаніемъ. Когда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы, а затѣмъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ путешествіяхъ, я пріѣхалъ въ Фонгезмаръ, я былъ очень спокоенъ и увѣренъ въ любви Алисы.

Какъ мнѣ объяснить въ простомъ разсказѣ то, что я самъ сначала такъ плохо понималъ? Я могу только изобразить, какъ возникло отчаяніе, охватившее меня съ этой минуты. Теперь я не могу простить себѣ, что не почувствовалъ подъ наружнымъ равнодушіемъ не угаснувшую любовь; но я видѣлъ только кажу-

щуюся холодность и, не понявъ сердца подруги, сталъ ее обвинять... Нѣтъ, я даже не обвинялъ Алису! Я плакалъ слезами отчаянія, не узнавая ее. Теперь, когда я измѣряю силу ея любви ея молчаніемъ, суровостью ея подвига, не долженъ ли я тѣмъ болѣе любить ее, чѣмъ болѣе страданій она тогда мнѣ причинила? Презрѣніе? Холодность? Нѣтъ: все это можно было побѣдить; но не было ничего, съ чѣмъ бы я могъ бороться; я даже иногда думалъ, что измышляю свое горе—до того причина его оставалась неуловимой и до того Алиса искусно притворялась, что не понимаетъ моихъ страданій. На что я могъ жаловаться? Она была со мной болѣе привѣтлива, чѣмъ когда-либо, улыбалась мнѣ, шла навстрѣчу всѣмъ моимъ желаніямъ. Въ первый день это даже обмануло меня... Не все ли равно, что новая прическа, очень гладкая, придавала жесткость ея чертамъ, мѣняя привычное выраженіе лица; не все ли равно, что она носила платье очень къ ней не шедшее, тусклаго цвѣта, некрасивой ткани, портившее грацію ея движеній... Все это было поправимо; и завтра же, слѣпо думалъ я, она сама, или по моей просьбѣ... Гораздо болѣе меня тревожила ея предупредительность, непривычная въ нашихъ отношеніяхъ; я въ ней видѣлъ болѣе намѣренности, чѣмъ порыва, и—едва рѣшаюсь сказать—больше вѣжливости, чѣмъ любви.

Вечеромъ, выйдя въ залу, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что оттуда вынесли рояль. Я искренно пожалѣлъ объ этомъ.

— Его пришлось отдать въ починку — спокойно сказала мнѣ Алиса.

— Однако я говорилъ тебѣ не разъ, милая, — сказалъ съ упрекомъ дядя,—если ты имъ довольствовалась до сихъ поръ, то можно было подождать, а не отдавать его въ починку какъ разъ передъ пріѣздомъ Жерома. Твоя поспѣшность лишаетъ насъ большого удовольствія.

— Да нѣтъ же, отецъ, — сказала Алиса, отвернувшись, чтобы не было видно, какъ она покраснѣла. — На немъ нельзя было играть, увѣряю тебя. Въ послѣднее время звукъ былъ такой глухой, что даже Жеромъ не могъ бы играть на немъ.

— Когда ты играла, было вовсе не такъ плохо.

Она еще нѣсколько времени стояла, наклонившись въ тѣни, какъ будто снимала мѣрку для чехла на кресло; потомъ она вдругъ ушла изъ комнаты и вернулась только нѣсколько времени спустя, съ подносомъ, на которомъ стояло успокоительное питье, которое дядя выпивалъ всегда на ночь.

На слѣдующій день она не измѣнила ни прически, ни платья; сидя рядомъ съ отцомъ, на скамейкѣ у порога дома, она снова занялась шитьемъ или, вѣрнѣе, какой-то починкой, начатой еще наканунѣ вечеромъ. Рядомъ съ нею, на скамейкѣ или на столѣ, стояла большая корзина, изъ которой она вынимала чулки для штопанья. Черезъ нѣсколько дней чулки были замѣнены полотенцами и простынями... Эта работа, казалось, поглощала ее настолько, что губы утратили всякое выраженіе, а глаза—всякій блескъ.

— Алиса!—воскликнулъ я въ первый вечеръ, ужаснувшись странной прозаичности ея лица, которое я едва могъ узнать. Я нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на нее, но она, повидимому, не чувствовала моего взгляда.

— Что?—сказала она, поднимая голову.

— Я хотѣлъ знать, слышишь ли ты меня? Твои мысли такъ далеки отъ меня.

— Нѣтъ; онѣ здѣсь. Но эта работа требуетъ большого вниманія.

— Не хочешь ли, чтобы я тебѣ читалъ вслухъ, въ то время, какъ ты шьешь?

— Боюсь, что я не смогу внимательно слушать.

— Почему же ты выбираешь работу, до того поглощающую вниманіе?

— Кто-нибудь долженъ ее дѣлать.

— Есть столько бѣдныхъ женщинъ, для которыхъ это было бы заработкомъ. Вѣдь ты не изъ экономіи берешь на себя эту неблагодарную работу?

Она поспѣшила меня завѣрить, что эта работа ей чрезвычайно пріятна, что долго она никакой другой не дѣлала и, вѣроятно, не сможетъ дѣлать. Она улыбалась, говоря это. Никогда голосъ ея не звучалъ такъ нѣжно, и это еще болѣе приводило меня въ отчаяніе. „Все, что я говорю, такъ просто“—говорило ея лицо;—„почему же это тебя печалитъ“? И печаль моего сердца не поднималась болѣе къ устамъ и душила меня.

Черезъ день, когда мы, гуляя по саду, нарвали розъ, она попросила меня снести цвѣты въ ея комнату, куда я въ этомъ году еще ни разу не входилъ. Это сейчасъ же воскресило мои надежды. Я еще упрекалъ себя за свои сомнѣнія и свою печаль; она бы могла исцѣлить меня однимъ словомъ.

Я никогда не входилъ безъ волненія въ эту комнату; въ ней царила звучная тишина, такъ ясно воплощавшая для меня образъ Алисы. Синяя тѣнь занавѣсей у оконъ и вокругъ кро-

вати, блестящая палисандровая мебель, порядокъ, чистота и молчаніе — все говорило моему сердцу о ея чистотѣ и задумчивой граціи.

Я удивился, что на стѣнѣ у кровати не висѣли, какъ обыкновенно, два большихъ фотографическихъ снимка съ фресковъ Мазаччіо; эти снимки я привезъ Алисѣ изъ Италіи. Я только что хотѣлъ спросить ее, что̀ съ ними сталось, когда взглядъ мой упалъ на этажерку съ ея любимыми книгами. Эта маленькая библіотека медленно составилась отчасти изъ книгъ, которыя я ей дарилъ, отчасти изъ тѣхъ, которыя мы вмѣстѣ съ ней читали. Теперь всѣхъ этихъ книгъ не было; ихъ замѣняли ничтожныя религіозныя книжки, къ которымъ Алиса, какъ я думалъ, относится съ полнымъ пренебреженіемъ. Поднявъ глаза, я вдругъ увидѣлъ, что Алиса смѣется, глядя на меня.

— Прости,—сказала она тотчасъ же:—мнѣ стало смѣшно, потому что ты перемѣнился въ лицѣ, когда увидѣлъ мою библіотеку.

У меня не было никакого желанія смѣяться.

— Неужели, Алиса, ты теперь дѣйствительно все это читаешь?

— Да. Почему это тебя удивляетъ?

— Я думалъ, что умъ, привыкшій къ болѣе существенной пищѣ, не можетъ безъ отвращенія питаться такой пошлостью.

— Я тебя не понимаю—сказала она.—Все это смиренныя души, которыя бесѣдуютъ со мной, выражаясь какъ могутъ; общеніе съ ними мнѣ пріятно; я знаю заранѣе, что мы не уступимъ ни соблазну фразъ, ни суетному восторгу.

— Только это ты и читаешь теперь?

— Въ послѣдніе мѣсяцы—почти только это. Впрочемъ у меня не остается много времени для чтенія; недавно, взявъ книгу одного изъ тѣхъ великихъ писателей, которыми я восторгалась подъ твоимъ вліяніемъ, я показалась себѣ тѣмъ, который, какъ говоритъ Писаніе, желаетъ прибавить локоть къ своему росту.

— Кто этотъ „великій авторъ“, который внушилъ тебѣ такое странное представленіе о себѣ?

— Не онъ мнѣ его внушилъ, а, читая его, я пришла къ нему. Это Паскаль. Можетъ быть, я какъ разъ попала на неудачное мѣсто.

Я сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. Она говорила яснымъ, однообразнымъ голосомъ, не поднимая глазъ съ цвѣтовъ, которые ставила въ вазу. На минуту она отвлеклась отъ своего дѣла, замѣтивъ мой жестъ, потомъ продолжала тѣмъ же тономъ.

— Все это—одно краснорѣчіе; зачѣмъ столько ненужныхъ усилій, которыя все равно ничего не доказываютъ? Я иногда спрашиваю себя, не означаетъ ли его паѳосъ скорѣе сомнѣніе, чѣмъ вѣру? Истинная вѣра говоритъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ столько дрожи и столько слезъ.

— Эта дрожь, эти слезы и составляютъ красоту его голоса,— пытался я возразить, довольно однако холодно; все въ словахъ Алисы казалось мнѣ чужимъ. Я передаю то, что она говорила, такъ, какъ помню, не внося въ ея слова логики или преднамѣренности, которой въ нихъ не было.

— Если бы онъ не испилъ до дна свою жизненную радость,— продолжала Алиса,—она бы для него тяжелѣе вѣсила на вѣсахъ, чѣмъ...

— Чѣмъ что?—спросилъ я, удивленный ея странными словами.

— Чѣмъ то невѣрное блаженство, которое онъ предлагаетъ.

— Ты въ него не вѣришь?—воскликнулъ я.

— Не все ли равно! — возразила она. — Я предпочитаю, чтобы блаженство это было невѣрнымъ: тогда исключается всякая возможность торга. Душа, любящая Бога, должна стремиться къ добру по природному влеченію, а не ради награды.

— Вотъ почему благородная душа Паскаля пришла къ скептицизму.

— Нѣтъ, это не скептицизмъ: это сектантскій духъ янсениста,—сказала она, улыбаясь.—Какое мнѣ дѣло до всего этого? Вотъ эти смиренныя души—она указала на книги—совершенно не могли бы сказать, янсенисты ли они, или квіетисты, или что-нибудь другое. Онѣ преклоняются передъ Богомъ, какъ травы, колеблемыя вѣтромъ, безъ лукавства, безъ смущенія, безъ красоты. Онѣ не считаютъ себя замѣчательными и знаютъ, что вся ихъ цѣнность—въ томъ, что онѣ стушевываются передъ Богомъ.

— Алиса! — воскликнулъ я. — Зачѣмъ ты подрѣзала свои крылья?

Голосъ ея оставался спокойнымъ и естественнымъ, и мое восклицаніе показалось мнѣ смѣшнымъ.

Она снова улыбнулась, покачавъ головой.

— Все, что у меня сохранилось отъ моего послѣдняго общенія съ Паскалемъ...

— Что?—спросилъ я, когда она остановилась.

— Это—слова Христа: „Кто захочетъ сохранить свою жизнь, утратитъ ее“. Въ остальномъ,—сказала она, еще болѣе улыбаясь и глядя мнѣ прямо въ лицо, — я право уже почти ничего не поняла. Когда живешь нѣсколько времени въ обществѣ малыхъ

сихъ, удивительно какъ начинаешь задыхаться, чувствуя высоту великихъ.

Неужели мнѣ нечего было сказать ей въ отвѣтъ?

— Если бы я могъ опять прочесть съ тобой всѣ эти проповѣди и размышленія...

— Да нѣтъ же,—прервала она,—я бы ни за что не хотѣла, чтобы ты ихъ читалъ. Я полагаю, что ты рожденъ для бо́льшаго.

Она говорила совершенно просто и какъ будто не чувствовала, что эти слова, которыя такъ разлучали наши двѣ жизни, терзали мое сердце. Голова моя была вся въ огнѣ; я хотѣлъ что-то сказать, хотѣлъ плакать: можетъ-быть, ее побѣдили бы мои слезы; но я не могъ проговорить ни слова и, облокотившись на каминъ, сжималъ лобъ руками. Она продолжала спокойно заниматься цвѣтами, не замѣчая моей печали или дѣлая видъ, что ея не замѣчаетъ.

Въ эту минуту раздался первый звонокъ, призывавшій къ столу.

— Я не успѣю одѣться къ завтраку,—сказала она.—Уходи.—Затѣмъ она прибавила, какъ будто дѣло шло о простой игрѣ:

— Мы еще вернемся къ этому разговору.

Къ этому разговору мы больше не возвращались. Алиса все время ускользала отъ меня; она не избѣгала меня прямо, но всякое случайное занятіе превращалось у нея сразу въ настоятельный долгъ. У меня установился опредѣленный рангъ. Я занималъ второе мѣсто послѣ постоянныхъ хозяйственныхъ дѣлъ, послѣ присмотра за полевыми работами, послѣ посѣщенія фермеровъ, послѣ бѣдныхъ, къ которымъ она все чаще и чаще ходила. Мнѣ посвящался остатокъ времени, очень небольшой; я видѣлъ ее всегда поглощенной домашними дѣлами, но, быть можетъ, именно среди этихъ мелкихъ заботъ я менѣе всего ощущалъ ея отчужденіе отъ меня. Самая короткая бесѣда гораздо болѣе меня въ этомъ убѣждала. Когда Алиса посвящала мнѣ нѣсколько мгновеній, разговоръ выходилъ всегда неловкій: она подчинялась необходимости разговаривать, какъ игрѣ съ ребенкомъ. Она быстро уходила отъ меня, разсѣянная и улыбающаяся, и становилась болѣе далекой, чѣмъ если бы я никогда ея не зналъ. Мнѣ даже временами казалось, что въ улыбкѣ ея чувствуется какой-то вызовъ или, по меньшей мѣрѣ, какая-то иронія, что ей какъ будто пріятно обманывать мои желанія. Потомъ я тотчасъ же обращалъ всѣ обвиненія противъ себя самого, чтобы не упрекать ее. Я не зналъ, чего я собственно жду отъ нея или въ чемъ я могъ бы ее упрекнуть.

Такъ протекали дни, отъ которыхъ я ждалъ столько блаженства. Я съ ужасомъ слѣдилъ за ихъ бѣгомъ, но не желалъ ни удлинить ихъ, ни замедлить ихъ ходъ: до того каждый день усиливалъ мои страданія. За день до моего отъѣзда Алиса пошла со мной къ скамейкѣ пустого домика. Былъ свѣтлый осенній вечеръ; вплоть до яснаго горизонта виднѣлась въ синевѣ всякая черточка и воскресали всѣ даже самыя мимолетныя воспоминанія о прошломъ. Я не могъ сдержать жалобъ, говоря о томъ, сколько утраченнаго счастья таится въ моемъ теперешнемъ горѣ.

— Чѣмъ же я могу помочь, другъ мой?—спросила она.— Ты любишь призракъ.

— Нѣтъ, не призракъ, Алиса.

— Такъ воображаемый образъ.

— Нѣтъ, я этотъ образъ не выдумалъ; это образъ той, которая мнѣ дорога. Я вызываю его. Алиса! Алиса! Вы та, которую я любилъ. Что вы сдѣлали съ собой? Во что вы превратили себя?

Она нѣсколько минутъ не отвѣчала, медленно обрывая лепестки цвѣтка и не поднимая головы; потомъ она, наконецъ, сказала:

— Жеромъ, почему ты не признаешься, что любишь меня не такъ какъ прежде?

— Потому что это неправда! Потому что это неправда!— возмущенно воскликнулъ я. — Никогда еще я не любилъ тебя такъ, какъ теперь.

— Ты меня любишь и... и все же жалѣешь обо мнѣ! — сказала она, пытаясь улыбнуться и слегка пожимая плечами.

— Я не хочу считать мою любовь чѣмъ-то прошлымъ.

Почва ускользала изъ-подъ моихъ ногъ, и я хотѣлъ хоть за что-нибудь ухватиться.

— Однако, она должна пройти, какъ и все другое.

— Такая любовь кончится только съ моей жизнью.

— Она постепенно ослабѣетъ. Та Алиса, которую, какъ тебѣ кажется, ты любишь, существуетъ только въ твоемъ воспоминаніи. Придетъ день, когда ты только будешь помнить, что любилъ ее.

— Ты такъ говоришь, точно что-нибудь могло замѣнить тебя въ моемъ сердцѣ, или точно сердце мое можетъ перестать любить. Развѣ ты не помнишь, что и ты меня любила? Зачѣмъ же ты мучишь меня?

Я видѣлъ, какъ дрогнули ея блѣдныя губы; она прошептала едва слышно:

— Нѣтъ, нѣтъ, мое чувство не измѣнилось.

— Но въ такомъ случаѣ ничто не измѣнилось—сказалъ я, взявъ ее за руку...

Она отвѣтила болѣе увѣренно:

— Есть слово, которое могло бы все объяснить. Почему ты не рѣшаешься сказать его мнѣ?

— Какое слово?

— Я состарилась.

— Молчи...

Я возразилъ ей, что и я постарѣлъ, какъ она, что разница лѣтъ осталась между нами такая же; но Алиса уже овладѣла собой. Единственное мгновеніе миновало, и тѣмъ, что я сталъ спорить, я все испортилъ.

Я уѣхалъ изъ Фонгезмара два дня спустя, недовольный и Алисой, и самимъ собой, съ глухой ненавистью къ тому, что я еще называлъ „добродѣтелью“, съ гнѣвомъ противъ собственныхъ чувствъ. Казалось, что въ это послѣднее свиданіе я отъ избытка любви истратилъ весь ея пылъ. Каждая фраза Алисы, противъ которой я сначала возмущался, оставалась во мнѣ живой и торжествующей, въ то время какъ смолкали всѣ мои возраженія. Конечно, она права, конечно я люблю только призракъ: той Алисы, которую я любилъ и которую еще люблю, больше нѣтъ... Правда и то, что мы состарились. Страшная отрезвленность, леденившая мое сердце, въ концѣ концовъ совершенно естественна; я превознесъ Алису, сотворилъ изъ нея кумиръ, украсилъ ее всѣмъ, что мнѣ дорого—и что же вышло изъ всѣхъ моихъ стараній?.. Предоставленная себѣ самой, Алиса вновь спустилась на свой уровень, очень посредственный, допустимый для меня, но не для нея. Какимъ напраснымъ и призрачнымъ казался мнѣ подвигъ духа, посредствомъ котораго я хотѣлъ настигнуть ее на вершинѣ, куда вознесъ ее самъ. Если бы въ нашей любви было меньше гордыни, она была бы не такой суровой... Но къ чему упрямство въ любви, утратившей цѣль? Это уже не вѣрность, а упрямство. Вѣрность чему? Заблужденію? Не болѣе ли благоразумно сознаться, что я дѣйствительно обманулся...

Мнѣ предложили мѣсто въ аѳинской школѣ; я принялъ это предложеніе безъ радости и только потому, что отъѣздъ казался освобожденіемъ.

IX.

Я еще разъ увидѣлъ Алису... Три года спустя, въ концѣ лѣта. За десять мѣсяцевъ до тѣхъ поръ она мнѣ написала о смерти

своего отца. Я тотчасъ же отвѣтилъ длиннымъ письмомъ изъ Палестины, гдѣ я тогда путешествовалъ; она послѣ того мнѣ больше не писала.

Пріѣхавъ въ Гавръ, я—не помню, подъ какимъ предлогомъ—поѣхалъ въ Фонгезмаръ. Я зналъ, что застану тамъ Алису, но боялся, что она будетъ не одна. Я не увѣдомилъ ее о моемъ пріѣздѣ. Не желая, однако, явиться какъ случайный гость, я не зналъ, зайти ли къ ней, или уѣхать, не повидавъ ея, не стараясь ее повидать... Наконецъ, я рѣшилъ пройтись по аллеѣ, сѣсть на скамейку, гдѣ она, быть можетъ, иногда тоже сидитъ, и какимъ-нибудь знакомъ передать ей, что я былъ на этомъ мѣстѣ... Погруженный въ мои мысли, я шелъ медленнымъ шагомъ; съ той минуты, какъ я рѣшилъ не видаться съ Алисой, острая боль, сжимавшая мнѣ сердце, уступила мѣсто нѣжной грусти. Я уже вошелъ въ аллею, и для того, чтобы Алиса меня не настигла, шелъ внизу, вдоль насыпи, ограждавшей дворъ фермы. Я зналъ мѣсто, откуда взглядъ могъ проникнуть въ садъ; туда я и поднялся. Незнакомый мнѣ садовникъ чистилъ аллеи и вскорѣ исчезъ изъ виду. Собака залаяла, услышавъ мои шаги. Дальше, гдѣ кончалась аллея, я повернулъ направо, дошелъ до садовой стѣны и уже направлялся въ рощу, параллельную аллеѣ, съ которой свернулъ; но вдругъ, проходя мимо входа въ фруктовый садъ, я ощутилъ острое желаніе войти туда.

Калитка была заперта изнутри, но задвижка слабо сопротивлялась, и я съ легкостью могъ бы открыть ее, слегка нажавъ плечомъ... Въ это мгновеніе я услышалъ шаги и спрятался въ углубленіе стѣны.

Я не видѣлъ, кто вышелъ изъ сада, но слышалъ и чувствовалъ, что это была Алиса. Она сдѣлала три шага впередъ и позвала тихимъ голосомъ:

— Это ты, Жеромъ?

Сердце мое бурно забилось и сразу остановилось; я не могъ произнести ни слова, и она повторила громче:

— Это ты, Жеромъ?

Услышавъ звукъ ея голоса, я былъ такъ потрясенъ, что упалъ передъ нею на колѣни. Такъ какъ я все еще ничего не отвѣтилъ, Алиса сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, обогнула стѣну, подошла ко мнѣ и прижалась къ моей груди. Я инстинктивно закрылъ лицо рукой, чтобы не увидѣть ее сразу. Она нѣсколько мгновеній не двигалась, склоненная ко мнѣ, въ то время, какъ я покрывалъ поцѣлуями ея хрупкія руки.

— Почему ты прятался?—спросила она такъ просто, точно три года разлуки длились всего нѣсколько дней.

— Откуда ты знала, что это я?

— Я ждала тебя.

— Ты меня ждала? — сказалъ я, до того удивленный, что смогъ повторить ея слова только вопросительнымъ тономъ...

— Дойдемъ до скамейки!—сказала она.—Да, я знала, что еще разъ увижу тебя. Вотъ уже три дня, какъ я прихожу сюда каждый вечеръ и зову тебя, какъ сегодня. Почему ты не отвѣчалъ мнѣ?

— Если бы ты не пришла сюда, я уѣхалъ бы, не повидавшись съ тобой—сказалъ я, преодолѣвая волненіе.—Пріѣхавъ въ Гавръ, я хотѣлъ погулять по аллеѣ, пройтись вокругъ сада, отдохнуть нѣсколько мгновеній на этой скамейкѣ, на которую ты, какъ я полагалъ, иногда садишься, потомъ...

— Вотъ уже три вечера, какъ я прихожу сюда читать.— Она протянула мнѣ, сказавъ это, пачку писемъ. Я узналъ письма, которыя писалъ ей изъ Италіи. Тогда только я поднялъ на нее глаза. Она необычайно измѣнилась: ея худоба и блѣдность ужаснули меня. Сильно опираясь на мою руку, она такъ прижималась ко мнѣ, точно ей было страшно или холодно. Она еще была въ глубокомъ траурѣ, и черное кружево, надѣтое на голову и обрамлявшее ея лицо, еще болѣе усиливало ея блѣдность. Она улыбалась, но, казалось, вотъ-вотъ лишится чувствъ. Я спросилъ, одна ли она теперь въ Фонгезмарѣ. Оказалось, что нѣтъ, что съ нею живетъ Роберъ; Жюльета, Эдуардъ и трое ихъ дѣтей провели съ ними весь августъ... Мы дошли до скамейки, сѣли, и въ теченіе нѣкотораго времени разговоръ состоялъ изъ пустыхъ разспросовъ; она освѣдомлялась о моей работѣ, я отвѣчалъ нехотя. Я хотѣлъ дать ей понять, что работа не интересуетъ меня болѣе. Я хотѣлъ разочаровать ее, какъ она разочаровала меня. Не знаю, удалось ли это; она, во всякомъ случаѣ, не проявляла недовольства мною. Что касается меня, то, охваченный гнѣвомъ и любовью, я старался говорить съ нею сухо и досадовалъ на себя за то, что въ голосѣ моемъ временами дрожало волненіе.

Заходящее солнце, скрытое нѣсколько мгновеній облакомъ, показалось на линіи горизонта, почти противъ насъ, охватывая дрожащимъ блескомъ опустошенныя поля и заполняя потокомъ свѣта узкую равнину, открывавшуюся у нашихъ ногъ. Потомъ свѣтъ исчезъ. Я былъ ослѣпленъ и ничего не могъ сказать. Я чувствовалъ, какъ меня охватываетъ золотистый восторгъ, въ

которомъ испарялся мой гнѣвъ; во мнѣ звучала только любовь. Алиса, которая все еще сидѣла, прижавшись ко мнѣ и опустивъ голову, выпрямилась. Она вынула изъ корсажа что-то завернутое въ тонкую бумагу, хотѣла протянуть мнѣ свертокъ, но остановилась въ нерѣшительности и сказала въ отвѣтъ на мой изумленный взглядъ:

— Послушай, Жеромъ. Это мой аметистовый крестикъ. Вотъ уже три вечера, какъ я приношу его; я давно уже хочу дать его тебѣ.

— Зачѣмъ?—рѣзко спросилъ я.

— Сохрани его на память обо мнѣ для твоей дочери.

— Для какой дочери?—воскликнулъ я, взглянувъ на Алису и ничего не понимая.

— Выслушай меня спокойно, прошу тебя,—сказала Алиса.— Нѣтъ, не смотри на меня такъ. Мнѣ и безъ того трудно говорить, а это я должна тебѣ сказать. Послушай, Жеромъ, когда-нибудь ты женишься... Нѣтъ, не отвѣчай мнѣ, не прерывай меня, молю. Я просто хотѣла бы, чтобы ты помнилъ, какъ сильно я тебя любила и... вотъ уже давно, вотъ уже три года...я думаю, что этотъ маленькій крестикъ, который ты любилъ, твоя дочь будетъ когда-нибудь носить въ память обо мнѣ... и, можетъ быть, ты дашь ей мое имя...

Она остановилась; голосъ ея оборвался. Тогда я крикнулъ почти враждебнымъ тономъ:

— Почему же ты сама ей не дашь этотъ крестикъ?

Она попыталась снова заговорить, губы ея дрожали, какъ у рыдающаго ребенка, но она не плакала; изумительный блескъ ея взгляда заливалъ ея лицо сверхчеловѣческой ангельской красотою.

— Алиса! На комъ я могу жениться? Ты вѣдь знаешь, что я люблю только тебя.

И вдругъ, безумно прижимая ее къ себѣ, я сталъ безъ памяти цѣловать ее. На мгновенье она не противилась моимъ поцѣлуямъ и взглядъ ея затуманился; потомъ вѣки ея сомкнулись, и голосомъ, полнымъ несравненной звучности, она сказала:

— Сжалься надъ нами, мой другъ! Не унижай нашу любовь.

Можетъ быть, она еще сказала: „не поступай такъ низко“, или, можетъ быть, я это себѣ сказалъ. Не знаю. Но только я вдругъ сталъ передъ нею на колѣни и благоговѣйно обнялъ ее.

— Если ты такъ меня любила, почему же ты постоянно меня отталкивала? Я сначала ждалъ замужества Жюльеты. Я понималъ, что и ты этого ждешь, не зная, будетъ ли она счастлива;

теперь ты увѣрена въ ея счастьѣ. Я долго думалъ, что ты не хочешь покидать отца; но вотъ теперь мы остались одни.

— Не будемъ сожалѣть о минувшемъ—прошептала она.— Теперь оно мертво...

— Еще не поздно, Алиса!

— Нѣтъ, другъ мой, поздно. Уже было поздно тогда, когда путемъ любви мы поняли, что есть для насъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ любовь. Благодаря тебѣ, мой другъ, мечта наша поднялась такъ высоко, что всякое человѣческое удовлетвореніе сдѣлалось бы для насъ паденіемъ. Я часто думала о томъ, чѣмъ могла бы быть наша совмѣстная жизнь: если бы наша любовь не достигла совершенства, я бы не могла вынести ее.

— А ты думала о томъ, чѣмъ стала бы жизнь каждаго изъ насъ безъ другого?

— Нѣтъ, никогда не думала.

— Теперь ты видишь. Я три года скитаюсь въ горѣ...

Спускался вечеръ.

— Мнѣ холодно,—сказала она, поднимаясь и такъ закутываясь въ платокъ, что я не могъ взять ея рукъ.—Помнишь то, что̀ мучило насъ въ Писаніи и казалось непостижимымъ: „Они не достигли обѣщаннаго имъ, ибо Господь предназначалъ насъ для лучшаго“.

— Ты все еще вѣришь въ это?

— Конечно.

Мы шли нѣсколько мгновеній рядомъ, ничего не говоря. Затѣмъ она сказала:

— Ты только представь себѣ это, Жеромъ: для лучшаго!— И вдругъ изъ глазъ ея хлынули слезы въ то время, какъ она повторяла: „для лучшаго“!

Мы снова приблизились къ калиткѣ фруктоваго сада. Она обернулась ко мнѣ:

— Прощай!—сказала она.—Нѣтъ, не иди дальше за мной. Прощай, другъ мой любимый! Теперь начнется лучшее.

Она взглянула на меня, какъ бы удерживая и вмѣстѣ съ тѣмъ удаляя меня, протянувъ руки и положивъ ихъ мнѣ на плечи; глаза ея были полны несказанной любви...

Какъ только калитка закрылась и щелкнула изнутри задвижка, я упалъ на землю, охваченный глубокимъ отчаяніемъ, неутѣшно рыдая среди ночи.

Удержать ее, или силой войти въ садъ, или проникнуть въ

домъ, куда меня навѣрное бы впустили... Нѣтъ, даже теперь, когда я опять переживаю все прошлое, даже теперь я понимаю, что это было немыслимо для меня. Не понять этой невозможности—значитъ не понимать всего, что было со мной.

Неудержимое безпокойство заставило меня вскорѣ написать письмо Жюльетѣ. Я сообщилъ ей, что было въ Фонгезмарѣ, и прибавилъ, что меня тревожатъ блѣдность и истощенность Алисы. Я умолялъ ее обратить вниманіе на сестру, а также написать мнѣ о ея здоровьѣ, потому что я не жду писемъ отъ самой Алисы.

Мѣсяцъ спустя, я получилъ слѣдующее письмо:

„Дорогой Жеромъ!

„Случилось великое горе. Нашей бѣдной Алисы нѣтъ въ живыхъ. Увы, опасенія, которыя ты высказывалъ въ послѣднемъ письмѣ, были вполнѣ основательныя. Уже нѣсколько мѣсяцевъ она чахла безъ опредѣленной болѣзни. Уступая моимъ мольбамъ, она согласилась повидать доктора въ Гаврѣ; докторъ написалъ мнѣ, что ничего серьезнаго въ ея состояніи нѣтъ. Но черезъ три дня послѣ того, какъ ты у нея былъ, она вдругъ уѣхала изъ дому. Я узнала объ ея отъѣздѣ изъ письма Робера; она мнѣ такъ рѣдко писала, что, не напиши мнѣ Роберъ, я бы даже не знала объ ея бѣгствѣ; у меня не было бы основаній тревожиться. Я сильно упрекала Робера за то, что онъ отпустилъ ее и не поѣхалъ съ нею въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ мы не знали ея адреса. Ты можешь себѣ представить мою тревогу: никакой возможности видѣть ее или написать ей. Роберъ былъ въ Парижѣ нѣсколько времени спустя, но не могъ ее разыскать. Онъ такъ непредпріимчивъ, что мы усомнились въ его энергіи. Нужно было предупредить полицію, нельзя же намъ было терзаться въ полномъ невѣдѣніи. Эдуардъ отправился въ Парижъ и вскорѣ дѣйствительно разыскалъ маленькую санаторію, въ которой укрылась Алиса. Увы, онъ разыскалъ ее слишкомъ поздно! Я получила одновременно письмо отъ завѣдывавшаго санаторіей съ извѣщеніемъ объ ея смерти и депешу Эдуарда о томъ, что ему не довелось даже повидать ее. Въ послѣдній день она написала нашъ адресъ на конвертѣ для того, чтобы насъ предупредили, а въ другой конвертъ вложила копію письма, посланнаго ею нашему нотаріусу въ Гаврѣ; въ этомъ письмѣ она выражала свою послѣднюю волю. Кажется, одно мѣсто въ письмѣ касается тебя, и я тебѣ вскорѣ его сообщу. Эдуардъ и Роберъ присутствовали на погребеніи, состоявшемся третьяго дня. Они не одни шли за гробомъ. Нѣсколько больныхъ санаторіи выразили

желаніе присутствовать при отпѣваніи и проводить тѣло на кладбище. Что касается меня, то я жду моего пятаго ребенка со дня на день и, къ несчастью, не могла двинуться изъ дома.

„Дорогой Жеромъ, я знаю, какое глубокое горе тебѣ причинитъ смерть Алисы, и пишу тебѣ съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Я уже два дня какъ лежу въ постели и съ трудомъ могу писать; но я не хотѣла позволить никому другому, даже Эдуарду или Роберу, сообщить тебѣ о смерти той, которую только мы съ тобой и знали. Теперь, когда я уже почти старая мать семейства, когда много пепла покрыло пламенное прошлое, я имѣю право желать свиданія съ тобой. Если какъ-нибудь твои дѣла или твой досугъ направятъ тебя въ Нимъ, пріѣзжай въ Эгъ-Вивъ. Эдуардъ будетъ очень радъ познакомиться съ тобой, а мы съ тобой поговоримъ объ Алисѣ. Прощай, дорогой мой Жеромъ. Я обнимаю тебя съ глубокой скорбью".

Нѣсколько дней спустя я узналъ, что Алиса завѣщала Фонгезмаръ своему брату, но выразила желаніе, чтобы всѣ предметы изъ ея комнаты и еще кое-какая мебель были посланы Жюльетѣ. Мнѣ она просила послать бумаги, вложенныя въ запечатанный конвертъ на мое имя. Я узналъ также, что она просила надѣть ей на шею маленькій аметистовый крестикъ, который я отказался взять при нашемъ послѣднемъ свиданіи; Эдуардъ мнѣ сказалъ, что онъ исполнилъ ея желаніе.

Запечатанный конвертъ, который мнѣ прислалъ нотаріусъ, заключалъ въ себѣ дневникъ Алисы. Я выписываю изъ него рядъ страницъ, не сопровождая ихъ никакими комментаріями. Легко понять, что я думалъ, читая ихъ и какъ глубоко потрясена была моя душа.

Дневникъ Алисы.

Эгъ-Вивъ.

Третьяго дня уѣхала изъ Гавра. Сегодня пріѣхала въ Нимъ: мое первое путешествіе. Освобожденная отъ всякихъ заботъ по хозяйству и кухнѣ, при наступившемъ досугѣ сегодня, 23-го мая 188..., въ день, когда мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ, я начинаю вести дневникъ—безъ особеннаго удовольствія, больше для того, чтобы не чувствовать себя одинокой. Это чувство впервые въ жизни овладѣло мною здѣсь, въ новой, почти чужой обстановкѣ, съ которой я пока не установила никакой внутренней связи. Можетъ быть, здѣшняя природа скажетъ мнѣ то же, что говорила Нормандія и что я неустанно слышала въ Фонгезмарѣ. Богъ всюду тотъ же—но этотъ югъ говоритъ на языкѣ еще мнѣ невѣдомомъ, и я внимаю ему съ удивленіемъ.

24-го мая.

Жюльета дремлетъ на кушеткѣ подлѣ меня—на открытой верандѣ, составляющей прелесть этого дома въ итальянскомъ вкусѣ; веранда—на одномъ уровнѣ съ песчанымъ дворомъ, продолжающимъ садъ... Жюльета, не вставая съ кушетки, видитъ передъ собой лугъ, тянущійся до фонтана, гдѣ плещется множество пестрыхъ утокъ и плавно плаваютъ два лебедя. Фонтанъ наполняется водой изъ ручья, который, говорятъ, не засыхаетъ все лѣто, орошая также садъ, разростающійся въ концѣ въ рощу между виноградниками.

Эдуардъ Тесьеръ показалъ вчера моему отцу садъ, ферму, погреба, виноградники; я въ это время оставалась съ Жюльетой и поэтому сегодня утромъ, очень рано, могла одна совершить первую прогулку. Въ паркѣ оказалось много невѣдомыхъ растеній и деревьевъ, названіе которыхъ мнѣ хотѣлось знать. Я сорвала съ каждаго по вѣточкѣ, чтобы за завтракомъ узнать, какъ ихъ называютъ. Однимъ изъ деревьевъ оказался зеленый дубъ, такой же, какимъ восторгался Жеромъ въ саду виллы Боргезе или Доріа-Памфили... Это деревья той же породы, какъ наши сѣверные дубы, но выраженіе у нихъ совершенно другое; они защищаютъ своей тѣнью, почти въ самомъ концѣ парка, узкую таинственную поляну и наклоняются надъ мягкой травой, какъ бы призывая хоръ нимфъ. Я удивляюсь, почти пугаюсь того, что мое чувство къ природѣ, такое глубоко христіанское въ Фонгезмарѣ, помимо моей воли становится здѣсь миѳологическимъ. Однако я чувствовала, что страхъ, все болѣе охватывавшій меня въ паркѣ, былъ молитвенный. Я шептала слова: „hic nemus“. Воздухъ былъ хрустальный; наступила странная тишина. Я думала объ Орфеѣ, объ Армидѣ, какъ вдругъ раздалось одинокое пѣніе птицы: она пѣла гдѣ-то близко отъ меня и такъ вдохновенно, что мнѣ вдругъ показалось, будто вся природа ждала эту пѣсню. Сердце мое сильно забилось; я на мгновеніе прислонилась къ дереву, а потомъ пошла домой; всѣ еще спали, когда я вернулась.

26-го мая.

Все еще нѣтъ письма отъ Жерома. Если бы онъ написалъ въ Гавръ, письмо его мнѣ переслали бы... Я могу довѣрить мое безпокойство только этой тетради; ни вчерашняя поѣздка въ Бо, ни чтеніе, ни молитва, вотъ уже три дня, не могутъ ни на минуту развлечь меня. Сегодня я не могу ни о чемъ другомъ писать. Странная печаль, которая не покидаетъ меня съ самаго пріѣзда въ Эгъ-Вивъ, быть-можетъ не имѣетъ другой

причины, кромѣ его молчанія. Все же я чувствую ее въ себѣ такъ глубоко, какъ будто она давно во мнѣ и какъ будто радость, которою я гордилась, лишь прикрывала ее сверху.

Зачѣмъ лгать себѣ самой? Я только намѣренно убѣждаю себя, что радуюсь счастью Жюльеты. Я такъ желала для нея счастья, что готова была пожертвовать своимъ собственнымъ; но теперь мнѣ тяжело, что счастье такъ легко ей досталось; мы съ ней мечтали о совсѣмъ иномъ счастьѣ для нея. Какъ все это сложно! Если я не ошибаюсь, во мнѣ говоритъ эгоистическое чувство: я оскорблена тѣмъ, что ей не понадобилась моя жертва для того, чтобы быть счастливой. И я спрашиваю себя теперь, встревоженная молчаніемъ Жерома: неужели я въ глубинѣ сердца дѣйствительно принесла эту жертву? Я какъ бы принижена тѣмъ, что Господь не требуетъ ея отъ меня. Неужели я не способна на жертву?

28-го мая.

Какъ опасно углубляться въ причины своей печали! Я уже привязываюсь къ этой тетрадкѣ. Неужели кокетство, которое я считала побѣжденнымъ, снова заявляетъ о своихъ правахъ? Нѣтъ, эта тетрадка не сдѣлается услужливымъ зеркаломъ, передъ которымъ наряжается моя душа. Я пишу не потому, что у меня много досуга, какъ я сначала думала; я пишу, потому что я печальна. Печаль—грѣхъ, котораго я не знала, который я ненавидѣла, и я хочу освободить отъ него душу. Тетрадь эта поможетъ мнѣ воскресить счастье въ моей душѣ. Печаль—осложненное состояніе души. Я вѣдь не старалась понять счастье, когда ощущала его.

Въ Фонгезмарѣ я была одинока, болѣе одинока, чѣмъ здѣсь... Почему же это не тяготило меня? И когда Жеромъ писалъ мнѣ изъ Италіи, я вполнѣ мирилась съ его отсутствіемъ, я мысленно слѣдовала за нимъ, и его радость становилась моей. Теперь я противъ воли призываю его, ибо безъ него все, что я вижу новаго, мнѣ въ тягость...

10-го іюня.

Долгій перерывъ едва начатаго дневника: рожденіе маленькой Лизы; долгія бдѣнія у постели Жюльеты. Все, что я могла бы написать Жерому, мнѣ вовсе не хочется писать здѣсь въ дневникѣ; я ненавижу свойственную столькимъ женщинамъ экспансивность въ письмахъ. Буду смотрѣть на эту тетрадь, какъ на средство совершенствованія.

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько страницъ, выписокъ изъ книгъ, замѣчаній о прочитанномъ и т. д. Слѣдующая запись дневника была сдѣлана уже въ Фонгезмарѣ.

— Жюльета счастлива; она это сама говоритъ, и вся видимость за это; я не имѣю ни права, ни основанія сомнѣваться... Почему же я ощущаю въ ея присутствіи странное чувство неудовлетворенности? Можетъ быть потому, что счастье ея такое житейски удобное, такъ легко доставшееся ей, такое прилаженное къ обстоятельствамъ, что оно какъ бы раздавило ея душу.

И я спрашиваю себя теперь, счастья ли я желаю, или восхожденія къ счастью? Да хранитъ меня Господь отъ счастья слишкомъ легко достижимаго! Да научитъ меня Господь ждать, поднимаясь на высоты моего счастья.—

Вслѣдъ за этой записью было вырвано нѣсколько страницъ, вѣроятно описывавшихъ наше тяжелое свиданіе въ Гаврѣ. Дневникъ возобновленъ былъ только черезъ годъ. На листкахъ не было помѣчено числа, но все въ нихъ написанное относилось навѣрное ко времени моего пребыванія въ Фонгезмарѣ.

— Часто, когда я его слушаю, мнѣ кажется, что это я говорю вслухъ. Онъ объясняетъ меня и открываетъ меня мнѣ самой. Какъ мнѣ быть безъ него? Я ощущаю свою жизнь только въ его присутствіи.

Иногда я не знаю, есть ли то чувство, которое я испытываю къ нему, дѣйствительно то, что называютъ любовью—до того обычныя описанія любви не похожи на то, во что я бы хотѣла превратить любовь. Я хотѣла бы, чтобы ничего не было сказано, хотѣла бы любить, не зная, что люблю; въ особенности хотѣла бы любить его такъ, чтобы онъ объ этомъ не зналъ.

Все, что я переживаю безъ него, не доставляетъ мнѣ никакой радости. Все, что во мнѣ есть хорошаго, существуетъ только чтобы нравиться ему—и все же, когда я съ нимъ, я слабѣю.

Я любила играть на фортепіано, потому что мнѣ казалось, что я съ каждымъ днемъ дѣлаю кое-какіе успѣхи. Вотъ почему, можетъ быть, пріятно читать книгу на чужомъ языкѣ; я вовсе не предпочитаю какой бы то ни было языкъ нашему и ни одинъ изъ любимыхъ мною нашихъ писателей не уступаетъ ни въ чемъ кому-либо изъ иностранныхъ, но трудность проникновенія въ смыслъ и настроенія чужого писателя и безсознательная ра-

дость, съ которой побѣждаешь эту трудность, прибавляетъ къ умственному удовлетворенію еще какое-то удовлетвореніе духа, мнѣ почти необходимое.

Какимъ бы блаженнымъ ни было мое состояніе духа, я бы не желала, чтобы оно длилось безъ перемѣны. Я представляю себѣ небесную радость не какъ сліяніе съ Богомъ, а какъ приближеніе, длящееся безъ конца... И еслибы я не боялась играть словами, я бы сказала, что не хочу такой радости, которая не можетъ возрастать.

Сегодня утромъ мы сидѣли вдвоемъ на скамейкѣ въ аллеѣ; мы ничего не говорили и не чувствовали потребности въ словахъ... Вдругъ онъ спросилъ меня, вѣрю ли я въ загробную жизнь.

— Не только вѣрю, Жеромъ,—тотчасъ же воскликнула я,— а даже увѣрена...

Мнѣ вдругъ показалось, что вся моя вѣра какъ бы исчерпалась въ этомъ возгласѣ.

— Я хотѣлъ бы знать...—сказалъ онъ и, помолчавъ, закончилъ:—Поступала ли бы ты иначе, не будь у тебя вѣры?

— Какъ мнѣ это знать? — отвѣтила я и прибавила: — Но вѣдь и ты, даже противъ воли, другъ мой, тоже не можешь дѣйствовать иначе, чѣмъ подъ вліяніемъ истинной вѣры. И я бы не могла любить тебя инымъ.

Нѣтъ, Жеромъ, нѣтъ. Наша жажда совершенства стремится не къ будущей наградѣ; не награды ищетъ наша любовь. Мысль о вознагражденіи оскорбительна для высоко настроенной души. Добродѣтель для нея не украшеніе; нѣтъ, это форма ея красоты.

Отцу опять не совсѣмъ хорошо. Надѣюсь, ничего серьезнаго, но онъ вотъ уже три дня, какъ долженъ былъ перейти опять на молочный режимъ.

Вчера вечеромъ, когда Жеромъ уже поднялся къ себѣ въ комнату, отецъ, сидѣвшій еще нѣсколько времени со мной, оставилъ меня одну на короткое время. Я сидѣла на диванѣ или вѣрнѣе—чего со мной почти никогда не бываетъ—прилегла на диванъ, сама не зная почему. Абажуръ защищалъ отъ свѣта мои глаза и верхъ фигуры; я машинально посмотрѣла на ноги, слегка высовывавшіяся изъ-подъ платья и озаренныя лампой. Когда отецъ снова вошелъ въ комнату, онъ простоялъ нѣсколько минутъ у порога, странно глядя на меня улыбающимся и въ то же время печальнымъ взглядомъ. Я почему-то смутилась и поднялась; тогда онъ подозвалъ меня къ себѣ.

— Сядь около меня,—сказалъ онъ. Хотя уже было поздно,

онъ сталъ мнѣ говорить о моей матери, чего никогда не дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ они разошлись. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ на ней женился, какъ ее любилъ и какъ сначала она была всѣмъ для него.

— Отецъ,—сказала я ему наконецъ,—умоляю тебя, скажи мнѣ, почему ты все это разсказываешь мнѣ сегодня, именно сегодня?..

— Потому что когда я только что вошелъ въ залу и увидѣлъ тебя лежащею на диванѣ, мнѣ на мгновеніе показалось, что это не ты, а твоя мать.

Я потому такъ настойчиво спрашивала его, что именно въ этотъ вечеръ... Жеромъ читалъ стоя, прислонившись къ моему креслу и наклонившись надо мной. Я его не видѣла, но чувствовала его дыханіе и какъ бы теплоту и трепетъ его тѣла. Я дѣлала видъ, что продолжаю читать, но уже ничего не понимала; я даже не разбирала уже больше строчекъ: такое сильное волненіе охватило меня, что я должна была встать со стула, пока еще у меня хватало силъ. Я вышла на нѣсколько мгновеній изъ комнаты, и онъ къ счастью ничего не замѣтилъ. Но немного позже, когда я легла на кушетку, на которой меня увидѣлъ отецъ, когда сказалъ, что я похожа на мою мать — я думала именно о ней.

Я очень плохо спала эту ночь, чѣмъ-то угнетенная, несчастная, охваченная воспоминаніями о прошломъ, которое поднималось во мнѣ какъ угрызеніе совѣсти.

Господи, внуши мнѣ ужасъ передъ тѣмъ, что̀ хоть сколько-нибудь отмѣчено зломъ!

Бѣдный Жеромъ! Еслибы онъ зналъ, что иногда ему стоило бы только сдѣлать движеніе ко мнѣ, и что иногда я жду этого движенія...

Когда я была ребенкомъ, я ради него желала быть красивой. Теперь мнѣ кажется, что я для него стремлюсь къ совершенству, и что этого совершенства я могу достигнуть только отказавшись отъ него. Это велѣніе Господне болѣе всего смущаетъ мою душу.

Какъ счастлива должна быть душа, для которой духовное совершенство сливалось бы съ любовью! Иногда я сомнѣваюсь, что есть другое совершенство, чѣмъ любить, любить какъ можно лучше и какъ можно дольше... Но въ иные дни, увы, духовный долгъ представляется мнѣ въ образѣ отреченія отъ любви. И какъ бы я осмѣлилась назвать совершенствомъ самое естественное

влеченіе сердца. О соблазнительный софизмъ! О пагубное стремленіе! Коварный миражъ счастья...

Сегодня утромъ я прочла у Лабрюйера:

„Иногда въ жизни намъ отказываютъ въ такихъ нужныхъ сердцу наслажденіяхъ и въ такихъ нѣжныхъ связяхъ, что естественно желать, чтобы они были дозволены: превзойти желаніе столь великихъ утѣшеній можно только увѣренностью, что отказываешься отъ нихъ во имя духовнаго подвига".

Зачѣмъ же мнѣ придумывать защиту своихъ чувствъ? Или, можетъ быть, меня тайно влечетъ еще болѣе сильное очарованіе, болѣе сладостное, нежели чары любви? О, еслибы я могла увлечь обѣ наши души силой любви за предѣлы любви!..

Увы, теперь я слишкомъ хорошо понимаю: между Богомъ и имъ нѣтъ другой преграды, кромѣ меня самой! Если его любовь ко мнѣ и устремляла его сначала къ Богу, все же теперь эта любовь является для него препятствіемъ; онъ медлитъ близъ меня, онъ предпочитаетъ меня, и я становлюсь кумиромъ, который мѣшаетъ ему идти впередъ по пути подвига. Нужно, чтобы одинъ изъ насъ пошелъ по этому пути, побѣдивъ любовь. Чувствуя невозможность изъять любовь изъ моего слабаго сердца, я молю Господа дать мнѣ силы: нужно, чтобы онъ разлюбилъ меня, и я должна привести его къ этому; такимъ образомъ, цѣной своего совершенства, я принесу Господу его достоинство, безконечно болѣе драгоцѣнное... И если душа моя рыдаетъ теперь при мысли, что я должна его утратить, то вѣдь потомъ я найду его въ Тебѣ, о Господи!..

Какая душа, о Господи, свершала большее? Не рожденъ ли онъ развѣ для большаго, чѣмъ для того, чтобы любить меня, и развѣ я любила бы его такъ, еслибы жизнь его духа остановилась на мнѣ? Какъ безконечно умаляется въ счастьѣ то, что могло бы стать геройствомъ!

Воскресенье.

„Господь хранитъ насъ для лучшаго".

Понедѣльникъ, 3 мая.

Когда счастье тутъ же, когда оно идетъ навстрѣчу и предлагаетъ себя...

Когда стоитъ только протянуть руку, чтобы завладѣть имъ!..

Сегодня утромъ, разговаривая съ нимъ, я завершила жертву.

Понедѣльникъ вечеромъ.

Онъ завтра уѣзжаетъ...

Дорогой Жеромъ, я все еще люблю тебя съ безконечной нѣж-

ностью, но уже никогда болѣе я не смогу тебѣ это сказать. Запретъ, который я налагаю на мои глаза, на мои уста, на мою душу—такой суровый, что разлука съ тобой будетъ для меня освобожденіемъ и горькимъ удовлетвореніемъ.

Я стараюсь дѣйствовать разумно, но въ моментъ дѣйствія причины, вліявшія на мои поступки, ускользаютъ или кажутся мнѣ безумными. Я перестаю въ нихъ вѣрить...

Почему я бѣгу отъ него? Всѣ доводы кажутся мнѣ неубѣдительными... и все же я бѣгу отъ него съ безконечной печалью, не понимая почему.

Господи! Направляться къ Твоимъ высотамъ вдвоемъ, вмѣстѣ съ Жеромомъ, помогая другъ другу... Пройти жизнь, какъ два странника, изъ которыхъ одинъ говоритъ иногда другому: „обопрись на меня, братъ, если ты усталъ“, и которому другой отвѣчаетъ: „мнѣ достаточно чувствовать тебя“!.. Но нѣтъ! Путь, по которому идутъ къ Тебѣ, Господи, узкій — такой узкій, что двое не могутъ идти рядомъ.

4 іюля.

Вотъ уже болѣе шести недѣль, какъ я не раскрывала эту тетрадь. Въ прошломъ мѣсяцѣ, перечитывая нѣсколько страницъ, я замѣтила безцѣльное, грѣховное желаніе хорошо писать... Желаніе, которымъ я обязана ему...

Въ этой тетради, которую я начала для того, чтобы она помогла мнѣ обойтись безъ него, я продолжала писать ему.

Я разорвала всѣ страницы, которыя показались мнѣ хорошо написанными (я знаю, что это значитъ). Нужно было бы разорвать и всѣ тѣ, на которыхъ говорится о немъ. Нужно было бы все разорвать... Я не могла.

И уже то, что я порвала нѣсколько страницъ, преисполнило меня нѣкоторой гордостью... Гордостью, надъ которой я бы смѣялась, еслибы сердце мое не было такое больное.

Какъ можно было думать, что порванное мною имѣло какую-нибудь цѣнность и что было доблестнымъ сдѣлать то, что я сдѣлала?

6 іюля.

Мнѣ пришлось многое изгнать изъ моей библіотеки...

Въ каждой книгѣ я бѣгу отъ него и вновь его нахожу. Даже читая страницу, на которой я останавливалась помимо него, я слышу, какъ онъ мнѣ ее читаетъ. Меня привлекаетъ только то, что интересуетъ его. Мысль моя уподобилась его мыслямъ на

столько, что я не могу ихъ различить, какъ и въ то время, когда мнѣ радостно было ихъ сливать.

Иногда я стараюсь плохо писать, чтобы спастись отъ ритма его фразы; но бороться противъ него—значитъ опять-таки заниматься имъ. Я рѣшила читать теперь только Библію (или, можетъ-быть, „Подражаніе“) и вписывать ежедневно въ эту тетрадь только наиболѣе поразившія меня при чтеніи слова.

Ежедневно, начиная съ перваго іюля, она вносила въ дневникъ тотъ или другой текстъ выпиской изъ Писанія. Я выписываю только то, что сопровождалось какимъ-нибудь толкованіемъ.

20 іюля.

„Раздай твое имущество“. Я понимаю это въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ отдать бѣднымъ мое сердце, отданное Жерому; это побудило бы его сдѣлать то же самое... Господи, дай мнѣ силу это сдѣлать!

24 іюля.

Я перестала читать „Internelle Consolacion“. Этотъ старинный языкъ меня очень увлекаетъ, но разсѣиваетъ; почти языческая радость, которую я ощущаю при чтеніи, не имѣетъ ничего общаго съ назиданіемъ, котораго я искала.

Снова взялась за „Подражаніе“, и читаю его не въ латинскомъ текстѣ, пониманіе котораго мнѣ доставляетъ суетное удовольствіе. Мнѣ пріятно, что переводъ никѣмъ не подписанъ; онъ, правда, сдѣланъ протестантомъ, но „приспособленъ ко всѣмъ христіанскимъ вѣроученіямъ“, какъ гласитъ заглавіе. „О, еслибы ты зналъ, какой миръ ты обрѣтешь и какую радость дашь другимъ, подвизаясь на стезѣ добродѣтели, я не сомнѣваюсь, что ты бы еще болѣе старательно стремился къ этому“.

10 августа.

Когда я буду взывать къ Тебѣ, о Господи, въ порывѣ дѣтской вѣры и небеснымъ голосомъ ангеловъ...

Все это, я знаю, дано мнѣ не Жеромомъ, а Тобой, о Господи!

Но почему между Тобой и мною Ты ставишь всюду его образъ?

14 августа.

Болѣе двухъ мѣсяцевъ, чтобы завершить этотъ трудъ... О, Господи, помоги мнѣ!

20 августа.

Я ясно чувствую, чувствую по моей грусти, что жертва не

завершена въ моемъ сердцѣ. Господи, помоги мнѣ быть обязанной только Тебѣ радостью, которую мнѣ давалъ только онъ!

28 августа.

Къ какому жалкому, печальному совершенству я пришла! Развѣ я слишкомъ много отъ себя требовала? Только не страдать...

Какое униженіе вѣчно молить Бога о силѣ! Вся моя молитва превратилась въ жалобу.

29 августа.

„Взгляните на лиліи полевыя“...

Эти простыя слова повергли меня сегодня утромъ въ непреодолимую печаль. Я вышла въ поле, и эти слова, которыя я невольно повторяла безъ конца, наполняли слезами мое сердце и глаза. Я созерцала широкую пустую равнину, гдѣ работалъ землепашецъ, склоненный надъ плугомъ... Лиліи полевыя... Но гдѣ онѣ, Господи?..

10 сентября, 10 часовъ вечера.

Я вновь увидѣла его. Онъ тутъ, подъ этимъ кровомъ. Я вижу на травѣ свѣтъ изъ его окна. Въ то время, какъ я пишу эти строки, онъ бодрствуетъ, онъ, можетъ-быть, думаетъ обо мнѣ. Онъ не измѣнился: онъ это говоритъ, и я это чувствую. Съумѣю ли я показаться ему такой, какой я рѣшила быть для того, чтобы онъ пересталъ любить меня?..

24 сентября.

О, страшный разговоръ, въ которомъ я съумѣла притвориться равнодушной и холодной въ то время, какъ сердце трепетало во мнѣ! До сегодняшняго дня я только избѣгала его. Сегодня я могла надѣяться, что Господь мнѣ дастъ силу побѣдить его и что слишкомъ малодушно избѣгать борьбы. Одержала ли я побѣду? Ослабѣла ли любовь Жерома хотя бы немного?.. Увы, это то, на что я надѣюсь и чего я боюсь... Я никогда не любила его такъ сильно, какъ теперь...

Если нужно, Господи, чтобы для его спасенія я погибла, я готова...

Мы говорили о Паскалѣ. Что могла я сказать ему? Какія постыдныя, нелѣпыя сужденія я высказывала! Я страдала, произнося ихъ, и теперь раскаиваюсь въ нихъ, какъ въ святотатствѣ. Я вновь взяла тяжелую книгу „Мыслей“, которая сама раскрылась на слѣдующемъ мѣстѣ писемъ къ мадемуазель де-Роанэ: „Мы не чувствуемъ тяжесть оковъ, когда добровольно слѣдуемъ за тѣмъ, кто насъ увлекаетъ; но когда начинаешь сопротивляться, уходить, страданія усиливаются“.

Эти слова такъ непосредственно напомнили мои страданія, что у меня не было силъ продолжать чтеніе.

На этомъ заканчивалась первая тетрадь дневника. Слѣдующую тетрадь Алиса навѣрное разорвала. Въ бумагахъ, оставленныхъ ею, дневникъ возобновлялся три года спустя, тоже въ Фонгезмарѣ, въ сентябрѣ — то-есть не задолго передъ нашимъ послѣднимъ свиданіемъ.

Въ послѣдней тетради я прочелъ слѣдующее:

17 сентября.

Господи, какъ сильна моя потребность любить Тебя.

20 сентября.

Господи, помоги мнѣ отдать Тебѣ мое сердце.

Господи, дай мнѣ только его увидѣть.

Господи, я отдамъ Тебѣ мое сердце; дай мнѣ то, чего проситъ моя любовь.

Я отдамъ Тебѣ всю жизнь, которая останется во мнѣ.

Господи, прости мнѣ эту постыдную молитву: я не могу стереть его имя съ моихъ устъ, не могу стереть страданія съ моего сердца.

Господи, взываю къ Тебѣ, не оставь меня въ моемъ отчаяніи.

21 сентября.

„Все, о чемъ ни попросите моего Отца во имя мое“...

Господи, во имя Твое я не смѣю...

Но если я не высказываю мою мольбу, Тебѣ все же будетъ вѣдомо безумное желаніе моего сердца.

27 сентября.

Сегодня съ утра великое спокойствіе. Почти всю ночь я провела въ размышленіи, въ молитвѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что меня окутало, нисходя въ меня, лучистое спокойствіе, въ образѣ, который въ дѣтствѣ я составила себѣ о святомъ духѣ. Я тотчасъ же легла, боясь, что радость моя вызвана только нервнымъ возбужденіемъ. Я быстро заснула, и это блаженство не покидало меня. Оно осталось во мнѣ и сегодня утромъ. Я теперь увѣрена, что увижу его.

30 сентября.

Жеромъ, другъ мой, ты, котораго я еще называю моимъ братомъ, но котораго я люблю безконечно болѣе, чѣмъ брата... Сколько разъ я громко зову тебя въ рощѣ вязовъ... Выходя

каждый вечеръ въ сумеркахъ изъ маленькой калитки фруктоваго сада, я спускаюсь по потемнѣвшей уже аллеѣ... мнѣ представляется, что ты мнѣ вдругъ отвѣтишь, что ты вдругъ появишься за каменистой насыпью, останавливающей мой взоръ, или же что я увижу тебя издалека, поджидающимъ меня на скамейкѣ. Если бы это случилось, сердце мое не дрогнуло бы; напротивъ того, меня удивляетъ, что я тебя не вижу...

1 октября.

Его еще нѣтъ. Солнце зашло на несравненно яснымъ небѣ. Я жду. Я знаю, что скоро на этой скамейкѣ я буду сидѣть съ нимъ... Я уже слышу его слова. Мнѣ радостно слышать, какъ онъ произноситъ мое имя. Онъ придетъ, и я вложу свою руку въ его руку. Я прислонюсь лбомъ къ его плечу... Я буду дышать около него... Уже вчера я взяла съ собой нѣсколько его писемъ, чтобы перечитать ихъ, но я не заглянула въ нихъ, слишкомъ занятая своими мыслями. Я также взяла съ собой его любимый аметистовый крестикъ, который когда-то носила каждый вечеръ, тѣмъ самымъ прося его не уѣзжать. Мнѣ хотѣлось бы отдать ему этотъ крестикъ. У меня уже давно была мечта, что онъ женится, и что я буду крестной матерью его первой дочери, маленькой Алисы, и подарю ей этотъ крестикъ. Почему я никогда не рѣшалась сказать ему это?

2 октября.

Душа моя легка и радостна сегодня, какъ птичка, свившая себѣ гнѣздо на небѣ. Я это чувствую, я это знаю. Я бы хотѣла это всѣмъ крикнуть; я чувствую потребность написать это здѣсь. Я не могу скрыть моей радости; даже Роберъ, обыкновенно такой разсѣянный и невнимательный ко мнѣ, замѣтилъ это. Его вопросы смутили меня, и я не знала, что ему отвѣтить. Какъ я дождусь вечера?..

Какая-то прозрачная пелена представляетъ мнѣ всюду его образъ въ увеличенномъ видѣ и сосредоточиваетъ всѣ лучи любви на единственной жгучей точкѣ моего сердца.

О, какъ меня утомляетъ ожиданіе!..

О, Господи, раскрой мнѣ на мгновеніе широкіе чертоги счастья!..

3 октября.

Все погасло. Увы, онъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ какъ тѣнь. Онъ здѣсь былъ, онъ здѣсь былъ. Я еще чувствую его близость, я зову его. Мои руки, мои уста тщетно ищутъ его въ ночи...

Я не могу ни молиться, ни спать. Я снова вышла въ темный

садъ. У себя въ комнатѣ и всюду въ домѣ мнѣ было страшно; отчаяніе привело меня къ калиткѣ, за которой я его оставила; я открыла ее съ безумной надеждой: вдругъ онъ вернулся! Я стала звать. Я ощупывала руками темноту. Я вернулась домой, чтобы написать ему. Я не могу примириться со своей утратой...

Что произошло, что я ему сказала? Что я сдѣлала? Какая безумная потребность всегда преувеличивать передъ нимъ свои совершенства! Какую цѣну можетъ имѣть подвигъ, отрицаемый всѣмъ моимъ сердцемъ! Я втайнѣ отрицала всѣ слова, которыя Господь вкладывалъ въ мои уста... Изъ всего, что наполняло мое сердце, ничего не сказали мои уста. Жеромъ, Жеромъ, мой горестный другъ! Въ твоемъ присутствіи разрывается мое сердце, вдали отъ тебя я умираю! Изъ всего, что я тебѣ говорила, слушай лишь то, что тебѣ повѣствуетъ моя любовь.

Я порвала мое письмо и написала другое. Вотъ взошла заря, сѣрая, омоченная слезами, столь же печальная, какъ мои мысли... Я слышу, какъ пробуждается ферма, какъ просыпается къ жизни все, что спало... „Встань. Наступилъ часъ“...

Мое письмо не пойдетъ.

5 октября.

Ревнивый Богъ, лишившій меня всѣхъ богатствъ, возьми мое сердце! Весь пылъ оставилъ его и уже ничто его не радуетъ. Помоги мнѣ преодолѣть этотъ жалкій остатокъ меня самой. Этотъ домъ, этотъ садъ невыносимо усиливаютъ мою любовь. Я убѣгу куда-нибудь, гдѣ буду видѣть только Тебя!

Ты, Господи, поможешь мнѣ отдать бѣднымъ все, что есть у меня. Я завѣщаю Роберу Фонгезмаръ, такъ какъ мнѣ трудно его продать. Я написала завѣщаніе, но не знаю, какія нужно исполнить формальности; я боялась говорить вчера слишкомъ опредѣленно съ нотаріусомъ, чтобы онъ не заподозрилъ принятое мною рѣшеніе и не увѣдомилъ бы Жюльету или Робера. Я все это закончу въ Парижѣ.

10 октября.

Я пріѣхала сюда до того утомленная, что первые два дня пролежала въ постели. Врачъ, котораго призвали противъ моего желанія, сказалъ, что нужна операція. Зачѣмъ противиться? Я только безъ труда убѣдила его, что операція эта меня пугаетъ и что я рѣшила подождать, пока нѣсколько окрѣпну. Мнѣ удалось скрыть свое имя, свой адресъ. Я передала, при вступленіи въ домъ, достаточную сумму денегъ и меня приняли безпрепятственно. Денегъ этихъ достаточно на то время, которое Господь сочтетъ нужнымъ оставить мнѣ. Моя комната мнѣ нравится.

Полная чистота—единственное убранство стѣнъ. Я съ удивленіемъ ощущаю въ сердцѣ чувство, похожее на радость. Оно явилось, потому что я уже ничего не жду отъ жизни. Я должна теперь довольствоваться Богомъ; любовь къ Нему только тогда приноситъ блаженство, когда заполняетъ душу всецѣло...

Я взяла съ собой изъ книгъ только Библію; но въ эту минуту въ душѣ моей звучитъ громче словъ, которыя я читаю въ Писаніи, безумное рыданіе Паскаля: „Все, что не есть Богъ, не можетъ заполнить мое сжиданіе“. О, слишкомъ человѣческая радость, которой могло жаждать мое неосторожное сердце... Не для того ли, Господи, ты довелъ меня до отчаянія, чтобы у меня вырвался этотъ крикъ?

12 октября.

Да придетъ царствіе Твое! Да придетъ оно во мнѣ; да владѣетъ Господь мною и да владѣетъ мною всецѣло. Я уже не стану торговаться о сердцѣ моемъ.

Я такъ устала, точно уже очень стара; но душа моя сохраняетъ странную дѣтскость. Я осталась маленькой дѣвочкой, которая не можетъ уснуть, если въ ея комнатѣ не все въ порядкѣ, если снятое платье не сложено аккуратно на стулѣ у постели.

Именно такъ я хотѣла бы подготовиться и къ смерти.

13 октября.

Я перечла мой дневникъ прежде чѣмъ уничтожить его. „Недостойно великихъ сердецъ простирать на другихъ тревогу, которую они ощущаютъ“.

Эти прекрасныя слова сказала, кажется, Клотильда де-Во.

Въ ту минуту, какъ я хотѣла бросить въ огонь дневникъ, что-то меня удержало. Мнѣ показалось, что дневникъ мой уже не принадлежитъ мнѣ, что я не имѣю права взять его у Жерома, что я писала его только для Жерома. Моя тревога, мои сомнѣнія кажутся мнѣ теперь такими смѣшными, что я не могу придавать имъ значенія, не могу думать, что они смутятъ душу Жерома. Молю Господа, чтобы Жеромъ почувствовалъ въ нихъ неумѣлыя старанія сердца, безумно жаждущаго поднять его на высоту, достигнуть которой я не съумѣла.

„Господи, поведи меня на вершину скалы, на которую я не могу подняться!

15 октября.

„Радость, радость, радость, слезы радости...“

Превыше всякой земной радости и превыше скорби эта лучистая радость, которую я предчувствую. Та вершина, которой

я не могу достигнуть, я знаю, что она называется счастьемъ. Я понимаю, что весь смыслъ моей жизни—стремленіе къ этому счастью... И вѣдь ты обѣщаешь его, Господи, душѣ чистой, отрекающейся отъ себя. „Счастливы отнынѣ тѣ, которые умираютъ въ Богѣ“. Неужели я должна ждать смерти, чтобы познать счастье? Тутъ колеблется моя вѣра. Господи, я взываю къ Тебѣ всѣми моими силами! Я очутилась среди ночного мрака, я жду зари, я взываю къ Тебѣ, умирая. Приди, утоли жажду моего сердца. Я жажду этого счастья тотчасъ же. Какъ мнѣ убѣдиться въ томъ, что я обрѣту его?

И какъ нетерпѣливая птица, которая испускаетъ крики до зари, скорѣе призывая, чѣмъ возвѣщая день, неужели я, прежде чѣмъ пѣть гимнъ Тебѣ, должна ждать, чтобы поблѣднѣла ночь?..

16 октября.

Жеромъ, я хотѣла бы научить тебя полному счастью.

Сегодня утромъ меня всю измучилъ приступъ рвоты. Я сразу почувствовала себя такой слабой, что одно мгновеніе могла надѣяться на близкую смерть. Но нѣтъ: сначала все существо мое преисполнилось великаго покоя, потомъ меня охватила тревога, дрожь тѣла и души. Точно вся моя жизнь сразу освѣтилась. Я точно въ первый разъ увидѣла страшно обнаженныя стѣны моей комнаты. Мнѣ сдѣлалось страшно. Я и теперь пишу, чтобы успокоиться, чтобы придать себѣ бодрости. О, Господи, дай мнѣ достигнуть конца безъ проклятій. Я могла еще подняться и стала на колѣни, какъ ребенокъ...

Я хотѣла бы умереть сейчасъ, скорѣе, прежде чѣмъ я снова пойму, что я одинока!

Я увидѣлся съ Жюльетой въ прошломъ году. Прошло десять лѣтъ со времени ея послѣдняго письма, возвѣщавшаго мнѣ смерть Алисы. Поѣздка въ Провансъ была для меня предлогомъ остановиться въ Нимѣ. Тесьеры живутъ въ красивомъ домѣ въ центрѣ города. Хотя я предупредилъ о моемъ пріѣздѣ письмомъ, я все же очень волновался, переступая порогъ.

Горничная провела меня въ гостиную, куда вышла ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ Жюльета. Я точно увидѣлъ передъ собой тетю Плантье: та же походка, та же грузная фигура, та же задыхающаяся сердечность. Она тотчасъ же стала осыпать меня вопросами, не дожидаясь на нихъ отвѣта, разспрашивала о моей карьерѣ, о жизни въ Парижѣ, о занятіяхъ и связяхъ: по какому поводу я пріѣхалъ на югъ? Почему бы мнѣ не заѣхать въ Эгъ-

Вивъ? Это доставило бы такое удовольствіе Эдуарду... Потомъ она разсказала мнѣ о своей семьѣ, о мужѣ, о дѣтяхъ, о братѣ, о послѣднемъ урожаѣ, о недостаточномъ сбытѣ... Я узналъ отъ нея, что Роберъ продалъ Фонгезмаръ и поселился въ Эгъ-Вивъ, что онъ теперь компаньонъ Эдуарда, и это даетъ возможность послѣднему путешествовать и заниматься главнымъ образомъ коммерческой стороной дѣла; Роберъ безвыѣздно живетъ въ Эгъ-Вивъ, расширяя виноградники.

Я въ это время безпокойно искалъ глазами все, что могло напомнить о прошломъ. Я сейчасъ же узналъ, среди новой обстановки салона, кое-какую мебель изъ Фонгезмара. Мнѣ казалось, что Жюльета не думала въ эту минуту о прошломъ, которое дрожало во мнѣ, или же нарочно старалась отвлечь меня отъ него.

Два мальчика, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ, играли на лѣстницѣ. Она ихъ позвала, чтобы показать мнѣ ихъ. Лиза, старшая ея дочь, уѣхала съ отцомъ въ Эгъ-Вивъ; другой мальчикъ, десяти лѣтъ, долженъ былъ сейчасъ придти съ прогулки. Это былъ тотъ, о близкомъ рожденіи котораго Жюльета извѣщала меня, когда писала про нашу утрату. Рожденіе этого сына было не совсѣмъ благополучное, и Жюльета долго была больна. Но въ прошломъ году у нея родилась еще дѣвочка, которую, судя по ея словамъ, она любила больше всѣхъ остальныхъ дѣтей.

— Вотъ тутъ рядомъ комната, гдѣ она спитъ, — сказала Жюльета.—Пойдемъ взглянуть на нее.—Я послѣдовалъ за нею, и она мнѣ сказала:—Я не рѣшалась спросить тебя, Жеромъ, согласенъ ты быть крестнымъ отцомъ дѣвочки?

— Съ удовольствіемъ, если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе — сказалъ я, нѣсколько удивленный, наклоняясь надъ колыбелью.—Какъ зовутъ мою крестницу?

— Алиса. Правда, она немного на нее похожа?

Я крѣпко сжалъ руку Жюльеты, ничего не отвѣчая. Маленькая Алиса, которую мать подняла съ постели, открыла глаза; я взялъ ее на руки.

— Какимъ бы ты былъ хорошимъ отцомъ семейства!—сказала Жюльета, пытаясь улыбнуться.—Чего ты еще ждешь, чтобы жениться?

— Того, чтобы многое забылось.

Она покраснѣла.

— И ты надѣешься скоро забыть?

— Я надѣюсь никогда не забыть.

— Пойдемъ сюда!—отрывисто сказала она и провела меня

въ маленькую комнату, гдѣ уже было темно. Одна изъ дверей комнаты вела въ ея спальню, другая—въ залу.

— Я ухожу сюда, когда имѣю свободную минуту. Это самая тихая комната въ домѣ, и я въ ней чувствую себя защищенной отъ жизни.

Окно маленькаго салона открывалось не на шумную улицу, какъ другія окна, а на лугъ, усаженный деревьями.

— Сядемъ! — сказала она, опускаясь въ кресло. — Если я тебя понимаю, ты хочешь хранить вѣрность памяти Алисы?

Я не сразу отвѣтилъ.

— Вѣрнѣе, можетъ-быть, тому представленію, которое у Алисы было обо мнѣ. Не ставь мнѣ этого въ заслугу. Иначе не могло быть. Если бы я женился на другой женщинѣ, я бы только дѣлалъ видъ, что люблю ее.

— Да? — сказала она, принимая равнодушный видъ, но отвернувъ отъ меня лицо и низко наклоняясь, точно чего-то искала.—Ты думаешь, значитъ, что можно такъ долго хранить въ сердцѣ безнадежную любовь?

— Да, Жюльета.

— И что дыханіе жизни можетъ проноситься надъ нею, не угасивъ эту любовь?

Вечерній мракъ поднимался, какъ сѣрыя волны, погружая въ тѣнь всѣ предметы въ комнатѣ и какъ бы нашептывая имъ про минувшее. Я увидѣлъ передъ собой комнату Алисы, всю ея мебель, которую Жюльета разставила въ маленькомъ салонѣ. Она подняла ко мнѣ лицо, черты котораго я уже не могъ различить въ полумракѣ; я не зналъ, закрыты ли у нея глаза. Она казалась мнѣ чрезвычайно красивой. Мы сидѣли, ничего не говоря другъ другу.

— Довольно!—сказала она наконецъ.—Очнемся...

Она поднялась, сдѣлала шагъ впередъ и опустилась, точно безъ силъ, на ближайшій стулъ; она закрыла лицо руками, и мнѣ показалось, что она плачетъ...

Вошла служанка и внесла лампу.

Съ французскаго З. В.

ВОСПОМИНАНЬЕ

Ты помнишь ли тихій и полный покоя
Разсвѣтъ нашей дружбы, угасшей давно?...
Теперь между нами ужъ что-то другое,
Но что? Ахъ, не все ли равно?...

Ты помнишь объятія нѣжности скрытой?
Съ тобою дѣлили мы смѣхъ и печаль...
Теперь мои мысли тоскою обвиты,
Какъ будто... чего-то мнѣ жаль...

Довольно. На этомъ аккордѣ прервется
Мечтанье о прошломъ... Зачѣмъ оно мнѣ?
И пусть недопѣтою пѣснь остается,
Чтобъ не была ясной вполнѣ...

З. О—К.

ЗЕМСТВО
ВЪ ШЕСТИ ГУБЕРНІЯХЪ
ЗАПАДНАГО КРАЯ

Въ русской средѣ, какъ показали недавнія пренія въ Государственномъ Совѣтѣ, весьма распространено мнѣніе, что съ введеніемъ земства въ томъ или иномъ краѣ тѣсно связана политика и что вообще всякая система мѣстнаго самоуправленія, гдѣ бы она ни существовала, пріурочена къ достиженію политическихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ высказывались и оба докладчика по законопроекту о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ, и тотъ выдающійся государственный дѣятель, противъ котораго были направлены рѣчи одного изъ нихъ, А. С. Стишинскаго. Вѣдь говорить, что идея самоуправленія несовмѣстима съ самодержавіемъ, равносильно заявленію, что политика и мѣстное самоуправленіе тѣсно сплетены другъ съ другомъ. Насъ учили и мы преподавали какъ разъ обратное.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ мірѣ мѣстное самоуправленіе, оно возникаетъ и развивается независимо отъ того, въ какой степени широки права народнаго представительства, и даже независимо отъ того, имѣется ли послѣднее на лицо, или полновластіе продолжаетъ сосредоточиваться въ рукахъ государя и его ближайшихъ совѣтниковъ. Въ Англіи, гдѣ ранѣе всего возникло мѣстное самоуправленіе, начало его положено было за нѣсколько десятковъ лѣтъ до возникновенія парламента: выборные городскіе головы, и даже выборные начальники полицейскихъ командъ

и выборные слѣдователи по дѣламъ объ убійствахъ, извѣстны еще съ конца XII-го и начала XIII-го столѣтія, а парламентъ въ сколько-нибудь организованномъ видѣ выступаетъ передъ нами только въ 1295-мъ году. Все развитіе мирового института, этой основы англійскаго самоуправленія въ графствахъ, заканчивается въ XIV-мъ столѣтіи. И этотъ институтъ дѣйствуетъ безостановочно до нашихъ дней, тогда какъ въ періодъ Тюдоровъ цѣлыя десятилѣтія проходятъ безъ созыва парламента и самъ парламентъ еще не выходитъ изъ періода медленнаго, нерѣдко прерываемаго роста. Самовластіе Тюдоровъ, пріостанавливая на долгіе годы періодичность въ созывѣ законодательныхъ палатъ, не является въ то же время препятствіемъ къ сохраненію и укрѣпленію мѣстнаго самоуправленія. Въ это время складывается, наоборотъ, впервые вся система приходскаго самоуправленія, съ ея открытыми и тѣсными совѣтами прихожанъ, съ ея церковными старостами и надзирателями за бѣдными. Оживленіе, въ царствованіе Георга III, королевской прерогативы не мѣшаетъ восполненію приходскаго самоуправленія системой вербуемыхъ изъ мѣстнаго населенія попечителей „уній", мѣстныхъ союзовъ новой организаціи—союзовъ, въ составъ которыхъ входитъ большее или меньшее число приходовъ. Въ руки „попечителей" переходитъ забота о разнообразнѣйшихъ сторонахъ мѣстнаго самоуправленія, начиная отъ общественной благотворительности, переходя къ дорожному вѣдомству и заканчивая общественной гигіеной. Сказать, на основаніи англійской практики, что земство развивается въ связи съ ростомъ народнаго представительства—значитъ идти наперекоръ хорошо установленнымъ и общеизвѣстнымъ фактамъ.

Но къ тому же выводу приводитъ и знакомство съ исторіей мѣстнаго самоуправленія во Франціи. Грубой ошибкой было бы говорить о немъ, какъ о несуществовавшемъ при старомъ порядкѣ, до революціи, или встрѣчавшемся только въ тѣ эпохи французской жизни, когда имѣлись на лицо генеральные штаты. Провинціальные штаты извѣстны десятками лѣтъ ранѣе генеральныхъ и пережили ихъ на цѣлыхъ два столѣтія. Генеральные штаты перестали созываться, какъ извѣстно, съ 1614-го года, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи провинціальные штаты собираются безъ перерыва до ихъ отмѣны учредительнымъ собраніемъ 1789-го года. Въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ штатовъ не было, за много лѣтъ до революціи, при господствѣ начала королевской неограниченности, сперва Тюрго, а затѣмъ Неккеромъ, создаются безсословныя провинціальныя собранія, осно-

ванныя на избирательной системѣ и вербовавшія своихъ гласныхъ изъ среды землевладѣльцевъ.

Нужно ли говорить, что и въ Германіи общинное самоуправленіе возникло ранѣе всякихъ конституцій и что то же, хотя и въ меньшей степени, можетъ быть сказано объ окружныхъ совѣтахъ, вызванныхъ къ жизни въ Пруссіи реформами Штейна и Гарденберга? Если о самоуправленіи болѣе крупныхъ территоріальныхъ единицъ трудно говорить въ Германіи и особенно въ Австріи до XIX-го столѣтія и начала XX-го, то только потому, что въ нихъ мы встрѣчаемся скорѣе съ мѣстной автономіей, чѣмъ съ самоуправленіемъ.

Какой выводъ возможенъ изъ всего сказаннаго, какъ не тотъ, что судьбы мѣстнаго самоуправленія не представляются связанными неразрывно съ судьбами народнаго представительства, съ существованіемъ и упроченіемъ конституціоннаго образа правленія, а тѣмъ болѣе—парламентаризма. Отсутствіе ближайшаго соотвѣтствія между поступательнымъ ходомъ мѣстнаго самоуправленія и участіемъ народа, чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, въ законодательствѣ и налоговомъ обложеніи, указываетъ на то, что не политика, а забота о мѣстномъ мирѣ, общественномъ спокойствіи и внѣшнемъ порядкѣ, хозяйственныхъ интересахъ края, матеріальномъ обезпеченіи нуждающихся въ работѣ, путяхъ сообщенія, рынкахъ и ярмаркахъ, правильномъ содержаніи мѣръ и вѣсовъ, распредѣленіи между жителями цѣлыхъ областей, отдѣльныхъ округовъ и общинъ мѣстныхъ налоговъ, а нерѣдко также и государственныхъ податей, однимъ словомъ—мѣстная администрація, мѣстные финансы, мѣстное благоустройство и благочиніе: таковъ кругъ вѣдомства, который центральная правительственная власть считала полезнымъ ввѣрять заботливости мѣстнаго населенія, имъ избранныхъ или только вербуемыхъ изъ его среды правительствомъ органовъ.

Когда мѣстное самоуправленіе возникло въ Англіи, въ ней еще не исчезли слѣды завоеванія ея норманами; рядомъ съ туземными саксами имѣлись въ ней и выходцы изъ Норманскаго Герцогства и вообще съ континента Европы. И если что послужило связующимъ началомъ, такъ сказать общественнымъ цементомъ, для этихъ разноплеменныхъ и разносословныхъ группъ, то, разумѣется, прежде всего совмѣстная работа по удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, общихъ всѣмъ имъ безразлично, какова бы ни была національность и историческое прошлое каждой. Сказать, что составъ французскаго населенія всегда былъ однообразенъ, что не было въ немъ рѣзкаго противоположенія, напримѣръ, бре-

тонцевъ провансальцамъ или нѣмецкому населенію Эльзаса и Лотарингіи, значило бы идти наперекоръ очевидности; но пестрота этнографическаго состава не препятствовала передачѣ неограниченными правителями Франціи хозяйственныхъ заботъ и нерѣдко мѣстной финансовой администраціи въ руки столько же штатовъ Бретани, сколько штатовъ Прованса и мѣстныхъ избираемыхъ собраній Лотарингіи и Эльзаса. Очевидно, что въ провинціяхъ съ кельтическимъ, римскимъ или нѣмецкимъ населеніемъ по преимуществу, имѣлись и пришлые элементы изъ центральныхъ провинцій Франціи; но никогда никому не приходило въ голову выдѣлять ихъ въ особыя куріи или фиксировать за ними извѣстное число уполномоченныхъ или гласныхъ, а тѣмъ болѣе—членовъ мѣстныхъ исполнительныхъ органовъ.

О чемъ-либо подобномъ заходитъ рѣчь лишь въ сравнительно недавнее время и, разумѣется, не въ Англіи, не во Франціи, не въ Италіи или Испаніи, не въ Пруссіи и другихъ государствахъ Германіи, не въ разноплеменной также Бельгіи или Швейцаріи, а въ Австрійской имперіи, которая сколочена была искусственно изъ наслѣдственныхъ земель Габсбургскаго дома, стремившихся сохранить возможно больше чертъ своей исконной независимости.

Австрійская имперія явилась объединеніемъ автономныхъ группъ или территорій и земель. Когда рѣчь заходитъ о Венгріи, Богеміи, Хорватіи, Галиціи, Тиролѣ, приходится говорить не о провинціяхъ и провинціальномъ самоуправленіи, а о земляхъ (Länder) или автономныхъ областяхъ, осуществляющихъ часть государственныхъ функцій на своихъ избранныхъ совѣтахъ.

Немудрено, если въ той странѣ, въ которой мѣстное самоуправленіе тѣсно сливается съ мѣстной автономіей, завѣдываніе мѣстными административно-хозяйственными интересами не можетъ быть отдѣлено отъ политики; а разъ примѣшивается политика, естественной является и забота о томъ, чтобы въ ней обезпечено было участіе отдѣльнымъ національнымъ и вѣроисповѣднымъ группамъ сообразно численности каждой или количеству сосредоточивающагося въ ея рукахъ матеріальнаго достатка. Что одной пестроты этнографическаго состава недостаточно, чтобы вызвать созданіе въ мѣстномъ управленіи какихъ-то особыхъ національныхъ или исповѣдныхъ курій—показываетъ примѣръ Бельгіи и Швейцаріи: Бельгіи, съ ея говорящими на разныхъ языкахъ фламандцами и валлонцами, Швейцаріи, съ ея нѣмцами, французами и итальянцами, не всегда раздѣленными границами отдѣльныхъ кантоновъ, образующими нерѣдко своего рода оазисы среди

разноплеменнаго съ ними большинства и, тѣмъ не менѣе, не требующими выдѣленія въ особыя куріи.

Прибавьте къ сказанному, что къ племеннымъ различіямъ присоединяются въ Швейцаріи религіозныя; католицизмъ уживается здѣсь рядомъ съ кальвинизмомъ и лютеранствомъ, нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же округахъ и общинахъ. Значитъ, пестрота національнаго и вѣроисповѣднаго состава населенія не требуетъ необходимо созданія обособленныхъ курій при завѣдываніи административными интересами отдѣльныхъ провинцій, округовъ или общинъ.

Если мало этихъ примѣровъ,—укажемъ на обширную демократію Соединенныхъ Штатовъ, въ которой англичане и шотландцы сходятся съ нѣмцами, ирландцами, шведами, итальянцами, литовцами, и каждая національность свободно исповѣдуетъ вѣру отцовъ, не требуя въ то же время никакой обособленности, разъ рѣчь идетъ о завѣдываніи общими административно-хозяйственными нуждами края.

Итакъ, въ исторіи мѣстнаго управленія, какъ такового, національныя или вѣроисповѣдныя куріи являются рѣшительнымъ новшествомъ, необходимость котораго еще должна быть доказана и вызываетъ вполнѣ понятныя сомнѣнія.

Это новшество существуетъ въ учрежденіяхъ лишь въ слабой степени; оно почти не вышло еще изъ сферы вожделѣній, надеждъ, заданій, проектируемыхъ реформъ. Такъ, въ Богеміи, въ отвѣтъ на успѣшныя стремленія чешской народности обезпечить своему языку сперва равенство съ нѣмецкимъ, а затѣмъ и рѣшительный перевѣсъ всюду, гдѣ иноплеменное меньшинство не достигаетъ двадцати процентовъ, т.-е. одной пятой личнаго состава общины, нѣмцами, руководимыми въ данномъ случаѣ бывшимъ министромъ Пленеромъ, возбужденъ былъ вопросъ о дробленіи единой дотолѣ Богемской земли на округа. Они должны быть выкроены по возможности такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ получилъ одноплеменный составъ. Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, когда въ одномъ округѣ будутъ существовать бокъ-о-бокъ чешскія и славянскія поселенія, при выборахъ въ богемскій ландтагъ проектируется образованіе двухъ національныхъ курій, чешской и нѣмецкой [1]). Еслибы такая реформа прошла, то получилась бы возможность усилить представительство нѣмцевъ въ ландтагѣ, въ

[1]) См. Plener, „Eine Kreisordnung für Böhmen“, Вѣна, 1899; Wieser, „Die Vergangenheit und Zukunft der Oesterreichischen Verfassung“, Вѣна, 1905, стр. 57, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79 и 80; Springer, „Der Kampf der Oesterreichischen Nationen um den Staat“, Вѣна, 1902, ч. I, стр. 191—195.

который прошли бы не только уполномоченные отъ чисто нѣмецкихъ округовъ, но и избранники нѣмецкихъ „курій“ въ округахъ смѣшанныхъ.

Но все это пока является только „желаемымъ и ожидаемымъ“, а не настоящимъ.

Одинъ изъ докладчиковъ новаго законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ сослался, въ доказательство существованія курій на Западѣ, на Моравію, а другой ораторъ съ тою же цѣлью упомянулъ о Босніи съ Герцеговиной; но въ обоихъ случаяхъ идетъ рѣчь о выборахъ въ ландтагъ, о ландтагахъ же въ законѣ значится: участіе въ законодательной дѣятельности народовъ въ такой-то и такой-то землѣ происходитъ посылкой депутатовъ въ ландтагъ. Закономъ 27-го ноября 1905-го года введены были въ Моравіи національныя дѣленія избирательныхъ курій, но такихъ дѣленій въ первой куріи—куріи крупныхъ землевладѣльцевъ или, по нашему, полныхъ цензовиковъ,—законъ 27-го ноября 1905-го года не создаетъ; онъ не знаетъ, слѣдовательно, именно того, что мы намѣрены ввести въ западномъ краѣ, гдѣ должна быть особая курія для полныхъ цензовиковъ-поляковъ и особая—для полныхъ цензовиковъ-русскихъ.

Съ необходимостью не упускать изъ виду различій надо считаться и тогда, когда рѣчь заходитъ о Босніи и Герцеговинѣ. Здѣсь созданы національныя куріи или, точнѣе, вѣроисповѣдныя; но въ законѣ 22-го февраля 1910-го года значится, что каждая курія имѣетъ право выбирать и лицъ, не принадлежащихъ къ ней; это равнозначительно тому, какъ еслибы русская курія могла выбирать и не русскихъ, а поляковъ, и наоборотъ—что, разумѣется, дало бы возможность считаться съ наличностью у кандидатовъ спеціальной подготовки?

Итакъ, предлагаемая намъ система національныхъ курій еще нигдѣ не испытана. Это новшество, направленное къ тому, чтобы внести политику туда, гдѣ ей всего менѣе мѣста. И какую политику? Не ту, которая вызвана различнымъ пониманіемъ ближайшихъ задачъ общественнаго и государственнаго строительства хотя бы въ географически ограниченной области губерніи или уѣзда, а ту, для которой американцы придумали удачное названіе „раздѣла добычи“, т.-е. эксплуатированія выгодъ одержанной на выборахъ побѣды раздачей своимъ сторонникамъ мѣстъ съ окладомъ, пристраиваніемъ ихъ къ общественному пирогу.

Otes-toi de là que je m'y mette, гласитъ французская поговорка, т.-е. освободи для меня мѣсто; съ такимъ призывомъ должны будутъ обращаться не люди, которыхъ раздѣляетъ поли-

тическая программы, а люди разной крови и, еще вѣрнѣе, разной религіи: полякъ и русскій, католикъ и православный. Что въ томъ, если на нужды края, на развитіе его хозяйственной дѣятельности, они смотрятъ тѣми же глазами, а слѣдовательно и должны были бы въ рѣшеніи административныхъ задачъ идти рука объ руку? Они обязаны своими полномочіями только тому, что изъ числа русскихъ и православныхъ они признаны за самыхъ что ни на есть русскихъ и православныхъ, а изъ числа поляковъ и католиковъ — самыми что ни на есть поляками и католиками. Таковъ вѣдь только и можетъ быть смыслъ избранія каждаго его національной куріей. Національная курія не можетъ же въ самомъ дѣлѣ не руководствоваться національными пристрастіями, не обнаруживать національной нетерпимости. Православный выбранъ православными, католикъ — католиками, чтобы мирволить своимъ и творить препоны чужимъ. И вотъ, чтобы оправдать оказанное ему довѣріе, избраннику національной куріи придется при замѣщеніи должностей ставить выше всѣхъ другихъ достоинствъ кандидата то, что онъ полякъ, а не русскій, — или наоборотъ, что онъ русскій, а не полякъ. А такъ какъ для этого нѣтъ другого надежнаго признака, какъ хожденіе въ костелъ — или наоборотъ, въ православный храмъ, — то дѣйствія, которыя слѣдовало бы предоставить совѣсти каждаго, могутъ получить значеніе своего рода служебной рекомендаціи. То же значеніе могутъ пріобрѣсти и слова. Чѣмъ рѣзче кто станетъ прогуливаться насчетъ „кичливости ляховъ и вѣрности россовъ“, тѣмъ любезнѣе станетъ онъ избирателямъ и избранникамъ русской куріи; а чѣмъ рѣзче ктостанетъ высказываться о прирожденныхъ недостаткахъ „москалей“, тѣмъ вѣрнѣе ему можно будетъ разсчитывать на поддержку избирателей и избранниковъ польской куріи. Въ русскомъ кандидатѣ будутъ цѣнить его полякофобство, а въ польскомъ — его москалефобство. Изъ-за замѣны на земской должности поляка русскимъ или русскаго полякомъ будутъ возникать земскія усобицы. И такъ изъ года въ годъ и изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Вотъ что значитъ вмѣшать національную политику, т. е. вражду народностей, въ сферу, въ которой сознаніе общихъ пользъ и нуждъ края должно было бы, наоборотъ, сглаживать всѣ этнографическія и исповѣдныя различія, сближать, спаивать во едино разноплеменные элементы, направляя всѣ усилія къ одной общей цѣли — возможно уравновѣшеннаго, обдуманнаго, хозяйственнаго рѣшенія мѣстныхъ административныхъ задачъ. Вмѣсто того, чтобы думать о дѣйствительныхъ пользахъ и нуждахъ края, при-

дется не терять изъ виду старыхъ счетовъ московскихъ царей съ Сигизмундомъ и Екатерины II съ Станиславомъ Понятовскимъ.

Бисмаркъ въ 1871 году говорилъ, что нѣмцы, требуя обратно Эльзасъ и Лотарингію, сводятъ счеты съ Людовикомъ XIV. Избранникъ польской или русской куріи въ Витебской или Подольской губерніи на одинаковыхъ основаніяхъ сочтетъ нужнымъ помянуть Лжедмитрія съ Мариной Мнишекъ, насильственную расправу католиковъ съ уніатами, и гайдамачину, и невѣсть какую еще историческую обиду, о которой можно было бы сказать, не грѣша противъ истины, что она къ счастью былъмъ поросла.

Не слѣдуетъ сознательно навязывать земству политику, и къ тому же худшую изъ всѣхъ, политику, источникъ которой лежитъ въ племенной враждѣ и религіозной нетерпимости. Разъ это будетъ сдѣлано, можно быть увѣреннымъ, что земство станетъ игралищемъ всѣхъ противообщественныхъ страстей, чѣмъ-то подобнымъ, въ миніатюрѣ, тому пандемоніуму, о которомъ говорилъ въ XVII в. англичанинъ Гоббсъ.

Междуплеменная ненависть, поддерживаемая и питаемая религіозной враждою, будетъ сказываться тѣмъ сильнѣе, что къ разъединенію избирателей одного края по куріямъ въ силу новаго закона присоединится еще рядъ сознательно вводимыхъ несправедливостей, направленныхъ на то, чтобы лишить однихъ, изъ-за ихъ происхожденія и религіи, всякаго права выбирать и быть избранными, чтобы отнять у другихъ то число уполномоченныхъ, какое даетъ имъ количество владѣемаго ими имущества или самая ихъ численность, чтобы вызвать у третьихъ, наконецъ, подозрѣніе въ томъ, что для большинства русскаго народа они навсегда останутся измаильтянами, не внушающими къ себѣ полнаго довѣрія, которыхъ необходимо, поэтому, обходить при замѣщеніи извѣстныхъ земскихъ должностей — мѣстъ предсѣдателей земскихъ управъ и школьныхъ коммиссій.

Что̀ сказать о законопроектѣ, который, вопреки основному принципу современнаго государства, не разъ провозглашенному и у насъ (я разумѣю равенство всѣхъ подданныхъ передъ закономъ), дѣлаетъ видъ, что совершенно не замѣчаетъ наличности въ западномъ краѣ цѣлыхъ 12% населенія, только потому, что они—не православные и не католики.

Статья 6-ая одобреннаго Думою законопроекта, въ редакціи, сохраненной коммиссіей Государственнаго Совѣта, гласитъ: Евреи, впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній, не допускаются къ участію въ земскихъ выборахъ и не могутъ быть избираемы въ земскіе гласные.

Мнѣ скажутъ: да эта статья цѣликомъ списана съ общаго закона о земскихъ учрежденіяхъ 1890-го года. Согласенъ; но законъ 1890-го года относится по преимуществу къ губерніямъ, лежащимъ внѣ черты еврейской осѣдлости, а разбираемый мною законопроектъ будетъ примѣняться въ чертѣ еврейскихъ поселеній, въ томъ западномъ краѣ, въ которомъ евреи представляютъ 12% всего населенія, владѣютъ значительными имуществами, держатъ, какъ прямо говорится въ докладѣ большинства коммиссіи, въ тѣсной экономической зависимости другіе классы населенія и, слѣдовательно, никакими законами не могутъ быть сведены на нѣтъ.

Или въ комъ-нибудь вызываетъ сомнѣніе та истина, что классы, владѣющіе капиталомъ, ставящіе изъ своей среды предпринимателей кредитныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, неизбѣжно вліяютъ и на устроеніе мѣстной жизни? Имъ отказываютъ въ прямомъ, они сохранятъ косвенное воздѣйствіе. Какое изъ двухъ наиболѣе желательно: то ли, которое осуществляется открыто лицами, принимающими на себя отвѣтственность за свое дѣло и слово, или то, при которомъ пускается въ ходъ такъ называемое нравственное принужденіе, принужденіе не всегда отвѣчающее этому эпитету, и отсутствуетъ личная отвѣтственность? Не имѣя возможности самимъ участвовать въ земскомъ строительствѣ, евреи не могутъ быть лишены того вліянія, какое кредиторъ имѣетъ на должника, предприниматель — на простого исполнителя труда. Нѣкоторымъ изъ членовъ коммиссіи уже рисовалась картина евреевъ, развозящихъ на своихъ линейкахъ избирателей для напередъ намѣченныхъ ими кандидатовъ, хотя бы и не изъ евреевъ, но у евреевъ задолженныхъ и потому готовыхъ исполнять ихъ приказы. Спрашивается, болѣе ли желательны такія подставныя лица, за которыхъ евреи, конечно, не несутъ отвѣтственности, чѣмъ облеченные довѣріемъ не всегда однихъ своихъ единовѣрцевъ лучшіе служители Моисеева закона, къ тому же призываемые къ отвѣту за всѣ свои дѣйствія по земской службѣ?

Неужели никого не поражаетъ также то вопіющее противорѣчіе, какое представляетъ, съ одной стороны, служба евреевъ въ русскомъ войскѣ, участіе ихъ въ русской Государственной Думѣ и русскомъ Государственномъ Совѣтѣ, — и запрещеніе имъ вѣдать вопросы о проведеніи новыхъ и содержаніи старыхъ земскихъ дорогъ и мостовъ?

Какъ не повторить въ данномъ случаѣ извѣстной фразы Фамусова:

„И слушаю, не понимаю“?

Но законопроекту мало отнять у евреевъ активное избирательное право; онъ хочетъ лишить ихъ и той законодательной возможности быть выбранными въ городскіе гласные, благодаря которой, задолго до наступленія у насъ обновленнаго строя, они уже участвовали въ мѣстномъ управленіи Вильна, Гродна, Житомира, Ковна, Минска, Одессы, Чернигова, Полтавы.

Въ 15 губерніяхъ еврейской осѣдлости имѣется 151 губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, съ общимъ числомъ еврейскаго населенія, въ 1881 г., въ 1.194.165 человѣкъ. Въ 67 городахъ, т.-е. въ $^2/_5$ общаго ихъ числа, число евреевъ составляетъ больше половины всего населенія; больше чѣмъ въ половинѣ городовъ число евреевъ выше 30% общаго числа жителей, и только въ $^1/_{10}$ всего числа городовъ (т.-е. въ 15 или 16) число евреевъ меньше 30% всего населенія. При такой численности въ городахъ евреи не могутъ относиться безразлично къ городскому хозяйству и управленію. Мѣшать его успѣшности—значило бы для нихъ идти противъ собственныхъ интересовъ.

Прибавьте къ сказанному, что въ нѣкоторыхъ городахъ, напр. въ Вильнѣ, 68% всѣхъ торговцевъ—евреи, въ Житомірѣ—71%, въ Минскѣ—78%, въ Гроднѣ — 92%. Немудрено, если, не считая Одессы и Полтавы, почти во всѣхъ городахъ въ чертѣ еврейской осѣдлости $^3/_4$ всѣхъ торговыхъ сборовъ уплачиваются евреями.

Число гласныхъ изъ евреевъ, по ст. 35 город. пол., не должно превышать одной трети общаго числа гласныхъ. Участіе евреевъ въ составѣ городской управы также ограничено одной третью. Во всѣхъ городахъ достигнутъ при замѣщеніи должностей гласныхъ установленный закономъ максимумъ; въ городскихъ же управахъ, обыкновенно состоящихъ изъ трехъ членовъ, считая голову, одно мѣсто большею частью въ рукахъ еврея. Одни и тѣ же лица занимали эти мѣста въ теченіе десятилѣтій. Въ Гроднѣ съ 1876 г. въ теченіе 12 лѣтъ членомъ городской управы являлся все тотъ же еврей (З. Л. Любичъ); то же, по собраннымъ мною справкамъ, можетъ быть сказано о Житомірѣ, Минскѣ, Черниговѣ (Зейберлингъ, Болухеръ, Габриловичъ, Кранцъ). А это, очевидно, говоритъ въ пользу того, что разъ избранные оправдали возложенное на нихъ довѣріе и послужили интересамъ городского управленія. Вѣдь составъ думы мѣняется каждые четыре года, а выбранными являлись все одни и тѣ же лица.

На удачность выборовъ указываетъ также слѣдующій фактъ: въ тѣхъ семи городахъ, о которыхъ имѣются данныя (Вильно,

Гродно, Житоміръ, Минскъ, Черниговъ, Ковно, Полтава) не было случая преданія суду члена управы изъ евреевъ [1]).

Новый законопроектъ, становясь на точку зрѣнія, враждебную еврейству, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ въ Думу министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не прочь былъ рѣшить попутно, по крайней мѣрѣ для Минска, вопросъ объ удаленіи евреевъ изъ городского управленія. Съ этою цѣлью, въ городѣ, въ которомъ число однихъ купцовъ-евреевъ составляетъ, какъ сказано выше, 78% всего числа торговцевъ, предполагалось, при устройствѣ избирательныхъ курій, обойти евреевъ молчаніемъ. „Избирательное собраніе — гласитъ предложенный министерствомъ текстъ, — созываемое для выбора гласныхъ думы и кандидатовъ къ нимъ (ст. 23 гор. пол.) раздѣляется на два отдѣленія. Каждое избираетъ гласныхъ изъ своей среды. Въ первое входятъ всѣ избиратели, кромѣ лицъ польскаго происхожденія, т.-е. русскіе съ евреями, а во второе — лица польскаго происхожденія. Надѣяться, что отъ русской куріи будутъ выбраны евреи для національнаго соперничества съ поляками, было бы, разумѣется, наивнымъ; еврейство осталось бы за бортомъ и ни одинъ еврей не попалъ бы, такимъ образомъ, изъ Минска въ земство Минской губерніи. По образцу Минска можно было бы въ близкомъ будущемъ перестроить городскіе выборы и въ другихъ городахъ черты осѣдлости, и евреи, помимо всякаго прямо исключающаго ихъ закона, лишились бы и пассивнаго избирательнаго права. Къ счастью, ни Государственная Дума, ни Совѣтская Коммиссія, не пошли на встрѣчу желаніямъ министра и не приняли участія въ томъ ловкомъ и прикрытомъ фланговомъ движеніи, отъ котораго бы не посчастливилось 1 милліону 200 тысячамъ русскихъ гражданъ.

Откуда, спрашивается, такой походъ на еврейство? Не вызванъ ли онъ весьма распространенной въ наше время легендой, дѣлающей его одного отвѣтственнымъ въ пережитой нами смутѣ? Неужели мы въ состояніи напустить на себя добровольную слѣпоту или забыть уроки исторіи? Они весьма краснорѣчиво говорятъ въ пользу той мысли, что когда ходъ жизни на большое разстояніе обгоняетъ собою ходъ законодательства, недовольство сказывается массовыми волненіями. При неудачѣ, они слывутъ мятежемъ, смутой; при удачѣ — революціей, нерѣдко съ прибавкой эпитета: славной.

Мы пережили смуту. Она была всеобщей, сказалась не въ

[1]) Всѣ эти данныя почерпнуты мною изъ записки, составленной по случаю пересмотра городового положенія.

одной чертѣ еврейской осѣдлости. Законодателю не приходится, поэтому, вымещать на немногихъ ошибки всѣхъ или по меньшей мѣрѣ многихъ. Да и едва ли мудрой можетъ считаться та законодательная политика, которая подсказывается чувствомъ мести. Роль законодателя—предупреждать и отвращать недовольство, а этой цѣли онъ никогда не достигалъ созданіемъ того, что извѣстно подъ именемъ privilegium odiosum и причиняетъ вредъ милліонамъ жителей и гражданъ.

Законопроектъ о введеніи земства въ западномъ краѣ не хочетъ, повидимому, считаться и съ фактами; для него безразличны, какъ мы видѣли, и численность еврейскаго населенія, и сосредоточеніе въ его рукахъ большинства кредитныхъ, торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Составители его точно думаютъ, что вліятельные классы не пользовались и не пользуются своимъ экономическимъ преобладаніемъ для проведенія своихъ взглядовъ и своихъ требованій и въ сферу управленія, хотя бы мѣстнаго.

Правда, и нѣкоторые сторонники закона предвидятъ возможность того, что „евреи будутъ на линейкахъ возить избирателей“ и настаивать на выборѣ ими такихъ кандидатовъ, которые согласятся проводить ихъ интересы въ виду своей экономической зависимости. Сказать, что такія опасенія фантастичны — я не берусь. Исторія, и даже новѣйшая, говоритъ о явленіяхъ подобнаго рода и внѣ предѣловъ нашего отечества въ примѣненіи къ народамъ, ничего не имѣющимъ общаго съ евреями.

Въ 1888-мъ году проведенъ былъ демократическій избирательный законъ въ Англіи для мѣстныхъ выборовъ; онъ направленъ былъ къ тому, чтобы сломить вліяніе землевладѣльцевъ, засѣдавшихъ на мировыхъ съѣздахъ; эти съѣзды въ Англіи вѣдали и такія дѣла, которыя у насъ принадлежатъ земскимъ собраніямъ. Удалось ли этому закону, вызвавшему къ жизни совѣты графствъ, отнять фактическое вліяніе у землевладѣльцевъ? Мы имѣемъ на этотъ счетъ свидѣтельство одного изъ лучшихъ знатоковъ мѣстнаго управленія въ Англіи, Редлиха. Въ своемъ двухтомномъ сочиненіи, переведенномъ недавно и на русскій языкъ, онъ, по интересующему насъ вопросу, говоритъ буквально слѣдующее. „Не смотря на демократическое избирательное право, классы, занимавшіе привилегированное положеніе до 1888 г. (т.-е. классы землевладѣльческіе), по прежнему сохранили за собою управленіе графствомъ. Крупные землевладѣльцы и живущіе въ деревнѣ члены джентри, усиленные фермерами, директорами фабрикъ, духовными лицами и членами либеральныхъ профессій, на правахъ избранныхъ и въ настоящее время не-

сутъ исключительно на себѣ честь и бремя управленія графствами. Большинство лицъ, принадлежащихъ къ имущимъ и образованнымъ классамъ, осуществлявшихъ, до реформы 1888 г., власть въ графствахъ, въ ихъ судѣ и администраціи, въ качествѣ мировыхъ судей, призваны теперь къ завѣдыванію мѣстнымъ управленіемъ какъ выборные совѣтники графствъ и члены исполнительныхъ коммиссій при этихъ совѣтахъ".

Если въ шести западныхъ губерніяхъ возможно, какъ разсчитываютъ составители проекта, ввести „русское" земство, то не потому, что съ 1863-го года, подъ вліяніемъ пережитаго страною политическаго потрясенія, прекращена была возможность роста земельной собственности поляковъ и, наоборотъ, приняты были мѣры къ поощренію земельныхъ пріобрѣтеній русскихъ, а потому, что основное крестьянское населеніе края состоитъ изъ русскихъ; вѣдь, по сообщеннымъ Государственному Совѣту статистическимъ даннымъ, число поляковъ-католиковъ во всемъ краѣ равняется не болѣе какъ 4%, точнѣе—$3^{7}/_{10}$. Но правительство и Государственная Дума, по крайней мѣрѣ большинство въ ней, къ этимъ вѣковымъ устоямъ русской гражданственности края относятся съ тою степенью недовѣрія, при которой крестьянству отказываютъ въ элементарнѣйшемъ требованіи всякаго правового государства, а именно—въ равенствѣ подданныхъ передъ лицомъ закона. Отсюда то послѣдствіе, что хотя крестьянство, какъ общее правило, по своей численности представляетъ въ большинствѣ губерній несравненно больше трети населенія, только треть гласныхъ приходится на долю крестьянъ. Намъ скажутъ, можетъ быть, что такое положеніе цѣликомъ заимствовано изъ общаго закона о земскихъ учрежденіяхъ, отъ котораго не желали сдѣлать отступленія. Почему же въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, сдѣлано отступленіе по такому существенному вопросу, какъ вопросъ о томъ, что̀ должно служить основаніемъ при разверсткѣ голосовъ на земскихъ выборахъ—количество ли имуществъ, или, сверхъ того, и численность населенія? Чтобы уменьшить участіе польскаго элемента, принято это второе дополнительное основаніе. Я не вижу, почему, сдѣлавъ отступленіе отъ общаго закона въ одномъ случаѣ, нельзя сдѣлать его въ другомъ, тѣмъ болѣе, что отступленіе отъ закона 1890 г. было бы на этотъ разъ приближеніемъ къ справедливости.

Приведемъ нѣсколько цифръ: на 305,872 кв. верстъ, которымъ равняется площадь, занятая шестью западными губерніями, приходится русскихъ круглымъ числомъ 14.000.000 изъ 17-ти съ половиною милліоновъ населенія, а поляковъ всего 644 съ

половиною тысячи, т.-е. поляки составляютъ всего 3,7% населенія края. Если взять распредѣленіе недвижимой собственности, то окажется, что русскимъ сельскимъ обществамъ принадлежатъ недвижимыя имущества на сумму 1 милліардъ 5 слишкомъ милліоновъ рублей; польскія же сельскія общества имѣютъ недвижимыхъ имуществъ всего на 6.558.000 рублей. Русскіе частные собственники и казна владѣютъ недвижимостями на сумму 1 милліардъ 915 тысячъ рублей, а частные собственники-поляки—всего на 581 милліонъ пятьсотъ тысячъ рублей. Если при установленіи избирательныхъ правъ принять не одно распредѣленіе недвижимой собственности, но и численность населенія, то очевидно, что на долю крестьянъ пришлось бы несравненно большее число, чѣмъ одна треть гласныхъ. — „Но, говорятъ намъ, при этомъ послѣдуетъ пониженіе культурнаго уровня гласныхъ". — Какъ будто нѣтъ возможности вести открытую борьбу съ этимъ пониженіемъ,—ну, хотя бы требованіемъ, чтобы гласными были только лица, прошедшія по меньшей мѣрѣ народную школу или представившія письменное свидѣтельство о выдержаніи ими соотвѣтственнаго экзамена.

Если не дать сельскимъ крестьянскимъ обществамъ пропорціональнаго представительства, то это будетъ не только несправедливо, но и нецѣлесообразно. Ни правительство, ни законодательныя учрежденія, не могутъ же добровольно закрыть глаза на то, что въ краѣ значительное большинство полныхъ цензовиковъ русскихъ страдаетъ абсентеизмомъ; занимая служебныя должности и вообще живя въ центральныхъ губерніяхъ, они не имѣютъ возможности являться на выборы. Когда стали дѣлать подсчетъ тѣмъ, которые явятся и не явятся на выборы, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число избирателей отъ русскихъ землевладѣльцевъ-полныхъ цензовиковъ можетъ оказаться меньше числа, подлежащаго избранію въ гласные, такъ что, обходясь даже безъ выборовъ, признавъ всѣхъ явившихся по тому самому гласными, все-же не будетъ возможности замѣстить всѣ вакансіи.

Это пристрастіе къ легальному фиксированію напередъ того, что при нормальныхъ условіяхъ является измѣнчивой величиной, проходитъ красной нитью черезъ весь законопроектъ. Онъ совершенно не считается съ мобилизаціей собственности, неизбѣжной въ краѣ, въ которомъ отпали прежнія стѣсненія, тяготѣвшія надъ лицами, желавшими пріобрѣсть недвижимое имущество, разъ они не были русскими и православными. Весьма вѣроятно, что поляки, бѣлоруссы и евреи будутъ расширять въ ближайшемъ будущемъ свое землевладѣніе. Не менѣе вѣро-

ятно и то, что землевладѣльцы русскіе и православные, пріобрѣтая новые земельные участки, будутъ также распродавать частями свои крупныя имѣнія. Возможно, какъ высказали нѣкоторые члены совѣтской коммиссіи, что устойчивость этого сравнительно недавно возникшаго русскаго крупнаго землевладѣнія окажется меньшей, чѣмъ устойчивость исконнаго, во всякомъ случаѣ продолжающагося уже столѣтія польскаго католическаго землевладѣнія. Легко предвидѣть также ростъ крестьянской земельной собственности. Все это вмѣстѣ взятое рѣшительно не позволяетъ предугадать, какъ сложатся въ ближайшемъ будущемъ числовыя отношенія крупнаго, средняго и мелкаго, русскаго и польскаго землевладѣнія. Всякія предсказанія на этотъ счетъ тѣмъ болѣе трудны, что вѣдь право избирать и быть избраннымъ даетъ не одно владѣніе извѣстнымъ количествомъ десятинъ, но и обладаніе другимъ недвижимымъ имуществомъ на сумму не менѣе 15-ти тыс. руб. Какъ великъ будетъ ростъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій и пойдетъ ли онъ на пользу православнымъ столько же, больше или менѣе, чѣмъ католикамъ—кто рѣшится сказать это въ настоящую минуту? И что мои соображенія не являются продуктомъ простыхъ догадокъ, это доказываетъ косвенно фактъ измѣненія, на разстояніи всего-навсего трехъ лѣтъ, процента польскаго населенія въ четырехъ губерніяхъ западнаго края (если полагаться на статистическія данныя, представленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ). Одно изъ двухъ: или русская статистика, по крайней мѣрѣ та, которая зависитъ отъ центральныхъ статистическихъ учрежденій, ничего не стоитъ, или мы должны допустить, что съ 1906-го по 1909-й годъ число поляковъ въ Гродненской губерніи уменьшилось на половину, съ 10% на 5%, а въ Минской увеличилось на $^2/_5$, съ 3% на 5%, въ Могилевской же прямо утроилось—съ 1% на 3%.

Если эти цифры получились не вслѣдствіе простой ошибки, то есть основаніе думать, что съ уменьшеніемъ или, наоборотъ, увеличеніемъ въ два и болѣе разъ числа поляковъ соотвѣтственно сократилось или увеличилось и ихъ землевладѣніе.

Возможно ли при такихъ условіяхъ идти сознательно на такое грубое нарушеніе свободы избирателей, какъ требованіе, чтобы большинство членовъ управъ непремѣнно состояло изъ русскихъ? Какъ, съ другой стороны, не видѣть желанія наложить клеймо недовѣрія на самую лойяльность католиковъ законодательнымъ рѣшеніемъ, что для нихъ безусловно закрыта возможность быть предсѣдателями земскихъ управъ? То же нарушеніе начала ра-

венства всѣхъ гражданъ предъ лицомъ закона, независимо отъ ихъ вѣры и культа, заключаетъ въ себѣ и та статья законопроекта, по которой возможность для земской управы обезпечить себѣ содѣйствіе только вполнѣ заслуживающихъ ея довѣрія лицъ ограничена требованіемъ, что большинство этихъ лицъ непремѣнно должно быть православными, или, какъ выражается законопроектъ—русскими. Члены управы будутъ нести отвѣтственность за нанятыхъ ими помощниковъ—и не будутъ свободны въ ихъ выборѣ.

Вопросъ о большей или меньшей подготовленности того или другого кандидата и о его нравственныхъ качествахъ отступитъ на задній планъ; рѣшающимъ обстоятельствомъ при замѣщеніи должности будетъ случайный фактъ рожденія, да еще соображеніе о томъ, достигнутъ или не достигнутъ максимумъ дозволеннаго закономъ числа католиковъ-служащихъ.

Историческій опытъ всѣхъ народовъ направленъ къ доказательству той мысли, что предоставленіе мѣстныхъ нуждъ вѣдѣнію избранниковъ мѣстнаго населенія, безъ различія этнографическихъ и исповѣдныхъ группъ, его составляющихъ, и при полной свободѣ выборовъ, ведетъ къ сближенію и сплоченію различныхъ пластовъ населенія, объединяемыхъ общимъ служеніемъ не однимъ хозяйственно-административнымъ интересамъ края, но и его благоустройству и благочинію, въ частности — его внутреннему миру и общественному согласію.

Всѣ мѣры, направленныя къ такой цѣли, заслуживаютъ полнѣйшаго сочувствія. Я — большой сторонникъ введенія въ западномъ краѣ тѣхъ же земскихъ учрежденій, что и въ прочихъ частяхъ имперіи. Но я рѣшительный противникъ воинствующаго земства, создаваемаго для политической борьбы и національной розни. Я протестую противъ ограниченія свободы избирателей всякой фиксаціей числа гласныхъ и земскихъ служащихъ или опредѣленіемъ, къ какой національной или, точнѣе, вѣроисповѣдной группѣ должны принадлежать главы земскихъ администрацій. Я не могу помириться съ законопроектомъ, отнимающимъ право избирать и быть избраннымъ у 12-ти процентовъ населенія, установляющимъ максимумъ числа гласныхъ для русскаго крестьянства, которому мы обязаны сохраненіемъ русскаго характера за западнымъ краемъ.

Въ мое сознаніе юриста не входитъ представленіе о томъ, чтобы лицо, которому ввѣряется завѣдываніе мѣстными интересами, было избранникомъ только части мѣстнаго населенія, а

не всей его совокупности, получало бы свои права только отъ католиковъ или православныхъ.

Правительство и въ его лицѣ государство не можетъ быть простымъ зрителемъ борьбы и соперничества между населяющими его народностями, вѣроисповѣдными группами и экономическими классами; оно еще въ меньшей степени вправѣ само вмѣшиваться въ эту борьбу и поддерживать одну изъ сторонъ противъ другой. Его дѣйствительное призваніе—предупреждать своевременно принятыми мѣрами возможность такихъ столкновеній или, по меньшей мѣрѣ—ослаблять ихъ силу; а для этого пока не придумано другихъ средствъ, кромѣ добросовѣстнаго проведенія въ жизнь начала равенства всѣхъ гражданъ передъ лицомъ закона. Ученіе о необходимости общественной солидарности и о высокомъ призваніи правительства и законодательныхъ палатъ служить сближенію гражданъ далеко не такъ ново, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изъ его ревнителей. Мой старый учитель Гнейстъ, изслѣдуя англійское прошлое и англійскую дѣйствительность, почерпнулъ основу своего ученія, что монархія, ставящая во главѣ государства человѣка независимаго и возвышающагося надъ партіями, призвана спасать общество отъ національной и религіозной, сословной и классовой борьбы.

Я полагаю, что законодательныя палаты Россіи должны проникнуться тою же мыслью и отказать въ своей поддержкѣ мѣрамъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить къ ослабленію національной и общественной розни.

Максимъ Ковалевскій.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ИСКАНІЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО

У Достоевскаго Кирилловъ говоритъ: „меня всю жизнь Богъ мучилъ“. Эти слова Кириллова примѣнимы къ двумъ величайшимъ русскимъ художникамъ—самому Достоевскому и Толстому. Оба они были мучениками мысли о Богѣ, оба они всю жизнь искали Бога.

Есть, однако, и существенное различіе въ характерѣ ихъ религіозныхъ исканій. Въ сравненіи съ катастрофическимъ, судорожно-эпилептическимъ богоискательствомъ-богоборчествомъ Достоевскаго ясныя и прозрачныя исканія Толстого могли бы показаться чуть не идиллическими, если бы мы не знали о той серьезной душевной драмѣ, которая едва не стоила жизни автору „Войны и Мира“. Входя въ душевный міръ Достоевскаго, чувствуешь себя точно въ пораженной землетрясеніемъ мѣстности или въ дикой альпійской области: со всѣхъ сторонъ разсѣлины, пропасти—можетъ-быть бездонныя, а можетъ-быть только кажущіяся глубокими,—отовсюду нависшія и грозящія обваломъ скалы. Для любителей подобныхъ дикихъ горныхъ пейзажей души простыя и всѣмъ понятныя сомнѣнія Толстого должны представляться чѣмъ-то поверхностнымъ, равниннымъ. Герои Достоевскаго — почти всегда титаны, стоящіе на равной ногѣ съ Богомъ. Даже болѣе того: они, какъ Иванъ Карамазовъ, не боятся звать Бога на свой судъ,—судъ строгій, на которомъ они не простятъ ему ни одной слезинки невинно замученнаго ребенка. Толстой же безконечно далекъ отъ этой роли грознаго обвинителя и судьи. Онъ полонъ сознанія своей безпомощности и слабости.

Въ „Исповѣди“, говоря о своемъ исканіи Бога, онъ указываетъ, что оно было „не разсужденіе, но чувство, потому что исканіе вытекало не изъ моего хода мыслей—оно было даже прямо противоположно имъ, — но оно вытекало изъ сердца. Это было чувство страха сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь“.

Толстой разсказываетъ далѣе, что хотя послѣ Канта онъ былъ убѣжденъ въ невозможности доказательствъ бытія Божія, онъ все-таки продолжалъ искать Бога. И какъ только онъ сознавалъ, что есть сила, во власти которой онъ находится, онъ тотчасъ же чувствовалъ возможность жизни. Но эти минуты подъема смѣнялись новымъ упадкомъ духа и новыми сомнѣніями ума, доказывавшаго невозможность найти отвѣтъ на мучившіе его вопросы. А за этими „остановками жизни“, какъ называетъ ихъ Толстой, приходили снова какія-то смутныя надежды: „опять и опять съ разныхъ другихъ сторонъ я приходилъ къ тому же признанію того, что не могъ же я безъ всякаго повода, причины и смысла явиться на свѣтъ, что не могу я быть такимъ выпавшимъ изъ гнѣзда птенцомъ, какимъ я себя чувствовалъ. Пускай я, выпавшій птенецъ, лежу на спинѣ, пищу въ высокой травѣ, но я пищу оттого, что я знаю, что меня въ себѣ выносила мать, высиживала, грѣла, кормила, любила. Гдѣ она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросилъ? Не могу я скрыть отъ себя, что, любя, родилъ меня кто-то. Кто же этотъ кто-то?—Опять Богъ“.

„Гдѣ она, эта мать?“ Гдѣ Онъ, Отецъ Міра, Отецъ Небесный? Или, пользуясь особенно любимымъ образомъ Толстого, гдѣ онъ, тотъ Хозяинъ жизни, во власти котораго мы находимся, чью волю должны мы — работники — исполнять? Толстого мало или даже совсѣмъ не занимаютъ метафизическіе вопросы о началѣ и концѣ міра, о цѣли, къ которой движется все въ немъ, о происхожденіи и значеніи зла. Въ окружающей безконечности онъ — „временное, случайное сцѣпленіе частицъ“, какъ опредѣляетъ, по его словамъ, человѣка современная наука — чувствуетъ себя жутко, сиротливо, одиноко, точно потерявшійся въ лѣсу ребенокъ. Это одиночество и сиротливость невыносимы для Толстого. Ему нуженъ кто-то болѣе сильный, на кого можно взирать съ надеждой, на чьи мощныя плечи можно переложить непосильное бремя отвѣтственности за бытіе.

„Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства!“—писалъ когда-то молодой Толстой („Дѣтство“). И счастлива она не только тѣмъ, что все ново и ярко въ ту пору, что широко рас-

пахиваются двери въ кажущуюся безконечной анфиладу жизни, но и тѣмъ, что ребенокъ не знаетъ заботъ, и тяжелѣйшей изъ всѣхъ заботъ — тяжести самой жизни, необходимости самому давать на все отвѣты, не прибѣгая ни къ чьей помощи. Уходятъ годы; дѣти становятся мужами, но въ каждомъ изъ насъ остается сидѣть безпомощный ребенокъ, и въ извѣстномъ смыслѣ жизнь взрослыхъ — „игра“ во взрослую жизнь, какъ игрой и маскарадомъ является вся сложная и искусственная общественная жизнь, скрывающая отъ участниковъ маскарада—купцовъ, ученыхъ, военныхъ, судей, литераторовъ—ихъ простую общечеловѣческую сущность. Мы увлекаемся этой занятной игрой, мы до самозабвенія „заигрываемся“ ею и даже не замѣчаемъ, что мы въ это время заблудились, остались одни. Но проходитъ угаръ игры, мы озираемся — и оказывается, что въ дѣйствительности мы дѣти, простыя, слабыя дѣти, боящіяся своего одиночества и сиротства.

Вотъ Иванъ Ильичъ, обыкновенный средній человѣкъ, солидный чиновникъ, серьезно исполняющій свои общественныя и семейныя обязанности. Но пришла тяжелая минута, настигъ его неизлечимый недугъ—и вся эта серьезность и солидность исчезли, какъ что-то напускное. „Мучительнѣе всего было для Ивана Ильича то, что никто его не жалѣлъ такъ, какъ ему хотѣлось, чтобъ его жалѣли. Ивану Ильичу въ иныя минуты, послѣ долгихъ страданій, больше всего хотѣлось, какъ ему ни совѣстно бы было признаться въ этомъ,—хотѣлось того, чтобъ его, какъ дитя больное, пожалѣлъ кто-нибудь. Ему хотѣлось, чтобъ его приласкали, поцѣловали, поплакали бы надъ нимъ, какъ ласкаютъ и утѣшаютъ дѣтей. Онъ зналъ, что онъ важный членъ, что у него сѣдѣющая борода и что потому это невозможно; но ему все-таки хотѣлось этого. И въ отношеніяхъ съ Герасимомъ (слугою) было что-то близкое къ этому. И потому отношенія съ Герасимомъ утѣшали его. Ивану Ильичу хочется плакать, хочется, чтобъ его ласкали и плакали надъ нимъ, и вотъ приходитъ товарищъ, членъ Шебекъ, и, вмѣсто того, чтобы плакать и ласкаться, Иванъ Ильичъ дѣлаетъ серьезное, строгое, глубокомысленное лицо и по инерціи говоритъ свое мнѣніе о значеніи кассаціоннаго рѣшенія и упорно настаиваетъ на немъ. Эта ложь вокругъ и въ немъ самомъ болѣе всего отравляла послѣдніе дни жизни Ивана Ильича“.

И то, что̀ чувствовалъ Иванъ Ильичъ въ послѣдніе дни своей жизни, представляетъ, съ точки зрѣнія Толстого, настоящую сущность жизни. „Сѣдѣющая борода“, „кассаціонное рѣшеніе“

и прочіе аксессуары взрослой жизни—это лишь накладное, это гримъ, бутафорія. По существу же всѣ мы—выпавшіе изъ гнѣзда птенцы, заигравшіяся, заблудившіяся дѣти, до поры до времени не замѣчающія своей сиротливости и одиночества.

Толстой не просто умомъ постигалъ эту всеобщую „игру“ въ взрослыхъ, но и всѣмъ существомъ своимъ испытывалъ дѣтскую жажду ласки и утѣшенія со стороны болѣе сильнаго „взрослаго“. Онъ всегда въ этомъ отношеніи оставался какъ бы большимъ ребенкомъ, тѣмъ „Левой-ревой“, о которомъ онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Т. А. Ергольской. Міросозерцаніе Толстого напоминаетъ отчасти міроощущеніе ребенка—этого своеобразнаго существа, принадлежащаго двумъ мірамъ, наполовину человѣка, наполовину стихіи, погруженнаго еще по поясъ въ космосъ и потому съ такой изумительной яркостью и непосредственностью воспринимающаго всѣ впечатлѣнія бытія. Но, какъ ребенокъ же, Толстой чувствовалъ себя затерянным и заброшеннымъ въ міровой безконечности. Ему было страшно одному въ мірѣ, страшно было сознавать себя тѣмъ, кто никого не долженъ слушаться и отъ кого все ждетъ приказаній и отвѣтовъ. Въ Толстомъ не было ни титаническаго самочувствія ницшевскаго Заратустры, дающаго отъ себя скрижали новыхъ цѣнностей, ни сверхчеловѣческой силы Великаго Инквизитора Достоевскаго, готоваго взять на себя всю колоссальную тяжесть авторитета. Онъ готовъ нести бремя—тяжелое для людей міра сего и легкое для него: бремя Отца своего небеснаго. Какъ и Неклюдову въ „Воскресеніи“, Толстому было радостно „чувствовать себя не хозяиномъ, а слугою“.

Платону Каратаеву (тому „круглому“ солдатику, встрѣча съ которымъ имѣла рѣшающее значеніе для искавшаго смысла жизни Пьера Безухова — одного изъ воплощеній самого Толстого) не было знакомо это чувство страха одиночества и заброшенности. Дѣло здѣсь не въ одной религіозности Каратаева, не въ его вѣрѣ въ Отца на небесахъ, а въ томъ, что за нимъ всегда стояла безбрежная стихія каратаевщины, весь „христіанскій“, какъ онъ выражался (т.-е. крестьянскій) міръ. Толстому же—или его двойнику, Левину,—съ его взрослыми заботами и дѣлами, съ его размышленіями о Буддѣ, Соломонѣ, Шопенгауэрѣ, не на что и не на кого было опереться, а пришлось, наоборотъ, подобно Геркулесу, взвалить на себя всю ношу міра. И Левинъ не выдержалъ этой тяжести и воззвалъ о помощи, „какъ дѣти, когда имъ холодно и голодно“.

Наряду съ этимъ „дѣтскимъ“ мотивомъ — жаждой авторитета и силы, во власть которой можно было бы вручить себя— другое, совсѣмъ почти незнакомое дѣтямъ чувство явилось источникомъ религіозной драмы Толстого. Я имѣю въ виду страхъ смерти. Въ записи дневника отъ 6 октября 1863 г. Толстой, касаясь различныхъ семейныхъ огорченій, писалъ, между прочимъ: „...Все это прошло и все неправда. Я ею счастливъ, но я собою недоволенъ страшно. Я качусь, качусь подъ гору смерти и едва чувствую въ себѣ силы остановиться. А я не хочу смерти, я хочу и люблю безсмертіе“ (Бирюковъ, т. II, стр. 11). Много лѣтъ спустя, когда Толстой нашелъ уже душевный миръ и радость въ вѣрѣ, онъ у постели умирающаго брата писалъ одному своему корреспонденту: „Думать о смерти нечего, но жить надо въ виду ея“ („Письма“, № 238). Но въ исторіи душевнаго развитія Толстого именно „дума“ о смерти имѣла огромное, почти исключительное значеніе. Вопросъ о смерти и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о смыслѣ жизни занимаютъ едва ли не центральное мѣсто во всемъ духовномъ творчествѣ Толстого.

Въ „Исповѣди“ Толстой описалъ съ поразительной силой тотъ „ужасъ и отчаяніе жизни и смерти“, который довелъ его почти до самоубійства. „Среди моихъ мыслей о хозяйствѣ“, говоритъ онъ, „которыя очень занимали меня въ то время, мнѣ вдругъ приходилъ въ голову вопросъ: „Ну, хорошо, у тебя будетъ 6.000 десятинъ въ Самарской губерніи, 300 головъ лошадей, а потомъ?...“ И я совершенно опѣшивалъ и не зналъ, что думать дальше. Или, начиная думать о томъ, какъ я воспитаю дѣтей, я говорилъ себѣ: „Зачѣмъ?“ Или, разсуждая о томъ, какъ народъ можетъ достигнуть благосостоянія, я вдругъ говорилъ себѣ: „А мнѣ что за дѣло?“ Или, думая о той славѣ, которую пріобрѣтутъ мнѣ мои сочиненія, я говорилъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ—ну и что-жъ?...“ И я ничего и ничего не могъ отвѣтить. Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ“.

Толстой разсказываетъ далѣе, какъ онъ не нашелъ отвѣта на свои сомнѣнія ни въ наукѣ—которая вообще не знаетъ вопроса о смыслѣ жизни,—ни въ жизни тѣхъ образованныхъ классовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ. Между тѣмъ онъ чувствовалъ, что отвѣтъ этотъ долженъ существовать, ибо живутъ же и жили безчисленныя поколѣнія людей—милліарды трудового народа—не сомнѣвающихся въ смыслѣ жизни. Эти милліарды живутъ *вѣрою*, часто неразумною, даже уродливою; но „отвѣты,

даваемые вѣрою, имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному, безъ котораго не можетъ быть отвѣта". Вѣра придаетъ конечному существованію человѣка смыслъ безконечнаго, смыслъ, не уничтожаемый даже смертью. Эта вѣра не есть откровеніе, не есть обличеніе вещей невидимыхъ, какъ видимыхъ, и т. д.: она есть „знаніе смысла человѣческой жизни, вслѣдствіе котораго человѣкъ не уничтожаетъ себя, а живетъ. Вѣра есть сила жизни".

И Толстой сталъ приглядываться къ жизни вѣрующихъ. Но у людей изъ достаточныхъ классовъ онъ увидѣлъ, что ихъ вѣра не стоитъ ни въ какой связи съ ихъ жизнью и есть лишь одно изъ эпикурейскихъ утѣшеній жизни. Совсѣмъ другое нашелъ онъ у трудящагося народа. „И я увидѣлъ такихъ, понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ жить и умирать, не двухъ, не трехъ, не десять, а сотни, тысячи, милліоны... И я полюбилъ этихъ людей... Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусство—все это предстало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это—сама жизнь, и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его".

Страшно, тоскливо, сиротливо, нечѣмъ и незачѣмъ жить — и отсюда одинъ крикъ, одинъ отчаянный вопль о помощи: вотъ та элементарная, но глубокая и глубоко человѣческая гамма чувствъ, которая лежитъ въ основѣ исканій Толстого. Здѣсь нѣтъ никакихъ надрывовъ, ничего запрятаннаго въ потайныхъ углахъ души. Мотивы религіозной драмы лежатъ на виду, всѣмъ открытые и доступные. Составляющій ихъ рядъ чувствъ до того простъ и универсаленъ, что легко зарождается иллюзія о раціональности, разсудочности всего процесса. Всѣ операціи разума общезначимы. Въ области чувствъ мы легко оборачиваемъ это положеніе и считаемъ все общезначимое раціональнымъ, относящимся къ вѣдѣнію разума. Если человѣкъ испытываетъ чувство голода, то онъ принимаетъ пищу; если ему холодно—онъ укрываетъ себя. Это такъ просто, такъ понятно, „разумно". И однако аскету, подвижнику или человѣку, желающему уморить себя голодомъ, нельзя доказать „раціональность" употребленія одежды или пищи.

Между мыслью и чувствомъ есть одно существенное различіе. Какъ всѣ прямыя линіи обладаютъ одинаковой мѣрой прямизны, такъ въ интеллектуальной сферѣ всѣ сужденія въ одинаковой степени раціональны. Извѣстное каждому ребенку положеніе: $2 \times 2 = 4$ и самая сложная, доступная лишь немногимъ спеціалистамъ теорема изъ высшихъ отдѣловъ математики одинаково раціональны. Въ сферѣ же чувствъ, въ области иррацiональнаго, есть различныя мѣры иррацiональности, какъ есть кривыя различной степени кривизны. Наряду со всѣмъ знакомыми и универсальными чувствами, въ родѣ голода, холода, страха, тоски и пр., есть крайне сложныя и исключительныя эмоціи, свойственныя лишь опредѣленнымъ душевнымъ типамъ и имѣющіяся у большинства людей развѣ только въ зачаточномъ видѣ. По сравненію съ этими чувствами „двойной“, если можно такъ выразиться, иррацiональности, чувства и аффекты перваго рода должны представляться чѣмъ-то само собою разумѣющимся, понятнымъ, раціональнымъ.

Толстому былъ чуждъ этотъ міръ двойной иррацiональности, въ которомъ такъ хорошо и свободно чувствовалъ себя Достоевскій. Толстой все время живетъ въ сферѣ всѣмъ извѣстныхъ, почти врожденныхъ чувствъ. Кто не задумывался когда-нибудь надъ загадкой смерти? Кто не испытывалъ иногда потребности прислониться къ болѣе сильному въ мірѣ, кто не хотѣлъ покорно „влечь въ хомутъ“, какъ образно выражается Толстой? Все это такія простыя чувства, что они невольно складываются какъ бы въ разсужденія, въ силлогизмы, которые должны доказать необходимость вѣры въ Бога.

Эта иллюзія раціональности усиливалась еще тѣмъ, что въ Толстомъ вообще былъ необыкновенно развитъ элементъ рефлексіи и разсудочности. Правда, Толстой различалъ „сердце“ и его требованія отъ разсудка и его аргументовъ; его „разумъ“, который онъ противоставляетъ вѣрѣ-откровенію и изъ котораго онъ выводитъ съ несомнѣнной достовѣрностью свое религіозное ученіе, шире нашего разума, захватывая и область „сердца“. Но печать логическихъ операцій все-таки лежитъ на дѣйствіяхъ этого толстовскаго „разума“. Въ нашей жизни, доказывалъ, напримѣръ, Толстой,—заложено основное противорѣчіе: всѣ люди живутъ для своего личнаго блага, но благо это недостижимо; на пути къ этому благу стоятъ для каждаго отдѣльнаго человѣка аналогичныя стремленія всѣхъ другихъ людей, самыя различныя страданія и, наконецъ, неизбѣжное паденіе въ „пропасть смерти“. Чтобы устранить это противорѣчіе, надо, слѣдо-

вательно, перестать видѣть цѣль и смыслъ жизни въ достиженіи личнаго блага („О жизни“). И путемъ длинной цѣпи подобныхъ „силлогизмовъ“ Толстой пытается привести читателя къ своему религіозному ученію.

У иныхъ толстовцевъ эта раціонализирующая тенденція была настолько сильна, что они пытались даже построить все свое ученіе more geometrico, на манеръ „Этики“ Спинозы, въ видѣ связной и стройной цѣпи изъ аксіомъ и теоремъ.

Даже исторія религіознаго кризиса Толстого изложена, какъ одинъ непрерывный соритъ; и самый исходъ изъ этого кризиса, самый моментъ „обращенія“ представляется какъ бы завершающимъ силлогизмъ. Однажды весной—разсказываетъ Толстой—онъ былъ въ лѣсу, и, какъ всегда за послѣдніе три года, думалъ все о томъ же: опять искалъ Бога, опять перебиралъ всѣ столь хорошо извѣстныя ему доказательства и ихъ опроверженія. И опять за моментомъ радости наступило отчаяніе, и опять захотѣлось Толстому убить себя.

„Но тутъ я оглянулся на самого себя, на то, что происходитъ во мнѣ, и я вспомнилъ всѣ эти сотни разъ происходившія во мнѣ умиранія и оживленія. Я вспомнилъ, что я жилъ только тогда, когда вѣрилъ въ Бога. Какъ было прежде, такъ и теперь: стоитъ мнѣ знать о Богѣ, и я живу; стоитъ забыть, не вѣрить въ Него, и я умираю.

„Что же такое эти оживленія и умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога, вѣдь я бы уже давно убилъ себя, если бы у меня не было смутной надежды найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. Такъ чего же я ищу еще?—вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и то же. Богъ есть жизнь.

„Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога. И сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня“.

Такъ закончился первый, и самый главный, фазисъ религіозныхъ исканій Толстого. По сравненію съ этимъ „обращеніемъ“ все дальнѣйшее — и критика догматическаго богословія, и разрывъ съ церковью, и исправленіе Евангелія—имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

„Когда я вѣрю, что Богъ существуетъ, я могу жить; когда я не вѣрю въ это—не могу; слѣдовательно Богъ существуетъ“—

вотъ, формально похожій на силлогизмъ, ходъ тѣхъ мыслей, которыми закончился религіозный кризисъ Толстого. Пользуясь модным теперь терминомъ, это разсужденіе Толстого можно было бы назвать „прагматическимъ“ доказательствомъ бытія Божія.

Разумѣется, вся конструкція Толстого, и въ частности его прагматическое доказательство бытія Бога, разсматриваемыя, какъ логическая аргументація, не имѣютъ никакой силы. Вотъ человѣкъ, говорящій: „чтобы я могъ жить, мнѣ нужно имѣть двѣсти тысячъ“. Но высказать эту мысль не значитъ еще стать обладателемъ этой суммы. Желаніе есть отецъ мысли; но оно—не отецъ факта. Если же кто-нибудь мысль принимаетъ за фактъ и на основаніи своей неотложной нужды въ двухстахъ тысячахъ начинаетъ заключать, что онъ ихъ имѣетъ, то у всякаго явится сомнѣніе въ здравости его разсудка.

Почему же тождественное, повидимому, разсужденіе дѣлается въ религіозной области такими умами, какъ Толстой, Джемсъ, Кантъ (аргументацію котораго изъ „Критики практическаго Разума“ повторялъ—можетъ-быть невѣдомо для себя—Толстой)? И почему мы не отвергаемъ его, а стараемся разобраться въ немъ, чувствуемъ въ немъ что-то вѣрное и важное? Вѣдь не можетъ же быть, чтобы душевный міръ человѣка былъ такъ организованъ, чтобы онъ находилъ миръ и спокойствіе въ чемъ-то завѣдомо безсмысленномъ?

И, дѣйствительно, при всей ошибочности прагматическаго „доказательства“ бытія Божія, въ немъ есть здоровое и цѣнное ядро. Возьмемъ, напримѣръ, сужденіе такого рода: „чтобы я могъ жить, я долженъ возлюбить людей“. Хотя формально оно похоже на предыдущее о двухстахъ тысячахъ, но по существу оно рѣзко отличается отъ него. Изъ желанія несуществующаго еще факта оно выводитъ извѣстную максиму поведенія, опредѣленное отношеніе къ окружающему. Ошибка прагматическаго доказательства—та, что, будучи по существу сужденіемъ второго типа, оно строится по образцу сужденій перваго типа. Дѣло идетъ о нѣкоторомъ *субъективномъ* отношеніи къ бытію, дающемъ покой и душевную гармонію, а вмѣсто этого вводится—въ духѣ традиціоннаго міровоззрѣнія — нѣкоторая *объективная* реальность, для которой теоретически, объективно (кантовское опроверженіе доказательствъ бытія Божія) не находится мѣста.

Но по существу Толстой правъ: однимъ научнымъ, познавательнымъ отношеніемъ къ бытію жить нельзя, нельзя довольствоваться сознаніемъ, что „ты — случайно сплотившійся комочекъ чего-то. Комочекъ прѣетъ. Прѣніе это комочекъ называетъ

своею жизнью. Комочекъ разскочится—и кончится прѣніе и всѣ вопросы" („Исповѣдь"). Необходима еще, какъ Толстой выражается, „сила жизни", „вѣра". Одного сознанія мало. Чтобы можно было жить, нужно еще крѣпкое подсознательное, нужны уходящіе глубоко въ землю корни существованія, при слабости которыхъ дерево жизни легко вырывается первой сильной бурей.

Но этимъ подсознательнымъ не должна быть непремѣнно анимистическая вѣра въ духовъ или въ Единаго Духа. „Силой жизни", тѣмъ, что гармонируетъ и скрѣпляетъ душевный міръ человѣка, могутъ быть самыя различныя вещи. Та вѣра въ совершенствованіе или прогрессъ, которая была у молодого Толстого и у его сверстниковъ изъ интеллигенціи и надъ которой онъ такъ горько смѣется въ „Исповѣди", являлась и является для массы людей настоящей „вѣрой" въ толстовскомъ смыслѣ. Для „вѣрующаго" въ прогрессъ не страшны никакіе „зачѣмъ?", какъ пересталъ быть страшнымъ этотъ вопросъ для самого увѣровавшаго въ Хозяина жизни Толстого. „Умъ, знаете,—писалъ Толстой одному своему послѣдователю,—„какъ бинокль, развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже, такъ и въ вопросахъ о жизни, и зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ. Отвѣты на эти вопросы въ вѣрѣ Ему" („Письма", № 148). Это самое испыталъ и искавшій цѣли жизни Пьеръ Безуховъ по возвращеніи изъ плѣна, гдѣ онъ встрѣтился съ Платономъ Каратаевымъ. Онъ чувствовалъ, что цѣли нѣтъ и быть не можетъ, и это именно переполняло его радостью и сознаніемъ свободы. „Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру,—не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога".

У Пьера и Толстого вѣра въ „живого" Бога, у иныхъ—вѣра въ то, что Толстой называетъ здѣсь „словами" или „мыслями", лишаютъ всякой остроты вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни. Человѣкъ заболѣлъ; организмъ его изнуренъ упорно держащейся высокой температурой; но страшна не она, а та болѣзнь, слѣдствіемъ и симптомомъ которой является жаръ у больного. Точно такъ и вопросъ „зачѣмъ?". есть слѣдствіе и симптомъ; онъ приходитъ post factum, когда уже разрушена душевная скрѣпа, и имѣетъ такое роковое значеніе лишь потому, что вскрываетъ душевную катастрофу, показываетъ развалины тамъ, гдѣ былъ прежде храмъ личности.

Мы не знаемъ тѣхъ психологическихъ законовъ, по которымъ происходитъ въ однихъ случаяхъ распаденіе душевной гармоніи и мира, въ другихъ—возстановленіе ихъ. Изъ огромнаго

подводнаго материка безсознательнаго нашему взору доступны лишь отдѣльныя, выступающія въ сферу сознательнаго вершины, островки „мыслей“ и „словъ“, являющихся, на поверхностный взглядъ, „силой жизни“. Для одного „прогрессъ“, для другого „Богъ“, для третьяго „наука“, для четвертаго даже „безбожіе“—все это можетъ быть силой жизни, все это можетъ давать душевный покой и миръ. Дѣло, разумѣется, не въ словахъ, а въ той массѣ навыковъ, эмоцій и ассоціацій, которыя безсознательно группируются около этихъ словъ. Но эта сторона дѣла отъ насъ закрыта.

Насколько хрупкой и отвлеченно-блѣдной можетъ быть душевная скрѣпа, показываетъ примѣръ самого Толстого. Толстого всегда тянуло къ простому народу, къ которому онъ имѣлъ, по его собственнымъ словамъ, какую-то странную физическую любовь. Естественно, что, найдя смыслъ жизни у трудящихся массъ, онъ склоненъ былъ принять ихъ вѣру во всей ея цѣлости, тѣмъ болѣе, что это шло навстрѣчу воспоминаніямъ дѣтства и всей традиціи окружающей жизни. И Толстой не ѣлъ скоромнаго въ постные дни, исполнялъ церковные обряды и т. д. Для вѣрующаго, для „простеца“ каждый обрядъ и мелочь религіознаго быта—это новое щупальце, новая связь и устой жизни. Но раціоналистъ Толстой (въ отличіе отъ ирраціональнаго Достоевскаго) не смогъ сдѣлаться такимъ простецомъ. Съ большой душевной мукой и шагъ за шагомъ онъ разорвалъ съ церковной вѣрой, лишившись такимъ образомъ „самой радостной поддержки въ вѣрѣ—общенія со многими“ („Въ чемъ моя вѣра“). И отъ всего богатства религіозной жизни смиренно вѣрующихъ у него осталась одна вѣра въ Отца на небесахъ и въ его написанный въ сердцахъ людскихъ законъ.

Если не считаться со всей совокупностью воззрѣній Толстого, то нѣкоторыя отдѣльныя выраженія его — особенно изъ сочиненій начала 80-хъ годовъ—могутъ даже подать поводъ думать, будто онъ не признавалъ отдѣльно существующаго отъ человѣка божества. Такъ въ Евангеліи Богъ у него опредѣляется какъ „разумѣніе жизни“ (толстовское толкованіе Логоса—Слова). Богъ есть „духъ въ человѣкѣ“, его „совѣсть“. Но чѣмъ бы ни были вызваны эти любопытныя колебанія мысли Толстого, они не мѣняютъ того главнаго факта, что онъ вѣрилъ въ трансцендентнаго Бога. Правда, Толстой находилъ, что попытки опредѣлить ближе существо Божіе ведутъ только къ противорѣчіямъ и затемняютъ вѣру въ существованіе Бога. Когда же онъ пытался такъ или иначе опредѣлить Бога, то онъ приходилъ

къ довольно различнымъ рѣшеніямъ, тяготѣя, повидимому, не смотря на монотеистическую терминологію („Хозяинъ", „Отецъ"), къ пантеистическимъ идеямъ. Религіозное ученіе Толстого можно приблизительно выразить слѣдующимъ образомъ. Существуетъ Кто-то, или даже, вѣрнѣе, Что-то, безконечное, духовное, какъ и я—и отъ этого жить на свѣтѣ не страшно, спокойно, радостно. Исполненіе воли этого Хозяина, всеобщая любовь и благоволеніе — это относится уже къ нравственности и имѣетъ второстепенное значеніе сравнительно съ вѣрой въ Бога, дающей „силу жизни" и силу исполнять нравственный законъ. Главное—это вѣра, несущая съ собой то спокойствіе и ясность духа, безъ которыхъ не то что нельзя исполнять законъ любви, но и жить невозможно.

Ребенку страшно уснуть одному въ темной комнатѣ ночью. Но ребенокъ чувствуетъ, что мать здѣсь, по близости, въ сосѣдней комнатѣ; онъ слышитъ ея шаги, ея голосъ — и спокойно засыпаетъ. Такъ и у Толстого мысль-чувство о присутствіи кого-то или чего-то всесильнаго и благого разгоняетъ гнетущее настроеніе страха и сиротливости. Отъ безчисленныхъ корней, которыми питается религіозная жизнь церковно вѣрующихъ, у Толстого остался одинъ только корень, но и его было достаточно для гармонизаціи и просвѣтленія жизни. Конечно, дальнѣйшая жизнь увѣровавшаго Толстого не была вся сплошь безмятежной и блаженной: на него попрежнему нападали минуты сомнѣнія и уныніе, попрежнему чувствовалъ онъ иногда ядовитое дыханіе своего „дракона" (выраженіе Бирюкова) — страха смерти, но эти минуты скоро и безслѣдно проходили, таяли въ основномъ настроеніи душевнаго мира, внесеннаго идеей-силой о Богѣ.

Если выливать по каплямъ расплавленное стекло въ холодную воду, то получатся такъ называемыя въ физикѣ батавскія слезы. Такая слеза способна переносить довольно крѣпкіе удары, но достаточно надломить шейку ея, чтобъ она разсыпалась на тысячу осколковъ. Нѣчто подобное происходитъ и въ душевной жизни, гдѣ нерѣдко огромная масса чувствъ держится какой-то непонятной спайкой около простого, повидимому, и хрупкаго душевнаго образованія: „вѣры" въ Бога, въ прогрессъ, въ науку. Но какъ только „надломилась" эта спайка—и весь прочный укладъ душевной жизни, весь красивый и радостный уютъ ея разсыпаются прахомъ: повсюду въ душѣ обломки, гниль, мерзость запустѣнія.

Но вопросъ о смыслѣ жизни имѣетъ не одно только инди-

видуально-психологическое значеніе, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ тѣсно связанъ съ вопросами коллективной психологіи. Въ настоящее время почти всѣми признана огромная роль соціальной среды въ выработкѣ логическихъ формъ мысли. Еще больше эта роль въ области подсознательнаго, въ той темной сферѣ, гдѣ царитъ соціальное внушеніе. „Мыслитъ не индивидъ, а соціальная группа"—это звучащее такъ парадоксально утвержденіе Гумиловича почти перестаетъ быть парадоксомъ, если говорить объ эмоціональномъ, о чувствахъ, о „вѣрѣ". „Вѣритъ не индивидъ, а группа". И къ стволу групповой психики прикрѣплена обыкновенно та индивидуальная вѣтка вѣры, которая даетъ отдѣльной личности силу жизни. Групповая „вѣра", съ ея верховнымъ освященіемъ и осмысливаніемъ жизни, до сихъ поръ почти всегда выражалась въ анимистическихъ представленіяхъ—причинъ этого я здѣсь касаться не буду,—и поэтому и обратное пріобрѣтеніе вѣры, „обращеніе" совершается въ болѣе или менѣе традиціонныхъ формахъ увѣрованія въ міровое начало, въ духа и пр. Но не въ этихъ концепціяхъ вся суть дѣла. Понятіе „Бога" не обладаетъ исключительной привилегіей гармонизировать нашъ душевный міръ. Это лишь наиболѣе привычная намъ, въ силу долгаго историческаго развитія, форма гармонизаціи, но не единственная.

Намъ нужно крѣпкое и новое подсознательное—намъ, т.-е. тѣмъ образованнымъ, интеллигентнымъ классамъ, у которыхъ сперва искалъ отвѣта на свои сомнѣнія Толстой и не нашелъ. Въ этихъ слояхъ двѣ причины неодинаковаго значенія съ двухъ концовъ разъѣдаютъ и утончаютъ живоносный пластъ подсознательнаго: съ одной стороны огромный ростъ сознанія и рефлексіи, съ другой—и это самое главное—оторванность отъ соціальныхъ массъ, почти преграждающая доступъ силѣ коллективнаго внушенія. Если выражаться художественными образами Толстого, то можно сказать, что у Каратаева минимумъ рефлексіи и максимумъ соціальнаго внушенія. Его подсознательное настолько велико, что всѣ такъ мучащіе Левина вопросы о жизни и смерти не имѣютъ для него никакого смысла. Онъ, дѣйствительно, капля въ міровомъ шарѣ, какъ снится Пьеру послѣ убійства Платона: „вотъ онъ Каратаевъ, вотъ разлился и исчезъ", и уступаетъ уже мѣсто другимъ нарождающимся каплямъ. У Левина, наоборотъ, максимумъ рефлексіи и минимумъ соціальнаго внушенія—и отсюда его душевныя муки и сомнѣнія. И отсюда же религіозныя искательства Левина-Толстого, его попытка „округлиться" на подобіе Каратаева и найти такимъ образомъ душевный миръ.

Интеллигенціи, вслѣдъ за Левинымъ, есть что̀ заимствовать у Каратаева: разумѣется, не отсутствіе рефлексіи и не анимистическое содержаніе его подсознательнаго, но наличность крѣпкихъ и неразрушимыхъ эмоціональныхъ связей съ коллективностью.

Прежде, и особенно теперь, много писали, и пишутъ, и говорятъ о необходимости „слиться“ съ народомъ, „раствориться“ въ немъ (я имѣю здѣсь въ виду не соціальную сторону вопроса). И дѣйствительно, нельзя объ этомъ не писать и не говорить, ибо здѣсь затрагивается одна изъ самыхъ серьезныхъ и наболѣвшихъ проблемъ культуры. Старинная анимистически-религіозная, деревенская форма соціальнаго внушенія все болѣе и болѣе разрушается; нарождающійся на мѣсто ея „позитивный“, городской типъ внушенія еще очень и очень далекъ отъ своего расцвѣта. Въ эту продолжительную переходную, „критическую“ эпоху все бо̀льшіе и бо̀льшіе слои интеллигенціи охватываются недугомъ „безвѣрія“ (въ смыслѣ отсутствія крѣпкаго подсознательнаго). Интеллигенція, разумѣется, не совсѣмъ пульверизована. Въ ней есть свои теченія, свои группы и группки, съ своимъ особымъ, интеллигентскимъ бытомъ, съ своими коллективными „вѣрами“ и формулами жизни. Но, въ полной гармоніи съ интеллигентскимъ характеромъ этихъ группъ, „вѣры“ эти берутъ обыкновенно начало въ верхнихъ этажахъ душевной жизни, не затрагивая тѣхъ могучихъ и почти инстинктивныхъ эмоцій, которыя входятъ въ коллективное сознаніе широкихъ массъ. Къ тому же эти интеллигентскія коллективности крайне подвижны и текучи; онѣ не даютъ образоваться стойкому чувству увѣренности бытія, сознанія себя—какъ у Каратаева—„частицей цѣлаго“, въ связи съ которымъ жизнь имѣетъ смыслъ. Вслѣдствіе этого создается разлитое повсюду настроеніе культурной тоски, культурныхъ поисковъ смысла жизни, нерѣдко толкающее чуткія, впечатлительныя и одаренныя натуры на путь возвращенія къ отжитымъ типамъ вѣры.

У насъ разночинецъ—и, значитъ, прирожденный, такъ сказать, интеллигентъ—Достоевскій обрѣлъ смыслъ жизни въ церковной вѣрѣ и аггрессивномъ національнизмѣ. Безмѣрная ирраціональность его натуры могла быть насыщена лишь всей ирраціональностью исторически сложившагося вѣроученія и народнаго самосознанія. Не интеллигентъ, а большой баринъ и аристократъ Толстой съумѣлъ, наоборотъ, благодаря своей рефлексіи и раціонализму, преодолѣть соблазнъ этого столь заманчиваго рѣшенія и на свой личный страхъ добился гармонизаціи жизни: въ по-

искахъ смысла существованія онъ нанесъ тяжелые удары церковной религіозности и избавился отъ тѣхъ налетовъ національнализма, которые имѣлись въ его великихъ художественныхъ произведеніяхъ. Но онъ все-таки не могъ уйти отъ всесильной анимистической идеологіи. Какой отвлеченный и одухотворенный характеръ ни приняла у него вѣра въ Бога, она осталась по существу въ потокѣ тѣхъ традиціонныхъ идей, съ которыми все больше и больше разрываетъ современное человѣчество.

Толстой любилъ безсмертіе и хотѣлъ его. И какъ было не хотѣть безсмертія ему, который такъ интенсивно, такъ всегда по новому, по дѣтскому ощущалъ всѣ впечатлѣнія окружающаго! „Больнѣе мнѣ всего за себя“—писалъ въ 1871 г. заболѣвшій Толстой—„то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя одной десятой того, что есть. Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, понимаю, соображаю, но не вижу насквозь съ любовью, какъ прежде“.

Впитавшій въ себя все безстрастіе и всю невозмутимость вѣчной природы Спиноза утверждалъ: „мы чувствуемъ и испытываемъ, что мы вѣчны“ (sentimus experimurque nos aeternos esse). Точно такъ же и видѣвшій все „насквозь съ любовью“, впитавшій въ себя весь опьяняющій и пестрый трепетъ жизни Толстой не могъ не ощущать необходимости безсмертія, органически не могъ примириться съ фактомъ смерти.

И послѣ тяжелаго религіознаго кризиса, бывшаго столько же искательствомъ Бога, сколько и исканіемъ безсмертія, Толстой нашелъ его, преодолѣлъ страхъ смерти. Но, какъ и въ представленіяхъ о характерѣ божества, мы здѣсь наталкиваемся на расплывчатость и неопредѣленность воззрѣній Толстого. По временамъ—опять-таки въ пору болѣе раннихъ произведеній—Толстой выражается почти какъ позитивистъ. Безсмертія, т.-е. индивидуальнаго загробнаго существованія, какъ себѣ представляютъ его церковно вѣрующіе, нѣтъ. Человѣкъ продолжаетъ жить въ памяти людей, въ своихъ дѣлахъ, которыя вливаются въ общую жизнь человѣчества, и т. д.

Но эти „позитивистскія“ заявленія представляютъ лишь временное и побочное отвѣтвленіе мысли Толстого, бывшей въ своемъ главномъ и постоянномъ руслѣ пантеистическою. Иногда Толстой высказывается въ смыслѣ ученія о „сліяніи“. Какъ понялъ еще

умиравшій князь Андрей, „любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику". Но чаще и охотнѣе мысль Толстого склоняется къ другому рѣшенію, тоже пантеистическаго типа, дающему, однако, больше простора индивидуальности. Это теорія метаморфозы, превращенія. Въ „Воскресеніи" выведенъ политическій изъ крестьянъ, Набатовъ. Онъ никогда не думалъ о будущей жизни, „въ глубинѣ души нося то унаслѣдованное имъ отъ предковъ твердое, спокойное убѣжденіе, общее всѣмъ земледѣльцамъ, что, какъ въ мірѣ животныхъ и растеній ничто не кончается, а постоянно передѣлывается изъ одной формы въ другую — навозъ въ зерно, зерно въ курицу, головастикъ въ лягушку, червякъ въ бабочку, жолудь въ дубъ, — такъ и человѣкъ не уничтожается, а только измѣняется. Онъ вѣрилъ въ это и потому бодро и даже весело всегда смотрѣлъ въ глаза смерти и твердо переносилъ страданія, которыя ведутъ къ ней, но не любилъ и не умѣлъ говорить объ этомъ.

Самъ земледѣлецъ, Толстой чаще всего останавливается на этой земледѣльческой концепціи. Онъ сравниваетъ смерть съ моментомъ превращенія куколки въ бабочку („О жизни"). Или же смерть есть для него своего рода пробужденіе, переходъ въ новое, высшее существованіе, относящееся къ нашей жизни такъ, какъ состояніе бодрствованія къ сновидѣнію. Это высшее существованіе есть, въ свою очередь, лишь новая ступень къ еще высшему существованію, и такъ далѣе, „до безконечности, до одной послѣдней, настоящей жизни—жизни Бога" („Письмо о Кармѣ").

Для душевнаго мира Толстого идея о безсмертіи, какъ и идея о Богѣ, была безусловно необходима. Но болѣе близкое опредѣленіе характера безсмертія не имѣло въ глазахъ Толстого рѣшающаго значенія. Поэтому онъ и совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ и единомышленникамъ не заниматься вопросомъ о томъ, что̀ ждетъ насъ послѣ смерти—ибо здѣсь нельзя избѣгнуть разномыслія и разногласія,—а обратиться къ тому, насчетъ чего всѣ согласны: надо жить такъ, какъ должно, какъ повелѣваетъ законъ любви.

Религія, такимъ образомъ, непосредственно переходитъ у Толстого въ этику, которая, въ свою очередь, тѣсно связана съ изумительной по силѣ и своеобразію критикой нашего соціальнаго строя и даже всей нашей цивилизаціи. При такой неразрывной связи религіи и этики можетъ показаться, что идеи Бога и безсмертія играютъ лишь служебную, „прагматическую" роль, являясь какъ бы посредствующимъ звеномъ между отдѣльной

личностью и ея обязанностями относительно окружающихъ людей. „Служи человѣчеству!“—говоритъ позитивистъ. „Служи человѣчеству, потому что такова воля Хозяина жизни!“—говоритъ Толстой. Все различіе между обоими императивами сводится, повидимому, лишь къ божественной санкціи, на которую опирается Толстой.

Но это лишь „повидимому“. Въ дѣйствительности религіозныя идеи въ системѣ Толстого—не простая крышка, которую легко можно снять, не измѣняя содержанія сосуда. При всей его догматической неопредѣленности и бѣдности, вѣроученіе Толстого не есть одна лишь форма, прикрывающая собой своеобразную этически-соціальную, анархическую систему. Для Толстого центръ тяжести всегда лежалъ въ религіи, въ „вѣрѣ“. Прежде Богъ, а потомъ люди. Прежде свой личный счетъ съ Богомъ, а затѣмъ уже съ людьми. Какъ и въ другихъ высшихъ религіяхъ, въ христіанствѣ, въ буддизмѣ, главная проблема толстовства — это вопросъ о личномъ спасеніи.

Въ Толстомъ жила физическая любовь къ народу, въ немъ была огромная соціальная тяга и правдивость, не дававшая ему оставаться спокойнымъ зрителемъ и участникомъ неправды жизни. Но въ немъ еще сильнѣе былъ рефлектикъ, углубленный въ вопросы о смыслѣ существованія, и чѣмъ дальше шли годы, чѣмъ радостнѣе становилась съ годами, по признанію Толстого, его жизнь, тѣмъ рельефнѣе выступала эта религіозная сторона его натуры.

Не соціальная дѣятельность гармонизировала душевную жизнь Толстого. Въ періодъ его религіознаго кризиса и она, какъ все другое, потеряла свой смыслъ, и она стала жертвой неумолимаго: „зачѣмъ? А мнѣ что за дѣло?“. Гармонія и миръ были внесены въ душу Толстого идеей о Богѣ, которая осмыслила все существованіе и, прежде всего, дѣятельность на пользу людей.

Толстой самъ подчеркивалъ—и съ полнымъ правомъ—отличіе своей религіозной точки зрѣнія отъ близкихъ ей на первый взглядъ воззрѣній. Въ статьѣ о „Религіи и нравственности“ (13-й томъ) онъ указываетъ, что есть три основныя отношенія человѣка къ міру или началу его, отношенія, которыя онъ называетъ религіей: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское.

„Строго говоря“, продолжаетъ онъ, „основныхъ отношеній человѣка къ міру только два: личное, состоящее въ признаніи смысла жизни въ благѣ личности, пріобрѣтаемомъ отдѣльно или въ соединеніи съ другими личностями, и христіанское, при-

знающее смыслъ жизни въ служеніи Пославшему человѣка въ міръ. Второе же отношеніе человѣка къ міру—общественное—въ сущности есть только расширеніе перваго".

Съ точки зрѣнія Толстого значеніе вѣры въ Бога и его законъ такъ велико, что, по сравненію съ нимъ, и служеніе своему „я" („личная" религія), и служеніе человѣчеству („общественная" религія) сливаются въ нѣчто единое. Мы не пойдемъ такъ далеко за Толстымъ. Но указываемое имъ огромное различіе между „божеской" религіей и „общественной" существуетъ, и оно-то заставляетъ удѣлять въ міровоззрѣніи Толстого такое исключительное вниманіе идеѣ о Богѣ.

Религія Толстого крайне бѣдна и скудна: въ ней нѣтъ ни обрядовъ, ни таинствъ, ни сказаній, ни священства. Въ ней нѣтъ ни мистики, ни чудесъ. Она говоритъ только, что есть въ мірѣ кто-то, чью волю должно исполнять. По сравненію съ этой блѣдной схемой соціальное ученіе Толстого является безконечно многообразнымъ и богатымъ. И однако именно эту блѣдную схему приходится поставить во главу угла: она не только была душевной скрѣпой, „силой жизни" Толстого, но была и скрѣпой его міровоззрѣнія. Идея о Богѣ имѣетъ свою особую имманентную логику. И она-то и вызвала къ жизни нѣкоторыя изъ наиболѣе характерныхъ теорій Толстого: и ученіе о непротивленіи злу насиліемъ, и суровый аскетизмъ „Крейцеровой сонаты", и восхваленіе, какъ наиболѣе христіанской, жизни бездомнаго бродяги, для которой можетъ-быть — такъ ненадолго —Толстой покинулъ Ясную Поляну.

На предыдущихъ страницахъ упоминались нѣсколько разъ имена Константина Левина и Платона Каратаева. Двѣ эти фигуры — два противоположныхъ полюса художественнаго творчества Толстого. Левинъ—самый индивидуальный образъ его, почти автопортретъ творца „Войны и Мира". Каратаевъ—самый универсальный образъ Толстого, наиболѣе широкое художественное обобщеніе его. Но Левинъ и Каратаевъ—антиподы не съ одной лишь количественной стороны, а и съ качественной.

Рисуя Каратаева, Толстой не перестаетъ подчеркивать все „круглое" въ немъ: его фигура круглая, его голова совершенно круглая; его спина, грудь, плечи, его улыбка, глаза, морщины—круглыя. Въ воспоминаніяхъ Пьера онъ всегда остается олицетвореніемъ „всего русскаго, добраго и круглаго". Онъ—„круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды. Въ его спо-

рыхъ движеніяхъ чувствуется что-то „успокаивающее, пріятное и круглое“.

Каратаевъ, такимъ образомъ, не просто добръ, правдивъ, пріятенъ, простъ. Онъ, если можно такъ выразиться, *кругло*-правдивъ, *кругло*-добръ, *кругло*-пріятенъ. Субстанція его души—какая-то особая мягкость, стихійность, неиндивидуализированность—словомъ, „круглость“.

И какъ круглая капля воды ничѣмъ не отличается отъ милліардовъ другихъ капель, изъ которыхъ составляется міровой океанъ, и не имѣетъ никакого смысла и значенія внѣ этого океана, такъ и Каратаевъ не имѣлъ никакого индивидуальнаго значенія внѣ народнаго моря.

Такой же неиндивидуализированный, „круглый“ характеръ носили чувства и привязанности Каратаева. Въ нихъ не было острыхъ угловъ, которыми одна личность любовно или враждебно врѣзывается въ другую личность, не было психическихъ крючковъ, которыми зацѣпляются другъ за друга люди. Онъ былъ полонъ того общаго благоволенія къ людямъ, которое впослѣдствіи проповѣдывалъ религіозный учитель и моралистъ Толстой: „онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ—не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами“.

Полную противоположность Платону Каратаеву представляетъ Левинъ-Толстой. Если Каратаевъ круглый, то о Левинѣ можно сказать, что онъ многогранный, остроугольный. Въ отличіе отъ спокойнаго и успокоивающаго Каратаева, съ его безличной любовностью, Левинъ весь—порывъ, безпокойство, съ рѣзко индивидуализированными симпатіями и антипатіями. И если Каратаевъ говоритъ, какъ онъ выражается о себѣ, „не своимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“, то Левинъ говоритъ и думаетъ только своимъ умомъ, всегда идетъ своей особой дорогой, неизбѣжно, фатально. Мышленіе Каратаева до того безлично, что оно даже не возвышается до уровня шаблона, ибо шаблонъ—это есть копія, 1001-ое изданіе какого-нибудь оригинала, между тѣмъ какъ Каратаевъ не повторяетъ чужія мысли, а, такъ сказать, „поетъ“ мысль соціальнаго цѣлаго, какъ птица поетъ одну общую для всѣхъ данныхъ птицъ мелодію. Мышленіе же Левина до того оригинально, что оно постоянно граничитъ съ парадоксомъ: Левинъ-Толстой не можетъ не разсуждать парадоксально. И не по духу противорѣчія—подобно тѣмъ парадоксалистамъ, парадоксы которыхъ составляются „по формулѣ“, являясь банальностями

навыворотъ,—а органически, непреложно, по духу своей натуры, выпиравшей изъ всякихъ соціальныхъ рамокъ и формъ, не знавшей мягкаго, безшумнаго движенія мысли по кругу, а дѣлавшей зигзаги, тупые и острые углы, то забѣгавшей впередъ, то неожиданно заворачивавшей назадъ.

Каратаевъ—непосредственная, цѣльная натура. Какъ рѣчь его льется однимъ сплошнымъ, недифференцированнымъ цѣлымъ, такъ и весь онъ—одно цѣлое, не знающее столь мучительнаго „раздѣленія на ся“, не понимающее противоставленія себя себѣ же, не знакомое съ самоанализомъ, съ рефлексіей. Въ Толстомъ же съ дѣтства была до необычайности развита эта наклонность къ рефлексіи.

И особенно упорно и настойчиво работала рефлексія Толстого надъ тѣми этическими вопросами о значеніи жизни и смерти, которые для Каратаева, чувствовавшаго себя частицей цѣлаго, не имѣли никакого смысла и просто не существовали.

Каратаевъ и Левинъ—антиподы. И, по какому-то своеобразному закону притяженія психическихъ полярностей, въ Толстомъ всегда было огромное тяготѣніе къ дополнявшему его душевному типу. Великій духъ, томившійся и изнывавшій отъ избытка своей исключительной индивидуальности и своей рефлексіи, искалъ для себя нейтрализаціи въ безсознательнсй субстанціи народной души. Во время ухода Толстого изъ Ясной Поляны въ одной газетѣ были приведены сказанныя имъ, будто бы, когда-то слова: „мнѣ надо сгинуть“, т.-е. надо, для засвидѣтельствованія своего ученія, исчезнуть, потеряться въ массѣ.

„Мнѣ надо сгинуть“: сказалъ ли Толстой эти слова, или нѣтъ, но они превосходно изображаютъ то настроеніе, которое наложило свою печать на религіозное искательство и затѣмъ учительство Толстого — его жажду слиться и раствориться въ какомъ-то всеобъемлющемъ цѣломъ. Словно задыхаясь подъ тяжестью своей особности, своего непомѣрно огромнаго „я“, Толстой неудержимо влекся къ землѣ, къ соціальнымъ низамъ, къ безымянной и спокойной, счастливой въ своей безымянности и безъиндивидуальности, стихіи каратаевщины. Жизнь Толстого есть какъ бы одна непрекращающаяся попытка Левина уподобиться Каратаеву. Мягкій, круглый Каратаевъ есть, пользуясь математическимъ сравненіемъ, тотъ „предѣлъ“, къ которому постоянно стремился многогранный, остроугольный, колючій Левинъ. Великій художникъ, счастливый семьянинъ, оригинальный дѣятель на поприщѣ педагогіи, религіозный и соціальный реформаторъ, моралистъ, мудрецъ — все это различные этапы одного и того же

пути, все это различныя превращенія, различныя приближенія Левина къ предѣлу. И вся сила Толстого, все то, чѣмъ онъ насъ покорилъ, вытекла изъ этого, не знавшаго отдыха, устремленія исключительной индивидуальности „округлиться“, нивеллироваться, уравняться, обезличить себя. По своеобразной діалектикѣ своего развитія Толстой въ стремленіи „сгинуть“ и уничтожиться раскрывалъ все иныя и иныя стороны своего существа; онъ не округлялъ, а развертывалъ все новыя и блестящія грани своего духа, и изъ геніальнѣйшаго русскаго художника сталъ тѣмъ особеннымъ, тѣмъ единственнымъ человѣкомъ, искателемъ правды, къ голосу котораго прислушивался весь міръ. Міръ, правда, не принялъ той цѣли и того идеала, къ которымъ шелъ и звалъ Толстой; но онъ преклонился передъ неутомимымъ бореніемъ духа, котораго не останавливали ни годы, ни неизбѣжная инерція собственной мысли. Міръ не принялъ того абсолюта, на который ему указывалъ Толстой, но онъ оцѣнилъ все то неабсолютное, бездогматное, вѣчно ищущее и преодолѣвающее самого себя, что было въ яснополянскомъ мудрецѣ.

Вся жизнь Толстого есть какъ бы исполненіе чуднаго завѣта Августина: „будемъ искать такъ, какъ если бы мы должны были найти, и будемъ находить такъ, какъ если бы мы должны были искать“. Посреди многихъ и многихъ ищущихъ, но не могущихъ найти, обреченныхъ не найти, посреди другихъ, нашедшихъ и не желающихъ, не могущихъ уже искать, Толстой былъ тѣмъ, который упорно искалъ и находилъ, находилъ и снова искалъ. Онъ былъ и оставался всегда — не „круглымъ“, а „многограннымъ“—воплощеніемъ всего ищущаго, правдиваго, человѣческаго.

М. Юшкевичъ.

ОКОЛО ЮБИЛЕЯ

Въ то время, какъ пишутся эти строки, вокругъ юбилея освобожденія крестьянъ происходитъ нѣчто настолько любопытное, что самый юбилей какъ-то отступаетъ на задній планъ, а впередъ выдвигается самая близкая, самая жестокая злоба сегодняшняго дня. Читатели „Вѣстника Европы“ уже знаютъ, что нашлись органы, объявились „публицисты“, которые провозглашаютъ юбилей „ненужнымъ“ и охрипшими отъ усердія голосами поютъ осанну крѣпостному порядку. Они знаютъ также, чего стоитъ аргументація нынѣшнихъ представителей теоріи оффиціальной народности, и мы не будемъ возвращаться къ этому вопросу. Насъ интересуетъ другое: въ чьихъ интересахъ распинаются эти господа? Кому выгодно, чтобы празднованіе юбилея не превратилось въ національное торжество? Кто боится вызывать славныя тѣни былого? И почему?

Остріе акта 19-го февраля волею судебъ оказалось направленнымъ противъ россійскаго дворянства. Въ губернскихъ комитетахъ, въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ много трудились надъ тѣмъ, чтобы какъ можно больше притупить это остріе; но когда оно воткнулось въ живую плоть помѣщичью—она вся содрогнулась отъ боли. Исторія не пріучила помѣщиковъ къ такимъ вещамъ, и только сознаніе полной неизбѣжности заставило ихъ, стиснувъ зубы, выдержать эту операцію. Въ XVIII-мъ вѣкѣ угроза соціальному господству дворянства могла еще приводить къ дворцовымъ переворотамъ. Теперь власть была вооружена совсѣмъ по другому, и ей пришлось покориться. Реформа не очень тяжело ударила дворянство по его хозяйственному нерву. Развязка крѣпостныхъ отношеній подсказывалась логикою промышленной и аграрной эволюціи Россіи. И это сознавало большинство. Острота боли была въ томъ, что дворянина

лишали его соціальнаго господства, вырывали изъ его рукъ скипетръ вотчинной власти. Отнынѣ между дворянской дланью и личностью крѣпостного сталъ законъ. Кончилась патріархальная идиллія, душившая русскаго мужика.

Лучшая часть русскаго дворянства, та, которая признавала своими лидерами Самарина, Унковскаго, кн. Черкасскаго, примирилась съ этимъ фактомъ, неизбѣжность и неустранимость котораго она прекрасно понимала. Но другая часть—всѣ эти грансеньеры, владѣвшіе десятками тысячъ душъ, вся эта мелкопомѣстная, одичавшая у себя въ деревнѣ стая, которая органически не могла понять, какъ это Тришка или Палашка, вчера еще обязанные ползать на брюхѣ и всячески ублажать барина, стали неприкосновенны — скрежетали зубами и поднимали къ небу судорожно сжатые кулаки.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ—и дворянство являетъ собою прежнюю картину. Одна часть, та, которая въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ работала, не покладая рукъ, въ земствѣ, а въ девятисотыхъ шла объ руку съ интеллигенціей и демократіей, добывала политическую свободу, одерживала побѣды и терпѣла пораженія, торжествовала и подвергалась гоненіямъ,—та подготовляетъ теперь празднованіе юбилея и готовится радоваться ему вмѣстѣ съ потомками дѣдовскихъ и отцовскихъ рабовъ. Но есть другая, „объединенная“ часть россійскаго дворянства, которая въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ въ земствѣ не работала, жила щедротами дворянскаго банка, ненавидѣла интеллигенцію и боялась демократіи, въ девятисотыхъ годахъ толкала власть на путь реакціи, а въ земство пошла, чтобы разрушить культурную работу двухъ предъидущихъ десятилѣтій. Она покровительствуетъ союзу русскаго народа и стремится къ тому, чтобы смести остатки нашей конституціи. Ей дорого крѣпостное прошлое, потому что она живетъ въ немъ душою; крѣпостническія чувства, какъ крикъ сердца, вырываются у ея представителей даже на думской трибунѣ. Это не сословная группа, потому что въ ней *не* все русское дворянство; это—политическая партія, которая несетъ знамя реакціи по соціальнымъ мотивамъ. Изъ ея среды идутъ всѣ протесты противъ празднованія юбилея 19-го февраля. Она водитъ презрѣнными перьями, которыя силятся сорвать юбилей или вогнать его празднованіе въ узенькое казенное русло. Еще бы! Вѣдь эти люди предвидятъ, какой ударъ ихъ любимымъ идеямъ, ихъ самымъ дорогимъ принципамъ нанесетъ юбилей, нанесутъ призраки, имъ воскрешенные.

Ибо какъ сдѣлать, чтобы, вспоминая Александра II, Елену Павловну, Константина Николаевича, не потревожить памяти Паниныхъ, Долгоруковыхъ, Безобразовыхъ, Муравьевыхъ, всѣхъ тѣхъ, которые въ 1857-1860 гг. толпились на ступеняхъ трона и старались убѣдить

царя въ опасности реформъ? Какъ сдѣлать, чтобы, вспоминая Милютина, Ростовцова, Ланского, забыть Шуваловыхъ и Паскевичей, Апраксиныхъ и Позеновъ, которые срывали реформу въ періодъ ея подготовки? Какъ сдѣлать, чтобы, вспоминая Самариныхъ, Черкасскихъ, Упковскихъ, оставить въ тѣни все крѣпостническое помѣщичье дворянство и всю картину крѣпостного быта, всѣхъ этихъ псарей и выжлятниковъ, засѣченныхъ на конюшнѣ, всѣхъ этихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, изнасилованныхъ послѣ попойки, этихъ крѣпостныхъ актрисъ, отданныхъ послѣ спектакля гостямъ на растлѣніе, молодыхъ матерей, вынужденныхъ давать грудь борзому щенку, людей, проданныхъ въ розницу, проигранныхъ въ карты, вымѣненныхъ на собаку, сгноенныхъ въ Сибири, замученныхъ въ застѣнкѣ, избитыхъ, истерзанныхъ, заплеванныхъ?..

Вѣдь при первомъ звонѣ колокола въ церквахъ всѣ эти скорбныя тѣни потянутся изъ безвѣстныхъ могилъ кровавой, мрачной вереницей, какъ въ кошмарѣ Ивана Грознаго, доведенной до чудовищныхъ, всероссійскихъ размѣровъ. Вѣдь солнечный свѣтъ померкнетъ, если развернется во всю свою ширь эта дикая фантасмагорія, олицетворяющая крѣпостное прошлое Россіи. Радость отмѣны рабства, признательность дѣятелямъ реформы роковымъ образомъ будутъ сливаться съ чувствомъ ужаса передъ тѣмъ, чѣмъ была Россія до 19-го февраля 1861-го года. Но въ то время какъ для тѣхъ, кто готовится торжественно отпраздновать юбилей, мрачный фонъ крѣпостничества только ярче озаряетъ свѣтлую память людей, съ нимъ боровшихся и его свалившихъ, тѣ, кто горюетъ по „доброму старому времени“, боятся, какъ бы огни апоѳеоза, готовые загорѣться вокругъ памяти борцовъ за реформу, не оттѣнили еще ослѣпительнѣе черноты этого самаго добраго стараго времени и всей его патріархальной „мерзости“, заклейменной еще Хомяковымъ.

Оттого и „ненуженъ“ имъ юбилей. Оттого и поражаютъ они человѣчество открытіями вродѣ того, что въ крѣпостную пору не было рабства, а была одна счастливая Аркадія. Оттого наполняютъ они преданную имъ печать смѣшными попытками доказать, что все крупное въ нашей литературѣ и нашей культурѣ явилось *благодаря* крѣпостному праву, что Пушкинъ и Герценъ, Тургеневъ и Толстой—прямое порожденіе крѣпостного строя.

Конечно, это уже признакъ нѣкотораго отчаянія. Люди предчувствуютъ, что въ центрѣ приближающагося торжества будетъ стоять позорный столбъ для крѣпостныхъ идеаловъ, и выбиваются изъ силъ, чтобы заранѣе прикрыть его розами. Наивные люди: они уже не соображаютъ, что дѣлаютъ горше свою же собственную чашу. Еслибы имъ не пришла въ голову мысль идеализировать крѣпостной строй,

то юбилей освобожденія не принесъ бы такого поношенія любителямъ нашей крѣпостной старины. Вѣдь если разсматривать крѣпостное право съ точки зрѣнія объективной исторической науки, то нѣтъ повода призывать на него проклятія. Оно было, оно кончилось. Оно стало достояніемъ исторіи. Каждая страна пережила свою крѣпостную пору, какъ необходимый этапъ своего соціальнаго развитія. И въ томъ, что французы, нѣмцы, англичане, русскіе прошли черезъ эту тяжелую полосу, сказываются только непреложные законы общественной эволюціи. Можно помянуть добромъ годовщину момента его паденія, потому что это моментъ національнаго счастья. Но ни съ того, ни съ сего обрушиваться съ филиппиками на былое національное несчастье было бы болѣе чѣмъ странно. Хулить теперь безъ причины крѣпостное право было бы столь же остроумно, какъ хулить татарское иго.

Но когда отжившее учрежденіе, покрытое полувѣковой пылью исторіи, заботливо вытаскиваютъ на свѣтъ Божій, какъ дѣдовскую реликвію, какъ родовую святыню, очищаютъ и подновляютъ, и поднимаютъ потомъ какъ стягъ — сразу мѣняется все отношеніе къ нему. Изъ исторической категоріи крѣпостное право превращается въ политическій идеалъ, въ оружіе сегодняшняго дня, которымъ хотятъ поразить политическаго противника, живого и чувствующаго. Тогда и противникъ забываетъ про исторію. Онъ сдергиваетъ съ крѣпостного права полувѣковой покровъ и раскрываетъ всѣ его отвратительныя стороны.

— Вы говорите, что крѣпостной строй—Аркадія, что Пушкинъ, Толстой были бы невозможны безъ крѣпостного строя... Такъ глядите! Вотъ Настасья Минкина, которая раскаленной кочергою жжетъ лица дворовыхъ дѣвушекъ, чтобы онѣ какъ-нибудь не пробудили донъжуанскихъ инстинктовъ у Аракчеева. Вотъ княгиня Козловская, которая собственноручно разрываетъ горничной, приглянувшейся ея любовнику, губы до ушей и плотоядно втыкаетъ ей булавки въ плечи и въ руки. Вотъ эстляндскій губернаторъ Дугласъ, который приказываетъ сѣчь въ своемъ присутствіи людей, а потомъ велитъ посыпать окровавленныя спины порохомъ и зажигать. Вотъ Салтычиха, которую за ея звѣрства, даже въ то снисходительное къ крѣпостнымъ ужасамъ время, приговорили къ смертной казни, хотя и не казнили. Вотъ крѣпостные гаремы. Вотъ большой и малый кнутъ, вотъ дыба, вотъ клещи, которыми рвутъ ноздри крѣпостнымъ, вотъ крюки, которыми подвѣшиваютъ ихъ за ребро... Любуйтѣсь же на свою Аркадію! Говорите, что у помѣщиковъ не было jus utendi et abutendi! Прославляйте доброе старое время!

Пока панегиристы крѣпостной Аркадіи не настроили свою лиру

для воспѣванія всѣхъ этихъ прелестей, Дугласы и Салтычихи—которые отнюдь не были рѣдкимъ исключеніемъ—спокойно почивали на страницахъ „Русской Старины“. Они оживаютъ, чтобы показать новоявленнымъ пѣвцамъ крѣпостной колодки, до какой степени безвредны ихъ изступленные восторги предъ добрымъ старымъ временемъ.

Конечно, какой-нибудь мелкопомѣстный, доканчивающій въ уѣздной глуши послѣднюю ссуду и проклинающій „либераловъ“ за то, что больше нечего заложить, съ наслажденіемъ будетъ пробѣгать отяжелѣвшими глазами тирады насчетъ usus и abusus. Но, думается, уже на столичнаго члена „объединенной“ компаніи эти тирады подѣйствуютъ съ трудомъ. Быть можетъ, для приличія, за ужиномъ въ Національномъ клубѣ, онъ броситъ сквозь зубы два-три комплимента по адресу ловкихъ сочинителей. Но если онъ не окончательно утратилъ остатки сообразительности, онъ—про себя по крайней мѣрѣ—подумаетъ, что недурно было бы сочинить чего-нибудь поновѣе и поубѣдительнѣе. Потому что нельзя же не понять, что разговоры насчетъ Аркадій съ необходимостью поведутъ къ разоблаченіямъ этихъ Аркадій.

Цѣль „объединенныхъ“ была другая. Они надѣялись, что писанія ихъ лейбъ-литераторовъ, если и не будутъ убѣдительны сами по себѣ, все-таки дадутъ достаточно удобный поводъ для того, чтобы администрація поставила кое-гдѣ рогатки юбилею. Ибо „объединенный“—прежде всего практикъ; онъ хочетъ, чтобы его чаянія неукоснительно обращались въ дѣйствія. Съ другой стороны и у администраціи имѣются кое-какія опасенія насчетъ юбилея. Запретить его совсѣмъ, какъ запрещалось въ былыя времена празднованіе годовщины освобожденія, она уже не думаетъ: теперь это было бы неудобно, да и неловко: подъ манифестомъ 19-го февраля стоитъ подпись императора Александра II-го. Но она не желаетъ, чтобы юбилей превратился въ оказательство ненадлежащихъ идей. Задача формулируется просто. Нужно сдѣлать такъ, чтобы юбилей былъ юбилеемъ царскаго акта и ничѣмъ другимъ. Нужно представить все огромное дѣло, сплетенное изъ соображеній помѣщичьей выгоды, государственной безопасности и фискальныхъ интересовъ—единичнымъ актомъ воли монарха, его иниціативы, его настойчивости. „Объединенныя“ писанія являются какъ нельзя болѣе кстати для этой точки зрѣнія. Но это не тѣ писанія, которыя наполняютъ собою столбцы нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ. Украшенныя печатью Національнаго клуба, они не столь цинично-развязны и нѣсколько тщательнѣе стараются спрятаться подъ личину историческаго безпристрастія. Намъ извѣстны десятка полтора такихъ брошюръ. Разбирать ихъ подробно, конечно, не стоитъ. Общее ихъ свойство—то, что онѣ маскируютъ довольно удачно свою поли-

тическую тенденцію, но совершенно безсильны замаскировать свою научную безграмотность.

Вотъ нѣсколько образцовъ изъ брошюры „Великая крестьянская реформа при Царѣ Освободителѣ". Брошюра даетъ исторію крестьянства и до реформы. Въ ней есть и исторія закрѣпощенія, и исторія послѣдовательныхъ фазисовъ крѣпостничества. Но странная это исторія. Глава о Екатеринѣ II-ой, напр., занимаетъ три страницы. Онѣ наполнены разсказомъ о желаніи императрицы облегчить положеніе крѣпостныхъ, о преніяхъ по крестьянскому вопросу въ коммиссіи для составленія правила новаго уложенія; есть упоминаніе о Радищевѣ, а въ концѣ имѣется пять строкъ такого содержанія: „въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II-ой крестьянскій вопросъ совершенно затихаетъ Никакихъ мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ вовсе не принимается. Такой перемѣнѣ много способствовалъ Пугачевскій бунтъ, въ которомъ крѣпостные принимали участіе" (стр. 18). Вотъ и все. Ни намека на то, какъ затянулась крѣпостная петля на шеѣ мужика въ царствованіе коронованной пріятельницы Вольтера и Дидро; ни слова о томъ, что Пугачевскій бунтъ былъ прямымъ результатомъ невыносимости крѣпостного ига. Такъ и дальше. Въ главахъ объ Александрѣ I-мъ и Николаѣ I-мъ безпрестанно идетъ рѣчь о томъ, что оба императора хотѣли отмѣнить крѣпостное право, и остается неразрѣшеннымъ вопросъ, почему же, не смотря на то, крѣпостной строй благополучно дотянулъ до 1861-го года? Исторія самой реформы разсказана такъ, какъ будто всю ее вынесъ на своихъ плечахъ одинъ Александръ II, а провелъ ее исключительно потому, что этого требовала его гуманная душа. Характеристика дѣятелей реформы отступаетъ назадъ, характеристика соціальныхъ условій (политическія совсѣмъ отсутствуютъ) выдвигается впередъ, а вся главная часть отводится личной роли императора. И чтобы въ головахъ читателей не возникало никакихъ сомнѣній насчетъ того, что̀ побуждало царя двигать реформу, пускаются въ ходъ легкія передержки. Напр., изъ московской рѣчи 1856-го года устраняется самая ея суть—слова: „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ нежели дожидаться того времени, когда оно само начнетъ измѣняться снизу". Въ такомъ очищенномъ видѣ „исторія" становится прямой „учительницей жизни", но въ мундирѣ земскаго начальника. Поэтому брошюры Національнаго клуба всюду насильно втискиваются путемъ министерскихъ рекомендацій, вся прочая юбилейная литература, какъ не отвѣчающая „видамъ", дѣятельно выметается, а провинціальныя газеты, за статьи о 19-мъ февраля, штрафуются... должно быть, по пункту, карающему восхваленіе преступленій.

„Объединеннымъ", конечно, все это на руку. Этимъ путемъ устра-

няется многое, что имъ непріятно. Но болѣе рьянымъ изъ нихъ этого мало. Имъ требуется, чтобы крѣпостной строй прямо восхвалялся такъ, какъ это дѣлается въ статьяхъ лакействующей передъ ними печати.

А. Живелеговъ.

ВТОРОЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ

Закончившійся 29 января второй Всероссійскій Съѣздъ русскихъ ремесленниковъ интересенъ какъ одинъ изъ симптомовъ пробужденія народныхъ массъ къ самодѣятельности и самостоятельности. Онъ показалъ, что „европеизмъ“ глубоко проникъ въ среду инертныхъ до послѣдняго времени мелкихъ промышленниковъ. Послѣдніе годы не прошли даромъ и для нихъ: познавъ свои нужды и интересы, они обнаружили на съѣздѣ удивительную стойкость, послѣдовательность и логичность въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ. „Кулакъ и розга“, восхвалявшіеся ремесленниками одиннадцать лѣтъ тому назадъ, на первомъ ремесленномъ съѣздѣ, понесли теперь полное пораженіе: безъ дебатовъ было осуждено тѣлесное наказаніе въ мастерскихъ и признано необходимымъ „скорѣйшее введеніе всеобщаго безплатнаго и обязательнаго обученія на родныхъ языкахъ“, при равноправности всѣхъ національностей. Этимъ съѣздъ обнаружилъ, что человѣконенавистническія проповѣди г. Сушкова и ему подобныхъ потеряли всякій кредитъ даже тамъ, гдѣ онѣ до сихъ поръ оказывали нѣкоторое вліяніе.

Выгодно отличается второй ремесленный съѣздъ отъ перваго и тѣмъ, что на немъ, кромѣ хозяевъ и представителей отъ разныхъ техническихъ и культурно-просвѣтительныхъ обществъ, присутствовали и рабочіе, въ количествѣ 33 человѣкъ. Хозяева представлены были приблизительно 300 голосами, большинство которыхъ принадлежало крупнымъ собственникамъ; мелкое ремесленное производство было представлено, въ общемъ, слабо. Хозяева выступали по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ дружной, сплоченной массой; робкія указанія нѣкоторыхъ провинціальныхъ делегатовъ на то, что „здѣсь заботятся только о богачахъ и совершенно не говорятъ о ремесленникѣ-бѣднякѣ“, звучали диссонансомъ въ общемъ хорѣ защиты „интересовъ и благополучія“ хозяевъ вообще. Съ полной очевидностью проявился, зато, антагонизмъ между мастерами-хозяевами и подмастерьями-рабочими. Для иллюзій объ „общности инте-

ресовъ всѣхъ занятыхъ въ ремесленной промышленности" не осталось мѣста. „Мы должны, — говорилъ виленскій делегатъ г. Высоцкій,—брать примѣръ съ рабочихъ; мы должны сплотиться, какъ они, и повести съ ними—съ нашими врагами—ожесточенную борьбу. Нашъ штыкъ противъ рабочихъ—деньги, деньги, деньги,—и тогда только мы побѣдимъ и укротимъ ихъ". Правда, не всѣ хозяева такъ откровенно высказывались, какъ г. Высоцкій, но всѣ, какъ одинъ человѣкъ, ограждали свои „хозяйскіе" интересы отъ „посягательствъ" рабочихъ.

Противоположность между хозяевами и рабочими съ наибольшей яркостью обнаружилась при обсужденіи вопроса объ ученичествѣ. Ученичество или, какъ говорилъ на съѣздѣ д-ръ Д. П. Никольскій, мученичество тѣхъ, кто обучается ремеслу, уже давно утратило свою первоначальную форму дѣйствительнаго обученія и выродилось въ безпримѣрную эксплоатацію дарового или, въ лучшемъ случаѣ, весьма дешеваго дѣтскаго труда. „Современное ученичество,—говорили рабочіе,—это одна изъ самыхъ архаическихъ формъ ремесла и ничего, кромѣ вреда, ученику не даетъ; оно губитъ физически и нравственно многія сотни дѣтскихъ жизней и значительно ухудшаетъ положеніе взрослыхъ рабочихъ, понижая ихъ заработную плату и увеличивая кадры безработныхъ; оно, кромѣ того, при широкомъ его примѣненіи, является тормазомъ для развитія производства и потому экономически реакціонно и вредно". Современная форма ученичества осуждалась на съѣздѣ и самими хозяевами; ненормальность ея одинаково оцѣнивалась всѣми. Но въ то время, какъ рабочіе предлагали полное уничтоженіе ученичества, съ замѣной обученія ремеслу въ мастерскихъ „раціонально постановленнымъ техническимъ и профессіональнымъ образованіемъ въ спеціальныхъ ремесленныхъ заведеніяхъ на счетъ государства", делегаты отъ хозяевъ почти единогласно рѣшили, что обученіе ремеслу должно производиться по-старому въ мастерскихъ, т.-е. „ученичество" должно оставаться и впредь, „такъ какъ, — чистосердечно признался одинъ изъ ораторовъ,—безъ мальчиковъ намъ никакъ не обойтись". Хозяева призывали лишь съѣздъ „позаботиться о тѣхъ, кто отданъ на ихъ попеченіе", и даже не отличать ихъ отъ родныхъ дѣтей, ибо „ученики,—говорилъ петербургскій делегатъ отъ хозяевъ-портныхъ, г. Михельсонъ,—это наши дѣти, даже больше, чѣмъ дѣти". „Я,—говорилъ другой делегатъ, г. Житомирскій, — очень строгій хозяинъ, и меня мальчики часто бросаютъ. Но по совѣсти долженъ заявить, что я самъ виноватъ. Мы должны создать для нашихъ учениковъ такія минимальныя условія, чтобы они не вынуждены были отъ насъ убѣгать и могли продолжать изученіе избраннаго ими ремесла". Однако, когда

пришлось съѣзду устанавливать эти минимальныя условія, то сразу обнаружилось, что значительное большинство вовсе не склонно заботиться о своихъ „дѣтяхъ“. Предложеніе рабочихъ объ установленіи минимальнаго возраста въ 16 лѣтъ для поступленія въ мастерскія встрѣтило сильный отпоръ со стороны большинства хозяевъ, и ни доводы рабочихъ и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ, ни цифры, приведенныя представителемъ общества охраненія народнаго здравія, д-ромъ М. М. Магуло, не поколебали большинства, принявшаго 13-лѣтній возрастъ.

Предложеніе объ обязательномъ ежедневномъ отпускѣ учениковъ, и не вечеромъ, а днемъ, для посѣщенія школъ также вызвало большія разногласія. Значительнымъ большинствомъ рѣшено отпускать учениковъ лишь по вечерамъ, на 12 часовъ въ недѣлю, и лишь въ томъ случаѣ, если рабочій день для учениковъ будетъ опредѣленъ въ 10 часовъ (что впослѣдствіи и было принято съѣздомъ). Въ этомъ отношеніи съѣздъ оказался позади даже далеко нелиберальнаго временнаго закона 15 ноября 1906-го года „объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащихъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ“. Послѣдній устанавливаетъ для учениковъ тоже десяти-часовой рабочій день, но съ обязательнымъ ежедневнымъ отпускомъ ихъ въ школы на три часа, т.-е. на 18 часовъ въ недѣлю.

Два противоположныхъ теченія обнаружились и въ вопросѣ объ ученическомъ договорѣ. Рабочіе и единичные хозяева высказались противъ такого договора, считая его лишнимъ и даже вреднымъ. Ученическіе договоры еще болѣе закрѣпятъ учениковъ въ кабалѣ у хозяевъ, лишивъ ихъ возможности перемѣнить не только хозяина, но и профессію, и, при полномъ отсутствіи контроля, поведутъ къ большей еще эксплоатаціи дѣтей. Большинствомъ 79-ти голосовъ противъ 19-ти, при 35-ти воздержавшихся, принята обязательность письменнаго договора между хозяевами и учениками, „чтобы ученики, безъ которыхъ никакъ не обойтись, не убѣгали“... Если прибавить, что съѣздомъ почти единогласно отвергнуто предложеніе о запрещеніи хозяевамъ занимать учениковъ посторонней работой, то получится полная картина того, какъ разрѣшилъ „больной ученическій вопросъ“ второй Всероссійскій ремесленный съѣздъ.

Посмотримъ теперь, какъ онъ справился съ задачею урегулированія взаимоотношеній между мастерами и подмастерьями и въ какую форму вылился на съѣздѣ вопросъ о договорѣ найма рабочихъ въ ремесленной промышленности.

Екатерининскій уставъ о ремесленной промышленности, дѣйствующій съ 1785-го года, безъ всякихъ измѣненій, и понынѣ, выдѣляетъ ремесло въ особую самостоятельную область и устанавливаетъ для

него нормы совершенно иныя, чѣмъ въ фабрично-заводской промышленности. Онъ смотритъ на ремесло какъ на исключительно ручную работу и исходитъ изъ чисто патріархальныхъ отношеній между работодателемъ и рабочимъ, которыя дѣйствительно и существовали въ мастерской 125 лѣтъ тому назадъ. Поскольку ремесло являлось тогда чисто ручнымъ трудомъ, постольку оно отличалось отъ фабрично-заводской промышленности и могло быть выдѣлено въ особо регламентируемую область; поскольку въ мастерской существовали патріархальныя отношенія, постольку не было надобности въ созданіи особыхъ правилъ для охраны личности и здоровья рабочихъ. Но жизнь измѣнилась; измѣнился и характеръ ремесленной промышленности. Изъ ручного труда ремесло превратилось, за рѣдкими исключеніями, въ машинное производство, а патріархальныя отношенія „добраго стараго времени“ уже давно отошли въ область преданій. Современное ремесло по своему характеру почти ничѣмъ не отличается отъ фабрично-заводской промышленности и совершенно не укладывается въ прежнія рамки. Это сознавало и правительство. Начиная со второй половины прошлаго столѣтія, при министерствѣ финансовъ создается рядъ коммиссій для пересмотра ремесленнаго устава. Двѣ изъ нихъ—барона Штакельберга, 1863 г., и С. А. Ольхина, 1894 г.,—пришли къ необходимости созданія общаго промышленнаго законодательства и общей промышленной инспекціи, распространяющей свои дѣйствія на всѣхъ наемныхъ рабочихъ. Высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1890 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта министру финансовъ было предоставлено, „по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, временно, въ теченіе трехъ лѣтъ, распространять правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ и на тѣ ремесленныя заведенія, въ которыхъ примѣненіе оныхъ признано будетъ полезнымъ“. Однако дальше благихъ пожеланій дѣло не пошло, и старый уставъ о ремесленной промышленности, не смотря на всю его непримѣнимость къ новымъ условіямъ, дѣйствуетъ и понынѣ.

Вопросъ объ общемъ промышленномъ законодательствѣ былъ поднятъ и на съѣздѣ—и громаднымъ большинствомъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Въ рѣчахъ большинства ораторовъ сквозилъ какой-то паническій страхъ передъ введеніемъ раціональнаго общепромышленнаго законодательства и въ особенности общефабричной инспекціи. „Мы уже достаточно выросли и никакой инспекціи намъ не нужно“—хоромъ заявляли хозяева. Тѣмъ не менѣе, спеціальная ремесленная инспекція была принята почти единогласно, и даже съ тѣмъ, чтобы въ нее входили и представители отъ подмастерьевъ, оплачиваемые на государственный счетъ.

Высказавшись за сохраненіе всѣхъ архаическихъ формъ ремеслен-

ной организаціи—цеховъ, цеховыхъ и ремесленныхъ управъ, ремесленныхъ и цеховыхъ старшинъ и т. д., съѣздъ постарался оставить безъ перемѣны и отношенія между хозяевами и ремесленными рабочими. Если можно говорить о какихъ-либо „реформахъ“ въ этой области, то лишь постольку, поскольку послѣднія сводятся къ вящшему закабаленію рабочихъ. „Намъ—говорилъ г. Пашковъ изъ Москвы—съ рабочими заигрывать, какъ въ 1905 г., не приходится... Рабочіе вѣдь поголодаютъ, поголодаютъ и опять къ намъ придутъ“. И съѣздъ дѣйствительно не заигрывалъ...

Одобренный съѣздомъ проектъ устава о ремесленной промышленности до крайности расширяетъ понятіе ремесла. Екатерининскій уставъ относитъ заведенія, въ которыхъ работа производится посредствомъ машинъ и двигателей и въ которыхъ занято болѣе 16-ти человѣкъ, къ фабрично-заводскимъ предпріятіямъ; проектъ подводитъ подъ понятіе ремесла и такія заведенія, въ которыхъ работа производится съ помощью не только инструментовъ, но и небольшихъ машинъ и мелкихъ двигателей, и въ которыхъ заняты, кромѣ учениковъ и подмастерьевъ, рабочіе вообще, „но съ тѣмъ, чтобы число ихъ вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками не превышало 50-ти“.

Между тѣмъ производство съ 50 рабочими очевидно нельзя относить къ мелкому ремесленному производству. Изъ этихъ 50 человѣкъ многіе не будутъ принадлежать къ цеху, т.-е. явятся не подмастерьями, а просто рабочими. Какъ не принадлежащіе къ „сословію“ ремесленниковъ, они не могутъ надѣяться на защиту устава, знающаго лишь мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, а не рабочихъ вообще; они не защищены и фабричнымъ законодательствомъ, такъ какъ послѣднее должно распространяться лишь на заведенія съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 50 человѣкъ. Такимъ образомъ, для части рабочихъ въ ремесленныхъ мастерскихъ устанавливается полная „свобода“, и договоръ найма съ ними будетъ заключаться на такихъ условіяхъ, какія найдетъ подходящими мастеръ.

Что касается подмастерьевъ, то съѣздъ призналъ обязательность приписки ихъ къ цеху и обязательность участія ихъ въ общихъ ремесленныхъ организаціяхъ—въ такъ называемыхъ подмастерскихъ сходахъ и управахъ. Тщетно рабочіе и нѣкоторые хозяева доказывали реакціонность и непрактичность этого постановленія; напрасны были ихъ доводы, что организаціи рабочихъ совмѣстно съ хозяевами немыслимы, какъ безполезныя для хозяевъ и вредныя для рабочихъ. „Намъ,—говорили рабочіе,—нужны организаціи, но свои собственныя, профессіональныя, въ которыхъ мы могли бы защищать наши экономическіе интересы и посредствомъ которыхъ облегчалась бы наша неминуемая борьба съ вами. Ваша „сословная“ организація этой воз-

можности намъ не дастъ, и потому она намъ не нужна. Организуйтесь сами въ какія вамъ угодно организаціи, но насъ не втягивайте въ нихъ насильно". Рабочихъ,—отвѣчали хозяева,—необходимо заставить примкнуть къ ремесленнымъ организаціямъ; онѣ послужатъ для нихъ уздой, въ нихъ они не будутъ противоставлять намъ какіе-то свои интересы,—интересы „фанатиковъ", которые „слышатъ на Синаѣ громъ, да не знаютъ, гдѣ онъ".

Чтобы затянуть „узду" покрѣпче, для подмастерьевъ установлена „разсчетная книжка", выдаваемая изъ ремесленной управы или ремесленной инспекціей. Эту книжку подмастерье долженъ предъявлять при каждомъ переходѣ отъ мастера къ мастеру; безъ увольнительной отмѣтки въ книжкѣ ни одинъ мастеръ не имѣетъ права принимать подмастерья—а это значитъ, что ни одинъ подмастерье не сможетъ уйти отъ своего хозяина безъ доброй его воли. Мастеръ, слѣдовательно, можетъ дѣлать со своимъ подмастерьемъ все что ему заблагоразсудится.

Тѣ статьи устава, которыя говорятъ о поводахъ расторженія договора со стороны хозяина, совершенно развязываютъ руки послѣднему и даютъ ему возможность въ любое время отдѣлаться отъ неугоднаго ему рабочаго. Помимо воровства, растраты и т. д., предусматриваются еще слѣдующіе проступки, влекущіе расторженіе договора: если подмастерье „грубо оскорбилъ словомъ или дѣйствіемъ мастера, его домашнихъ, или другихъ служащихъ; угрожалъ причинить вредъ ихъ личности или имуществу, или же вообще своимъ поведеніемъ имѣлъ вредное нравственное вліяніе на ученика и другихъ служащихъ или домашнихъ лицъ; неоднократно замѣченъ въ своеволіи, непослушаніи, небреженіи своими обязанностями, въ самовольномъ оставленіи работы и т. д.". Что значитъ „вредное нравственное вліяніе", „своеволіе", „непослушаніе" и т. д.? Развѣ подъ эти понятія нельзя подвести все что угодно, и развѣ хозяинъ, пользуясь ими, не можетъ во всякое время удалить рабочаго, не боясь никакой отвѣтственности? А какъ понимать „самовольное оставленіе работы"? Не имѣется ли здѣсь просто въ виду, какъ справедливо указывали делегаты отъ рабочихъ, забастовка, къ которой въ послѣдніе годы такъ часто прибѣгаютъ и ремесленные рабочіе?

Сказаннаго достаточно, чтобы опредѣлить значеніе второго ремесленнаго съѣзда.

А. Малинъ.

ИЗУЧЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦІИ

Недавно въ „Вѣстникѣ Европы“ (1910 г., сент.) я помѣстилъ маленькую замѣтку о книгѣ парижскаго профессора Омана (Haumant): „La culture française en Russie“. Эта книга является лишь однимъ изъ признаковъ того, что въ дружественной и союзной Франціи начинаютъ интересоваться не только нашими финансами и политикою (и послѣднею, притомъ, не только съ одной эгоистически французской точки зрѣнія). Я, напримѣръ, могу еще указать на то, что въ данный моментъ для защиты въ парижскомъ словесномъ факультетѣ готовятся двѣ докторскія диссертаціи или „тэзы“: одна—о Гончаровѣ, другая—объ Островскомъ. Интересно равнымъ образомъ и то, что въ текущемъ академическомъ году на словесномъ факультетѣ Сорбонны два публичныхъ курса посвящены нашему сравнительно недавнему прошлому, а именно курсъ уже названнаго выше проф. Омана о Герценѣ, и курсъ проф. Дени (Denis) о Россіи въ царствованіе Николая I. Мнѣ удалось побывать на лекціяхъ обоихъ профессоровъ, и у обоихъ я нашелъ большую аудиторію переполненною. Правда, среди слушателей обоихъ курсовъ много русскихъ, вообще въ большомъ количествѣ посѣщающихъ Сорбонну, но, разумѣется, не одни же русскіе наполняютъ аудиторіи гг. Дени и Омана.

То, что можно подвести подъ категорію франко-русскихъ культурныхъ отношеній, я наблюдаю уже болѣе тридцати лѣтъ и могу сказать, что среди французскихъ ученыхъ несомнѣнно возрастаетъ число лицъ, могущихъ читать русскія книги, и въ особенности число лицъ, могущихъ писать „о русскихъ вещахъ“ (des choses russes). Впервые о русской литературѣ во Франціи заговорилъ съ каѳедры Мицкевичъ, въ Collège de France; но это учрежденіе не есть школа, да и Мицкевичъ не былъ французомъ. Начало школьному изученію русскаго языка было положено только въ 1873 г., въ такъ называемой Ecole des langues orientales vivantes, гдѣ долгое время каѳедру этого предмета занималъ извѣстный славистъ Луи Леже (Leger), являющійся въ настоящее время однимъ изъ преемниковъ Мицкевича въ Collège de France. Я не разъ заходилъ на его уроки, когда жилъ въ Парижѣ въ зиму съ 1877 на 1878 г., а также два раза въ разное время побывалъ на урокахъ профессора Буайе (Boyer), который теперь занимаетъ мѣсто директора школы; библіотекаремъ и секретаремъ ея состоитъ г. Мазонъ, тоже „russisant“. Преподаваніе здѣсь ведется превосходно: г. Буайе—настоящій филологъ, отлично самъ говоритъ по-

русски и составилъ для изученія нашего языка прекрасное пособіе, которое, если я не ошибаюсь, переведено на англійскій языкъ. Курсъ русскаго языка продолжается здѣсь три года, и результаты получаются очень хорошіе: ученики г. Буайе часто усваиваютъ разговорный русскій языкъ, а нѣкоторые уѣзжаютъ въ Россію, гдѣ еще болѣе совершенствуютъ свои знанія. Упомянутый мною выше г. Мазонъ, занимающійся Гончаровымъ, пробылъ въ Россіи около четырехъ лѣтъ лекторомъ французскаго языка въ Харьковѣ; другой ученикъ школы, г. Шаль (Chasles), нѣкоторое время занималъ подобную же должность въ Нѣжинѣ (а его братъ написалъ книгу о русской конституціи); нѣкоторые ѣздили въ Россію на менѣе продолжительное время, какъ, напримѣръ, г. Патулье (Patouillet), готовящій диссертацію объ Островскомъ. Прибавлю, что школѣ досталась по наслѣдству отъ И. И. Щукина (брата извѣстнаго московскаго коллекціонера) большая русская библіотека, кажется—въ 14 тысячъ томовъ, цѣликомъ состоящая изъ книгъ по русской исторіи и литературѣ.

Школа живыхъ восточныхъ языковъ сдѣлалась разсадникомъ преподавателей русскаго языка, литературы и исторіи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Прежде всего изученіе „des choses russes“ было начато въ Лилльскомъ университетѣ, гдѣ соотвѣтственная каѳедра въ 1892 г. была поручена проф. Оману, одному изъ наиболѣе раннихъ учениковъ проф. Леже. По спеціальности онъ не филологъ, какъ проф. Буайе, а историкъ, больше интересующійся культурой и литературой, нежели языкомъ. Послѣ десятилѣтняго преподаванія въ Лиллѣ онъ былъ, въ 1902 г., переведенъ въ Парижъ, гдѣ съ этого года было введено правильное преподаваніе русскаго языка и литературы, а въ Лиллѣ его замѣнилъ г. Лиронделль (Lirondelle), тоже побывавшій въ Россіи, въ роли преподавателя французскаго языка, и, кажется, готовящій докторскую диссертацію объ Алексѣѣ Толстомъ. За время своего профессорства въ Сорбоннѣ Оманъ читалъ курсы о Тургеневѣ, о Пушкинѣ, о французскомъ вліяніи на русскихъ, о Герценѣ и въ связи съ курсами писалъ свои книги, къ числу которыхъ принадлежитъ печатаемый теперь небольшой этюдъ о Пушкинѣ. Почтенный профессоръ жаловался мнѣ, что при недостаточномъ все-таки знаніи большинствомъ его слушателей русскаго языка и отсутствіи хорошихъ переводовъ его задача значительно усложняется. Какъ-ни-какъ, студентовъ, знающихъ по-русски или, вѣрнѣе, учащихся нашему языку, чрезвычайно мало. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ четырехъ парижскихъ лицеяхъ было введено, по иниціативѣ министра Леона Буржуа, преподаваніе русскаго языка, и оно еще держалось въ первые годы XX-го вѣка. Мнѣ своевременно не удалось побывать на урокахъ русскаго языка въ средней школѣ, а когда

я теперь выразилъ-было желаніе послушать ихъ, то узналъ, что опытъ былъ признанъ неудачнымъ и прекращенъ, хотя, съ другой стороны, мнѣ указывали, что въ Орлеанскомъ лицеѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, преподаваніе русскаго языка шло очень недурно.

Въ другихъ университетахъ, кромѣ Парижскаго и Лилльскаго, „русскіе курсы“ имѣютъ лишь временный характеръ (наприм., преподаваніе г. Легра въ Дижонѣ). Многіе молодые французы изучаютъ русскій языкъ въ практическихъ цѣляхъ торговыхъ сношеній (особенно, повидимому, въ Лиллѣ) или дипломатической службы (самая школа восточныхъ языковъ, гдѣ преподаетъ г. Буайе, находится въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ); но есть и такіе, которые учатся изъ любознательности, изъ научнаго или литературнаго интереса [1]). Одинъ изъ теперешнихъ учениковъ проф. Омана, натуралистъ, сказалъ мнѣ, что началъ учиться русскому языку, дабы имѣть возможность читать работы проф. Павлова (Ив. Петр.). Нѣкоторыхъ изъ этой категоріи интересующихся, повидимому, нѣсколько останавливаетъ то, что изученіе русскаго языка не даетъ такихъ правъ и всякихъ дипломовъ, какіе получаются при изученіи другихъ предметовъ. Большинство изъ тѣхъ, которые учатся русскому языку въ университетѣ, довольствуются тѣмъ, чтобы научиться читать, не стремясь къ усвоенію разговорной рѣчи и къ умѣнью писать по-русски: все ихъ время поглощено приготовленіемъ къ экзаменамъ по другимъ предметамъ, дающимъ дипломы и права. Если за послѣднее время и стали писаться диссертаціи о русскихъ писателяхъ, то для полученія почетнаго званія доктора ès lettres, которое не даетъ реальныхъ правъ, соединенныхъ съ другимъ, болѣе важнымъ докторатомъ (doctorat de l'université). Одна общая черта „русскихъ диссертацій“—та, что всѣ онѣ посвящены литературнымъ темамъ, именно — русскимъ писателямъ XIX-го вѣка (первою изъ нихъ была книга Дюшена о Лермонтовѣ). До исторіи очередь еще не дошла, да и на юридическомъ факультетѣ, сколько я знаю, была только одна диссертація, посвященная русскимъ дѣламъ—книга г. Шаля, о которой я упомянулъ выше. Впрочемъ, французы вообще, сравнительно съ нѣмцами и съ нами, мало интересуются въ области исторіи и политики иностранными предметами.

Желательно было бы, скажу въ заключеніе, чтобы на интересъ французовъ къ русской жизни оказали вліяніе два только что возникшія въ Парижскомъ университетѣ студенческія общества: франко-славянское и франко-русское, въ которыхъ участвуютъ и многіе изъ названныхъ мною „руссифирующихъ“ ученыхъ. Чѣмъ больше бу-

[1]) Есть и военные, учащіеся по-русски въ Ecole Supérieure de Guerre, гдѣ преподаетъ проф. Леже. Очень немногое дѣлается въ этомъ направленіи еще въ коммерческомъ училищѣ.

дутъ сближаться между собою люди разныхъ національностей на почвѣ науки и литературы, тѣмъ для всѣхъ будетъ лучше. Наибольшія симпатіи къ намъ, искреннія и безкорыстныя, а не условныя и узко-патріотическія, проявляютъ изъ французовъ именно тѣ, которые знакомятся со всѣмъ, что есть наилучшаго въ русской жизни, съ нашей литературой.

Н. Карѣевъ.

НОВАЯ КНИГА ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Проф. Мих. Грушевскій. Кіевская Русь. Томъ первый. Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства. Извлечено изъ 2-го украинскаго изданія. 1911 г. Цѣна 3 руб.

Недавно вышедшій въ свѣтъ на русскомъ языкѣ первый томъ „Кіевской Руси“ проф. М. С. Грушевскаго представляетъ собою переводъ первыхъ четырехъ главъ перваго тома его „Історіи України-Руси“, предпринятой еще во второй половинѣ 1890-хъ годовъ и выходящей съ 1898-го года на украинскомъ языкѣ. До сихъ поръ вышло семь томовъ этой „Історіи“; послѣдній, седьмой томъ посвященъ вопросу о происхожденіи казачества и излагаетъ исторію казацкой борьбы до 1625-го года. Нѣкоторые изъ томовъ „Історіи“ выдержали уже по два изданія. Первый томъ переведенъ на нѣмецкій языкъ.

Проф. Грушевскій включаетъ исторію Кіевской Руси въ исторію Украины. Онъ вполнѣ основательно видитъ тѣсную связь кіевскаго періода съ польско-литовскимъ и разсматриваетъ ихъ какъ непрерывную эволюцію народной жизни. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко расходится съ обычно принятой системой изложенія русской исторіи. Свои взгляды по этому поводу онъ изложилъ въ академическомъ сборникѣ по славяновѣдѣнію (Спб., 1904, т. I), въ статьѣ: „Звичайна схема „русскої“ исторії східнього славянства“. Схема эта намѣчалась, впрочемъ, и раньше. Ея придерживался въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ покойный профессоръ кіевскаго университета В. Б. Антоновичъ, учитель проф. Грушевскаго. Доводя древній періодъ русской исторіи до татарскаго ига, В. Б. Антоновичъ переходилъ затѣмъ къ Литвѣ и казачеству. Изъ великорусскихъ историковъ къ этой схемѣ близко подходилъ Кавелинъ, какъ видно изъ его „краткаго взгляда на русскую исторію“, изложеннаго въ 1863—1864 гг. въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ (Сочин., т. I, стр. 569 и слѣд.).

Научныя достоинства труда проф. Грушевскаго давно уже обратили на себя вниманіе ученыхъ. Сошлемся, для примѣра, на проф А. С. Прѣснякова, диссертація котораго о „княжомъ правѣ въ древней Руси“ (Спб., 1909) почти на каждой страницѣ считается съ „Исторіей Украіни-Руси“. До 1905-го года трудъ проф. М. С. Грушевскаго былъ почти недоступенъ въ предѣлахъ Россіи, вслѣдствіе запрета, постигшаго вообще научную литературу на украинскомъ языкѣ. Послѣ снятія запрета, пользованіе трудомъ проф. Грушевскаго для русской публики затруднялось незнаніемъ украинскаго языка. Вполнѣ естественно, поэтому, что многіе побуждали проф. Грушевскаго издать свой трудъ и на русскомъ языкѣ. Такое изданіе, первымъ томомъ котораго является „Кіевская Русь“, и выходитъ теперь въ свѣтъ, хотя и въ неполномъ видѣ. Имѣя въ виду русскую публику, авторъ опускаетъ нѣкоторыя подробности, важныя или интересныя только для изученія Украины. Спеціалистамъ, поэтому, придется, не довольствуясь русскимъ изданіемъ, обращаться къ украинскому, тѣмъ болѣе, что и ссылки на литературу и источники, обсужденіе различныхъ научныхъ контроверзъ въ украинскомъ изданіи полнѣе.

Въ первомъ томѣ „Кіевской Руси“, состоящемъ изъ пяти главъ и восьми обширныхъ примѣчаній, идетъ рѣчь, главнымъ образомъ, о такихъ вопросахъ, при рѣшеніи которыхъ письменный матеріалъ или отсутствуетъ, или же сомнителенъ, отрывоченъ, дошелъ до нашего времени далеко не изъ первыхъ рукъ. Необходимо прибѣгать къ помощи археологіи, антропологіи и другихъ наукъ, данныя которыхъ мало изслѣдованы или скудны. Изучая вещественные памятники и нѣмые ископаемые остатки давно минувшаго, очень легко переоцѣнить ихъ. М. С. Грушевскій не впадаетъ въ подобную ошибку. Его строго критическое отношеніе къ матеріалу, стремленіе избѣгать выводовъ тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ достаточно данныхъ, даетъ его труду особую научную цѣнность. Съ его соображеніями и замѣчаніями можно не соглашаться, но нельзя отказать имъ въ обдуманности и осторожности. Данныя, добытыя предыдущими изслѣдователями, проф. Грушевскимъ не только сведены въ одно цѣлое, но и переработаны.

Первая глава „Кіевской Руси“ посвящена изученію территоріи и ея прошлаго. На основаніи археологическихъ находокъ можно придти къ заключенію, что человѣкъ въ южной Руси жилъ давно, за нѣсколько десятковъ, а можетъ быть и сотенъ тысячъ лѣтъ до нашей эры; но вопросъ о физическомъ типѣ его и объ этнографической его принадлежности не можетъ быть рѣшенъ съ точностью. Нѣтъ указаній на то, что раньше индо-европейской колонизаціи на восточно-европейской равнинѣ была какая-либо иная. Теорія, отводившая всю восточную Европу финнамъ, не имѣетъ реальныхъ основаній; только на сѣверо-востокѣ сла-

вяне оттѣснили финновъ къ сѣверу. Археологія, антропологія и лингвистика не могутъ разрѣшить непререкаемо проблему индо-европейской старины. Для оріентированія въ доисторической этнографіи нашей территоріи все еще приходится пользоваться, главнымъ образомъ, историческими извѣстіями. Большая близость славянскихъ и литовскихъ племенъ въ области языка не подлежитъ сомнѣнію. Это указываетъ на продолжительность ихъ сожительства, которое могло имѣть мѣсто только въ восточной Европѣ. Территоріей древне-славянской колонизаціи слѣдуетъ считать четыреугольникъ, ограниченный линіею Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ — на сѣверѣ, областями по верхнему Днѣстру и южному Бугу — на югѣ, бассейномъ Днѣпра, кромѣ, можетъ быть, его верховьевъ и восточныхъ притоковъ — на востокѣ. Сѣверную часть этой территоріи и земли между Нѣманомъ и Днѣпромъ занимали литовцы; остальная часть ея была прародиной славянъ. Считать прародиной славянъ Прикарпатье, по мнѣнію проф. М. С. Грушевскаго, невозможно. Нѣтъ основаній предполагать, что уже въ то время славяне имѣли собственное имя. Лингвистическая дифференціація славянъ началась еще на прародинѣ. Вскорѣ по разселеніи славянъ изъ прародины отдѣльные славянскіе народы выступили уже какъ вполнѣ сложившіяся этнографическія и лингвистическія особи. Славяне мирно, безъ борьбы, занимали мѣста, оставленныя прежнимъ населеніемъ. Культурно-археологическій матеріалъ не даетъ основаній даже приблизительно установить культурную границу славянства. Въ похоронныхъ поляхъ лѣсного Поднѣпровья можно видѣть слѣды славянской культуры. Сравнительно съ культурой эллинскаго поморья лѣсное Поднѣпровье опаздывало на цѣлое столѣтіе. Туда, въ глухое захолустье, только медленно и въ ослабленномъ видѣ долетали отзвуки культурной и политической жизни Черноморья.

Вторая глава носитъ названіе: „Предъ славянскимъ разселеніемъ“. Послѣ обзора исторіи греческихъ колоній въ Крыму въ ней говорится о торговлѣ на Черномъ морѣ, которая, съ одной стороны, оказывала вліяніе на культуру материка, а съ другой — давала возможность знакомиться съ тѣми народностями, которыя жили на сѣверъ отъ Чернаго моря. Греческая керамика встрѣчается въ южной Кіевщинѣ и въ Подоліи; изрѣдка находили тамъ греческія монеты VI—I вв. до Р. Х., монеты же I—III вв. послѣ Р. Х. попадаются чаще и заходятъ глубоко въ лѣсной поясъ Поднѣпровья. Къ извѣстіямъ Геродота о населеніи степей проф. Грушевскій относится съ безусловнымъ довѣріемъ только тамъ, гдѣ Геродотъ говоритъ какъ очевидецъ. Киммерійцы, населявшіе степи раньше скиѳовъ, могли не быть однимъ племенемъ, а обнимать цѣлый рядъ племенъ. Отгадывать, къ какому пле-

мени они принадлежали — праздное занятіе при современномъ состояніи знаній. Скиѳы пришли изъ передней Азіи. Они были иранцами, хотя, можетъ быть, и съ чуждыми примѣсями. Рядомъ съ ними могли сохраниться и остатки прежнихъ кочевниковъ. Въ неврахъ и андрофагахъ, сѣверныхъ сосѣдяхъ скиѳовъ, проф. Грушевскій видитъ славянъ; славянства же меланхленовъ и будиновъ онъ не признаетъ. Скиѳовъ смѣнили сарматы. Они говорили на языкѣ родственномъ скиѳамъ, и скиѳско-сарматская культура, въ археологическомъ отношеніи, представляетъ собой какъ бы нераздѣльное цѣлое. Съ приходомъ сарматовъ прежнее скиѳское населеніе не исчезло. Оно скорѣй измѣнило номенклатуру, чѣмъ этническій составъ. Что касается алановъ, то въ I—II вв. это названіе „сдѣлалось собирательнымъ именемъ для различныхъ кочевыхъ народовъ, жившихъ по обоимъ берегамъ Каспійскаго моря, главнымъ образомъ или, можетъ быть, даже исключительно иранскаго племени, и затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій этимъ именемъ назывались остатки скиѳо-сарматскаго населенія нашихъ степей". Населеніе на Карпатахъ принадлежало къ фракійцамъ; считать его славянскимъ нѣтъ основаній. Преданіе о готскомъ государствѣ Германариха, который покорилъ будто бы многія племена и имѣлъ свою столицу въ Днѣпровскомъ городѣ (Danparstad), т.-е. въ Кіевѣ, проф. Грушевскій считаетъ миѳомъ, разбору котораго, кромѣ нѣсколькихъ страницъ въ текстѣ, посвящено еще примѣчаніе въ концѣ книги. Коснувшись нашествія гунновъ, затѣмъ болгаръ и ихъ переселенія на Балканскій полуостровъ, авторъ заканчиваетъ вторую главу свѣдѣніями о движеніи аваровъ, обровъ нашей лѣтописи, близкихъ родичей и земляковъ гунновъ.

Въ третьей главѣ идетъ рѣчь о „славянской колонизаціи и тюркскомъ натискѣ". До великаго переселенія народовъ передвиженіе славянъ на юго-западъ могло быть только спорадическимъ; съ этого же времени оно становится массовымъ. Тогда же славяне занимаютъ Карпаты, доходятъ до Дуная и подвигаются далеко на западъ. На юго-востокѣ славянская колонизація въ первой половинѣ VI в. овладѣваетъ бассейномъ Дона и придвигается къ Азовскому морю. Передвиженіе славянъ на югъ началось раньше появленія аваровъ въ черноморскихъ степяхъ и отъ него не зависѣло. Въ половинѣ VII в. славянская территорія болѣе или менѣе уже обозначилась. Къ преданію о радимичахъ и вятичахъ, ушедшихъ сначала на западъ, а затѣмъ вернувшихся и поселившихся по Сожу, верхней Деснѣ и Окѣ, проф. М. С. Грушевскій относится отрицательно. Много вниманія онъ посвящаетъ антамъ, такъ какъ видитъ въ нихъ первое выступленіе юго-восточной группы славянскихъ племенъ. Вопросъ объ антахъ былъ имъ подробно разобранъ еще въ 1898 г., въ особой статьѣ въ XXI т.

„Записокъ наук. тов. ім. Шевченка". Въ „Кіевской Руси", кромѣ ряда страницъ въ текстѣ, онъ посвящаетъ этому вопросу примѣчаніе въ концѣ книги. Слѣдуя византійскимъ писателямъ, онъ различаетъ словенъ и антовъ, какъ двѣ отдѣльныя этнографическія славянскія вѣтви. Въ антахъ онъ видитъ южныя племена восточной вѣтви, предковъ позднѣйшихъ южныхъ русскихъ племенъ. Слѣдя за восточной колонизаціей славянъ въ X—XI в., проф. Грушевскій съ особымъ вниманіемъ останавливается на вопросахъ этнографіи. Новгородцевъ онъ не считаетъ кривичами, а видитъ въ нихъ особое племя. Догадка Костомарова, выводившаго новгородцевъ съ юга, по мнѣнію проф. Грушевскаго не имѣетъ реальныхъ основаній". Вопросъ объ этнографіи дреговичей, при настоящемъ состояніи знаній, долженъ оставаться открытымъ. Названіе полянъ проф. Грушевскій склоненъ производить отъ слова „поле". Въ историческую эпоху они занимали мѣста богатыя лѣсомъ, но раньше жили въ болѣе степной мѣстности, къ югу отъ р. Стугны, въ бассейнѣ р. Роси, откуда были оттѣснены степными ордами на сѣверъ, въ лѣсистую часть Кіевщины. Это подтверждаетъ и археологія. Земля полянъ преимущественно называлась Русью, а поляне — русинами. Попытка произвести это названіе отъ чужихъ народовъ до сихъ поръ не удается. Проф. Грушевскій склоненъ считать его извѣчнымъ для кіевской округи. Существованіе особаго племени суличей онъ отрицаетъ. Кѣмъ было первоначально колонизировано среднее Поднѣпровье, украинцами или великороссами? Вопросъ этотъ уже свыше пятидесяти лѣтъ занимаетъ ученыхъ. Обзору его исторіи авторъ посвящаетъ одно изъ примѣчаній къ своей книгѣ. Погодинъ, а въ новѣйшее время акад. А. И. Соболевскій, проф. В. О. Ключевскій и другіе защищаютъ теорію, по которой первоначальнымъ населеніемъ средняго Поднѣпровья были славяне, принадлежавшіе къ восточно-славянской группѣ (великорусской или среднерусской). Спасаясь отъ татаръ, это населеніе эмигрировало на сѣверъ, а его мѣсто заняли колонисты изъ Волыни и Галиціи. Отъ нихъ-то и произошли украинцы. Противъ Погодина въ свое время выступилъ съ вѣскими возраженіями М. А. Максимовичъ. Мнѣніе Максимовича подкрѣпили позднѣе новыми данными В. Б. Антоновичъ, проф. А. Е. Крымскій и другіе ученые. Къ нимъ присоединяется и проф. Грушевскій. Запустѣнія Приднѣпровья послѣ татарскаго нашествія и замѣны одного населенія другимъ не было. Поляне принадлежали къ южной украинской группѣ. То же слѣдуетъ сказать и о сѣверянахъ. Нашествіе угровъ, по мнѣнію автора, имѣло значеніе только для южныхъ степей, но не для Кіевщины. Обзоромъ состоянія южно-русскихъ степей въ XI—XII вв. заканчивается третья глава. Кочевники разрушаютъ степную славянскую колонизацію; но

она не вовсе исчезаетъ. Остатки ея видны въ бродникахъ, берладникахъ, въ существованіи Олешья на нижнемъ Днѣпрѣ и отдаленной Тмутаракани. Населеніе отступаетъ на сѣверъ; начинается укрѣпленіе южной границы, постройка крѣпостей и валовъ сначала по р.р. Сулѣ и Роси, а затѣмъ сѣвернѣе.

Четвертая глава трактуетъ о культурѣ восточно-славянскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей. Это одна изъ наиболѣе любопытныхъ и содержательныхъ частей книги, оригинальная и по тому матеріалу, который положенъ въ ея основу. До сихъ поръ изслѣдователи пользовались для характеристики культуры первобытныхъ славянъ почти исключительно историко-литературнымъ матеріаломъ. Проф. Грушевскій широко вводитъ матеріалъ лингвистическій и археологическій, относясь къ нему съ необходимой критикой и осторожностью. Онъ разсматриваетъ сначала данныя языка, затѣмъ данныя археологіи и потомъ уже свидѣтельства историко-литературныхъ источниковъ. Онъ слѣдитъ за земледѣліемъ, огородничествомъ, садоводствомъ, скотоводствомъ, птицеводствомъ, пчеловодствомъ, охотой, рыбной ловлей, обработкой кожи, шерсти, глины, дерева, металловъ, за пищей, одеждой, жилищемъ, вооруженіемъ, музыкой и т. д. Торговлѣ внѣшней и внутренней также посвящено немало вниманія. Въ торговлѣ IX—X в. кіевская область играла видную роль, а между тѣмъ монетными кладами за это время богаты сѣверныя земли — волжскія, новгородскія, балтійское побережье. Статистику монетныхъ кладовъ нельзя, поэтому, принимать за показатель торговыхъ сношеній. Можно думать, что сѣверъ продавалъ больше товаровъ на наличныя деньги, а на югѣ преобладалъ иностранный ввозъ или сильно былъ развитъ кредитъ. Преобладаніе въ кладахъ VIII—X в. арабскихъ монетъ указываетъ на то, что арабы больше покупали и меньше продавали, чѣмъ греки.

Послѣдняя, пятая глава посвящена населенію и его общественному быту. Авторъ пользуется въ ней, по прежнему, данными языка, археологіи и историко-литературными, но, кромѣ того, вводитъ также и данныя антропологіи. Обзору антропологическихъ данныхъ посвящено также одно изъ примѣчаній. Теперешнее состояніе антропологіи не даетъ, однако, матеріала для опредѣленныхъ заключеній. Можно только сказать, что мы не знаемъ однообразнаго антропологическаго типа славянъ. Въ пятой главѣ собраны данныя о религіи, погребальныхъ обрядахъ, праздникахъ, бытѣ, общественномъ строѣ. Существованіе на Руси въ IX—X в. обычая приносить человѣческія жертвы кажется проф. Грушевскому сомнительнымъ, хотя онъ и допускаетъ возможность его въ болѣе раннее время. Христіанство застало у славянъ уже вполнѣ сложившуюся патріархальную семью, а

не стадныя формы брака. Власть мужа надъ женой была огромна: жена считалась собственностью, инвентаремъ мужа. Многоженство допускалось, но имъ фактически пользовались только богатые. У древнихъ славянъ проф. Грушевскій видитъ только остатки родового быта. Онъ допускаетъ существованіе большихъ семей, слѣды переживанія которыхъ замѣтны и въ болѣе позднее время въ „дворищахъ“ XIV—XVI вв. въ Галиціи, Подоліи, Волыни и Бѣлоруссіи, въ сябринномъ землевладѣніи лѣвобережной Украины XVII и XVIII вв. и въ сложныхъ семьяхъ, встрѣчающихся и въ настоящее время въ горныхъ мѣстностяхъ галицкой и угорской Руси. Къ задружной теоріи проф. Грушевскій относится вообще критически и находитъ, что въ ней было много натяжекъ: понятіе бралось слишкомъ широко и подъ него часто подводились явленія, не имѣвшія никакого отношенія къ задругѣ. Въ основѣ племени лежало, вѣроятно, происхожденіе отъ одного родоначальника; но племена X—XI вв. потеряли уже представленіе объ общей генеалогіи. На новой территоріи племенная группировка сложилась уже несомнѣнно подъ рѣшающимъ вліяніемъ географическо-колонизаціонныхъ условій. Сложная семья не могла существовать долго; она распалась. Славяне селились обыкновенно отдѣльно семьями или дворищами. Слѣды этого исконнаго обычая видны въ украинскихъ хуторахъ, карпатскихъ горныхъ селахъ, селахъ украинской околичной шляхты на Подольѣ. Объединенныя общими юридическими и экономическими интересами, эти самостоятельныя хозяйства образовали изъ себя общину. „Общее владѣніе — говоритъ проф. Грушевскій—сохранялось обыкновенно только въ отношеніи невоздѣланныхъ земель и угодій, либо имѣло характеръ переходный. Общиннаго землевладѣнія съ передѣлами участковъ на нашемъ югѣ не выработалось, и великорусская земельная община должна считаться продуктомъ позднѣйшимъ“. Сельской группѣ родовъ-дворищъ могла соотвѣтствовать и вервь, община Русской Правды.

Для характеристики внутренней жизни сельской общины, по мнѣнію проф. Грушевскаго, можно пользоваться, по аналогіи, общиной городской, какъ представляющей собою только дальнѣйшую ступень въ эволюціи общины сельской. И тамъ, и здѣсь въ основѣ лежитъ территоріальный принципъ. Эмбріономъ города-поселенія явились города-укрѣпленія, остатки которыхъ сохранились въ видѣ многочисленныхъ городищъ. Проф. Грушевскій допускаетъ возможность хронологической классификаціи городищъ. Нѣкоторые изъ городовъ-укрѣпленій, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, выросли впослѣдствіи въ племенные или территоріальные центры, притягивавшіе къ себѣ другіе города. Изъ соединенія территоріальныхъ и племенныхъ группировокъ на мѣстѣ прежнихъ племенныхъ территорій-земель вы-

ростали новыя земли-волости. Однѣ изъ нихъ, гдѣ городская жизнь была слабо развита, притягивались къ чужеземнымъ центрамъ, какъ напр. Дреговичи къ Кіеву; другія, съ развитой городской жизнью, распадались на части, какъ Сѣверщина, напр., распалась на Черниговщину и Переяславщину. На укрѣпленіе связи городовъ съ пригородами и на установленіе формальной зависимости пригородовъ отъ городовъ рѣшительнымъ образомъ, по мнѣнію проф. Грушевскаго, повліяло княжеско-дружинное устройство.

Мы далеко не исчерпали содержаніе книги проф. М. С. Грушевскаго. Нашей цѣлью было обратить вниманіе на богатство содержанія книги и на важность ея въ научномъ отношеніи. Она является незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи исторіи древней Руси. Нужно пожелать, чтобы скорѣе вышли въ свѣтъ остальные томы, предположенные къ изданію. Второй томъ проф. М. С. Грушевскій предполагаетъ посвятить образованію кіевскаго государства, третій—разложенію его и провинціальной жизни южнаго Поднѣпровья XI—XIV вв., четвертый—общественному строю, культурѣ и быту Кіевской Руси, наконецъ, пятый — галицко-волынскому государству XIII—XIV вв., какъ непосредственному продолженію государства кіевскаго.

Ник. Василенко.

ПИСЬМО ИЗЪ МАДРИДА

I.

— Насъ было девять человѣкъ, когда мы основали нашу партію 2-го мая 1879-го года... Помню—тогдашнія газеты очень надъ нами смѣялись. Дайте намъ микроскопъ—говорили онѣ,—чтобы разсмотрѣть хорошенько эту новую политическую группу!..

Собесѣдникъ мой усмѣхнулся и замолчалъ. Утреннее солнце мягко освѣщало его сѣдую голову. Голубые глаза задумчиво и твердо смотрѣли прямо передъ собой. Казалось—передъ ними проходятъ сейчасъ, вызванныя моимъ вопросомъ, далекія, полузабытыя въ ежедневной сутолокѣ жизни воспоминанья...

Разговоръ происходилъ въ квартирѣ Пабло Иглезіаса, лидера испанскихъ соціалистовъ. Маленькая комнатка, съ видомъ на волнистую и безжизненную равнину Кастильи, начинающуюся сейчасъ же за этимъ демократическимъ предмѣстьемъ Мадрида. Покрытый кле-

енкой столъ, три-четыре стула, да старый, потрепанный диванъ составляютъ всю незатѣйливую обстановку. На чисто выбѣленныхъ стѣнахъ развѣшаны дешевенькія гравюры, которыя можно видѣть у любого рабочаго изъ зажиточныхъ. Да и самъ хозяинъ тоже похожъ скорѣе на старика рабочаго, чѣмъ на знаменитаго депутата кортесовъ и главу партіи, которая съ каждымъ днемъ завоевываетъ въ странѣ все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе.

— Теперь насъ и безъ микроскопа видно—снова оживляясь, продолжаетъ онъ. Веселыя искорки мелькаютъ въ глубинѣ глазъ. Сѣдые, подстриженные усы юмористически шевелятся. — Послѣ послѣдней стачки въ Бильбао въ особенности! Углекопы подъ нашимъ руководствомъ добились-таки отъ правительства закона о девяти-часовомъ рабочемъ днѣ! Начинаютъ понемногу организовываться. А ихъ въ Испаніи больше ста тысячъ. Желѣзнодорожники—тоже. Повсюду въ народныхъ массахъ броженіе. У насъ всегда вѣдь такъ: или спятъ долго, тяжело, никогда, кажется, больше не проснутся—или все вдругъ закипаетъ сразу! А дальше такъ жить, какъ раньше жили—невозможно. Всему бываетъ конецъ...

И онъ мѣткими и быстрыми штрихами набрасываетъ передо мной картину современнаго положенія Испаніи. Говоритъ Пабло Иглезіасъ громко, точно передъ нимъ не одинъ слушатель, а нѣсколько тысячъ. Глухой и рѣзкій голосъ привычнаго митинговаго оратора странно раздается въ маленькой комнаткѣ. Иногда, въ особенно „сильныхъ“ мѣстахъ, онъ ударяетъ кулакомъ по столу, и тогда на немъ робко подскакиваетъ большая недопитая чашка съ молокомъ, которую старый трибунъ оставилъ при моемъ приходѣ.

— Наши политическія партіи сами завели себя въ безнадежный тупикъ. Народъ имъ больше не вѣритъ. Всѣмъ ясно сейчасъ, что во главѣ ихъ стоятъ люди, думающіе главнымъ образомъ о своихъ личныхъ интересахъ. Голодному же человѣку не до отвлеченныхъ разсужденій: ему нуженъ прежде всего хлѣбъ. А наши политики вмѣсто хлѣба даютъ ему камень. Не мудрено, если въ одинъ прекрасный день этотъ камень полетитъ имъ обратно въ голову! Всякое терпѣніе истощается... Наша же задача—задача соціалистовъ—не дать вполнѣ справедливому народному негодованію вылиться въ форму безсмысленнаго бунта, какіе бывали раньше не разъ...

И Пабло Иглезіасъ разсказываетъ мнѣ о безчисленныхъ попыткахъ испанскаго трудового народа сбросить съ себя экономическое иго правящихъ классовъ—иго, доставшееся ему въ наслѣдство отъ видоизмѣнившаго свои формы средневѣковаго феодализма, который, вмѣстѣ съ черной арміей поповъ и монаховъ, высасываетъ изъ страны ея послѣдніе жизненные соки. Въ Андалузіи, напримѣръ, въ „благо-

словенномъ краѣ Маріи Пречистой, огненныхъ танцевъ и ночныхъ серенадъ"—не такъ уже весело живется простому народу, какъ объ этомъ можно предположить по разсказамъ путешественниковъ, съ Бедекеромъ въ рукахъ наблюдающихъ Испанію изъ окна своего вагона. Тамъ на безконечныхъ владѣніяхъ знатныхъ сеньоровъ, живущихъ обыкновенно въ Мадридѣ или въ Парижѣ и зачастую даже не видѣвшихъ ни разу своихъ земель, умираютъ съ голоду несчастные „брасеро". „Брасеро" — это деревенскій работникъ, батракъ, полгода не имѣющій ровно никакихъ занятій и полгода работающій по вольному найму у какого-нибудь владѣтельнаго сеньора. Самъ сеньоръ, положимъ, тутъ ни при чемъ; всѣми дѣлами его вѣдаетъ „лабрадоръ"—нѣчто среднее между управляющимъ и крупнымъ арендаторомъ. Собственной земли у андалузскихъ крестьянъ почти нѣтъ. Кто имѣетъ кое-какія средства — арендуетъ клочокъ, при посредствѣ все того же „лабрадора"; не обладающіе же необходимымъ для этого капиталомъ принуждены наниматься въ батраки. И такихъ около трехъ четвертей всѣхъ крестьянъ Андалузіи.

Работаетъ брасеро въ ужасныхъ условіяхъ: четыре-пять мѣсяцевъ, пока продолжается сезонъ окапыванія оливковыхъ деревьевъ и другихъ полевыхъ работъ, онъ долженъ жить отдѣльно отъ семьи, оставляемой, по характерному мѣстному выраженію, „на милость Божію". Трудовой день его продолжается съ 3-хъ часовъ утра до 7 — 9 вечера. Получаетъ брасеро за свой адскій трудъ отъ 45 сантимовъ до полуторыхъ песетъ въ день. Послѣднее считается уже наивысшимъ предѣломъ заработка, о которомъ можно только мечтать. Кормятъ брасеро на хозяйскій счетъ; пища его состоитъ главнымъ образомъ изъ гороха („garbanzos"), разваренаго въ прогорклomъ оливковомъ маслѣ. На ночь рабочіе экономіи собираются въ особо устроенныхъ для нихъ баракахъ—„gananias". Спать приходится всѣмъ въ повалку на нарахъ. Въ холодныя весеннія ночи баракъ отапливается коровьимъ пометомъ, смѣшаннымъ съ соломой. Непривычному человѣку трудно войти со свѣжаго воздуха въ это людское жилище, общій видъ и атмосфера котораго ничѣмъ не отличается отъ свиного хлѣва.

Система хозяйства въ экономіяхъ, на которыя разбиты необъятныя владѣнія помѣщиковъ Андалузіи—самая примитивная: то же россійское трехполье, даже безъ обыкновеннаго удобренія, не говоря уже объ удобреніи химическомъ, принятомъ въ остальной Европѣ. Въ случаѣ неурожая—тысячи и тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла. Наступаетъ голодъ. Кто можетъ—бѣжитъ въ Америку. Остающіеся ищутъ работы и, не найдя ея, или смиряются передъ неизбѣжностью, или же идутъ грабить и разбивать мясныя и булочныя въ маленькихъ мѣстечкахъ. Конная жандармерія—„guardia civil"—энер-

гичными мѣрами возстанавливаетъ порядокъ, „зачинщиковъ“ арестовываютъ, а правительство, послѣ этого новаго „memento mori“ изголодавшихся, доведенныхъ до отчаянія людей, шлетъ изъ Мадрида мѣстнымъ алькальдамъ приказы открыть какія-нибудь „общественныя работы“... Начинаютъ рыть никому ненужныя канавы, чинить дороги и т. д. Вниманіе отвлекается. Кризисъ временно предупрежденъ. А потомъ все снова идетъ по старому.

Но иногда и конная жандармерія, и „общественныя работы“ оказываются безсильными противъ взрыва народной ненависти. Безсмысленные, кровавые мятежи вспыхиваютъ и снова погасаютъ. Послѣ нихъ еще тѣснѣе сжимается желѣзное кольцо нищеты и угнетенья.

Въ 1857-мъ году шесть тысячъ возмутившихся батраковъ заняли городокъ Лоха въ провинціи Гренада. Къ нимъ примкнуло въ скоромъ времени еще свыше пятидесяти тысячъ. Правительственныя войска безуспѣшно осаждали мятежный городъ. Защитой его руководилъ мѣстный ветеринаръ Перецъ де Алямо, организаторъ всего движенія. А въ окрестностяхъ между тѣмъ происходилъ дѣлежъ помѣщичьей земли и слагалась такъ называемая „республика „бѣдныхъ“. Лишь съ большими усиліями удалось тогдашнему правительству затушить мятежъ, готовившійся уже перейти и на сосѣднія провинціи Андалузіи.

Изъ ряда другихъ, очень частыхъ возмущеній андалузскихъ крестьянъ, особенно характерна всеобщая стачка въ мѣстечкѣ Моронѣ, въ 1902-мъ году. Тамъ тридцать тысячъ брасеро, занятыхъ въ различныхъ экономіяхъ, въ одно и то же утро отказались выйти на работу. Ихъ примѣру послѣдовали другіе рабочіе. Движеніе охватило даже чиновниковъ муниципалитета и домашнюю прислугу. Былъ назначенъ день распредѣленія помѣщичьей земли между батраками и мелкими крестьянами. Увѣренность въ успѣхѣ была такъ велика, что многіе „novios“ (женихи и невѣсты) отложили свои свадьбы, чтобы отпраздновать ихъ уже послѣ этого радостнаго событія. Но, конечно, своевременное вмѣшательство „guardia civil“, подкрѣпленной присланными изъ Мадрида войсками, помѣшало реализовать предпріятіе. Да и многія свадьбы потомъ не состоялись...

Подобныя, чисто стихійныя попытки улучшить свое матеріальное положеніе въ концѣ концовъ убѣдили андалузскій деревенскій пролетаріатъ, что лишь въ организованности и сплоченности—настоящая сила. Теперь партія соціалистовъ заняла въ Андалузіи первенствующее положеніе. Повсюду имѣются спеціальныя группы для агитаціи и пропаганды, а число секцій, заключающихъ въ себѣ тысячи и тысячи брасеро и крестьянъ, составляетъ уже около трети всѣхъ секцій Испаніи.

Въ Астуріи, странѣ вѣчныхъ дождей и мелкихъ арендаторовъ,

собственными усиліями обрабатывающихъ землю почти безъ наемнаго труда, непомѣрные налоги и высокая плата за аренду заставляютъ крестьянъ прибѣгать къ излюбленному испанскому средству: эмиграціи въ Южную Америку. Доходъ съ средней фермы въ Астуріи—приблизительно 2.065 пезетъ въ годъ. Расходъ, не считая правительственныхъ налоговъ—2.568 пезетъ. Налоги же въ этой несчастной провинціи достигаютъ 160% съ валового дохода. Въ результатѣ за послѣдніе два года изъ 70.000 крестьянскихъ семей половина эмигрировала или бросила свои фермы на произволъ судьбы. А изъ милліона гектаровъ годной для обработки земли культивируются только 250 тысячъ. Остальное лежитъ „такъ", въ ожиданіи перемѣны экономической политики въ правительственныхъ сферахъ, когда изъ этой самой нищенской теперь и самой плодородной провинціи можно будетъ снова сдѣлать „житницу Испаніи"...

Часть астурійскихъ крестьянъ, уходя съ насиженныхъ мѣстъ, идетъ на мѣстные фабрики и заводы, которые, вмѣстѣ съ копями сосѣдней провинціи Бискайи, требуютъ въ настоящій моментъ все большее и большее количество рабочихъ рукъ. Условія жизни и труда не соотвѣтствуютъ здѣсь требованіямъ даже самой элементарной гигіены. Послѣ десяти-часового рабочаго дня въ каменноугольныхъ копяхъ или въ мастерской холостой рабочій имѣетъ возможность получить вечеромъ на частной квартирѣ за одинъ реалъ (25 сантимовъ) маленькій хлѣбъ и кровать, гдѣ нужно спать вдвоемъ съ какимъ-нибудь другимъ квартирантомъ. За 15 сантимовъ можно устроиться на полу, на соломенной циновкѣ, при чемъ ноги однихъ спящихъ служатъ подушкой для другихъ. Семейство, состоящее изъ отца, матери и ребенка, зарабатываетъ въ годъ соединенными усиліями около 2.046 пезетъ. На жизнь же, не считая одежды, отопленія и т. д., приходится тратить 2.387 пезетъ. Такимъ образомъ получается ежегодный дефицитъ свыше 300 пезетъ.

Рабочіе другихъ мѣстностей Испаніи находятся приблизительно въ такихъ же условіяхъ: низкая заработная плата, полное отсутствіе гигіены на фабрикахъ и въ жилищахъ, безконтрольная эксплуатація предпринимателями и хроническій, непрекращающійся голодъ. Но въ мірѣ индустріальномъ общность интересовъ видна яснѣе, и потому организаціи фабрично-заводскихъ и вообще городскихъ рабочихъ гораздо сильнѣе и многочисленнѣе только недавно еще начавшихъ организовываться деревенскихъ „брасеро".

Во главѣ этого чисто экономическаго движенія городского пролетаріата опять-таки стоятъ соціалисты. Первая группа такого рода была основана типографскими рабочими Мадрида уже больше тридцати лѣтъ тому назадъ. Около нея понемногу стали объединяться небольшія общества рабочихъ другихъ профессій, возникшія на

почвѣ борьбы съ хозяевами за заработную плату. Два года тому назадъ мадридскіе булочники, каменщики, извозчики и т. д. путемъ невѣроятныхъ лишеній сколотили совмѣстно капиталъ въ 500 тысячъ пезетъ, на которыя было куплено особое зданіе, получившее названье „Народнаго Дома“ (Casa del Pueblo). Тамъ помѣщаются бюро объединенныхъ рабочихъ организацій, которыхъ теперь больше 130; тамъ же устроены читальня, библіотека, кооперативная лавка, кооперативный ресторанъ и читаются популярные вечерніе курсы по разнымъ отраслямъ знанія.

Въ провинціи, главнымъ образомъ въ Астуріи, соціалисты тоже, на почвѣ чисто экономическаго объединенія мѣстнаго пролетаріата, пытаются создать рядъ общеобразовательныхъ учрежденій, въ противовѣсъ реакціонной пропагандѣ. Въ Овіедо, столицѣ провинціи, при организованныхъ соціалистами кассѣ взаимопомощи и кооперації, съ ежемѣсячнымъ оборотомъ въ пять тысячъ пезетъ, имѣется „Вольный Университетъ“, гдѣ профессора мѣстнаго правительственнаго университета читаютъ по вечерамъ безплатныя лекціи для рабочихъ.

Въ Каталоніи кооперативныя общества начали возникать, по иниціативѣ соціалистовъ и подъ ихъ ближайшимъ руководствомъ, еще съ 1883-го года. Въ настоящій моментъ онѣ разбросаны по всей провинціи, имѣя въ общемъ капиталъ около 3 милліоновъ. У нихъ имѣется „Рабочій Атенеумъ“, назначеніе котораго—давать первоначальное свѣтское образованіе дѣтямъ рабочихъ, распространять въ широкихъ народныхъ массахъ прогрессивныя идеи путемъ устройства лекцій, изданія газетъ, организаціи библіотекъ, читаленъ и т. д.

Соціалисты проникли уже во многіе муниципалитеты Испаніи. До самаго послѣдняго времени, благодаря особой организаціи испанскихъ выборовъ, гдѣ три четверти депутатовъ назначаются правительствомъ заранѣе въ Мадридѣ, а уже послѣ якобы „избираются“ на мѣстахъ—представители соціалистовъ не могли попасть въ кортесы. Но, благодаря поддержкѣ республиканцевъ, на прошлогднихъ выборахъ все же удалось провести Пабло Иглезіаса депутатомъ отъ Мадрида.

— Мы уже встали теперь на собственныя ноги — заканчиваетъ мой собесѣдникъ.—Съ нами приходится считаться. И мы не замедлимъ воспользоваться нашей силой. Что возможно взять въ предѣлахъ монархическаго строя—мы возьмемъ. А тамъ посмотримъ. Но пока что—мы рѣшительно не позволимъ двухъ вещей: возвращенія къ власти реакціонеровъ, вмѣстѣ съ Маурой, и вовлеченія испанскаго народа въ какую-нибудь новую авантюру въ родѣ недавней марокккской войны. „Имъ“ этого очень хочется, дабы бряцаніемъ оружія отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ. Но мы рѣшили, что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ всеобщая стачка, со всѣми ея послѣдствіями, не-

избѣжна. Кто выйдетъ изъ нея побѣдителемъ—конечно сейчасъ сказать трудно, но нашъ испанскій пролетаріатъ и наше организованное крестьянство достаточно окрѣпли, чтобы выдержать упорную и серьезную борьбу...

Простившись съ Пабло Иглезіасомъ, я медленно иду по узкой и шумной улицѣ, на которой живетъ первый народный трибунъ Испаніи. Впереди у меня еще другое свиданье. Но времени много и торопиться некуда. Изъ этого демократическаго квартала нужно переѣхать на противоположный конецъ Мадрида. Тамъ ждетъ меня графъ С., одинъ изъ послѣднихъ „боевыхъ“ вождей когда-то громкаго карлистскаго движенія. Изъ скромной квартиры лидера испанскихъ соціалистовъ мнѣ придется попасть въ аристократическій дворецъ, гдѣ старое прошлое все еще не хочетъ уступить мѣсто молодому и свѣжему настоящему, хотя уже поблекли и потускнѣли прежнія краски его умирающей романтической легенды!...

II.

У одного испанскаго писателя, Анхеля Чавеса, есть небольшой разсказъ подъ названіемъ: „Ласточка“. Сюжетъ его заключается въ слѣдующемъ: во время послѣдней карлистской войны авторъ, находящійся въ лагерѣ либераловъ, сидитъ съ товарищами у костра. Ночь пасмурна и туманна. Всѣ въ тревожномъ ожиданіи неминуемой атаки. Съ аванпостовъ только что видѣли передовые разъѣзды карлистовъ. Чтобы убить время, офицеры начинаютъ по очереди разсказывать разные случаи изъ своей военной жизни. У автора, которому тогда было только девятнадцать лѣтъ, нѣтъ никакихъ боевыхъ воспоминаній: сегодня онъ будетъ въ дѣлѣ въ первый разъ. И, за неимѣніемъ другого, онъ разсказываетъ товарищамъ маленькій эпизодъ изъ своего дѣтства.

На лѣто они всей семьей обыкновенно уѣзжали изъ Мадрида въ деревню, гдѣ у нихъ былъ собственный домъ. Каждую весну туда прилетала ласточка въ старое, прилѣпившееся подъ самой крышей гнѣздо. Однажды дѣтямъ пришло въ голову помочь ей въ ея хлопотахъ по устройству приходившаго съ каждымъ годомъ все въ бо́льшую ветхость жилища. Они выкинули оттуда накопившійся за много лѣтъ соръ и грязь, вычистили, выскребли, сколотили изъ досокъ вмѣсто прежней безобразной кучи уютный и красивый домикъ и стали ждать. Но когда ласточка, наконецъ, прилетѣла, съ ней сдѣлалось что-то странное: съ жалобнымъ пискомъ принялась она летать вокругъ крыши и такъ летала до самаго вечера, точно отыскивая свое прежнее разру-

шенное гнѣздо. Ночью пошелъ дождь, поднялась буря, а на утро дѣти нашли ласточку мертвой на крыльцѣ. Она не захотѣла поселиться въ построенномъ для нея свѣтломъ и чистомъ домикѣ—и предпочла погибнуть подъ дождемъ...

Едва успѣлъ онъ окончить свой разсказъ, какъ неподалеку послышались выстрѣлы. Это карлисты попробовали атаковать либераловъ въ темнотѣ. Пришлось прекратить разговоры и разойтись по своимъ мѣстамъ. Нападеніе было отбито.

На утро, когда лагерь снялся съ мѣста, ѣхавшіе впереди офицеры натолкнулись на нѣсколько труповъ карлистовъ, валявшихся по дорогѣ. Это были рослые, красивые люди въ традиціонныхъ карлистскихъ „боинахъ“.

— Смотри—указалъ на нихъ Чавесу капитанъ—вотъ тоже въ родѣ твоей ласточки, о которой ты намъ разсказывалъ вчера! Мы хотимъ сдѣлать для нихъ жизнь свѣтлой и удобной, мы стремимся освободить ее отъ сора и мусора, накопленныхъ прошлымъ, но они предпочитаютъ погибнуть подъ нашими пулями, чѣмъ войти въ устроенное для нихъ новое и чистое гнѣздо.

Да, карлисты современной Испаніи не желаютъ разстаться со своими насиженными гнѣздами, хотя они и пришли уже въ ветхость и никуда больше не годятся.—Старый другъ лучше новыхъ двухъ!—говорятъ они. И сознательно стараются отворачиваться отъ всего, что не носитъ на себѣ печать знакомыхъ и испытанныхъ общественныхъ отношеній. Пусть имъ доказываютъ, что абсолютизмъ, вмѣстѣ съ безграничнымъ и деспотическимъ вліяніемъ духовенства, довелъ Испанію до ея настоящаго паденія и нищеты. Пускай на безконечномъ рядѣ примѣровъ они наглядно убѣждаются, что лишь государства съ свободнымъ самоуправленіемъ гражданъ могутъ въ наше время быть могущественными и процвѣтать. — Такъ то другіе... не мы! — отвѣчаютъ они.—Для насъ законы исторіи не писаны: у насъ самобытность! Намъ нужны свои, особыя условія.—Дайте намъ снова ежевыя рукавицы, и вы увидите, какъ мы тоже зацвѣтемъ...

Но необходимо различать въ современномъ карлизмѣ два совершенно отдѣльныхъ теченія. Въ большихъ промышленныхъ городахъ, въ родѣ Мадрида, Валенсіи, Барселоны, партія карлистовъ давно уже потеряла свою прежнюю романтическую окраску защитницы „истинно испанскихъ традицій“. Тамъ она выродилась въ простое черносотенное сборище; личные интересы и карманный вопросъ играютъ для ея членовъ рѣшающую роль въ выработкѣ и исповѣданіи ихъ убѣжденій. Въ городѣ, за очень немногими исключеніями, къ карлистамъ примыкаютъ, потому что у нихъ есть деньги; въ деревняхъ, наоборотъ, отдаютъ свои послѣдніе сантимы, такъ какъ вѣрятъ искренно

и беззавѣтно въ „святое дѣло“ освобожденія родины отъ ига губящихъ ее „альфонсистовъ“ и либераловъ.

Въ сѣверной Каталоніи, въ землѣ басковъ, въ гористомъ и дикомъ Арагонѣ суровые горцы-мужики живутъ рядомъ со своими помѣщиками-феодалами, въ обстановкѣ прежняго средневѣковья. Между ними нѣтъ той пропасти соціальныхъ и экономическихъ отношеній, которая отдѣляетъ андалузскаго „брасеро“ отъ эксплуатирующаго его трудъ знатнаго и богатаго сеньора. Нищій гидальго Арагона мало чѣмъ отличается отъ такого же нищаго мужика. Оба ведутъ свой родъ отъ когда-то независимыхъ и вольныхъ предковъ, оба ничего не имѣютъ за душой, кромѣ каменистаго и выжженнаго солнцемъ клочка земли, оба одинаково находятся подъ вліяніемъ мѣстнаго духовенства.

Тогда какъ въ Андалузіи и Астуріи добрая половина крестьянъ—соціалисты, въ вышеупомянутыхъ провинціяхъ организованное движеніе трудящагося класса существуетъ только въ большихъ городахъ. Интересно, что сейчасъ же рядомъ съ Бильбао, по справедливости считающимся штабъ-квартирой испанскихъ соціалистовъ, въ какихъ-нибудь 20—30 километрахъ отъ городской заставы, начинается область самаго фанатическаго карлизма. Даже наиболѣе смѣлые пропагандисты прогрессивныхъ идей не отваживаются поѣхать со своей проповѣдью по этимъ маленькимъ деревенькамъ, робко жмущимся вокругъ неизбѣжно возвышающейся церковной колокольни, точно овцы возлѣ пастуха. Тамъ живутъ молчаливые люди, съ тяжелой поступью и странно свѣтлымъ взглядомъ. Ихъ простыя и грубыя сердца еще хранятъ воспоминанье о „единственномъ законномъ королѣ“, который не сегодня—завтра долженъ вернуться изъ изгнанья. Въ каждой самой убогой лачугѣ виситъ портретъ „Его“, долгожданнаго, вмѣстѣ съ традиціонной красной „боиной“. Эту боину носилъ въ сраженьяхъ съ либералами еще дѣдъ. Такія же боины есть и у внуковъ. Они надѣнутъ ихъ, когда снова раздастся боевой кличъ: „Viva Dios! Viva el Rey!...“ — и поднимутся вѣрные на защиту церкви и престола...

Объясняется такая разница между міровоззрѣніемъ Бильбао и его окрестностей тѣмъ, что мѣстное населеніе неохотно идетъ на фабрики и заводы. Коренной баскъ предпочитаетъ эмигрировать въ Америку, если ужъ нельзя никакъ пробиться на собственномъ клочкѣ земли, чѣмъ искать работы тутъ же въ городѣ, въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ родной деревни. Поэтому всѣ почти рабочіе въ бискайскихъ копяхъ и фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ—уроженцы Астуріи или Андалузіи, гдѣ уже самыя условія жизни подготовили благодарную почву для развитія соціалистической пропаганды.

Крестьянинъ-астуріецъ, являясь въ качествѣ рабочаго въ столицу бискайской провинціи, охотно слушаетъ оратора-соціалиста—но тотъ же самый соціалистъ рискуетъ остаться безъ реберъ, если вздумаетъ обратиться со своей рѣчью къ живущимъ около Бильбао мужикамъ.

Корреспондентъ мадридской газеты „El Paіs", донъ Артуро Мори, 18-го августа прошлаго года далъ любопытную картинку жизни провинціальнаго карлиста. Запасшись соотвѣтствующими рекомендательными письмами, онъ явился въ замокъ нѣкоего сеньора де В., въ сѣверной Каталоніи. Замокъ скорѣе походилъ на длинный, нелѣпо выстроенный амбаръ, но за то былъ снабженъ по угламъ бойницами, по всѣмъ правиламъ современнаго военнаго искусства. Самъ хозяинъ, бодрый и крѣпкій старикъ съ сѣдыми висячими усами, очень привѣтливо встрѣтилъ гостя.

— Любую осаду выдержитъ!—съ гордостью заявилъ онъ, указывая на свои укрѣпленныя владѣнія.

Въ завязавшемся потомъ разговорѣ сеньоръ де В. высказалъ увѣренность, что будущей весной непремѣнно начнется карлистское возстаніе. А такъ какъ армія и народъ—на сторонѣ „нашего принца", то въ успѣхѣ предпріятія не можетъ быть никакого сомнѣнія.

— Вся бѣда отъ жидовъ и масоновъ!—заключилъ онъ.—Есть синедріонъ у нихъ изъ семи человѣкъ. Въ Римѣ засѣдаетъ. Ну, да мы до нихъ рано или поздно доберемся.

Въ этотъ моментъ, съ ружьями въ рукахъ, вошли въ залъ дѣти феодальнаго сеньора, возвратившіеся съ охоты.

— Молодцы вѣдь?—похлопалъ ихъ по плечу отецъ.—Вотъ королю слуги... У насъ всѣ въ роду на королевской службѣ были. Только у настоящихъ королей—не у узурпаторовъ.

Оказалось, что молодые люди, изъ которыхъ младшему было пятнадцать лѣтъ, читаютъ по складамъ, писать же почти совсѣмъ еще не научились.

— Незачѣмъ имъ—объяснилъ отецъ.—Глаза только портятся, да и не дворянское это дѣло.

Изъ такихъ-то „благородныхъ" недорослей и вербуются знаменитые карлистскіе „requeté". Requeté — это мальчикъ лѣтъ девяти, десяти, котораго родители-карлисты посвящаютъ дѣлу служенія традиціонализму. Необходимо замѣтить, что сами карлисты никогда себя этимъ именемъ не называютъ: ихъ оффиціальное наименованіе—„традиціоналисты".

Обреченный такимъ образомъ съ дѣтскихъ лѣтъ выслушивать человѣконенавистническую пропаганду, ребенокъ поступаетъ въ отрядъ, состоящій въ завѣдываніи какого-нибудь карлистскаго офицера. Каждое воскресенье рано утромъ происходятъ ученья и примѣрные ма-

невры. Подъ видомъ школьныхъ прогулокъ, а то и просто безъ всякой декораціи, дѣтей уводятъ въ горы и тамъ обучаютъ ихъ стрѣльбѣ и разнымъ боевымъ пріемамъ. Все это сопровождается разсказами и примѣрами изъ прошлыхъ карлистскихъ войнъ. Несчастный мальчикъ requeté въ возрастѣ, когда другія дѣти играютъ въ солдатики, изучаетъ военное дѣло уже не какъ забаву или гимнастическое упражненіе, а съ вполнѣ опредѣленной цѣлью примѣнить свои познанія на практикѣ, когда придется стрѣлять въ ненавистныхъ измѣнниковъ—либераловъ...

Мадридское правительство въ данномъ случаѣ безсильно. Запретить военныя упражненія requeté—значитъ вызвать карлистское возстаніе. Бороться же какимъ-нибудь другимъ способомъ съ этимъ систематическимъ развращеніемъ дѣтей оно не имѣетъ ни возможности, ни желанія: у самихъ, молъ, хлопотъ не оберешься! Когда еще тутъ присматривать за мальчишками! Но мальчишки выростаютъ, и нетрудно себѣ представить, съ какимъ идейнымъ багажемъ вступаютъ они въ жизнь, если слово „либералъ“ считается у requeté самымъ позорнымъ и тяжелымъ оскорбленіемъ!

Когда я жилъ въ Барселонѣ, мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ такимъ маленькимъ защитникомъ „самодержавнаго короля“.

Хозе-Марія — хорошенькій двѣнадцатилѣтній мальчикъ, младшій сынъ извѣстнаго въ городѣ карлиста, принимавшаго личное участіе въ послѣднемъ возстаніи. Въ семьѣ у нихъ остальныя дѣти вышли почему-то „свободомыслящими“, и у моего requeté съ ними происходятъ ежедневныя столкновенія.

— А у насъ сегодня ученье было... съ ружьями! — восторженно сообщаетъ онъ, приходя съ неизмѣннымъ опозданіемъ къ воскресному обѣду.

— Глупости!—пренебрежительно роняетъ старшій братъ.—Сѣчь васъ надо, а не съ ружьями...

— Либералъ! — презрительно оттопыриваетъ нижнюю губу Хозе-Марія и садится за столъ съ демонстративнымъ видомъ. Отецъ въ дѣла сыновей не вмѣшивается, хотя душой онъ на сторонѣ своего „Веніамина“.

— Скоро возстаніе? — возобновляетъ разговоръ кто-нибудь изъ братьевъ-либераловъ.

— Когда васъ вѣшать начнемъ—сами увидите!—угрюмо отвѣчаетъ ему обиженный „requeté“.

— Ты и меня, значитъ, тоже повѣсишь?—не унимается тотъ.

Requeté молчитъ, но по лицу его видно, что вопросъ имъ давно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

— Почему вы считаете себя карлистомъ? — спросилъ я его однажды.

— Потому что всѣ карлисты храбрые люди, а либералы—трусы и дрянь! — не задумываясь, отвѣтилъ мнѣ онъ. И, помолчавъ немного, добавилъ:—Когда наши въ послѣднюю войну разстрѣливали взятыхъ въ плѣнъ либераловъ, тѣ ползали на колѣняхъ и просили пощады. А наши пощады ни у кого не просятъ и никому ея не даютъ!..

Въ такихъ принципахъ воспитывается подростающее карлистское поколѣніе.

Но за исключеніемъ requeté, которыхъ главнымъ образомъ увлекаетъ романтическая сторона карлизма: прогулки въ горы, стрѣльба, непрерывная конспирація и т. д.—городскіе карлисты уступаютъ деревенскимъ какъ въ искренности, такъ и въ готовности „встать грудью“ за правое дѣло.

Каждую весну въ бискайскихъ и арагонскихъ деревняхъ фанатическіе попы проповѣдуютъ открыто съ церковныхъ каѳедръ поголовное истребленіе либераловъ. Каждую весну „вѣрные“ чистятъ ружья, запасаются патронами и терпѣливо ждутъ.

„Истомилось наше сердце отъ ожиданія!“—говорится въ одномъ популярномъ карлистскомъ стихотвореніи, гдѣ вѣрноподданный мужикъ съ тоской простираетъ свои руки къ дону Хаиме, нынѣшнему претенденту, упорно не желающему возвращаться на престолъ своихъ предковъ,—„а ты все не ѣдешь, о избавитель Испаніи! Когда же явишься ты, наконецъ, и встанешь во главѣ своихъ доблестныхъ арагонцевъ, храбрыхъ басковъ и искони вѣрныхъ твоему дому каталонцевъ? Поля засыхаютъ, работы нѣтъ, народъ твой голодаетъ подъ управленіемъ измѣнниковъ-либераловъ. Они обкрадываютъ его, сидя въ Мадридѣ, и, набивая себѣ карманы, смѣются надъ нимъ... Ты одинъ, о донъ Хаиме—наша надежда! Къ тебѣ обращены наши взоры. Зачѣмъ же ты медлишь? Мы готовы“...

Это стихотвореніе и много другихъ въ такомъ же родѣ тысячами печатаются на маленькихъ листочкахъ и потомъ распространяются у выхода изъ церквей по всей Испаніи. Но „баринъ, который пріѣдетъ и все разсудитъ“, повидимому и не собирается торопиться. Наивныя надежды темной деревенской бѣдноты, обманутой невѣжественными фанатиками-попами, остаются тщетными. Но по привычкѣ и въ силу традицій въ глухихъ мѣстахъ сѣверной Испаніи продолжаютъ „быть готовыми“ каждую весну, чтобы выступить по первому же сигналу.

А между тѣмъ городскіе карлисты давно уже поняли, что дѣло ихъ проиграно почти навѣрняка и что только какое-нибудь невѣроятное стеченіе обстоятельствъ позволитъ имъ надѣяться на дѣйствительное возвращеніе „законнаго короля“. Самъ донъ Карлосъ по-

нялъ это прежде всѣхъ и до самой своей смерти негласно, но аккуратно получалъ небольшую субсидію отъ „правительства узурпаторовъ", чтобы смирно сидѣть у себя въ Венеціи и ни во что не мѣшаться. Справедливость требуетъ добавить, что нынѣшній претендентъ, донъ Хаиме, отъ этой пенсіи отказался.

Отказавшись отъ завѣтной мечты съ оружіемъ въ рукахъ повернуть назадъ колесо исторіи, карлисты большихъ городовъ приняли въ настоящій моментъ тактику выжиданія. Прошлымъ лѣтомъ, когда „поруганная Каналехасомъ" церковь вопіяла о защитѣ, очень искренніе традиціоналисты вполнѣ серьезно готовились уйти въ горы и начать оттуда партизанскую войну. Но ихъ воинственный пылъ былъ очень скоро охлажденъ суровымъ циркуляромъ, появившимся одновременно въ мадридской и барселонской карлистской прессѣ. Въ циркулярѣ, за подписью герцога Сольферино, оффиціальнаго представителя дона Хаиме въ Испаніи, говорилось: „въ виду упорныхъ слуховъ о якобы готовящемся возстаніи симъ объявляется, что тѣ, которые уйдутъ въ горы безъ разрѣшенія надлежащихъ авторитетовъ, будутъ изгнаны изъ партіи навсегда. Моментъ еще не назрѣлъ" и т. д.

А въ то же время въ кортесахъ одинъ изъ карлистскихъ депутатовъ набросалъ такую картину дальнѣйшей дѣятельности партіи:

— Вы хотите отнять у церкви ея послѣднее вліяніе въ странѣ?— заявилъ онъ, обращаясь къ правительству Каналехаса.—Хорошо. Дѣло ваше! Но вы только забываете, сеньоры, что, вступая на этотъ скользкій путь, вы рискуете сломать себѣ шею. Ворота для революціи отворены вашими поблажками такъ называемому „духу времени". Чѣмъ больше вы станете давать, тѣмъ больше станутъ съ васъ требовать, и очень скоро вы уже не сможете удовлетворить разыгравшіеся аппетиты. И когда вы не выполните вашихъ обѣщаній—гидра революціи высоко подниметъ свои головы. Ваши нынѣшніе сторонники разбѣгутся, и вы останетесь съ глазу на глазъ съ этимъ страшнымъ чудовищемъ мятежа и возмущенія. Но въ тотъ моментъ поднимемся также и мы, до сихъ поръ только внимательные зрители разыгрываемой вами комедіи. Нашъ карлистскій волонтеръ грозно крикнетъ: стой! разнузданной вашей слабостью революціи и убьетъ готовящуюся погубить Испанію многоглавую гидру. И тогда, сеньоры депутаты, вы всѣ должны будете считаться съ нашей волей, которая есть воля испанскаго народа!—

Такимъ образомъ городскіе карлисты, изъ воиновъ превратившіеся въ дипломатовъ, собираются ждать учрежденія въ Испаніи республики, чтобы тогда выступить активно. И, пожалуй, въ этомъ рѣшеніи они обнаруживаютъ большую политическую дальновидность. Не имѣя достаточно силъ для вооруженной борьбы съ мадридскимъ правитель-

ствомъ, они предпочитаютъ, чтобы его свергнула неизбѣжно надвигающаяся на Испанію революція. А когда на развалинахъ стараго монархическаго строя учредится молодая республика, карлисты кликнутъ кличъ—и къ нимъ толпами повалятъ элементы „порядка и тишины", которые цѣной возвращенія дона Хаиме на прародительскій престолъ охотно купятъ себѣ возстановленіе разрушеннаго режима. Если при этомъ и будутъ потеряны кое-какія конституціонныя гарантіи — такъ что за бѣда? И безъ конституціи жить можно — за то всякія революціонныя поползновенія будутъ раздавлены надолго.

Конечно, только будущее покажетъ, насколько справедливы всѣ эти разсчеты партіи традиціоналистовъ. Но пока что — приходится констатировать ихъ систематическое уклоненіе отъ активнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла страны, даже во время самыхъ острыхъ кризисовъ борьбы либеральнаго правительства съ клерикализмомъ.

Въ организаціонномъ отношеніи карлистская партія дѣлится на нѣсколько частей, по числу испанскихъ провинцій. Каждой частью завѣдуетъ особый представитель претендента, получающій инструкціи непосредственно отъ него самого. У карлистовъ имѣется почти въ каждомъ мало-мальски значительномъ городѣ или мѣстечкѣ Испаніи своя собственная пресса. На изданіе газетъ и агитаціонныхъ брошюръ тратятся огромныя деньги. Изъ газетъ наиболѣе интересны „Correo Catalan", издающійся въ Барселонѣ, и мадридскій „Correo Español". Послѣдній составляетъ личную собственность дона Хаиме и быть-можетъ именно потому болѣе умѣренъ въ своихъ нападкахъ на правительство, чѣмъ его каталанскій коллега. „Correo Catalan" чуть не ежедневно конфискуется по требованію прокуратуры за статьи, часто напоминающія по формѣ и по содержанію безсвязный бредъ обезумѣвшаго отъ ярости человѣка.

Агитаціонныя брошюры, большая часть которыхъ издается опять-таки въ Барселонѣ, отличаются крайней нетерпимостью и извращеніемъ фактовъ дѣйствительной жизни. Либералы и ихъ прогрессивныя начинанія рисуются здѣсь самыми мрачными красками, а для карлистовъ нѣтъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ свѣтлыхъ для настоящаго времени и розоваго для недалекаго будущаго. Брошюрки съ портретомъ дона Хаиме и его біографіей открыто продаются во всѣхъ карлистскихъ книжныхъ магазинахъ Испаніи. Изображается претендентъ непремѣнно въ русскомъ гусарскомъ мундирѣ (донъ Хаиме—бывшій полковникъ русской службы), съ браво закрученными черными усами и побѣдоноснымъ видомъ. Дальше слѣдуютъ перечисленія его добродѣтелей, какъ солдата, политическаго дѣятеля, испанскаго патріота, финансиста и т. д. Единственное, судя по брошюркамъ, чего недостаетъ сейчасъ дону

Хаиме для того, чтобы быть „настоящимъ кабальеро прежнихъ временъ"—это корона его предковъ.

У карлистовъ есть также собственные депутаты въ кортесахъ. Ихъ очень мало: всего шесть человѣкъ. Наиболѣе извѣстенъ изъ нихъ донъ Далмаціо Иглезіасъ, сѣдой, лысый и истерическій господинъ, каждое выступленіе котораго обыкновенно вызываетъ гомерическій хохотъ среди прочихъ депутатовъ. Донъ Далмаціо постоянно грозится сенсаціонными разоблаченіями насчетъ того, какъ Канале-хасъ и либералы продали Испанію „жидамъ и итальянскимъ масонамъ" — но покамѣсть еще ничего не разоблачилъ. Затѣмъ, идутъ донъ Баскецъ Мелья, замѣчательный ораторъ, но выступающій почему-то очень рѣдко, и сеньоръ Льорансъ, умный, тонкій и безпринципный политикъ, котораго въ Испаніи считаютъ правой рукой претендента.

Сами карлистскіе депутаты смотрятъ на себя скорѣе съ юмористической точки зрѣнія и не придаютъ своимъ мандатамъ особеннаго значенія. „Мы—партія боевая: наше дѣло съ ружьями на плечахъ пойти въ горы, а не заниматься празднымъ краснобайствомъ—заявляютъ они;—мы пришли сюда только для того, чтобы лишній разъ быть бѣльмомъ въ глазу у правительства. Въ парламентскую работу мы не вѣримъ..."

Во всѣхъ почти большихъ городахъ Испаніи организованы карлистскіе клубы — „circulos". Въ Барселонѣ ихъ даже нѣсколько, въ Валенсіи и Сарагоссѣ—также. Въ „circulo" принимается всякій, заявляющій себя традиціоналистомъ. Но главнымъ образомъ туда записываются подростки-рабочіе, привлекаемые возможностью безнаказанно хулиганить. У членовъ „circulos" очень часто происходятъ уличныя столкновенія съ республиканцами, при чемъ въ ходъ пускаются дубины и кастеты. Полиція является на мѣста происшествія съ большимъ опозданіемъ; аресты и традиціонный „разгонъ" производятся почему-то главнымъ образомъ по отношенію къ республиканцамъ.

Въ „circulos" читаются рефераты дѣятелями карлистской партіи, имѣются библіотеки и читальни съ спеціально подобранной періодической печатью и литературой. Члены клубовъ—„socios"—ходятъ на улицѣ въ „боинахъ" (особаго рода темныхъ или голубыхъ беретахъ). Въ торжественныхъ случаяхъ, въ родѣ дня рожденія претендента, большого церковнаго праздника и т. д., надѣвается „боина" ярко-краснаго цвѣта, называемая „боевой", потому что такія боины носили, во время гражданскихъ войнъ, прежніе карлисты.

...Изъ темной и мрачной передней меня провели въ не менѣе мрачную гостиную, тѣсно заставленную массивной мебелью.

— Senor conde черезъ минуту!..— безшумно исчезая, сообщилъ мнѣ

бритый старикъ-лакей съ физіономіей римскаго сенатора. Но почти въ то же мгновенье изъ-за сосѣдней портьеры появился самъ хозяинъ.

Графъ С.—извѣстный въ Мадридѣ археологъ и въ то же время археологическая рѣдкость, какъ типъ городского карлиста, не эволюціонировавшаго въ сторону беззастѣнчивой дипломатіи, подобно другимъ своимъ собратьямъ. Обыкновенно городскіе карлисты, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать въ Барселонѣ, пытались доказать, что европейское мнѣніе глубоко ошибается на ихъ счетъ, считая ихъ за крайнихъ реакціонеровъ. „Мы хотимъ только возвращенія нашего законнаго короля—объясняли мнѣ они—и ничего больше! У насъ даже въ мысляхъ нѣтъ посягать на конституцію. Наоборотъ—если хотите, мы во всѣхъ смыслахъ больше либералы, чѣмъ всѣ эти господа, засѣдающіе въ Мадридѣ". Графъ С. хотя и живетъ постоянно въ столицѣ, но природная прямота характера позволила ему остаться карлистомъ „деревенскимъ".

Разговоръ нашъ начался съ взаимныхъ воспоминаній о Толедо. Графъ С. очень часто ѣздитъ туда для своихъ археологическихъ изысканій и проводитъ тамъ цѣлыя недѣли въ дорогой для него романтической обстановкѣ феодальнаго прошлаго.

— Сердце старой Испаніи!—со вздохомъ произноситъ онъ.—Тогда наша страна была еще могущественной и необъятной. Солнце не заходило въ ея владѣніяхъ—а теперь...

И понемногу воодушевившись, мой собесѣдникъ переходитъ къ указанію причинъ ея современнаго упадка и разложенія.

— Во всемъ виноватъ этотъ проклятый, такъ называемый „духъ времени"!—съ горячностью восклицаетъ онъ.—Благодаря ему Испанія уклонилась со своего прежняго, единственно правильнаго пути... Раньше наши короли не только назывались „католическими", но и дѣйствительно были ими. И Богъ помогалъ Испаніи во всѣхъ ея начинаніяхъ. Теперь же вѣрить въ Бога считается неприличнымъ, нравственной узды больше нѣтъ, семья распадается, традиціи гибнутъ... Скоро настанетъ время, когда мы окончательно одичаемъ и начнемъ бѣгать на четверенкахъ. Тогда придутъ французы и насъ проглотятъ...

Затѣмъ онъ разсказываетъ мнѣ, чему теперь учатъ дѣтей въ Испаніи, въ такъ называемой свѣтской школѣ:

— Бей, грабь и жги!.. Вотъ три основныхъ правила ихъ новѣйшаго „усовершенствованнаго" катехизиса. И не мудрено: люди, ограбившіе церковь, отнявшіе у нея ея земли еще въ 1838-мъ году, при министрѣ Мендизабалѣ, не могутъ внушить другимъ уваженіе къ чужой собственности, еслибы даже этого и хотѣли! Потому изъ ны-

нѣшнихъ свѣтскихъ школъ пополняются кадры убійцъ, воровъ и анархистовъ. Всѣ политическія покушенія послѣдняго времени были дѣломъ рукъ питомцевъ свѣтской школы. А наряду съ этимъ наши монахи и монахини, безкорыстно, по влеченію занимающіеся педагогической дѣятельностью, терпятъ всяческія гоненія. Духовенство преслѣдуютъ, потому что оно пытается образумить заблудшихся, остановить всеобщее одичаніе нравовъ...

— Но почему же такъ?—спрашиваю я:—откуда эти новыя вѣянія въ испанской жизни, которыя, по вашему мнѣнію, такъ гибельно на ней отразились?

Графъ С. смотритъ на меня нѣсколько секундъ своими выцвѣтшими, старческими глазами.

— Откуда?—послѣ паузы медленно произноситъ онъ.—Изъ Франціи, разумѣется; отъ этой милой сосѣдки, которая всегда завидовала нашей славѣ!

И онъ объясняетъ мнѣ, что причиной современнаго кризиса страны являются исключительно французы. Они пришли съ Наполеономъ завоевывать Испанію, но, отброшенные назадъ, лишній разъ убѣдились въ ея несокрушимой мощи. Тогда они перемѣнили тактику: вмѣсто силы стали дѣйствовать хитростью. Цѣлая туча разрушительныхъ французскихъ идей поползла на Испанію черезъ Пиренеи. Эти идеи, къ сожалѣнію, привились, выросли и дали теперь тотъ ядовитый плодъ, которымъ, быть-можетъ, уже безнадежно отравленъ организмъ испанскаго народа!

— Я пессимистически смотрю на будущее...—говорилъ мнѣ старый карлистъ, провожая меня до дверей.—Въ нашей партіи тоже наблюдаются тревожные симптомы. Дисциплина падаетъ, прежняго воодушевленія нѣтъ. А безъ вѣры, безъ готовности жертвовать собой...

И онъ печально покачалъ своей сѣдой головой, не докончивъ фразы.

Когда я вышелъ отъ этого обломка невозвратнаго прошлаго, было уже совсѣмъ темно. Безлюдная улица аристократическаго квартала пустынно исчезала въ сумракѣ надвигающейся ночи. Позади чернѣли окна только-что оставленнаго мной угрюмаго палаццо.

И невольно стало жаль одинокаго старика, который угасаетъ въ немъ вмѣстѣ со своими надеждами—и въ то же время было радостно сознавать, что надежды эти никогда не осуществятся!

А. Деренталь.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Новый конфликтъ на Дальнемъ Востокѣ.—Русская дипломатическая нота и ея странныя особенности.—Китайскій отвѣтъ и возстановленіе миролюбія.—Отзывы заграничной печати.—Англійскія дѣла.—Процессъ короля о клеветѣ.—Смерть и похороны Зингера.

Русская дипломатія продолжаетъ удивлять Европу своими неожиданными энергическими выступленіями по разнымъ вопросамъ азіатской политики. Не успѣли прекратиться толки, возбужденные секретными русско-германскими переговорами о персидскихъ и мало-азіатскихъ дѣлахъ, какъ вдругъ появились на горизонтѣ симптомы опаснаго столкновенія между Россіею и Китаемъ. Русское правительство нашло своевременнымъ принять угрожающій тонъ относительно Китая по поводу такихъ разногласій, которыя въ сущности касались весьма второстепенныхъ для насъ интересовъ и даже оставались совершенно неизвѣстными широкимъ кругамъ русскаго общества. Дѣло шло о возобновленіи торговаго договора, срокъ котораго кончается въ августѣ настоящаго года. Первоначальный трактатъ 1881-го года, заключенный на десять лѣтъ, былъ уже дважды оставленъ въ силѣ на дальнѣйшіе сроки — въ 1891-мъ и 1901-мъ годахъ; но на этотъ разъ китайскія власти предполагали внести въ него нѣкоторыя измѣненія и пытались провести принципъ равноправности въ обоюдныхъ договорныхъ отношеніяхъ. Такъ какъ Китайская имперія не располагаетъ въ данный моментъ значительными вооруженными силами, то ея притязаніе на равноправность съ Россіею показалось неумѣстнымъ и даже дерзкимъ, что̀ и выразилось въ русской дипломатической нотѣ, переданной китайскому правительству нашимъ посланникомъ въ Пекинѣ, въ началѣ февраля. Приводимъ текстъ этой замѣчательной ноты.

„Переговоры, происходившіе за послѣднее время, убѣдили Императорское правительство въ нежеланіи китайскаго правительства считаться съ постановленіями торговаго договора 1881-го года; одни изъ этихъ постановленій игнорировались китайскимъ правительствомъ и его мѣстными агентами, другія истолковывались въ смыслѣ, не отвѣчающемъ ни духу, ни буквѣ этого договора. Императорское правительство пришло къ заключенію, что продолженіе издавна существующихъ дружескихъ связей между Россіей и Китаемъ невозможно при такомъ отношеніи китайскаго правительства къ договору 1881-го года, и, озабоченное поддержаніемъ и укрѣпленіемъ этихъ связей, считаетъ

необходимымъ нынѣ же заявить о вышесказанномъ и просить китайское правительство безотлагательно подтвердить свое согласіе соблюдать слѣдующіе пункты, изложенные въ строгомъ соотвѣтствіи съ постановленіями трактата 1881-го года и съ положенными въ основаніе договорныхъ русско-китайскихъ отношеній принципами:

1) Ни договоръ 1881-го года, ни какіе-либо иные международные акты не ограничиваютъ права Россійскаго правительства устанавливать самостоятельно ввозные и вывозные тарифы по границѣ съ Китаемъ, исключая 50-ти-верстной полосы вдоль этой границы; въ предѣлахъ же полосы сказанной ширины, по ту и другую сторону всей сухопутной границы между Россіей и Китаемъ, взаимно установленъ безпошлинный ввозъ и вывозъ произведеній почвы и промышленности всей территоріи другой договорившейся стороны.

2) Русскіе подданные на всей территоріи Китайской имперіи пользуются правами административно-судебной внѣземельности, и потому въ административномъ и судебномъ отношеніи подлежатъ исключительно юрисдикціи россійскихъ властей. Сообразно этому, всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ тяжущимися сторонами являются русскіе и китайскіе подданные, разбираются смѣшанными судами изъ русскихъ и китайскихъ судей.

3) Въ Монголіи и областяхъ Застѣннаго Китая, лежащихъ по обѣ стороны Тяньшанскаго хребта, русскіе подданные имѣютъ права свободнаго передвиженія, проживанія и безпошлинной торговли товарами всякаго происхожденія, безъ обложенія ея въ явномъ или скрытомъ видѣ и безъ стѣсненія ея монополіею или иными запретительными мѣрами.

4) Кромѣ уже имѣющихся консуловъ, Россійское правительство имѣетъ право назначить своихъ консуловъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ. Хотя осуществленіе этого права зависитъ отъ соглашенія съ китайскимъ правительствомъ, но возникновеніе ряда тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими торговцами въ округахъ названныхъ городовъ должно служить достаточнымъ доказательствомъ невозможности откладывать осуществленіе этого права.

5) Россійскіе консулы должны быть признаваемы въ своемъ оффиціальномъ качествѣ въ предѣлахъ своего консульскаго округа китайскими властями, которыя не могутъ отказаться отъ совмѣстнаго съ ними разбора тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими подданными.

6) Въ городахъ Монголіи и Застѣннаго Китая, гдѣ Россійское правительство имѣетъ право учредить свои консульства, т.-е. въ Кульджѣ, Чугучакѣ, Ургѣ, Улясутаѣ, Кашгарѣ, Урумчи, Кобдо, Хами

и Гученѣ, а также въ Калганѣ, русскіе подданные могутъ пріобрѣтать землю и возводить на ней постройки.

Императорское правительство считаетъ долгомъ предупредить китайское правительство, что оно будетъ разсматривать отказъ подтвердить переименованныя въ вышеизложенныхъ шести пунктахъ или хотя бы въ одномъ изъ нихъ обязательства, какъ доказательство нежеланія поддерживать съ Россіей добрососѣдскія, основанныя на договорахъ отношенія. Въ такомъ случаѣ Императорское правительство предоставитъ себѣ свободу принять для возстановленія попираемыхъ Китаемъ договорныхъ правъ Россійскаго правительства и русскихъ подданныхъ тѣ мѣры, которыя оно признаетъ для сего нужными".

Большинство обыкновенныхъ смертныхъ прежде всего остановится съ недоумѣніемъ надъ вступительными строками этого грознаго дипломатическаго документа. Китайское правительство обвиняется въ нежеланіи сохранить силу постановленій того именно торговаго трактата, о пересмотрѣ котораго велись въ послѣднее время переговоры въ Пекинѣ. Въ то же время китайскимъ властямъ ставится въ вину игнорированіе или неправильное толкованіе отдѣльныхъ статей указаннаго договора, при чемъ, очевидно, имѣются въ виду возраженія китайцевъ противъ отдѣльныхъ русскихъ нововведеній и требованій, не предусмотрѣнныхъ трактатомъ 1881-го года. Но текстъ этого трактата подлежалъ теперь пересмотру и служилъ предметомъ переговоровъ; слѣдовательно, китайское правительство имѣло безспорное право желать, чтобы тѣ или другіе параграфы договора были измѣнены согласно измѣнившимся условіямъ и потребностямъ китайской жизни. Еслибы нельзя было отступить отъ стараго трактата при переговорахъ о возобновленіи его, то зачѣмъ понадобились бы самые эти переговоры? Не странно ли утверждать, что трактатъ 1881-го года, заключенный лишь на десять лѣтъ и затѣмъ періодически возобновляемый, долженъ оставаться неприкосновеннымъ и обязательнымъ на вѣчныя времена помимо воли и согласія одной изъ участвующихъ въ немъ сторонъ? Между тѣмъ русская дипломатія прямо заявляетъ, что Китай обязанъ и впредь безпрекословно сохранять силу договора 1881-го года въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ претензій на какое-либо измѣненіе его текста. Какъ понять это требованіе нашей дипломатіи? Почему и когда Китай потерялъ право самостоятельнаго голоса при возобновленіи и пересмотрѣ своихъ международныхъ договоровъ? Мы не видимъ абсолютно никакихъ логическихъ основаній къ тому, чтобы Китайская имперія исключалась изъ числа независимыхъ державъ во имя „добрососѣдскихъ отношеній" и „издавна существующихъ дружескихъ связей" съ Россіею. Казалось бы, напротивъ, что

добрососѣдскія отношенія и дружескія связи совершенно несовмѣстимы съ такимъ порядкомъ вещей, при которомъ одно государство предписываетъ другому „безотлагательно подтвердить свое согласіе“ на извѣстныя требованія, подъ угрозою принятія крутыхъ мѣръ въ случаѣ отказа.

Въ нотѣ употреблены, притомъ, явно неопредѣленныя выраженія, дѣлающія неяснымъ самый предметъ спора. Идетъ ли рѣчь объ обязанности Китая соблюдать постановленія существующихъ договоровъ, или же объ отнятіи у китайскаго правительства права измѣнять что-либо въ этихъ договорахъ по истеченіи ихъ срока, при обсужденіи вопроса о пересмотрѣ ихъ? Еслибы говорилось о соблюденіи договоровъ въ первомъ смыслѣ, то можно было бы еще понять раздраженіе нашей дипломатіи и ея рѣшимость придать своему заявленію характеръ категорическаго требованія или ультиматума. Въ самомъ дѣлѣ, относительно государства, не выполняющаго своихъ договорныхъ обязательствъ, приходится иногда поневолѣ прибѣгать къ угрозамъ, — особенно когда это государство принадлежитъ къ числу слабыхъ и отсталыхъ въ военно-культурномъ отношеніи. Но съ какой точки зрѣнія можетъ подниматься вопросъ о точномъ соблюденіи трактата 1881-го года въ настоящее время, при переговорахъ объ его возобновленіи? Вѣдь договоръ существуетъ тридцать лѣтъ и остается въ силѣ лишь до августа текущаго года; было бы, поэтому, слишкомъ поздно хлопотать о добросовѣстномъ его примѣненіи. Въ нашей дипломатической нотѣ именно и подчеркивается предполагаемое „нежеланіе китайскаго правительства считаться съ постановленіями договора 1881-го года“ при переговорахъ, „происходившихъ за послѣднее время“, т.-е. нежеланіе сохранить эти постановленія въ будущемъ, — чѣмъ и мотивируется предъявленное Китаю требованіе безотлагательно подтвердить спорные пункты въ томъ видѣ, какъ ихъ формулировало русское министерство иностранныхъ дѣлъ. Другими словами, наша дипломатія откровенно выставляетъ принципъ, что обоюдное добровольное согласіе не требуется при заключеніи договоровъ съ китайскимъ правительствомъ и что можно всегда добиваться вынужденнаго согласія при помощи угрозъ, которымъ Китай не рѣшится оказать отпоръ. Въ международныхъ отношеніяхъ вообще не принято руководствоваться какими-либо нравственными правилами. Однако, отступая отъ предписаній морали относительно болѣе слабаго сосѣда, не слѣдуетъ ссылаться на заботу о сохраненіи добрососѣдскихъ отношеній и издавна существующихъ дружескихъ связей. Это значитъ вносить въ политику элементъ глубокой національной обиды, которая рано или поздно выступитъ наружу въ самыхъ неожиданныхъ формахъ.

Имѣли ли наши дипломаты какой-либо разсчетъ нанести эту глу-

бокую національную обиду Китаю? Китайскій народъ несомнѣнно обладаетъ патріотическими чувствами, которыя прежде всего выражаются въ непримиримой враждѣ къ иностранцамъ; и если онъ когда-то дѣлалъ еще исключеніе для русскихъ и относился къ нимъ болѣе благодушно, то эти отношенія измѣнились кореннымъ образомъ за послѣднее десятилѣтіе. Китай не имѣетъ еще хорошо устроенной и внушительной арміи, но со временемъ онъ можетъ выставить такую массу вооруженныхъ силъ, которая превзойдетъ соединенныя арміи всѣхъ европейскихъ державъ. Дальновидная политика имѣла бы въ виду это возможное будущее и щадила бы національныя чувства Китая; но дипломатія, привыкшая подчиняться только соображеніямъ даннаго момента, поступаетъ иначе—она жертвуетъ будущимъ ради временнаго и непрочнаго успѣха въ настоящемъ. Китайскіе правители и патріоты заволновались, пробовали возражать во имя элементарной справедливости, но, убѣдившись въ безполезности открытыхъ протестовъ, привели въ ясность слабую численность своихъ войскъ и рѣшились отвѣтить на грозную русскую ноту въ самомъ невинномъ, вѣжливомъ и дружескомъ тонѣ.

Въ своемъ отвѣтѣ, переданномъ русскому посланнику въ Пекинѣ 7-го февраля, главноуправляющій китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, князь Цинъ, разбираетъ русскія требованія по пунктамъ и доказываетъ неосновательность общихъ выводовъ и предположеній, побудившихъ нашу дипломатію прибѣгнуть къ угрозамъ. Текстъ этого отвѣта заключается въ слѣдующемъ:

„1. Въ предѣлахъ 50-ти-верстной полосы по ту и другую стороны границы обоихъ государствъ взаимно установленъ безпошлинный ввозъ произведеній всей территоріи другой договорившейся стороны. Постановленіе это согласно договорамъ соблюдалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Что же касается до заявленія объ ограниченіи правъ Россійскаго правительства самостоятельно устанавливать тарифы по границѣ съ Китаемъ, исключая 50-ти-верстной полосы, то — говоритъ князь Цинъ—я не могу уяснить себѣ, на что именно указывалось этимъ заявленіемъ, и позволяю себѣ думать, что дѣло касается сообщенія ввѣреннаго мнѣ министерства отъ 22 декабря 1909 года, въ которомъ я, на основаніи петиціи китайскихъ купцовъ, ходатайствовалъ передъ Россійскимъ правительствомъ о томъ, чтобы оно приняло во вниманіе торговые интересы и отсрочило взиманіе пошлинъ въ знакъ дружественныхъ отношеній. Ходатайство это было удовлетворено Россійскимъ правительствомъ и не должно быть ошибочно толкуемо въ смыслѣ ограниченія правъ.

2. Порядокъ разбора смѣшанныхъ дѣлъ между китайскими и россійскими подданными установленъ статьей 11-ой договора 1881 года

и примѣнялся въ теченіе многихъ лѣтъ, при чемъ ввѣренное мнѣ министерство никогда не протестовало противъ этого.

3. Согласно статьѣ 12-ой договора, россійскіе подданные имѣютъ временное право безпошлинной торговли, какъ во всѣхъ пунктахъ Монголіи, такъ и въ Или, Тарбагатаѣ, Кашгарѣ, Урумци, и вообще въ областяхъ Застѣннаго Китая, лежащихъ по обѣ стороны Тяньшанскаго хребта. Право это будетъ отмѣнено, когда съ развитіемъ торговли возникнетъ необходимость установить таможенный тарифъ, о чемъ оба правительства войдутъ въ соглашеніе. Постановленія договора о томъ, что россійскіе подданные получаютъ во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ Китая право ввоза и вывоза для торговли, изложенное въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, Китаемъ всегда строго соблюдались.

4. Статья 10-ая договора предусматриваетъ учрежденіе россійскихъ консульствъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ по мѣрѣ развитія торговли и по соглашенію съ китайскимъ правительствомъ. Внимательное изученіе современныхъ условій названныхъ пунктовъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ развитіи въ нихъ торговли, и китайское правительство охотно выражаетъ свое согласіе на назначеніе въ означенные три пункта россійскихъ консуловъ, при условіи, однако, соблюденія постановленій статьи 12-ой относительно развитія торговли, т.-е. введенія таможеннаго тарифа.

5. Согласно статьѣ 11-ой договора 1881 года, порядокъ, который долженъ соблюдаться при свиданіяхъ и вообще сношеніяхъ китайскихъ мѣстныхъ властей съ россійскими консулами, имѣетъ быть основанъ на вниманіи, которое обязаны оказывать другъ другу должностныя лица дружественныхъ державъ. Въ виду выраженнаго желанія о признаніи россійскихъ консуловъ въ ихъ оффиціальномъ качествѣ, я не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы, на основаніи существующихъ общихъ положеній, былъ взаимно выработанъ порядокъ сношеній между ними. Совмѣстный разборъ русскими и китайскими властями тяжебныхъ дѣлъ имѣетъ производиться всецѣло на основаніи постановленій 11-ой статьи договора 1881 г., и мѣстнымъ властямъ вновь преподаны будутъ указанія о необходимости обратить особое вниманіе на этотъ пунктъ.

6. Россійское правительство имѣетъ право руководствоваться постановленіями 13-ой статьи договора въ отношеніи какъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ имѣютъ быть учреждены консульства, такъ и Калгана.

Китайское правительство никогда не возражало противъ привилегій, предоставленныхъ Россіи договорными постановленіями и изложенныхъ въ приведенныхъ выше шести пунктахъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда мѣстныя китайскія власти не могли столковаться съ русскими

представителями, ввѣренное мнѣ министерство всегда предписывало справедливый образъ дѣйствій и никогда не позволяло себѣ игнорированія договорныхъ постановленій. Если же вслѣдствіе разнорѣчивости донесеній мѣстныхъ агентовъ и происходили взаимныя пререканія, то явленіе это принадлежитъ къ числу обычныхъ въ международной практикѣ, и не можетъ быть разсматриваемо „какъ толкованіе въ смыслѣ, не отвѣчающемъ духу договора". Подобнаго рода вопросы могутъ быть вполнѣ улажены путемъ искреннихъ взаимныхъ переговоровъ и своевременнаго разрѣшенія въ духѣ справедливости. Мнѣ совершенно непонятны ваши указанія на то, будто бы китайское правительство не желаетъ поддерживать съ Россіей добрососѣдскихъ, основанныхъ на договорахъ отношеній. Заявленіе же о томъ, что Россія предоставляетъ себѣ свободу избрать всѣ доступныя мѣры, далеко не соотвѣтствуетъ идеѣ о дружбѣ между двумя государствами, и мнѣ крайне прискорбно, что Россійское правительство совершенно неожиданно усвоило себѣ подобную точку зрѣнія.

Доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, считаю долгомъ своимъ убѣдительно просить завѣрить Россійское правительство о томъ, что правительство Китая постоянно поддерживало принципъ договорныхъ постановленій и выражаетъ свою готовность разрѣшать всѣ вопросы въ полномъ соотвѣтствіи съ трактатами и въ миролюбивомъ духѣ, дабы охранить взаимныя выгоды и поддержать издавна существующія дружественныя отношенія обѣихъ державъ".

Изъ этого отвѣта можно видѣть, что китайское правительство вполнѣ воспользовалось неясностью изложенія русской ноты и ограничилось указаніемъ на добросовѣстное соблюденіе различныхъ статей договора 1881-го года въ прошломъ, ничѣмъ не связывая себя относительно будущаго. Китай соглашается на тѣ уступки, которыя не имѣютъ для него большого значенія; онъ даетъ согласіе на назначеніе русскихъ консуловъ въ извѣстныхъ пунктахъ и на предоставленіе имъ участія въ разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайцами, но искусно обходитъ или отклоняетъ существенныя требованія Россіи относительно свободы передвиженія, проживанія и безпошлинной торговли въ Монголіи и областяхъ Застѣннаго Китая, лежащихъ по обѣ стороны Тяньшанскаго хребта. Русское правительство настаиваетъ на подтвержденіи права свободной, безпошлинной торговли для русскихъ подданныхъ въ этихъ областяхъ, а китайскій отвѣтъ подчеркиваетъ временный характеръ этого права по договору 1881 г., предупреждая, что оно будетъ отмѣнено при установленіи таможеннаго тарифа и напоминая, что до сихъ поръ оно всегда строго соблюдалось. Всѣ пункты русской ноты, изложенные въ общихъ выра-

женіяхъ и несомнѣнно касающіеся желательныхъ льготъ и привилегій въ будущемъ, сведены къ простому признанію того, что данныя постановленія существовали и примѣнялись въ свое время въ силу трактата 1881-го года. Въ заключительныхъ соображеніяхъ китайскаго отвѣта замѣчается нѣсколько уколовъ по адресу русскаго правительства, которое говоритъ о поддержаніи добрососѣдскихъ дружескихъ отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаетъ эту дружбу выраженіемъ своей готовности принять разныя непріятныя мѣры противъ Китая. Съ своей стороны китайское правительство обѣщаетъ всегда дѣйствовать въ духѣ миролюбія и справедливости, соблюдая интересы взаимнаго согласія въ соотвѣтствіи съ существующими договорными постановленіями.

Такимъ образомъ рѣшительный шагъ, предпринятый русскою дипломатіею, не только не привелъ къ желаннымъ результатамъ, но еще сильнѣе раскрылъ противоположность интересовъ и точекъ зрѣнія Россіи и Китая. Лучше было бы, разумѣется, еслибы наше министерство иностранныхъ дѣлъ воздержалось отъ предпріимчивости, вызывающей недоумѣніе и насмѣшки въ иностранной печати; но дѣло сдѣлано, и надо было поневолѣ ликвидировать возникшій конфликтъ безъ ущерба для общаго мира. О томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ мы вступили въ кровавое столкновеніе съ Китаемъ ради какихъ-то торговыхъ выгодъ въ Монголіи, не могло быть серьезно и рѣчи, и намъ оставалось только признать, что ироническій китайскій отвѣтъ доставилъ намъ полное удовлетвореніе. Это и было сдѣлано нашей дипломатіею, къ общему удивленію, и весь тревожный инцидентъ объявленъ благополучно улаженнымъ, при энергическомъ содѣйствіи значительной части западно-европейской печати. Всѣ какъ будто условились утверждать, что русская дипломатія достигла надлежащаго практическаго успѣха и что Китай смиренно подчинился ея ультиматуму. Это условное заключеніе должно было открыть для Россіи приличный выходъ изъ затрудненія, созданнаго нашими оффиціальными политическими дѣятелями.

Въ первый моментъ, когда въ газетахъ появился текстъ русской ноты, она произвела въ Европѣ впечатлѣніе бомбы, способной вызвать немедленный взрывъ на Дальнемъ Востокѣ. Многіе обратили вниманіе на то обстоятельство, что возрожденіе активной русской политики относительно Китая послѣдовало вслѣдъ за потсдамскимъ свиданіемъ и что вліятельные органы нѣмецкой прессы стали усердно одобрять и поощрять воинственную инціативу Россіи. Парижскій „Temps“ заботливо отмѣчалъ странныя попытки германскихъ патріотовъ завлечь русскую дипломатію на путь новыхъ опасныхъ приключеній въ восточной Азіи. И дѣйствительно, нѣмецкія газеты

съ поразительнымъ единодушіемъ, безъ различія партій, высказывали свое сочувствіе азіатской предпріимчивости Россіи. Берлинская „National Zeitung“ находила, что „чрезвычайно искусная политика новаго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ не допустила ослабленія престижа Россіи на Дальнемъ Востокѣ“. Послѣдняя нота—говоритъ, далѣе, названная газета—„доказываетъ, что для достиженія своей цѣли Россія не остановится предъ употребленіемъ силы. Право находится въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ Россіи. Тотъ фактъ, что она удалила свои войска отъ польской границы на Западѣ, свидѣтельствуетъ, что она рѣшилась развить болѣе обширную дѣятельность на Востокѣ. Русская дипломатія отреклась отъ ошибокъ недавняго прошлаго; она съумѣла возстановить превосходныя традиціонныя отношенія, которыя она поддерживала съ континентальными великими державами, и пріобрѣла вновь свободу дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ будущее обѣщаетъ ей самую обильную жатву. Г. Сазоновъ выступаетъ представителемъ сознательной силы, подобно графу Эренталю въ Вѣнѣ и Кидерленъ-Вехтеру въ Берлинѣ. Россія не хочетъ ждать, пока Китай усилится настолько, чтобы быть въ состояніи оказать противодѣйствіе ея справедливымъ домогательствамъ“. Другая газета—„Tägliche Rundschau“—выражаетъ предположеніе, что „Россія считаетъ настоящій моментъ благопріятнымъ для подтвержденія своего могущества, столь часто оспариваемаго со времени русско-японской войны, и для возмѣщенія испытанныхъ потерь въ области своего политическаго и нравственнаго авторитета“. „Deutsche Tageszeitung“ замѣчаетъ, что „Россія обезпечила себѣ тылъ на западной границѣ и направила всю свою энергію и все свое вниманіе на Дальній Востокъ“, и что, слѣдовательно, она „расположена жить въ добромъ сосѣдствѣ съ Германіею въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ“. Даже прогрессивный „Berliner Tageblatt“ не отстаетъ отъ этого общаго поощрительнаго хора. „Русскій медвѣдь — по словамъ этой газеты — заговорилъ своимъ прежнимъ голосомъ, и отзвукъ его угрозъ разносится за предѣлы Туркестана съ такою силою, какой мы не знали со времени русско-японской войны. Эра г. Сазонова начинается энергическимъ возрожденіемъ русской политики“. Старая „Vossische Zeitung“ сочла даже возможнымъ сдѣлать общій выводъ, поучительный для Россіи и далеко не лестный для Франціи и Англіи: Россія остается безсильною, когда она ограничивается участіемъ въ тройственномъ соглашеніи, и тотчасъ пріобрѣтаетъ могучую силу, какъ только улучшаетъ свои отношенія съ Германіею. Вѣнская „Neue Freie Presse“, въ доставленной изъ Берлина статьѣ бывшаго германскаго дипломата, разъясняетъ, что „по всѣмъ имѣющимся признакамъ нельзя сомнѣваться въ рѣшимости Россіи дѣйствовать наступательно

на Дальнемъ Востокѣ: прошлогодній русско-японскій договоръ о Манчжуріи, удаленіе русскихъ войскъ съ западной границы, перемѣна въ отношеніяхъ съ двумя сосѣдними имперіями, отказъ отъ дальнѣйшей оккупаціи сѣверной части Персіи, — все это, быть можетъ, только послѣдовательные этапы того пути, цѣли котораго становятся теперь замѣтными и для широкой публики. Если недавно еще казалось, что Россія опять готова заняться западно-европейскою политикою, то теперешній ходъ событій даетъ основаніе думать, что Россійское царство вновь приступаетъ къ своимъ великимъ азіатскимъ задачамъ. Оттого русская нота пріобрѣтаетъ особенное значеніе для различныхъ европейскихъ комбинацій. Не менѣе значительно будетъ ея дѣйствіе на восточно-азіатскій міръ".

Съ разныхъ сторонъ повторяется одно и то же указаніе на вѣроятный источникъ новѣйшаго азіатскаго поворота нашей внѣшней политики. Приведенные отзывы наиболѣе авторитетныхъ органовъ нѣмецкой журналистики вполнѣ, повидимому, подтверждаютъ догадку, высказанную руководящими французскими и англійскими газетами. И въ этомъ случаѣ опять-таки обнаружился удивительный фактъ, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ приняло свое весьма серьезное рѣшеніе относительно Китая, не предупредивъ ни союзную Францію, ни Англію. Этимъ только и можно объяснить тревогу, вызванную въ Лондонѣ и Парижѣ угрожающимъ тономъ русской ноты. „Times" дипломатично отмѣчаетъ возможныя опасности сдѣланнаго шага и выражаетъ увѣренность, что Россія не имѣетъ въ виду затѣвать новую китайскую войну. „Temps" напоминаетъ, что „всѣ русскія начинанія, пользовавшіяся сочувствіемъ и поддержкою Берлина, кончались плачевно для Россіи" и что „франко-русскій союзъ не разъ долженъ былъ расплачиваться въ Европѣ за слишкомъ разорительные успѣхи свои въ Азіи".

Мы, конечно, не допускаемъ и мысли, чтобы русская дипломатія дѣйствовала во вредъ національнымъ интересамъ Россіи изъ угожденія могущественнымъ берлинскимъ друзьямъ, создавая опасныя затрудненія на Дальнемъ Востокѣ безъ всякой къ тому надобности. Для насъ частые скачки и непримиримыя противорѣчія русской внѣшней политики не представляютъ ничего загадочнаго. Въ дѣлахъ международныхъ, какъ и въ дѣлахъ внутреннихъ, основой русской государственности остается уваженіе къ внѣшней матеріальной силѣ и къ чистовнѣшнему авторитету. Съ точки зрѣнія крѣпко утвердившихся у насъ политическихъ традицій, военное могущество Германіи настолько осязательно и безспорно, что съ нимъ не могутъ сравниться никакія французскія и англійскія вліянія; оттого послѣднія такъ легко отступаютъ на задній планъ, когда происходитъ соприкосновеніе съ Бер-

линомъ. Наша дипломатія не въ состояніи противиться внушеніямъ, исходящимъ изъ такого могучаго центра непререкаемой военной силы; она доказала это въ боснійскомъ вопросѣ, когда сразу подчинилась ультиматуму барона Эренталя, поддержанному графомъ Пурталесомъ отъ имени Германіи,—не сообщивъ объ этомъ даже своимъ союзникамъ. Пока Японія считалась слабою, мы неизмѣнно примѣняли къ ней систему высокомѣрія и угрозъ; позднѣе, испытавъ на себѣ ея силу, мы предоставили ей свободу дѣйствій въ тѣхъ краяхъ, гдѣ еще недавно мы были самовластными и неприступными хозяевами. Китай кажется намъ фактически безсильнымъ, и мы стараемся внушить ему чувство страха и преклоненія предъ Россіею. Другихъ, болѣе глубокихъ и сознательныхъ мотивовъ наша китайская политика, по видимому, не имѣетъ, и всѣ заграничныя попытки выяснить ихъ подлинный смыслъ основаны лишь на недоразумѣніи. У насъ твердо укоренилось убѣжденіе, что чувство страха, внушаемое физическою силою, есть самое надежное орудіе какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Къ собственному нашему народу, къ важнѣйшимъ его интересамъ и къ лучшимъ его умственнымъ силамъ у насъ постоянно примѣняется та же система угрозъ, какъ и въ недавней нотѣ нашего дипломатическаго вѣдомства. Иностранцы этого не понимаютъ, и потому имъ часто приходится отыскивать таинственныя причины тѣхъ несообразностей и противорѣчій, которыя, къ сожалѣнію, все еще составляютъ обычную атмосферу русской политической жизни.

Парламентская сессія въ Англіи открылась 6-го февраля (нов. ст.) при особенно торжественной обстановкѣ. Это былъ первый парламентъ, избранный и созванный въ царствованіе Георга V. Въ тронной рѣчи, кромѣ упоминанія объ этомъ обстоятельствѣ въ связи съ нѣсколькими словами о смерти короля Эдуарда VII, перечислены предположенія и намѣренія правительства въ области текущей политики и законодательства,—и въ ряду этихъ предположеній наибольшее вниманіе, конечно, обратилъ на себя лаконическій параграфъ о внесеніи проекта для урегулированія „отношеній между двумя палатами парламента, съ цѣлью обезпеченія болѣе цѣлесообразнаго дѣйствія конституціи“. Такъ какъ необходимое парламентское большинство для проведенія конституціонной реформы можетъ составиться только при участіи ирландской національной группы, предводимой депутатомъ Редмондомъ, то естественно возникаетъ вопросъ о характерѣ и размѣрѣ тѣхъ уступокъ, которыя обѣщаны ирландцамъ либеральнымъ кабинетомъ Асквита. Очевидно, вслѣдъ за парламентскимъ биллемъ, министерство должно предложить вполнѣ

разработанный проектъ ирландской автономіи, а между тѣмъ основныя черты этого проекта остаются еще неизвѣстными публикѣ.

Во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, въ засѣданіи 15-го февраля, ораторы оппозиціи, Малькольмъ и лордъ Сесиль, яростно нападали на правительство за то, что оно коварно собирается сначала урѣзать право самостоятельнаго парламентскаго контроля путемъ измѣненія конституціи, а потомъ безпрепятственно осуществить ирландскій гомруль по плану Редмонда. Представители оппозиціи желали, по крайней мѣрѣ, знать, каковы принципы этой таинственной реформы, предназначенной облагодѣтельствовать Ирландію. Премьеръ вкратцѣ объяснилъ сущность предполагаемой ирландской автономіи, не касаясь практическихъ ея подробностей. „Я думаю,—сказалъ онъ—что придти къ удовлетворительному рѣшенію этой старой настоятельной задачи возможно только созданіемъ въ Ирландіи мѣстнаго ирландскаго парламента и ирландской исполнительной власти, отвѣтственной предъ этимъ парламентомъ, для завѣдыванія чисто-ирландскими дѣлами, при чемъ должно безусловно сохраниться верховное господство имперскаго парламента". Средство, примѣненное съ такимъ успѣхомъ въ Канадѣ и южной Африкѣ, окажется, безъ сомнѣнія, столь же дѣйствительнымъ и благотворнымъ въ Ирландіи; оно послужитъ къ упроченію, а не къ подрыву единства имперіи. „Въ этомъ направленіи—продолжалъ Асквитъ—движется все конституціонное развитіе нашей имперіи. Въ ея предѣлахъ кельты и саксонцы, французы и англичане, буры и британцы вносили свои особенности въ общую народную массу; отдѣльные самостоятельные ручьи сливались въ широкое теченіе государственнаго единства". Ожидаемыя крупныя реформы—конституціонная и ирландская—придаютъ исключительный интересъ открывшейся сессіи британскаго парламента.

За нѣсколько дней до открытія засѣданій перваго парламента короля Георга V передъ „лордомъ-главнымъ судьею" разбиралось интересное дѣло по обвиненію нѣкоего Эдуарда Миліуса въ оклеветаніи короля. Миліусъ распространялъ республиканскіе листки, въ которыхъ напечатано было сообщеніе, что король Георгъ въ 1890-мъ году, въ бытность свою на островѣ Мальтѣ въ качествѣ офицера одного изъ британскихъ броненосцевъ, вступилъ въ морганатическій бракъ съ дочерью адмирала сэра Кельмъ-Сеймура, но затѣмъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ престола послѣ смерти своего старшаго брата, герцога Кларенскаго, бросилъ свою законную жену и женился на принцессѣ королевской крови, нынѣ королевѣ. Сообщеніе сопровождалось крайне рѣзкими комментаріями по адресу

„двоеженца“. Фактическая часть замѣтки Миліуса попала въ одну изъ англійскихъ газетъ, гдѣ было помѣщено и опроверженіе, въ видѣ письма частнаго секретаря короля, сэра Артура Бигга. Противъ Миліуса было начато судебное преслѣдованіе отъ имени короля и по его иниціативѣ—не за оскорбленіе величества, не за попытку возбужденія умовъ противъ законнаго монарха, а исключительно за клевету, чтобы дать возможность суду провѣрить факты, на которые ссылался авторъ.

Судъ происходилъ при участіи присяжныхъ, безъ всякихъ отступленій отъ обычнаго порядка, съ предоставленіемъ обвиняемому всѣхъ законныхъ средствъ защиты; статьи и письма, въ которыхъ говорилось о королѣ въ непріязненномъ тонѣ, читались публично, и Миліусъ не былъ стѣсненъ въ представленіи доказательствъ. Одно только требованіе подсудимаго не могло быть удовлетворено: „обвинитель“, т.-е. король, не явился лично, а дѣйствовалъ черезъ своего уполномоченнаго, генеральнаго атторнея. На судѣ Миліусъ настаивалъ на необходимости личнаго присутствія короля, какъ обвинителя, но лордъ-главный судья объяснилъ, что это не допускается конституціею. Однако, по окончаніи разбирательства, вслѣдъ за произнесеніемъ приговора, прочитано было генеральнымъ атторнеемъ заявленіе, подписанное королемъ и категорически отрицающее ложные слухи о женитьбѣ его до вступленія въ бракъ съ королевой. Король—сказано было въ этомъ документѣ—„явился бы въ судъ для дачи показаній въ этомъ смыслѣ, еслибы законные совѣтники короны не сообщили ему, что это было бы несогласно съ конституціею“. На судѣ были тщательно разобраны всѣ обстоятельства, которыя могли способствовать выясненію дѣла: были допрошены адмиралъ Кельмъ-Сеймуръ, его дочь и сыновья, коронный адвокатъ на островѣ Мальтѣ, чиновникъ адмиралтейства, завѣдывающій отдѣломъ по передвиженію судовъ флота, и, наконецъ, личный секретарь короля, сэръ Артуръ Биггъ. Оказалось, что адмиралъ Кельмъ-Сеймуръ получилъ назначеніе на островъ Мальту только лѣтомъ 1893-го года, за недѣлю до торжества бракосочетанія короля; что двѣ дочери адмирала впервые прибыли на Мальту нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого брака; что за все время пребыванія семьи адмирала Сеймура на Мальтѣ король ни разу тамъ не былъ; что старшая дочь адмирала, состоящая нынѣ въ замужествѣ за морскимъ капитаномъ, видѣла короля только два раза въ жизни, и притомъ въ Англіи,—въ первый разъ, когда ей было восемь лѣтъ, а затѣмъ уже значительно позднѣе, при оффиціальной обстановкѣ; младшая дочь, умершая въ 1895-мъ году, никогда не видала короля и не выходила замужъ. Ни малѣйшихъ данныхъ для оправданія извѣстія, пущеннаго въ ходъ Миліусомъ, не обнаружено

на судѣ. Всѣ оффиціальныя и фактическія свѣдѣнія, представленныя генеральнымъ атторнеемъ, неопровержимо доказывали завѣдомую ложность слуховъ, оскорбительныхъ для короля. Обвиняемый, Эдуардъ Миліусъ, ничего не могъ объяснить по существу, а только настойчиво ссылался на формальныя неправильности, допущенныя, будто бы, судомъ и нарушившія принципъ равенства сторонъ. Послѣ обстоятельной заключительной рѣчи лорда-главнаго судьи присяжные удалились для совѣщанія и черезъ нѣсколько минутъ вынесли обвинительный вердиктъ. Миліусъ приговоренъ къ тюремному заключенію на двѣнадцать мѣсяцевъ.

Въ Англіи авторитетъ короны не требуетъ никакихъ искупительныхъ жертвъ: онъ не нуждается ни въ угнетеніи гражданъ, ни въ исключительныхъ мѣрахъ охраны, и на дѣлѣ доказываетъ свою совмѣстимость съ требованіями простой человѣчности и справедливости; оттого между англійскими радикалами и соціалистами почти не встрѣчается республиканцевъ.

Въ началѣ февраля (нов. ст.) германская соціалъ-демократія торжественно, при необычайномъ скопленіи народа, хоронила одного изъ своихъ главныхъ оффиціальныхъ вождей, образцоваго предсѣдателя партійныхъ съѣздовъ, замѣчательнаго организатора, выдающагося берлинскаго депутата въ имперскомъ сеймѣ (съ 1884-го года), Пауля Зингера. Жизнь и дѣятельность Зингера неразрывно связаны съ исторіею всего движенія и роста соціалъ-демократической партіи въ Германіи. По происхожденію еврей, богатый фабрикантъ, независимый по характеру, онъ примкнулъ къ партіи рабочаго пролетаріата въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и съ тѣхъ поръ неизмѣнно принималъ ближайшее и нерѣдко руководящее участіе въ ея судьбахъ. Какъ отличный знатокъ парламентскихъ порядковъ и обычаевъ, онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ имперскомъ сеймѣ и неоднократно выставлялся кандидатомъ въ вице-президенты. Онъ не былъ блестящимъ ораторомъ, подобно Бебелю, но его дѣловыя, содержательныя рѣчи всегда выслушивались съ заслуженнымъ вниманіемъ и интересомъ. Онъ былъ особенно популяренъ въ Берлинѣ, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и безкорыстныхъ представителей городского общественнаго самоуправленія. Свои средства и свой трудъ онъ почти цѣликомъ отдавалъ тому дѣлу, которое въ соціальномъ смыслѣ было для него чужимъ, но которое стало дѣломъ всей его жизни, его личныхъ убѣжденій, идей и стремленій. Онъ умеръ въ возрастѣ 67-ми лѣтъ. Похороны его были, можно сказать, крупнѣйшимъ общественнымъ событіемъ въ Берлинѣ за многіе годы. Это была грандіозная манифестація, выказавшая все могущество соціалъ-демокра-

тической организаціи: до полумилліона гражданъ двигалось по улицамъ города въ образцовомъ порядкѣ, подъ руководствомъ партійныхъ делегатовъ, безъ всякаго участія и вмѣшательства полиціи, при чемъ даже движеніе трамваевъ не было остановлено полицейскою властью. Это внушительное проявленіе сознательной культурной силы германскаго пролетаріата было лучшимъ, наиболѣе краснорѣчивымъ и яркимъ вѣнцомъ карьеры Пауля Зингера.

ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ

Давно уже наша многострадальная высшая школа не переживала такихъ тяжелыхъ минутъ, какъ теперь—или, лучше сказать, никогда еще положеніе ея не бывало до такой степени обостреннымъ. Чтобы понять его вполнѣ, необходимо вспомнить, что студенческія волненія имѣютъ за собою, у насъ въ Россіи, пятидесятилѣтнюю давность. Это — не случайное явленіе, которому могутъ положить конецъ случайныя мѣры; это — органическій процессъ, коренящійся въ цѣлой сѣти сложныхъ и нелегко устранимыхъ причинъ. Многолѣтній опытъ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что, пока существуютъ извѣстныя условія, неизбѣжны и періодически повторяющіеся ихъ результаты. Было время, когда студенческіе безпорядки—безпорядки съ явно политической окраской — происходили и въ Германіи, и въ Австріи, и во Франціи; почему же о *такихъ* безпорядкахъ ни въ одной изъ этихъ странъ давно уже не слышно? Почему нѣмецкіе бурши не устраиваютъ больше Вартбургскихъ и Гамбахскихъ празднествъ? Почему въ Вѣнѣ, Иннсбрукѣ, Прагѣ студенты, ссорясь между собою на почвѣ національныхъ счетовъ, относятся нейтрально къ административной власти, и она отвѣчаетъ имъ тѣмъ же нейтралитетомъ? Почему въ Парижѣ „левъ Латинскаго квартала“, казавшійся грознымъ еще при Наполеонѣ III-мъ, довольствуется, отъ времени до времени, легкимъ рычаніемъ по адресу непопулярнаго профессора и живетъ въ мирѣ съ префектомъ полиціи? Почему, другими словами, западноевропейское студенчество не спѣшитъ погрузиться или хотя бы только окунуться въ политику и спокойно заканчиваетъ свои учебныя занятія? До извѣстной степени это объясняется, быть можетъ, сословнымъ и классовымъ его составомъ, существенно отличнымъ отъ русскаго студенчества; но такимъ же, приблизительно, этотъ составъ былъ и

нѣсколько десятилѣтій тому назадъ—а политически благонадежной или хотя бы просто спокойной заграничную молодежь тогда назвать было нельзя. Теченія, не находившія естественнаго выхода, пробивали себѣ пути въ сферахъ наименьшаго сопротивленія—въ юныхъ, воспріимчивыхъ сердцахъ. Сыновья громко высказывали то, о чемъ въ своихъ кабинетахъ думали отцы—и пытались переходить къ дѣйствію, когда встрѣчало преграды свободное слово. Такъ было въ государствахъ, гдѣ неприкосновеннымъ оставался старый, переставшій быть просвѣщеннымъ абсолютизмъ; такъ было и въ государствахъ, гдѣ господствовалъ лже-конституціонализмъ (южная Германія до 1848-го года) или слишкомъ великъ былъ контрастъ между ожиданіемъ и достиженіемъ (Франція временъ Людовика-Филиппа). Стоило только установиться болѣе нормальнымъ отношеніямъ между правительствомъ и населеніемъ—и прежнія вспышки молодого нетерпѣнія прекратились, потому что сдѣлались ненужными, потому что явились другіе способы выраженія общественныхъ настроеній.

У насъ, въ продолженіе почти полустолѣтія, въ правительственныхъ сферахъ царилъ застой, рѣдко и ненадолго прерываемый нерѣшительными, большею частью, попытками движенія, часто и надолго — весьма рѣшительнымъ регрессомъ. Въ обществѣ, въ то же самое время, быстро расли и широко распространялись новыя идеи и новыя стремленія. Понятно, что такое нарушеніе равновѣсія всего живѣе чувствовалось молодежью. Не случайно первые серьезные университетскіе безпорядки совпали съ первой заминкой въ преобразовательной работѣ, наступившей вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Административная мудрость приписала эти безпорядки разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ — слишкомъ легкой, одно время, доступности университета для публики, слишкомъ большой сплоченности студентовъ, слишкомъ сильному вліянію различныхъ студенческихъ организацій. Сообразно съ этой исходной точкой велась и дальше политика по отношенію къ университетамъ. Уставъ 1863-го года, при всей своей прогрессивности, устранялъ всякое общеніе между студентами и до крайности затруднялъ ихъ сближеніе съ профессорами. Учащіеся разсматривались какъ единицы, не составляющія никакого цѣлаго. Предполагалось, что это облегчитъ поддержаніе порядка въ стѣнахъ университета и предупредитъ коллективныя его нарушенія. Когда это предположеніе не оправдалось, началось усиленіе внѣшняго надзора за студентами и взята была подъ сомнѣніе самостоятельность профессорской корпораціи. Задуманъ былъ пересмотръ устава и, послѣ долгихъ колебаній, приведенъ въ исполненіе. Открыто высказывалось убѣжденіе, что этимъ разъ навсегда пресѣчена возможность безпорядковъ. Не прошло, однако, и трехъ лѣтъ со времени введенія въ

дѣйствіе устава 1884-го года, какъ они возобновились—и повторялись, становясь все болѣе и болѣе экстенсивными и интенсивными, все чаще и чаще. Средства противъ нихъ, однако, употреблялись прежнія по свойству и духу, новыя только по степени напряженности и суровости. Умножались органы надзора, обострялись репрессіи и кары. Уже въ 1887 г. имѣли мѣсто первые случаи отдачи студентовъ въ дисциплинарные батальоны; двѣнадцать лѣтъ спустя принудительная военная служба получила—правда, не надолго—характеръ нормальнаго наказанія для участниковъ въ студенческихъ волненіяхъ. И все это не препятствовало, а скорѣе способствовало укорененію и углубленію новыхъ формъ борьбы, между которыми главную роль стали играть обструкціи и забастовки. Такъ шло дѣло до поворотнаго пункта въ нашей исторіи — до 1905-го года. Не смотря на длинный рядъ неудачъ и разочарованій, правительство продолжало смотрѣть на студенческія волненія какъ на нѣчто совершенно независящее отъ общаго хода государственной и общественной жизни, какъ на мѣстную болѣзнь, не имѣющую ничего общаго съ разстройствомъ всего организма и требующую леченья специфическими, старозавѣтными средствами, more majorum. А между тѣмъ, чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно было бы обратить вниманіе на моменты возникновенія особенно серьезныхъ безпорядковъ. Они происходили въ 1869-мъ году, когда въ первый разъ разлилась по Россіи волна тайныхъ обществъ; въ 1881-мъ году, въ критическій моментъ столкновенія между реакціей, революціей и попытками частичныхъ преобразованій; въ 1884-мъ году, когда стала очевидной близость торжества регрессивной политики, и въ 1887-мъ году, когда это торжество въ значительной мѣрѣ осуществилось; въ 1894-мъ году, когда заколебался, на нѣсколько мгновеній, политическій маятникъ; въ 1899-мъ году, когда опасность крушенія стала грозить даже земству и въ первый разъ былъ нанесенъ ударъ самостоятельности Финляндіи. Въ ближайшіе затѣмъ годы броженіе въ высшей школѣ уже почти не прекращалось, какъ не прекращалось оно и въ странѣ, на усиленіе гнета отвѣчавшей усиленіемъ смуты. Наконецъ, осенью 1905-го года оба броженія слились въ одно. Автономія была дана высшей школѣ слишкомъ поздно, когда она была затоплена волнами общенародной бури.

Послѣ обнародованія манифеста 17-го октября можно было думать, что для высшей школы, какъ и для всей Россіи, наступила новая эпоха. Политическая жизнь, овладѣвъ своимъ нормальнымъ, законнымъ поприщемъ, должна была, по видимому, отхлынуть отъ высшей школы, куда она до тѣхъ поръ устремлялась за отсутствіемъ или непроходимостью другихъ дорогъ. Но предпосылка, которую одно время можно было считать осуществившеюся во всемъ ея объемѣ, ока-

залась на лицо только въ части, и притомъ въ части не особенно значительной. Сообразно съ этимъ должно было измѣниться и заключеніе. Въ конституціонной Россіи такъ много общаго съ не-конституціонною, что неудивительно, если и той, и другой въ равной мѣрѣ присущи студенческіе безпорядки. Судьба двухъ первыхъ Думъ, положеніе 3-го іюня, составъ и образъ дѣйствій третьей Думы, продолжающееся, не смотря на „успокоеніе", господство усиленныхъ охранъ, произвольное ограниченіе свободъ, существующихъ больше на бумагѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, разнузданность дикихъ „союзническихъ" силъ, поощреніе, встрѣчаемое болѣе тонкими, но не менѣе опасными сторонниками отжившихъ порядковъ — все это создаетъ атмосферу, очень близкую къ недавней, и вызываетъ сходныя атмосферическія явленія. И если послѣдніе четыре года (1906—10) были все же болѣе благопріятны для занятій, чѣмъ имъ предшествовавшіе, то это слѣдуетъ приписать перемѣнѣ, внесенной въ высшую школу указомъ 27-го августа 1905-го года. Чѣмъ бо̀льшаго оставляли желать и общія условія, и отношенія, установившіяся между правительствомъ и автономнымъ управленіемъ высшей школы, тѣмъ ярче выступаетъ на видъ заслуга этого управленія, съумѣвшаго достигнуть сравнительно успѣшныхъ результатовъ. Какъ бы то ни было, водворившаяся, до извѣстной степени, тишина не могла быть устойчивой и прочной. Признаки возможной бури появлялись уже много разъ, и достаточно было небольшого толчка, чтобы она разразилась со всею силой. Такимъ толчкомъ было постановленіе совѣта министровъ, запрещавшее, въ видѣ временной мѣры, всякія сходки въ стѣнахъ высшей школы. Оно состоялось передъ самымъ возобновленіемъ учебныхъ занятій, когда еще нельзя было знать, при какой обстановкѣ они начнутся, въ какомъ настроеніи окажется, послѣ зимнихъ вакацій, учащаяся молодежь. Болѣе чѣмъ спорное съ точки зрѣнія законности, оно было, по своему существу, прямымъ возвращеніемъ къ тѣмъ порядкамъ, которымъ долженъ былъ положить конецъ указъ 27-го августа 1905-го года. Оно отодвигало на задній планъ автономную профессорскую коллегію и ставило на ея мѣсто—или, по меньшей мѣрѣ, рядомъ съ нею—администрацію, отнюдь не больше, чѣмъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ, приготовленную къ трудной задачѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извлекались изъ архивовъ старые способы воздѣйствія на отдѣльныхъ студентовъ: удалялись изъ высшихъ школъ предполагаемые виновники безпорядковъ, начинались массовыя высылки удаленныхъ. И вотъ, безпорядки, имѣвшіе, до рождественскихъ праздниковъ, спорадическій характеръ, разрослись повсемѣстно до громадныхъ размѣровъ и стали переходить въ всеобщую забастовку. Оказалось, что объявленіе забастовки возможно и помимо правильно созванной и нормально протекающей

сходки: рѣшенія прекратить занятія стали постановляться моментально, въ корридорахъ, безъ президіума, безъ преній, путемъ поднятія рукъ, при полной неизвѣстности, какъ велико число голосующихъ, сравнительно съ общимъ числомъ учащихся въ данной высшей школѣ. Принятыя съ цѣлью водворить порядокъ, административныя мѣры привели къ полному его нарушенію. За первыми проявленіями произвола послѣдовали другія, все больше и больше усложнявшія и затруднявшія безъ того уже до крайности натянутое положеніе. Остановимся на одномъ изъ нихъ, особенно печальномъ.

Когда въ московскомъ университетѣ вновь введенный порядокъ вызвалъ рѣзкое усиленіе студенческихъ волненій, главные представители профессуры—ректоръ, помощникъ его и проректоръ—нашли невозможнымъ продолжать исполненіе своихъ обязанностей. „Обязанности совѣта и выбранныхъ имъ лицъ“—заявилъ А. А. Мануиловъ въ засѣданіи совѣта 28-го января—„входятъ нынѣ въ компетенцію двухъ властей: университетской и общей администраціи. Та и другая одинаково отвѣтственны за порядокъ въ университетѣ и уполномочены каждая принимать свои мѣры. Полиціи дано теперь право и даже вмѣнено въ обязанность вмѣшиваться въ управленіе университетомъ независимо отъ того, обращается ли къ ней университетская администрація или нѣтъ... Такое положеніе вещей создаетъ совершенно недопустимое двоевластіе, безусловно препятствующее упорядоченію академической жизни даже при вполнѣ корректномъ и благожелательномъ отношеніи къ университету общей администраціи... При создавшемся въ университетѣ двоевластіи ректоръ является безполезнымъ и даже лишнимъ“. Къ этому заявленію А. А. Мануилова присоединились М. А. Мензбиръ и П. А. Минаковъ, и всѣ трое подали прошенія объ увольненіи ихъ отъ должностей по управленію университетомъ, съ оставленіемъ за ними занимаемыхъ ими каѳедръ. Само собою разумѣется, что впредь до разрѣшенія ихъ прошеній они продолжали исполненіе своихъ административныхъ обязанностей и, какъ удостовѣряетъ совѣтъ въ постановленіи 4-го февраля, не прекратили бы его и въ томъ случаѣ, еслибы управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія не далъ хода ихъ ходатайству, признавъ его несвоевременнымъ въ данную минуту. Наиболѣе раціональное рѣшеніе жгучаго вопроса подсказывалось само собою: нужно было отмѣнить „двоевластіе“, которое, спутывая понятіе объ отвѣтственности, стирая границы между различными сферами дѣйствія, не можетъ не служить источникомъ недоразумѣній, особенно неудобныхъ и нежелательныхъ въ критическія минуты. Отвѣтъ министерства былъ, однако, иной, одинаково неожиданный какъ для самихъ просителей, такъ и для всего совѣта: А. А. Мануиловъ, М. А. Менз-

биръ и П. А. Минаковъ были уволены не только отъ тѣхъ должностей, объ освобожденіи отъ которыхъ они просили, но и отъ профессорскихъ обязанностей, которыя они желали сохранить за собою. Совѣтъ московскаго университета, въ засѣданіи 4-го февраля, нашелъ, что эта мѣра наноситъ огромный нравственный ударъ самому совѣту и что только немедленное возвращеніе уволенныхъ въ среду профессоровъ можетъ „остановить разрушеніе университетской жизни". Всю дѣятельность А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова совѣтъ призналъ правильною, а поданную ими просьбу — совершенно законною. Мнѣніе совѣта о „разрушеніи", грозящемъ университетской жизни, подтверждается тѣмъ фактомъ, что распоряженіе министерства повлекло за собою длинный рядъ прошеній объ отставкѣ, поданныхъ профессорами, и заявленій о прекращеніи чтенія лекцій, поданныхъ приватъ-доцентами. Не теряя надежды, что эти прошенія и заявленія будутъ взяты назадъ, факультеты задерживали отсылку ихъ въ министерство; но оно потребовало немедленнаго ихъ представленія. Таково положеніе дѣла въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки.

Такого остраго кризиса ниразу не переживалъ ни одинъ изъ нашихъ университетовъ. Остановимся сначала на первомъ фазисѣ его. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что увольненіе А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова, безъ прошенія, изъ числа профессоровъ московскаго университета имѣло въ глазахъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, а вѣроятно—и всего объединеннаго министерства, характеръ кары за дѣйствіе, разсматриваемое какъ нарушеніе требованій службы. Въ чемъ же заключается это нарушеніе? Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ не существуетъ повинность гражданской службы, каждый воленъ принять или не принять ту или другую должность, воленъ и отказаться отъ нея, лишь бы только такой отказъ не останавливалъ правильнаго движенія дѣлъ. Нельзя требовать отъ должностного лица исполненія служебныхъ функцій per fas et nefas, при условіяхъ, которыя кажутся ему невыносимыми, несовмѣстными съ его достоинствомъ, съ его убѣжденіями. Не сходить съ своего поста только изъ страха навлечь на себя неудовольствіе начальства—значитъ нарушить нравственный долгъ, конечно не менѣе важный, чѣмъ долгъ служебный. Въ данномъ случаѣ ректоръ, помощникъ ректора и проректоръ московскаго университета имѣли на своей сторонѣ сочувствіе своей среды. Никто вокругъ нихъ не сомнѣвался въ ихъ *правѣ* просить объ увольненіи; очень многіе, очевидно, находили, что у нихъ достаточно къ тому и *основаній*. Всѣ знали, что на произволъ судьбы текущія дѣла брошены не будутъ, и въ концѣ концовъ мѣста, оста-

вляемыя уходящими, будутъ заняты другими, если не по выбору, то по назначенію. Остается, затѣмъ, только одно: „демонстративный“ характеръ ухода—не высказанное прямо, но подразумѣвающееся осужденіе тѣхъ мѣръ правительства, послѣдствіемъ которыхъ явилась рѣшимость уйти. Но развѣ въ государствѣ, вступившемъ, хотя и не безъ колебаній, на правовую дорогу, демонстрація такого рода—употребляемъ это слово лишь за отсутствіемъ другого, болѣе подходящаго къ даннымъ обстоятельствамъ,—можетъ считаться недопустимой и, тѣмъ болѣе, наказуемой? Развѣ преклоненіе передъ авторитетомъ власти можетъ заглушить категорическій императивъ совѣсти?.. Протестъ, могутъ сказать намъ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть коллективнымъ. Да, было время, когда это считалось непреложнымъ правиломъ административнаго катехизиса, и нарушеніе его признавалось достаточнымъ поводомъ для преслѣдованій и репрессій; но не слишкомъ ли поздно воскрешать традиціи этого времени, не слишкомъ ли многое съ тѣхъ поръ измѣнилось въ государственномъ строѣ и въ общественномъ настроеніи? И прежде, впрочемъ, коллективный протестъ не всегда разсматривался какъ тяжкій проступокъ. Припомнимъ, напримѣръ, чуть ли не первый, по времени, случай этого рода: выходъ въ отставку, въ 1861 г., пяти профессоровъ с.-петербургскаго университета. Собственно преподавательскую дѣятельность въ высшей школѣ онъ закрылъ для нихъ, большею частью, навсегда—но нѣкоторые изъ нихъ и послѣ того оставались на государственной службѣ.

При той солидарности, которая господствовала, въ данную минуту, въ совѣтѣ московскаго университета, увольненіе А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова изъ состава профессорской коллегіи не могло не произвести удручающаго впечатлѣнія на ихъ товарищей. Передъ ними неизбѣжно долженъ былъ встать вопросъ: что дѣлать—вопросъ, усложнившійся еще больше послѣ отказа управляющаго министерствомъ принять депутацію, выбранную совѣтомъ для ходатайства о возвращеніи уволенныхъ профессоровъ. Яркую картину мучительнаго раздумья представляетъ отчетъ о засѣданіи совѣта 6-го февраля, напечатанный въ № 30 „Русскихъ Вѣдомостей“. Съ одной стороны указывалось на то, что выходъ значительнаго числа профессоровъ и младшихъ преподавателей долженъ вызвать пріостановку жизни во многихъ научныхъ и учебно-вспомогательныхъ институтахъ и отозваться тяжелыми послѣдствіями на дальнѣйшихъ судьбахъ московскаго университета. Есть высшіе интересы науки, просвѣщенія, о которыхъ не должны забывать посвятившіе имъ свою жизнь и видящіе въ служеніи имъ свой ближайшій долгъ. Нѣтъ надобности прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, пока не исчерпаны всѣ остальныя,

пока не потеряна надежда на спасеніе университета. Съ другой стороны возражали, что профессора—не только чиновники; они обязаны отстаивать принципы академизма, подавая примѣръ твердаго сознанія нравственнаго долга. Подавшіе въ отставку приносятъ тяжелую жертву, не только матеріальную, но и духовную; но они считаютъ такую жертву обязательною и видятъ въ ней наиболѣе цѣлесообразный актъ для лучшаго будущаго русскихъ университетовъ. Вліяніе профессоровъ на студентовъ пало, надежда на спасеніе семестра весьма сомнительна; выходъ въ отставку не только не повредитъ дѣлу университета, но привлечетъ вниманіе къ нему, вызоветъ уваженіе къ его дѣятельности и будетъ способствовать нравственному авторитету профессуры.

Опредѣлить сравнительную силу этихъ доводовъ мы не беремся. И тамъ, и тутъ чувствуется одинаковая серьезность и убѣжденность. Обѣимъ сторонамъ, очевидно, дороги интересы университета и науки; разногласіе касается только способовъ ихъ охраненія. Насиловать свою совѣсть не хотятъ и не могутъ ни защитники, ни противники отставки— и у кого поднимется рука, чтобы бросить камень въ тѣхъ или другихъ? Но истинѣ ужасна та внутренняя борьба, отголоски которой слышатся даже въ объективномъ, сухомъ отчетѣ. А между тѣмъ, какъ легко было бы не вызывать ея, не ставить искреннихъ, честныхъ людей въ необходимость выбора между двумя одинаково тягостными рѣшеніями! Профессора, подавшіе въ отставку—вовсе не сторонники забастовки: это удостовѣряетъ профессоръ графъ Камаровскій, временно исполняющій обязанности ректора, это явствуетъ и изъ отчета о засѣданіи совѣта, въ которомъ они заявили, что сознаютъ свою обязанность являться на лекціи и продолжать занятія, впредь до полученія отставки. Отпадаетъ, такимъ образомъ, всякая возможность причислять ихъ къ „сѣятелямъ смуты“ и противникамъ ученья. Просьбу объ отставкѣ прислалъ изъ-за границы князь Е. Н. Трубецкой — а кто же больше его заботился о правильномъ, непрерывномъ ходѣ университетскихъ занятій, кто больше его рисковалъ при этомъ своею популярностью среди учащейся молодежи? Его имя, вмѣстѣ съ именемъ А. А. Мануилова, повторялось всего чаще, когда наступали критическія минуты въ жизни московскаго университета. Имъ, прежде всего, а также ближайшимъ помощникамъ А. А. Мануилова—М. А. Мензбиру и П. А. Минакову,—слѣдуетъ приписать то сравнительное затишье, которое, наступивъ послѣ длиннаго ряда бурныхъ лѣтъ, позволяло ожидать новаго расцвѣта академической работы. И вотъ почему, между прочимъ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе потери, вольныя и невольныя, которыя претерпѣваетъ теперь московскій университетъ. Сами по себѣ эти потери чрезвычайно велики. Физико-математическій факультетъ лишается всѣхъ профессоровъ физики (ихъ

было четыре), лишается такихъ свѣтилъ науки, какъ К. А. Тимирязевъ, В. И. Вернадскій, Н. Д. Зелинскій. На медицинскомъ факультетѣ пустѣютъ каѳедры хирургіи, патологіи, терапіи, останавливается дѣятельность институтовъ невро-патологическаго, психіатрическаго и судебной медицины. Юридическій факультетъ теряетъ, кромѣ А. А. Мануилова, профессоровъ гражданскаго и римскаго права (Г. Ф. Шершеневича и В. М. Хвостова). Проф. П. Г. Виноградовъ не намѣренъ болѣе дѣлить свое время между Москвою и Оксфордомъ. Немалымъ вредомъ грозитъ и уходъ приватъ-доцентовъ, изъ которыхъ многіе пользовались заслуженною репутаціею и читали обязательные курсы.

Въ русской жизни всегда недоставало и до сихъ поръ недостаетъ условій, заставляющихъ цѣнить личность, дорожить талантами, открывать для нихъ и обезпечивать за ними широкое поле дѣятельности. Безконечно длиненъ былъ бы списокъ лицъ, удаленныхъ, безъ всякаго повода или по самымъ ничтожнымъ поводамъ, съ тѣхъ поприщъ, на которыхъ они могли бы сослужить большую службу народу и государству. И къ такому удаленію относились обычно, въ вліятельныхъ сферахъ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, нѣсколькими ступенями пониже обращавшимся въ злорадное одобреніе. Нѣчто подобное можно наблюдать и теперь, въ сужденіяхъ объ увольненіи или уходѣ профессоровъ. Что въ томъ, что между ними насчитывается немало первостепенныхъ научныхъ силъ? Замѣстители всегда найдутся, а еслибы и не нашлись, то бѣда невелика: увеличится *только* число пустующихъ каѳедръ. Такъ разсуждаютъ оффиціальные дѣятели—напримѣръ попечитель московскаго учебнаго округа, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ петербургской газеты,—а забѣгающій еще дальше фельетонистъ, не видя въ средѣ протестующихъ ничего кромѣ „именъ безъ содержанія“, въ родѣ „какого-нибудь г. Петражицкаго“ (!), совѣтуетъ присоединить къ длинному ряду добровольныхъ отставокъ еще болѣе длинный рядъ недобровольныхъ... Оставляя въ сторонѣ дикія выходки, внушаемыя невѣжествомъ и все превозмогающимъ усердіемъ, присмотримся поближе къ аргументамъ, претендующимъ на серьезность. „Разнообразіе каѳедръ, многочисленность профессоровъ—ни къ чему... Для Россіи обиліе каѳедръ—излишняя роскошь. Нигдѣ за границей этого нѣтъ“. Не слишкомъ ли рискованно послѣднее утвержденіе? Профессоровъ въ московскомъ университетѣ, какъ видно изъ отчета его за 1910-ый годъ, не 102 [1]), а 91, въ томъ числѣ ординарныхъ 76,—а въ берлинскомъ университетѣ уже десять лѣтъ тому

[1]) Цифра 102, приведенная г. попечителемъ, встрѣчается и въ отчетѣ университета, но только потому, что къ 91 профессору присоединены 6 прозекторовъ, 4 лектора и одинъ астрономъ-наблюдатель.

назадъ однихъ ординарныхъ профессоровъ было 104 [1]). Въ Мюнхенѣ ихъ тогда же было 80, въ Лейпцигѣ—77. Не надо, притомъ, забывать, сколько университетовъ въ Германіи и сколько въ Россіи. Что касается до вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на „обиліе" каѳедръ—какъ на излишнюю роскошь или какъ на нормальное, желательное явленіе,—то достаточно вспомнить, что безъ него невозможна для учащихся свобода выбора между учащими, а къ осуществленію такой свободы стремились даже составители университетскаго устава 1884-го года. Г. попечителю не нравится, что обиліе каѳедръ достигается путемъ „расчлененія предметовъ". Но развѣ такое расчлененіе не соотвѣтствуетъ характеру университетскаго преподаванія, задача котораго—введеніе слушателей въ лабораторію науки, ознакомленіе ихъ не только съ ея выводами, но съ ея пріемами и методами, немыслимое безъ значительной степени спеціализаціи? Странно было бы, еслибы въ какомъ-нибудь классѣ гимназіи уроки, напримѣръ, исторіи были распредѣлены между двумя или нѣсколькими преподавателями—но совершенно естественно, что на историко-филологическомъ факультетѣ студенты слушаютъ въ одно и то же время нѣсколькихъ профессоровъ исторіи. Когда пишущій эти строки, почти полвѣка тому назадъ, учился въ боннскомъ университетѣ, философію читали тамъ пять профессоровъ и одинъ приватъ-доцентъ—и никто не усматривалъ въ этомъ излишней „роскоши". Если „пустующія каѳедры" встрѣчаются и въ Германіи, то обусловливаемое этимъ неудобство смягчается обычаемъ нѣмецкихъ студентовъ переко чевывать изъ одного университета въ другой, находя такимъ образомъ, то здѣсь, то тамъ, желательный для нихъ источникъ знаній. У насъ ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ. Одно дѣло, притомъ, кратковременное незамѣщеніе нѣсколькихъ каѳедръ, и совершенно другое—внезапно образующаяся пустота значительнаго ихъ числа. Въ первомъ случаѣ сравнительно легко возстановить нормальный порядокъ, увеличивъ число молодыхъ людей, готовящихся къ профессурѣ; во второмъ случаѣ приходится либо примириться съ существенными, невосполнимыми пробѣлами преподаванія, или набрать преподавателей изъ среды добровольцевъ, готовыхъ служить—и, можетъ быть, прислуживаться—но не столько наукѣ, сколько власти. На много лѣтъ, если не десятилѣтій, понизился бы, въ послѣднемъ случаѣ, уровень образованія; Россія понесла бы ущербъ, съ точностью неопредѣлимый, но грозящій самыми печальными послѣдствіями. Особенно опасной массовая

---

[1]) О послѣдующихъ годахъ у насъ подъ рукою нѣтъ свѣдѣній, но, безъ сомнѣнія, число профессоровъ въ такихъ университетахъ, какъ берлинскій, увеличивается, а не уменьшается.

перемѣна въ составѣ профессуры была бы въ настоящую минуту: замѣстители уходящихъ или увольняемыхъ неизбѣжно были бы взяты изъ сферъ, наиболѣе далекихъ отъ истинной науки—и въ высшую школу было бы внесено политиканство, въ самомъ неприглядномъ его видѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что профессоровъ легко было бы навербовать за границей. Меньше чѣмъ когда-либо сколько-нибудь уважающіе себя и уважаемые ученые согласились бы теперь промѣнять привычную дѣятельность у себя дома на условія русской жизни—и меньше чѣмъ когда-либо тѣ немногіе пришельцы, у которыхъ хватило бы смѣлости для „скачка въ темноту", оказались бы способными оправдать возложенныя на нихъ надежды. Если плачевную неудачу потерпѣлъ, при гр. Д. А. Толстомъ, призывъ учителей древнихъ языковъ изъ чешскихъ и другихъ славянскихъ гимназій, то чего же можно было бы ожидать отъ нашествія иноплеменныхъ профессоровъ въ русскую высшую школу?

Выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ. Sublata causa tollitur effectus; съ устраненіемъ причинъ устранятся и послѣдствія. Всего легче и проще положить конецъ тому, что̀ г. попечитель московскаго учебнаго округа не совсѣмъ удачно назвалъ „привходящимъ явленіемъ"—т.-е. возвратить каѳедры А. А. Мануилову, М. А. Мензбиру и П. А. Минакову. Удаленіе ихъ, противъ ихъ воли, изъ профессорской среды усложнило студенческій кризисъ кризисомъ профессорскимъ, возможныя—или, лучше сказать, неизбѣжныя—послѣдствія котораго указаны совершенно вѣрно въ приведенномъ нами выше постановленіи совѣта. Возстановленіе ихъ правъ было бы равносильно удержанію въ стѣнахъ университета всѣхъ тѣхъ, уходъ которыхъ грозитъ ему разрушеніемъ. Есть еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу такого исхода. Въ Государственномъ Совѣтѣ возбужденъ вопросъ о томъ, можетъ ли А. А. Мануиловъ, переставъ быть профессоромъ, оставаться членомъ Совѣта, какъ одинъ изъ представителей академіи и университетовъ. Если этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ отрицательно, за министромъ или министерствомъ будетъ признано право измѣнять, своею властью, составъ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Возможно ли допустить такую явную несообразность?.. За отмѣной распоряженія, нарушающаго права отдѣльныхъ лицъ, должна была бы послѣдовать отмѣна постановленія, нарушающаго права высшей школы. Этому постановленію съ самаго начала былъ данъ характеръ временной мѣры: ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, признать, что наступила пора прекратить его дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ руководствовался совѣтъ министровъ, отступая отъ Высочайшаго указа 27-го августа 1905-го года? Очевидно — предположеніемъ, что это приведетъ къ водворенію спокойствія и тишины въ высшей школѣ. Предполо-

женіе это не оправдалось: результатъ получился прямо противоположный. Не только возникла забастовка, до крайности затрудняющая занятія или дѣлающая ихъ прямо невозможными, но начались нарушенія порядка, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ прежде. Присутствіе полиціи въ корридорѣ университета не предупредило ни грубаго оскорбленія профессоровъ, въ одномъ случаѣ дошедшаго до физическаго насилія, ни неоднократнаго повторенія химической обструкціи. Можно сказать утвердительно, что не было бы ни того, ни другого, еслибы нормальный ходъ дѣла не былъ нарушенъ постановленіемъ 11-го января. Печальный опытъ показалъ, что настроеніе молодежи можетъ быть поднято до точки кипѣнія и безъ сходокъ, безъ формальныхъ соглашеній. Собственно говоря, въ этомъ можно было бы убѣдиться и раньше, вспомнивъ всю полувѣковую исторію студенческихъ волненій; но время исправить ошибку еще не ушло, текущій семестръ можетъ еще пройти не безплодно. Даже въ худшемъ случаѣ будетъ, по меньшей мѣрѣ, подготовлена благопріятная почва для будущаго. И сколько молодыхъ людей будетъ предохранено отъ гибели, если, съ возвращеніемъ къ законному порядку, будутъ отмѣнены мѣры строгости, въ такомъ обиліи—и съ такимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ результатовъ—принятыя въ послѣднее время по отношенію къ учащимся! Никого не устрашая, эти мѣры только ожесточаютъ—и ожесточаютъ, конечно, не однихъ непосредственно отъ нихъ пострадавшихъ. Наша атмосфера и безъ того уже насыщена ненавистью; осторожно ли вносить въ нее новые элементы раздраженія, новые стимулы мести?

Что пониманіе настоящаго смысла событій, совершающихся въ высшей школѣ и надъ высшей школой, проникло и проникаетъ въ широкія сферы русскаго общества—объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстное письмо 65 представителей московской промышленности. Признавая необходимость „настойчивой и непреклонной борьбы съ студенческой забастовкой“, авторы письма находятъ, что эта борьба „не можетъ вестись средствами, затрагивающими въ корнѣ все существованіе нашей высшей школы“. „Нелѣпые, а подчасъ даже преступные пріемы насилія и обструкціи, къ которымъ прибѣгаетъ кучка невмѣняемыхъ фанатиковъ, не могутъ“—читаемъ мы дальше—„стать точкой отправленія и оправданія всѣхъ мѣропріятій, на которыя нынѣ видимо рѣшилась правительственная власть. Молодежь вообще, а русская въ особенности, чрезвычайно чутка къ вопросамъ правды и права, и ни на что такъ быстро не реагируетъ, какъ на нарушеніе таковыхъ“. Если ея протесты „нынѣ вылились въ рѣзкую, подчасъ даже антикультурную форму, то неужели со спокойною совѣстью можно самую высшую школу дѣлать объектомъ воздѣйствія?.. Одними пріемами матеріальной силы

не улаживаются конфликты, такъ глубоко затрогивающіе духовныя силы русскаго народа". О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго этимъ письмомъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тревога, поднятая имъ среди апологетовъ и прислужниковъ власти. Въ одномъ номерѣ „Новаго Времени" (отъ 13-го февраля) можно найти не менѣе трехъ отвѣтовъ на московское письмо (статья „Полмилліарда", вторая половина фельетона, „Замѣтка" г. А. Ст—а). И какихъ отвѣтовъ! Самый мягкій изъ нихъ говоритъ о *неумномъ* протестѣ, о „сытой и сантиментальной импотентности благополучныхъ и безотвѣтственныхъ московскихъ толстосумовъ"; въ другомъ идетъ рѣчь о „самозванномъ выступленіи московскаго гандельства, претендующаго на роль третьей палаты" и гнѣвающагося на правительство за его борьбу противъ синдикатовъ; въ третьемъ, наконецъ, письмо шестидесяти пяти прямо обзывается „большущею еврейскою пакостью" и „онаглѣвшимъ", „вылинявшимъ" московскимъ купчикамъ рекомендуется „судить не свыше сапога". Болѣе приличнымъ тономъ говоритъ „Россія", но и она не останавливается передъ намекомъ на связь между московскимъ письмомъ и исходящей отъ кадетовъ „поддѣлкой общественнаго мнѣнія". Мы вовсе не хотимъ преувеличивать значеніе письма; мы далеки отъ мысли подсчитывать цифру капитала, представляемаго его авторами, очень хорошо зная, что не ею измѣряется его авторитетъ—но для насъ вполнѣ понятенъ вызванный имъ переполохъ. Вѣдь если представители общественной среды, далекой, по самому своему составу, отъ всякихъ аггресивныхъ замысловъ и до извѣстной степени зависимой отъ правительства, рѣшились открыто выступить въ защиту „права и правды", то это служитъ яркимъ показателемъ глубины и остроты неудовольствія, возбуждаемаго послѣдними мѣрами правительства. Особенно сильнымъ это неудовольствіе не можетъ не быть именно въ Москвѣ, издавна гордящейся и дорожащей своимъ университетомъ. Его славныя традиціи освѣщаютъ прошлое Москвы, заставляютъ забыть многое неприглядное въ ея настоящемъ, поддерживаютъ надежды на ея свѣтлое будущее. Крушеніе московскаго университета было бы катастрофой для всей Россіи, но больнѣе всего оно отозвалось бы на городѣ, съ которымъ онъ связанъ не одною лишь географическою связью. Легко, конечно, пройти, съ равнодушной или презрительной миной, мимо протеста „какой-то" горсти людей, безсильной сравнительно съ правительственною властью; но гораздо труднѣе увѣрить себя, что это — vox et praeterea nihil. Такими симптомами политическое врачебное искусство пренебрегать не можетъ и не должно.

Стоитъ ли, однако, обращать вниманіе на голосъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, никѣмъ не уполномоченныхъ лицъ, когда на сторонѣ правительства стоитъ такое учрежденіе, какъ Государственная Дума?

Да, въ засѣданіяхъ 5-го и 7-го февраля Дума, большинствомъ 155 голосовъ противъ 95 и 160 голосовъ противъ 109, отклонила спѣшность запросовъ оспаривавшихъ закономѣрность дѣйствій совѣта министровъ. Но, во-первыхъ, существо запросовъ остается пока неразсмотрѣннымъ и неразрѣшеннымъ; во-вторыхъ, самое большинство — въ особенностм если принять во вниманіе составъ и характеръ третьей Думы—вовсе не такъ велико, чтобы служить твердымъ оплотомъ для министерства. Большимъ несчастьемъ, въ нашихъ глазахъ, является не столько явно враждебное отношеніе къ высшей школѣ, господствующее среди крайнихъ и не-крайнихъ правыхъ—оно и не могло быть инымъ, въ виду всѣмъ извѣстнаго духа этихъ партій,— сколько равнодушіе центра или значительной его части, рѣшающее, въ подобныхъ случаяхъ, судьбу запросовъ. Деп. Ляхницкій (трудовикъ) былъ правъ, когда воскликнулъ, что положеніе дѣлъ могло бы существенно измѣниться къ лучшему, еслибы большинство Думы отнеслось къ студенчеству доброжелательно и сдѣлало все зависѣвшее отъ него для возстановленія нормальной жизни въ высшей школѣ... Какъ бы то ни было, пока Дума молчитъ, пока мнѣніе ея можетъ быть только угадываемо, и самыя догадки ничего утѣшительнаго не представляютъ, немалую цѣнность имѣютъ и выступленія со стороны, позволяющія заглянуть поглубже въ мысли и чувства плохо представленныхъ или вовсе непредставленныхъ слоевъ русскаго общества.

Отъ студенческихъ забастовокъ, какъ орудія академической или политической борьбы, мы никогда ничего хорошаго не ожидали. Въ русскомъ обществѣ такъ мало знаній и такъ велика потребность въ нихъ, что все, мѣшающее ихъ накопленію и распространенію, увеличиваетъ и безъ того уже громадный пассивъ народнаго баланса. Прекращеніемъ занятій въ высшей школѣ никогда ничего не достигалось, а терялось, страдало и гибло отъ него очень многое. Но къ явленіямъ исторической жизни, повторяющимся, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, съ почти математическою правильностью, нельзя примѣнять мѣрку, пригодную только для судебныхъ процессовъ. Нельзя произносить надъ ними приговоры, все равно—обвинительные или оправдательные; нужно стараться понять ихъ, раскрыть ихъ источникъ въ прошломъ и выяснить, тѣмъ самымъ, желательное отношеніе къ нимъ въ настоящемъ и будущемъ. Съ этой точки зрѣнія мы рѣшаемся утверждать, что если разъ навсегда положить конецъ забастовкамъ учащейся молодежи, сдѣлать ихъ безусловно немыслимыми, уничтожить самую о нихъ память можетъ только водвореніе въ Россіи истинной политической свободы, то, при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, возстановленіе правильнаго хода занятій тѣсно связано съ отмѣной чрезвычайныхъ, внѣ-законныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ „успокоенія“,

но приводящихъ къ прямо противоположнымъ результатамъ. Съ рѣшительнымъ осужденіемъ общественное мнѣніе должно отнестись, однако, къ тѣмъ *формамъ* забастовки, которыя, какъ насиліе снизу, слишкомъ легко могутъ быть обращены въ мотивъ для насилія сверху. Не говоримъ уже о такихъ возмутительныхъ эксцессахъ, какъ оскорбленіе дѣйствіемъ ни въ чемъ неповиннаго старика-профессора [1]); но и такъ называемая обструкція — „въ особенности химическая", противная сама по себѣ и далеко не безвредная для ея жертвъ, — производитъ удручающее впечатлѣніе на друзей молодежи. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, цѣль не оправдываетъ средства—да и самая цѣль не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя располагаютъ къ оправданію. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: или на сторонѣ забастовки значительное большинство учащихся—и въ такомъ случаѣ эффектъ ея немного пострадаетъ отъ безпрепятственнаго посѣщенія лекцій ничтожнымъ числомъ слушателей; или забастовкѣ не сочувствуетъ большинство, не сочувствуютъ, по меньшей мѣрѣ, весьма и весьма многіе—и въ такомъ случаѣ проведеніе ея съ помощью шума и крика, или отравленія воздуха въ аудиторіяхъ, должно быть признано несовмѣстнымъ съ элементарными требованіями корпоративной этики. Намъ скажутъ, можетъ быть, что насиліе противъ штрейкбрехеровъ— обычное явленіе при стачкахъ рабочихъ. Оставляя въ сторонѣ спорный вопросъ о допустимости такого насилія, замѣтимъ, что въ средѣ рабочихъ, занятыхъ въ одной и той же отрасли промышленности, общность интересовъ, а слѣдовательно и солидарность, гораздо больше, чѣмъ въ разношерстной массѣ студентовъ, и что успѣхъ стачки можетъ быть для рабочихъ тѣмъ, чѣмъ никогда не бываетъ для студентовъ успѣхъ забастовки: вопросомъ жизни и смерти.

К. Арсеньевъ.

Е. Н. ЧИРИКОВЪ

(Къ 25-ти-лѣтію его литературной дѣятельности)

Евгеній Николаевичъ Чириковъ—писатель интеллигентскій. Онъ самъ типичный интеллигентъ-общественникъ. Въ немъ прочны интел-

[1]) Если подтвердится невмѣняемость оскорбителя, то этому можно будетъ только порадоваться, какъ въ интересахъ его самого, такъ и въ интересахъ учащейся молодежи, на которую многими очень охотно возлагается отвѣтственность за его поступокъ.

лигентскія традиціи; ему близка и хорошо знакома интеллигентская психологія. Писателей такого склада въ современной литературѣ уже немного.

Чирикова не безъ основанія кто-то сравнилъ съ Вересаевымъ. Общность темъ и міросозерцанія, дѣйствительно, роднитъ этихъ писателей другъ съ другомъ. Но между ними есть и существенное различіе. Теоретикъ-интеллигентъ гораздо больше сказывается въ Вересаевѣ, чѣмъ въ Чириковѣ. Въ типахъ, нарисованныхъ первымъ, вы можете прослѣдить всѣ оттѣнки идейныхъ переживаній интеллигенціи за два послѣднія десятилѣтія. У Чирикова характеристикѣ идейныхъ настроеній, смѣнѣ міросозерцаній спеціально посвящены только болѣе раннія произведенія—„Инвалиды“, „Чужестранцы“, „Въ отставку“; въ позднѣйшихъ онъ переходитъ къ менѣе спеціальнымъ темамъ—бытовымъ и психологическимъ. Герой Вересаева—столичный интеллигентъ; такимъ онъ остается, куда бы его ни забросила судьба. Провинція ему совершенно чужда. Онъ можетъ въ ней захирѣть, но ничего отъ нея не возьметъ. Чириковъ, напротивъ, природный провинціалъ. Всѣ ужасы провинціальной жизни—ея узкость, однообразіе, некультурность—онъ знаетъ по опыту. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего говоритъ недавно изданная имъ книга: „Тихій омутъ“, рядъ публицистическихъ фельетоновъ изъ жизни провинціи. Творчество Вересаева отличается большей продуманностью; Чириковъ свѣжѣе и непосредственнѣе, чѣмъ Вересаевъ. Психологическій рисунокъ у Чирикова не такъ тщателенъ и сложенъ, но въ немъ больше штриховъ, внесенныхъ самой жизнью, больше юмора, а иногда и веселаго смѣха. Самая безотрадная изъ его картинъ не исключаетъ представленія о солнцѣ, о движеніи; въ ней чувствуется просторъ, и этого основного чувства не можетъ заглушить никакая затхлая обстановка. Чириковъ—рѣзкій отрицатель провинціи: онъ усталъ отъ нея, намаялся въ ней. Едвали, однако, онъ въ правѣ только претендовать на нее. Столица, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, врядъ ли сохранила бы его такимъ живымъ, бодрымъ и отзывчивымъ ко дню его 25-ти-лѣтняго юбилея, какимъ мы его видимъ теперь. И еще большой вопросъ: не сбѣжитъ ли, въ концѣ концовъ, писатель-провинціалъ изъ столицы, въ которую онъ такъ стремился и гдѣ, наконецъ, основался? Послушайте, какъ мечтаетъ онъ порой о просторѣ, о родной Волгѣ, съ которой у него связаны „всѣ сказки жизни“. „Послѣ долгой безсмысленной сутолоки и суматохи большого города, гдѣ, какъ въ гигантскомъ каменномъ котлѣ, вѣчно вываривaются человѣческій мозгъ, нервы и мускулы, гдѣ, какъ на пожарищѣ, въ безсиліи мечутся, давя и не понимая другъ друга, люди, гдѣ вѣчно, какъ на базарѣ, они стараются перекричать и обмануть другъ друга,—хорошо вдругъ вырваться изъ

этого ада, проспать двое сутокъ въ вагонѣ и очутиться на берегахъ Волги!... Дышишь и не надышишься, смотришь и не насмотришься"...

Е. Н. Чириковъ родился въ 1864 г. въ Симбирской губерніи, въ дворянской семьѣ; учился въ Казанскомъ университетѣ, но курса, „по независящимъ обстоятельствамъ", не кончилъ. Много времени онъ провелъ въ типичныхъ для интеллигента „скитальчествахъ"—отсидкахъ и высылкахъ. Пребываніе въ тюрьмахъ Чириковъ, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, считаетъ для себя благотворнымъ: „много прочиталъ, привыкъ къ размышленіямъ, внутреннему созерцанію, много писалъ". Въ промежуткахъ между тюремными заключеніями онъ женился и началъ заниматься писательствомъ. Первый его разсказъ былъ напечатанъ 6-го января 1886-го года въ „Волжскомъ Вѣстникѣ"; затѣмъ онъ довольно долго сотрудничаетъ исключительно въ провинціальной печати, гдѣ пользуется большою извѣстностью, и только съ 1893-го года переходитъ „на болѣе широкій путь"—въ толстые журналы; произведенія его появляются въ „Мірѣ Божьемъ", „Русскомъ Богатствѣ", „Русской Мысли", „Жизни". Съ 1901-го года Чирикова начинаетъ соблазнять драматургія, эта, по мнѣнію Чехова, коварная возлюбленная, дарящая острыя, но непрочныя радости. Толчокъ былъ данъ очень сильнымъ впечатлѣніемъ отъ исполненія „Дяди Вани" въ Московскомъ Художественномъ театрѣ. Вернувшись изъ Москвы, Чириковъ принялся за драматургію и вскорѣ написалъ двѣ пьесы: „На дворѣ во флигелѣ" и „За славой". Обѣ были поставлены въ театрѣ Корша.

Путь драматурга принесъ нашему писателю довольно много хлопотъ и огорченій, но терніи носили чисто внѣшній характеръ. Многія его пьесы были запрещены цензурой: „Евреи", „Мужики", „Легенда стараго замка", „Красные огни", „Домъ Кочергиныхъ". Особенно опечалило автора запрещеніе этой послѣдней драмы, которая посвящена его любимой темѣ: идейному столкновенія двухъ поколѣній: стараго (въ лицѣ вернувшагося изъ долгой ссылки Петра Кочергина) и молодого—юныхъ эс-де-ковъ и эс-эр-овъ. Въ пьесѣ мѣтко обрисованы оба поколѣнія, и сдѣлана попытка охарактеризовать новѣйшія отношенія помѣщиковъ и крестьянъ.

Пьесы Чирикова чаще всего носятъ бытовой, психологическій характеръ, отличаются живостью и естественностью и съ интересомъ смотрятся на сценѣ. Въ нихъ много движенія. Это выгодно выдѣляетъ ихъ въ современномъ репертуарѣ, а интенсивность настроенія и присущая имъ душевность сближаетъ ихъ съ чеховскими. Въ Петербургѣ наибольшимъ успѣхомъ пользовался „Иванъ Миронычъ". Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ „Театрѣ и Искусствѣ" [1]), авторъ разсказываетъ, что хотѣлъ назвать свою пьесу:

[1]) 1911 г., № 3.

„Новая жизнь“, но осторожный Чеховъ отсовѣтовалъ, на томъ основаніи, что „называть нужно проще“, въ противномъ же случаѣ зритель „въ правѣ многаго требовать“. *Новаго* въ пьесѣ, дѣйствительно, нѣтъ; но борьба живого съ отмершимъ, среди затхлаго быта провинціальной жизни, очерчена въ ней превосходно. На сценѣ проходятъ во всей полнотѣ провинціальные будни, съ ихъ скукой и мелкой суетой, съ домашними ссорами, съ напускнымъ радушіемъ во время пріема гостей и неизбѣжнымъ затѣмъ сожалѣніемъ, что они много съѣли, выпили и „насорили“. Главная фигура — „человѣкъ въ футлярѣ“, педагогъ Иванъ Миронычъ, угнетающій все окружающее — вышла характерной и ярко иллюстрируетъ провинціальную жизнь. Пьеса шла въ театрѣ Коммиссаржевской.

Въ наиболѣе раннемъ произведеніи Чирикова: „Инвалиды“ отразился моментъ самой острой борьбы народничества съ марксизмомъ. Явная симпатія автора къ новому направленію и тѣ черты легкаго юмора, которыя онъ внесъ въ обрисовку представителя народничества Крюкова, дали въ свое время поводъ къ обвиненію его въ пристрастности и тенденціозности. Этотъ упрекъ несправедливъ. Художникъ-наблюдатель всегда преобладаетъ въ Чириковѣ надъ партійнымъ человѣкомъ; въ изображеніи старыхъ интеллигентовъ ироніа тѣсно переплетается у него съ большимъ и искреннимъ сочувствіемъ къ нимъ. Доказательство тому—предсмертное письмо Крюкова къ оскорбившему его противнику; оно рисуетъ народника въ очень привлекательномъ свѣтѣ. „Пусть я психопатъ, никуда негодный человѣкъ, инвалидъ, смѣшной на вашъ взглядъ и окончательно безполезный. Но вѣдь я отдалъ всю свою жизнь, съ ея юностью, молодостью, съ ея житейскими радостями и благополучіемъ, на служеніе идеѣ, которая дѣлаетъ насъ братьями... Въ сущности, мы друзья, въ ослѣпленіи не узнающіе другъ друга“... Ясно, что только въ пылу страстей повѣсть могла показаться пасквилемъ, направленнымъ противъ враждебнаго лагеря.

Въ „Чужестранцахъ“ фигурируютъ болѣе „молодые“ интеллигенты, высланные въ провинцію и безуспѣшно пытающіеся тамъ создать для себя живое дѣло. Начинанія ихъ разбиваются объ инертность и недоброжелательство обывателей, и сами интеллигенты оказываются обреченными на тягостную роль „чужестранцевъ“. Разсказъ: „Въ отставку“ близокъ, по настроенію, къ повѣсти Вересаева: „На поворотѣ“. Разочарованный и опустившійся интеллигентъ 80-хъ годовъ, учитель, переживаетъ сложное и тяжелое настроеніе—нѣчто среднее между идейнымъ „бездорожьемъ“ и ренегатствомъ, страдаетъ отъ компромиссовъ и кончаетъ самоубійствомъ. Дѣйствіе трехъ названныхъ произведеній происходитъ въ провинціи, но обстановка очерчена авто-

ромъ недостаточно ярко, вниманіе его больше сосредоточено на чисто идейномъ элементѣ. Эти вещи нѣсколько растянуты и мало, въ художественномъ отношеніи, отдѣланы.

Въ послѣдующихъ повѣстяхъ и разсказахъ Чириковъ выступаетъ, главнымъ образомъ, какъ психологъ и бытописатель провинціи. Тутъ онъ вполнѣ въ своей сферѣ. При всей своей художнической объективности, онъ нерѣдко впадаетъ въ тонъ сатирика. Да и можно ли спокойно повѣствовать о наблюденіяхъ, собранныхъ въ русской провинціи, о безпріютныхъ мытарствахъ среди нея и о многомъ прочемъ, на что насмотрѣлся Чириковъ за двадцать пять лѣтъ? „Смѣхъ и слезы"—сочетаніе, такъ хорошо знакомое русской музѣ — попеременно звучатъ въ разсказахъ Чирикова. Во многихъ чувствуются слѣды тяжелыхъ личныхъ переживаній, напр. въ живомъ, яркомъ очеркѣ: „На порукахъ". Самоубійство юнаго студента, исключеннаго изъ университета и высланнаго къ родителямъ, въ провинцію, „на поруки", является, можетъ быть, нѣкоторымъ сгущеніемъ красокъ. Но психологія свѣжаго человѣка, неожиданно попавшаго въ провинцію и, безъ дѣла, насильно прикованнаго къ ней, передана вѣрно. Никакихъ трагическихъ обстоятельствъ и безвыходныхъ положеній не создалось въ существованіи юноши, но мелочной гнетъ провинціальнаго уклада, окружающая духота и безцвѣтность жизни толкаютъ его къ роковой развязкѣ.

Многочисленные семейные разлады и конфликты, изображенные Чириковымъ („Фаустъ", „Мужъ", „Романъ въ клѣткѣ" и др.), тоже возникаютъ на общемъ фонѣ провинціальной жизни, съ ея однообразіемъ, тусклостью и пустотой. Всякія человѣческія отношенія, — и такія тѣсныя, какъ семейныя, особенно, — склонны давать трещины и нуждаются въ передѣлкахъ и перестройкахъ; но здѣсь суть не столько въ нихъ самихъ, сколько въ окружающей атмосферѣ. Герои Чирикова преждевременно гибнутъ въ тинѣ провинціальнаго болота, надламываются и угасаютъ, теряютъ крылья, поднимавшія ихъ въ молодости, и часто одинъ изъ супруговъ оказывается по отношенію къ другому инвалидомъ. Въ разсказахъ Чирикова, такая печальная участь почти всегда выпадаетъ на долю мужей. Жены, на самомъ дѣлѣ часто представляющія болѣе консервативное начало, фигурируютъ у Чирикова какъ протестантки и революціонерки.

„Общественность" въ большей или меньшей степени окрашиваетъ всѣ произведенія Чирикова. Въ нихъ отражаются событія и настроенія дня, вплоть до самаго послѣдняго времени—и сочувствіе его всегда остается на сторонѣ прогрессивныхъ силъ жизни. Но все-же родная для Чирикова стихія — не политика и не общественность въ узкомъ смыслѣ слова, а психологія. Какъ психологъ, онъ

отличается большой вдумчивостью и сердечностью. Сочувствіе его къ человѣку — не головной альтруизмъ, не теоретическая гуманность, а непосредственная доброта и отзывчивость, дающая ему возможность проникать въ чужую душу. Чирикову близокъ человѣкъ—да и не только человѣкъ, а вся жизнь на землѣ, природа.

Произведенія Чирикова многочисленны. Въ настоящее время они составляютъ уже десять томовъ, не включая сюда театральныхъ пьесъ. Въ художественномъ отношеніи они далеко не равнаго достоинства. Нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на себѣ печать спѣшной газетной работы. Но, зато, есть разсказы, написанные съ большимъ мастерствомъ, свидѣтельствующіе о большой наблюдательности автора и о настоящемъ беллетристическомъ талантѣ. Таковъ, напримѣръ, превосходный во всѣхъ отношеніяхъ очеркъ „Танино счастье“.

Въ послѣднихъ произведеніяхъ Чирикова замѣтна болѣе тщательная работа надъ формой и, въ связи съ этимъ, прогрессъ въ техникѣ. А красота и свѣжесть нѣкоторыхъ изъ этихъ позднѣйшихъ разсказовъ, напр. „Марьки изъ ямъ“, показываетъ, что силы юбиляра находятся въ полномъ расцвѣтѣ.

Е. Колтоновская.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. Второе исправленное и дополненное изданіе Академіи наукъ. Спб., 1910. Цѣна 3 руб.

Авторъ избралъ девизомъ старую поговорку: „хронологія — око исторіи“ и, руководствуясь ею, далъ замѣчательный по полнотѣ и тщательности сводъ хронологическихъ данныхъ, не только по годамъ, но и по мѣсяцамъ и днямъ, о великомъ русскомъ поэтѣ. Громадная историческая роль Пушкина и его геній, конечно, вполнѣ оправдываютъ трудъ составителя. Настоящую детальную оцѣнку книги можетъ дать только тотъ, кто самъ погружался въ детальное изслѣдованіе Пушкина: вся она—сводъ подробностей, мелочей, а въ этомъ отношеніи многое еще не выяснено и спорно. На многихъ страницахъ мы находимъ оговорки и поправки автора къ прежнимъ библіографическимъ и хронологическимъ изысканіямъ. Авторъ идетъ на встрѣчу возможнымъ упрекамъ въ мелочности его указаній, справедливо замѣчая, что разобраться въ томъ, нужна ли та или другая подробность, должны изслѣдователи будущаго времени. Намъ кажется

даже, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы желательно расширеніе этихъ „мелочей“, именно тѣхъ, которыя характеризуютъ отношеніе современниковъ къ Пушкину. Напримѣръ, намъ понадобилась справка объ извѣстной нотаціи, которая была прочитана Краевскому за напечатаніе некролога: „Солнце нашей поэзіи закатилось“; но опредѣлить, гдѣ объ этой нотаціи впервые сообщалось, по книгѣ г. Лернера намъ не удалось. Мы не нашли также въ числѣ откликовъ современниковъ на смерть Пушкина указанія на замѣчательный дневникъ Н. И. Иваницкаго [впрочемъ, возможно, что онъ появился въ свѣтъ (Щук. сб., т. VIII) уже тогда, когда книга г. Лернера заканчивалась печатаніемъ]. Спеціалисты по Пушкину, вѣроятно, будутъ въ состояніи указать, какъ то бываетъ во всякой библіографической работѣ, рядъ мелочей, которыми можно было бы съ большей или меньшей пользою умножить данныя г. Лернера; но и сдѣланное имъ представляетъ въ высшей степени почтенный и необходимый трудъ. Премія лицейскаго пушкинскаго общества присуждена ему по праву, и Академія наукъ хорошо сдѣлала, принявъ на себя печатаніе труда г. Лернера. Аналогичныхъ работъ по другимъ корифеямъ русской литературы можно только пожелать.

— Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, въ двухъ томахъ. Подъ редакціей М. Гершензона. Издательство „Путь“. М., 1911. Ц. 4 р.

„Сочиненія Кирѣевскаго—говоритъ редакторъ изданія въ предисловіи—въ извѣстномъ смыслѣ, для новѣйшей русской исторіи, первоисточникъ и русской правды, и русской неправды. Поэтому я считалъ полезнымъ ихъ переизданіе; надо привести общество къ первоисточнику тѣхъ идей, которыя въ немъ борются; пусть оно непосредственно увидитъ самую эту истину, заключенную въ коренномъ убѣжденіи Кирѣевскаго, и пусть увѣрится также, что та ложь беззаконно ссылается на нее, какъ на свою основу и оправданіе“. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы изданіе какого бы ни было автора „привело“ цѣлое русское общество къ первоисточникамъ борющихся въ немъ правды и неправды. Но изданіе сочиненій знаменитаго славянофила, во всякомъ случаѣ, дѣло хорошее. Кирѣевскій былъ давно библіографической рѣдкостью, и для занимающихся изученіемъ исторіи русской общественной мысли новое изданіе его, конечно, находка. Оно воспроизводитъ полностью всѣ сочиненія Кирѣевскаго. Они распредѣлены въ три отдѣла—философскія статьи, литературно-критическія и беллетристика. Существенно новаго, что не входило бы въ прежнее собраніе, въ этихъ отдѣлахъ немного. Новы въ собраніи сочиненій письма; нѣкоторыя вообще появляются въ печати впервые. Къ вос-

производимому тексту редакторъ отнесся съ должнымъ уваженіемъ, держась правописанія и пунктуаціи подлинниковъ и сохраняя нѣсколько тяжелый и старомодный ихъ колоритъ. Въ упрекъ редактору должно быть поставлено его субъективное отношеніе къ письмамъ Кирѣевскаго. Изъ числа ихъ г. Гершензонъ опустилъ „малосодержательныя". Сравнивая выбранное съ опущеннымъ, мы убѣждаемся, что редакторъ подбиралъ все рисующее внутреннюю жизнь Кирѣевскаго и пренебрегалъ тѣмъ, что касается внѣшней литературной исторіи эпохи—способъ работы для изданія, стремящагося къ полнотѣ, едва ли заслуживающій одобренія. Съ сожалѣніемъ приходится указать и на другія отступленія редактора изданія отъ того минимума, какой принято требовать отъ посмертныхъ изданій, претендующихъ на серьезное значеніе для изучающихъ предметъ. Неудовлетворительны, прежде всего, повторенные въ новомъ изданіи біографическіе „матеріалы" Елагина. Къ нимъ добавлена въ примѣчаніи только любопытная „исторія обращенія Кирѣевскаго". Вмѣсто статьи Елагина слѣдовало дать хотя обстоятельную хронологическую канву біографіи Кирѣевскаго, а всѣ письма, собранныя Елагинымъ, вынести въ отдѣлъ писемъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ эти письма частью уже были въ печати. На стран. 75 „матеріаловъ" встрѣчается упоминаніе о „неотысканныхъ" письмахъ Кирѣевскаго къ Кошелеву; между тѣмъ они не только давно отысканы, но и помѣщены самимъ г. Гершензономъ во второмъ томѣ собранія. Недостаткомъ слѣдуетъ признать и отсутствіе въ „полномъ собраніи" указателей, которые облегчали бы пользованіе книгой. Нѣтъ ни общаго хронологическаго указателя статей и писемъ, ни полной библіографіи ранѣе напечатанныхъ писемъ, ни именного указателя, не говоря уже о предметномъ, хотя редакторъ, какъ знатокъ Кирѣевскаго, могъ бы составить и этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворительно. Издано собраніе съ внѣшней стороны хорошо и сравнительно недорого. Приложенъ портретъ Кирѣевскаго.

— Жизнепониманіе Льва Николаевича Толстого. Въ письмахъ его секретаря В. Ѳ. Булгакова. Библіотека Л. Толстого подъ ред. П. И. Бирюкова. № 2. Москва, 1911. Цѣна 10 коп.

— С. П. Спиро. Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ (1909 и 1910). М., 1911. Цѣна 50 к.

— Б. С. Боднарскій. Библіографія произведеній Л. Н. Толстого. М., 1910.

В. Ѳ. Булгаковъ, по порученію Льва Толстого, отвѣчалъ на нѣкоторыя изъ писемъ, потокомъ лившихся къ великому писателю, отвѣчалъ въ качествѣ человѣка, близкаго ему по взглядамъ. Въ свое время всѣ письма были прочтены и проредактированы Толстымъ, а нѣкоторыя снабжены приписками, подтверждающими точность пере-

дачи мыслей Л. Н. Эти письма имѣютъ, слѣдовательно, почти то же значеніе, что и письма, лично писанныя Л. Н. Въ цѣломъ—выборъ писемъ сдѣланъ удачно и рельефно рисуетъ основныя черты настроеній и взглядовъ Толстого въ послѣдніе годы его жизни. Изъ писемъ удалено все, что̀ касается частныхъ деталей. Нѣтъ никакихъ указаній, кому писалось данное письмо; читатель можетъ только догадываться, что такое-то письмо писано юношѣ, сомнѣвающемуся, продолжать ли ему университетское образованіе, другое — адресовано мечтающему о литературной дѣятельности, и т. п. Общій тонъ—участливое, вдумчивое отношеніе къ душевнымъ тревогамъ, заставившимъ адресата обратиться въ Ясную Поляну; лишь изрѣдка прорывается нетерпѣніе, напр. въ отвѣтѣ какой-то, очевидно, очень притязательной кандидаткѣ въ писательницы. Ей было сказано сухо: „Можете ли вы быть писательницей, изъ письма вашего заключить нельзя. Но то недоброе чувство и раздраженіе, которыми проникнуто ваше письмо, для писательницы, по мнѣнію Льва Николаевича, совсѣмъ неумѣстны“.

Вторая книжка — „Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ“ г-на Спиро — составилась изъ нѣсколькихъ замѣтокъ газетнаго корреспондента, по разнымъ поводамъ пріѣзжавшаго къ Толстому. „Бесѣдъ“, въ сущности, никакихъ нѣтъ, а есть обычныя интервью, требующія осторожнаго пользованія. Цѣнны здѣсь только небольшія замѣтки Толстого (о Гоголѣ) и кое-какія подробности о поѣздкѣ его, въ 1909 г., чрезъ Москву къ Черткову и о жизни въ Ясной Полянѣ. Въ общемъ—довольно претенціозно изложенный и безусловно слишкомъ дорого оцѣненный матеріалъ.

Брошюра г. Боднарскаго представляетъ только „опытъ“, но заслуживающій вниманія по основной мысли. Въ основаніе систематической библіографіи произведеній Толстого положена авторомъ десятичная схема международной классификаціи книгъ. Цѣль такой систематизаціи въ примѣненіи къ Толстому — дать возможность легко и скоро находить всю совокупность произведеній его, относящихся къ данному вопросу. На 24 страницахъ выполнить этотъ колоссальный трудъ, требующій детальнаго изученія всего литературнаго наслѣдства Толстого, было, конечно, немыслимо, и въ теперешнемъ видѣ, какъ, впрочемъ, сознаетъ, и самъ составитель, указатель—только первоначальная схема. Возбуждаютъ иногда недоумѣніе основанія, какими руководился авторъ, разнося сочиненія Толстого по рубрикамъ. Въ отдѣлъ философіи отнесена статья „Николай Палкинъ“, а чисто этическія статьи, напр. о Бондаревѣ, попали въ отдѣлъ прикладныхъ наукъ.

— Н. Н. Златовратскій. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ шестидесятыхъ годовъ. Москва, 1911.

Извѣстный писатель собралъ въ этой книгѣ свои давнишніе „Разсказы о дѣтяхъ освобожденія“ и болѣе позднія воспоминанія: „Дѣтскіе и юные годы“ (1845—1865 гг.). „Крѣпостное право еще въ полной силѣ царило надъ жизнью. Но „великій праздникъ“, одинъ изъ тѣхъ „праздниковъ“, которые вѣнчаютъ собою усилія, муки и надежды цѣлаго ряда поколѣній, былъ уже наканунѣ... Наше поколѣніе зарождалось подъ счастливой звѣздой“,—пишетъ авторъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ. Въ дымкѣ воспоминаній объ этой зарѣ освобожденія предъ читателемъ проходятъ „старыя тѣни“ людей, страдавшихъ подъ гнетомъ крѣпостного права, лелѣявшихъ мечту о свободѣ или томившихся страданіемъ за порабощенныхъ: маленькій дѣдушка-дьяконъ, юродивая Фимушка, разсказчица о временахъ гоненій и торжествѣ правды Аннушка и другіе искатели правды. Все это переноситъ насъ въ тогдашнюю атмосферу перелома народной жизни. Вторая часть книги—автобіографическія записки. Она даетъ живую картину умственнаго пробужденія глухой провинціальной общественности. Домъ автора былъ центромъ молодой зарождавшейся интеллигенціи. Въ то время, какъ старшіе волновались каждымъ шагомъ эмансипаціи, дѣти и молодежь жадно всасывали новыя понятія, новые интересы, вдругъ повѣявшіе въ старомъ быту. Живо передано впечатлѣніе, какое производили на подростковъ и юношей такіе факты, какъ появленіе печатнаго станка, попытка начать газету и обѣщанное въ ней участіе Добролюбова. Но недологъ былъ этотъ подъемъ. За горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Добролюбова идутъ переживанія постепеннаго охлажденія общественныхъ настроеній. Быстро ликвидируются робкія попытки провинціальной интеллигенціи поднять и оживить мѣстную общественную жизнь, и снова наступаютъ для многихъ, оживившихъ было духомъ людей сонная обывательщина и бездушный трудъ изъ-за корки хлѣба. Но съ другой стороны идетъ пробужденіе въ молодежи активной, сознательной жизни. Повѣствованіе г. Златовратскаго дышетъ живымъ, бодрымъ настроеніемъ и отъ чисто автобіографическаго значенія поднимается на высоту настоящаго памятника знаменательной эпохи.—Ч. В—скій.

— А. И. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Межениновa. Спб., 1911. Цѣна 75 коп.

Книжка г. Фаресова сохранитъ память объ остроумномъ и язвительномъ юмористѣ и гражданскомъ поэтѣ 70—80-ыхъ годовъ. А. П. Межениновъ (1834—1910) былъ на рѣдкость честный, здравый и трезвый умъ, и въ его небольшомъ поэтическомъ наслѣдіи отразилась

душа, умѣвшая любить и негодовать. Въ русской гражданской поэзіи, вообще довольно небогатой, Меженинову должно быть отведено свое мѣсто,—конечно, гораздо ниже Некрасова, но близъ Шумахера, Минаева, Пальмина, Пушкарева. Особенно много въ немъ общаго съ Шумахеромъ; замѣтимъ, кстати, что не Меженинову, а Шумахеру принадлежатъ стихотворенія: „Не то“, „Вильгельмъ и Бисмаркъ“, „Рецептъ“, а „Зарайское кладбище“—распространенная передѣлка пьесы Шумахера: „Туманныя картины“. Самъ поэтъ не собиралъ и не печаталъ своихъ стиховъ, сохраняющихся только въ памяти и въ записяхъ, часто небрежныхъ, его друзей и случайныхъ слушателей. Въ восьмидесятыхъ годахъ ему нечего было, впрочемъ, и надѣяться увидѣть въ печати свои злыя эпиграммы и сатиры. И для нашихъ дней не утратила своей соли эта программа дѣятельности дворянства, которое должно отдать жизнь родинѣ своей... „должно по праздникамъ являться всегда изъ первыхъ въ Божій храмъ, учить крестьянъ повиноваться десятскимъ, сотскимъ, старшинамъ, быть съ губернаторами въ дружбѣ, жандармовъ братьями считать и, подчиняясь царской службѣ, вездѣ крамольниковъ искать“. Набрасывая широкія картины общественнаго зла („Здѣсь душатъ дворники несчастнаго пьянчугу, тамъ душитъ націю бездушный изувѣръ“), Меженіновъ всей душою протестовалъ противъ смертной казни („не могу тоски унять,—шестерыхъ вчера казнили, завтра вѣшаютъ опять“) и не скрывалъ своихъ убѣжденій и сочувствій („безусый студентикъ виситъ... одинъ человѣкъ былъ порядочный здѣсь, и повѣшенъ“). Хорошо сдѣлаетъ г. Фаресовъ, если съ помощью другихъ знакомыхъ Меженинова соберетъ и издастъ полный сборникъ его стиховъ.

— Леонидъ Андреевъ. Разсказы, очерки, статьи. Изданіе тов—ва „Просвѣщеніе“. Спб., 1911.

Сборникъ принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ „посмертныхъ“. Обыкновенно, когда умираетъ популярный писатель (а мертвые, какъ извѣстно, сраму не имутъ), издатели—изъ корыстныхъ соображеній, а друзья и почитатели—изъ чистаго безкорыстія, приступаютъ къ составленію подобныхъ сборниковъ, куда включаются первоначальные опыты“, „наброски“, и вообще натаскивается всякій мусоръ творчества. „Нива“, располагая правомъ изданія „всѣхъ“ сочиненій Чехова, такъ теперь и поступаетъ, выпуская цѣлый рядъ „дополнительныхъ“ томовъ, не смотря на то, что самъ авторъ отбрасывалъ и старался забыть добрыя три четверти своихъ писаній. Изъ какихъ бы побужденій ни издалъ г. Андреевъ свои газетныя статьи, славы онѣ ему не прибавятъ. М. Рейснеръ во вступительной статьѣ

устанавливаетъ связь между теперешнимъ Андреевымъ и Андреевымъ „тогдашнимъ“, которая, впрочемъ, и сама собою подразумѣвается; но, какъ ни искусенъ этотъ историко-критическій экскурсъ, читатель, привыкшій знать Андреева лучшимъ, чѣмъ онъ былъ когда-то, во дни оны, и настроенный весьма требовательно по отношенію къ писателю перваго ранга, будетъ горько разочарованъ новой книжкой старыхъ фельетоновъ. Они могутъ занимать только біографа и историка литературы, а обычному читателю „изящной словесности“ здѣсь пищи нѣтъ никакой. Дешевый, трафаретный соціальный протестъ, дешевый, малоосмысленный и неинтеллигентный протестъ противъ опостылѣвшихъ порядковъ средней школы, юморъ дешевый, достигаемый такими простыми средствами, какъ нелѣпая гипербола. Выѣздъ на дачу, поиски квартиры, юбилеи—и эти темы, и ихъ трактовка слишкомъ напоминаютъ „Будильникъ“ добрыхъ старыхъ временъ. Андрееву очень хотѣлось смѣшить читателя—и вотъ онъ разсказывалъ, что нѣкто носилъ такой узкій крахмальный воротникъ, что у него „глаза выпирало, какъ у удивленнаго рака, отъ котораго сбѣжала съ актеромъ жена“; за обѣдомъ онъ давился, „и три лакея напрасно били его по шеѣ, пока четвертый не бралъ его за ноги и не вытряхивалъ изъ него содержимаго“; „своего маленькаго племянника онъ зналъ только по слухамъ, такъ какъ не могъ наклонить шеи, чтобы увидѣть его“. А то—„горничная три дня не могла рта закрыть отъ изумленія; пришлось звать слесаря“. Всѣ эти потуги вовсе не смѣшатъ читателя, а только погружаютъ его въ унылое изумленіе: неужели же это могло казаться смѣшнымъ самому г. Андрееву? Нѣсколько хорошихъ, талантливыхъ строкъ и страницъ (напр. 120—121) тонутъ въ цѣломъ морѣ газетныхъ разглагольствованій. Стоило ли г. Андрееву возвращаться къ нимъ, выставлять себя не съ лучшихъ сторонъ и оказывать себѣ ту медвѣжью услугу, которую оказываетъ писателю только потомство, да и то не всякому писателю?—Н. Л.

— П. К. Энгельмейеръ. Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Спб., 1911.

Названный трудъ г. Энгельмейера не имѣетъ задачей научное изслѣдованіе вопроса о творчествѣ и средѣ въ одной, частной области дѣятельности человѣка; теоріи творчества посвящено авторомъ особое сочиненіе. Въ данной книжкѣ авторъ задается практической цѣлью освѣщенія самому изобрѣтателю его положенія въ различные моменты его внутренней и внѣшней работы и предостереженія неудачныхъ изобрѣтателей отъ непроизводительной растраты ихъ силъ. Пополненіе пробѣла въ средствахъ достиженія послѣдней цѣли со-

ставляетъ даже „истинное назначеніе настоящей книжки“, и эта задача, между прочимъ, встрѣтила одобреніе покойнаго Л. Н. Толстого, высказавшаго въ письмѣ къ автору, что его книга можетъ принести пользу тѣмъ изъ числа неудачныхъ изобрѣтателей, „которые еще не потеряли способности практически относиться къ своимъ проектамъ“.

Въ процессѣ изобрѣтеній авторъ различаетъ три момента: появленіе идеи даннаго изобрѣтенія, воплощеніе ея въ планѣ или схемѣ и сооруженіе соотвѣтствующей модели. Первый моментъ принадлежитъ всецѣло изобрѣтателю; преобладающую роль на этой стадіи изобрѣтенія играетъ интуиція, догадка, образующаяся въ глубинѣ безсознательной психической жизни. Авторъ настолько убѣжденъ въ необходимости, въ каждомъ случаѣ изобрѣтенія, интуиціи, что не соглашается съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изобрѣтателей, утверждавшихъ, что процессъ ихъ открытій отъ начала до конца происходилъ въ области сознанія. Второй моментъ процесса изобрѣтенія — составленіе плана или схемы—есть уже дѣло „методическаго мышленія“, при которомъ большую пользу приносятъ справки съ учебниками, сборниками и атласами. Сооруженіе модели обыкновенно требуетъ участія третьихъ лицъ—рабочихъ. Во всемъ этомъ процессѣ изобрѣтатель зависитъ исключительно отъ себя, отъ своихъ спеціальныхъ знаній и способностей,—и г. Энгельмейеръ, самъ спеціалистъ, даетъ изобрѣтателю рядъ полезныхъ совѣтовъ. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ о распространеніи изобрѣтенія, которое сплошь и рядомъ зависитъ отъ массы условій, индивидуальнаго и соціальнаго характера, и автору остается лишь познакомить съ нѣкоторыми изъ нихъ читателя. Здѣсь авторъ особенно настаиваетъ на консерватизмѣ потребителя, чуждающагося, будто бы, всего новаго. Намъ кажется, что онъ опоздалъ съ своимъ утвержденіемъ: въ передовыхъ капиталистическихъ обществахъ потребитель настолько полюбилъ уже смѣну впечатлѣній, что и свои интеллектуальныя и художественныя настроенія мѣняетъ—по выраженію Зомбарта—какъ галстухъ или перчатки. Въ концѣ своего труда г. Энгельмейеръ высказалъ нѣсколько замѣчаній о школьномъ воспитаніи творчества.

Хотя авторъ и ограничивается въ своей книжкѣ довольно узкой областью явленій, но его трудъ прочтется съ интересомъ каждымъ грамотнымъ человѣкомъ. Область творчества завлекательна сама по себѣ, во всѣхъ случаяхъ творчества господствуютъ одинаковые психологическіе законы—а техническія изобрѣтенія вообще возбуждаютъ нынѣ большой интересъ въ публикѣ.

— Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ. Спб., 1910.

Послѣ того какъ японская война разбудила отъ долгой спячки широкіе слои русскаго общества и рядовой россійскій обыватель сталъ задумываться надъ вопросами нашей общественной жизни, а введеніе представительныхъ учрежденій какъ бы включило этого обывателя въ число лицъ, такъ или иначе принимающихъ участіе въ законодательной дѣятельности—почувствовалась надобность въ такихъ справочникахъ, которые заключали бы свѣдѣнія по важнѣйшимъ предметамъ народной жизни. Частными фирмами были предприняты статистическія изданія подобнаго рода, впослѣдствіи прекратившіяся. Въ это время вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ оффиціальнаго изданія, указаннаго въ заголовкѣ нашей замѣтки, а разсматриваемый нынѣ томъ является уже четвертымъ годомъ періодическаго статистическаго изданія по предметамъ сельскаго хозяйства и технической переработки продуктовъ послѣдняго въ Россіи и главнѣйшихъ другихъ государствахъ, при чемъ соотвѣтствующія данныя относятся не только къ производству, но и къ желѣзнодорожнымъ перевозкамъ (для Россіи), и къ внѣшней торговлѣ, и свѣдѣнія спеціально сельскохозяйственнаго характера для Россіи дополняются еще данными о земельномъ и сельскохозяйственномъ кредитѣ, о дѣятельности сберегательныхъ кассъ и учрежденій мелкаго кредита, о производствѣ сельскохозяйственныхъ машинъ. Въ книгѣ приведены еще свѣдѣнія о пространствѣ, населеніи и протяженіи желѣзнодорожной сѣти въ различныхъ государствахъ. Большая часть свѣдѣній дается за нѣсколько лѣтъ, и для Россіи въ большинствѣ случаевъ сообщаются не только имперскіе, но и губернскіе итоги.

При нашей бѣдности умственными силами и сравнительно незначительномъ спросѣ на подобныя изданія, ежегодная публикація такихъ сборниковъ таблицъ, какъ настоящій, заключающій 500 страницъ убористой печати, посильна только правительственному учрежденію. Въ изданіи вѣдомства землеустройства и земледѣлія интересующійся данными вопросами читатель найдетъ рядъ интересныхъ и постоянно обновляющихся свѣдѣній, могущихъ служить основой для соображеній научнаго и практическаго характера. Мы не станемъ указывать на мелкіе недочеты изданія; отмѣтимъ только, что остается неизвѣстнымъ, къ какой торговлѣ—общей или спеціальной—относятся приведенныя въ сборникѣ свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ товаровъ для иностранныхъ государствъ.—В. В.

— Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича.

Историческая зависимость между эпохой великихъ реформъ и эпохой освободительнаго движенія не подлежитъ сомнѣнію. Преемство идей и настроеній связываетъ и Радищева, и декабристовъ, и дѣятелей 60-хъ годовъ, и дѣятелей послѣдняго времени. Поучительно, поэтому, то юбилейное освѣщеніе, которое дается крестьянскому вопросу изъ праваго лагеря. Съ первыхъ же строкъ брошюры г. Богдановича мы узнаемъ, что „въ глубокую старину вездѣ на Западѣ земледѣльцы пахари были въ полномъ смыслѣ слова рабами, а у насъ земледѣльческое или крестьянское сословіе было свободнымъ, поставляло изъ своей среды воиновъ, почему и называлось служилымъ, но не имѣло своей земли и обрабатывало землю помѣщиковъ по добровольному съ ними уговору". Въ исторіи разрѣшенія крестьянскаго вопроса у насъ въ Россіи г. Богдановичъ могъ бы найти много лестнаго для русскаго національнаго самолюбія; но для того, чтобы укорить „гнилой Западъ", ему понадобилось отступить отъ исторической правды. О „рабствѣ" крестьянъ съ одинаковымъ правомъ—и съ одинаковыми оговорками — можно говорить и по отношенію къ Западу, и по отношенію къ Россіи. Служилымъ называлось на Московской Руси не крестьянское, а дворянское сословіе. Это знаютъ и ученики народной школы. Въ дальнѣйшемъ г. Богдановичъ связываетъ исторію крестьянъ съ развитіемъ царской власти. Отмѣну „Юрьева дня" г. Богдановичъ приписываетъ тому, что въ концѣ XVI-го столѣтія русской землей правилъ „самохотно" Борисъ Годуновъ, умный, но жестокій правитель, „неувѣренный въ своихъ силахъ". Естественно возникаетъ вопросъ: отчего же послѣдующіе государи—законно избранный Михаилъ Ѳедоровичъ и его сынъ Алексѣй Михаиловичъ — не возстановили, по крайней мѣрѣ, Юрьева дня, а уложеніе 1649-го года, отмѣнивъ урочные годы для сыска бѣглыхъ, завершило дѣло прикрѣпленія крестьянъ? „Какъ ни былъ кротокъ, миролюбивъ и милостивъ—говоритъ г. Богдановичъ—царь Михаилъ Ѳедоровичъ, а за нимъ и сынъ его, Алексѣй Михайловичъ, этимъ первымъ русскимъ царямъ все-же не удалось облегчить тяжкую долю крестьянъ. Россіи въ ту пору приходилось неустанно вести войны". Историки не упрекаютъ первыхъ Романовыхъ за завершеніе дѣла прикрѣпленія крестьянъ. Для чего же, спрашивается, понадобилось г. Богдановичу сначала приписать „первымъ царямъ" какую-то заботу о „тяжкой долѣ крестьянъ", а затѣмъ оправдывать ихъ необходимостью вести войны? Усердно ссылается г. Богдановичъ на необходимость укрѣплять государство извнѣ и изнутри и для оправданія

императоровъ, начиная съ Петра Великаго и кончая Николаемъ I. Разбирать такія разсужденія едва ли нужно.

Собственно объ освобожденіи крестьянъ въ царствованіе Александра II г. Богдановичъ говоритъ очень и очень немного. Глава: „подготовительныя работы" содержитъ въ себѣ только отрывки изъ рѣчи Александра II-го въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861-го года. Вмѣсто изложенія самой реформы, приведены лишь выдержки изъ манифеста 19-го февраля. Затѣмъ г. Богдановичъ переходитъ къ описанію, со словъ современниковъ, народной радости по случаю освобожденія, тщательно удаляя все, что могло бы напомнить, чѣмъ было крѣпостное право для народа. О рескриптѣ Назимову, о губернскихъ комитетахъ, о редакціонныхъ коммиссіяхъ г. Богдановичъ не говоритъ ни слова. О выкупѣ надѣльной земли, о томъ, какъ правительство пришло къ этой мысли, онъ также не упоминаетъ. Объ освобожденіи съ землей говорится мелькомъ, въ укоръ Западу, гдѣ „въ странахъ болѣе насъ образованныхъ и передовыхъ почти вездѣ освобожденіе состоялось безъ земли". Очевидную неполноту брошюры вполнѣ объясняетъ одно утвержденіе ея автора: „тотъ, кто скажетъ вамъ, что помѣщики были противъ воли, тотъ солжетъ жестоко и великій грѣхъ на душу возьметъ". Съ такой точки зрѣнія писать исторію великой реформы было бы, конечно, трудно. Пришлось бы или говорить противъ истины, или противъ самого себя. Понятно, что г. Богдановичъ предпочелъ промолчать.—Д. К.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В. — Собраніе сочиненій. Бабы и дамы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аникина, А.—Воля желанная. Пьеска для подростковъ, посвященная памяти крестьянской реформы 19 февраля. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Аріанъ, Л. Н.—Первый женскій календарь на 1911 годъ. Спб., Цѣна 4 р.

Бодлеръ, Ш. — Стихотворенія въ прозѣ. Перев. Эллиса. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Валишевскій, К.—Иванъ Грозный. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина и В. П. Херсонской. Москва, 1911 . Цѣна 3 р.

Гангелинъ, Александръ. — Четвертая симфонія Чайковскаго въ стихахъ. Сборникъ стиховъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Гвоздевъ, С. — Записки фабричнаго инспектора. Изъ наблюденій и практики 1894—1908 гг. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Гонкуры, Э. и Ж.—Полное собраніе сочиненій. Т. I. Элиза. Романъ. Пер. съ франц. М. Бередниковой, со вступительной статьей Виктора Гофмана. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Григорьевъ, Т. Г.—Мертвая сказка. Драматич. эпизодъ въ 1-мъ дѣйствіи. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

Диль, Шарль, проф.—Византійскіе портреты. Часть 2-я. Перев. Е. Кирпичинскаго. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 75 коп.

Дубнова, Софія.—Осенняя свирѣль. Стихи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Дроздовъ, В. П.—Проблемы сельско-хозяйственнаго прогресса въ Россіи. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Зайкинъ, Павелъ.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Заколпскій, Н. Н.—Гр. Н. С. Мордвиновъ. Его взгляды на современныя ему экономическія задачи русской жизни. Вязники, 1910 г. Цѣна 75 коп.

Зноско-Боровскій, Евгеній.—Крейсеръ „Алмазъ“ (Цусима). Сценызъ войны. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Ибаньесъ, Висенте Бласко.—Полное собраніе сочиненій. Т. V. Отцы-іезуиты. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Иширковъ, А.—Болгарія. Перев. съ болгарскаго. К. Мисиркова. Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Капланъ, М.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Карѣевъ, Н.—Краткая исторія прошлаго столѣтія. Пособіе для самообразованія. Спб., 1911 г. Цѣна 75 коп.

Кречетовичъ, І. П., протоіерей.—Объявленіе воли въ г. Саратовѣ и Саратовской губерніи. Саратовъ, 1911 г. Цѣна 5 коп.

Ладо-Свѣтогорскій, Ѳ.—Пѣсни о свѣтлой странѣ. Спб., Цѣна 30 коп.

Лесгафтъ, А.—Краткій курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Лодыженскій, М. В.—Сверхзнаніе и пути къ его достиженію. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

Луговой, А.—Дневникъ свободнаго человѣка. I. Въ ночи безсонныя. Въ ясные, тихіе дни. II. Подъ новый годъ. Спб., 1911 г. Цѣна выпуска 15 коп.

Лукашевичъ, Клавдія.—Почитаешь—другимъ скажешь. Сборникъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Лященко, П. И.—Послѣдній Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. 3 января 1857 г.—16 февраля 1858 г. По матеріаламъ Архива Государственнаго Совѣта. Спб., 1911 г. Цѣна 45 коп.

Мендесъ, Катюль.—Собраніе сочиненій. Т. II. Дѣти грѣха. Романъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Мерцаловъ, Н. А.—Забытые аккорды. Стихотворенія. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мольеръ.—Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Редакція П. И. Вейнберга и П. В. Быкова. Съ критико-біографическимъ очеркомъ Е. В. Аничкова, предисловіями въ переводѣ Ю. А. Веселовскаго, съ примѣчаніями П. И. Вейнберга и П. В. Быкова. Спб., 1911 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Мопассанъ, де, Гюи.—Полное собраніе сочиненій. Т. XV. Миссъ Гарріетъ и другіе разсказы. Перев. И. Смидовичъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Найденовъ, С.—Томъ 2-й. Пьесы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас.—Рыцари горъ. Историческій романъ изъ кавказской войны. Для старшаго возраста. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Норнъ, Н.—На философскія темы. Спб., 1911 г. Цѣна 80 коп.

Осадчій, П., проф.—Къ вопросу о принципахъ профессіональной этики инженеровъ. Спб., 1911 г. Цѣна 35 коп.

Перго, Лун.—Отъ Гуппля до Марго. Разсказы животныхъ. Перев. съ франц. А. Ф. Гретманъ. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Пусторослевъ, П. П.—Участіе народныхъ судей въ отправленіи уголовнаго правосудія. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 30 коп.

——— Телепатія. Публичная лекція. Юрьевъ, 1911 г. Цѣна 30 коп.

Розенфельдъ, И., д-ръ.—Трагическій реализмъ. Спб., 1910 г.

Саводникъ, В. Ѳ.—Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сементковскій, Р. И.—Современная Россія въ дни революціи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Серао, Матильда.—Собраніе сочиненій. Т. II. Прощай, любовь. Романъ. Перев. А. А. Кошевичъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

Словацкій, Юлій.—Три драмы. Переводъ съ польскаго стихами. К. Д. Бальмонта. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Смирновъ, К. А.—Религіозныя воззрѣнія князя С. Н. Трубецкого. 1905—1910. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 25 коп.

Сомоновъ, В. П.—Въ странѣ изгнанія. Изъ записной книжки корреспондента. Серія первая. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Тулуповъ, Н. В., и *Шестаковъ*, П. М.—Какъ крестьянамъ дали волю. Сокращенное изданіе. Москва, 1911 г. Цѣна 5 коп.

Тургеневъ, И. С.—Неизданныя произведенія. Казань, 1911 г. Цѣна 12 коп.

——— Нѣсколько замѣтокъ о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ. Со вступительной статьей Н. О. Лернера. Одесса, 1911 г.

Фаресовъ, А. И.—Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. Спб., 1911 г. Ц. 75 к.

Фарфоровскій, С.—Народное образованіе. Образовательный отдѣлъ Брюссельской всемірной выставки. Спб., 1911 г.

Хавкина, Л. Б.—Руководство для небольшихъ библіотекъ. Москва, 1911 г. Цѣна 35 коп.

Хейсинъ, М. П.—Письма къ потребителямъ о томъ, что такое потребительное общество. 2-е значительно дополненное изданіе Спб., 1911 г. Ц. 8 к.

Хованскій, Н. Ф.—Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи. Саратовъ, 1911 г.

Чернышевъ, В.—Педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова. Спб., 1911 г. Цѣна 40 коп.

Шапиръ, Ольга.—Собраніе сочиненій. Антиподы. Романъ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Шиловъ, Алексѣй.—Къ вопросу о способахъ борьбы съ пьянствомъ. (По поводу законопроекта). Москва, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Шумахеръ, Ал.—Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Щеголевъ, П. Е.—Изъ разысканій въ области біографіи и текста Пушкина. I-XIV. Спб., 1911 г.

— Военная энциклопедія. Т. I. А.—Адмиралтействъ-коллегія. Т. II. Адмиралтействъ-коллегія — алжирскіе пираты. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб., 1911 г.

— Вопросы всеобщаго обученія. Доклады на общихъ собраніяхъ Московскаго Общества Грамотности въ 1909—1910 гг. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.

— Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. I. Изд. 2-е, переработанное и значительно дополненное. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

— Дѣтство и юность Императора Александра II. Юбилейное изданіе журнала „Свѣтлый Лучъ“. Спб., 1911 г.

— Земля. Сборникъ 5-й. В. Винниченко: „Честность съ собой“.—Евгеній Чириковъ: „Лѣсныя тайны“. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Крѣпостное право въ Россіи и реформа 19 февраля. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. Москва, 1911 г. Ц. 1 р. 10 к.

— Крѣпостное право и крестьянская жизнь въ разсказахъ, стихахъ и пѣсняхъ современниковъ. Общедоступный сборникъ. Подъ ред. С. П. Мельгунова. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.

— Народная энциклопедія. Т. VI. Антрополого-географическій. Полутомы 1-й и 2-й. Москва, 1911 г.

— Общественный врачъ. № 1. Москва, 1911 г.

— Образовательныя экскурсіи по Россіи. Сборникъ-отчетъ. Москва, 1910 г. Цѣна 85 коп.

— Основные вопросы статистики предстоящихъ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Москва, 1911 г.

— Памяти Николая Ивановича Пирогова. Сборникъ статей Г. А. Фальборка, А. Ѳ. Кони, А. В. Васильева, В. А. Вагнера и А. Г. Фомина. Спб., 1911 г.

— Первые литературные шаги. Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Пережитое. Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. III. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Русскій Библіофилъ. I. Спб., 1911 г.

— Сельскохозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1908—1909 гг. Нижній-Новгородъ, 1910 г.

— Теоретическіе и практическіе вопросы еврейской жизни. Сборникъ статей. Спб., 1911 г.

— Третья записка о нуждахъ волжскаго судоходства въ связи съ желѣзнодорожными тарифами. Нижній-Новгородъ, 1911 г.

— Урожай хлѣбовъ и травъ въ Забайкальской области въ 1910 году. (По сообщеніямъ корреспондентовъ). Чита, 1910 г.

— Юбилейный календарь-альманахъ 19 февраля 1861—1911 гг. Изд. т-ва „Общественная Польза“. Спб., 1911 г. Цѣна 25 коп.

— 19 февраля 1861—1911 гг. Сборникъ статей. Изд. т-ва „Общественная Польза“. Спб., 1911 г. Цѣна 10 коп.

Korolenko, Wladimir. — Die Todgeweihten. Nach Mitteilungen zum Tode Verurteilter. Mit einem Briefe Leo Tolstoi's. Autorisierte Uebersetzung von Minna Ostrovsky. Vorwort von D-r Gustav Radbruch. Gautzsch bei Leipzig, 1910. Preis 75 Pf.

Lazär, Victor.—Die Südrumänen der Türkei und der angrenzenden Länder. Bukarest, 1911.

ПАМЯТИ Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВА

(† 9-го марта 1871 года.)

Полвѣка прошло со времени выхода въ свѣтъ „Подлиповцевъ“, а душа этой странной книги все еще жива. Элементарной кажется техника автора, несовершенной—„литература“, неблестящая и для того времени, когда жилъ Рѣшетниковъ, а книга его продолжаетъ оставаться *жуткой* книгой. Эту повѣсть изъ быта полудикихъ пермяковъ нельзя прочесть равнодушно. Подъ неумѣлымъ, „самодѣльнымъ“ перомъ, не смотря на глубокую сдержанность автора и суховатость его разсказа, чувствуются слезы, которыя онъ проливалъ надъ повѣстью. Въ письмѣ къ Некрасову, при посылкѣ рукописи въ „Современникъ“, онъ самъ говоритъ: „Вы не повѣрите, я даже плакалъ, когда передо мною очерчивался образъ Пилы во время его мученій“...

Обладалъ ли Рѣшетниковъ крупнымъ художественнымъ талантомъ? Нѣкоторые критики въ этомъ сомнѣваются. Но едвали можно достигнуть чѣмъ-нибудь, кромѣ таланта, той силы изобразительности, какую мы встрѣчаемъ въ „Подлиповцахъ“. Въ разсказѣ—ничего искусственнаго, надуманнаго, одна нагая правда жизни. Но правда не частная, не случайная, а большая, основная—правда человѣческой души и ея страданій. Описывая своихъ героевъ—подлинныхъ варваровъ, авторъ все время даетъ возможность чувствовать въ каждомъ изъ нихъ человѣка. Его Пила такъ неразвитъ, что не знаетъ, сколько ему лѣтъ, но тотъ же Пила такъ страдаетъ отъ утраты любимой женщины — Апроськи, что близокъ къ самоубійству. На вопросъ: „кто тебѣ она“, онъ умѣетъ только отвѣтить: „Дѣвка. Матрена родила“. А какая у него прочность и глубина чувствъ! Всю остальную жизнь онъ груститъ отъ своей потери, чувствуетъ, что ему недостаетъ Апроськи. „Надо бы Апроську!..“ Такой силѣ чувства могли бы позавидовать и культурные люди.

Силы впечатлѣнія Рѣшетниковъ достигалъ, конечно, не однимъ талантомъ. У искусства есть свои тайны, а у жизни—свои. Послѣдняя открываетъ ихъ тому, кто подошелъ къ ней близко, вплотную... Чаще всего—это люди, много страдавшіе, много испытавшіе на собственномъ опытѣ. Они обладаютъ особенной воспріимчивостью по отношенію къ чужому страданію, они видятъ многое, что̀ не дано видѣть другимъ, они умѣютъ проникать до самой глубины человѣческаго несчастія. Такимъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ, одинъ изъ первыхъ „разночинцевъ“ въ нашей литературѣ.

Личная жизнь Рѣшетникова сложилась такъ ужасно, что о ней и вспоминать какъ-то тяжело. „Кромѣ горя—ничего не было...“—писалъ онъ въ двадцать лѣтъ. Горе началось слишкомъ рано—съ девяти мѣсяцевъ, когда его мать, съ нимъ-малюткой на рукахъ, бѣжала отъ пьяницы-мужа къ его роднымъ въ Пермь и здѣсь вскорѣ умерла. Воспитывался онъ у этихъ родственниковъ, людей простыхъ, совершенно некультурныхъ, признававшихъ единственнымъ воспитательнымъ средствомъ—порку. Отъ природы Рѣшетниковъ былъ мальчикомъ чрезвычайно живымъ, предпріимчивымъ, способнымъ и веселымъ. Но какъ сохранить ясность духа и не превратиться въ испорченнаго шалуна-проказника въ тѣхъ условіяхъ, какія его окружали въ дѣтствѣ? Дома сѣкли, въ школѣ сѣкли,—да еще такъ, что приходилось по два мѣсяца послѣ этого отлеживаться въ лазаретѣ,—всячески обижали, шпыняли и оскорбляли! Даже отецъ, увидѣвшій его въ первый разъ послѣ разлуки, когда ему было девять лѣтъ, выказалъ свою заботливость о немъ въ такой же своеобразной формѣ: „Дери ты его... что есть мочи дери!“—сказалъ онъ на прощанье теткѣ. Какъ ужъ тутъ сохранить природную жизнерадостность? Понятно, почему впослѣдствіи Рѣшетниковъ производилъ, при первомъ знакомствѣ, такое тяжелое впечатлѣніе. По словамъ Глѣба Успенскаго, „онъ былъ угрюмъ, неразговорчивъ, необщителенъ и порой грубъ... Отъ всѣхъ онъ сторонился, смотрѣлъ испуганнымъ волкомъ, подозрительнымъ къ самымъ искреннимъ заявленіямъ уваженія и дружбы“...

Рѣшетникову было четырнадцать лѣтъ, когда его за „вредныя проказы“ обвинили по суду и сослали на покаяніе въ Соликамскій монастырь. Здѣсь онъ „позналъ нечестіе монаховъ“ и, главное, пріобрѣлъ пагубную привычку къ вину, которая, на почвѣ наслѣдственнаго алкоголизма, расшатала его здоровье и свела въ раннюю могилу. По возвращеніи изъ монастыря, онъ снова поступилъ въ училище, окончилъ его хорошо, а затѣмъ сталъ служить на жалкомъ жалованьѣ, сначала въ уѣздномъ судѣ, потомъ въ казенной палатѣ, живя вмѣстѣ съ родными то въ Екатеринбургѣ, то въ Перми. Стремленіе къ литературѣ, доходящее до страсти, начало въ Рѣшетниковѣ проявляться очень рано. Ему не могли помѣшать ни бѣдность, ни окружающая тяжелая обстановка и порицаніе родныхъ, называвшихъ его литературныя занятія „черною немочью“. Первые литературные опыты относятся еще ко времени пребыванія въ училищѣ. Но литературный успѣхъ—неожиданный и блестящій—выпалъ на долю Рѣшетникова только въ 1864-мъ году, въ Петербургѣ, когда въ „Современникѣ“ появились его „Подлиповцы“. „Я—писалъ онъ Некрасову — пріѣхалъ въ Петербургъ нищимъ, надѣясь помѣщать свои сочиненія въ какомъ-нибудь журналѣ... Я чувствую, что могу напи-

сать хорошее, но меня некому поддержать"... За поддержкой дѣло не стало, но авторъ „Подлиповцевъ" былъ слишкомъ замкнутъ и недовѣрчивъ, чтобы удачно ее использовать. Отсутствіе знаній и литературной подготовки, сознаніе своей невоспитанности постоянно стѣсняли Рѣшетникова и мѣшали ему чувствовать себя въ литературномъ кругу своимъ человѣкомъ. Не удалось ему выбиться и изъ бѣдности, не смотря на улыбнувшуюся удачу. Этому, съ одной стороны, мѣшала женитьба, съ другой—запой, принимавшій все болѣе грозные размѣры. Рѣшетниковъ скончался 9-го марта 1871 г., на тридцатомъ году жизни. Изъ сочиненій его, кромѣ „Подлицовцевъ", пользуются извѣстностью повѣсти: „Гдѣ лучше?" и „Между людьми" и разсказы: „Тетушка Опориха" и „Никола Знаменскій". Всѣ они въ свое время привлекали общее вниманіе, но крупную, историческую роль сыграли только „Подлиповцы".

Чтобы понять ту сенсацію, которую вызвало появленіе „Подлиповцевъ", нужно вспомнить настроеніе тогдашняго интеллигентнаго общества. Это былъ самый острый моментъ „дворянскаго покаянія" и стремленія къ народу. Литература давно старалась освѣтить это стремленіе, удовлетворить интеллигентскую жажду сближенія съ низшими классами, но типы, которые она рисовала, не давали полнаго представленія о народѣ. Даже въ изображеніяхъ такого художника, какъ Тургеневъ, слышались отголоски романтизма. О „пейзанахъ" Григоровича, о герояхъ Марка Вовчка и Кохановской нечего и говорить: они совершенно не удовлетворяли проснувшееся чувство пытливости. Неприкрашенная правда Рѣшетникова, правда о мужикѣ, высказанная своимъ человѣкомъ, произвела потрясающее впечатлѣніе, была понята какъ сигналъ, какъ призывъ на помощь. Рѣшетникову приписали общую, сознательную характеристику русской жизни. Въ его произведеніи, скромно названномъ: „Этнографическій очеркъ изъ жизни бурлаковъ", увидѣли чуть не сатиру на русскую жизнь. И порицанія, и похвалы, посыпавшіяся на голову Рѣшетникова, характерны. Интеллигенція приписывала писателю-самоучкѣ свою высшую сознательность—„знаніе народной жизни", „правдивое ея изображеніе"—и свою „общественность" въ мотивахъ, побуждавшихъ написать повѣсть. Правда, гуманность была свойственна Рѣшетникову; она вполнѣ опредѣленно проглядываетъ въ письмѣ къ Некрасову. „Я задумалъ написать бурлацкую жизнь, съ цѣлью хоть сколько-нибудь помочь этимъ бѣднымъ труженикамъ"...—говоритъ онъ. Но это былъ съ его стороны не идейный альтруизмъ, а непосредственное участіе—участіе своего, близкаго человѣка, то же чувство, которое побуждало полудикаго Пилу помогать своимъ односельчанамъ. Не обстоятельное знаніе народной жизни поражаетъ въ Рѣшетниковѣ, а

его глубокое проникновеніе въ нее, угадыванье. Наиболѣе чуткимъ критикомъ Рѣшетникова среди современниковъ оказался Тургеневъ, кратко отмѣтившій въ его повѣсти „трезвую правду“, какъ крупный фактъ въ литературной жизни.

Позднѣйшій критикъ, историкъ литературы С. А. Венгеровъ, считаетъ, что сенсація, вызванная „Подлиповцами“, была „основана на недоразумѣніи“. Однако, „недоразумѣніе“ носило знаменательный, почти символическій характеръ. Авторъ „Подлиповцевъ“ попалъ, куда не мѣтилъ: въ самое больное мѣсто тогдашней интеллигентской психологіи. Онъ не намѣревался рисовать широкую картину русской народной жизни, давать ея общую характеристику—а между тѣмъ она получилась сама собой. Онъ описывалъ только тѣхъ, кого видѣлъ—несчастныхъ подлиповцевъ, вырождающихся среди нищеты и невѣжества дикарей,—а вышло у него что-то очень похожее на средняго русскаго мужика... Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличаются гибельныя условія жизни, способствовавшія низкому уровню развитія пермяковъ, отъ общерусскихъ условій крестьянской жизни? Развѣ насильно выколачиваемыя подати не ту же роль играютъ въ жизни русскаго мужика, что и у героевъ Рѣшетникова? „При своей бѣдности подлиповцы постоянно въ долгу, съ нихъ требуютъ подати, но имъ негдѣ взять денегъ, и на нихъ растутъ недоимки съ каждымъ годомъ“... Развѣ не притѣсняютъ русскихъ крестьянъ священники поборами? Почитайте нашего современника, Гусева-Оренбургскаго! Далеко ли, вообще, ушла отъ „Подлиповки“ коренная русская деревня, позднѣйшая, даже современная? Подлиповцы „носятъ по одной рубахѣ въ годъ“... „Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ году, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой, и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что̀ съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ“... „Вездѣ бѣдная обстановка, нечистота, плачъ и стоны; половина лежитъ, половина сидитъ молча или что-нибудь дѣлаетъ, ругая работу, ругая себя и все окружающее“... А чѣмъ питаются и какъ живутъ русскіе крестьяне? Вспомните чуткаго, наблюдательнаго, „трезваго“ Чехова. „Живутъ хуже скотовъ“, „жить съ ними страшно“, „они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга“... Какъ Рѣшетниковъ въ подлиповцахъ, Чеховъ отмѣчаетъ въ своихъ мужикахъ полнѣйшую заброшенность ихъ и одиночество. „Тяжкій трудъ... скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ея“... Еще болѣе рѣзкихъ отзывовъ Бунина въ его „Деревнѣ“ я не привожу. Онъ говоритъ о настоящемъ вырожденіи крестьянства, физическомъ и духовномъ.

Какъ видимъ, у интеллигентнаго, альтруистически настроеннаго общества времени Рѣшетникова было основаніе для тревоги, по прочтеніи „Подлиповцевъ“...

„Подлиповцы“ сыграли большую роль въ литературѣ. Они не только были поворотнымъ пунктомъ въ изображеніи народной жизни, но и вообще внесли съ собой новую, освѣжающую струю. Насъ теперь никакимъ реализмомъ не удивишь. Реализмъ сдѣлался основнымъ требованіемъ и девизомъ творчества. Даже вычурный импрессіонизмъ стремится къ отраженію правды жизни. Но для тенденціозной, романтически настроенной литературы той эпохи „Подлиповцы“ были, дѣйствительно, новымъ, вѣскимъ словомъ.

И не случайно сказалъ это слово человѣкъ, вышедшій изъ низшихъ слоевъ жизни, близкій къ народу, пришлый разночинецъ.

Е. Колтоновская.

ФРИДРИХЪ ШПИЛЬГАГЕНЪ †

1829—1911.

Лѣтъ двадцать тому назадъ рано умершій талантливый французскій критикъ, Геннекенъ, посвятилъ цѣлую книгу „офранцуженнымъ“ писателямъ („Ecrivains francisés“) — офранцуженнымъ не въ смыслѣ усвоенія ими французскаго языка или французскихъ писательскихъ пріемовъ, а въ смыслѣ усвоенія ихъ французскою публикою, въ симпатіяхъ которой они заняли прочное мѣсто наряду съ выдающимися туземными авторами. Въ этомъ же смыслѣ можно говорить о писателяхъ *обрусѣвшихъ*, т.-е. особенно излюбленныхъ русскимъ обществомъ. „Офранцуженными“, съ точки зрѣнія Геннекена, были представители различныхъ націй: Гейне, Диккенсъ, Поэ, Тургеневъ, Достоевскій, Левъ Толстой. Столь же разнообразны по своему происхожденію и писатели „обрусѣвшіе“. Характерной чертой этой группы—общею ей, можетъ быть, съ группой „офранцуженныхъ“—является измѣнчивость ея состава: съ теченіемъ времени изъ нея исчезаютъ одни и мѣсто ихъ занимаютъ другіе. Не подлежитъ, напримѣръ, никакому сомнѣнію, что въ сороковыхъ годахъ русская публика, если можно такъ выразиться, усыновила Диккенса и Жоржъ Занда, въ особенности послѣднюю; а многіе ли теперь, среди молодыхъ и даже не совсѣмъ молодыхъ поколѣній, увлекаются „Индіаной“, „Валентиной“, „Жа-

комъ" и даже болѣе зрѣлыми романами Ж. Занда? Больше читателей и почитателей сохранилъ у насъ, повидимому, Диккенсъ, но и его звѣзда блеститъ на русскомъ горизонтѣ не прежнимъ яркимъ свѣтомъ. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ самымъ популярнымъ изъ иностранныхъ романистовъ былъ у насъ Золя; теперь онъ на половину забытъ или, во всякомъ случаѣ, свергнутъ съ прежней высоты. Его смѣнили скандинавскіе авторы, съ Кнутъ Гамсуномъ во главѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ первое мѣсто между „обрусѣвшими" писателями занималъ скончавшійся на дняхъ Фридрихъ Шпильгагенъ. Слава его у насъ—какъ, впрочемъ, и въ Германіи — померкла сравнительно быстро, и не столько вслѣдствіе перемѣны во вкусахъ публики, сколько вслѣдствіе упадка таланта самого писателя. Далекой отъ своего апогея она была уже тогда, когда Шпильгагенъ, въ 1884 г., посѣтилъ Россію; но все же ему былъ оказанъ радушный пріемъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что его помнили и любили. Въ его первыхъ большихъ романахъ, начиная съ „Загадочныхъ натуръ" (1860) и до „Молота и наковальни" (1868), слышались отголоски той „Sturm und Drangperiode", черезъ которую Германія прошла въ 1848—49 гг. Этотъ періодъ закончился, собственно говоря, еще до начала литературной дѣятельности Шпильгагена; но такъ какъ цѣли движенія не были достигнуты, а идеалы его не были разрушены и замѣнены другими, то настроеніе, его вызвавшее или имъ созданное, продолжало жить во многихъ молодыхъ сердцахъ. Въ Россіи, между тѣмъ, началась своя эпоха „бури и натиска", кое въ чемъ сходная съ нѣмецкой. Отсюда интересъ, сразу возбужденный у насъ произведеніями Шпильгагена — интересъ, росту котораго способствовало съ одной стороны развитіе таланта писателя, съ другой — крушеніе надеждъ на болѣе быстрый темпъ и болѣе широкій захватъ преобразованій. Врагами прогресса въ Россіи оказывались — конечно, mutatis mutandis, — тѣ самыя общественныя силы, съ которыми у себя дома боролся Шпильгагенъ: дворянство, которое онъ изображалъ невѣжественнымъ и грубымъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ, мелко властолюбивымъ, тщеславнымъ и испорченнымъ въ крупныхъ центрахъ; бырократія, которую онъ клеймилъ въ лицѣ семьи фонъ-Гогенштейновъ; духовенство, которому онъ не могъ простить прислуживанье передъ властью. Окончательно покорилъ Шпильгагенъ своихъ русскихъ читателей своимъ лучшимъ романомъ: „In Reih und Glied" (1866), появившимся въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ („Одинъ въ полѣ не воинъ", „Рядами и шеренгами"). Онъ далъ тогдашней русской молодежи то, чего она страстно искала: образъ „новаго человѣка", смѣлаго, рвущагося впередъ, во имя великой идеи. Попытки создать такой типъ стояли тогда на оче-

реди и въ русской литературѣ: ими объясняется, между прочимъ, временная популярность Бажина, Шеллера-Михайлова, Ѳедорова-Омулевскаго — но ихъ герои не были окружены такимъ поэтическимъ ореоломъ, какъ Лео Гутманъ. Возбуждая сочувствіе, они слабо дѣйствовали на воображеніе; дѣланность, сочиненность ихъ не выкупалась яркостью красокъ. Незадолго до выхода въ свѣтъ „In Reih und Glied“ разыгралась трагедія Лассаля — и какъ ни слабы, какъ ни спорны черты сходства между Лео и геніальнымъ агитаторомъ, ихъ было достаточно, чтобы усилить эффектъ шпильгагенскаго романа. Помимо всѣхъ этихъ случайныхъ обстоятельствъ, въ романѣ было немало серьезныхъ достоинствъ, оправдывавшихъ его успѣхъ; нѣкоторыя его сцены и теперь трудно читать безъ волненія, нѣкоторыя фигуры, а не одинъ лишь Лео, глубоко врѣзываются въ память. Гораздо ниже, во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ слѣдующій романъ Шпильгагена: „Hammer und Amboss“—и если онъ обратилъ на себя, въ свое время, вниманіе русскихъ читателей, то преимущественно потому, что не успѣло еще ослабѣть обаяніе, связанное съ именемъ Шпильгагена.

Есть писатели, сила которыхъ заключается въ отрицательномъ отношеніи къ окружающей ихъ дѣйствительности или, по меньшей мѣрѣ, ко многимъ существеннымъ сторонамъ ея. Къ числу такихъ писателей принадлежалъ Шпильгагенъ. Когда, наравнѣ со многими выдающимися его современниками — достаточно назвать Давида Штрауса,—его ослѣпила и ошеломила военная слава, увѣнчавшая Германію послѣ тріумфовъ 1870—71 гг., его дарованіе сразу пошло на убыль. Поклоненіе Бисмарку и Мольтке не могло стать для него тѣмъ свѣточемъ, какимъ служили для него прежде завѣты сорокъ восьмого года. Констатируя въ этюдѣ о Шпильгагенѣ, написанномъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ [1]), слабыя стороны романовъ, въ которыхъ отразилось новое настроеніе автора, мы спрашивали себя, „пробудится ли въ Шпильгагенѣ, при видѣ торжествующей реакціи, прежній боецъ, зазвучатъ ли въ немъ опять тѣ струны, изъ которыхъ онъ умѣлъ извлекать могучіе аккорды“? На этотъ вопросъ можно дать теперь довольно опредѣленный отвѣтъ. Настроеніе, кульминаціоннымъ пунктомъ котораго былъ вышедшій въ 1876 г. „Бурный приливъ (Sturmflut)“ продолжалось недолго. Уже въ 1884 г. лица, бесѣдовавшія съ Шпильгагеномъ въ Петербургѣ, могли убѣдиться, что внѣшнее могущество Германіи не мѣшаетъ ему видѣть темныя стороны ея внутренней жизни и интересоваться усиливающимися и

[1]) Онъ напечатанъ въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1879 г. Въ „Вѣстникѣ Европы“ разныхъ годовъ помѣщены переводы многихъ повѣстей и романовъ Шпильгагена, а также статья П. О. Морозова о его теоріи романа (1883 г., № 4).

углубляющимися оппозиціонными теченіями. И дѣйствительно, онъ коснулся ихъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ двухъ романахъ („Ein neuer Pharao“ и „Was will das werden“), но не достигъ прежней высоты, не произвелъ прежняго впечатлѣнія ни въ Германіи, ни за ея предѣлами. Многописаніе не осталось и для него безъ своихъ обычныхъ послѣдствій: многаго оставляетъ желать не только сущность, но и форма его позднѣйшихъ произведеній. Они читались съ удовольствіемъ, съ интересомъ, но мало возвышались надъ уровнемъ средней беллетристики. Въ памяти своихъ соотечественниковъ, какъ и въ памяти русской публики, Шпильгагенъ будетъ жить, по всей вѣроятности, только благодаря первому періоду его творчества, закончившемуся почти полвѣка тому назадъ.

К. Арсеньевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Юбилей 19-го февраля.—Отклики на юбилей общественныхъ учрежденій.—Молчаніе деревни.—Энергія администраціи. — Царицынская революція монаха Иліодора.

Къ великой годовщинѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости страна подошла какъ-то въ разбродъ, въ спутанномъ настроеніи. Суть не въ томъ, что великая реформа не оцѣнена до сихъ поръ по достоинству населеніемъ. Но знаменательный день пятидесятилѣтія не даетъ гармоническаго аккорда въ соединеніи съ тяжелыми, смутными днями, которые страна переживаетъ теперь, какъ въ томительномъ, больномъ, длительномъ снѣ. Свѣтъ пятидесятилѣтія освободительной реформы самъ по себѣ ярокъ, но онъ падаетъ на безрадостную темь современной жизни. И невольно жмурятся люди и справа, и слѣва, и внизу, и вверху,—жмурятся или отъ негодованія и скорби за нынѣшніе дни, или отъ стыда, что много прожито и мало для торжества права и свободы добыто, или отъ лицемѣрныхъ потугъ обмѣрить полотно исторіи на свой кривой, фальшивый, маленькій, своекорыстный аршинъ.

Конечно, во многихъ, почти во всѣхъ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ, а также въ различныхъ обществахъ и организаціяхъ состоялись тѣ или другія постановленія для ознаменованія великаго юбилея. Но какъ-то не чувствуется подлиннаго, искренняго жара въ этихъ откликахъ; нѣтъ и слѣда большого энтузіазма. Не нужно, разумѣется, дѣлать особенныхъ усилій, чтобы довольно ясно предста-

вить себѣ общія и главныя причины этого повсемѣстнаго общественнаго хладнокровія. Земства нынѣ завоеваны правымъ дворянствомъ, которое вспоминаетъ о быломъ рабствѣ крестьянъ съ гримасой сожалѣнія объ утерянныхъ „правахъ“, или во всякомъ случаѣ относятся къ 19 февраля довольно хмуро и безъ всякаго энтузіазма. Въ городскихъ самоуправленіяхъ преобладаетъ крупное купечество, успѣвшее уже забыть за полвѣка обезпеченной жизни о тяжелыхъ мытарствахъ отцовъ и дѣдовъ. Начальство нынѣшнее... Ну, что ему старая, забытая реформа, когда и нынѣшнихъ заботъ не оберешься? Впрочемъ, начальство пробуетъ, по силѣ возможности, извлечь для себя нѣкоторую пользу изъ юбилейныхъ дней, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Деревня... Это, конечно, самое главное. Ей-то въ первую очередь и почтить бы незабвенную реформу. Вѣдь крестьяне—главные февральскіе именинники. Но деревня, вздохнувъ разъ полусвободно пятьдесятъ лѣтъ назадъ, съ тѣхъ поръ не могла свободно перевести духъ. Она не дождалась ни одного радостнаго, облегчительнаго вздоха, а все никла, истощалась въ безконечномъ удушьѣ нищеты, безправія, неизбывныхъ заботъ. По поводу чего торжествовать? Что праздновать? И вотъ, отовсюду отозвались на освободительный юбилей, но мелко, флегматично, какъ бы изъ неизбѣжной учтивости.

„22-го января,—пишутъ „Кіевской Мысли“ изъ г. Липовца,—въ очередномъ собраніи уполномоченныхъ разсматривался вопросъ о празднованіи дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Ассигновано 100 рублей на покупку металлическаго бюста императора Александра II и устройство празднества, согласно программѣ, которая прислана будетъ губернской администраціей“. Изъ Калуги сообщаютъ „Русскому Слову“: „На послѣднемъ собраніи городской думы заслушанъ докладъ коммиссіи по вопросу объ участіи города въ ознаменованіи предстоящаго 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ. Постановлено: 1) въ день 19-го февраля закрыть всѣ торгово-промышленныя заведенія въ городѣ съ утра до 3-хъ часовъ дня; 2) просить преосвященнаго отслужить на Плацъ-Парадной площади, послѣ поздней литургіи въ каѳедральномъ соборѣ, молебенъ, предложивъ принять участіе въ немъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ; 3) просить домовладѣльцевъ украсить дома флагами и вечеромъ зажечь иллюминацію, и 4) учредить по одной стипендіи въ мѣстныхъ мужской и женской казенныхъ гимназіяхъ, казенномъ реальномъ училищѣ и при московскомъ университетѣ для дѣтей жителей г. Калуги, по преимуществу изъ крестьянъ“.

Изъ той же Калуги пишутъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“: „По поводу 50-лѣтія очередное губернское земское собраніе постановило учредить стипендіи на проценты, получаемые съ капитала въ 50.000

рублей, образованнаго на дѣло народнаго образованія. Эти стипендіи рѣшено выдавать по конкурсу дѣтямъ выдающихся способностей, обоего пола, принадлежащимъ къ недостаточнымъ крестьянскимъ семьямъ Калужской губерніи, для поступленія въ профессіональныя школы, въ среднія и высшія учебныя заведенія. Затѣмъ собраніе сдѣлало ассигнованіе въ 500 рублей на пріобрѣтеніе брошюры объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которую постановлено разослать по уѣздамъ для раздачи кончающимъ курсъ начальныхъ народныхъ училищъ Калужской губерніи. Выборъ брошюры порученъ губернской управѣ совмѣстно съ просвѣтительной коммиссіей. На этихъ дняхъ губернаторъ увѣдомилъ губернскую управу, что исполненіе постановленія, касающагося пріобрѣтенія брошюры изъ числа изданныхъ по случаю 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, имъ пріостановлено".

Послѣдній маленькій штрихъ показываетъ, что администрація бдительно слѣдитъ за подробностями юбилейнаго чествованія и находитъ нужнымъ урѣзывать даже скромныя программы, выработанныя преданными правительству земствами. Въ особенности,—и не безъ основанія,—администрація опасается литературы. Литература, да еще объ освобожденіи отъ безправія... Лучше поменьше этой литературы или совсѣмъ обойтись безъ нея, а еще лучше—пустить въ дѣло свою литературу, гдѣ реформа объяснена въ симпатичномъ для начальства духѣ. Нѣкоторые земскіе и общественные представители, впрочемъ, съ трогательной поспѣшностью спѣшатъ облегчить заботы начальства на этомъ пути. Изъ Тулы, напримѣръ, сообщаютъ „Русскимъ Вѣдомостямъ": „Состоялось совѣщаніе представителей вѣдомствъ, предсѣдателей земскихъ управъ и предводителей дворянства для обсужденія вопроса о чествованіи юбилея 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Совѣщаніе высказалось противъ устройства въ деревняхъ чтеній для взрослыхъ, находя это опаснымъ для общественнаго спокойствія. Чтенія рѣшено допустить лишь въ школахъ, при чемъ присутствовать на нихъ могутъ лишь учащіеся и ихъ родители". Изъ этого краткаго и сухого сообщенія все-же ярко вырисовывается та кислая гримаса, съ которой тульскіе дворяне и администраторы смотрятъ на приближающійся день 19-го февраля.

Затѣмъ опять идутъ безцвѣтныя сообщенія, которыя „ни холодны, ни горячи". Изъ Новгорода пишутъ: „На 12-е февраля созывается экстренное новгородское уѣздное земское собраніе, которому, между прочимъ, предстоитъ обсудить докладъ коммиссіи о способахъ чествованія пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ. Коммиссія предлагаетъ собранію одобрить слѣдующіе выработанные ею пункты: 1) присоединиться къ общеземскому чествованію дня 19-го февраля; 2) учре-

дить три стипендіи въ новгородской мужской учительской семинаріи или на новгородскихъ женскихъ педагогическихъ курсахъ и одну стипендію на медицинскомъ факультетѣ одного изъ университетовъ или въ медицинской академіи, размѣромъ въ 400 рублей, при условіи, чтобы стипендія эта предоставлялась лицамъ крестьянскаго сословія изъ Новгородскаго уѣзда; 3) разослать въ земскія школы уѣзда для руководства учителямъ и учительницамъ юбилейныя изданія, не стѣсняя при этомъ педагогическій персоналъ особой программой собесѣдованія съ учениками; 4) разослать въ школы для раздачи ученикамъ снимокъ картины „Чтеніе манифеста“ и выдать кончающимъ школы въ нынѣшнемъ году спеціальные, „юбилейные“ похвальные листы; и, наконецъ, 5) ассигновать по 50 рублей на пополеніе книгами двухъ народныхъ библіотекъ, устраиваемыхъ на свои средства мѣстными обществами“. Нѣсколько крупнѣе сообщеніе изъ Владиміра: „Въ виду наступающаго юбилея губернскимъ земствомъ ассигновано 100.000 рублей на мѣропріятія по улучшенію благосостоянія крестьянскаго населенія. Въ собраніи мѣстнаго купеческаго общества постановлено ассигновать 400 рублей на памятникъ Александру II“. Изъ Рязани „Русскимъ Вѣдомостямъ“ пишутъ: „25-го января въ засѣданіи городской думы обсуждался вопросъ объ ознаменованіи 50-лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ. Первымъ разсматривалось предложеніе управы объ устройствѣ въ день 19-го февраля торжественнаго акта. Предложеніе это было принято единогласно. Торжественный актъ рѣшено устроить въ большой залѣ Благороднаго собранія. Актъ будетъ заключаться въ панихидѣ по императорѣ Александрѣ II и молебнѣ о здравіи нынѣ царствующаго Императора, въ увѣнчаніи лавровымъ вѣнкомъ бюста императора Александра II, въ произнесеніи подходящихъ словъ и рѣчей, въ чтеніи учениками и ученицами городскихъ школъ стихотвореній и привѣтствій. Второе предложеніе управы, о назначеніи стипендій имени императора Александра II: десяти—въ городскихъ начальныхъ школахъ на обученіе необязательнымъ предметамъ, десяти—въ городскомъ 4-хъ-классномъ училищѣ, четырехъ—въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и двухъ—въ высшихъ,—вызвало возраженіе со стороны гласнаго М. А. Калабухова въ части, касающейся распредѣленія стипендій. Управа предлагала выдавать эти стипендіи только дѣтямъ бѣдныхъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ, коренныхъ жителей города. Гл. Калабуховъ, указавъ на чисто крестьянскій характеръ торжества, предложилъ выдавать стипендіи и дѣтямъ бѣдныхъ крестьянъ, постоянныхъ жителей города. Предложеніе это послѣ небольшихъ преній было принято“. Изъ Новороссійска телеграфируютъ: „Городская дума въ ознаменованіе 19 февраля постановила открыть четырехклассное училище

имени императора Александра II, сложить 56.541 р. больничной недоимки, поставить въ думскомъ залѣ бюстъ Царя-Освободителя, назвать одну изъ улицъ именемъ Царя-Освободителя, учредить стипендію въ 240 р. имени императора Александра II, всѣмъ школамъ пріобрѣсти портреты Царя-Освободителя, а седьмое училище именовать училищемъ великаго князя Константина Николаевича". Изъ Орла телеграфируютъ: „Малоархангельское земство учредило двѣ крестьянскихъ стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и открыло больницу и три школы имени Царя-Освободителя". Изъ Режевскаго завода „Уральскому Краю" пишутъ: „Режевское общество постановило: 1) въ день пятидесятилѣтія 19 февраля отслужить въ зданіи волостного правленія благодарственный молебенъ и панихиду по Царѣ-Освободителѣ, 2) пріобрѣсти на счетъ доходности съ базарной площади портретъ императора Александра II для волостного правленія и 3) построить при православномъ кладбищѣ домъ для призрѣнія престарѣлыхъ однообщественниковъ стоимостью до 500 рублей за счетъ запаснаго мірского капитала и на постройку дома лѣсные матеріалы отпустить безвозмездно изъ общественныхъ надѣловъ". Нѣсколько выдѣляется на общемъ фонѣ извѣстіе изъ Самары: „Губернскимъ земскимъ собраніемъ въ засѣданіи 22-го января постановлено единогласно (при одномъ воздержавшемся) открыть въ Самарѣ въ память 50-ти-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ земскій педагогическій институтъ для женщинъ, съ правами высшихъ учебныхъ заведеній, при чемъ ежегодный расходъ, опредѣленный проектомъ смѣты въ 65.000 рублей, принятъ. Постановлено возбудить соотвѣтствующее ходатайство передъ правительствомъ объ открытіи института, а также поручено ревизіонной коммиссіи разработать вопросъ о стипендіяхъ для обученія въ институтѣ лицъ крестьянскаго сословія и объ открытіи интерната при институтѣ".

Малочисленны и скудны извѣстія изъ деревни. Крестьянство въ огромной, подавляющей массѣ своей молчитъ. А ужъ, конечно, не очень весело на торжествѣ, если самъ именинникъ хранитъ сумрачное молчаніе. Кое-откуда, впрочемъ, доходятъ отклики. Изъ села Пристаннаго, Саратовскаго уѣзда, сообщаютъ въ мѣстную газету: „На дняхъ состоялся многочисленный волостной сходъ, на которомъ обсуждался вопросъ объ ознаменованіи 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Сходъ постановилъ открыть въ селѣ Пристанномъ двухклассную школу, ассигновавъ на это нужную сумму". Корреспондентъ „Русскаго Слова" отмѣчаетъ симпатичный фактъ: „Крестьянинъ дер. Космынки, Ольговской волости, Дмитровскаго уѣзда, Н. Ф. Погодинъ заявилъ земству о своемъ желаніи пожертвовать свой надѣльный участокъ, около семи десятинъ, для устройства въ названной деревнѣ ремесленной школы съ сельско-хозяйственными

курсами, въ память 19-го февраля. Жертвователь проситъ дмитровское земство поддержать его просьбу объ устройствѣ такой школы, какъ наиболѣе отвѣчающей нуждамъ населенія даннаго района Дмитровскаго уѣзда". Такихъ извѣстій, къ сожалѣнію, немного можно найти въ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ. И еще печальнѣе, что рядомъ съ этими скудными откликами на юбилей доносятся изъ деревни совсѣмъ уже не юбилейные, горькіе голоса. Такъ напримѣръ, сельскій корреспондентъ „Смоленскаго Вѣстника" пишетъ изъ Сычевскаго уѣзда грустную замѣтку подъ заглавіемъ: „Юбилейные итоги". Онъ говоритъ: „Скоро стукнетъ пятьдесятъ лѣтъ съ того знаменательнаго дня 19-го февраля. Столичныя и провинціальныя газеты пестрятъ свѣдѣніями о предпринимаемыхъ различными общественными учрежденіями мѣрахъ, дабы отпраздновать юбилей крестьянской реформы съ особенной помпой. Правительство разсылаетъ по различнымъ вѣдомствамъ циркуляры, относящіеся къ тому же празднованію и... только само крестьянство угрюмо молчитъ; развѣ изрѣдка кое-гдѣ на волостномъ сходѣ по предложенію лицъ власть имущихъ проходятъ малюсенькія ассигновки на ознаменованіе столь важнаго событія. Чѣмъ же объясняется такое отношеніе къ юбилею самихъ крестьянъ? Полагаю, — загадочно отвѣчаетъ корреспондентъ, — что на этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ будущее, а поэтому оставлю его въ сторонѣ. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи улучшилось или ухудшилось положеніе крестьянскаго населенія у насъ по Сычевскому уѣзду. Не имѣя возможности воспользоваться нужными для этого данными по цѣлому уѣзду, я по мѣрѣ силъ и возможности постараюсь освѣтить одну частицу его, быть-можетъ и незначительную по величинѣ, но зато вполнѣ, до мелочей сходную съ остальными частями уѣзда. Я возьму дер. Копориху, Мольгинской волости, и на ней постараюсь показать на основаніи цифръ, добытыхъ мною при личномъ обслѣдованіи названной деревни, въ какую сторону и насколько улучшилось положеніе крестьянъ этой деревни и также насколько оно ухудшилось. Въ 1861-мъ году, когда „объявили волю", въ Копорихѣ „настоящихъ" дворовъ, самостоятельно ведущихъ хозяйство, было 16. Теперь къ 1-му января 1911 г. ихъ имѣется 42. Количество населенія возросло еще въ большей степени: въ 1861 г. насчитывали отъ 88 до 92 человѣкъ, сейчасъ на лицо 276 человѣкъ. Иными словами, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, какъ народонаселеніе, такъ и количество отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ возросло въ три раза. Благодаря такому быстрому приросту населенія и самостоятельныхъ хозяйствъ, положеніе крестьянъ въ экономическомъ отношеніи ухудшилось. Укажу еще на то обстоятельство, что у крестьянъ этой деревни при „отпускѣ на волю" владѣльцы ихъ не забыли поубавить

количество земельки, которою до тѣхъ поръ пользовалась деревня, и отрѣзали 100 десятинъ въ свою пользу. А теперь приступлю къ изложенію добытыхъ мною данныхъ. Въ 1861-мъ году было крупнаго рогатаго скота 60 головъ, лошадей 48, свиней 30, овецъ 80. Теперь, къ 1-му января 1911 г., есть на лицо 55 головъ лошадей, 40 коровъ, свиней—30, овецъ—20. Изъ этой маленькой таблички видно, что въ матеріальномъ отношеніи дѣла не веселятъ. Населеніе деревни увеличилось въ три раза, а количество „главныхъ кормильцевъ"—коровъ и овецъ—уменьшилось, первыхъ на 5 головъ, а вторыхъ на 60 головъ. Какъ и слѣдовало ожидать, съ уменьшеніемъ скота и количество получаемаго сбора хлѣбныхъ злаковъ также уменьшилось. Въ первые годы послѣ освобожденія рожь приходила самъ-шесть, самъ-семь, а теперь приходитъ самъ-два, самъ-три, а самъ-четыре считается урожаемъ выше средняго. Овесъ приходилъ до самъ-двѣнадцати, а теперь рѣдко приходитъ самъ-пять. Неудивительно, поэтому, если питаніе крестьянскаго населенія также понизилось. „Раньше бывало двѣ-три овечки зарѣжешь, да ягнятокъ на мясоѣдъ пять-шесть зарѣжешь, а теперь кусокъ солонины въ горшокъ бросишь, да и то не всегда есть",—такъ говорятъ крестьяне. Помимо этого слѣдуетъ отмѣтить сильное вздорожаніе предметовъ первой необходимости и увеличеніе потребностей. Сталъ необходимымъ чай, хотя, по мнѣнію стариковъ, чай оттого быстро привился, что „съ нимъ удобно жить, однимъ хлѣбомъ питаться можно. Погрѣлъ водицы, взялъ сахарку кусочекъ да хлѣба кусокъ—оно и сытъ, глядишь". Молодежь имѣетъ тяготѣніе къ „чистой" одеждѣ, книжкѣ, газетѣ и т. д. Благодаря этимъ двумъ причинамъ — уменьшенію бюджета отдѣльнаго двора и увеличенію потребностей — населеніе бросилось искать заработковъ на сторонѣ. Въ результатѣ изъ 276 человѣкъ „на сторонѣ живутъ 50 человѣкъ, изъ нихъ 12 человѣкъ семейные, между тѣмъ какъ въ годъ освобожденія и послѣ уходило не болѣе трехъ человѣкъ. Таковы итоги..."

Конечно, въ серьезномъ смыслѣ это не итогъ всекрестьянской жизни. Это—блѣдный намекъ на нѣкоторыя стороны деревенскаго быта. Но въ немъ чувствуется подлинная правда, безхитростная и неподкрашенная. И сквозь это скромное, блѣдное стеклышко мерцаютъ печальные контуры всей крестьянской Руси. Въ огромномъ количествѣ русскихъ селъ и деревень, какъ въ Копорихѣ, населеніе удвоилось-утроилось, а земля сжалась, истощилась, выпахалась. Во многихъ мѣстахъ количество скота убавилось. Вездѣ жизнь вздорожала, а потребности выросли и умножились. Почти вездѣ нищета выгоняетъ крестьянъ на сторонніе заработки. Съ лопатами, косами, топорами, а всего чаще просто съ однѣми мозолистыми руками бродятъ отощалые

деревенскіе граждане изъ одного конца Россіи въ другой, отъ Балтійскаго моря до Манчжуріи, отъ Архангельска до Одессы. Растетъ и растетъ волна переселенія. Уже свыше полмилліона людей перекатывается ежегодно изъ Европейской Россіи черезъ Уральскій хребетъ. Не красные дни переживаютъ милліоны русскихъ мужиковъ; многимъ изъ нихъ не до юбилея, нынѣ празднуемаго...

Но если деревенскій міръ, въ большинствѣ своемъ, промолчалъ передъ юбилеемъ, а земства и городскія самоуправленія отнеслись къ нему довольно вяло, то значительную энергію и вниманіе приложила къ тому же юбилею администрація, высшая и низшая. Тутъ проявилась не только обычная бдительная зоркость въ смыслѣ укороченія, недопущенія и пресѣченія. Нѣтъ, было проявлено и административно-политическое творчество, не безъ нѣкоторой гибкости и граціи. Сначала нѣсколько фактовъ пресѣченія. Изъ Перми сообщаютъ „Уральскому Краю“: „Въ началѣ декабря минувшаго года въ Перми по иниціативѣ Общества „Народный домъ въ Перми“ и съ согласія городской думы была учреждена коммиссія по устройству празднованія 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Оффиціальнымъ представителемъ коммиссіи было избрано такое благонадежное лицо, какъ мѣстный городской голова Рябининъ. Въ составъ коммиссіи вошли начальствующія лица и представители мѣстныхъ учебныхъ заведеній, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, представители мѣстныхъ просвѣтительныхъ обществъ и т. д. Коммиссія имѣла уже три засѣданія, дѣла ея хорошо налаживались и приходили къ благополучному концу, тоже нисколько не выходя изъ границъ „дозволеннаго“. Въ половинѣ текущаго января коммиссія была уже наканунѣ новаго своего созыва для засѣданія ея, такъ сказать, почти „на-бѣло“,—но... по волѣ губернской администраціи она упразднена. Извѣщеніе городской управы на имя предсѣдателя коммиссіи отъ 10-го января гласитъ, что по распоряженію начальника губерніи организована особая коммиссія по празднованію 19-го февраля, почему упомянутая прежняя коммиссія должна прекратить свою дѣятельность. О занятіяхъ новой коммиссіи пока еще ничего не слышно, хотя 19-е февраля не за горами“. Не менѣе глубокомысленное пресѣченіе въ Москвѣ: „Написанный артистомъ театра Корша г. Чаринымъ рефератъ, который онъ долженъ былъ читать на спектаклѣ въ день 50-лѣтія освобожденія крестьянъ, запрещенъ московской администраціей“. „Русскія Вѣдомости“ дѣлаютъ маленькій итогъ различнымъ пресѣченіямъ въ связи съ освободительнымъ юбилеемъ. „Въ разныхъ мѣстахъ встрѣтились препятствія къ выпуску земскихъ изданій, посвященныхъ юбилею, ибо требуется пользоваться только изданіями Національнаго клуба. Министерство этого прямо не предписало, а только циркулярно „ре-

комендовало", но провинціальное начальство понимаетъ „рекомендаціи" изъ Петербурга. На основаніи этого въ Симферополѣ запрещено земской управѣ раздавать брошюру Езерскаго объ императорѣ Александрѣ II, навязывая тѣ же изданія Національнаго клуба. Чтобы понять весь смыслъ этого запрещенія, надо знать, что брошюра Езерскаго издана съ благотворительной цѣлью въ 1903-мъ году съ разрѣшенія предварительной цензуры, разошлась тогда же въ количествѣ 50-ти тысячъ экземпляровъ, при чемъ выписывалась не только земскими управами, но и директорами народныхъ училищъ, была разрѣшена тогда же для народныхъ чтеній въ предѣлахъ Пензенской губерніи мѣстной дирекціей народныхъ училищъ, а впослѣдствіи допущена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія въ народныя библіотеки. Кто знаетъ, какъ осторожно выдавались такія одобренія въ „доконституціонный" періодъ, тотъ, конечно, пойметъ, насколько такая брошюрка была застрахована отъ малѣйшей тѣни неблагонадежности. Но теперь она конкуррируетъ съ товаромъ Національнаго клуба и потому устранена. Для ясности прибавимъ, что брошюра Езерскаго стоитъ 3 коп., клубъ же выпустилъ свои брошюры по 10 коп.; самые маленькіе листки въ сто строкъ стоятъ 2 копѣйки".

Уже изъ этихъ строкъ явствуетъ, что русская администрація совершенствуется, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она по-старинкѣ только „пресѣкаетъ", не заботясь ни о житейской логикѣ, ни о здравомъ смыслѣ, то во многихъ другихъ мѣстахъ чужое „отрицательное" приглушается для того, чтобы выдвинуть свое „положительное". Брошюры и ораторы запрещаются въ силу того, что въ народную массу направляются брошюры и ораторы, развивающіе какія-то идеи съ казенной печатью благонадежности. Центръ тяжести, слѣдовательно, переносится сюда, и главный смыслъ административной политики заключается уже не въ пресѣченіи, а въ этихъ казеннокоштныхъ идеяхъ. Одинъ изъ казенныхъ ораторовъ прекрасно, выпукло, съ откровенной обнаженностью выяснилъ главную суть административно-юбилейной идеи. „Самарскій губернаторъ Н. В. Протасьевъ,— сообщаютъ газеты, — открывая самарское дворянское собраніе, произнесъ горячій панегирикъ дворянству. Нынѣшнее очередное собраніе,—говорилъ онъ,—тѣмъ болѣе знаменательно, что оно совпало съ другимъ всероссійскимъ торжествомъ—50-лѣтнимъ юбилеемъ великой реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, реформы, осуществленной по царственной волѣ блаженной памяти императора Александра II и проведенной въ жизнь руками и усиліями самого благороднаго дворянскаго сословія. Благороднѣйшіе представители дворянскаго сословія еще со временъ великой императрицы

Екатерины возвышали свой голосъ за отмѣну крѣпостного права и, непрестанно работая и проводя эту идею послѣдовательно изъ поколѣнія въ поколѣніе въ послѣдующія царствованія, реально осуществляли эту реформу, какъ сподвижники великаго Царя-Освободителя. Насколько самоотверженно и убѣжденно проводили они въ жизнь эту реформу, видно ужъ изъ того, что имена мировыхъ посредниковъ перваго призыва служатъ до сихъ поръ эмблемой и примѣромъ благороднаго служенія царю и отечеству. Вотъ почему, по моему глубокому убѣжденію, торжество полувѣкового юбилея отмѣны крѣпостного права есть праздникъ не только крестьянскій, но и, по полному праву, праздникъ дворянскій. Я убѣжденъ въ томъ, что самарское дворянство приметъ непосредственное участіе и руководительство въ организаціи на мѣстахъ достойнаго празднованія предстоящаго 19 февраля юбилея. Но одна ли крестьянская реформа,—продолжалъ губернаторъ,—проведена въ жизнь при горячемъ участіи дворянскаго сословія? Знакомство съ исторіей доказываетъ, что все дѣло государственнаго строительства и всѣ реформы послѣдняго періода жизни государства, каковы судебная, земская и другія реформы, а въ ближайшее время и великая земельная реформа, знаменующая начало новой экономической и хозяйственной жизни народа, проведены и проводятся въ жизнь при участіи и лучшими силами того же дворянства. Вызванныя къ жизни самодержавной волей нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора представительныя учрежденія въ рядахъ своихъ имѣютъ тѣхъ же представителей благороднаго сословія, голосъ которыхъ раздается по всѣмъ концамъ Россіи, еще разъ доказывая, что это сословіе мыслитъ и чувствуетъ государственно и безкорыстно отдаетъ свой трудъ и свои способности нынѣ, какъ и прежде, на дѣло государственнаго строительства".

Сказано не безъ политической ловкости. Всего интереснѣе, что въ рѣчь вложена крупинка дѣйствительной истины. Конечно, многіе благородные дворяне немало поработали для Россіи и въ крестьянской реформѣ 1861-го года, и при другихъ обстоятельствахъ. Но любопытно, что нынѣшніе реакціонеры-дворяне, не стѣсняясь, желаютъ получить плату за энергію прогрессивнаго дворянства, съ которымъ они же или ихъ отцы-крѣпостники въ свое время злобно боролись. Любопытно беззастѣнчиво-однобокое увѣреніе, что дворяне всегда добивались освобожденія крестьянъ, какъ будто крестьянами владѣли въ продолженіе двухвѣкового періода какіе-нибудь монголы, а не тѣ же дворяне. Любопытно это обращеніе въ активъ дворянства введенія представительнаго строя въ Россіи, съ умолчаніемъ о разницѣ между первой Думой и третьей и о переворотѣ третьяго іюня, совершившемся при содѣйствіи и при жаркомъ одобреніи пра-

ваго объединеннаго дворянства. Подробно опровергать и оспаривать подобныя утвержденія нѣтъ надобности. Возможно, что и самарскіе дворяне, слушая своего губернатора, лукаво улыбались, да и у самого губернатора, можетъ быть, скользила подъ усами предательская улыбка. Не для взаимныхъ комплиментовъ говорилась рѣчь: выполнялось, вѣроятно, внушеніе, полученное изъ Петербурга. Центръ рѣчи губернатора заключался въ словахъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что самарское дворянство приметъ непосредственное участіе и руководительство въ организаціи на мѣстахъ достойнаго празднованія предстоящаго юбилея". Представилась рѣдкая, единственная возможность по весьма благовидному предлогу выйти къ народу съ благороднымъ выраженіемъ на лицѣ. Вѣдь дѣйствительно была совершена нѣкогда великая освободительная реформа, вѣдь дѣйствительно она была совершена „сверху", т.-е. правительствомъ, при содѣйствіи многихъ благородныхъ представителей дворянскаго сословія. Какъ же не воспользоваться исключительнымъ случаемъ, какъ не напомнить о себѣ, какъ не подчеркнуть, не усилить заслуги правительства и дворянства передъ народомъ, поспѣшно все обобщая и наскоро перекрашивая черную рать праваго дворянства въ привѣтливый бѣлый цвѣтъ? Вотъ тутъ-то и понадобились и брошюрки „Національнаго клуба", и краснорѣчивые губернаторы, и дѣятельные легіоны исправниковъ, приставовъ, полицеймейстеровъ, урядниковъ, стражниковъ. Всѣ, всѣ должны выступить передъ народными массами въ качествѣ горячихъ истолкователей вѣковыхъ благодѣяній администраціи и дворянства неблагодарному народу. Вѣдь всего пять-шесть лѣтъ назадъ настроеніе этого самаго народа возбуждало большую тревогу. Послѣ усиленнаго „успокоенія" тревога улеглась. Но, значитъ, полнаго дружелюбія въ народѣ къ администраціи и дворянамъ не было. Можетъ быть, и теперь нѣтъ. Полезно, поэтому, не только „успокаивать", но и напомнить, какихъ вѣковыхъ друзей имѣетъ деревня въ лицѣ администраціи и дворянства.

Разумѣется, не въ одной Самарской губерніи проявилась счастливая административно-дворянская иниціатива. Сходныя извѣстія доходятъ и изъ другихъ губерній. „Нижегородскимъ губернаторомъ—сообщаютъ газеты—разосланъ уѣзднымъ исправникамъ циркуляръ съ указаніями, какъ слѣдуетъ ознаменовать 50-ти-лѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Содержаніе циркуляра таково: 18-го февраля въ церквахъ будетъ отслужена заупокойная литургія и панихида по императорѣ Александрѣ II, а 19-го февраля—литургія и затѣмъ благодарственный молебенъ. На этихъ богослуженіяхъ священнослужитель долженъ сказать проповѣдь и въ ней отмѣтить великое значеніе для крестьянъ совершившагося 19-го февраля акта, а также и послѣдующихъ земельныхъ реформъ, созданныхъ законами 9-го ноября

1906-го года и 14-го іюня 1910-го года, какъ реформъ, тѣсно связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и являющихся лишь продолженіемъ его. На сказанныхъ богослуженіяхъ 18-го и 19-го февраля должны обязательно присутствовать всѣ волостныя и сельскія должностныя лица. Въ школахъ, согласно распоряженію московскаго учебнаго округа, 18-го и 19-го февраля будутъ отслужены также упомянутые панихида и благодарственный молебенъ. Намѣчено также популярное изложеніе учащимся значенія реформы 19-го февраля. Для раздачи крестьянамъ за счетъ губернскаго и уѣзднаго земствъ и комитетовъ народной трезвости будутъ пріобрѣтены картины, брошюры, листы, изданія „всероссійскаго Національнаго клуба", посвященныя увѣковѣченію памяти императора Александра II. Изданія эти для сказанной цѣли будутъ разосланы священнослужителямъ, въ волостныя правленія и школы".

Этимъ циркуляромъ уже не только указаны брошюры и намѣчена программа юбилейнаго торжества, но совершенно просто, какъ естественная вещь, священнослужители поставлены на одну доску съ исправниками и урядниками. Священникамъ приказано расхваливать съ церковной каѳедры новѣйшую земельную политику правительства, сравнивая ее и объединяя съ освободительной реформой 1861-го года! Откровенно и просто.

Мелкая уѣздная администрація усердно идетъ по стопамъ губернаторовъ. Изъ Аткарска, Саратовской губерніи, пишутъ „Саратовскому Листку": „Въ засѣданіи особаго комитета по разсмотрѣнію программы празднованія 19-го февраля участвовали представители города, земства, администраціи и мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Предсѣдательствовалъ фонъ-Гардеръ. Постановлено: 1) въ этотъ день всѣ земскіе начальники должны быть на мѣстахъ въ своихъ участкахъ и руководить празднествомъ, 2) наканунѣ во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ должны быть отслужены панихиды, а въ день 19-го февраля литургіи, 3) во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ вывѣсить портреты Царя-Освободителя, 4) отпечатать манифестъ 19-го февраля для раздачи населенію, 5) выписать 14.000 портретовъ Царя-Освободителя для раздачи ученикамъ земскихъ школъ, 6) лучшимъ выпускнымъ ученикамъ раздать книги изданія Національнаго клуба" и т. д.

Возможно, такимъ образомъ, что никто въ Россіи такъ не приготовился къ освободительному юбилею, какъ администрація и правое дворянство. Почти вся грандіозная машина государственнаго управленія, въ лицѣ десятковъ тысячъ крупныхъ и мелкихъ чиновъ, привлечена къ рекламированію административной и дворянской доблести. Немалое число и духовныхъ лицъ, за страхъ или за совѣсть, внесутъ сюда же свою лепту. Картина получается далеко не шуточная, особенно если

вспомнить, что мѣрами недопущенія и пресѣченія всякіе другіе голоса на всероссійскомъ юбилеѣ будутъ приглушены. И какая иронія жизни, что, тѣмъ не менѣе, вся эта громадная энергія не принесетъ, вѣроятно, ни крупицы пользы ни правительству, ни правому дворянству. Населеніе помолится за дѣйствительныхъ вдохновителей и осуществителей реформы 19-го февраля или помянетъ ихъ добрымъ словомъ, но на нынѣшнихъ административно-дворянскихъ реформаторовъ и благодѣтелей навѣрное посмотритъ съ молчаливой и кислой гримасой. Ибо заслужить благодарность народа можно не дѣяніями предковъ и не собственными громко-хвалебными словами, а новыми, дѣйствительными реформами и подлинной безкорыстной работой для народа. А такихъ дѣлъ, къ сожалѣнью, не имѣется пока ни за третьей Думой, ни за стоящимъ у власти министерствомъ, ни за правымъ дворянствомъ.

Предсказывая мѣсяца два назадъ близкую революцію, Марковъ 2-й едва ли предполагалъ, что его предсказаніе сбудется такъ скоро и съ такой неожиданной стороны. Маленькую, курьезную, но подлинную революцію или попытку на народный бунтъ разыгралъ въ Царицынѣ братъ Маркова по духу, іеромонахъ Иліодоръ. Какъ же ближе всего назвать царицынское событіе, въ которомъ было проявлено сопротивленіе высшему начальству, выдвинуты требованія отъ имени народа, объявлена борьба населенія съ начальствомъ и способы борьбы примѣнены типично революціонные: митинговыя рѣчи, организація народныхъ силъ, массовая голодовка и т. д.? Своеобразная, пошехонская, но все-же попытка къ дѣйствію скопомъ, нѣчто напоминающее, хотя бы и каррикатурно, маленькую революцію.

Самъ монахъ Иліодоръ по нынѣшнимъ временамъ довольно яркая и типичная фигура. Это одинъ изъ героевъ контръ-революціи. Пока онъ „боролся“ съ революціей, при чемъ вся его борьба заключалась въ фанатическихъ, бранныхъ и рѣзкихъ до полубезумія проповѣдяхъ, сверху на него взирали благосклонно. Но революція исчезла, уничтоженная или загнанная въ прежнее подполье. Во всякомъ случаѣ на поверхности жизни она перестала быть замѣтной. Монаху Иліодору, казалось бы, можно было замолчать и успокоиться. Однако, онъ не только, къ досадѣ прежнихъ своихъ покровителей, не замолчалъ, а какъ будто сталъ еще горячѣе и несдержаннѣе. Въ Царицынѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Почаевской лавры, воинственный монахъ постепенно перенесъ свой обличительный зудъ съ революціонеровъ на полицію, на городскихъ гласныхъ, на судъ, на администрацію. Правую, почти черносотенную городскую думу онъ такъ возстановилъ противъ себя, что гласные въ публичныхъ засѣданіяхъ заговорили о безпокой-

номъ монахѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Иліодоръ возбудилъ противъ гласныхъ нѣсколько судебныхъ процессовъ, а когда судъ началъ оправдывать его противниковъ, косвенно тѣмъ самымъ осуждая поведеніе Иліодора, послѣдній прекратилъ всѣ судебныя дѣла, но зато всячески сталъ поносить судей и администрацію. Вотъ что мы читаемъ въ „Утрѣ Россіи“: „Недовольный приговоромъ съѣзда іеромонахъ Иліодоръ произнесъ въ воскресенье исключительную по неприличію проповѣдь. Онъ называлъ судей безсовѣстными, лживыми, пьяницами, развратниками. Слѣдовало бы,—говорилъ онъ,—взять позолоченныя цѣпи на шеяхъ судей, свернуть ихъ петлей и удавить ими судей. Суда въ Россіи нѣтъ. Поэтому прекращаю возбужденныя мною въ разныхъ инстанціяхъ 39 дѣлъ и буду громить во всѣхъ проповѣдяхъ. Благодаря мнѣ, упалъ графъ Татищевъ (саратовскій губернаторъ), онъ пошелъ доить коровъ и разводить куръ. Справиться съ судьями мнѣ ничего не стоитъ. Иліодоръ послалъ пространную телеграмму съ жалобой на судей“.

Когда Иліодоръ сталъ переходить всѣ границы, синодъ, поколебавшись, рѣшилъ перевести его въ Новосильскій Святодуховскій монастырь (въ тульской епархіи), подъ началъ епископа Парѳенія, который чуть ли не одинъ изъ всѣхъ русскихъ епископовъ рѣшился взять на себя нелегкую задачу успокоенія и вразумленія пылкаго монаха. Но вотъ тутъ-то и поднялась царицынская революція. Оказалось, что вокругъ Иліодора успѣла уже создаться довольно густая толпа поклонниковъ и соучастниковъ. Съ церковной каѳедры, торжественно, передъ всѣмъ народомъ Иліодоръ объявилъ неповиновеніе синоду, и поклонники преданной ратью окружили его. Онъ послалъ синоду такую телеграмму: „Ваши святѣйшества, сегодня въ монастырскомъ храмѣ передъ престоломъ Всевышняго, въ присутствіи многихъ тысячъ православнаго обиженнаго возлюбленнаго моего народа, я именемъ Всемогущаго Бога, въ исповѣдникахъ имени и правды Его пребывающаго, поклялся не ѣсть, не пить, не спать до времени, когда правда будетъ хотя отчасти возстановлена въ своихъ правахъ, и я буду оставленъ въ Царицынѣ. Иначе, богомудрые отцы, я поступить не могу. Я донской казакъ по плоти, вѣрный воинъ Христовъ по духу. Герои не сдаются, но или умираютъ, или побѣждаютъ. Если мнѣ въ этой борьбѣ суждено умереть, то умру спокойно, умру за попранную драгоцѣнную свободу святѣйшей невѣсты Христовой—церкви Божіей. Лихомъ меня по смерти не поминайте“. Въ телеграммѣ къ саратовскому епископу Гермогену тонъ звучитъ еще революціоннѣе. Тамъ имѣются такія строки: „Если мнѣ въ этой борьбѣ суждено умереть, то вѣрьте, Божій избранникъ, я умру спокойно за попранную наглыми опричниками драгоцѣнную святыню свободу чистѣйшей невѣсты Христовой — церкви Божіей“. Голодовка торжественно была

объявлена въ монастырскомъ храмѣ; нѣсколько сотъ фанатическихъ поклониковъ Иліодора немедленно присоединились къ ней. Тысячныя толпы повалили въ храмъ. Въ Царицынѣ въ эти дни творилось нѣчто фантастическое и незаурядное. Иліодоръ говорилъ огненныя, возбуждающія проповѣди. Онъ объявилъ „Пасху", заставляя послѣдователей пѣть радостныя пасхальныя пѣснопѣнія, чтобы духъ его не терялъ геройскаго напряженія. И толпа пѣла пасхальныя пѣснопѣнія, рыдала, голосила. Прослышавъ о голодовкѣ, двинулись къ городу на подводахъ крестьяне изъ сосѣднихъ селъ и деревень. По газетнымъ свѣдѣніямъ въ храмѣ возбужденно волновалась громадная толпа отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Конечно, главное большинство составляли здѣсь простые любопытные, но стихійныя народныя движенія тѣмъ и опасны, что любопытство находится здѣсь на зыбкой почвѣ, легко переходя въ массовыя дѣйствія. Иліодоръ, однако, сплоховалъ. Голодовку онъ выдержалъ всего одни сутки. Не получая отвѣта изъ Петербурга, онъ отмѣнилъ голодовку. И это сразу надломило его обаяніе. Крестьяне стали разъѣзжаться, разочарованные, по деревнямъ. Толпа порѣдѣла. Оставалось еще много вѣрныхъ поклонниковъ, но уже впечатлѣніе нароставшей народной бури исчезло. Делегатъ отъ синода епископъ Парѳеній, однако, не рѣшился пріѣхать въ Царицынъ, а вызвалъ Иліодора въ Сердобскъ. Поколебавшись, Иліодоръ поѣхалъ туда. На вокзалѣ онъ, по сообщенію газетъ, сказалъ толпѣ своихъ поклонниковъ такую рѣчь: „Горе, если высшее начальство станетъ и дальше такъ обращаться съ патріотами. Начальство поступаетъ съ нами какъ нерадивая нянька. Намъ нужна соска, а намъ суютъ сухой шишъ. Мы просимъ у правительства помощи, мы стонемъ, у насъ болитъ голова, а намъ даютъ подзатыльникъ. Повторяю: если высшее начальство и дальше такъ станетъ обращаться съ простымъ православнымъ народомъ, тогда повторится въ худшемъ, страшнѣйшемъ видѣ то, что мы уже пережили въ недавніе годы. Мы отстранимся. Пусть начальство тогда останется одно противъ революціонеровъ. А у революціонеровъ зубы острые: они съѣдятъ начальство. Тогда конецъ единой православной Россіи".

Изъ Сердобска Иліодоръ тайно бѣжалъ въ Царицынъ, но на полдорогѣ былъ перехваченъ жандармами и отправленъ въ Тулу. Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ покориться. Но послѣдняя страничка его жизни весьма любопытна. Иліодоръ—одинъ изъ немногихъ черносотенныхъ вождей, которые начали по своему организовать народную массу. И вотъ теперь правительство наглядно убѣдилось, какая изъ черносотенной пропаганды получается обоюдоострая вещь. Пока Дубровинъ и Пуришкевичъ грозили милліонами миѳическаго народа, собраннаго подъ знаменами союза русскаго народа, власть могла спокойно

„опираться“ на моральную поддержку проблематическихъ милліоновъ. Но когда съорганизовалось въ дѣйствительности нѣсколько сотъ человѣкъ, получилась безпокойная картина. Народъ, какъ бы онъ ни былъ забитъ въ низахъ жизни, имѣетъ свои стремленія, свои симпатіи. Сегодня онъ поддерживаетъ начальство, но завтра онъ готовъ защищать отъ того же начальства свои собственные ближайшіе интересы. Иліодоръ полюбился народу — и народъ уже готовъ стоять за него горой. А Иліодору, помимо самодержавія, вздумалось защищать „свободную церковь“ — свободную церковь, когда существуетъ синодъ, всецѣло подчиненный свѣтской власти, и когда даже простые губернаторы простыми циркулярами приказываютъ священникамъ говорить съ церковной каѳедры агрономическія, отрубно-хуторскія проповѣди! Видимо, организація народа справа почти такъ же опасна для начальства, какъ и организація слѣва. Легкой и возможной дѣлается вспышка массового недовольства. На сцену немедленно выступаютъ мѣры борьбы, весьма близкія къ революціоннымъ. Уже и справа начальство неожиданно слышитъ слова: „наглые опричники“... Еще одна погибшая иллюзія защитниковъ стараго строя. Трудно держаться въ устойчивомъ положеніи, если нельзя опереться на народную почву ни лѣвой, ни правой ногой.

И. Жилкинъ.

ПАМЯТИ
МИХАИЛА МАТВѢЕВИЧА
СТАСЮЛЕВИЧА

I. Труды М. М. Стасюлевича по древней исторіи.

Когда молодой студентъ М. М. Стасюлевичъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ, каѳедру всеобщей исторіи занималъ тамъ Мих. Сем. Куторга, „первоначальникъ у насъ науки объ эллинствѣ". М. М. Стасюлевичъ сталъ его ученикомъ, и первые научные труды его относятся къ области древней, преимущественно греческой, исторіи.

Въ 1849 г. вышла въ свѣтъ магистерская диссертація М. М. Стасюлевича—„*Аѳинская гегемонія*" [1]), которую онъ, какъ „признательный ученикъ", посвятилъ Куторгѣ. Въ этомъ своемъ „разсужденіи" (такъ обыкновенно назывались тогда диссертаціи) онъ прежде всего останавливается на опредѣленіи понятія гегемоніи, а затѣмъ, во 2-ой части, обращается къ разсмотрѣнію исторіи и организаціи того союза греческихъ городовъ, съ Аѳинами во главѣ, который образовался послѣ отраженія персидскаго нашествія. Вторая часть, по словамъ самого автора, и составляетъ главную цѣль „разсужденія". При его оцѣнкѣ надо имѣть въ виду, что оно появилось за двадцать лѣтъ до капи-

[1]) М. М. Стасюлевичъ предпочиталъ тогда держаться Рейхлиновскаго произношенія.

тальнаго труда У. Келера („Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. delisch-attischen Bundes“) и что тогда не было еще того богатаго эпиграфическаго матеріала, какимъ располагаетъ современная наука. Вообще это первое произведеніе 22-лѣтняго историка — оно закончено было имъ въ 1848-мъ году — не свободно отъ крупныхъ недостатковъ. Авторъ видимо подражаетъ своему учителю, М. М. Куторгѣ; въ положеніяхъ и аргументировкѣ замѣтны парадоксальность, натяжки и искусственность. Не соглашаясь съ обычнымъ опредѣленіемъ гегемоніи, М. М. Стасюлевичъ выводитъ ее изъ отношеній метрополіи къ колоніямъ. Гегемонія, по его мнѣнію, замѣнила собою метропольное устройство, когда политика не могла уже болѣе основываться на родствѣ; гегемонія была тою политическою связью, которая соединяла Грецію, когда метропольная связь ослабѣла и не могла имѣть уже прежняго значенія. Подраздѣляя города, находившіеся подъ гегемоніей Аѳинъ, на три категоріи—„автономическіе“, „повинные“ и клирухіи игемоническія“—и характеризуя ихъ положеніе, М. М. Стасюлевичъ говоритъ, что автономія состояла вовсе не въ независимости. И въ судебномъ, и въ финансовомъ отношеніи автономные города были зависимы: автономическій городъ былъ такой, который не возмущался, т.-е. „не стремился къ новизнѣ“. „Пелопонесская война“, по словамъ автора, „кончилась торжествомъ Аѳинъ“; побѣдила не Спарта и побѣждены были не Аѳины: побѣдили аристократы, а побѣждены были димоты, т.-е. демократы.

По поводу этого изслѣдованія П. М. Леонтьевъ напечаталъ рецензію въ „Москвитянинѣ“ за 1850 г. (№ 11, кн. 1), на которую М. М. Стасюлевичъ отвѣтилъ большою статьею (тамъ же, ч. V).

Гораздо выше во всѣхъ отношеніяхъ—и по основательности, и по пріемамъ, и по самому изложенію—докторская диссертація М. М. Стасюлевича: „*Ликургъ Аѳинскій*“ (Спб., 1851). Изслѣдованіе это даже и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, читается съ интересомъ. Оно касается мало разработанной темы—дѣятельности оратора Ликурга, который послѣ Херонейской битвы въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (338—326) завѣдывалъ финансами и вообще былъ главнымъ государственнымъ дѣятелемъ въ Аѳинахъ. М. М. Стасюлевичъ воспользовался въ довольно широкихъ размѣрахъ надписями, что̀ для того времени было не совсѣмъ обычно. На основаніи этого матеріала онъ посвятилъ цѣлый экскурсъ аѳинскимъ казначеямъ и попытался составить ихъ каталогъ за длинный періодъ отъ Перикла до Димитрія Фалерскаго, вступивъ такимъ образомъ на тотъ путь, какимъ пошли потомъ многіе новѣйшіе изслѣдователи-эпиграфисты. Онъ углубляется въ изслѣдованіе родословной Ликурга и здѣсь тоже привлекаетъ надписи. Но и вдаваясь въ такія спеціальныя изысканія М. М. Стасюлевичъ высказы-

ваетъ широкій взглядъ на исторію. Онъ коснулся уже того вопроса, по которому еще такъ недавно велся споръ между филологами и историками—кому изъ нихъ должна принадлежать область древней исторіи? Вполнѣ признавая важность филологическихъ разысканій для исторіи, какъ conditio sine qua non, М. М. Стасюлевичъ говоритъ, однако, что уваженіе къ филологіи должно имѣть свои предѣлы: филологія долгое время налагала на исторію свои оковы, а исторія, вмѣсто того, чтобы на основаніи филологическихъ разысканій перейти въ свою собственную область, не выходила изъ предѣловъ филологіи. Нибуръ первый отдѣлилъ филологію отъ исторіи и, не умаляя важности первой, указалъ исторіи новый и самостоятельный путь. М. М. Стасюлевичъ цитируетъ затѣмъ слова историка Нича, которыя служатъ какъ бы исходною точкою для такихъ современныхъ намъ ученыхъ, какъ Пельманъ: древняя исторія должна перестать быть голымъ исчисленіемъ фактовъ или наборомъ риторическихъ фигуръ; она должна доказать, что древній міръ былъ волнуемъ тѣми же житейскиии вопросами, которые до сихъ поръ занимаютъ мыслящаго человѣка. Главную цѣль своего „Разсужденія“ М. М. Стасюлевичъ видитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть предметъ съ исторической точки зрѣнія и обратить особенное вниманіе на то, что до тѣхъ поръ менѣе занимало другихъ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ у М. М. Стасюлевича немало интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ, хотя, конечно, не со всѣми ими можно согласиться. Такъ, давая въ началѣ книги краткій очеркъ исторической литературы въ Греціи IV в., М. М. Стасюлевичъ ставитъ греческихъ историковъ IV ст. выше историковъ V ст. и особенно цѣнитъ Ѳеопомпа, исторія котораго, по его словамъ, стоитъ гораздо выше Ѳукидидовой и другихъ. Замѣтимъ, что и одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, Белохъ, считаетъ „Исторію Филиппа“ Ѳеопомпа едва ли не главнымъ произведеніемъ всей греческой исторіографіи. Вообще, по мнѣнію М. М. Стасюлевича, пятое столѣтіе до Р. Х. затмило собою четвертое только по богатству дошедшихъ до насъ источниковъ; персидскія и пелопоннесскія войны въ исторіи Греціи занимаютъ первое мѣсто, хотя по своему внутреннему значенію онѣ должны стоять далеко позади въ сравненіи съ ѳиванскими и македонскими войнами IV ст. если пятое столѣтіе, какъ выражается дальше М. М., и заслуживаетъ особеннаго изученія, то только потому, что оно произвело четвертое. Извѣстно, что и современная наука на изученіе IV в. обратила большое вниманіе. Въ IV ст. исчезли, по словамъ М. М. Стасюлевича, партіи аристократическая и демократическая; одно изъ главныхъ его отличій состоитъ въ томъ, что родилось новое понятіе—πολίτης, гражданинъ, и сообразное съ нимъ государственное устрой-

ство, πολιτεία. IV-ое столѣтіе рѣшило и другой вопросъ—о взаимныхъ отношеніяхъ греческихъ государствъ. Задача государственныхъ людей IV в.—достиженіе такого соединенія грековъ, при которомъ сохранилось бы равенство членовъ. Поборники монархическаго начала обратились тогда къ Македоніи, ихъ противники — къ Персіи. Такимъ образомъ въ Аѳинахъ мы видимъ двѣ партіи—македонскую и персидскую; во главѣ первой стоитъ Эсхинъ, во главѣ второй — Демосѳенъ. Здѣсь точка зрѣнія М. М. Стасюлевича приближается къ воззрѣніямъ Дройзена и новѣйшихъ строгихъ судей Демосѳена: „чѣмъ лучше его сношенія съ персами сношеній Эсхина съ Македоніей?“— спрашиваетъ онъ. Отмѣтимъ еще взглядъ М. М. Стасюлевича на оратора: то былъ государственный человѣкъ, избранный господствующей партіей для управленія государствомъ по ея желанію. Понятіе оратора опредѣляется имъ приблизительно такъ, какъ современные историки опредѣляютъ понятіе демагога въ Аѳинахъ.

П. М. Леонтьевъ и по поводу этой диссертаціи М. М. Стасюлевича выступилъ съ возраженіями въ видѣ цѣлой статьи (въ „Пропилеяхъ“, т. II), но и онъ долженъ былъ отдать полную справедливость ея достоинствамъ, „совершенно одобряя спеціальность избранной темы“, отмѣчая „ученый характеръ пріемовъ“ и „полноту матеріала, собраннаго изъ источниковъ и новыхъ сочиненій“.

Третьимъ отдѣльно изданнымъ изслѣдованіемъ М. М. Стасюлевича было „критико-историческое разсужденіе“ о такомъ спорномъ вопросѣ, какъ такъ называемый Кимоновъ миръ („*Защита Кимонова мира*“. Спб., 1852). Кромѣ того, покойному Михаилу Матвѣевичу принадлежитъ рядъ статей по греческой исторіи. Такъ, въ „Современникѣ“ за 1850 г. (т. XX) онъ помѣстилъ „*Критическія изслѣдованія о рѣчи Иперида противъ Демосѳена, недавно найденной въ египетскихъ катакомбахъ*“,— рѣчи, касающейся извѣстнаго Гарпала и похищенной имъ казны. Въ 1851 г. въ двухъ книжкахъ „Москвитянина“ (ч. VI, №№ 22—23) появилась статья М. М. Стасюлевича: „*Облака, комедія Аристофана, и ея историческое значеніе*“, съ подробнымъ изложеніемъ содержанія, со многими отрывками въ русскомъ переводѣ, съ критическимъ разборомъ взглядовъ Аристофана. Отрывокъ изъ его разбора вошелъ въ извѣстную въ свое время „Русскую Хрестоматію“ Филонова.

Большую и чрезвычайно интересную статью М. М. Стасюлевичъ посвятилъ нѣсколько загадочной личности языческаго пророка и чудотворца II в. по Р. Х.—Александру изъ Абонутейха (въ Пафлагоніи), основавшему въ своемъ родномъ городѣ культъ и оракулъ Асклепія-Гликона и имѣвшему громкій успѣхъ („*Александръ Авонотихитъ и его время*“, въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. XC, 1856). Авторомъ задуманъ былъ цѣлый рядъ изслѣдованій изъ эпохи паденія язы-

чества. Его интересовалъ этотъ великій переломъ въ исторіи культуры человѣка. Въ напечатанномъ очеркѣ онъ рисуетъ картину религіознаго состоянія древняго міра, Рима и его провинцій, и затѣмъ подробно излагаетъ біографію Александра, о которомъ разсказываетъ Лукіанъ.

Назовемъ, наконецъ, статью М. М. Стасюлевича о „*Новыхъ баняхъ въ Помпеѣ, открытыхъ въ 1855—56 гг.*“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1857 г., № 2), и двѣ большихъ его рецензіи: на книгу Бабста: „Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія“ („Москвитянинъ“, 1851, ч. III, стр. 450—487), и на изслѣдованіе Куторги объ аттическихъ филахъ (тамъ же, ч. I, стр. 534—550).

Таковы труды покойнаго Михаила Матвѣевича въ области древней исторіи, занимавшіе видное мѣсто въ тогдашней нашей исторической литературѣ.

В. Бузескулъ.

II. М. М. Стасюлевичъ, какъ составитель исторической хрестоматіи.

„Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ“ (3 тома, Спб. 1862—66, нов. изд. 1885—87) М. М. Стасюлевича, какъ бы мы ни судили о ея недостаткахъ съ точки зрѣнія современнаго состоянія исторической науки и методическихъ взглядовъ на преподаваніе, для своего времени представляла явленіе выдающееся и отрадное, которое должно быть охарактеризовано какъ серьезное, смѣлое и свѣжее новшество. Придти на помощь ученику средней школы, который питался однимъ, въ большинствѣ случаевъ негоднымъ учебникомъ, которому недоступны были пути и средства расширенія и углубленія знаній — значило оказать ему существенную услугу въ такую пору, когда мало кто думалъ о его духовныхъ потребностяхъ. Дать ему въ руки подлинный матеріалъ, помогающій вжиться въ прошлое и оцѣнить его содержаніе, проникнуться пониманіемъ старины и увлечься ею, вступить въ связь съ рядомъ отдаленныхъ поколѣній трудившагося человѣчества, привязаться къ его героямъ и истолкователямъ [1])—это всегда задача учителя науки, а тогда въ русской учебной дѣйствительности это было большое дерзаніе. Изданіе М. М. Стасюлевича, ря-

[1]) Составитель говоритъ самъ: „Кто прочелъ Тацита, Эгингарда, Фроассара, тотъ лучше знаетъ исторію и болѣе *исторически* образованъ, нежели тотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство“.

домъ съ появившимся приблизительно одновременно руководствомъ Виталія Шульгина, для той эпохи единственно замѣчательнымъ,— открывало возможность добросовѣстному и любящему дѣло преподавателю ставить курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ если не полно, то, во всякомъ случаѣ, достаточно богато и разносторонне, даже при отсутствіи другихъ подходящихъ пособій. Авторъ стремится не только дополнить учебникъ цѣнными страницами, колоритными или идейными, изъ сочиненій лучшихъ новѣйшихъ двигателей исторической науки въ западно-европейской и нашей литературѣ; онъ рѣшительно и твердо вводитъ юнаго читателя въ самыя произведенія далекихъ вѣковъ, пріучая его вслушиваться въ міровоззрѣнія и чувства, понятія и интересы изучаемаго прошлаго. Сближать гимназиста съ историческими источниками—на это и нынѣ рѣшаются не очень многіе. Тогда же такой призывъ былъ у насъ безусловно оригиналенъ. Кромѣ того М. М. Стасюлевичъ даетъ ученикамъ прикоснуться къ теоретическимъ вопросамъ исторической науки, побуждая ихъ подумать о томъ, что такое исторія, какъ понималась ея задача и метода, какъ строилась ея конценція въ разныя времена. Такимъ образомъ учитель исторіи, который хотѣлъ бы пользоваться для блага учениковъ книгами Стасюлевича, сроднилъ бы ихъ съ именами, идеями и трудами Бэкона, Гердера и Вико, Гиббона, Бокля и Маколея, Гизо, Ог. Тьерри, Форіэля и Мишле, Лорана, Ренана, Тэна, Раумера, Гизебрехта и Зибеля, нашихъ Грановскаго и Кудрявцева. Это уже — большое благо; это поднимаетъ душу, обогащаетъ умъ. Но центръ тяжести труда Стасюлевича лежитъ не въ этихъ отрывкахъ изъ сочиненій новыхъ историковъ, а въ текстахъ изъ памятниковъ средневѣковой старины; именно въ такой оріентировкѣ содержанія (не *только*—текстъ, но *главнымъ образомъ* текстъ!) лежитъ печать своеобразія его „Исторіи среднихъ вѣковъ“.

Она распадается на три тома. *Первый* начинается съ введенія: „Общія понятія о наукѣ вообще и объ исторической наукѣ въ особенности“, а потомъ захватываетъ эпоху упадка римской имперіи и образованія германскихъ государствъ. Самое включеніе обзора римской культуры Италіи и западныхъ провинцій имперіи въ кругъ вопросовъ средневѣковой исторіи составляетъ хорошее нововведеніе въ господствовавшее тогда мертвенно-механическое дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, убивавшее пониманіе связи между великими отдѣлами исторіи. Интересна также попытка представить соціальное и духовное развитіе отдѣльныхъ странъ—Италіи, Испаніи, Галліи, Британіи, а также внутренней Германіи въ римскую и варварскую эпохи. Составитель орудуетъ извлеченіями изъ многихъ бытописателей этихъ эпохъ. Ученики знакомятся съ Цезаремъ, Та-

цитомъ и Амміаномъ Марцеллиномъ, съ Тертулліаномъ, Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Сальвіаномъ; затѣмъ идутъ Кассіодоръ, Іорданъ и Павелъ Діаконъ, Григорій Турскій, Флодоардъ и Бэда, письма папъ Григорія I и III и многое другое. Около лѣтописныхъ памятниковъ и нѣкоторыхъ образцовъ поэзіи мы находимъ и юридическіе тексты, напримѣръ мѣста изъ „варварскихъ правдъ". Когда въ первый разъ приводится отрывокъ изъ памятника или новаго историка, авторъ въ сжатомъ примѣчаніи сообщаетъ необходимыя данныя біографическаго и критическаго характера о писателѣ и тѣмъ вводитъ читателя въ древнее источниковѣдѣніе и въ новую исторіографію. Во главѣ каждой отдѣльной части сообщается краткій историческій очеркъ эпохи; въ приложеніяхъ даются справочныя таблицы и карты.

Второй томъ обнимаетъ вѣкъ Карла Великаго, Оттона Великаго и Григорія VII. Здѣсь отрывки изъ памятниковъ старины выступаютъ еще больше на первый планъ. „Каролингское возрожденіе" представлено достаточнымъ числомъ цитатъ литературнаго характера изъ Алкуина, Эйнгарда, Сенгалленскаго монаха, Тегана, Эрмольда Чернаго, Нитгарда и др. Къ нимъ присоединяются образцы изъ капитуляріевъ, а также извлеченія изъ поэмы о Нибелунгахъ. Въ слѣдующихъ частяхъ даны фрагменты изъ наиболѣе замѣчательныхъ писателей дальнѣйшихъ эпохъ (Ліутпранда, Видукинда, Рикера, Титмара Мерзебургскаго, Козьмы Пражскаго, Адама Бременскаго, Матвѣя Парижскаго, Рауля Глабера). Можно отмѣтить, какъ важный пробѣлъ, почти полное отсутствіе матеріала изъ „Житій святыхъ", очень важнаго бытового источника, а также недостаточное пользованіе поэзіею—церковною, рыцарскою, народною. Помѣщены интересныя постановленія о „божьемъ мірѣ" (XI в.), но не хватаетъ данныхъ изъ „актовъ".

Третій томъ остался, къ сожалѣнію, неоконченнымъ. Вотъ какъ авторъ самъ поясняетъ предполагавшійся имъ планъ: „Мы раздѣлили третій томъ на *двѣ* части, а именно: *первая* должна обнять собою XII и XIII вѣкъ въ двухъ отдѣлахъ: *первый*—ограничивается однимъ внѣшнимъ фактомъ, который, однако, въ теченіе двухъ вѣковъ безпрестанно перерабатывалъ западное общество, и подъ вліяніемъ котораго оно испытало въ себѣ огромный внутренній переворотъ, это—крестовые походы или священная война; *второй отдѣлъ* обратится именно къ этому внутреннему перевороту;—*вторая* и послѣдняя часть обнимаетъ собою XIV и XV вв., какъ эпоху разложенія феодальнаго общества и вмѣстѣ перехода его къ новымъ основамъ жизни политической, общественной, интеллектуальной".

Выполненнымъ оказался лишь первый отдѣлъ первой части, то-есть, охвачена исторія крестовыхъ походовъ въ тѣсномъ смыслѣ. Преобла-

дает, какъ и въ первыхъ томахъ, матеріалъ, извлеченный изъ хроникеровъ, при чемъ берутся не одни западные авторы, но также византійскіе и, гдѣ можно, мусульманскіе. Составитель стремится здѣсь представлять не отдѣльные отрывки, а знакомить съ общимъ содержаніемъ и характеромъ главныхъ источниковъ, напримѣръ Вильгельма Тирскаго, Бернарда Казначея, Виллардуэна, Жуанвилля, Марина Санудо и др., подбирая рядъ особенно типичныхъ мѣстъ, приводя также посвященія, прологи, связывая выбранные тексты краткимъ пересказомъ недостающаго. Передъ нами проходитъ исторія всѣхъ крестовыхъ походовъ, разсказанная ихъ современниками, лѣтописцами и біографами. Многосодержательный томъ заканчивается текстами изъ „Ассизъ іерусалимскаго государства".

Таковы задача, построеніе и содержаніе труда М. М. Стасюлевича. Въ наши дни, вѣроятно, пришлось бы сильно измѣнить выборъ матеріала и самый планъ подобной „Исторіи среднихъ вѣковъ по подлинникамъ, ими оставленнымъ". Рядомъ съ лѣтописнымъ матеріаломъ слѣдовало бы дать гораздо больше мѣста художественному (поэтическому); въ гармонію съ „исторіею" должна была бы стать „легенда", повѣствовательная литература — чередоваться съ философскою и религіозною, догматическою и этическою, католическою и еретическою. Больше мѣста должны бы были также занять письма различныхъ категорій лицъ. Юридическіе источники надо было бы представить не одними законодательными текстами, но также разновидными грамотами, договорами и т. д. Все это такъ; но, не смотря на это, хрестоматія Стасюлевича сохраняетъ до сихъ поръ силу и значеніе даже наряду съ имѣющимся нынѣ солиднымъ коллективнымъ трудомъ—„Книгою для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ", составленною подъ редакціею проф. *П. Г. Виноградова* и преслѣдующею, собственно, иныя цѣли [1]). Хрестоматію Стасюлевича слѣдуетъ, по справедливости, рекомендовать для внимательнаго изученія не однимъ ученикамъ средней школы, но и начинающимъ студентамъ.

Ив. Гревсъ.

III. Книга М. М. Стасюлевича о философіи исторіи.

Въ своей „Философіи исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ" М. М. Стасюлевичъ исходилъ изъ того общаго положенія, что мы ежеминутно, сами того большею частью не сознавая, пользуемся существенными

[1]) Она даетъ не источники, а оригинальныя обработанныя статьи.

основами и результатами философіи исторіи, поскольку произносимъ свой судъ надъ историческими событіями, или думаемъ направлять общественныя силы къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Указавъ на то, что методически историко-философскими вопросами человѣческая мысль начала заниматься лишь съ конца XVIII в., авторъ отмѣтилъ, однако, что несистематически люди такъ или иначе рѣшали эти вопросы чуть ли не съ того времени, когда вообще начали разсуждать о томъ, что вокругъ нихъ происходитъ. Уже въ пословицахъ, пѣсняхъ, легендахъ есть элементы историко-философскаго мышленія. Своей книгѣ М. М. далъ названіе „историческаго очерка", ограничивъ, какъ самъ заявляетъ въ предисловіи, задачу свою болѣе тѣсными предѣлами—„только тѣми, именно, главными системами, которыя имѣли самое широкое и далекое вліяніе на судьбу исторической мысли въ ту или другую эпоху и въ то же время представляли собою нѣкоторую связь", въ смыслѣ преемственности, какую между ними можно установить. Другими словами, М. М. самъ не думалъ о сколько-нибудь исчерпывающемъ изложеніи столь сложнаго и труднаго предмета, какъ развитіе историко-философской мысли, и о книгѣ его нужно судить, имѣя въ виду только ту задачу, которая была поставлена себѣ самимъ авторомъ. Главное значеніе книги М. М. заключается въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ далъ русской публикѣ связное изложеніе цѣлаго ряда историко-философскихъ теорій, и притомъ въ такое время, когда и въ другихъ литературахъ почти ничего не было въ подобномъ родѣ. Для той поры это была положительная заслуга, хотя, съ другой стороны, книга, можно сказать, съ самаго начала была обречена на то, чтобы довольно скоро устарѣть. Когда она писалась, среди „системъ" философіи исторіи, имѣвшихъ самое широкое и далекое вліяніе на историческую мысль, еще не могла числиться соціологія Огюста Конта, которую стали изучать, комментировать, критиковать лишь къ концу шестидесятыхъ годовъ. Извѣстно, какимъ вліяніемъ пользовался у насъ Контъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи XIX в., а потому понятно, что книга, въ которой не было отведено мѣста Конту, уже не соотвѣтствовала умственнымъ запросамъ, народившимся въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, послѣ ея выхода въ свѣтъ. То же самое можно сказать и о вліяніи дарвинизма на историко-философскія построенія, и о теоріи прогресса Спенсера, столь много занимавшихъ умы у насъ съ конца шестидесятыхъ годовъ. Однимъ словомъ, историческій очеркъ М. М. вышелъ въ свѣтъ какъ разъ наканунѣ полнѣйшаго обновленія историко-философскаго мышленія, благодаря возникновенію интереса къ Огюсту Конту и его соціологіи, внесенію въ историко-философскія соображенія дарвинистическихъ принциповъ и появленію главныхъ трудовъ Спенсера. Въ то время,

когда М. М. писалъ свою книгу, „послѣднимъ словомъ“ въ области философіи исторіи была теорія Бокля, такъ много у насъ нашумѣвшая и сдѣлавшая имя своего автора у насъ болѣе громкимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но въ тѣ годы у всѣхъ въ рукахъ былъ самъ Бокль, а критика, какой М. М. подвергъ его теорію, пожалуй, тоже по тогдашнимъ временамъ не могла особенно содѣйствовать популярности книги, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ кругахъ.

Какъ бы то ни было, но для своего времени, хотя и на очень короткій срокъ, „Философія исторіи“ М. М. Стасюлевича имѣла значеніе труда, изъ котораго русскій читатель могъ познакомиться съ цѣлымъ рядомъ историко-философскихъ теорій, начиная съ бл. Августина и кончая Боклемъ. Древность, средніе вѣка и начало новаго времени лишь отрывочно входятъ въ обзоръ, даваемый книгою: главное въ ней, это—вторая половина XVIII-го и первая половина XIX в. Всѣ разсмотрѣнныя историко-философскія теоріи этого столѣтняго періода онъ подѣлилъ между „физіологическою“ и „метафизическою“ школами, причисливъ къ той или другой и всѣхъ предшественниковъ методической философіи исторіи. Въ общемъ, М. М. больше излагалъ, нежели анализировалъ и критиковалъ отдѣльныя „системы“, не становясь рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону. Вмѣсто того, чтобы дать „общее заключеніе о силѣ и слабыхъ сторонахъ физіологическаго направленія въ исторіи“, онъ предпочелъ „послѣдовать тому справедливому правилу древней юриспруденціи, которая говоритъ: audiatur et altera pars“, т.-е. далъ мѣсто и изложенію метафизическихъ теорій. Въ исторіи историко-философскихъ исканій его, по видимому, особенно привлекало зрѣлище того, какъ мысль, „претерпѣвъ неудачу на одномъ поприщѣ, ищетъ себѣ исхода другимъ путемъ, но никогда не остается спокойною“. И общій выводъ изъ всего, разсмотрѣннаго въ книгѣ, былъ формулированъ авторомъ въ томъ смыслѣ, что „идеальная, пригодная для всѣхъ временъ и народовъ философія исторіи немыслима“, что „каждое время имѣетъ свою философію исторіи“, что, „философствуя въ исторіи, мы не столько являемся судьями прошедшаго, сколько подготовляемъ матеріалы для суда надъ нашимъ собственнымъ интеллектуальнымъ развитіемъ и надъ нашею нравственною зрѣлостью“. М. М. не разъ отмѣчалъ въ своей книгѣ вліяніе на тѣ или другія теоріи со стороны эпохъ, въ которыя онѣ появлялись, а также вліяніе личнаго характера того или другого мыслителя, бывшаго творцомъ данной теоріи. Съ этой точки зрѣнія многія замѣчанія, сдѣланныя М. М. въ его „Философіи исторіи“, могли бы пролить свѣтъ на нѣкоторыя стороны его духовной личности. Для шестидесятыхъ годовъ его отношеніе къ философіи исторіи не могло не показаться слишкомъ отвлеченнымъ.

Н. Карѣевъ.

IV. М. М. Стасюлевичъ, какъ членъ и предсѣдатель городской коммиссіи по народному образованію.

25 января 1911 г. городъ Петербургъ похоронилъ въ церкви Смоленскаго кладбища перваго и единственнаго изъ среды гласныхъ городской думы своего почетнаго гражданина—Михаила Матвѣевича Стасюлевича. Это званіе поднесено было ему городскою думою въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ имъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ дѣлу народнаго образованія въ столицѣ. Болѣе четверти вѣка, съ самаго дня избранія Михаила Матвѣевича въ число членовъ коммиссіи по народному образованію, я былъ однимъ изъ ближайшихъ, безъ перерыва, свидѣтелей трудовъ его на этомъ поприщѣ.

Вступивъ 21 марта 1884 г. въ составъ коммиссіи по народному образованію, предсѣдателемъ которой былъ тогда А. А. Краевскій, М. М., непосредственно завѣдуя нѣсколькими начальными училищами, пристально вглядывался въ школьную жизнь, знакомился съ учащими какъ стараго состава, принятаго еще министерствомъ народнаго просвѣщенія, такъ и новаго, приглашеннаго городомъ, очень разнообразнаго по образовательному цензу и педагогической подготовкѣ. Въ вѣдѣніи М. М. находилась и центральная библіотека для учащихъ, которой онъ постоянно жертвовалъ значительное количество книгъ и журналовъ. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ засѣданіяхъ коммиссіи и изучалъ возникающіе вопросы во всѣхъ деталяхъ. 21 февраля 1890 г., послѣ смерти Краевскаго, М. М. былъ избранъ предсѣдателемъ коммиссіи. Предшествующія шесть лѣтъ дали ему возможность вполнѣ и глубоко изучить дѣло народнаго образованія въ Петербургѣ и выработать планъ необходимаго его расширенія и упорядоченія. Ознакомившись съ положеніемъ школьнаго дѣла и въ Москвѣ, и въ Ригѣ, и за границею, онъ приступилъ къ коренной реорганизаціи его въ Петербургѣ.

Въ 1877-мъ году городъ принялъ отъ мин. нар. просв. 16 училищъ, съ 800 учащимися. Каждое училище помѣщалось въ отдѣльной квартирѣ. Вступивъ въ завѣдываніе школами, дума открывала по 10—20 училищъ въ годъ, устраивая ихъ какъ и прежде, т.-е. въ отдѣльной квартирѣ каждое. Ко времени вступленія Михаила Матвѣевича въ должность предсѣдателя коммиссіи въ городѣ было 262 училища. Заботясь объ увеличеніи ихъ числа, онъ рѣшилъ организовать многоклассныя училища, т.-е. сосредоточить въ одномъ домѣ или, какъ онъ всегда говорилъ, „подъ одной кровлей“ нѣсколько училищъ-клас-

совъ, съ однороднымъ въ каждомъ составомъ, по возрасту и знаніямъ, учащихся. Не смотря на явную выгоду такого типа училищъ, учрежденіе ихъ стоило ему немало труда и усилій. Не только со стороны, но и въ средѣ училищной коммиссіи не было увѣренности въ пользѣ новаго типа, и согласіе ея на устройство перваго такого училища было дано лишь „въ видѣ опыта". Опытъ вполнѣ оправдалъ ожиданія учредителя, и коммиссія вскорѣ стала переходить отъ типа одиночныхъ училищъ къ типу училищъ съ соединенными классами. Слѣдующими заботами М. М. Стасюлевича было раздѣленіе города на школьные участки, съ порученіемъ каждаго одному изъ членовъ коммиссіи, и составленіе и утвержденіе инструкціи для коммиссіи. Дѣло объ этой инструкціи дошло, по жалобѣ высшаго учебнаго начальства, до Сената, но кончилось благополучно для города: инструкція осталась въ силѣ. До Сената доходило и другое дѣло—объ избраніи попечителей школъ. Сенатъ истолковалъ законъ о „предоставленіи" избирать попечителей въ смыслѣ обязательности избранія. Такое толкованіе могло повлечь для школы крайне вредныя послѣдствія: попечитель являлся какъ бы начальникомъ школы, отвѣтственнымъ за нее лицомъ, а между тѣмъ городъ не могъ передать постороннему лицу хозяйственныхъ заботъ по содержанію школъ; въ школѣ могло оказаться два хозяина, двѣ власти. Коммиссія, руководимая своимъ предсѣдателемъ, вышла изъ этого положенія, предложивъ думѣ избранныхъ ею членовъ коммиссіи считать попечителями ввѣренныхъ ихъ надзору училищъ. Это предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ избранные думою члены коммиссіи въ званіи попечителей ввѣренныхъ имъ школъ утверждаются губернскимъ училищнымъ совѣтомъ.

Много потрудился покойный, чтобы склонить городскую думу къ постройкѣ перваго училищнаго дома. И въ думѣ, и еще больше въ педагогическихъ оффиціальныхъ сферахъ высказывались мнѣнія противныя устройству такого дома, какъ опаснаго въ случаѣ эпидемій и затрудняющаго завѣдываніе массою дѣтей. И надо было видѣть радость Михаила Матвѣевича при открытіи перваго училищнаго дома на Васильевскомъ островѣ. Всѣ страхи и опасенія противниковъ такихъ домовъ очень скоро разсѣялись, и городъ, по примѣру перваго дома, уже безбоязненно выстроилъ нѣсколько еще болѣе обширныхъ училищныхъ домовъ. По поводу постройки перваго дома М. М. любилъ передавать свой разговоръ съ однимъ высокопоставленнымъ въ администраціи лицомъ, выражавшимъ неудовольствіе по случаю постройки „чуть не дворца для кухаркиныхъ дѣтей". На это М. М. отвѣчалъ: „мы слѣдуемъ вашему примѣру: вы строите Божьи храмы по преимуществу для кухаркиныхъ дѣтей, а мы для нихъ же—храмы начальнаго обученія".

Постройкой перваго училищнаго дома очень интересовался М. М.; очень часто въ теченіе своего обычнаго для леченья двухмѣсячнаго пребыванія за границей онъ спрашивалъ о ходѣ работъ, радовался ихъ успѣшности и писалъ намъ: „при разсказѣ вашемъ о ходѣ постройки я только облизывался, предвкушая наслажденіе видѣть на яву то, что давно мнѣ грезилось во снѣ". По окончаніи постройки онъ цѣлые дни проводилъ за устройствомъ училища: каждый гвоздь вбитъ тамъ по его указанію, каждая вещь пріобрѣтена или сдѣлана не иначе какъ по его выбору и одобренію.

Помогая кончающимъ курсъ начальной школы получать дальнѣйшее образованіе, М. М. при каждомъ удобномъ случаѣ ходатайствовалъ, и всегда съ успѣхомъ, передъ думой о назначеніи имъ стипендій въ 4-хъ-классныхъ училищахъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ много потрудился и по учрежденію городомъ своего 4-хъ-класснаго училища, по положенію 1872-го года. Министерство народнаго просвѣщенія отказало въ учрежденіи городомъ такого училища, разрѣшивъ лишь открытіе училища на правахъ частнаго учебнаго заведенія, съ программою городскихъ училищъ. И такое училище было открыто въ 1899 г.

Санитарный надзоръ за школами и лечебная помощь дѣтямъ, находившіеся въ вѣдѣніи санитарной коммиссіи, по иниціативѣ М. М. были переданы въ вѣдѣніе коммиссіи по народному образованію, и ей предоставлено думою приглашать школьныхъ врачей, по одному на 15 классовъ. Ни одна сторона дѣтской школьной жизни не оставалась безъ вниманія: М. М. устраивалъ завтраки для дѣтей, хлопоталъ о снабженіи ихъ теплою одеждою, заботился объ устройствѣ дѣтскихъ праздниковъ и елокъ, объ учрежденіи дѣтскихъ лѣтнихъ санитарныхъ и лечебныхъ колоній. Онъ пользовался каждымъ подходящимъ событіемъ, чтобы устроить дѣтскій праздникъ, или выхлопотать новыя стипендіи, или открыть, сверхъ смѣты, новыя училища, читальни и т. п. Во всѣхъ новыхъ начинаніяхъ онъ очень бережно относился къ городской кассѣ, и когда выслушивалъ въ коммиссіи замѣчанія по этому поводу, то обыкновенно, въ защиту своихъ разсчетовъ, вспоминалъ разсказъ о томъ, какъ „солдатъ изъ гвоздя щи варилъ". Онъ изумлялъ всѣхъ своею работоспособностью: днемъ посѣщалъ училища, канцелярію коммиссіи или ея засѣданія, а по вечерамъ собственноручно писалъ доклады въ думу по всѣмъ болѣе или менѣе сложнымъ дѣламъ, шутливо говоря, что съ обязанностями предсѣдателя онъ соединяетъ иногда обязанности помощника дѣлопроизводителя ея. И дѣйствительно, когда дѣлопроизводитель коммиссіи уѣхалъ къ умирающему отцу, М. М. въ теченіе слишкомъ двухъ недѣль исполнялъ всѣ его обязанности, составляя не только журналы, но и бумаги

по текущимъ дѣламъ. Трудолюбіе М. М. было общеизвѣстнымъ: при празднованіи пятидесятилѣтіи его дѣятельности на научномъ, литературномъ и общественныхъ поприщахъ, въ концѣ 1897 г., ему принесено было болѣе двадцати-пяти поздравленій—и всѣ они указывали на это достоинство. Городъ отмѣтилъ юбилей М. М. открытіемъ трехъ начальныхъ училищъ имени юбиляра и учрежденіемъ стипендій его имени, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ воспитывался. Выражая Думѣ благодарность за эту, по словамъ его, „великую награду", М. М. сказалъ, между прочимъ: „въ виду такого безмѣрнаго награжденія я обязанъ признать себя не только должникомъ думы, но и должникомъ несостоятельнымъ, и могу только обѣщать стараться уплачивать свой долгъ, но никогда не буду въ состояніи уплатить его". И онъ исполнилъ свое обѣщаніе, продолжая, съ прежнимъ рвеніемъ, исполнять обязанности предсѣдателя коммиссіи по народному образованію—обязанности, осложнявшіяся и увеличивавшіяся съ каждымъ новымъ учебнымъ годомъ. Минуло десять лѣтъ его предсѣдательствованія; коммиссія рѣшила принести по этому случаю М. М. поздравленія. Докладывая объ этомъ думѣ въ засѣданіи ея 9-го февраля, городской голова предложилъ собранію присоединиться къ постановленію коммиссіи. Дума, принявъ единогласно это предложеніе, уполномочила городского голову, совмѣстно съ членами управы, принести М. М. 20-го февраля отъ имени городского общественнаго управленія поздравленіе и выразить ему „искреннюю, глубокую признательность думы за его многолѣтніе плодотворные труды на пользу народнаго образованія и искреннія пожеланія продолженія еще на многія лѣта просвѣщенной его дѣятельности въ составѣ столичнаго общественнаго управленія". Поздравленіе было принесено, однако, не всѣмъ составомъ управы съ городскимъ головою, а только однимъ командированнымъ для того членомъ управы. Въ собраніи думы 1-го марта 1900 г. Михаилъ Матвѣевичъ благодарилъ думу за оказанную ему постановленіемъ ея 9-го февраля честь и, по свойственной ему скромности, успѣхъ дѣла народнаго образованія въ столицѣ приписалъ самой думѣ, считая за счастіе быть ближайшимъ свидѣтелемъ ея дѣятельности. Недѣлю спустя послѣ этого засѣданія думы, 8-го марта, совершенно неожиданно поступило въ Думу заявленіе М. М. объ отказѣ его отъ должности предсѣдателя коммиссіи по народному образованію. Закономъ 23-го декабря 1894 г. въ составъ городской управы введенъ предсѣдатель коммиссіи по народному образованію. Усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ городского головы явное нарушеніе инструкціи городской управы и даже пренебрежительное, безъ объясненія причинъ, отношеніе къ постановленію самой думы, М. М. призналъ для себя „по меньшей степени неудобнымъ оставаться долѣе въ составѣ городской управы,

въ качествѣ ея члена", а слѣдовательно и сохранять званіе предсѣдателя коммиссіи по народному образованію. Не взирая на просьбу коммиссіи и думы взять назадъ свою отставку, М. М. остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Выборъ новаго предсѣдателя состоялся 24-го мая. Вслѣдъ за избраніемъ въ предсѣдатели одного изъ членовъ коммиссіи внесено было предложеніе избрать М. М. на освободившуюся вакансію члена коммиссіи, въ видѣ исключенія—открытымъ голосованіемъ. Это предложеніе было принято единогласно, и постановленіе думы было утверждено градоначальникомъ; но Михаилъ Матвѣевичъ отказался вступить въ члены коммиссіи, такъ какъ по закону выборы должны производиться закрытою баллотировкою. Такая баллотировка и была произведена 29-го ноября. Все предшествующее ей время М. М. посѣщалъ коммиссію и училища на правахъ утвержденнаго попечителя. Еще слишкомъ десять лѣтъ онъ занимался училищными дѣлами съ тою же любовью, какъ и прежде. При образованіи въ 1910 г. новаго состава коммиссіи онъ былъ избранъ ею первымъ замѣстителемъ предсѣдателя, но отъ званія этого отказался, такъ какъ въ то время еще не было предсѣдателя, избраннаго думою, а обязанности предсѣдателя исполнялъ по порученію управы одинъ изъ ея членовъ. Въ 1909 г. состоялось чествованіе М. М. по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности въ коммиссіи по народному образованію. Дума, согласно предложенія коммиссіи, постановила присвоить одному изъ мужскихъ 4-хъ-классныхъ училищъ имя М. М. Стасюлевича, поставить въ помѣщеніи коммиссіи его портретъ, ассигновать по 1.000 р. въ годъ для стипендій его имени въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ преимущественно для бывшихъ учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ и поднести ему званіе почетнаго гражданина города С.-Петербурга.

Нашъ очеркъ дѣятельности покойнаго и наши о немъ воспоминанія остается дополнить только указаніями, какъ относился онъ къ учащимъ и учащимся. Довѣряя первымъ и предоставляя имъ полную свободу въ преподаваніи, онъ требовалъ отъ нихъ точнаго исполненія своихъ обязанностей, не допуская манкировокъ, опаздыванія и другихъ служебныхъ неисправностей, и особенно несправедливости или излишней строгости къ дѣтямъ. Зная, однако, среду родителей учащихся, онъ въ высшей степени осторожно относился къ поступавшимъ на учащихъ жалобамъ и старался обслѣдовать ихъ такъ, чтобы не обижать учащихъ и отнюдь не допускать участія учащихся въ такихъ обслѣдованіяхъ.

Къ учащимся Михаилъ Матвѣевичъ относился какъ любящій отецъ, и оберегалъ ихъ всѣми доступными ему средствами отъ всякаго зла и обиды. Ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не ставилъ дѣтей въ положеніе свидѣтелей и не позволялъ про-

изводить въ школахъ формальныя дознанія. Бесѣдой, иногда шутками, внушеніями онъ умѣлъ открывать истину, не умаляя авторитета учащаго передъ учениками и ихъ родителями, но и не прощая учащему его вины. Много было случаевъ, доказывавшихъ умѣнье М. М. воздѣйствовать на дѣтское сердце. Одинъ изъ нихъ останется надолго въ памяти участниковъ школьной жизни. Случилось какъ-то въ одной школѣ, что ссора двухъ мальчиковъ кончилась очень печально: одинъ ранилъ другого перочиннымъ ножемъ, и такъ тяжело, что нужно было раненаго отправить въ больницу. Учительница предлагала исключить виновнаго изъ школы, такъ какъ онъ не только не раскаявался, но даже не признавалъ своей вины. Михаилъ Матвѣевичъ долго бесѣдовалъ съ упрямцемъ и уговорилъ его поѣхать вмѣстѣ въ больницу—навѣстить раненаго. При видѣ лежащаго больного, теплыя, сердечныя увѣщанія М. М. такъ подѣйствовали на виновнаго, что онъ расплакался; затѣмъ товарищи примирились, крѣпко расцѣловавшись. Впослѣдствіи мальчики стали друзьями, и первый всегда защищалъ второго.—Любовь М. М. къ дѣтямъ не оставалась безъ отвѣта: дѣти его боготворили, при его появленіи окружали его тѣснымъ кольцомъ, бесѣдовали съ нимъ совсѣмъ запросто и откровенно, называли его „добренькимъ дяденькой“ и заставляли его просить учительницу позволить еще поиграть. А сколько огорченій и хлопотъ выпадало на его долю въ дни пріема дѣтей въ школы, особенно въ первые годы его предсѣдательства! Новыхъ школъ дума открывала тогда мало и отказы въ пріемѣ дѣтей въ школы считались сотнями. Родители плакали, жаловались Михаилу Матвѣевичу; онъ ихъ успокоивалъ, утѣшалъ и упрашивалъ учащихъ принять сколько возможно и сверхъ нормы. При этихъ хлопотахъ его случился такой, между многими другими, казусъ. Просила старушка принять ея внука въ школу, не взирая на полученный отказъ. Михаилу Матвѣевичу удалось устроить это, и старушка, разыскавъ его въ коммиссіи, горячо благодарила его и просила принять просфору съ вынутой за его здравіе частицей. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ просфору принялъ, назвавъ при этомъ себя „взяточникомъ“, и уѣхалъ домой; затѣмъ очень скоро возвратился въ коммиссію, крайне встревоженный, и, вынимая изъ кармана просфору, разсказалъ, что нашелъ вложенный въ нее бумажный рубль. Сейчасъ же приняты были мѣры къ разысканію старушки и возвращенію ей рубля. Насилу убѣдили ее взять этотъ рубль, такъ какъ она не хотѣла быть неблагодарной, а бо́льшимъ она не располагала.

Рѣдкій тактъ, идеальная честность и безусловная скромность — таковы были отличительныя черты Михаила Матвѣевича Стасюлевича.

Павелъ Потѣхинъ.

У. М. М. Стасюлевичъ, какъ гласный думы.

М. М. Стасюлевичъ вошелъ въ составъ гласныхъ петербургской городской думы не пылкимъ, неуравновѣшеннымъ юношею, а зрѣлымъ, умудреннымъ уже не только знаніями, но и житейскою опытностью человѣкомъ. Ему было 55 лѣтъ, когда онъ, въ 1881-мъ году, впервые оказался избраннымъ въ гласные. Съ первыхъ же шаговъ на новомъ поприщѣ М. М. проявилъ столько энергіи, столько знанія и таланта, столько интереса и любви къ городскому дѣлу, что уже два года спустя, въ 1883-мъ году, дума избрала его товарищемъ городского головы. Къ какимъ существеннымъ улучшеніямъ въ городскомъ хозяйствѣ несомнѣнно должно было бы привести вступленіе М. М. въ должность товарища городского головы—не трудно предугадать, судя по тому развитію, какое получила постановка и организація начальнаго образованія въ столицѣ, когда завѣдываніе этою крупнѣйшею отраслью городского управленія перешло въ его руки. Можно быть увѣреннымъ, что многія послѣдующія скандальныя исторіи, всякія позорныя панамы не грязнили бы собою страницъ столичной муниципальной хроники, если бы во главѣ городской управы сталъ такой человѣкъ, какъ М. М. Но счастья увидѣть М. М. на посту товарища городского головы петербургской городской думѣ дождаться было не суждено. Старые личные счеты съ М. М. тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, послужили къ тому непреодолимымъ препятствіемъ.

Не обезкураженный первою неудачею, М. М. продолжалъ съ неостывающею энергіею неустанно работать на пользу городского благоустройства въ самыхъ разнообразныхъ его отрасляхъ. Отдавъ главную часть своего рвенія, своихъ заботъ дѣлу народнаго образованія, М. М. никогда не отказывался служить городу, отстаивать его права и по всякимъ другимъ, затрогивающимъ наиболѣе жизненные интересы населенія вопросамъ.

И какое бы порученіе думы онъ на себя ни принималъ, всегда со всякимъ новымъ для него дѣломъ М. М. такъ добросовѣстно знакомился, такъ быстро входилъ въ его суть, такъ беззавѣтно защитѣ его отдавался, что труды его оказывались не менѣе цѣнными и плодотворными, чѣмъ труды настоящихъ экспертовъ-спеціалистовъ. Такимъ плодотворнымъ и цѣннымъ оказалось его сотрудничество съ профессіональными юристами въ защитѣ передъ судомъ интересовъ города въ борьбѣ съ обществомъ водопроводовъ.

Съ 1884-го года посвятивъ свое время, силы и знанія главнымъ образомъ работѣ въ составѣ коммиссіи по народному образованію, сначала въ должности ея члена, а затѣмъ предсѣдателя, М. М. никогда не переставалъ проявлять живѣйшаго интереса и ко всѣмъ другимъ городскимъ дѣламъ, усердно посѣщая засѣданія думы, способствуя въ нихъ своими спокойными, дѣловыми, всегда серьезно обоснованными рѣчами правильному разрѣшенію вносимыхъ на обсужденіе думы вопросовъ.

За время своего тридцатилѣтняго пребыванія въ составѣ гласныхъ М. М., конечно, всегда находился въ рядахъ прогрессивнаго меньшинства. Но торжествующее, господствующее большинство, конечно никогда и не думавшее считать его своимъ, по крайней мѣрѣ въ первыя два десятилѣтія умѣло все-таки отдавать должное дарованіямъ М. М., имѣло благоразуміе и тактъ привлекать его къ такой активной работѣ, къ которой, за послѣднее время, совсѣмъ уже и близко не подпускаются въ петербургской думѣ гласные-прогрессисты.

Одинъ сухой перечень тѣхъ многочисленныхъ, не только подготовительныхъ, но и исполнительныхъ коммиссій, въ которыхъ принималъ активное участіе М. М., занимаетъ, въ № 22 „Извѣстій С.-Петербургской Городской Думы“ за 1909-ый годъ, нѣсколько страницъ. Я отмѣчу участіе М. М. лишь въ тѣхъ коммиссіяхъ, труды которыхъ имѣли наибольшее значеніе, привели къ серьезной, всесторонней разработкѣ существеннѣйшихъ вопросовъ городского хозяйства и управленія, хотя, зачастую—конечно, не по волѣ М. М. и его сотрудниковъ-единомышленниковъ, — и оставались безъ практическаго примѣненія.

Помимо уже упомянутаго активнаго и на этотъ разъ, по счастью, и фактически продуктивнаго, участія въ борьбѣ города съ водопроводнымъ обществомъ и неоцѣнимыхъ услугъ дѣлу народнаго образованія, М. М. положилъ немало труда и на разработку нормальныхъ штатовъ служащихъ въ городскомъ общественномъ управленіи по найму (въ 1888-мъ году), и на подробное разслѣдованіе исторіи о Пухертовской мукѣ (въ 1891 г.), на участіе въ составленіи проекта новаго городового положенія (въ 1905 и 1906 г.г.) и на выработку донынѣ дѣйствующихъ, хотя и постоянно нарушаемыхъ, правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ думѣ (въ 1905-мъ году). Онъ былъ первымъ предсѣдателемъ образованной думою въ 1884-мъ году финансовой коммиссіи. Отъ предсѣдательства въ ней онъ отказался въ 1886-мъ году, но членомъ коммиссіи оставался до 1894-го года. Съ 1887-го по 1900-ый годъ и затѣмъ вновь съ 1905 г. по день смерти М. М. былъ почетнымъ мировымъ судьею и, конечно, не изъ разряда лишь числящихся въ этомъ почетномъ званіи, но ничего не дѣлающихъ судей.

Съ 1893-го по 1898-ой годъ онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ думы въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ 120-ою ст. городового положенія 1892-го года, и, конечно, проявлялъ въ руководствѣ преніями такое умѣнье, тактъ и безпристрастіе, какіе за послѣднее время руководителями думской политики признаются совершенно ненужными для предсѣдателя думы качествами.

Вплоть до 1898-го года, до вступленія г. Лелянова въ должность городского головы, а г. Тарасова въ должность его товарища, отношеніе къ М. М. держателей муниципальной власти если не было проникнуто духомъ искренней сердечности, все-таки оставалось неизмѣнно корректнымъ. Стоявшія во главѣ городского управленія лица считали для себя обязательнымъ относиться къ М. М. съ тѣмъ уваженіемъ, какимъ онъ пользовался не только въ обществѣ, но и въ административныхъ сферахъ, переставшихъ уже считать М. М. тѣмъ вреднымъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ въ глазахъ графа Д. А. Толстого.

Новые думскіе главари не нашли нужнымъ сообразоваться съ этими взглядами общества и правительства. Новому городскому головѣ, стремившемуся вездѣ и всюду замѣнять систему коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ единоличнымъ усмотрѣніемъ, какъ и его товарищу и сподвижнику, обязанному своимъ возвышеніемъ не довѣрію гласныхъ, а благоволенію администраціи, съ первыхъ же дней прямо поперекъ горла стали исполнительныя коммиссіи, не соглашавшіяся отказаться отъ самостоятельности и иниціативы и превратиться въ простыя отдѣленія управы. Г.г. Леляновъ и Тарасовъ, прежде всего, пытались совсѣмъ упразднить всякія исполнительныя коммиссіи, забравъ все дѣло въ руки одной управы. Когда имъ это не удалось, началась неустанная борьба съ ненавистными коммиссіями, началось вмѣшательство въ разныя чисто хозяйственныя дѣла и внутренніе порядки коммиссій. Общей участи не избѣгла и коммиссія по народному образованію. М. М. не могъ помириться со вновь создавшимся положеніемъ и вынужденъ былъ отказаться отъ предсѣдательствованія въ коммиссіи по народному образованію, оставшись лишь ея членомъ. Непосредственнымъ поводомъ къ этому рѣшенію послужило неисполненіе управою постановленія думы [1]). За исключеніемъ одного, нынѣ умершаго, члена управы В. Г. Дехтерева, вся управа, 20-го февраля 1900-го года, блистала своимъ отсутствіемъ на юбилейномъ чествованіи М. М. Стасюлевича. Только шесть лѣтъ спустя новому городскому головѣ удалось загладить безтактность его предшественниковъ. 28-го августа 1906-го года, Н. А. Рѣзцовъ, вмѣстѣ съ членами ком-

[1]) См. выше, замѣтку П. А. Потѣхина.

миссіи по народному образованію, лично поздравилъ М. М. на его квартирѣ съ восьмидесятою годовщиною дня его рожденія.

Въ томъ же 1906-мъ году исполнилось сорокалѣтіе изданія и редактированія М. М. „Вѣстника Европы". Городская дума опять рѣшила не только принести поздравленія юбиляру, но и поручила соединенному присутствію городской управы и коммиссіи по народному образованію выработать и представить думѣ соображенія о тѣхъ мѣрахъ, какими могло бы быть со стороны городского общественнаго управленія ознаменовано сорокалѣтіе общественно-литературной дѣятельности М. М.

Это порученіе думы городская управа не торопилась исполнить. Она, пожалуй, и совсѣмъ бы о немъ забыла, если бы не пришлось уже по необходимости вспомнить, въ виду наступившаго въ 1909-мъ году времени отпраздновать еще одинъ, къ сожалѣнію уже послѣдній, юбилей — двадцати-пяти-лѣтняго пребыванія М. М. въ составѣ коммиссіи по народному образованію.

Для этого новаго юбилея коммиссія по народному образованію выработала, а управа тотчасъ же одобрила программу чествованія, не выходящую изъ рамокъ обычнаго юбилейнаго шаблона. Въ средѣ коммиссіи по народному образованію чувствовалось, однако, что какъ будто бы неловко опять повторять и передѣлывать все ту же старую программу. Естественно возникала мысль, что прилично и своевременно было бы почтить на этотъ разъ М. М. особымъ знакомъ уваженія, избравъ его почетнымъ гражданиномъ города Петербурга. Эта мысль, однако, была вскорѣ оставлена изъ боязни, что подобное предложеніе можетъ не встрѣтить достаточнаго сочувствія въ думѣ.

То, на что не отважилась пойти коммиссія по народному образованію, рѣшилась сдѣлать группа гласныхъ-прогрессистовъ, пришедшихъ къ убѣжденію, что если предложеніе объ избраніи М. М. почетнымъ гражданиномъ и оказалось бы отклоненнымъ думою, то это не было бы отнюдь оскорбленіемъ для М. М., а только новымъ позоромъ для самой думы.

Вслѣдствіе такого рѣшенія спѣшно было изготовлено и внесено въ думу заявленіе, подписанное не одними гласными-прогрессистами, но кое-кѣмъ и изъ партій стародумскаго большинства. Этимъ заявленіемъ предлагалось думѣ избрать М. М., „въ воздаяніе его выдающихся заслугъ за время 28-ми-лѣтняго пребыванія въ составѣ гласныхъ"—почетнымъ гражданиномъ города С.-Петербурга.

Къ удивленію самихъ авторовъ предложенія, оно имѣло въ засѣданіи думы, 12 августа 1909 г., неожиданный успѣхъ. Противъ предложенія не дерзнули протестовать даже тѣ представители крайняго обскурантизма въ городской думѣ, которые, годъ спустя, не постыди-

лись отклонить предложеніе объ оказаніи С. А. Муромцеву такой минимальной дозы уваженія, какъ почтеніе памяти покойнаго вставаніемъ.

При рѣшеніи вопроса объ избраніи М. М. почетнымъ гражданиномъ никто изъ стародумцевъ не посмѣлъ обнаружить таившагося, вѣроятно, въ глубинѣ души не одного изъ нихъ несочувствія внесенному предложенію, и оно оказалось принятымъ думою единогласно.

О состоявшемся рѣшеніи думы было доведено до свѣдѣнія М. М. въ поданномъ ему 8 сентября 1909 г. адресѣ, покрытомъ подписями массы гласныхъ, безъ различія партій.

Адресъ заканчивался выраженіемъ пожеланія, чтобы М. М., въ званіи непремѣннаго члена Думы, какъ почетный гражданинъ города С.-Петербурга, „еще много лѣтъ“ не лишалъ думу дорогого для нея сотрудничества.

Пожеланію этому, увы, не суждено было осуществиться. Въ званіи почетнаго гражданина города С.-Петербурга, въ которомъ онъ утвержденъ верховною властью 29 декабря 1909 г., М. М. пришлось пробыть только годъ съ небольшимъ.

Общая скорбь не только столичной, но и всей русской интеллигенціи по поводу кончины М. М. усугубляется сознаніемъ, что мѣсту, съ такимъ достоинствомъ непрерывно занимавшемуся М. М. въ теченіе тридцати лѣтъ въ городской думѣ, предстоитъ теперь и, можетъ быть, еще на очень долгій срокъ, оставаться вакантнымъ.

Послѣ смерти Льва Николаевича Толстого остается вакантнымъ и, конечно, не скоро будетъ замѣщено достойнымъ преемникомъ мѣсто перваго, величайшаго писателя земли русской. Послѣ смерти Михаила Матвѣевича Стасюлевича, по всей вѣроятности, придется очень долго ждать новаго почетнаго гражданина города Петербурга, который имѣлъ бы столько же правъ на это званіе.

И. Зубаревъ.

VI. М. М. Стасюлевичъ, какъ редакторъ.

Едва ли кто ближе зналъ Михаила Матвѣевича, какъ редактора, чѣмъ пишущій эти строки. Въ теченіе четверти вѣка, съ 1883-го года, я регулярно разъ въ недѣлю, въ пріемные дни редакціи, по средамъ, проводилъ по нѣскольку часовъ въ его кабинетѣ въ качествѣ „непремѣннаго секретаря“ редакціи „Вѣстника Европы“. Вся редакторская дѣятельность его проходила на моихъ глазахъ; я присутствовалъ при

всѣхъ бесѣдахъ его съ посѣтителями и имѣлъ много случаевъ наслаждаться остроуміемъ и находчивостью его объясненій.

Въ 1878-мъ году я отдалъ въ „Вѣстникъ Европы“ статью о „забытыхъ экономистахъ“ и вскорѣ получилъ по городской почтѣ отвѣтъ М. М., что статья будетъ напечатана. Тогда же я впервые увидѣлъ М. М., къ которому привыкъ съ юныхъ лѣтъ питать какое-то благоговѣйное чувство. „Вѣстникъ Европы“, съ самаго его основанія, выписывался въ домѣ моихъ родителей, въ Житомірѣ, и я былъ постояннымъ читателемъ его съ гимназической скамьи. Честолюбивою мечтою моею въ тѣ годы было сдѣлаться когда-нибудь сотрудникомъ этого журнала, казавшагося мнѣ воплощеніемъ учености и высшаго умственнаго авторитета. Я попалъ въ „Вѣстникъ Европы“ уже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы въ спеціальныхъ юридическихъ изданіяхъ и газетахъ. Вторая статья, предложенная мною—о „политико-экономическихъ школахъ“—не была принята М. М., какъ слишкомъ спеціальная по темѣ, и хотя этотъ отказъ сопровождался крайне лестными для меня словами, но онъ послужилъ причиною четырехлѣтняго перерыва въ сношеніяхъ моихъ съ журналомъ. Я перешелъ въ „Слово“, гдѣ моя статья была вскорѣ помѣщена и гдѣ я вслѣдъ затѣмъ сдѣлался членомъ редакціи. По прекращеніи этого симпатичнаго журнала, я былъ приглашенъ сотрудникомъ въ газету „Порядокъ“ и послѣ ухода В. Ѳ. Корша, весною 1881-го года, получилъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ иностранной политики. Съ тѣхъ поръ мои сношенія съ М. М. не прекращались.

Въ редакціи „Порядка“, помѣщавшейся на Васильевскомъ островѣ по 2-ой линіи, рядомъ съ конторою и типографіею „Вѣстника Европы“, царствовалъ удивительный порядокъ, котораго я ни раньше, ни позже не встрѣчалъ ни въ одной газетной редакціи. Все было тамъ тихо и чинно; занятія были точно распредѣлены по часамъ; завѣдывающіе отдѣлами сотрудники занимали свои опредѣленныя мѣста въ большой закрытой комнатѣ, за длиннымъ столомъ и двумя отдѣльными столиками, подъ предсѣдательствомъ самого М. М.; всѣ работали молча, чтобы не мѣшать другъ другу, невольно подчиняясь примѣру редактора, молчаливо погруженнаго въ чтеніе рукописей и корректуръ; только изрѣдка раздавался голосъ болѣе экспансивныхъ сотрудниковъ—Григорія Градовскаго или Арсенія Введенскаго,—обращавшихъ вниманіе на какую-либо интересную статью или сообщеніе той или другой изъ просматриваемыхъ газетъ. Съ двѣнадцати часовъ дня М. М. сидѣлъ уже на своемъ редакторскомъ мѣстѣ; къ тому же времени сходились всѣ завѣдующіе отдѣлами; каждый приготовлялъ свой матеріалъ, писалъ свое обозрѣніе и сдавалъ редактору, который, просмотрѣвъ и распредѣливъ полученныя рукописи и вырѣзки, клалъ

ихъ въ сумку и отсылалъ въ типографію. Къ пяти часамъ всѣ постепенно расходились, по мѣрѣ окончанія своихъ занятій; послѣднимъ уходилъ М. М. Въ редакціонный кабинетъ, пока въ немъ продолжались занятія, никто изъ постороннихъ не имѣлъ доступа; для разговоровъ съ сотрудниками и репортерами, какъ и съ почетными гостями, предназначена была просторная сосѣдняя комната, первая отъ входа; въ ней помѣщался столъ секретаря редакціи. Въ этой пріемной комнатѣ мнѣ случилось однажды увидѣть представительную фигуру Тургенева, громко о чемъ-то со смѣхомъ говорившаго съ М. М.; здѣсь же бывалъ иногда А. Н. Пыпинъ для совѣщаній съ М. М. по дѣламъ „Вѣстника Европы“. Извѣстная переводчица, А. Н. Энгельгардтъ, работала въ другой комнатѣ, рядомъ; для передачи ей отмѣченныхъ сообщеній иностранныхъ газетъ и для полученія отъ нея рукописей перевода я долженъ былъ проходить черезъ пріемную. Тамъ же появлялся ежедневно „король репортеровъ“, Юлій Шрейеръ, умѣвшій съ замѣчательнымъ искусствомъ добывать свѣдѣнія о самыхъ секретныхъ событіяхъ того времени и изображавшій эти происшествія съ многословнымъ паѳосомъ, которому М. М. тщетно старался поставить извѣстныя границы. Свѣдѣнія, сообщенія и телеграммы, доставляемыя послѣ пяти часовъ, поступали къ секретарю редакціи, жившему въ редакціонной квартирѣ, и передавались имъ въ типографію, гдѣ редакторъ просматривалъ ихъ только вечеромъ, въ корректурѣ. При весьма несложномъ, повидимому, устройствѣ дѣла и при довольно ограниченномъ составѣ ближайшихъ постоянныхъ сотрудниковъ, дѣло шло необыкновенно правильно, какъ заведенная машина, безъ шумной суетливости, безъ колебаній и задержекъ, съ какимъ-то увѣреннымъ и сдержаннымъ спокойствіемъ, по разъ установленному порядку, который даже въ подробностяхъ не измѣнялся за все время существованія газеты. Все было заранѣе предусмотрѣно не только въ общемъ ходѣ дѣла, но и въ мелочахъ, какъ съ технической стороны, такъ и съ редакціонной. Планъ былъ намѣченъ твердой рукою, и аккуратное выполненіе его достигалось какъ-то само собою, подъ неустаннымъ наблюденіемъ редактора.

Въ этомъ сказался исключительный организаторскій талантъ М. М. Въ „Порядкѣ“ объединялись въ общемъ трудѣ люди разнаго типа и характера, и только М. М. могъ собрать ихъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ для ежедневной отвѣтственной работы, направляя ихъ усилія къ одной цѣли, безъ взаимныхъ треній и недоразумѣній. Еще болѣе поразило меня организаторское искусство М. М., когда я ознакомился съ устройствомъ и составомъ редакціи „Вѣстника Европы“. Въ началѣ 1882-го года, когда годовая подписка на газету далеко еще не закончилась, „Порядокъ“ былъ внезапно пріостановленъ—и этимъ

рѣшалась его судьба: послѣ нѣкоторыхъ колебаній М. М. отказался отъ мысли продолжать изданіе газеты при невозможныхъ политическихъ и цензурныхъ условіяхъ того времени. Осенью того же года М. М. предложилъ мнѣ составлять ежемѣсячное иностранное обозрѣніе для журнала, такъ какъ В. Ѳ. Коршъ не могъ вести этотъ отдѣлъ по прежнему. Первое мое обозрѣніе появилось въ декабрьской книгѣ 1882-го года, а въ январѣ была напечатана большая статья о „поземельной собственности", которую М. М. шутя назвалъ статьею о „черномъ передѣлѣ". Около того же времени началась усиленная дѣятельность М. М. по городскому общественному управленію, и во время моихъ посѣщеній редакціи „Вѣстника Европы" мнѣ гораздо чаще и больше приходилось разговаривать съ А. Н. Пыпинымъ, чѣмъ съ М. М. Покойный Александръ Николаевичъ отнесся ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, какъ къ младшему сотруднику, подающему нѣкоторыя надежды; съ нимъ легче и откровеннѣе велась бесѣда, и у насъ вскорѣ установилось сближеніе, которымъ я очень дорожилъ. Когда въ 1883-мъ году М. М. былъ избранъ товарищемъ городского головы, А. Н. Пыпинъ предложилъ привлечь меня къ участію въ дѣлахъ редакціи журнала, въ качествѣ ея секретаря, и М. М. охотно послѣдовалъ этому совѣту. Я сдѣлался секретаремъ редакціи, хотя М. М. не удостоился утвержденія въ должности товарища городского головы.

Присмотрѣвшись къ дѣламъ „Вѣстника Европы", я убѣдился, что весь механизмъ веденія журнала, славящагося своею аккуратностью, отличается геніальною простотою. Редакція такого большого періодическаго изданія, со всѣми его сложными дѣлами, помѣщалась въ небольшомъ личномъ кабинетѣ М. М., заставленномъ множествомъ вещей; каждый уголокъ имѣлъ здѣсь свое опредѣленное назначеніе, и не было такого мѣстечка на столѣ, на стѣнѣ, или даже на дверяхъ, которое не было бы использовано для какой-либо вещицы, съ соотвѣтственною надписью объ ея происхожденіи. Небольшой простой столъ, за которымъ всегда работалъ М. М., постепенно, съ годами, покрылся разными пристройками сверху и съ боковъ—и это обиліе ящиковъ, полокъ и выдвинутыхъ дощечекъ придавало всему сооруженію крайне оригинальный видъ. За другимъ столомъ, у противоположной стѣны, засѣдалъ обыкновенно А. Н. Пыпинъ; наконецъ, у окна находился маленькій секретарскій столикъ, также нагруженный разными нужными вещами и приспособленіями. М. М. сравнивалъ иногда эти три стола съ тремя городскими учрежденіями: первый столъ—городского головы, второй—городской думы, а третій — городской управы. Въ дѣйствительности и „головой", и „думою", и „управою" журнала былъ самъ М. М. Ничто не рѣшалось и не дѣлалось безъ его санкціи, и многое

дѣлалъ онъ лично, не желая затруднять своихъ помощниковъ. Онъ выслушивалъ ихъ мнѣнія, но исполнялъ то, что считалъ нужнымъ; въ дѣлахъ журнала онъ стоялъ за принципъ единовластія и не признавалъ конституціи. Онъ несомнѣнно имѣлъ нравственное право дѣйствовать такимъ образомъ, и ближайшіе сотрудники считали это вполнѣ естественнымъ съ его стороны.

Подобно тому, какъ его собственный кабинетъ представлялъ образецъ разумнаго и систематическаго порядка среди непомѣрнаго количества вещей, такъ и въ дѣлахъ редакціи господствовала стройная система, разъ навсегда установленная самимъ М. М. Въ этой его комнатѣ хранились всѣ поступавшія въ редакцію рукописи, письма, книги для отзыва, распредѣленные по папкамъ матеріалы для будущихъ книгъ журнала, какъ и забракованныя статьи за многіе годы. Всякій авторъ, явившись въ редакцію, могъ въ двѣ-три минуты получить точную справку о судьбѣ его рукописи, а въ случаѣ надобности— и самую рукопись, хотя бы она была доставлена десять лѣтъ тому назадъ. Больше мѣсяца не задерживался отвѣтъ о принятіи или непринятіи рукописи, каковъ бы ни былъ ея объемъ; отрицательные отвѣты давались обыкновенно гораздо раньше, и если авторъ не являлся лично, то ему сообщали по почтѣ, часто съ приложеніемъ рукописи, при отсутствіи сомнѣній въ точности адреса. Этотъ порядокъ никогда не нарушался, и еслибы когда-либо не былъ своевременно посланъ автору отвѣтъ до истеченія мѣсячнаго срока, то секретарь увидѣлъ бы въ редакціонной книгѣ отмѣтку объ отсылкѣ письма самимъ М. М. Въ этой природной аккуратности выражалось и добросовѣстное уваженіе къ чужимъ интересамъ, и стремленіе по возможности упростить дѣло предупрежденіемъ излишнихъ недоразумѣній и неудовольствій. Такимъ образомъ, изъ года въ годъ, при помощи сначала одного, а потомъ двухъ членовъ редакціи, велось лично М. М-чемъ изданіе „Вѣстника Европы“, безъ малѣйшей запинки. Какъ превосходный организаторъ, онъ легко и просто достигалъ такихъ результатовъ, которые другимъ казались бы совершенно недоступными и неосуществимыми. Онъ обладалъ такимъ же искусствомъ въ производительномъ распредѣленіи своего времени, какъ и въ цѣлесообразномъ размѣщеніи вещей. Ни одна частица дня не пропадала у него напрасно; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ ежедневно самъ читалъ корректуру журнала, просматривалъ рукописи и поддерживалъ обширную переписку съ тѣми сотрудниками, съ которыми связывали его извѣстныя личныя отношенія.

Личныя знакомства и связи не играли никакой роли для М. М., когда дѣло шло объ интересахъ журнала. Громкая извѣстность автора нисколько не мѣшала редакціи отклонить статью, оказавшуюся почему-

либо неподходящею; такъ случилось разъ съ покойнымъ академикомъ Александромъ Веселовскимъ, этюдъ котораго о новыхъ итальянскихъ сочиненіяхъ по исторіи Возрожденія былъ забракованъ М. М—чемъ, какъ слишкомъ спеціальный по содержанію. Высокопоставленный поэтъ, помѣщавшій иногда свои стихотворенія въ „Вѣстникѣ Европы", получилъ однажды свою рукопись обратно, въ виду замѣченныхъ въ ней недостатковъ, и, кажется, нисколько этимъ не обидѣлся,—а быть-можетъ, напротивъ, возымѣлъ еще большее уваженіе къ личности редактора: настолько утвердилась уже въ обществѣ репутація безусловной независимости М. М., какъ руководителя журнала. Въ то же время произведенія совершенно неизвѣстныхъ или начинающихъ писателей охотно принимались и печатались, если только обнаруживали признаки таланта или представляли какой-либо интересъ для публики. Многіе авторы, пріобрѣвшіе потомъ имя и положеніе въ литературѣ, начинали свою дѣятельность въ „Вѣстникѣ Европы". Отсутствіе именъ, особенно въ отдѣлѣ беллетристики, ставилось даже въ упрекъ журналу; М. М—чу приписывали какое-то принципіальное нежеланіе принимать новыхъ талантливыхъ сотрудниковъ, — но ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ. Въ принципѣ М. М. считалъ доступъ въ „Вѣстникъ Европы" открытымъ для всѣхъ прогрессивныхъ дѣятелей литературы и публицистики, безъ различія партійныхъ оттѣнковъ и направленій. По закрытіи „Отечественныхъ Записокъ" въ 1884 году М. Е. Салтыкову было предложено почетное мѣсто въ „Вѣстникѣ Европы", гдѣ онъ и закончилъ свою литературную дѣятельность „Пошехонскою стариною" и „Мелочами жизни". Былъ привлеченъ къ постоянному сотрудничеству и Глѣбъ Успенскій, и только по случайнымъ причинамъ участіе его въ журналѣ не состоялось. М. М. вообще весьма широко смотрѣлъ на свои редакторскія функціи. Никому изъ сотрудниковъ онъ не навязывалъ своихъ личныхъ взглядовъ; онъ не считалъ себя въ правѣ стѣснять свободу сужденій компетентныхъ авторовъ по вопросамъ, не затрагивающимъ основъ политической программы журнала. Будучи лично противникомъ общиннаго землевладѣнія, онъ всегда безпрепятственно печаталъ статьи въ защиту общины—К. Д. Кавелина, В. В. и другихъ. Подъ редакціею М. М—ча „Вѣстникъ Европы" никогда не былъ тѣмъ партійно-либеральнымъ и узко-доктринерскимъ журналомъ, за который выдавали его съ чужихъ словъ люди, не имѣвшіе случая слѣдить за содержаніемъ его книжекъ.

Типъ редактора, воплощенный въ лицѣ М. М., не допускаетъ подражанія и не создаетъ школы, такъ какъ онъ предполагаетъ особыя индивидуальныя качества, рѣдко встрѣчающіяся въ жизни; но люди, которымъ довелось работать вмѣстѣ съ М. М. или подъ его руковод-

ствомъ, навсегда сохранятъ самыя свѣтлыя воспоминанія о покойномъ редакторѣ „Вѣстника Европы“.

Л. Слонимскій.

VII. М. М. Стасюлевичъ, какъ характеръ.

Въ старомъ редакціонномъ кабинетѣ „Вѣстника Европы“, съ окнами, выходящими на узкій дворъ многоэтажнаго дома, надъ которымъ тяжело нависло унылое петербургское небо, — пусто... Все въ немъ потемнѣло и многое потерпѣло отъ времени, но каждая вещь, каждый портретъ связаны съ дорогими воспоминаніями о тѣхъ, кто былъ близокъ къ хозяину. А большинство близкихъ были люди, выдающіеся своими талантами и общественными заслугами. Въ кабинетѣ этомъ въ теченіе сорока лѣтъ чувствовалось біеніе пульса передовой части русскаго общества, съ ея разумными требованіями и жизненными потребностями, съ ея надеждами, разочарованіями и скорбями. По обмѣну мыслей, здѣсь происходившему въ дружеской и довѣрчивой бесѣдѣ, можно было судить о состояніи этого пульса,— рѣдко полнаго, часто „нитевиднаго“, въ послѣдніе годы лихорадочнаго — и ставить приблизительный діагнозъ для всего организма. Здѣсь, за рабочимъ столомъ, забаррикадированный громоздкими изданіями Ровинскаго, многіе годы засѣдалъ Пыпинъ, „мудрый, какъ змій, и чистый, какъ голубь“. Здѣсь бывалъ Костомаровъ, умѣвшій переплетать глубокое знаніе прошедшаго со своеобразнымъ юморомъ по отношенію къ настоящему. Сюда вторгался кипучій, полный жизни и новыхъ оригинальныхъ взглядовъ Владиміръ Стасовъ—эта „труба, зовущая на бой“. Здѣсь раздавалась неуклюжая и порывистая, но полная глубокаго содержанія и ума рѣчь Спасовича. Здѣсь появлялись благородные, нелицемѣрные слуги и проводители въ жизнь великихъ реформъ Александра II—К. К. Гротъ и „человѣколюбивый стражъ закона“ В. А. Арцимовичъ; блисталъ знаніемъ Россіи и вѣрой въ нее и загорался въ спорахъ Кавелинъ, и сиживалъ въ глубокой задумчивости, поглощенный внутренней работой духа, или острилъ и заливался дѣтскимъ незлобивымъ смѣхомъ Владиміръ Соловьевъ. Здѣсь, наконецъ, часто появлялись Тургеневъ и Гончаровъ, Алексѣй Жемчужниковъ и Сѣченовъ. Ихъ всѣхъ, несмотря на разнообразіе ихъ темпераментовъ и частичныхъ взглядовъ, соединялъ и объединялъ хозяинъ своимъ спокойнымъ радушіемъ и участливымъ пониманіемъ, чуждымъ фамильярности, но проникнутымъ тою внимательностью, за которою

чувствуется стыдливое во внѣшнихъ проявленіяхъ, но чуткое сердце. Кажется, что сейчасъ въ свой опустѣвшій кабинетъ войдетъ и онъ самъ и усядется за свой рабочій столъ, за которымъ проводилъ онъ долгіе часы невидной, упорной и трудной редакторской работы, смѣнявшейся собираніемъ и изученіемъ матеріаловъ по городскому общественному управленію и составленіемъ отчетовъ и докладовъ по народному образованію. Онъ войдетъ, какъ всегда бодрый и привѣтливый, тщательно одѣтый, со старческимъ румянцемъ на оживленномъ лицѣ, обрамленномъ сѣдою бородою, и вдумчиво отзовется — часто облекая свою мысль въ форму остроумной шутки—на то, что волнуетъ, тревожитъ или занимаетъ пришедшаго...

Но онъ не войдетъ... На стѣнкѣ кабинета, на которой онъ укрѣплялъ, подавляя невольный вздохъ, портреты умершихъ „сотрудниковъ жизни“, можетъ отнынѣ по праву прибавиться и его изображеніе. Да! и онъ былъ „сотрудникомъ жизни“ не только окружавшихъ, не только занявшихъ мѣсто на этой стѣнкѣ, но и сотрудникомъ общественной жизни своей родины, никогда не терявшимъ бодрости, не опускавшимъ рукъ „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали“ и не терявшимъ вѣры въ право и способность своего народа на лучшее будущее. На своей профессорской каѳедрѣ въ петербургскомъ университетѣ и въ своихъ ученыхъ работахъ онъ умѣлъ одновременно быть, слѣдуя выраженію Бэкона, и муравьемъ, собирающимъ матеріалъ, и пчелою, распредѣляющею его; умѣлъ вносить въ преподаваніе исторіи—философію исторіи, присматриваясь къ событіямъ прошлаго, какъ къ одновременному пророчеству, приговору и откровенію общечеловѣческихъ идей. Но когда онъ почувствовалъ себя нравственно обязаннымъ оставить эту каѳедру, онъ сдѣлалъ это безъ малодушныхъ колебаній и отдался кабинетному труду редактора ученаго сборника. Этотъ сборникъ—„Вѣстникъ Европы“—силою назрѣвшей общественной потребности обратился въ литературно-политическій журналъ, и Стасюлевичу пришлось сразу стать на боевой постъ. Это было время крутого перелома въ оффиціальныхъ взглядахъ на задачи и характеръ средней школы. Вмѣсто гуманизма, лучшимъ представителемъ котораго былъ Пироговъ съ его „Вопросами жизни“, сталъ насаждаться Толстовскій псевдо-классицизмъ, заимствовавшій изъ античнаго міра одни убивающія „душу живу“ грамматическія упражненія и—быть можетъ сознательно — проглядѣвшій античный духъ и его безсмертные образы. Рекомендованная великимъ врачомъ-педагогомъ цѣль средней школы—„воспитать *человѣка*“, который сумѣетъ „быть, *а не казаться*“,—была извращена ради политической задачи: втиснуть живую впечатлительность отрочества въ узкія рамки мертвящей схоластики. Въ своемъ журналѣ Стасюлевичъ бросилъ вызовъ этой си-

стемѣ и во всеоружіи знанія, опыта и дѣятельной любви къ подрастающему поколѣнію, настойчиво, „ohne Hast, ohne Rast“, пошелъ по преисполненному терній и огорченій пути печатной борьбы съ тѣми, кого онъ—заимствуя это выраженіе у Гюго изъ „L'homme qui rit“—называлъ „компрачикосами“.

Долгіе годы упорствовалъ онъ въ этой борьбѣ, постоянно расширяя ея поле, по мѣрѣ того, какъ подвергались суженію и разнообразному членовредительству реформы Александра II. Руководимый имъ „Вѣстникъ Европы“ въ сдержанныхъ по формѣ, но сильныхъ и глубокихъ по содержанію статьяхъ, постоянно и неуклонно проводилъ мысль, прекрасно выраженную Ламартиномъ, сказавшимъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Національномъ Собраніи: „Il y a quelque chose de plus cruel que la cruauté personnelle—c'est la cruauté froide d'un système faux“. Все что въ политикѣ нашего внутренняго управленія обличало временно торжествующее, но тщетное и утопическое желаніе остановить ходъ исторіи, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ представителей этого направленія въ жизни и печати, должна была начинаться *съ нихъ*,—встрѣчало отпоръ разносторонней и правдивой критики на страницахъ „Вѣстника Европы“. Редакторъ изъ года въ годъ усидчиво, неустанно и твердо правилъ рулемъ того „большого корабля“ въ нашей журналистикѣ, который былъ имъ построенъ, зорко наблюдая, чтобы корабль этотъ совершалъ свой путь, по Петровскому выраженію, „не рабствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою и не плѣняяся страстями“. Это было нелегко... Въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, предшествовавшія 1904—1905 гг., фарватеръ для плаванія очень сузился и сталъ изобиловать мелями и подводными камнями. Въ отечествѣ нашемъ, *богатомъ* возможностями и *бѣдномъ* дѣйствительностью, съ начала этого времени стали раздаваться, въ тонѣ торжествующей неотразимости, забытыя послѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ слова и проводиться давно отвергнутые взгляды, всплывавшіе на поверхность подобно тѣламъ утопленниковъ. Характеризуя это время, Стасюлевичъ писалъ одному изъ своихъ сотрудниковъ: „не помню, кто именно сказалъ, что есть архитекторы, которые думаютъ, что надо заложить камнями трубы, чтобы печи перестали дымить, а когда дымъ идетъ назадъ, они сердятся и неспособны догадаться, что всему виною ихъ невѣжество. Это невѣжество ползетъ теперь со всѣхъ сторонъ“. „Вѣстнику Европы“ приходилось изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оправдывать тѣ начала, которыя считались почти непререкаемыми во время его основанія,—упорствовать въ защитѣ учрежденій, которымъ подъ видомъ *перестроенія* грозило *разрушеніе*, и идти своей дорогой подъ ядовитые упреки въ „прямолинейномъ либерализмѣ“. И это надо было дѣлать среди разныхъ препятствій,—съ тревожнымъ

ожиданіемъ выпуска книжки изъ цензурнаго „чистилища“, съ призывами редактора „для объясненій“, съ перенесеніемъ недомоганья „переверстки“ и тяжелыхъ операцій вырѣзыванія статей, подъ Дамокловымъ мечомъ двухъ предостереженій, для которыхъ не существовало давности, — дѣлать, сохраняя наружное спокойствіе, серьезное приличіе тона и отнюдь не вступая въ бранчивую полемику. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, относящихся къ 1890-му году, описывая свои цензурныя „злоключенія“, онъ цитировалъ стихи—кажется Щербины:

„У насъ чужая голова,
„А убѣжденья сердца хрупки,
„Мы—*европейскія* слова
„И—*азіатскіе* поступки“.

Одна критика и отмѣтка печальныхъ явленій дѣйствительности лишь со слабой надеждой на пробужденіе когда-нибудь творческихъ силъ въ другомъ направленіи, на возвращеніе законодательной жизни въ покинутое русло прерванныхъ преобразованій—не могла удовлетворять запросовъ созидательнаго ума Стасюлевича. Ему нуженъ былъ выходъ—и онъ нашелся въ видѣ дѣятельнаго свыше тридцатилѣтняго участія въ общественномъ самоуправленіи Петербурга. Усердно работая по всѣмъ общимъ вопросамъ этого самоуправленія, участвуя „прилежно“ въ засѣданіяхъ городской думы и тѣхъ ея комиссій, въ которыхъ онъ бывалъ членомъ и предсѣдателемъ, Стасюлевичъ въ особенности облюбовалъ себѣ одну отрасль работы на пользу городского населенія: народное образованіе. Этому дѣлу онъ отдался всей душой. Помыслы и заботы о немъ неразрывно сплелись съ его существованіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Предсѣдатель комиссій по водоснабженію и по народному образованію, почетный мировой судья, историкъ дѣятельности думы по осуществленію Городового Положенія, не искаженнаго послѣдующею „реформою“ 1892-го года, почти постоянный делегатъ города въ земствѣ, онъ заработалъ себѣ завидное право сказать, что послужилъ и городу Петербургу, и народному образованію всѣми силами души. Но надо было видѣть его на освященіяхъ новыхъ обширныхъ училищныхъ зданій, на актахъ и школьныхъ празднествахъ, среди толпы собранныхъ имъ дѣтей, надо было посѣтить вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько городскихъ училищъ, чтобы понять, сколько любящаго сердца и дѣятельной воли вкладывалъ онъ именно въ школьное дѣло... Недаромъ, принявъ въ свое завѣдываніе 262 городскихъ училища и восемь воскресныхъ школъ, онъ черезъ десять лѣтъ оставилъ 344 училища, съ 22-мя тысячами учащихся, и 22 воскресныхъ школы. Пережившій на два года золотую свадьбу своей безмятежной семейной жизни, онъ не имѣлъ потомства — и сердце его широко открылось для чужихъ дѣтей, раскрывъ въ своей глубинѣ сокровища чувства и пониманія, скрытыя

для невнимательнаго взгляда его внѣшнимъ „сухимъ“, по мнѣнію поверхностныхъ наблюдателей, обличіемъ. „Ахъ!—писалъ онъ мнѣ за границу въ 1888-мъ году—какъ жаль, что вы не могли вмѣстѣ со мною быть на годовомъ актѣ городскихъ училищъ въ большомъ залѣ Думы, взглянуть на эти ангельскія личики, слышать ихъ сладкое пѣніе и видѣть ихъ радость. Я не могъ съ ними разстаться и все удерживался, чтобы не прослезиться. А если мы пройдемъ чрезъ Кавдинское ущелье въ образѣ разныхъ препятствій и возраженій, у насъ чрезъ годъ будетъ еще нѣсколько училищъ“... Но не въ одномъ дѣлѣ народнаго образованія послужилъ онъ Петербургу. Его настойчивости и энергіи обязана столица устройствомъ водопроводныхъ фильтровъ въ 1889-мъ году. Теперь они—безъ разныхъ техническихъ усовершенствованій и переустройства — не удовлетворяютъ нуждѣ въ совершенно чистой водѣ, но въ свое время составляли огромный шагъ впередъ въ санитарномъ отношеніи. Обязать общество водопроводовъ устроить фильтры можно было только путемъ судебнаго рѣшенія. Твердо убѣжденный въ правотѣ городского управленія, колебавшагося начать процессъ,—и въ обязанности его выступить на защиту здоровья населенія, Стасюлевичъ, не будучи юристомъ по образованію, принялъ на себя веденіе дѣла — и въ концѣ концовъ, послѣ громаднаго подготовительнаго труда и выступленія, вмѣстѣ съ двумя присяжными повѣренными, въ судѣ, палатѣ и сенатѣ противъ такихъ сильныхъ противниковъ, какъ Спасовичъ и Потѣхинъ, выигралъ его. Онъ писалъ мнѣ въ іюлѣ 1889-го года въ Гисбахъ: „Вчера въ первый разъ городскія трубы увидѣли фильтрованную воду. Какое было великолѣпное зрѣлище, когда открыли два колоссальныхъ крана, и первая фильтрованная вода ринулась двумя каскадами въ главный бассейнъ, ударилась въ постаменты гранитныхъ колоннъ и серебромъ разсыпалась по цементному полу, а потомъ побѣжала змѣйками между колоннъ! Этой картины я не промѣняю на вашъ настоящій водопадъ Гисбахъ. Самое же дѣло совершилось совсѣмъ въ моемъ вкусѣ: не только не было никакого торжества или фестиваля, но насъ, свидѣтелей появленія въ массѣ первой фильтрованной воды, было всего трое: два техника, Алтуховъ и Ермолинъ, изображали собою общество, а я былъ одинъ со стороны города. Мы молча пожали другъ другу руки, и я поздравилъ ихъ, какъ строителей. Тѣмъ и окончилось все торжество, а вечеромъ я снова заѣхалъ полюбоваться новорожденнымъ, который, оказалось, велъ себя такъ, какъ будто онъ работалъ много лѣтъ. Вода, не смотря на кратковременность обмывки фильтра, была совершенно прозрачна, и я, наполнивъ стеклянную бутылку новою водою, свезъ ее въ управу и тамъ поставилъ на столъ присутствія съ надписью на ярлыкѣ: „Вмѣсто доклада объ открытіи дѣйствія центральнаго фильтра“. Се-

годня управа, вѣроятно, немало посмѣялась надъ такимъ оригинальнымъ докладомъ".

Человѣкъ твердыхъ убѣжденій, Стасюлевичъ не былъ, однако, узко нетерпимымъ къ искреннимъ мнѣніямъ другихъ, несогласныхъ съ его взглядами, и умѣлъ цѣнить заслуги въ людяхъ, даже становившихся временно его противниками. Поэтому процессъ о фильтрахъ не поколебалъ его дружескаго расположенія къ старому университетскому и литературному соратнику Спасовичу и добрыхъ отношеній къ П. А. Потѣхину, къ которому до конца дней онъ питалъ самое искреннее уваженіе, видя въ немъ своего преемника и блестящаго—грубо неоцѣненнаго городскою думой—продолжателя въ заботахъ о народномъ образованіи.

Эти двѣ дѣятельности—городская и редакторская—поглощали все время Стасюлевича, давно уже заставивъ его отказаться отъ какихъ-либо развлеченій или свѣтскихъ общественныхъ собраній. Но въ предѣлахъ ихъ трудовая жизнь его текла, несмотря на переживаемыя имъ внутреннія тревоги, размѣренно и съ спокойствіемъ строгой точности. Лишь однажды эта уравновѣшенность въ дѣятельности Стасюлевича подверглась опасности поколебаться. Я живо помню ночь на 1-ое января 1881-го года, когда всѣ обычные собесѣдники за „круглымъ столомъ", собравшись встрѣчать Новый годъ у Стасюлевичей, терпѣливо ждали до 2-хъ часовъ появленія совсѣмъ еще сырого перваго номера „Порядка" и пили за процвѣтаніе и долголѣтіе послѣдняго. Это было осуществленіемъ давнишней мысли Стасюлевича о необходимости изданія большой политической газеты одного направленія съ „Вѣстникомъ Европы". Казалось, что многое слагалось благопріятно для успѣха такого предпріятія. Со вступленіемъ графа Лорисъ-Меликова въ управленіе внутренними дѣлами повѣяло свѣжимъ воздухомъ, съ печати фактически были сняты наиболѣе тяжелыя путы, а рядъ сенаторскихъ ревизій и предположенный созывъ свѣдущихъ людей для обсужденія того, что будетъ этими ревизіями открыто, знаменовали собою хотя и довольно робкіе, но все-таки несомнѣнные шаги по пути къ дальнѣйшему политическому развитію общества. Стасюлевичъ со свойственною ему систематичностью взялся за мысль о новомъ изданіи, дававшемъ возможность ежедневно бесѣдовать съ читателями о „злобѣ дня" не въ прошломъ, а въ животрепещущемъ настоящемъ. Такъ возникъ „Правовой Порядокъ", при чемъ первая часть этого названія подверглась цензурному усѣкновенію. Какъ выраженіе настроенія присутствующихъ, былъ произнесенъ шутливый тостъ, во вкусѣ хозяина, тогда же записанный имъ „на память" и подписанный всѣми. „Я желаю—было сказано предложившимъ тостъ,—чтобъ новорожденный, вопреки законамъ природы и природѣ вещей, *пошелъ* съ перваго же

дня; чтобы всѣ почувствовали, что у него сразу прорѣзались *всѣ зубы*; чтобы никакая административная няня не налагала на него *пеленокъ* и свивальниковъ; чтобы, вопреки своему имени, всѣхъ своихъ супротивниковъ онъ привсдилъ въ *безпорядокъ*; чтобы онъ учился говорить медленно и долго, такъ что многіе, многіе годы отъ него слышали бы постоянно *новое слово*; чтобы заботливые родители охранили его отъ *водяной*, и если ему суждено болѣть, то чтобы его постигла лишь *англійская болѣзнь* и чтобы—болѣе чѣмъ странное желаніе! — онъ съ перваго же дня началъ плодиться и размножаться". И дѣйствительно, съ первыхъ же своихъ номеровъ „Порядокъ" занялъ видное и достойное мѣсто во вседневной печати, неуклонно разбирая общественные вопросы съ точки зрѣнія права и нравственнаго долга и давая читателямъ, между прочимъ, такія чудныя вещи, какъ Тургеневскіе „Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ". Но роковое и ужасное событіе 1-го марта 1881-го года, печальнымъ образомъ отозвавшееся на разныхъ сторонахъ общественной жизни, не прошло безъ послѣдствій и для новой газеты. Подкошенный воспрещеніемъ розничной продажи и затѣмъ пріостановкой на шесть недѣль, „Порядокъ" просуществовалъ лишь одинъ годъ, принеся издателю-редактору немало матеріальнаго ущерба и моральныхъ тревогъ и огорченій. Между послѣдними на первомъ планѣ, конечно, стояли административныя кары и объясненія съ цензурнымъ вѣдомствомъ. „Читаете ли вы „Порядокъ"? — писалъ Стасюлевичъ мнѣ за границу въ августѣ 1881-го года.—„По нему вы можете судить, что мы строго выдерживаемъ щедринскую программу: „тихо, благородно—и при томъ свободно"... и переливаемъ изъ пустого въ порожнее, но все-таки находятъ,—была опять *бесѣда*,—что мы и это невинное занятіе выполняемъ съ какою-то продерзостью; исторія съ „Голосомъ"—лучшая иллюстрація нашего времени". Но независимо отъ этого и между вліятельными сотрудниками произошли большія разногласія по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, а поставщики фельетоновъ и литературныхъ обозрѣній оказались болѣе аккуратными въ истребованіи „авансовъ", чѣмъ въ доставленіи своей работы. Тяжелые часы и дни переживалъ въ это время Стасюлевичъ. Независимо отъ весьма чувствительныхъ матеріальныхъ жертвъ, „Порядокъ" требовалъ отъ редактора изнурительнаго и лихорадочнаго труда. Послѣднему приходилось иногда, при содѣйствіи кого-либо одного изъ не только „вѣрныхъ", но и „достовѣрныхъ" сотрудниковъ, работать, не разгибая спины, до поздней ночи, исправляя, составляя и сопоставляя передовыя статьи, замѣтки по „злобамъ дня", фельетоны и некрологи. Каторжный трудъ одновременнаго редактированія двухъ изданій, при щепетильно добросовѣстномъ отношеніи Стасюлевича къ своимъ обязан-

ностямъ, огорчительныя мелочи и тревожныя для печати крупныя явленія жизни не могли не вліять на его здоровье и душевное спокойствіе. Онъ проводилъ остатокъ своей ночи безъ подкрѣпляющаго сна, въ полудремотѣ, прерываемой нервными пробужденіями. Въ письмахъ его проскальзывали невольные вздохи измученной души, которые онъ тщетно старался заглушить игрою словъ, какою-нибудь шуткой, латинскимъ изреченіемъ или цитатой изъ „Козьмы Пруткова“. Но по внѣшности онъ постоянно умѣлъ казаться ровнымъ и спокойнымъ. Его наружная сдержанность, въ связи съ рѣдкою, столь необычною въ наше время вѣжливостью, создала ему, среди незнавшихъ его близко, репутацію душевной сухости. А между тѣмъ этотъ „холодно корректный“ и „застегнутый на всѣ пуговицы“ человѣкъ, строго аккуратный и вѣчно занятый, никогда не имѣвшій времени на „пустопорожніе“ разговоры — преображался весь и становился отзывчивымъ, когда передъ нимъ возникала дѣйствительная потребность въ помощи, сочувствіи, добромъ словѣ, а нерѣдко и добромъ дѣлѣ, которое онъ умѣлъ дѣлать такъ, что оно было слышно и видно лишь для того, кого оно касалось. Но желавшій поговорить просто для того, чтобы „убить (ужасное по своему именно у насъ значенію выраженіе) время“—встрѣчалъ въ немъ холодный отпоръ скучающаго молчанія. Онъ, подобно многимъ, поставленнымъ въ такое положеніе, по своему глубоко сочувствовалъ словамъ Чехова въ „Домѣ съ мезониномъ“: „сотни верстъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей степи не могутъ нагнать такого уныніи, какъ одинъ человѣкъ, когда онъ сидитъ, безцѣльно говоритъ и неизвѣстно, когда онъ уйдетъ“...

Держась правила царя Алексѣя Михаиловича: „дѣлу время—потѣхѣ часъ“ и понимая подъ этой потѣхой обмѣнъ мыслей съ друзьями за своей гостепріимной еженедѣльной трапезой, онъ умѣлъ не расточать своего времени попусту и не придавалъ никакой цѣны такъ называемымъ „добрымъ малымъ“. На мой отзывъ о комъ-то, съ прибавкой такого эпитета, онъ сказалъ мнѣ однажды: „знаете ли—я убѣдился въ жизни, что эти *добрые малые* на практикѣ обыкновенно оказываются *мало добрыми*“... Поэтому онъ вступалъ въ интимность далеко не съ каждымъ, зная по опыту, что у насъ привыкли считать однимъ изъ достоинствъ человѣка готовность имѣть „душу на-распашку“ и предоставлять каждому безъ разбора залѣзать въ этотъ „храмъ“, бродить по нему въ грязныхъ сапогахъ и съ папиросой въ зубахъ, заглядывая съ безцеремоннымъ и бездушнымъ любопытствомъ въ его сокровенные уголки и, нерѣдко наплевавъ кругомъ, уходить, оставивъ открытыми двери, покуда прозрѣвшій, наконецъ, хозяинъ души не запретъ ихъ на замокъ, впуская только избранныхъ... Мнѣніе о черствости Стасюлевича было такъ же неосновательно, какъ представленіе о немъ, какъ

о крайнемъ радикалѣ и „красномъ“. Послѣдній эпитетъ, одно время щедро раздававшійся по отношенію ко всѣмъ, кто рѣшался „смѣть свое сужденіе имѣть“ въ средѣ, гдѣ даже сложилось удивительное, хотя и общеупотребительное выраженіе: „*позволяю* себѣ *думать*“ — былъ, впрочемъ, въ одномъ отношеніи справедливъ: Стасюлевичъ до конца своихъ дней сохранилъ способность краснѣть... за другихъ. Любившій родину настоящей любовью, желавшій ей спокойнаго, органическаго развитія, чуждаго судорожныхъ скачковъ и малодушныхъ отступленій, онъ никогда не держался крайнихъ взглядовъ и не сочувствовалъ вытекающимъ изъ нихъ практическимъ мѣрамъ, съ какой бы изъ противоположныхъ сторонъ онѣ ни рекомендовались. Его самоотверженная, любвеобильная дѣятельность по народному образованію была совершенно свободна отъ всякихъ предвзятыхъ, односторонникъ пріемовъ; все имъ дѣлаемое въ этой области вытекало лишь изъ *объективнаго* существа дѣла, не прошедшаго ни черезъ какую *субъективную* призму. А его „Вѣстникъ Европы“ былъ старымъ, привычнымъ, надежнымъ и вѣрнымъ своему слову другомъ читателя, приходившимъ въ своей красной обложкѣ въ началѣ каждаго мѣсяца, чтобы бесѣдовать въ разныхъ формахъ, начиная съ художественной и научной и кончая критической, о пестрыхъ явленіяхъ общественной жизни, удерживать отъ погруженія въ тину эгоизма и апатіи и, среди ослѣпленныхъ озлобленій, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человѣческую личность, быть широко терпимымъ къ священнымъ вопросамъ человѣческаго духа и служить законной свободѣ, во всѣхъ ея видахъ, съ дѣятельною любовью. Стасюлевичъ, со своимъ яснымъ, предусмотрительнымъ умомъ, любовью къ порядку и труду, со своими организаторскими способностями, былъ созданъ изъ матеріи „dont on fait les ministres“, какъ говорятъ французы—и лишь близорукая предвзятость могла считать этого явнаго слугу и поборника законной гражданской свободы тайнымъ врагомъ общественнаго порядка. А между тѣмъ именно эта предвзятость повліяла въ свое время на неутвержденіе его товарищемъ городского головы по выбору думы,—и я помню недоумѣвающее и почти обиженное выраженіе лица будущаго министра внутреннихъ дѣлъ, которому во время ежегоднаго обѣда московскихъ студентовъ, въ 1900-мъ году, на его предостерегающій „товарищескій“ упрекъ по поводу моего сотрудничества „у Стасюлевича“, я отвѣтилъ искреннимъ сожалѣніемъ, что наше многострадальное министерство народнаго просвѣщенія не ввѣрено именно этому самому Стасюлевичу.

Болѣе пятидесяти лѣтъ моей жизни переплетаются съ воспоминаніями о Михаилѣ Матвѣевичѣ. Я, какъ сейчасъ, вижу его на каѳедрѣ, въ большой аудиторіи петербургскаго университета, переполненной студентами и публикой, тогда довольно свободно имѣвшей

доступъ на лекціи популярныхъ профессоровъ. Молодой, полный силъ и энергіи, недавно женившійся и вернувшійся изъ заграничной ученой командировки, онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ во Франціи при Людовикѣ XIV. Въ стѣнахъ, гдѣ обычно раздавалось повѣствованіе о жизни *государствъ*, онъ съ простотою и изяществомъ истиннаго знанія развертывалъ передъ слушателями поучительныя страницы изъ жизни *народовъ*. Черезъ десять лѣтъ, во Франценсбадѣ, сидѣвшій рядомъ со мною на скамейкѣ парка баварецъ указалъ мнѣ на мимоидущаго, сказавъ: „вотъ это тотъ русскій, который недавно у насъ, въ Киссингенѣ, увидя утопавшаго человѣка, бросился въ воду и спасъ его". Это былъ Михаилъ Матвѣевичъ, живой и подвижный, съ не начавшею еще сѣдѣть бородою. Лично познакомились мы позже—въ началѣ семидесятыхъ годовъ — и постепенно сошлись до тѣсныхъ дружескихъ отношеній, скрѣпленныхъ многолѣтнимъ сотрудничествомъ моимъ въ „Вѣстникѣ Европы" и „Порядкѣ" и переплетавшихся нитями взаимнаго довѣрія, участія и нравственной поддержки въ переживаемыя каждымъ изъ насъ трудныя, тревожныя и радостныя минуты жизни. Многіе годы мы проводили по нѣскольку недѣль или встрѣчались за границей въ какомъ-нибудь лѣчебномъ мѣстечкѣ или въ Берлинѣ, при чемъ онъ всегда живо интересовался постановкою на мѣстѣ вопросовъ городского хозяйства и школы,—а два послѣднихъ лѣта провели въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, гдѣ подолгу въ задушевной бесѣдѣ просиживали по утрамъ на берегу моря, которое онъ очень любилъ. Во время взаимныхъ отъѣздовъ изъ Петербурга мы вели оживленную переписку (на послѣднемъ письмѣ его ко мнѣ стоитъ № 184), а въ городѣ зимою онъ посылалъ мнѣ шутливыя посланія, очень часто въ стихахъ. Узнавъ ближе этого человѣка, со всѣми милыми и оригинальными свойствами его характера, съ его добрымъ юморомъ и непреклонностью его чистыхъ и свѣтлыхъ побужденій, я полюбилъ его всею душою,—его и кружокъ „рыцарей круглаго стола", какъ называлъ Кавелинъ тѣхъ, кто обычно собирался разъ въ недѣлю около Михаила Матвѣевича. Съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ я озаренные его дружбой годы служебной моей жизни, шедшей, выражаясь словами Пушкина, „горестно и трудно", въ тотъ ея періодъ, когда, вопреки нѣкоторымъ неосновательнымъ надеждамъ, мнѣ приходилось дѣйствовать въ твердомъ сознаніи, что русскій судья, призванный примѣнять Судебные Уставы, обязанъ быть нелицемѣрнымъ слугою, но не прислужникомъ правосудія. Въ тяжелые дни и часы, сознавая себя одинокимъ и отчужденнымъ предъ лицомъ явнаго недоброжелательства и тайнаго злорѣчія, придя къ Михаилу Матвѣевичу, я чувствовалъ себя въ области идей и началъ другого, высшаго порядка; мнѣ дышалось легче, и бодрость развертывала крылья въ моей душѣ. Созданный имъ тѣсный кружокъ—право на вступленіе въ

который надо было заслужить—страдалъ, съ половины восьмидесятыхъ годовъ, и отъ сгущавшейся вокругъ него тьмы, когда изъ куска небольшого, но цѣльнаго материка онъ становился островкомъ, затеряннымъ среди моря грубаго лицемѣрія и самохвальства,—и отъ смерти, нещадно выхватывавшей изъ него одного за другимъ почти всѣхъ его старыхъ членовъ. Къ началу второго десятилѣтія новаго вѣка въ живыхъ оставались изъ нихъ лишь К. К. Арсеньевъ, я и Михаилъ Матвѣевичъ.

Въ самые послѣдніе годы силы замѣтно оставляли его: слабѣло зрѣніе, притуплялся слухъ, измѣняла память, но до конца его плодотворной жизни душевный строй его оставался неизмѣннымъ. Онъ былъ попрежнему отзывчивъ на всѣ вопросы общественнаго значенія и не допускалъ въ своихъ взглядахъ на жизнь и на людей тѣхъ слабовольныхъ уступокъ, за которыми чувствуется нравственная небрезгливость. Дожившій до весьма преклоннаго возраста, „насытясь—по библейскому выраженію—днями", онъ не впалъ, однако, въ преждевременную старость, первыми печальными предшественниками которой являются довольство всѣмъ тѣмъ, что есть, безъ потребности въ томъ, безъ чего не для чего жить, и легкое примиреніе съ окружающею дѣйствительностью, какова бы она ни была. Вотъ почему, говоря словами одной старой хроники, „сѣдина и престарѣлость его и свѣтлость честнаго лица его" до конца его дней вызывали неподдѣльное къ нему уваженіе даже и со стороны людей, далеко не во всемъ съ нимъ согласныхъ. До послѣдняго своего дыханія это былъ человѣкъ живой, а не eine beurlaubte Leiche,—уволенный въ отпускъ трупъ,—какъ называлъ Бисмаркъ пережившихъ себя стариковъ.

Теперь, послѣ кратковременнаго, но тяжкаго недуга, его отслужившій свои долгіе годы прахъ нашелъ вѣчный покой на любимомъ имъ Васильевскомъ Островѣ, въ красивомъ и стильномъ придѣлѣ церкви „Утоли моя печали", при входѣ на Смоленское кладбище. Другія могилы не окружаютъ его, „какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ". Свѣтъ вливается черезъ широкое окно въ тихую и уютную церковь,—и надъ историкомъ *среднихъ вѣковъ* стройно поднимается *готическій* сводъ. Такъ было и при жизни Михаила Матвѣевича... И ему приходилось нерѣдко стоять почти одиноко на своемъ трудномъ посту,—и онъ всѣми силами пользовался возможностью дать проникнуть въ народъ свѣту образованія—и его можно назвать „ключомъ свода", смыкавшимъ и объединявшимъ стремленіе окружающихъ въ высоту нравственныхъ началъ общественной жизни...

А. Ѳ. Кони.

Январь 1911 г.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Юбилей, проведенный согласно „видамъ правительства“.—Университетскій и еврейскій вопросы подъ угломъ зрѣнія академистовъ и съѣзда объединенныхъ дворянъ.—Каторга за университетскую обструкцію.—Исключеніе изъ петербургскаго дворянскаго собранія Е. И. Кедрина и В. Д. Набокова и предложеніе объ исключеніи изъ бессарабскаго—В. М. Пуришкевича.—М. П. Глѣбовъ и І. Е. Мандельштамъ †.

„На праздникъ 19-го февраля можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія“ — говорилъ интервьюеру „Русскаго Слова“ гр. С. Ю. Витте. И такихъ точекъ зрѣнія авторъ всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ 17-го октября 1905 г. была положена резолюція: „принять къ руководству“,—формулировалъ три: „это—праздникъ людей либеральнаго образа мысли. Для нихъ это—идейный праздникъ, торжество доктринъ либерализма и гуманизма. Это—праздникъ крестьянъ, которые чувствуютъ значеніе этого дня не по доктринѣ, не головнымъ построеніемъ, а всѣмъ существомъ своимъ, всею жизнью, всѣмъ бытомъ. Для нихъ это—реальнѣйшій изъ реальныхъ праздниковъ, переходъ къ новой жизни, воскресеніе изъ рабскаго состоянія. Но есть еще одна сторона въ этомъ праздникѣ, которая мнѣ—графу Витте—представляется наиважнѣйшей. По складу моего міросозерцанія, по всему ходу моей жизненной карьеры, я не могу не остановиться на этой сторонѣ съ особымъ вниманіемъ. Это—мысль о томъ, что 19 февраля есть, прежде всего, великій праздникъ русскаго самодержавія“...

И далѣе гр. Витте подробно развилъ свою мысль. Много разъ возвращаясь къ имени императора Александра II, онъ, однако, ярко подчеркнулъ, что актомъ освобожденія крестьянъ—и, притомъ, съ землею—русскій народъ обязанъ не лично самодержцу императору Александру II, а самодержавію, какъ идеѣ, какъ формѣ государственнаго строя. „Та уродливо-конституціонная форма правленія, которую мы имѣемъ сейчасъ,—говорилъ, между прочимъ, графъ Витте,—конечно, не въ силахъ произвести не только ничего подобнаго, но вещи въ тысячу разъ болѣе осуществимыя, и тѣ не могутъ пройти сейчасъ въ Россіи. Подумайте, можетъ ли блѣдная тѣнь такой реформы осуществиться въ Государственной Думѣ, можетъ ли тѣнь такой тѣни пройти черезъ Государственный Совѣтъ. Ничего подобнаго“.

Независимо отъ исключительнаго значенія этихъ словъ въ устахъ того, кто, въ періодъ созданія существующей сейчасъ формы правленія, былъ всесиленъ и кто еще недавно заявлялъ о принятіи на

себя полной отвѣтственности за основные законы 20 февраля и 23 апрѣля 1906 года,—за законы, опредѣлившіе составъ Государственнаго Совѣта, предметы вѣдомства и степень власти обѣихъ нашихъ палатъ и соотношеніе между ними, — думаемъ, что мысль гр. Витте о „наиважнѣйшей“ сторонѣ въ праздникѣ 19-го февраля легко опровергается простой исторической справкой. Въ 1886 г., для устраненія всякихъ попытокъ праздновать 19-е февраля, особымъ актомъ самодержавной же власти было воспрещено празднованіе двадцатипятилѣтнихъ юбилеевъ вообще. Графъ Витте, конечно, знаетъ, насколько это общее запрещеніе имѣло спеціальный характеръ. Онъ едва ли забылъ, что общественнымъ учрежденіямъ—земству и городамъ—было запрещено даже служить 19-го февраля панихиды объ упокоеніи души императора, за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ подписавшаго въ этотъ день манифестъ съ призывомъ благословенія Божія на „свободный трудъ“ „православнаго народа“. Слѣдовательно, самодержавіе, какъ идея и какъ форма государственнаго строя, была лишь средствомъ, которое дало императору Александру II возможность преодолѣть „противодѣйствіе правящаго класса“, „молчаливый протестъ почти всѣхъ помѣщиковъ“ и „неодобреніе большинства чиновничества“. Устанавливать же внутреннюю зависимость между идеей самодержавія и освобожденіемъ крестьянъ — по меньшей мѣрѣ рискованно.

Въ актѣ 19-го февраля 1861 г. воплотилась личная воля самодержца императора Александра II, а никакъ не идея самодержавія. Въ рѣчи, сказанной на торжествѣ въ Таврическомъ дворцѣ, А. И. Гучковъ говорилъ: „Исторически подготовлялся актъ 19 февраля, онъ воплотилъ завѣтныя чаянія поколѣній лучшихъ русскихъ людей, онъ воплотилъ въ себѣ весь идеализмъ нашей общественной мысли, и все же онъ является личнымъ подвигомъ императора, свободнымъ актомъ его державной воли, движеніемъ его великаго сердца“. Такъ трактовать событіе и справедливо, и фактически правильно. Что же касается „наиважнѣйшей“ изъ точекъ зрѣнія гр. Витте, то она можетъ вызывать лишь недоумѣніе.

„Уродливо-конституціонныя“ формы современности сдѣлали все возможное, чтобы праздникъ 19-го февраля лишній разъ напомнилъ ихъ уродливость. Чей это былъ праздникъ и что праздновалось? „Идеализмъ общественной мысли“, по выраженію А. И. Гучкова, отъ празднованія былъ устраненъ. Идейный праздникъ „либерализма и гуманизма“, по выраженію гр. С. Ю. Витте, не былъ допущенъ. Пять научныхъ обществъ Петербурга, и по составу своихъ членовъ, и по характеру дѣятельности наиболѣе родственныя освобожденію крестьянъ—вольное экономическое, историческое, юридическое, техниче-

ское и литературное—предполагали въ день пятидесятилѣтней годовщины устроить публичное общее засѣданіе. Разрѣшеніе имъ не было дано. Литературному обществу и женскому клубу за нѣсколько недѣль до юбилея было сообщено, что то помѣщеніе, въ которомъ они безпрепятственно собирались въ теченіе двухъ лѣтъ, не осмотрѣно въ пожарномъ отношеніи и что потому собранія въ немъ впредь допускаемы не будутъ. Въ Москвѣ общество любителей россійской словесности, предполагавшее устроить въ университетѣ 19-го февраля торжественное засѣданіе, „по независящимъ обстоятельствамъ“ отказалось отъ этой мысли. Тамъ же адвокатамъ было запрещено устроить 19-го февраля обѣдъ. Какія были въ однородномъ направленіи приняты мѣры въ провинціи, мы, когда пишемъ эти строки, еще полностью не знаемъ. Но предполагать, чтобы провинціальныя власти оказались болѣе благосклонными къ „людямъ либеральнаго образа мыслей“, конечно, не приходится. Какъ примѣръ, можно привести телеграмму отъ 19-го февраля изъ Кіева: „Въ виду административныхъ стѣсненій, общественные круги лишены были возможности достойно отпраздновать сегодняшній юбилей. Совмѣстное торжественное засѣданіе, предположенное восемнадцатью кіевскими общественными организаціями, было воспрещено“. Въ Екатеринославѣ торжественное засѣданіе какого-то научнаго общества состоялось, но закончилось „выговоромъ“ (!), объявленнымъ приставомъ устроителямъ.

Въ отношеніи тѣхъ, для кого 19-ое февраля „реальнѣйшій изъ реальныхъ праздниковъ“—т.-е. въ отношеніи крестьянской деревни,—едва ли и была надобность въ принятіи особыхъ мѣръ. „Успокоенная“ деревня снова погрузилась въ то состояніе, въ которомъ не до праздниковъ и не до чествованія свободы. Въ Москвѣ дворянство кормило завтракомъ волостныхъ старшинъ и представителей волостныхъ судовъ. Въ рѣчи, на завтракѣ, губернскій предводитель говорилъ, что „единеніе дворянства и крестьянъ всегда было, есть и всегда будетъ“. Въ отвѣтъ на его слова, старѣйшій волостной старшина провозгласилъ тостъ за дворянство, „всегда хорошо относившееся къ крестьянамъ“. Этотъ обмѣнъ привѣтствій достаточно характеренъ для того, чтобы были ясны цѣль и смыслъ завтрака. Въ Петербургѣ — „тогда рабы, сегодня законодатели“ — члены третьей Думы изъ крестьянъ торжественно открыли 19-го февраля сооруженный на ихъ средства памятникъ императору Александру II. „Торжество закончилось—пишетъ думскій хроникеръ „Рѣчи“—нѣсколькими фотографическими снимками всѣхъ присутствовавшихъ, а затѣмъ, отдѣльно, группы крестьянъ съ П. А. Столыпинымъ и президіумомъ Думы во главѣ“. По словамъ того же хроникера, членъ Думы Тимо-

шкинъ, прощаясь съ П. А. Столыпинымъ, пожелалъ „его высокопревосходительству стать его сіятельствомъ“...

19-ое февраля 1911-го года было праздникомъ правительства, чиновниковъ, дворянъ, свѣтскихъ дамъ и правыхъ политическихъ организацій. Какъ писала въ своемъ запросѣ, внесенномъ въ Думу 17-го февраля, трудовая группа, „правительство постаралось всѣми способами захватить празднованіе въ свои руки и вложить въ него то содержаніе, которое соотвѣтствуетъ его политическимъ видамъ и цѣлямъ“. Въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ—въ томъ самомъ учрежденіи, въ которомъ сосредоточено все, касающееся земскихъ начальниковъ, откуда въ теченіе если не всѣхъ пятидесяти, то навѣрное сорока лѣтъ, дождемъ сыпались на крестьянъ ограничительные и запретительные циркуляры, гдѣ зарождались законы, имѣвшіе цѣлью парализовать величіе акта 1861-го года, откуда въ 1903-мъ году вышелъ проектъ Гурко о возведеніи непроницаемой стѣны вокругъ крестьянства, — состоялся торжественный актъ. Торжественно засѣдали 19-го февраля во всѣхъ губернскихъ городахъ губернскія присутствія. Губернаторы и предводители дворянства произносили соотвѣтственныя рѣчи—московскій губернаторъ, напримѣръ, о томъ, что „эта реформа была осуществленіемъ воли государя при дружномъ содѣйствіи дворянства“. Откуда-то, не помнимъ, была телеграмма: „казенныя зданія украсились флагами“. Правительственныя власти призывали и населеніе раздѣлить съ ними празднованіе. Правда, въ Екатеринославѣ представители печати не были допущены въ торжественное засѣданіе губернскаго присутствія, въ Кіевѣ и Омскѣ редакторы мѣстныхъ газетъ подверглись за юбилейныя статьи аресту „безъ замѣны штрафомъ“—но въ Твери, а пожалуй и повсемѣстно, губернаторомъ было предложено „полиціймейстеру и всѣмъ стражникамъ“ не запрещать обывателямъ „украшать дома флагами“.

Петербургское общество „Русское Зерно“, поставившее себѣ цѣлью „всемѣрное“ содѣйствіе разрушенію крестьянской общины, чествовало юбилей баломъ въ залѣ дворянскаго собранія. Балъ собралъ для свѣтскаго веселья „изысканные“ туалеты и сотни чиновниковъ всѣхъ ранговъ и возрастовъ. Въ модныхъ ресторанахъ послѣ бала не меньше веселились за ужиномъ. Національный клубъ организовалъ 19-го февраля банкетъ. Въ залѣ петербургской городской думы происходило общее торжественное собраніе членовъ монархическихъ организацій, созванныхъ главнымъ совѣтомъ союза русскаго народа. На собраніи выступали съ рѣчами гг. Пуришкевичъ, Марковъ 2-й и Булацель. Всѣ трое—опытные ораторы. Но трудно, всетаки, представить себѣ даже, какими благопристойными и приличными случаю словами они заглушали клокотавшія въ нихъ крокодиловы слезы по

невозвратно утраченнымъ временамъ власти и сытой праздности. Состоялся 19-го февраля въ Петербургѣ и банкетъ печати. Мы перечислимъ изданія, которыми была представлена періодическая печать, и поставимъ точку. Эти изданія слѣдующія: „Петербургскій Листокъ", „Петербургская Газета", „Газета-Копейка", „Petersburger Zeitung", журналы „Міръ" и „Нива" и немногія другія.

Для того, чтобы независимо отъ лицъ, участвовавшихъ въ юбилеѣ, въ него было вложено соотвѣтственное „видамъ правительства" содержаніе, „уродливо-конституціонный" строй раскрылъ „всемѣрныя" возможности. Всероссійскій національный союзъ и генералъ Богдановичъ выпустили цѣлую литературу брошюръ, составленныхъ съ полнымъ извращеніемъ смысла и сути освобожденія крестьянъ. Еще въ январѣ министерство народнаго просвѣщенія разослало циркуляръ съ предложеніемъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ пользоваться для чтенія рѣчей по поводу 19-го февраля матеріаломъ, представляемымъ изданіями національнаго союза. Попечители учебныхъ округовъ, разсылая министерскій циркуляръ, предписывали не пользоваться никакими другими изданіями. Изъ этихъ другихъ изданій, цѣлый рядъ былъ конфискованъ по распоряженію комитета по дѣламъ печати. Московскій губернаторъ, проявившій на этотъ разъ повидимому особенное усердіе, отказалъ московской уѣздной земской управѣ въ разрѣшеніи устройства чтеній въ день 19-го февраля по тѣмъ программамъ, которыя ему были представлены, въ виду того, что эти программы „составлены съ явнымъ одностороннимъ направленіемъ, могущимъ вызвать враждебное отношеніе одной части населенія къ другой". Не призналъ возможнымъ губернаторъ также разрѣшить воспользоваться для народныхъ чтеній нѣкоторыми свѣтовыми картинами, напримѣръ: „Продажа крѣпостныхъ крестьянъ", „Объявленіе въ газетахъ о продажѣ крестьянъ", „Сходъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ", и т. п. Въ этихъ картинахъ, по мнѣнію губернатора, „явно подчеркнуты однѣ только темныя стороны крѣпостного права". Въ то же время губернаторъ предлагалъ земству воспользоваться для народныхъ чтеній брошюрами и картинами, изданными національнымъ клубомъ. Въ канунъ юбилея, по распоряженію губернатора, въ Москвѣ была выпущена спеціальная брошюра, составленная для раздачи крестьянамъ черезъ волостныхъ старшинъ. Въ этой брошюрѣ проводятся слѣдующія мысли: „крестьянамъ слѣдуетъ помнить, что крѣпостное состояніе въ извѣстную эпоху явилось необходимостью для русскаго государства"; „то, что нѣкоторые стремятся объяснить происхожденіе крѣпостной зависимости насиліемъ однихъ лицъ надъ другими — умышленно или невольно искажаетъ историческую правду".

Въ большомъ московскомъ Успенскомъ соборѣ 19-го февраля архи-

мандритъ Макарій произнесъ слово. Поясняя историческое значеніе крѣпостного права и значенія момента освобожденія, онъ повторялъ мысли литературы губернаторской и національнаго клуба. Вмѣстѣ съ тѣмъ о. Макарій обличалъ. Онъ обличалъ протестъ представителей торгово-промышленнаго міра Москвы по поводу событій въ московскомъ университетѣ. Съ церковной каѳедры говорилось, что „современное купечество лѣзетъ туда, гдѣ его не спрашиваютъ", и что „пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ купечество было хотя и бѣднѣе карманомъ, но зато богаче духомъ". Обличалъ, далѣе, о. Макарій всѣхъ тѣхъ, „которые думали и думаютъ, что внѣшняя свобода дастъ что-либо для благородства крестьянъ, и забываютъ, что эта свобода часто превращается въ зло". Обличалъ онъ также людей, „ушедшихъ изъ лона православной церкви и обратившихся въ заклятыхъ враговъ ея, и крестьянъ, выступающихъ за смутьяновъ".

Двадцатипятилѣтній юбилей освобожденія крестьянъ былъ запрещенъ. Пятидесятилѣтній — отпразднованъ тѣми, кому онъ чуждъ, и такъ, какъ они того хотѣли: съ полнымъ порабощеніемъ исторической и реальной правды реакціонной, казенно-націоналистической политикѣ дня. Что̀ лучше?.. Но гдѣ же были 19-го февраля 1911-го года люди „либеральнаго образа мыслей"? Почему они ничѣмъ не отозвались на свой идейный праздникъ? Неужели внѣшнія преграды и препятствія были для нихъ вовсе непреодолимы?.. Эти вопросы встаютъ неотвязно...

Казалось бы, только фантазія дома умалишенныхъ можетъ связывать университетскій вопросъ съ еврейскимъ, въ частности — событія, которыми нынѣ захвачена жизнь высшей школы, съ еврейскимъ засильемъ, съ еврейскими деньгами, съ тайными и явными помыслами и вожделѣніями евреевъ. Но для антисемита все начинается евреемъ и все имъ кончается. Къ антисемитизму обычные законы логическаго мышленія неприложимы. Рабски отдавшійся страху передъ еврействомъ, антисемитъ мыслитъ не такъ, какъ мыслятъ республиканцы или монархисты, конституціоналисты или абсолютисты, прогрессисты или реакціонеры, индивидуалисты или соціалисты,—словомъ, какъ мыслятъ люди, для которыхъ соціально-политическое міровоззрѣніе есть сложный комплексъ весьма многихъ идей, требованій и желаній. У антисемита одна, давящая его мозгъ, идея—или, вѣрнѣе, страхъ. Она его неотступно преслѣдуетъ и если не вполнѣ съ тою силою, съ какою душевно-больного преслѣдуетъ идея бредовая, то, во всякомъ случаѣ, разница между нимъ и кліентами дома умалишенныхъ лишь въ степени пораженія мозга. Отъ всякаго событія жизни у антисемита неизбѣжный скачокъ къ еврейству и къ еврей-

скому вопросу. Евреи для него—причина всѣхъ причинъ. Мѣры противъ еврейства—единый способъ спасенія, единое и вмѣстѣ съ тѣмъ универсальное средство врачеванія общественныхъ бѣдъ.

Въ Россіи нѣтъ партіи антисемитовъ. Но антисемитизмомъ одинаково проникнуты всѣ тѣ общественные слои, группы и направленія, которые въ настоящій моментъ имѣютъ монопольное право пользоваться благами „гражданской свободы“ и потому создаютъ фикцію господствующаго, будто бы, теченія общественной мысли и между которыми и правящей властью устанавливаются все болѣе и болѣе тѣсныя узы совмѣстности намѣреній и дѣйствій. Антисемитизмъ составляетъ общую ноту „Новаго Времени“, „Свѣта“, „Земщины“, и всѣхъ оффиціозныхъ изданій, т.-е. въ Петербургѣ—„Россіи“, а въ провинціи—мѣстныхъ правыхъ газетъ. Антисемитизмъ есть общая тенденція объединенныхъ дворянъ и союзническихъ чайныхъ, крайнихъ правыхъ, націоналистовъ и правыхъ отябристовъ въ Думѣ, правыхъ профессоровъ и студентовъ-академистовъ въ высшей школѣ, „русскаго собранія“ и „клуба всероссійскаго національнаго союза“. Желая наивозможно больнѣе уколоть безчисленныхъ въ Бессарабіи Крупенскихъ, Пуришкевичъ посвященному „этимъ“, по его выраженію, „бессарабскимъ молодцамъ“ письму въ редакцію „Гражданина“ далъ заголовокъ: „Бессарабскіе жиды“, хотя въ письмѣ не говорится ни объ одномъ евреѣ.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что студенческая забастовка и увольненіе московскихъ профессоровъ оказались вдругъ связанными съ еврейскимъ вопросомъ. О нихъ трактуется неразрывно. Только что закрывшійся съѣздъ объединенныхъ дворянъ цѣликомъ посвятилъ свои „труды“ этимъ двумъ вопросамъ, очевидно считая ихъ одинаково очередными и въ совокупности одинаково больными вопросами минуты. И не одни отдѣльные ораторы съѣзда устанавливали причинную зависимость перваго вопроса отъ второго. „Не дожидаясь—докладывалъ совѣтъ объединеннаго дворянства—намѣченныхъ въ этой области (въ области вопросовъ, касающихся высшихъ учебныхъ заведеній) коренныхъ реформъ, совѣтъ признаетъ необходимымъ нынѣ же совершенно разобщить русскую учащуюся молодежь отъ еврейской, упразднивъ вовсе допускаемый нынѣ въ учебныхъ заведеніяхъ процентъ евреевъ и предоставивъ послѣднимъ пользоваться лишь точно опредѣленными учебными заведеніями, либо учреждать таковыя при справедливомъ, въ извѣстныхъ условіяхъ и размѣрѣ, воспособленіи изъ средствъ казны“. Въ Государственной Думѣ обсужденіе законодательнаго предположенія объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости едва ли намѣренно попало въ одну очередь съ запросами о высшей школѣ. Но это случайное совпаденіе дало поводъ думскимъ

антисемитамъ, говоря о чертѣ осѣдлости, развивать ихъ излюбленныя мысли о еврейскомъ засильѣ въ университетахъ и, говоря о высшей школѣ, повторять призывы къ сохраненію въ неприкосновенности черты осѣдлости. Изъ резолюцій дворянскаго съѣзда любопытно отмѣтить, что, въ отношеніи „бастующихъ“ студентовъ-христіанъ, съѣздъ проектировалъ высылку изъ университетскаго города на время отъ одного года до трехъ лѣтъ „съ потерей двухъ послѣднихъ зачетовъ“, т.-е. съ сохраненіемъ, по окончаніи срока высылки, права поступленія въ университетъ. А въ отношеніи студентовъ-евреевъ—„участниковъ забастовокъ, исключать безъ права поступленія вновь въ университетъ и безъ права жительства въ университетскихъ городахъ въ теченіе трехъ лѣтъ“.

„Новое Время“ и „Россія“, въ поискахъ за аргументами, направленными къ подкрѣпленію ихъ похода противъ профессуры и университетской автономіи и къ оправданію ввода полиціи въ университеты, обратились къ студентамъ — конечно, къ академистамъ. Въ одинъ и тотъ же день, 17-го февраля, „Россія“ помѣстила бесѣду съ тремя студентами, а „Новое Время“—статью г. Меньшикова, составленную по полученнымъ имъ отъ студентовъ письмамъ. И тутъ, и тамъ нѣтъ недостатка въ намекахъ на евреевъ, какъ на корень зла. „У насъ, въ технологическомъ,—разсказывалъ сотруднику „Россіи“ студентъ-технологъ,—въ актовой залѣ устроена чертежная; сидимъ въ ней и чертимъ, а съ хоръ сыпятся на насъ воззванія коалиціоннаго бюро. Мы называемъ это „кадетской манной“. Недаромъ кадеты дружатъ съ евреями“. „Мы—говорили ему всѣ трое—„не архаровцы“, „насъ не подкупишь ни еврейскими серебренниками, ни финскими марками“. Корреспондентъ г. Меньшикова осуждаетъ „простаковъ“, которые, въ виду забастовки, разъѣзжаются по домамъ. А евреевъ онъ осуждаетъ за то, что они не только никуда не уѣзжаютъ, но и продолжаютъ занятія. „Многіе—пишетъ онъ—простаки ѣдутъ. Ѣдутъ русскіе—жиды остаются. Они тайкомъ занимаются: сидятъ въ библіотекѣ, готовятся къ экзаменамъ, держатъ ихъ, ходятъ съ чертежами къ преподавателямъ, въ химическомъ павильонѣ дѣлаютъ дипломныя работы и т. д., а на лекціи не ходятъ. Жиды занимаются тайно, чтобы не потерять времени“. Въ устраненіе всякихъ „кривотолковъ“, г. Меньшиковъ тутъ же поясняетъ, какъ должно понимать такое поведеніе евреевъ. „Не характерная ли это, господа, черточка нынѣшней академической жизни?—спрашиваетъ идеологъ русскихъ юдофобовъ.—Евреи дѣлаютъ бунтъ, устраиваютъ забастовку, добиваются того, что русскіе товарищи разъѣзжаются по домамъ, теряютъ семестры и дипломы и вообще сходятъ съ поля конкурренціи. Тѣмъ временемъ еврейскіе товарищи тайно подзубриваютъ и сдаютъ экза-

мены. Невольно закрадывается подозрѣніе: въ числѣ причинъ школьнаго мятежа нѣтъ ли еврейской аферы съ цѣлью вытѣснить русскую интеллигенцію и подмѣнить ее еврейской?"

По существу академическаго вопроса, собесѣдники сотрудника „Россіи" объявили, что причина „для всѣхъ этихъ поводовъ къ безобразіямъ" проста: „провокація лѣвыхъ и благосклонное ей воспособленіе академическаго начальства". Вообще всѣ ихъ сужденія отличаются изумительной категоричностью: для нихъ—„на себѣ испытывающихъ весь этотъ кавардакъ" — все просто и ясно. Они знаютъ, что „правительству придется еще не разъ вступаться за права науки". Для нихъ „не секретъ, что университетъ, который можетъ вмѣстить три-четыре тысячи слушателей читаемыхъ въ немъ лекцій, будучи наполненъ десятью тысячами, долженъ дать большой процентъ неучащихся" и что неучащіеся, „можетъ быть, и выгодны, какъ оплачивающіе труды лекторовъ". Они недоумѣваютъ, „почему наше автономное начальство не препятствуетъ изготовленію въ своихъ лабораторіяхъ такихъ снарядовъ (для химической обструкціи) и не слѣдитъ за тѣми, кто ихъ бросаетъ, и ради чего потворствуетъ такимъ вонючихъ дѣлъ мастерамъ". На входъ въ университетъ полиціи они смотрятъ „какъ на необходимое средство со стороны государственной власти замѣнить стражемъ порядка уснувшаго на своемъ посту стража автономіи". Рѣчи ораторовъ оппозиціи въ Думѣ, по ихъ краткому опредѣленію—„тоже провокація". Профессорамъ, вышедшимъ въ отставку, „слѣдовало подать въ отставку много раньше, откровенно сознавшись, что они неспособны руководить школою".

Въ устахъ трехъ недоучившихся юношей, говорившихъ съ газетнымъ интервьюеромъ и знавшихъ, что бесѣда съ ними будетъ помѣщена въ оффиціозѣ, эти сужденія насъ мало удивляютъ. Попробуйте пригласить гимназистовъ—изъ типа благонравныхъ, имѣющихъ за поведеніе, прилежаніе и вниманіе круглыя пятерки, а за успѣхи въ наукахъ душеспасительныя тройки: они еще проще нарисуютъ картину „безобразій" въ гимназіи и еще категоричнѣе намѣтятъ мѣры ихъ устраненія. Если такихъ гимназистовъ пригласитъ „начальство" или начальственное око, черезъ которое, завѣдомо для нихъ, о ихъ словахъ станетъ извѣстно „самому" министру,—то, какъ это ни грустно, но въ разсказахъ, конечно, не будетъ недостатка въ угодливости и въ томъ, что на ученическомъ языкѣ называется фискальствомъ. Подобно собесѣдникамъ-студентамъ, договорившимся до потворства, со стороны профессоровъ, „вонючихъ дѣлъ мастерамъ", гимназисты, въ пылу угодливаго усердія и дабы показать, что они „все знаютъ", пожалуй, и не того еще наговорятъ про инспекторовъ и учителей. Но что сотрудникъ „Россіи" съ захлебывающимся восторгомъ слу-

шалъ трехъ студентовъ, выражая удивленіе, „что молодежь такъ вѣрно судитъ о томъ, что происходитъ въ стѣнахъ школы“, и что бесѣда нашла мѣсто на столбцахъ казеннаго изданія—это достойно полнаго изумленія. Кого хочетъ обмануть оффиціозъ?

Студенты-академисты всегда дѣлятъ студенчество на учащееся и неучащееся. Учащіеся — „мы“. Неучащіеся — „лѣвые“. „Политикой заниматься мы признаемъ абсурдомъ—заявляли три студента сотруднику „Россіи“;—мы ею займемся, когда подготовимся къ этому, окончивъ школу. Мы весьма сожалѣемъ гг. прогрессистовъ, которые называютъ черносотенцами тѣхъ, кто хочетъ учиться. Дай Богъ, чтобы мы никогда не дошли до такого прогресса, который дѣтей своей родины готовъ обратить въ хулигановъ, вмѣсто того, чтобы помочь имъ быть не только просвѣщенными, но и честными гражданами“. Въ этой тирадѣ, могущей служить прописнымъ образцомъ благонравнаго разсужденія, столько же лицемѣрія, сколько и неправды. Если студенты-черносотенцы хотятъ учиться, то почему они вспоминаютъ объ ученьѣ только тогда, когда въ университетѣ происходитъ смута? Почему они не бываютъ ни на лекціяхъ, ни на экзаменахъ въ дни спокойнаго теченія академической жизни? Почему профессора не знаютъ ихъ въ лицо? Профессора, читавшіе лекціи во время послѣдней забастовки, всѣ поголовно, видѣли передъ собой совершенно незнакомую аудиторію. Малѣйшая попытка провѣрить знанія явившихся въ лабораторію или на практическія занятія показывала полное невѣжество „желающихъ учиться“. Когда жизнь въ университетѣ идетъ нормальнымъ порядкомъ, академисты отсутствуютъ. Объявлена забастовка — они требуютъ, чтобы ихъ учили. Что это такое, какъ не самое безшабашное занятіе политикой?

Для всякаго правительства и для всякаго правительственнаго мѣропріятія, само собою разумѣется, всегда нужна опора. Это положеніе во время революціи и эпохи военно-полевыхъ судовъ иллюстрировалось ходячей тогда образной фразой: „на штыкахъ сидѣть нельзя“. И чѣмъ мѣропріятія рѣшительнѣе и рѣзче, тѣмъ нужнѣе опора, но тѣмъ труднѣе ее найти,—если рѣшительность и рѣзкость не оправдываются реальными запросами жизни. Высшую школу рѣшено, во что бы то ни стало, сломить. Общественное сознаніе, естественно, въ тревогѣ за судьбу высшаго образованія. Нужно его успокоить и для этого показать ему, что разрушеніе высшей школы—увольненіе „лѣвыхъ“ профессоровъ, ссылка сотенъ студентовъ и чтеніе лекцій подъ охраной городовыхъ—высшаго образованія даже не коснется. Отсюда—инсценированіе въ торжественной обстановкѣ существованія „правыхъ“ профессоровъ. Отсюда же—инсценированіе студентовъ-академистовъ. А за инсценированіемъ наступилъ самообманъ. Изъ устъ академистовъ

черпается „правда“ объ университетской жизни, не только какъ оправданіе ея разгрома, но и какъ логическая для разгрома предпосылка. Но развѣ можетъ обмануть общественное сознаніе представленная его взорамъ въ главныхъ штрихахъ заманчивая картина предстоящаго будущаго русской высшей школы: на каѳедрахъ—„правые“ профессора, ихъ слушатели—академисты?..

Г. Меньшиковъ набрасываетъ дальнѣйшіе штрихи. Ссылаясь на письмо *бывшаго* (къ чести нынѣшнихъ академистовъ мы это подчеркиваемъ) студента, онъ пишетъ: „Бастовать—это значитъ дѣлать себѣ карьеру. Заниматься революціей—значитъ обезпечить себѣ казенное мѣстечко съ повышеніями и наградами. А отстаивать государственность и вѣрность закону—значитъ обрекать себя на гоненія, лишенія и нищету. Вотъ въ чемъ истинный ужасъ положенія, о которомъ правительство молчитъ, но о которомъ оно не можетъ не знать!“

Едва ли есть надобность полностью воспроизводить резолюціи, вотированныя господами „объединенными“ дворянами по университетскому и еврейскому вопросамъ, и подробно реферировать пренія съѣзда. Резолюціи и предшествовавшія имъ пренія показали, что—поскольку „объединенные“ дворяне представляютъ собою дворянство въ цѣломъ,—высшее русское сословіе, какъ государственная организація, переживаетъ состояніе близкое къ предсмертной агоніи. И. И. Петрункевичъ вѣрно подмѣтилъ роковой итогъ того, что происходило на съѣздѣ. „Тѣ рѣчи,—писалъ онъ,—которыя на дняхъ читала вся Россія и которыя раздавались въ собраніи объединеннаго дворянства, свидѣтельствуютъ, что оно, какъ сословіе, само не разсчитываетъ болѣе на свою культурную роль и не чувствуетъ болѣе своей отвѣтственности передъ будущимъ своей родины. Чувство же безотвѣтственности—это чувство политической смерти“.

Дѣйствительно, можно ли съ сознаніемъ отвѣтственности бѣшено апплодировать г. Шмакову, московскому „спеціалисту“ по талмуду, взывавшему къ необходимости для милліоновъ гражданъ государства создать особыя законодательныя нормы, подчеркнувъ „на-вѣки ихъ униженіе“, лишить евреевъ обще-гражданскихъ правъ и „экспропріировать въ казну захваченные евреями земельные банки“,—т.-е. въ XX в. возродить закономъ институтъ внѣ-законнаго состоянія цѣлой части населенія,—людей, виновность которыхъ заключается въ фактѣ рожденія на свѣтъ? Что къ овраціи, устроенной г. Шмакову, какъ гласили газетные отчеты, „присоединилась многочисленная публика, среди которой преобладали дамы и лицеисты“ — это одно. А что овацію устроили объединенные дворяне, скорбѣвшіе объ отсутствіи у съѣзда

правъ законодательныхъ учрежденій,—это совершенно другое. Члены съѣзда стерли разницу между собою и дамами и лицеистами—и тѣмъ подписали свой приговоръ. Нѣкій предсѣдатель старообрядческой общины прислалъ по поводу юбилея освобожденія крестьянъ слѣдующую телеграмму въ „Новое Время“: „Празднуя пятидесятилѣтіе освобожденія отъ крѣпостной зависимости, мы приходимъ въ ужасъ отъ мысли попасть снова въ болѣе тяжелое рабство къ хищному и преступному племени Іуды. Просимъ васъ напрячь всѣ усилія, дабы не случилось величайшаго бѣдствія родины — быть окончательно во власти растлѣвающаго еврейства, что случится, если будетъ отмѣнена черта осѣдлости“. Это—голосъ человѣка, не несущаго на себѣ никакой отвѣтственности. Это—голосъ объекта антисемитской проповѣди. Съѣздъ же принялъ на себя роль субъекта возбужденія племенной вражды и, устраивая овацію г. Шмакову, низвелъ на нѣтъ культурное и общественно-государственное значеніе тѣхъ дворянскихъ элементовъ, которые на немъ были представлены [1]).

Изъ всѣхъ резолюцій съѣзда мы остановимся на одной, непосредственно касающейся происходящихъ сейчасъ въ высшей школѣ событій. Съѣздъ призналъ необходимымъ „немедленное изданіе уголовнаго закона, который бы каралъ всякую попытку къ нарушенію нормальной академической жизни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ соотвѣтственнымъ усиленіемъ отвѣтственности по примѣненію для воспрепятствованія занятіямъ насилія и съ установленіемъ весьма строгихъ каръ за употребленіе для той же цѣли средствъ, вредныхъ для здоровья и тѣмъ болѣе угрожающихъ опасностью для жизни“. Если не ошибаемся, предложеніе ввести внутрь академической жизни уголовный судъ, вслѣдъ за полиціей, съ ея арсеналомъ мѣръ—съ арестомъ въ порядкѣ охраны, съ ссылкой и съ воспрещеніемъ жительства,—является впервые.

Честь изобрѣтенія новой мѣры принадлежитъ г. Боровитинову, который отрекомендовалъ себя дворянскому съѣзду бывшимъ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета, пострадавшимъ за правду.

---

[1]) Не можемъ не отмѣтить клеветы, которая была брошена г. Шмаковымъ по адресу первой Думы. „Чѣмъ—спрашивалъ онъ себя—объяснить тотъ поразительный фактъ, что вопросъ объ отмѣнѣ черты осѣдлости, который не осмѣливалась затронуть даже первая Государственная Дума, гдѣ представителемъ Москвы являлся покойный М. Я. Герценштейнъ, возбужденъ и даже принципіально уже предрѣшенъ третьей Государственной Думой?“ „Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по словамъ г. Шмакова, чрезвычайно простъ: все объясняется „всемогуществомъ еврейскаго кагала“. „Поразительнаго“ факта не существовало. Первая Дума первой своей задачей считала разработку законопроекта о неприкосновенности личности. Разработка была доведена до конца. И однимъ изъ главныхъ положеній законопроекта была принятая въ коммиссіи единогласно отмѣна черты еврейской осѣдлости.

Онъ заявлялъ, что не былъ никогда врагомъ организацій академистовъ и въ дни свободы для борьбы съ забастовками принималъ участіе въ этихъ организаціяхъ. Но онъ, все-таки, высказался противъ поощренія академистовъ къ активной борьбѣ. Вмѣсто того онъ предложилъ усилить репрессію „противъ виновныхъ въ воспрепятствованіи правильнымъ занятіямъ или въ отказѣ въ смутное время отъ исполненія своей обязанности читать лекціи". „Наказаніе въ административномъ порядкѣ 3-хъ-мѣсячнымъ арестомъ—говорилъ г. Боровитиновъ—недостаточно. Занятія въ храмѣ науки надо приравнять къ служенію въ церкви и карать за попытки мѣшать этимъ занятіямъ со стороны учащихъ и учащихся, какъ за попытки къ воспрепятствованію богослуженія, установивъ въ видѣ наказанія заключеніе въ тюрьмѣ или исправительномъ домѣ, а за употребленіе вредныхъ веществъ для обструкціи—ссылку въ каторгу".

Съѣздъ не сразу усвоилъ смыслъ предложенія г. Боровитинова. Г-ну Маркову 2-му было достаточно, что онъ—противъ активной борьбы академистовъ и что онъ, хотя бывшій, все же, однако, приватъ-доцентъ, чтобы обрушиться на него въ свойственномъ доблестному курскому дворянину стилѣ. М. М. Боровитинову пришлось оправдываться и пополнить свѣдѣнія изъ своего приватъ-доцентскаго формуляра напоминаніемъ о „вынужденномъ" уходѣ изъ университета, вслѣдствіе „бойкота товарищей". Только послѣ этихъ оправданій „объединенные" дворяне увидѣли въ г. Боровитиновѣ „своего" человѣка, и г. Марковъ выразилъ надежду, что „бывшій приватъ-доцентъ скоро станетъ профессоромъ".

Соображенія по существу сдѣланнаго имъ предложенія г. Боровитиновъ развилъ въ письмѣ въ редакцію „Рѣчи" (№ 45). Въ письмѣ этомъ „будущій профессоръ" тоже оправдывался. На этотъ разъ—въ виду заявленія А. С. Милюковой и А. В. Тырковой, что послѣ его выступленія на дворянскомъ съѣздѣ онѣ вынуждены отказаться отъ дальнѣйшей совмѣстной съ нимъ работы въ отдѣлѣ борьбы съ вовлеченіемъ женщинъ въ развратъ, такъ какъ „есть такая степень политическаго и моральнаго расхожденія, при которой невозможна никакая общая дѣятельность въ какой бы то ни было области". Для возведенія препятствованія правильнымъ занятіямъ въ учебномъ заведеніи въ уголовно-наказуемое дѣяніе г. Боровитиновъ и въ письмѣ не привелъ никакихъ другихъ аргументовъ, кромѣ устанавливаемой имъ, болѣе чѣмъ произвольной, аналогіи между аудиторіей высшей школы и церковью, какъ мѣстомъ отправленія богослуженія. Онъ сослался на ст. 75—78 и 80 уголовнаго уложенія, но при этомъ умолчалъ, что даже за препятствованіе богослуженію законъ считаетъ нормальной карой арестъ, назначая заключеніе въ тюрьмѣ въ особо

квалифицированныхъ случаяхъ и не назначая вовсе отдачи въ исправительный домъ. Относительно каторги за химическую обструкцію, г. Боровитиновъ оговорился, что требуетъ ее только тогда, когда дѣяніе сопровождалось человѣческими жертвами. Для обструкціи же, взятой самой по себѣ, если съ нею было соединено употребленіе вредныхъ для здоровья средствъ, по словамъ его письма, независимо отъ послѣдствій дѣянія „наиболѣе подходящимъ наказаніемъ является исправительный домъ".

Тоже нельзя смотрѣть иначе, какъ на признакъ болѣзненнаго состоянія дворянства, на исключеніе изъ дворянскихъ собраній членовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе. Если для огражденія однородности своего сословнаго состава дворянство прибѣгаетъ къ такой мѣрѣ, то, значитъ, его внутреннія силы въ корнѣ подорваны. Если въ цѣломъ рядѣ губерній на губернскихъ дворянскихъ собраніяхъ нашлось двѣ трети голосовъ, признавшихъ въ открыто совершенномъ политическомъ шагѣ „безчестный поступокъ", то, значитъ, уровень пониманія этическихъ вопросовъ упалъ въ дворянствѣ на ту ступень, когда мѣриломъ честнаго и безчестнаго служатъ политическія убѣжденія.

Судьба Муромцева, кн. Долгорукова, Гредескула и т. д., и т. д., черезъ четыре съ половиною года послѣ роспуска первой Думы. постигла петербургскихъ дворянъ, Е. И. Кедрина и В. Д. Набокова. Напрасно А. Д. Зиновьевъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ либерализмѣ, доказывалъ, что приговоръ суда уже лишилъ участниковъ выборгскаго процесса тѣхъ правъ, ограничить которыя желало дворянское собраніе. Снятіе правоограниченій, наложенныхъ приговоромъ суда, возможно въ порядкѣ помилованія, а общія правоограниченія, связанныя съ исключеніемъ изъ дворянскаго собранія, безвозвратно лишаютъ исключеннаго политическихъ правъ. Таковъ былъ смыслъ рѣчей гг. Кокшарова, Колокольцова и другихъ. Таковъ же былъ смыслъ голосованія.

Петербургское дворянство откровенностью мотивировки поставило во всей юридической его нелѣпости вопросъ объ общегражданскихъ послѣдствіяхъ исключенія изъ дворянскаго собранія. У насъ есть офицерскіе суды чести и есть совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, имѣющіе право исключать: первые—офицеровъ изъ полка, вторые—присяжныхъ повѣренныхъ изъ сословія присяжной адвокатуры. Никакихъ принципіальныхъ возраженій противъ права корпорацій исключать своихъ сочленовъ по этическимъ основаніямъ—представить нельзя. Но, во-первыхъ, каждому члену корпораціи должно принадлежать неотъемлемое право предупредить исключеніе добровольнымъ изъ нея выходомъ,

ибо корпоративная принадлежность не можетъ быть принадлежностью раба. Во-вторыхъ, единственно правомочной властью въ государствѣ для лишенія человѣка обще-гражданскихъ и обще-политическихъ правъ является власть уголовнаго суда, а потому исключеніе изъ корпораціи не должно имѣть никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ лишенія права быть ея членомъ. И въ отношеніи какъ судовъ общества офицеровъ, такъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, оба эти начала проведены въ нашемъ законѣ съ полной послѣдовательностью. Для дворянъ же законъ создалъ юридически недопустимое, безвыходное положеніе. Дворянинъ не имѣетъ возможности предупредить исключеніе изъ собранія, ибо ни сложить съ себя дворянское званіе вообще, ни выйти изъ состава дворянъ данной губерніи—нельзя. И въ то же время исключеніе изъ дворянскаго собранія лишаетъ его тѣхъ правъ, которыхъ онъ, если бы не былъ дворяниномъ, не могъ быть лишенъ иначе, какъ по суду.

Собраніе предводителей и депутатовъ Бессарабской губерніи представило общему собранію бессарабскихъ дворянъ докладъ объ исключеніи В. М. Пуришкевича. Намъ до послѣдней степени антипатична общественно-политическая дѣятельность г. Пуришкевича. Какъ члена Государственной Думы, мы его считаемъ приносящимъ неисчислимый вредъ. Мы, конечно, никогда не отдали бы ему своего голоса, куда бы онъ ни баллотировался. Мы готовы допустить, что въ столкновеніи съ мѣстными дворянами онъ перешелъ границы этически позволеннаго и терпимаго. Но мы, всетаки, не подали бы голоса за предложеніе объ его исключеніи, ибо тутъ тоже преслѣдуется посторонняя исключенію изъ корпораціи цѣль. Газеты сообщали, что шансы на избраніе г. Пуришкевича въ четвертую Думу отъ Бессарабской губерніи упали и что онъ пріобрѣлъ цензъ въ Курской губерніи. Озлобленные противъ него „бессарабскіе молодцы“ — правильно или неправильно, вопросъ другой — желаютъ настигнуть его своей злобой и тамъ. И законъ даетъ имъ для того возможность. Они могутъ сказать и курскимъ дворянамъ, и всему государству: „мы“ не желаемъ, чтобы В. М. Пуришкевичъ былъ членомъ Думы и земскимъ гласнымъ гдѣ бы то ни было—и онъ не будетъ.

Сошелъ въ могилу рѣдкій человѣкъ и общественный дѣятель, какихъ въ Россіи немного! Мы говоримъ о Михаилѣ Павловичѣ Глѣбовѣ, петербургскомъ мировомъ судьѣ и предсѣдателѣ столичнаго мирового съѣзда. Прекрасный юристъ, спокойный, сдержанный, М. П. былъ образцовымъ представителемъ выборнаго мирового института. Его безпристрастіе было непоколебимо. Чуткій и отзывчивый къ во-

просамъ общественнымъ и политическимъ, онъ являлъ собою примѣръ судейской независимости отъ всякихъ вѣяній и вліяній, съ какой бы стороны они ни исходили. Въ трудной роли предсѣдателя мирового съѣзда—перваго среди равныхъ—М. П. заслужилъ горячую любовь товарищей-судей и общее, самое искреннее уваженіе.

Знали М. П. Глѣбова не только въ Петербургѣ, но и въ Тверской губерніи, гдѣ, въ своемъ имѣніи, онъ скончался. Тамъ онъ въ теченіе двухъ трехлѣтій былъ земскимъ гласнымъ. Оттуда же на государственныхъ выборахъ онъ былъ посылаемъ, крестьянскими голосами, выборщикомъ въ первую и вторую Думу. Въ земствѣ послѣконституціонномъ для М. П., конечно, не нашлось мѣста.

Съ именемъ скончавшагося въ Гельсингфорсѣ Іосифа Емельяновича Мандельштама у пишущаго эти строки связываются далекія воспоминанія дѣтства и юности. І. Е. былъ его учителемъ въ средней школѣ. Педагогъ въ лучшемъ смыслѣ слова, покойный умѣлъ заглядывать въ душу своихъ учениковъ, вскрывать волновавшіе ихъ вопросы и давать ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. На его урокахъ учитель сливался съ учениками и направлялъ ихъ молодую мысль... Впослѣдствіи І. Е. получилъ каѳедру русскаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ и былъ тѣмъ русскимъ среди шведовъ и финновъ, свѣтлая память о которомъ надолго сохранится въ Финляндіи.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Высочайше учрежденной Коммиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ.

Состоящая при Императорской Академіи Наукъ Высочайше учрежденная Коммиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ С.-Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго Дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ, съ 1 декабря 1911 г. по 1 февраля 1912 г., выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно.

Программа выставки намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ:

I. Портреты: писателей, критиковъ и публицистовъ, въ разные періоды ихъ жизни; лицъ имъ близкихъ и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени.

II. Скульптура.

III. Картины: 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современныя и позднѣйшія; 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей; 3) Могильные памятники.

IV. Рукописи.

V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ.

VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ.

VII. Каррикатуры.

VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ.

IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія).

X. Миніатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи).

XI. Виньетки изданій 1810—1840-хъ годовъ.

Принявъ на себя порученіе Коммиссіи организовать Комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица Коммиссіи и Комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предположенной выставки, съ просьбою придти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковые находятся.

По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1 октября 1911 г.: 1) въ С.-Петербургѣ въ Высочайше учрежденную Коммиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ, къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая у., свой домъ); 3) въ Одессѣ, къ профессору Императорскаго Новороссійскаго университета Борису Васильевичу Варнеке; 4) въ Казани, къ профессору Императорскаго Казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ, къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ, къ директору Радищевскаго Музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ, къ кн. Константину Владиміровичу Кекуатову, и 8) въ Харьковѣ, къ редактору газеты „Утро“, Анатолію Андреевичу Жмудскому, а послѣ 1 октября 1911 г. исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину.

Членъ Коммиссіи А. Бахрушинъ.

II.

Работая надъ біографіей И. А. Гончарова, которую надѣюсь издать ко дню столѣтняго юбилея со дня его рожденія (6 іюня 1912 г.), обращаюсь ко всѣмъ лицамъ,—имѣющимъ у себя какія-либо неопубликованныя свѣдѣнія о покойномъ писателѣ, воспоминанія, письма и другіе матеріалы,—съ просьбою сообщить мнѣ такія свѣдѣнія и выслать письменные документы, которые, по снятіи съ нихъ копій, будутъ немедленно возвращены. Въ случаѣ невозможности выслать подлинные документы или копіи съ нихъ, прошу хотя бы указать мнѣ на ихъ существованіе и мѣсто нахожденія. Даже самыя незначительныя и случайныя данныя будутъ приняты мною съ глубокой благодарностью.

Другія изданія, въ томъ числѣ и провинціальныя, прошу перепечатать настоящее письмо.

М. Суперанскій.

Мой адресъ: г. Симбирскъ, Михаилу Ѳедоровичу Суперанскому.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

СТРАН.

ПОРТРЕТЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

I. НАЧАЛО ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ. — Изъ воспоминаній послѣдняго оставшагося въ живыхъ участника законодательныхъ работъ этой эпохи.—Главы III-IV.—**П. Семенова Тянъ-Шанскаго.** 3

II. ОСЕНЬЮ.—Разсказъ.—**В. Муйжеля** 40

III. СМЕРТЬ.—Стихотвореніе.—**Дмитрія Цензора** 84

IV. ПРОРЫВЪ ВЪ ВѢЧНОСТЬ.—Повѣсть.—Окончаніе.—XIX-XL.—**П. Д. Боборыкина** 85

V. ВСТРѢЧА.—I-II.—Стихотворенія.—**А. Ѳедорова** 125

VI. СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТЪ ВЪ ДѢЛѢ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ОТЪ КРѢПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ.—II.—Окончаніе.—**Алексѣя Попельницкаго** 127

VII. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ РОССІИ.—**М. Чубинскаго** 154

VIII. ЮНОСТЬ.—Романъ.—I-VI.—**Евгенія Чирикова** 174

IX. ЗАСУХА.—Стихотвореніе.—**Александра Рославлева** . . 201

X. ТѢСНЫЯ ВРАТА. — André Gide. „La porte étroite". Roman. — VII-IX.—Окончаніе.—Съ французскаго **З. В.** 203

XI. ВОСПОМИНАНЬЕ.—Стихотвореніе.—**З. О—К.** 242

XII. ЗЕМСТВО ВЪ ШЕСТИ ГУБЕРНІЯХЪ ЗАПАДНАГО КРАЯ.—**Максима Ковалевскаго** 243

XIII. РЕЛИГІОЗНЫЯ ИСКАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО. — **М. Юшкевича.** 260

XIV. Хроника. — ОКОЛО ЮБИЛЕЯ.—**А. Дживелегова** . . . 281

XV. ВТОРОЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ РЕМЕСЛЕННЫЙ СЪѢЗДЪ. — **А. Малина** 287

XVI. ИЗУЧЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦІИ.—**Н. Карѣева.** 293

XVII. НОВАЯ КНИГА ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ. — **Ник. Василенко** 296

XVIII. ПИСЬМО ИЗЪ МАДРИДА.—**А. Деренталя** 303

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Новый конфликтъ на Дальнемъ Востокѣ.—Русская дипломатическая нота и ея странныя особен-

СТРАН.

ности.—Китайскій отвѣтъ и возстановленіе миролюбія.—Отзывы заграничной печати.—Англійскія дѣла.—Процессъ короля о клеветѣ.—Смерть и похороны Зингера 320

XX. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ.—**К. Арсеньева.** 334

XXI. Е. Н. ЧИРИКОВЪ. — Къ 25-ти-лѣтію его литературной дѣятельности.—**Е. Колтоновской** 348

XXII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина.—Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго, подъ ред. М. Гершензона.—Жизнепониманіе Л. Н. Толстого.—С. И. Спиро. Бесѣды съ Л. Н. Толстымъ.—Б. С. Боднарскій. Библіографія произведеній Л. Н. Толстого.—Н. Н. Златовратскій. Какъ это было. Очерки и воспоминанія изъ 60-хъ годовъ.—**Ч. В — скаго.**—А. И. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. — Леонидъ Андреевъ. Разсказы, очерки и статьи.—**Н. Л.**—П. К. Энгельмейеръ. Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній.—Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и иностранныхъ государствъ. **В. В.**—Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ. Безплатное народное изданіе Е. В. Богдановича.—**Д. К.**—Новыя книги и брошюры . 353

XXIII. ПАМЯТИ Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВА.—**Е. Колтоновской** . . 367

XXIV. ФРИДРИХЪ ШПИЛЬГАГЕНЪ †.* — 1829 — 1911 — **К. Арсеньева** 371

XXV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Юбилей 19-го февраля. — Отклики на юбилей общественныхъ учрежденій. — Молчаніе деревни.—Энергія администраціи.—Царицынская революція монаха Иліодора.—**И. В. Жилкина.** 374

XXVI. ПАМЯТИ МИХАИЛА МАТВѢЕВИЧА СТАСЮЛЕВИЧА: I. Труды М. М. Стасюлевича по древней исторіи.—**В. Бузескула.** — II. М. М. Стасюлевичъ, какъ авторъ исторической хрестоматіи.—**Ив. Гревса.**—III. Книга М. М. Стасюлевича о философіи исторіи.—**Н. Карѣева.**—IV. М. М. Стасюлевичъ, какъ членъ и предсѣдатель городской коммиссіи по народному образованію.—**Павла Потѣхина.**—V. М. М. Стасюлевичъ, какъ гласный думы.—**И. Зубарева.**—VI. М. М. Стасюлевичъ, какъ редакторъ.—**Л. Слонимскаго.**—VII. М. М. Стасюлевичъ, какъ характеръ.—**А. Ѳ. Кони** 390

XXVII. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Юбилей, проведенный согласно „видамъ правительства“. — Университетскій и еврейскій вопросы подъ угломъ зрѣнія академистовъ и съѣзда объединенныхъ дворянъ.—Каторга за университетскую обструкцію.—Исключеніе изъ петербургскаго дворянскаго собранія Е. И. Кедрина и В. Д. Набокова и предложеніе объ исключеніи изъ бессарабскаго—В. М. Пуришкевича. — М. П. Глѣбовъ и І. Е. Мандельштамъ † 427

XXVIII. ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-II 443

XXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 447

XXX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Всякому извѣстно благотворное дѣйствіе **вдыханій эукалиптоваго масла** при кашлѣ, бронхитѣ и вообще страданіяхъ дыхательныхъ путей.
Но ввиду того, что этотъ способъ леченія неудобенъ, требуя особыхъ аппаратовъ, Химико-фармацевтическая фабрика Т-ва

Р. Кёлеръ и К°

выпустила **„Эукалиптовый патъ-пэкторалъ“**, лепешки обладающія въ совершенствѣ цѣлебнымъ свойствомъ, пріятнымъ вкусомъ и удобствомъ примѣненія.

Продажа повсемѣстно.

ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА

инженеръ-механика

Б. В. Членова,

Москва, Мясницкая, д. 29, Александрова.

Телефонъ № 51-59.

Устройство центральнаго отопленія и вентиляціи всѣхъ системъ,

съ гарантіей за отличное дѣйствіе и экономическій расходъ топлива.

Устройство увлажненія и сушиленъ.

Смѣты и предварительные проекты—безплатно.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

М. П. МЕЛЬНИКОВА

С.-Петербургъ, Литейный пр., № 57.

Тел. 82—77. Фирма основ. въ 1888 г.

Высылаю наложеннымъ платежемъ. При болѣе крупныхъ заказахъ требуется задатокъ ¼ суммы. Періодически выходящіе каталоги высылаю безплатно. Составляю и пополняю всевозможныя библіотеки по сходнымъ цѣнамъ по возможности безъ задержки. Цѣны безъ пересылки.

Между прочими предлагаетъ слѣдующія рѣдкія и цѣнныя книги.

P. Larousse. Grand dictionnaire universel. 22 тома въ ред. перепл. безъ цензурныхъ вырѣзокъ. Цѣна 125 руб.

La collectfon Sabouroff. Monuments de l'art grec publiés par Adolphe Furtwaengler. Livraison 15 pris 468 fr. (150 p.) за 75 руб.

Gerardi Mercatoris. Atlas novus, sive descriptio Geographia Totius Orbis Terrarum, Tabulis aenes luculentissimis et accuratissimis exornata, Trives tomis distinctus. Издано въ Амстердамѣ въ 1545 г. (Anno M. DC XXXXV) въ 3-хъ томахъ. Карты всѣхъ странъ въ краскахъ разрисованныхъ рукой. Рѣдкій экземпляръ. До 300 картъ съ объяснит. текстомъ для каждой. Въ пергамент. переплетахъ. Цѣна 100 руб.

Гёте. Фаустъ. Изд. „Маркса". Роскошный экземпляръ. Ц. 15 р.

Вяземскій, П. А. Полн. собр. соч. въ роскошн. перепл. 11 томовъ. Цѣна 50 р.

Гоголя, Н. В. „Мертвыя души". Роскош. изданіе Маркса. Цѣна 12 р.

Бенуа, Александръ. Русскій Музей Императора Александра III. Изд. Гросманъ Кнебель. Въ картонажѣ. М. 1906 (in folio). Ц. 40 р.

Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ. Съ рисунками. 22 книги. Составлено по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1902 г. Ц. 50 р.

Иллюстрированное описаніе перемѣнъ въ обмундированіи и снаряженіи Императорской Россійской Арміи. Рисунки красками. 68 тетрадей. Спб. 1863—1898 г. Ц. 100 р.

Бильбасовъ, В. Исторія Императрицы Екатерины II. Т. I—II и XII. 4 книги. Ц. 50 р.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 6 книгъ (29 томовъ) и указатель въ перепл. Спб. Ц. 25 р.

Слово о полку Игоревѣ. Фототипическое воспроизведеніе 1-го изданія 1800 г. Спб. 1904 г. Ц. 7 р.

Олеарій Адамъ. Описаніе путешествія въ Московію и черезъ Московію въ Персію и обратно. Спб. 1906 г. Въ перепл. Ц. 12 р.

Брокгаузъ-Ефронъ. Энциклопедическій Словарь. 80 томовъ, въ перепл. Ц. 125 р.

Racinet, M. A. L'ornement Polychrome. Deuxième série. 120 planches en couleur or et argent. Art ancien et asiatique. Moyen âge, Rénaissance, XVII, XVIII, XIX siècles. Paris. Librairie de Firmin-Didot et C-ie. Въ картонажѣ. Цѣна 30 р.

Радищева, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1888 г. на японской бумагѣ (экземпляръ № 14). Цѣна 20 р.